

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-11-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-11-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovsky str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublev str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

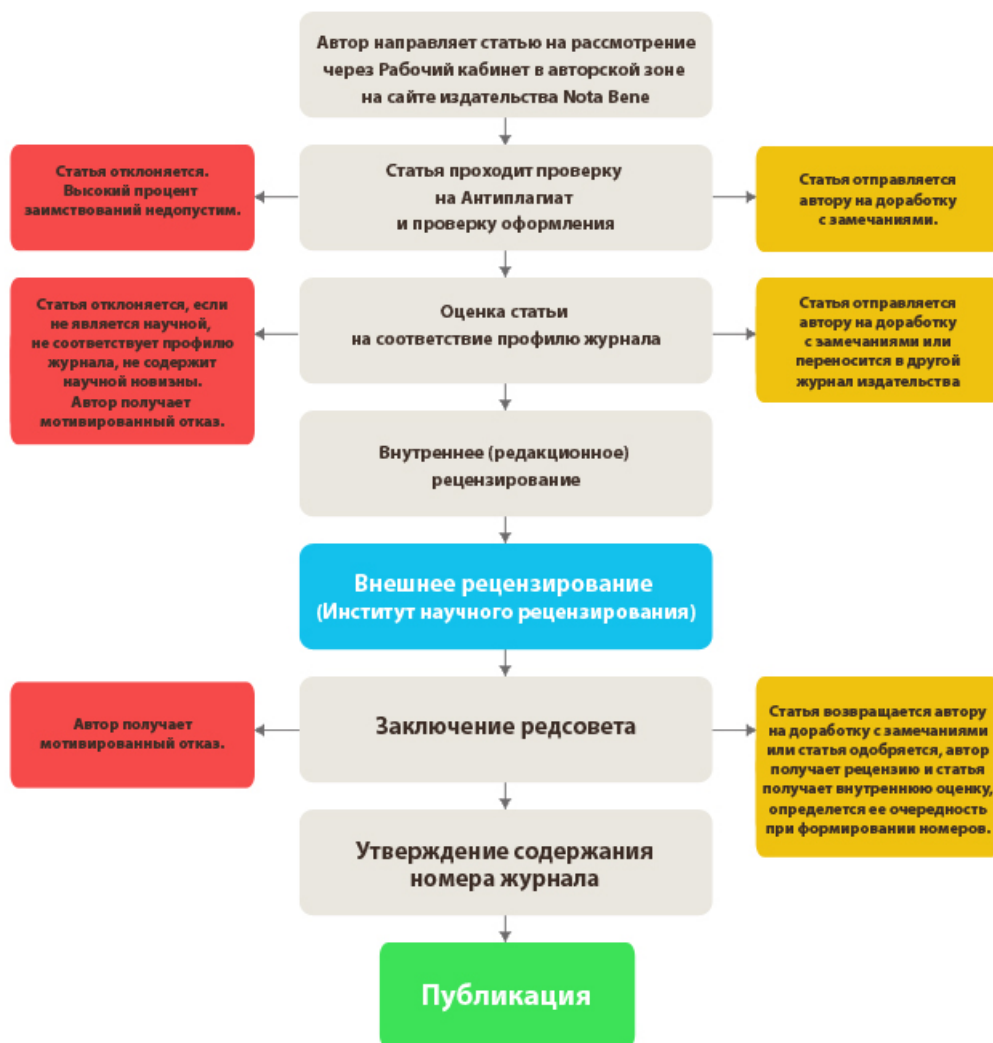
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Ключевский В.М. Неопределённый артикль при именах собственных: семантический эффект оценки	1
Жэнь Ц. Экзистенциалистские идеи в произведении «Жизнь Василия Фивийского»	16
Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Эпиграф как прием контекстуальной поэтики в лирике Альберта Васильева	24
Юсупов Х.А., Темирбулатова С.М. К вопросу о принципах составления двуязычного диалектного словаря (на примере «Хайдакско-русского словаря»)	37
Пендельская Е.А. Эволюция жанровой поэтики рассказа в творчестве Зинаиды Катковой	48
Сафина З.М. Методы количественной лингвистики при исследовании оригинала и перевода художественного текста	56
Ши Л. Когнитивные интенции в диалоге: как экспрессивный синтаксис выражает мнение, аргумент и предположение в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»	65
Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. Элементы магического реализма в романе Махмуда ар-Рахби "Путь околованной"	76
Проданик Н.В. «Пиковая дама» А. С. Пушкина как полижанровый текст: хронотоп, наррация и мировоззрение автора	86
Корниенко С.Ю. Плач как пляс в творческой тетради и книге стихов «После России»: к вопросу об адресате стихотворения Марины Цветаевой «Плач цыганки по графу Зубову»	94
Федорова И.С., Попова М.П. Рассказ Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница»: структура мономифа	108
Поринец Ю.Ю., Высоцкая Д.Д. Мотив любви в романах Г. К. Честертон	120
Го Ч. Исследование зарубежной коммуникации China Media Group: нарративные практики и глобальная экспансия	131
Аюшеева Н.Г., Манелова А.И. Герои и злодеи: бинарные противоположности в романе современной китайской писательницы Шэн Кэи «Сестрички с Севера»	143
Машошина В.С. Идеи в контексте: опыт использования метода концептуального анализа при обучении иноязычному чтению	151
Морозкина Е.А., Исхакова Э.В., Янгирова Г.В. Актуализация рекурсии как вида языковой аномалии при переводе художественного текста (на материале оригинала и перевода романа Дж. Барнса «Попугай Флобера»)	159
Брылева Р.Ф. Сопоставительный анализ пословиц с компонентом-фитонимом (на материале французского и узбекского языков)	165
Яковлева Е.В. Американизмы в романе Л. Падур «Прощай, Хемингуэй!»	173
Шашкова В.Н. К вопросу о разграничении функциональных аналогов, служащих средством номинации участкового уполномоченного, в английском языке	184
Пак Л.Е. Лингвоаксиологические аспекты спортивного интернет-дискурса (на примере спортивных электронных СМИ России и США)	196

Зиновьева М. Семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русском и английском языках: лингвокультурный подход	210
Цзян Ш. Нарративное исследование конструирования национального имиджа Китая русскоязычным каналом CGTN в межкультурной перспективе	228
Поринец Ю.Ю. Образ романтической любви в творчестве П. Г. Вудхауза	245
Сюй Ю., Чжан Ю., Коваленко А.Г. Языковой аспект конфликта в прозе Дины Рубиной: анализ лексических и семантических особенностей	260
Борунов А.Б. Сверхтекст как литературоведческий феномен современности: теоретическое обоснование	278
Поринец Ю.Ю. Мотив потерянного рая в творчестве Г. К. Честертона	290
Чэнь К. Особенности комического в ремарках пьес А. П. Чехова	301
Глазкова М.М. Топосы «дом», «дорога» («путь»), «сад» в романах М. А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам»	309
Пендельская Е.А. Поэтика невысказанного: художественный мир повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл»	324
Бабенко А.С. Репрезентация концепта Дальний Восток в повести Р. И. Фраермана «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви»	335
Овсянников Д.Я., Варфоломеева Ю.Н. Роль констатирующих типов речи в трэвел-текстах	344
Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в прозаическом тексте П.А. Ойунского: модель начала существования, события, действия	354
Кудряшова А.Н., Манжелевская Е.В. Сопоставительный анализ функций эллипсиса в разных функциональных стилях английского языка	364
Зенединова С.Н. Проблема интерпретации модальности в отечественной и зарубежной лингвистике	382
Кондратова Т.И., Попова А.В. Проблема соотношения веры и религии в романе Ма Боюна «Зоопарк на краю света»	391
Бальжинимаева Б.Д., Лаврентьева Н.З. Названия посуды и кухонной утвари для приготовления кумыса и молочной водки в монгольских языках*	399
Кихней Л.Г., Ламзина А.В. Рама текста как семантический код в «антитоталитарных» стихотворениях Анны Ахматовой	412
Чжан И. Анализ концептуальных метафор в экологическом дискурсе с точки зрения формирования имиджа страны (на материале текстов международных экологических выступлений Си Цзиньпина)	423
Шашкова В.Н. Композиционные и языковые особенности аргументативного высказывания в научном дискурсе	434
Смирнова Д.Е., Марков А.В., Шемаева Е.В., Мирошниченко Л.Н. Эмоциональный язык в политическом дискурсе: оценочный подход к анализу речевого воздействия	445
Ляшенко Т.М., Кисловская Л.Ю. Три сестры: утروение архетипического образа в произведениях Ф.М. Достоевского, Ф. Сологуба, А.П. Чехова	455

Contents

Klyuchevskiy V.M. The Indefinite Article with Proper Names: The Semantic Effect of Evaluation	1
REN J. Existentialist ideas in the work "The Life of Basil of Thebes"	16
Savitskaya U.N., Kudryavtseva R.A. The Epigraph as a Technique of Contextual Poetics in the Lyrics of Albert Vasilyev	24
Yusupov K.A., Temirbulatova S.M. On the Principles of Compiling a Bilingual Dialect Dictionary (Based on the Haidak-Russian Dictionary)	37
Pendel'skaya E.A. The Evolution of the Genre Poetics of the Story in the Works of Zinaida Katkova	48
Safina Z.M. Quantitative linguistics methods in the study of the original and translation of a literary text	56
Shi L. Cognitive Intentions in Dialogue: How Expressive Syntax Conveys Opinion, Argument, and Supposition in G. Yakhina's Novel "Zuleikha Opens Her Eyes"	65
Vlasova Y.E., Vavichkina T.A. Elements of Magical Realism in Mahmoud al-Rahbi's Novel "The Way of the Bewitched"	76
Prodanik N. "The Queen of Spades" by A.S. Pushkin as a polygenre text: chronotope, narration and worldview of the author	86
Kornienko S.Y. Crying as a Dance in the "After Russia" book : On the Addressee of Marina Tsvetaeva's Poem "A Gypsy's Lament for Count Zubov"	94
Fedorova I.S., Popova M.P. The story of Vasily Yakovlev "The Larch That Aged with Me": the structure of the monomyth	108
Porinets Y.Y., Vysotskaya D.D. The motif of love in G.K.Chesterton's novels	120
Guo z. Research on Foreign Communication by China Media Group: Narrative Practices and Global Expansion	131
Ayusheeva N.G., Manelova A. Heroes and Villains: Binary Oppositions in the Novel "Sisters from the North" by Contemporary Chinese Writer Sheng Keyi	143
Mashoshina V.S. Ideas in context: the experience of using conceptual analysis while teaching reading skills in a foreign language	151
Morozkina E.A., Ishakova E.V., Yangirova G.V. Actualization of recursion as a type of linguistic anomaly in the translation of literary texts (based on the original and translation of J. Barnes' novel "Flaubert's Parrot")	159
Bryleva R.F. Comparative analysis of proverbs with a phytonym component (based on the French and Uzbek languages)	165
Yakovleva E.V. Americanisms in L. Padura's novel "Goodbye, Hemingway!"	173
Shashkova V.N. The question of differentiating the functional analogues serving as a nomination means for uchastkoviy upolnomochenniy in the English language	184
Pak L.E. Linguoaxiological aspects of sports internet discourse (based on the example of sports online media in Russia and the USA)	196
Zinovjeva M. Semantics and Pragmatics of Expressing Anxiety and Concern in Russian	210

and English: Linguacultural Approach

Jiang S. A Narrative Study on the Construction of China's National Image by CGTN Russian in the Cross-Cultural Perspective	228
Porinets Y.Y. The image of romantic love in the works of P. G. Wodehouse	245
Xu Y., Zhang Y., Kovalenko A.G. The linguistic aspect of conflict in Dina Rubina's Prose: an analysis of lexical and semantic features	260
Borunov A.B. Supertext as a Literary Phenomenon of Modernity: Theoretical Justification	278
Porinets Y.Y. The motif of Paradise Lost in the works of G. K. Chesterton	290
Chen K. Features of the comic in the stage directions of A. P. Chekhov's plays	301
Glazkova M.M. The toposes "house", "road" ("path"), and "garden" in M. A. Kuzmin's novels "The Adventures of Aimé Leboeuf" and "Sir John Fairfax's Journey through Turkey and Other Notable Countries"	309
Pendel'skaya E.A. The Poetics of the Unspoken: The Artistic World of Zinaida Katkova's Novel "The Addressee Has Left"	324
Babenko A.S. Representation of the concept of the Far East in the novel by R. I. Fraerman "Wild Dog Dingo, or The Story of first Love"	335
Ovsyannikov D.Y., Varfolomeeva Y.N. The role of stating speech types in travel texts	344
Sivtseva N.A. Existential Constructions in Prose Text by P.A. Ojunsy: A Model of the Beginning of Existence, Events, and Actions	354
Kudryashova A.N., Manzhelevskaya E.V. Comparative analysis of ellipsis functions in different functional styles of the English language	364
Zenedinova S.N. The problem of interpreting modality in Russian and foreign linguistics	382
Kondratova T.I., Popova A.V. The Problem of the Relationship between Faith and Religion in Ma Boyong's Novel "The Zoo at the End of the World"	391
Bal'zhinimaeva B.D., Lavrent'eva N.Z. Names of dishes and kitchen utensils for preparing koumiss and dairy vodka in Mongolian languages	399
Kikhney L.G., Lamzina A.V. Text frame as a semantic code in the «anti-totalitarian» poems of Anna Akhmatova	412
Zhang Y. Analysis of Conceptual Metaphors in Environmental Discourse from the Perspective of the Formation of Country Image (Based on Xi Jinping's International Environmental Speeches)	423
Shashkova V.N. Compositional and linguistic features of argumentative statements in scientific discourse	434
Smirnova D.E., Markov A.V., Shemaeva E.V., Miroshnichenko L.N. Emotional language in Political Discourse: an evaluative approach to the analysis of speech impact	445
Liashenko T., Kislovskaya L. Three Sisters: Tripling the Archetipal Image in the Works of Feodor Dostoevsky, Feodor Sologub and Anton Chekhov	455
Metadata in english	468

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ключевский В.М. Неопределённый артикль при именах собственных: семантический эффект оценки //

Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76063 EDN: WDHDEJ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76063

Неопределённый артикль при именах собственных: семантический эффект оценки

Ключевский Владимир Михайлович

ORCID: 0009-0001-1772-2793

аспирант; институт иностранных языков; Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

194354, Россия, г. Санкт-Петербург, Выборгский р-н, ул. Сикейроса, д. 12 литера Б

✉ vovakluch@yandex.ru



[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76063

EDN:

WDHDEJ

Дата направления статьи в редакцию:

25-09-2025

Дата публикации:

02-10-2025

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является феномен окказионального употребления неопределённого артикля с личными именами собственными в испанском языке и порождаемый этим семантический эффект субъективной оценки. В работе анализируется, каким образом грамматическое маркирование неопределённости трансформирует референциальный статус уникального имени, переводя его из разряда асемантем в разряд семантем и наделяя обобщённо-типологическим значением. На основе психосистематического подхода Г. Гийома выявляются системные механизмы этой трансформации, связанные с антиэкстенсивной функцией артикля. В результате анализа корпусного материала выделяются и детально рассматриваются три основных типа употребления, реализующих оценочность: референциально-неопределённый, метафорически-типизирующий и ситуативно-ролевой.

Делается вывод о том, что данное явление представляет собой не случайное отклонение от нормы, а грамматически мотивированный приём экспрессивной категоризации, расширяющий оценочные возможности языка. Методология исследования основывается на комплексном применении описательного и контрастивно-описательного методов. Анализ проводится в рамках психосистематического подхода с использованием ключевых концепций актуализации и экстенсивности/антиэкстенсивности, что позволяет раскрыть системные механизмы наблюдаемого явления. Новизна исследования заключается в комплексном анализе феномена употребления неопределённого артикля с именами собственными в испанском языке сквозь призму психосистематического подхода Г. Гийома, что позволило выявить системные механизмы семантической трансформации и предложить детальную семантико-типологическую классификацию употреблений. Основными выводами проведенного исследования являются положение о том, что неопределённый артикль выступает грамматически мотивированным оператором категоризации, снимающим уникальность референта и переводящим имя в режим недискретной экстенсии, что создаёт основу для формирования субъективно-оценочного значения. Особым вкладом автора в исследование темы является выявление и теоретическое обоснование трёх типов оценочных значений (референциально-неопределённого, метафорически-типизирующего и ситуативно-ролевого), демонстрирующих различные векторы антиэкстенсивной актуализации имени собственного.

Ключевые слова:

Испанский язык, Неопределенный артикль, Семантика, Артикль, Антропонимы, Психосистематика, Грамматизация, Актуализация, Детерминатив, Антиэкстенсивный артикль

Введение

В испанском языке, как и в большинстве языков с артиклевой системой, имена собственные традиционно не сочетаются с неопределённым артиклем [1, 126]. С точки зрения психосистематики Гийома, имя собственное представляет собой асемантему – знак, не обладающий понятийным содержанием и не требующий актуализации через артикль для осуществления референции, поскольку его референт уникален и однозначно идентифицируется самой лексической единицей. [2]. Эта уникальность исключает необходимость грамматического маркирования определённости или неопределённости, которая выражается посредством артикля. Однако в различных стилях речи, в частности, художественной литературе, публицистике, спортивной журналистике и разговорной коммуникации, регулярно фиксируются случаи нестандартного, но функционально нагруженного употребления неопределённого артикля с именами собственными, в частности, с именами людей (антропонимами). Речь идёт о таких конструкциях, как *un Napoleón, una Marilyn, un Don Juan, un Judas* и т.п., где неопределённый артикль стоит непосредственно перед именем собственным.

Подобные сочетания, хотя и противоречат норме отсутствия артикля при имени собственном, создают особый семантико-стилистический эффект. Добавление неопределённого артикля инициирует процесс перехода имени собственного в нарицательную категорию или тип. В результате имя собственное наделяется субъективно-оценочным оттенком: говорящий посредством этого грамматического

средства помещает носителя имени в некоторую обобщённую категорию или уподобляет его известному прототипу. Такой приём позволяет лаконично выразить своё отношение к референту — будь то восхищение, ирония, пренебрежение или критика. Как показано в наших исследованиях, посвящённых истории изучения и фразеологии неопределённого артикля в испанской грамматике, сложность семантических и прагматических факторов в современном языке требует детального анализа функций этого детерминатива. Исследование подтвердило, что неопределённый артикль в устойчивых моделях выступает как оператор детерминации, системно регулирующий степень общности/частности интерпретации и выраженность оценки. [\[3, 55-68\]](#).

Объектом исследования в данной статье является феномен употребления неопределённого артикля перед личными именами в испанском языке и возникающий при этом семантический эффект оценочности. Научная задача заключается в описании системных закономерностей и механизмов формирования и типологии оценочного значения, возникающего в ситуации, когда уникальный референт имени собственного подвергается семантической трансформации посредством операции актуализации при помощи антиэкстенсивного артикля. Конкретизируя научную задачу, следует сформулировать вопрос следующим образом: каким образом добавление неопределённого артикля к имени собственному изменяет его референциальный и семантический статус, и какие оттенки субъективной оценки при этом сообщаются?

Гипотеза исследования состоит в том, что неопределённый артикль в испанском языке выступает в роли средства партикуляризации имени собственного, что позволяет реализовать два основных семантических пути: либо актуализацию имени собственного в значении классифицирующей единицы (то есть «один из многих»), либо метафорическая характеристика субъекта через призму известного прототипа («в своём роде»), причём оба пути приводят к возникновению оценочного компонента. Третий, наименее изученный путь, связан с актуализацией одного из потенциальных состояний или дискурсивных ролей идентифицированного референта [\[4\]](#). В испанской грамматической традиции этот феномен описан как "интерпретация, относительная к фазе референта" [\[5, 118\]](#). Конструкция *un + Nombre + complemento* передает идею «одного из различных аспектов данного лица».

Для достижения поставленной цели в работе применяется комплексная методология, сочетающая описательный и контрастивно-описательный методы. Анализ ведётся на основе категориального аппарата психосистематической школы Гюстава Гийома, в частности, с использованием концепции экстенсивности/антиэкстенсивности, актуализации и грамматизации [\[6\]](#). Использование данных теоретических методов работы позволяет рассматривать наблюдаемое явление не как случайное отклонение от нормы, а как проявление глубоких системных механизмов языка, расширяющих его выразительные возможности.

1. Методология и теоретические рамки исследования

1.1. Обзор литературы и теоретическое обоснование

Изучение нестандартного употребления артикля с именами собственными имеет давнюю традицию в романской лингвистике. Испанские грамматисты традиционно фиксировали эти случаи как исключения или как примеры антономасии – стилистической фигуры, при которой собственное имя употребляется в значении нарицательного. Наиболее полное системное описание условий детерминации имён, включая собственные, в рамках функционалистского подхода представлено в фундаментальной работе Лаки, которая

служит отправной точкой для многих современных исследований, включая настоящее. [7, 891-928]. Академическая «Новая грамматика испанского языка» (2009) прямо признаёт, что неопределённый артикль может вводить имя собственное для представления референта как «представитель класса для некоторого прототипа» (*un Séneca*) [8, 808]. Таким образом, грамматическая норма включает в себя допущение такого использования для выражения типологической характеристики.

Работы М. Х. Фернандес (1999) подчеркивают, что при наличии артикля имя собственное перестаёт обозначать исключительно конкретного индивида, а трактуется как название класса или типа объектов [1, 115].

Следуя концепции Леонетти (1999), определённый артикль трактуется как элемент, обеспечивающий связь между лексической информацией имени и контекстуальными знаниями говорящего. В терминах психосистематики Гийома это соответствует экстенсивной функции артикля, который осуществляет операцию идентификации референта именной группы через введение понятия известной информации и уникальности референта, делая номинацию идентифицируемой и доступной в дискурсивном пространстве [9, 800].

Р. Карранса (2008) в своём исследовании семантико-прагматических особенностей употребления артикля перед именем собственным выделяет, что имя собственное в такой конструкции занимает положение не индивида, а роли, заполняемой разными индивидами в разных контекстах, что подтверждает его семантическую трансформацию [10; 308-310]. Кроме того, такие исследования, как работа Матюшенко (2017), детально описывают механизм антономасии во французском языке, но схожий механизм применим для исследований в области испанского языка [11].

Для объяснения системного механизма, лежащего в основе этой трансформации, в данной статье используется психосистематический подход, развитый в работах Г. Гийома. Этот подход позволяет перейти от описания правил к объяснению динамики мыслительных операций, стоящих за грамматической формой [12].

1.2. Терминологическая основа

Центральное место в теории Гийома занимает концепция актуализации имени и тензора экстенсивности. [13] Согласно этой теории, имя существует в двух состояниях: потенциальное имя: абстрактное понятие в системе языка, и реализованное имя — конкретный предмет мысли в речи. Артикль выступает в роли механизма актуализации существительного, осуществляя переход из первого состояния во второе.

Имя собственное (например, *Pedro*) в норме относится Г. Гийомом к асемантемам — единицам, лишённым лексического понятия, которые лишь указывают на уникальный объект, и потому артикль им не нужен. При добавлении же артикля происходит грамматическая операция, которая переводит имя из статуса асемантемы в семантему (нарицательное имя), наделяя его общим понятием.

Для описания динамики объёма понятия (экстенсии) Г. Гийом ввёл бинарный тензор, используемого между границами универсального (общее понятие) и единичного (конкретный экземпляр) [14].

Согласно принятой терминологии, артикли противопоставляются по их воздействию на

экстенсию:

- Определённый артикль (*el, la, los, las*) является экстенсивным. Он маркирует движение, преодолевающее единичность и включающее референт во «вторичный универсум», то есть расширяет объём понятия до целого класса или известного экземпляра [\[15\]](#).
 - El león es un felino peligroso. (Здесь el león обозначает весь класс львов, происходит движение к "универсальному")
 - El estudiante que buscas está en la biblioteca. (Конкретный, идентифицированный референт, известный собеседникам - преодоление единичности через включение в контекст)
 - Me gusta el café de Colombia. (Весь класс/вид колумбийского кофе - расширение объёма понятия)
- Неопределённый артикль (*un, una, unos, unas*) является антиэкстенсивным. Он маркирует движение внутрь: от общего понятия к единичному проявлению, сужая объём значения до отдельного элемента. Таким образом, неопределённый артикль грамматически выражает принцип внутренней множественности (недискретной), подразумевая «какой-то объект из множества объектов».
 - Necesito un lápiz para el examen. (Любой карандаш из класса карандашей - движение от общего к единичному)
 - He conocido a una María muy simpática en la conferencia. (Одна из возможных Марий - принцип внутренней множественности)
 - Un hombre sabio no actuaría así. (Любой/некий мудрый человек как представитель класса - сужение объёма значения)

Употребление *un, una, unos, unas* перед именем собственным совершает операцию расширения экстенционального объёма: уникальное имя превращается в типовое обозначение. В данном случае мы имеем дело с необычным употреблением языкового выражения, раскрывающим скрытые возможности системы. Исторически сам неопределённый артикль развился из словоформы числительного *unus* («один»), которое со временем стало грамматическим актуализатором неопределённости и новизны [\[16\]](#).

1.3. Корпус материала и методы анализа

Корпус материала для анализа был составлен из примеров, извлечённых из разных жанровых источников, что обеспечивает репрезентативность данных:

- Художественная литература: выдержки из романов и рассказов, содержащие контекстные случаи появления *un, una, unos, unas* + имя.
- Публицистика и новостные СМИ: статьи из испанской и международной прессы, включая заголовки и цитаты из новостей и колонок, где активно используются стилистические приёмы.
- Спортивная журналистика: тексты репортажей, где образные сравнения со знаменитостями (например, футболистами) особенно часты и экспрессивны.
- СМИ других жанров: материалы о политике, культуре и проч., где артикль используется для стилистической окраски (например, политические заголовки).

Метод исследования — контрастивно-описательный анализ в рамках когнитивно-функционального подхода. Практический анализ строится на семантико-типологической

классификации, где выделенные группы примеров интерпретируются с точки зрения механизма экстенсии (движения по тензору Гийома) и возникающей при этом прагматической оценки.

2. Артикль и имя собственное: норма и механизмы отклонения

2.1. Имя собственное как асемантема и его референциальный статус

В стандартном употреблении имена собственные в испанском языке не требуют артикля, поскольку они уже единичны и определены. В отличие от имён нарицательных (типа *mesa* «стол»), которые обозначают класс объектов и нуждаются в артикле для перехода из потенции в реализацию, имена собственные не проходят этой стадии. Как отмечает Гийом, имя собственное является асемантемой, поскольку лишено лексического понятия, а лишь указывает на уникальный объект. [\[9\]](#) Поэтому в норме мы говорим *Pedro vino* («Педро пришёл») или *conocí a María* («я познакомился с Марией») без артикля, поскольку референт уже уникален [\[17\]](#).

Использование артиклей с именами собственными в испанском ограничено строго определёнными случаями: определённый артикль в составе названий (*El Cairo*), прозвищ (*el Cid*), фамильярности в разговорном регистре (*la Lola*), или обозначения семей (*los García*). Стоит отметить, что даже употребление определённого артикля с именами типа *la María* встречается, чаще в разговорной речи, и передаёт оттенок фамильярности или уникальности в данном контексте, но не несёт той функции выделения типа или класса, которую реализует неопределённый артикль [\[18\]](#).

2.2. Категориализация имени посредством антиэкстенсивного артикля

Появление неопределённого артикля перед именем собственным говорит о смене референциального статуса имени. Как только имя собственное сочетается с *un, una, unos, unas*, оно перестаёт быть асемантемой и наделяется обобщающим прочтением, начиная функционировать как имя нарицательное ввиду чего и требуется детерминатив [\[10, 345-358.\]](#).

С точки зрения психосистематики, добавление антиэкстенсивного артикля перед именем собственным совершает операцию расширения экстенционального объёма. Неопределённый артикль маркирует движение от общего понятия к выделению единичного проявления, но не достигает полной уникальности. В случае имени собственного, говорящий грамматически разрешает имени иметь более одного носителя или однотипное проявление, и тут же отсылает к одному из них неопределённо.

Л. М. Скредина отмечает, что неопределённый артикль сообщает имени существительного значение недискретности, тогда как определённый артикль задаёт внешнюю, дискретную границу референции [\[14, 308-310\]](#). В результате *Pedro* из конкретного Педро превращается в «какого-то Педро» (то есть одного из многих возможных Педро), а *Napoleón* – в «одного из тех, кто подобен Наполеону (или носит имя Наполеон)».

Эта трансформация имени собственного в семантему объясняет, почему возникает оценочный компонент. Оценка всегда предполагает сопоставление с другими или попадание в определённую категорию. Используя неопределённый артикль и имя, говорящий соотносит индивида с определённой мыслительной категорией (множество тёзок или множество носителей признаков прообраза), и именно это обобщение

становится основой для оценочного суждения.

2.3. Исторический и фразеологический контекст трансформации

Идея о том, что имя собственное может нести не только идентифицирующую, но и = функцию характеристики, особенно актуальна при анализе фразеологизмов. В наших работах о неопределённом артикуле в испанской фразеологии отмечает, что случаи, когда имя собственное полностью лексикализовалось как нарицательное (например, *un donjuán* «любитель женщин», со строчной буквы), демонстрируют завершённую стадию апеллативации. В этих случаях антиэкстенсивный детерминатив выполняет функцию референциальной характеристики, задавая параметры типизации образа и обеспечивая перевод имени из статуса асемантемы в семантему, что является основой оценочного суждения [19, 18–35]. В контексте нашей статьи, конструкции *un Napoleón* или *un Judas* стоят на границе между окказиональной метафорой (ещё собственное имя) и лексикализованной единицей. Во многих языках антономасия требует наличия детерминатива: англ. *a Judas*, фр. *un Tartuffe* [20]. В испанском именно неопределённый артикль выполняет эту грамматическую функцию перевода имени в разряд нарицательного (на ситуативных примерах), создавая основу для сравнения и оценки. Этот процесс сознательного использования артикля в непрямой функции позволил системе использовать имя как ёмкий оценочный инструмент [21, 444].

3. Практический анализ: семантико-типологическая классификация оценочных значений

На основе анализа корпуса, включающего примеры из художественной литературы, публицистики и СМИ, мы выделяем три основных семантико-типологических группы употреблений конструкции *un, una, unos, unas* + имя собственное, каждая из которых реализует особый тип оценочного эффекта:

- Референциально-неопределённый тип (Некий объект).
- Метафорически-типизирующий тип (Новый объект).
- Ситуативно-ролевой тип (Объект в одном из своих проявлений).

3.1. Антиэкстенсивная актуализация с функцией неидентифицируемой референции

В этой группе неопределённый артикль употребляется для обозначения индивида, личность которого не идентифицируется для адресата или не обладает коммуникативной значимостью. Имя собственное функционирует как классифицирующая единица, то есть становится нарицательным, обозначающим класс носителей данного имени.

Механизм трансформации: неопределённый артикль реализует здесь свою прямую антиэкстенсивную функцию: он выделяет один экземпляр из множества (носителей имени), но не идентифицирует его, сохраняя значение неопределённой референции. Имя собственное получает «обобщённое прочтение», что и требует артикля как у обычного нарицательного существительного.

Примеры:

- Нейтрально-информативный ввод: Часто используется в сочетании с *tal* или *cierto*, что подчёркивает отсутствие идентификации.
- «*Esta mañana llamé por usted un tal Diego*» – «Сегодня утром звонил некто по имени Диего». Здесь *un tal Diego* сигнализирует: звонил некий мужчина Диего, личность которого ни секретарь, ни адресат не знают, и что не является существенным для

целей коммуникации.

- *Llegó a la fiesta una Marina que nadie conocía, vestida de rojo...* – «На вечеринку явилась некая Марина, которую никто не знал...». *Una Marina* вводит нового, ранее неизвестного персонажа, акцентируя, что она – просто «одна из возможных Марин».
- Маркирование заурядности и пренебрежения: Артикль позволяет явно выразить, что личность X не играет роли, что передаёт определённое отношение (безразличие или оттенок неиндивидуализированности референта).
- «– *¿Y quién es Juan? – Un Juan cualquiera*» (букв. «какой-то там Хуан»). Здесь *un Juan cualquiera* явно выражает, что человек неважен, ничем не примечателен, «обычный, как миллионы Хуанов».
- *Un tal Juan* (заголовок колонки М. Эскобар). Использование этой конструкции в заголовке может служить для подчёркивания обобщённого образа, воплощающего заурядного, невыдающегося человека.
- В публицистике иногда фамилии без имени используются для обозначения анонимности или малой известности: *"...lo que hace el fiscal... tiene un señor que es el señor Sánchez"*. Здесь *un señor* (некий сеньор) обезличивает известного человека, представляя его как некий «тип», скрывающийся за ярлыком.

Таким образом, в референциально-неопределённом типе артикль выполняет функцию актуализации имени, позволяя говорящему дистанцироваться от идентификации лица, выражая либо незнание, либо преуменьшение значимости.

3.2. Метафорически-типизирующий тип: оценочность через сравнение

В этой наиболее выразительной группе *un, una, unos, unas* + имя собственное используется метафорически для характеристики субъекта через ассоциацию с известным прототипом. Это классическая фигура антономасии, при которой имя-прототип становится символом качества. Неопределённый артикль *un, una, unos, unas* играет ключевую роль: он расщепляет референцию имени и указывает, что референт – лишь «ещё один из подобных ему», то есть является представителем класса, обладающего свойствами прототипа [\[22, 21-29\]](#).

Механизм трансформации: Имя собственное, сохраняя написание с заглавной буквы, грамматически функционирует как нарицательное, обозначая роль или тип. Неопределённый артикль как антиэкстенсивный детерминатив выделяет данный субъект как конкретный экземпляр из недискретного множества образов, связанных с прототипом. Оценочный эффект здесь наиболее ярок, так как зависит от культурно-нагруженных коннотаций, ассоциируемых с именем (например, Иуда = предатель, Наполеон = гений/тиран, Мать Тереза = благодетельница).

3.2.1. Прямое уподобление и квалифицирующая оценка

Этот подтип выражает относительно сдержанную, но положительную оценку, констатирующую высокий уровень мастерства или сходство с прототипом по определённым признакам. Уподобление часто сопровождается оценочными прилагательными или уточняющими словами.

Данный подтип отличается от гиперболы или иронии тем, что оценка является скорее типизирующей, нежели эмоционально-субъективной. Говорящий использует имя-прототип не для того, чтобы полностью отождествить референта с великой личностью, а чтобы лаконично передать специфическую характеристику (талант, стиль, гениальность в какой-либо сфере). Неопределённый артикль здесь выступает в функции

классификатора, помещая референта в категорию, например, "класс талантливых полководцев" или "класс ярких художников". Часто используются дескрипторы *verdadero* («настоящий»), *auténtico* («подлинный»), *nuevo* («новый»), *moderno* («современный»), которые снижают степень метафоризации, делая сравнение более обоснованным и привязанным к реальности.

- *Es un Mozart precoz* – «он – юный Моцарт». Здесь *precoz* (ранний, юный) ограничивает метафору: человек не *тот самый* Моцарт, а лишь обладает его талантами в юном возрасте, что является выражением выдающегося уровня, а не похвалой.
- *La llaman una Frida Kahlo moderna* – «её называют современной Фридой Кало». Добавление *moderna* помещает референта в исторический контекст, утверждая, что она обладает самобытностью и яркостью, характерными для прототипа, но в текущую эпоху.
- *Un verdadero Napoleón en estrategia*. Сочетание *verdadero* и уточнения *en estrategia* фокусирует оценку: речь идёт не обо всех наполеоновских качествах, а о высочайшей компетенции в тактике.
- *tenemos, entonces, a un Cervantes...* (Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes). В контексте публицистического текста, это может означать, что современный автор достиг уровня *Cervantes* по мастерству, то есть является подлинным мастером слова.

3.2.2. Гипербола для эмоциональной оценки

Этот подтип используется для выражения сильнейшей позитивной оценки или абсолютного превосходства. Неопределённый артикль обязателен в эмфатических конструкциях, чтобы подчеркнуть именно фигуральность сравнения.

- *¡Ese pianista es un Chopin!* – «Этот пианист – просто Шопен!». Имя *Chopin* становится эталоном высшего качества, а *un* показывает, что референт причислен к классу гениев, представляя собой идеальный образец.
- *¡Tenemos un Einstein entre nosotros!* – «У нас тут настоящий Эйнштейн!». Здесь *un Einstein* выражает восторг и признание гениальности человека в его среде.
- *Un Messi estratosférico* (заголовок L'Équipe). *Un Messi* здесь — это не просто Лионель Месси, а некое футбольное явление, обладающее высшими, «небесными» качествами. Это гиперболическая похвала, закрепляющая за ним статус мастера в определенном виде спорта.

3.2.3. Ирония и сарказм

Противоположный полюс оценки, где *un* + *имя* используется насмешливо для высмеивания претензий или несоответствия референта образцу. Артикль сигнализирует, что речь идёт о претензии сравняться с образом, тогда как результат комичен или низок.

- *Pues sí, salió todo un Napoleón...* – «Ну да, нашелся здесь Наполеон...», сказано саркастически. *Un Napoleón* здесь — это, скорее всего, мелкий тщеславный человек, иронично названный именем великого полководца.
- *Se cree un Sherlock Holmes porque resolvió un acertijo fácil* – «Он возомнил себя Шерлоком Холмсом, потому что разгадал лёгкую загадку». Конструкция *se cree un* (воображает, будто он) типична для иронической оценки, подчёркивающей несостоятельность претензии.
- *No es ningún Einstein* – «Он вовсе не Эйнштейн». Здесь *ningún* (отрицательная форма неопределённого артикля) подчёркивает, что сравнение с эталоном гениальности не применимо, т.е. человек глуп.

3.2.4. Образно-описательная характеристика и аллюзии

В этом подтипе имя с артиклем служит не для прямого восхваления или критики, а для создания ёмкого эмоционального образа, требующего знания культурного или литературного контекста.

- *Era una Madame Bovary* – «Она была настоящей мадам Бовари». Имя героини романа Флобера означает здесь человека, склонного к мечтательности и хронической неудовлетворённости своей жизнью.
- *Nuestro alcalde es un Caín* – «Наш мэр – Каин». Аллюзия на библейского персонажа Каина намекает на коварство, разрушительность или братоубийство, передавая сильный отрицательный образ.
- *Fue un Nerón*. Здесь *un Nerón* означает жестокого тирана, сжигающего всё вокруг (по аналогии с римским императором, которому приписывается поджог Рима).
- *Se comportó como una Madre Teresa*. В этом случае *una Madre Teresa* обозначает самоотверженного, милосердного человека.

Во всех вариантах метафорически-типизирующего употребления неопределенный артикль выступает как грамматический маркер, указывающий на обобщение уникального имени до ролевого типа. Говорящий использует культурно-нагруженные коннотации имён-прототипов, что придаёт высказыванию экспрессивность и образность.

3.3. Ситуативно-ролевой тип: маркирование фазы или состояния референта

Эта группа наиболее специфична. Артикль *un, una, unos, unas* относится к тому же самому, известному носителю имени, но маркирует его временное состояние, роль или фазу жизни. Референт остаётся тем же, но *un* + имя подчёркивает одно из возможных воплощений его личности. Испанский грамматист М. Х. Фернандес описывает этот феномен как «интерпретацию, относительную к фазе референта» [5, 118].

Механизм трансформации: Говорящий концептуализирует знакомого индивида как совокупность различных «версий» (разные настроения, этапы, роли), и артикль *un* выделяет конкретный экземпляр из этого множественного ряда состояний. Неопределённый артикль смещает акцент с постоянной, интегрированной личности на её временное, частное проявление. С точки зрения Гийома, антиэкстенсивный артикль маркирует конкретный экземпляр из множества возможных состояний/обликов данного лица.

Примеры и оценочный эффект:

- Акцентирование изменения/нетипичности:
- «*En aquel entonces era un Carlos muy distinto del que conocemos hoy*» – «В ту пору это был совсем другой Карлос, не тот, которого мы знаем сегодня». *Un Carlos* в данном случае означает «Карлос образца того времени». Имплицитно может выражаться сожаление или удивление по поводу перемены.
- «*Me crucé con un Javier pensativo y sombrío, nada parecido al alegre compañero de siempre*» – «Мне повстречался какой-то задумчивый, мрачный Хавьер, совсем не похожий на прежнего весельчака». Здесь *un Javier* акцентирует неожиданность увиденного состояния; оценка — имплицитное беспокойство или удивление.
- «*Ayer hablé con un Sven que tenía muchos problemas*» – «Вчера я разговаривал с таким Свеном, у которого было много проблем». Здесь *un Sven* выделяет *Свена в состоянии проблем* из его обычных ипостасей.
- Маркирование политического/публичного состояния: В публицистике этот тип используется для фиксации временной роли или уязвимого состояния известной

личности.

- *Diez días de un Pablo Iglesias más mediático...* Здесь *un Pablo Iglesias más mediático* означает «Пабло Иглесиас в своей более публичном/медийном состоянии». Артикль указывает на временное амплу политика.
- *Un Pablo Iglesias acorralado* intensifica su guerra personal... *Un Pablo Iglesias acorralado* (загнанный в угол) выделяет политика в состоянии уязвимости или обороны, что является сильным оценочным суждением, маркирующим конкретный период его деятельности.

Оценочный оттенок в ситуативно-ролевом типе обычно имплицитный и контекстуальный: он выражает эмоциональную реакцию на изменение или нетипичность знакомого образа.

4. Синтез результатов и теоретическая интерпретация

4.1. Векторная динамика артикля на тензоре экстенсивности

Анализ всех трёх типов употреблений неопределённый артикль + имя собственное подтверждает, что семантика неопределённости (обобщённости) референции, вводимая антиэкстенсивным артиклем, является ключевым фактором, порождающим оценочное значение.

С точки зрения психосистематики Гийома, антиэкстенсивный артикль всегда маркирует движение антиэкстенсивного вектора:

- Референциально-неопределённый тип (*un tal Diego*): вектор движется от понятия «человек с именем Диего») к выбору одного экземпляра, но не достигает полной определённости, оставаясь на стадии неидентифицированного единичного. Имя-асемантема (*Diego*) грамматически помещено на тензор, чтобы быть проанализированным как семантема, и артикль показывает, что он — всего лишь «один из».
- Метафорически-типизирующий тип (*un Napoleón*): Имя-асемантема (*Napoleón*) также помещается на тензор. Вектор *un* снова движется от общего (класса прототипов) к единичному (данный человек как представитель), формируя сравнение или аллюзию. Имя собственное здесь превращается в ёмкий нарицательный концепт, а неопределённый артикль указывает, что референт — лишь «один из носителей» этого концепта.
- Ситуативно-ролевой тип (*un Carlos muy distinto*): В этом случае референт известен, но говорящий мысленно строит внутреннее множество его различных состояний и ролей. Неопределённый артикль выделяет конкретный экземпляр из этого множественного множества состояний, что также соответствует антиэкстенсивному вектору (от множества ролей к одной роли).

В каждом случае неопределённый артикль снимает уникальность, переводя личное имя в режим обобщённой, недискретной референции. Этот переход открывает возможность для оценочных коннотаций, поскольку индивид сравнивается либо с классом тёзок (пренебрежение/заурядность), либо с классом прототипов (восхищение/ирония).

4.2. Роль артикля в оценочном механизме

Главный итог с точки зрения семантического толкования данного явления заключается в том, что неопределённый артикль при имени собственном сигнализирует переход от уникальной идентификации к обобщённой характеристике. В этой игре уникального и типичного и заключён стилистический эффект. Имя собственное, будучи формально

именем лица, превращается в инструмент характеристики, отражая субъективную позицию говорящего.

- В референциальном типе оценочность связана с коммуникативной значимостью (лицо не важно, оно — просто какой-то объект).
- В метафорическом типе оценочность является лексически-обусловленной (через коннотации прототипа: *Наполеон, Иуда*).
- В ситуативно-ролевом типе оценочность имплицитна и связана с фазовой изменчивостью (удивление/сожаление по поводу изменения привычного образа).

Как отмечал Г. Гийом, грамматическая форма отражает мышление. Артикль, будучи грамматическим знаком, позволяет говорящему творчески использовать лексический потенциал имени для выражения своего отношения.

5. Заключение

Проведённый анализ подтверждает, что употребление неопределённого артикля перед именами собственными в испанском языке является системно обусловленным языковым механизмом, а не случайной ошибкой. Этот механизм позволяет расширить выразительные и оценочные возможности речи, вводя уникальный референт в категориальную рамку.

С теоретической точки зрения, результаты подтверждают эффективность психосистематического подхода Г. Гийома. Неопределённый артикль *un, una, unos, unas* демонстрирует свою природу антиэкстенсивного детерминатива, который, вводя имя в сферу недискретной экстенсии (класса), вызывает системный эффект категоризации обобщения. Имя собственное, будучи в норме асемантой, при наличии артикля временно функционирует в режиме семантемы, обозначающей класс или характеристику.

В результате такого переключения имени из уникального в разряд пример класса:

- Снимается характеристика уникальности и известности (*un tal Diego*).
- Приводится метафорическая характеристика (*un Einstein*).
- Маркируется временная привязанность знакомого лица.

Все эти явления подкрепляют идею о том, что категория определённости/неопределённости способна вносить дополнительную информацию о позиции говорящего, его осведомлённости и субъективном отношении к упоминаемому человеку. Выявленные закономерности согласуются с выводами из наших предыдущих исследований о множественности функций неопределённого артикля в испанском языке и подтверждают эффективность терминов граней экстенсивности для описания семантики детерминативов.

Практическая ценность исследования проявляется в двух аспектах:

В лингводидактике знание о возможностях конструкций с неопределённым артиклем и именем собственным позволяет изучающим язык тоньше чувствовать стилистические нюансы, выходя за рамки правила «имена собственные без артикля».

В переводческой практике понимание механизма категоризации облегчает адекватный перевод на безартиклевые языки (например, русский), где оценочный эффект должен быть передан лексически или фразеологически.

Таким образом, использование неопределённого артикля перед именами собственными — это осознанный, грамматически мотивированный приём, переводящий имя из разряда

уникальных обозначений в разряд обобщённых, тем самым выражая субъективную оценку через призму типизации. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на количественном и корпусном изучении частотности данных конструкций в различных жанрах, что позволит углубить наше понимание универсальных механизмов номинации и оценки.

Библиография

1. Fernández R. La gramática del español. Barcelona: Ariel, 1999. 450 p.
2. Тюкалова Н. Е. Имя собственное во французском языке: дис. канд. филол. наук : 10.02.05 / Наталья Егоровна Тюкалова. – Санкт-Петербург, 2005. – 216 с. EDN: NOMEFB
3. Ключевский В.М. История изучения неопределенного артикля в испанской грамматике // Филология: научные исследования. 2025. № 6. С. 55-68. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.75012 EDN: KSRZXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75012
4. Епифанцева Н. Г. Категория детерминации французского существительного в свете концепций Ф. Брюно и Ш. Балли // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1.
5. Fernández Leborans M. J. El nombre propio // Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 1 / Eds. I. Bosque, V. Demonte. Madrid: Espasa, 1999. P. 77-128.
6. Игнатъева Т. Г. Психосистематика как новое направление в языкознании // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2014. № 1 (27).
7. Laca B. Presencia y ausencia del determinante. In I. Bosque & V. Demonte (Dir.), *Gramática descriptiva de la lengua española* (Vol. 1, pp. 891-928). ISBN 84-239-7918-0.
8. Real Academia Española (RAE); Asociación de Academias de la Lengua Española. Nueva gramática de la lengua española. Morfología y sintaxis. Madrid: Espasa, 2009. 2 т.
9. Leonetti M. El artículo // Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 1 / Eds. I. Bosque y V. Demonte. Madrid: Espasa-Calpe, pp. 787-890.
10. Carranza Brito R. Artículo ante nombre propio: matices de significado // LL Journal (CUNY). 2008. № 2. P. 345-358.
11. Матюшенко М. С. Антономазия и телескопия во французских слоганах (на материале прессы) // Вопросы современной лингвистики. 2017. № 5.
12. Скрелина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 386 с. EDN: RYWCNL
13. Guillaume G. Principes de linguistique théorique (éd. posthume établie par H. Bonnefille). Paris: Presses Universitaires de France, 1973. 318 p.
14. Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. М.: Высшая школа, 2009. 367 с. EDN: QUDVHH
15. Gómez S. Uso variable del artículo definido con nombres propios en español moderno. PhD diss. Univ. Zaragoza, 2023. 280 p.
16. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris: Librairie Hachette, 1919. 119 p.
17. García González J., Coronado González M. L. La traducción de los antropónimos [Электронный ресурс] // Dialnet.
18. Horna C. J. A., Tarazona M. A., Lovón M. A. La anteposición del artículo en el nombre propio: usos del español limeño // Boletín de la Academia Peruana de la Lengua. 2018. № 64. С. 77-89.
19. Ключевский В.М. Неопределенный артикль в испанской фразеологии: функционально-стилистический анализ // Филология: научные исследования. 2025. № 9. С. 18-35. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75795 EDN: ZVTMNI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75795

20. Judas // Diccionario del estudiante: [веб-сайт]. – Режим доступа: <https://www.rae.es/diccionario-estudiante/judas> (дата обращения: 27.05.2024)
21. Seco M. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. 10ª ed. Madrid: Espasa-Calpe; 1992. P. 572.
22. Попова В. Б. "Дихотомия "вариативное/типичное" как дейктический потенциал неопределённого артикля" // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 21-29.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Неопределённый артикль при именах собственных: семантический эффект оценки»

Статья посвящена изучению феномена употребления неопределённого артикля с именами собственными в испанском языке, что традиционно воспринимается как отклонение от нормы. Автор ставит целью описать механизмы, при которых личные имена при соединении с артиклем утрачивают статус уникального референта и приобретают категориальное или оценочное значение. Тем самым исследуется динамика перехода имени собственного в область нарицательности и его функционирование как инструмента субъективной оценки.

В работе используется комплексная методология, объединяющая описательный, контрастивно-описательный и когнитивно-функциональный подходы. Особое внимание уделяется психосистематической концепции Г. Гийома (понятия экстенсивности/антиэкстенсивности, актуализации, перехода от асемантемы к семантеме). Материал исследования включает корпус примеров из художественной литературы, публицистики, СМИ и спортивной журналистики. Анализ базируется на выделении семантико-типологических групп конструкций «*un/una* + имя собственное» и их прагматических функций.

Работа отвечает современным тенденциям романской лингвистики, где растёт интерес к нестандартным грамматическим конструкциям и их прагматическому потенциалу. Актуальность также определяется недостаточной изученностью данного явления в испанском языке по сравнению, например, с французским и английским. Важность исследования усиливается его прикладным аспектом: возможность использования результатов в преподавании испанского языка и в переводческой практике, что делает статью полезной не только для теоретиков, но и для практиков.

Новизна статьи заключается в том, что автор рассматривает феномен через призму психосистематики Гийома, что позволяет системно объяснить использование неопределённого артикля с именами собственными не как случайное отклонение, а как закономерный механизм. Автор выделяет три основных типа употреблений (референциально-неопределённый, метафорически-типизирующий и ситуативно-ролевой), демонстрируя их роль в формировании оценочного значения. Таким образом, работа вносит вклад в описание динамики грамматической категории артикля и её семантических эффектов.

Статья отличается строгим академическим стилем, последовательной структурой и логическим развитием аргументации. Введение чётко очерчивает проблему, далее следует теоретический обзор, затем подробный анализ материала, классификация примеров и выводы. Сильной стороной текста является насыщенность примерами, иллюстрирующими различные типы употреблений. Положительным моментом также является ясность объяснений сложных понятий психосистематики. Вместе с тем можно

отметить некоторую избыточность терминологического аппарата, что может затруднить восприятие материала читателем, не знакомым с традицией Гийома. В тексте встречаются длинные фрагменты с обширными цитатами и пояснениями, которые, на наш взгляд, следовало бы сжать.

Список литературы достаточно представительен, включает как классические труды (Гийом, RAE, Fernández, Laca), так и современные публикации (Carranza, Gómez, Попова и др.). Присутствуют ссылки на авторские исследования, что усиливает научный вес статьи.

Автор учитывает различные точки зрения: функционалистскую традицию (Лака), когнитивно-семантические исследования (Фернандес, Леонетти), а также французскую и английскую традицию антономасии. В статье прослеживается полемика с подходом, сводящим явление лишь к стилистическому тропу. Таким образом, работа интегрируется в широкий научный дискурс, но при этом могла бы более активно оппонировать альтернативным интерпретациям, например, в рамках прагмалингвистики или дискурс-анализа.

В статье сделан важный вывод о системной природе употребления неопределённого артикля при именах собственных в испанском языке. Автор убедительно показывает, что данный феномен является грамматически мотивированным и тесно связан с выражением субъективной оценки. Практическая ценность работы состоит в том, что она может быть полезна преподавателям испанского языка, переводчикам, а также исследователям в области романской лингвистики.

В целом статья представляет собой завершённое, теоретически обоснованное и практико-ориентированное исследование, обладающее несомненной актуальностью и новизной. Работа написана в строгом академическом стиле, снабжена богатым иллюстративным материалом и опирается на серьёзную теоретическую базу. Полагаем, что рецензируемая работа может быть рекомендована к публикации без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Жэнь Ц. Экзистенциалистские идеи в произведении «Жизнь Василия Фивийского» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 16-23. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76153 EDN: LGJZPS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76153

Экзистенциалистские идеи в произведении «Жизнь Василия Фивийского»

Жэнь Цзичжао

аспирант, филологический факультет, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117534, Россия, г. Москва, Чертаново Южное р-н, ул. Кировоградская, д. 42 к. 1

✉ 1435284454@qq.com



[Статья из рубрики "Автор и поэзия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76153

EDN:

LGJZPS

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2025

Дата публикации:

08-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является анализ экзистенциалистских идей в повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивийского». Объектом исследования выступает трагическая судьба главного героя – священника Василия, жизнь которого наполнена чередой несчастий, приведших к кризису веры и отчуждению от Русской Православной Церкви. Автор рассматривает такие аспекты, как конфликт между религиозной верой и абсурдом существования, утрата свободы и субъективности под давлением социальных и исторических обстоятельств, а также символическое значение образа Василия для понимания духовного кризиса конца XIX – начала XX века. Особое внимание уделяется интерпретации идей Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и С. Кьеркегора, что позволяет выявить философскую глубину текста и показать, как личная драма героя отражает общенациональные противоречия эпохи. Методология исследования основана

на сравнительно-историческом и философско-литературном анализе, включающем выявление экзистенциалистских мотивов в тексте, их интерпретацию через концепции Сартра, Хайдеггера и Кьеркегора, а также контекстуальное рассмотрение социально-исторической реальности России конца XIX – начала XX века. Основными выводами проведенного исследования являются выявление экзистенциалистских идей в повести «Жизнь Василия Фивийского» и их конкретное проявление в судьбе героя – от веры и надежды до отчаяния и отрицания Бога. Новизна исследования заключается в комплексном подходе: произведение рассматривается одновременно как художественный текст и как философская притча, раскрывающая проблему кризиса веры в условиях социальных потрясений. Особым вкладом автора является показ взаимосвязи личной трагедии священника с коллективным опытом народа, что позволяет интерпретировать произведение как символ кризиса эпохи. Сделан вывод, что крушение веры Василия отражает экзистенциалистскую идею «существование предшествует сущности» и демонстрирует, как религиозные догмы и социальное угнетение ведут к утрате свободы и субъективности, оставляя человека перед лицом абсурда и неизбежности судьбы.

Ключевые слова:

Экзистенциализм, Трагедия судьбы, Кризис веры, Духовный поиск, Абсурд существования, Русская православная церковь, Социально-исторический контекст, Утрата субъективности, Философская притча, Леонид Андреев

«Жизнь Василия Фивийского» представляет собой не только повесть-трагедию, повествующий о судьбе одного человека, но и философскую притчу о духовном поиске и крахе веры. Главный герой, Василий Фивийский, происходя из рода духовенства и с юных лет испытывая на себе всю тяжесть болезней и лишений, следует по стопам отца, однако никогда не находит обещанного Богом спасения. Напротив, сталкиваясь с чередой бедствий – утоплением любимого сына, врождённой недостаточностью перерожденного ребенка, трагической утратой жены, а затем и уничтожением семейного очага вследствие пожара – его душа между верой и отчаянием всё больше расходится, а религия, способная утешать, обращается в оковы для его души.

В позднем XIX – начале XX века в России, когда царское правление находилось на грани краха, а социальные противоречия достигали небывалых высот, государственная Русская Православная Церковь служила важнейшей духовной опорой реакционного режима, и её лицемерие и суеверность всё больше обременяли жизнь народа. Андреев посредством трагедии священника Василия раскрывает глубокую сущность кризиса веры того времени и, с позиций экзистенциализма, поднимает вопрос: возможно ли, в мире, лишённом абсолютного спасения и полном абсурда и страданий, обрести возможность самоискупления?

В настоящей статье осуществляется систематический анализ трудного и искреннего духовного поиска Василия, опираясь на концепцию Сартра «существование предшествует сущности», размышления Хайдеггера о смерти и подлинном бытии, а также тезис Кьеркегора о том, что вера — это страсть. Параллельно проводится критика Русской Православной Церкви и анализа российской социальной действительности, что позволяет глубже осветить экзистенциалистские идеи и исторические уроки, отражённые в произведении.

В повести «Жизнь Василия Фивийского» описывается процесс духовного поиска главного героя. Будучи представителем рода духовенства, его отец сам был священником, и Василий, повзрослев, естественно унаследовал семейное дело. Однако такое происхождение не принесло ему спасения, а наоборот, стало отправной точкой его трагической судьбы. С ранних лет, испытывая на себе груз болезней и страданий, Василий – несмотря на свою набожную веру в Бога – не ощущал милости в реальной жизни. То, что он унаследовал, – это не только религиозные традиции предков, но и судьбоносный жизненный путь, по которому судьба безжалостно издевалась над ним.

В повести священник Василий подвергается череде несчастий, обладающих сильной символической значимостью. Его любимый сын утонул, судьба, казалось бы, насмеялась над ним, а вновь рожденный сын стал нечто вроде полуживотного, лишённого разума. Одновременно жена, измученная затяжной скорбью, сошла с ума, а семейный дом был уничтожен мощным пожаром. Столкнувшись с очередной волной катастроф, Василий проходит через серию духовных поисков – от первоначальной искренней веры до углубляющихся сомнений, а потом до яростного негодования и проклятий. Именно в этих многочисленных испытаниях его вера в Бога постепенно рушится, приводя его к состоянию абсолютного духовного отчаяния.

Экзистенциализм подчёркивает важность свободного выбора и возможности самоопределения смысла жизни. Но жизнь Василия оказывается полностью управляемой внешней судьбой и социальной средой. От юных лет, когда он был изнуряем болезнями и страданиями, до зрелости, когда его семья окончательно распалась, Василий вынужден подчиняться жестокой реальности, словно судьба заранее предопределила его путь и лишила его возможности изменить свою жизнь посредством собственного выбора. Такая абсолютность судьбы является ярким отражением противоречия между ничтожностью, абсурдом и свободной волей, которое и является ядром экзистенциалистской мысли: индивид, сталкиваясь с непреодолимыми внешними силами, даже при отчаянной борьбе постепенно утрачивает свою свободу и субъективность.

Как священник, проповедник, приёмщик исповеди и духовный наставник, Василий полнейшим образом посвятил свою душу Богу, не колеблясь приняв родовое дело. Все его поступки, речи и внутреннее состояние отражали безусловную и всеобъемлющую веру в Бога. Для него священство было не просто профессией, а настоящим смыслом жизни – именно ради божественного начала он ставил всё своё существование в центр веры. Однако за этой, на первый взгляд, крепкой верой скрывалось глубокое чувство безысходности перед лицом суровой реальности и неумолимой судьбы.

С началом череды несчастий – утоплением любимого сына, врожденными недостатками вновь рожденного ребенка, а затем трагедиями, постигшими жену и семейный очаг – первоначальная система верований Василия начинает рушиться и становится всё более шаткой. Его когда-то искренняя преданность Богу постепенно переходит в сомнения относительно молчания и равнодушия Бога, порождая чувство негодования. Перед лицом жестокой и беспощадной реальности религиозная вера оказывается иллюзорной и хрупкой. Его путь духовного поиска демонстрирует постепенное отдаление от прежней набожности – сначала через сомнения в таинственной силе, а затем через полное разрушение веры и самоотречение. Это соответствует воззрению Сартра о том, что человек должен самостоятельно придавать своей жизни смысл, а не возлагать всю надежду на внешние мистические силы, что в конечном счёте ведёт к упадку и отчаянию.

В повести сцена похорон Семёна достигает кульминационного момента как с точки

зрения сюжета, так и философской глубины. Столкнувшись с трупом, уже начавшим гнить, священник Василий, пребывая в состоянии крайнего смещения духовных переживаний и вероисповедания, восклицает: «— Тебе говорю, встань!» [\[1, с. 135\]](#) Это одновременно является вызовом неодолимой власти смерти и отчаявшимся протестом против безжалостного молчания Бога. Его безумное поведение и почти экстатическое выражение лица ярко демонстрируют мучительную борьбу индивида в абсурдном мире, когда, согласно теории абсурда Камю, человек может доказать своё существование лишь посредством крайних мер, если обычные способы оказываются бессильными.

В конце XIX – начале XX века российское общество переживало обострение социальных конфликтов, а царское правление находилось на грани краха. В этих условиях Русская Православная Церковь была провозглашена государственной религией и стала ключевой духовной поддержкой для царского режима. Уже после неудачи восстания декабристов православие было интегрировано в официальный идеологический строй, в результате чего национальное самосознание заняло лидирующую позицию в жизни народа, став одним из «трёх основных принципов». Именно в таком историческом контексте кризис веры, с которым столкнулся священник Василий, стал не только личной трагедией, но и отражением патологического состояния целой эпохи и системы. Когда жестокое угнетение царского капитализма переплеталось с воздействием атеистических идей, искренним и мыслящим верующим неизбежно приходилось сталкиваться с глубоким кризисом веры.

Василий Фивийский вовсе не был обычным верующим. Как авторитетный проповедник, наставник и представитель духовенства, он полностью отдавал себя Богу. Однако, столкнувшись с семейными трагедиями и цепью бедствий, он оказался вынужден открыто выступить против устоев и традиций, подвергнув сомнению правоту и обманчивость Русской Православной Церкви. Этот переломный момент символизирует утрату прежней силы, которая удерживала людей в вере, и знаменует начало утраты авторитета Церкви как инструмента царского режима. Через опыт духовного смятения и краха Василия Андреев не только разоблачает пагубное воздействие Православной Церкви на многочисленных верующих, но и резкой критикой показывает механизмы социального контроля, стоящие за данной религиозной системой.

Повесть сосредотачивается не только на личной трагедии священника, но и рисует целую панораму коллективных образов, пронизанных горем и печалью. Так, одна пожилая женщина, потерявшая всех своих детей и оставшаяся без поддержки, вынуждена жить на подаянии и постоянно приходить в церковь, чтобы исповедать свои «прости», зачастую – за пустяковые мелочи. Под покровом мрака Великого поста невидимые нити, кажется, тянут несчетное количество крестьян к одному месту, где с утра до глубокой ночи исповедующиеся излагали священнику все свои страдания и обиды.

Например, персонаж Семён изображён как человек, полный сострадания, но поражённый тяжёлой судьбой. Он продал лошадей, овец и даже повозку, был вынужден занять муку у старосты, чтобы искупить свой незначительный «грех» – то, что съел подаренный мясной пирог или выкурил сигарету перед причастием, что приносило ему мучительные терзания, и лишь исповедь давала ему кратковременное облегчение. В резком контрасте с ним Трифон предстает как фигура с поразительно фальшивой исповедью, утверждая, что на фабрике ему сломали ногу, оставив лишь обрывки тела; с одной стороны, он не способен претендовать на свои законные права, а с другой – «прощение», полученное им от священника, не избавляет его от страха перед адской

судьбой. Именно в такой обстановке постоянных страданий и духовного отчуждения повесть достоверно демонстрирует, как под двойным гнѐтом православных догм и царского капитализма люди утрачивают свою субъективность и погружаются в бездну отчаяния.

В повести судьба и духовный поиск священника Василия выходят за рамки его личных переживаний и наделяются особой символической значимостью для жителей деревни. От того, как староста в церкви сурово упрѣкивает его за то, что, по его мнению, он стал причиной гибели Семѐна, до того, как крестьяне, столкнувшись с чередой бедствий, начинают воспринимать священника как зловещую фигуру – все это выражает глубокую иронию и одновременно жалость. Люди испытывают сочувствие к страдающим исповедующимся, но при этом отвращены неспособностью духовенства оказать им поддержку; их надежды и разочарования становятся ярким отпечатком преступлений царского капитализма, оставляющих неизгладимый след в судьбах каждого. Таким образом, Василий становится не только жертвой религиозного отчуждения, но и превращается в зловещий символ, воспринимаемый коллективной памятью как предвестник бедствия.

В данном произведении несчастье Василия Фивийского проявляется не только через внешние удары судьбы, но и через глубокое изменение его отношения к Богу. От первоначальной неподдельной веры до последовательных сомнений, негодования и даже проклятий – его тяжѐлый путь духовного поиска наполнен болью и внутренними противоречиями. На алтаре, перед собравшимися, он открыто отрѣкся от Бога и Русской Православной Церкви; это стало крайней формой самоанализа, когда он заявил: «Василий был так видимо обособлен, так непостижимо чужд всему, как если бы он не был человеком, а только движущейся оболочкой его» [\[1, с. 170\]](#). Эти слова стали жарким обвинением в адрес длительной религиозной отчужденности и трагичности его существования.

В русской литературной традиции описания благочестия, послушания Богу и смирения перед судьбой часто воспринимались как добродетели. Например, в повести Толстого «Воскресение» официальная Церковь предстает через призму лицемерия и обмана, однако главный герой продолжает придерживаться православных догм и, в конце концов, обретает нравственное возрождение, воплощенное в «Евангелии от Матфея». В отличие от этого, Андреев в «Жизни Василия Фивийского», через суровый и искренний духовный поиск, кардинально отрицает религиозные оковы. Крик Василия перед трупом Семѐна – «Ему не нужно рая. Тут его дети.» [\[1, с. 200\]](#) – отражает не только его полное отчаяние перед спасительной иллюзией, но и символизирует окончательное ослабление власти религии как инструмента господства. Такой радикальный разрыв с религиозными догмами был редкостью в русской литературе того времени и вызвал бурную реакцию, став толчком для последующего духовного освобождения.

«Жизнь Василия Фивийского», благодаря своему жестокому повествованию о судьбе и глубокому краху веры, ярко демонстрирует экзистенциалистский вопрос о судьбе индивида, возможности свободного выбора и о противостоянии абсурду. Духовный путь священника Василия предстает не только как трагическое преобразование от искренней веры к отчаянию, но и как отражение общенационального кризиса веры, возникшего под гнѐтом жестокого царского капитализма и лицемерных доктрин Русской Православной Церкви. Его переход от слепой верности к горькому отрицанию Бога олицетворяет принципы Сартра («существование предшествует сущности»), размышления Хайдеггера о подлинном бытии через осознание смерти, а также идею Кьеркегора о том, что вера –

это истинное чувство и страсть.

Повесть не только посредством судьбы одного человека раскрывает противоречие между религией и судьбой, но и глубоко критикует Русскую Православную Церковь как орудие царского гнёта, проявляющееся в страданиях верующих и бессилии духовенства. Надежды и разочарования героев становятся наглядным следом преступлений царской системы. Как заметил Ромен Роллан: «Единственная истинная героическая черта – это любовь к жизни, даже когда её жестокая реальность ясна» [\[7, с. 206\]](#). Но в судьбе священника Василия мы видим трагическую картину утраты самости – человека, который, лишённый возможности искупления, бежит в отчаянии. Это служит тревожным сигналом для дальнейших размышлений о природе человека, религии и общества.

Таким образом, детальный анализ «Жизни Василия Фивийского» не только углубляет понимание экзистенциалистского поиска смысла существования, но и демонстрирует, как в условиях крайнего социального и религиозного потрясения вера может быть извращена, а индивидуум оказывается бессилён противостоять предначертанной судьбе и обрести самоискупление.

Библиография

1. Андреев Л.Н. Жизнь Василия Фивейского // Андреев Л.Н. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 3. С. 5-135.
2. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. Н. Любимова. М.: АСТ, 2021. 224 с.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. Н.М. Любимова. М.: Республика, 2004. 120 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Биbihина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с датск. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический проект, 2017. 208 с.
6. Толстой Л.Н. Воскресение. М.: Эксмо, 2014. 512 с.
7. Роллан Р. Жизнь Бетховена / пер. с фр. М.: Музыка, 1985. 206 с.
8. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1948–1950.
9. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1: Агония старого режима. М.: Захаров, 2005. 608 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Экзистенциалистские идеи в произведении "Жизнь Василия Фивийского"»

Статья посвящена интерпретации повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивийского» в свете экзистенциалистской философии, с привлечением концепций Сартра, Хайдеггера, Кьеркегора и Камю. Автор рассматривает духовный кризис священника Василия как отражение не только индивидуального опыта, но и кризиса веры конца XIX — начала XX века в России. Таким образом, предмет исследования сформулирован ясно: выявить экзистенциалистские мотивы в художественной структуре произведения и показать их связь с социально-историческим контекстом эпохи.

Методологически работа опирается на философско-литературный анализ, включающий герменевтический и сравнительный подходы. Автор сопоставляет текст Андреева с ключевыми идеями европейского экзистенциализма, что позволяет выявить внутренние закономерности духовного кризиса героя. Привлечение философских источников (Сартр, Хайдеггер, Кьеркегор) оправдано и аргументировано. Однако методологическую часть следовало бы структурировать более явно — указав, какие принципы экзистенциалистского анализа применяются в каждой части исследования и как осуществляется переход от философской теории к литературной интерпретации. В настоящем виде методология представлена имплицитно, через комментарий к тексту произведения, без чёткой систематизации.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Проблема религиозного кризиса, свободы воли и человеческого выбора остаётся значимой в современной гуманитарной науке. Обращение к Андрееву с позиций экзистенциализма позволяет по-новому рассмотреть русскую литературу рубежа веков, что усиливает междисциплинарную ценность статьи. Автор убедительно показывает, как судьба Василия Фивийского символизирует отчуждение человека от Бога и общества, и связывает это с философским опытом XX века. Вместе с тем можно было бы добавить актуализацию для современного читателя — например, показать, как идеи Андреева соотносятся с постсекулярной проблематикой или с кризисом идентичности в XXI веке.

Новизна работы заключается в том, что повесть Андреева рассматривается не как религиозно-моральная драма, а как экзистенциальная притча, где герой выступает в роли «абсурдного человека» (в терминологии Камю). Автор проводит последовательную линию от веры через сомнение к отрицанию Бога и анализирует этот путь как форму духовного самоисследования. Приведение текстов Сартра, Кьеркегора и Хайдеггера в контекст русского произведения усиливает философскую глубину интерпретации. Новизна также состоит в выявлении социально-исторического фона — связи религиозного кризиса героя с упадком авторитета Русской Православной Церкви и с политической ситуацией конца имперского периода. Этот аспект придаёт исследованию дополнительную социокультурную значимость.

Статья написана в академическом стиле, с чёткой логикой изложения и плавными переходами между частями. Автор демонстрирует глубокое знание философской и литературной базы. Однако структура текста могла бы быть более формализована: отсутствует явное деление на разделы (введение, анализ, выводы), что несколько затрудняет восприятие. Изложение преимущественно аналитическое, но местами чрезмерно перегружено длинными сложноподчинёнными предложениями, что снижает динамику повествования. В целом стиль выдержан, лексика точна и соответствует научному дискурсу.

Список литературы включает девять наименований, среди которых – как первоисточники (Андреев, Толстой), так и философские труды (Сартр, Камю, Хайдеггер, Кьеркегор). Присутствуют также историко-философские источники (Зеньковский, Пайпс). Подбор литературы репрезентативен и отражает междисциплинарный характер исследования.

Автор демонстрирует уверенное владение материалом, однако в тексте практически отсутствует полемика с существующими точками зрения. Было бы целесообразно включить краткий обзор литературоведческих интерпретаций «Жизни Василия Фивийского» (например, в работах Б. Эйхенбаума, Л. Гинзбург, В. Зеньковского) и показать, чем подход автора отличается от них. Это позволило бы подчеркнуть оригинальность позиции и усилить аргументацию. Отсутствие апелляции к предшествующим исследованиям несколько снижает академическую дискуссионность статьи.

Выводы логично завершают исследование: автор приходит к пониманию Василия

Фивийского как символа утраты веры и человеческой самости. Статья представляет интерес для широкого круга филологов, культурологов и философов, исследующих духовные кризисы в русской литературе, а также для студентов, изучающих философию экзистенциализма. Работа убедительно демонстрирует, что Андреев предвосхитил ключевые темы XX века — абсурд, отчуждение, границы веры.

В целом статья представляет собой глубокое и содержательное исследование, основанное на серьёзной философской и литературной базе. Она демонстрирует оригинальное прочтение классического текста через призму экзистенциалистской мысли, что несомненно обогащает современное литературоведение. Высказанные замечания носят преимущественно рекомендательный характер. Полагаем, что рецензируемую работу можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Эпиграф как прием контекстуальной поэтики в лирике Альберта Васильева // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 24-36. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76189 EDN: LGNERW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76189

Эпиграф как прием контекстуальной поэтики в лирике Альберта Васильева

Савицкая Ульяна Николаевна

студент; факультет Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации; Марийский государственный университет

Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлёвская, д. 44

□ Ulyana2407@mail.ru



Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424002, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, каб. 503

□ kudsebs@rambler.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76189

EDN:

LGNERW

Дата направления статьи в редакцию:

03-10-2025

Дата публикации:

10-10-2025

Аннотация: В данной статье актуализирован как предмет литературоведческого исследования эпиграф, рассматриваемый авторами статьи как способ представления контекстуального содержания (способ создания особого художественного пространства в литературном тексте). Цель статьи – выявить особенности эпиграфа как приёма

контекстуальной поэтики в современной марийской лирике на примере одного из ярчайших её представителей – Альберта Васильева. Такая цель впервые заявляется и реализуется в региональной и отечественной литературной науке. Материалом исследования стали стихотворения марийского поэта Альберта Васильева, вошедшие в его последние сборники «□шаныза» (Поверьте) (2007) и «Ош лумышто чеве́р полан» (Калина красная на белом снегу) (2017), имеющие в своей художественной структуре эпиграф (цитату с указанием автора, если он имеется). Методология данного исследования основана на структурно-семантическом, историко-генетическом и контекстуальном анализе литературных произведений. В ходе исследования авторами статьи выявлены основные функции эпиграфа, на основе изучения этого рамочного компонента определены особенности культурного кругозора (контекстуальной компетентности) марийского поэта и специфика его художественного взаимодействия с цитируемыми им авторами. Авторами статьи делается вывод о том, что эпиграф в лирических текстах Альберта Васильева является важным и действенным художественным приемом, представляющим в них многообразные контексты (авторские культурные пристрастия, его мировоззрение, находящее отражение в идейном мире его произведений, авторское окружение, социокультурное и этнокультурное пространство, идеологический контекст и т. д.). Доказано, что эпиграф в творчестве марийского поэта активно участвует в выражении авторской позиции и в формировании художественной идеи лирического произведения. Статья вносит вклад в развитие контекстуальной поэтики – актуального направления современного литературоведения.

Ключевые слова:

Марийская литература, лирика, Альберт Васильев, контекстуальное содержание, контекстуальная поэтика, рамочный текст, основной текст, мотивно-образная система, поэтика, эпиграф

Введение

Контекстуальное содержание в литературном произведении формируется автором в пределах его контекстуальной (культурологической) компетентности; оно включается в художественный текст с помощью различных поэтических средств, составляющих контекстуальную поэтику. «Первый уровень контекстуальной поэтики – это уровень поэтических приемов, с помощью которых автор включает в текст внеположное ему содержание, а именно, аллюзия, цитата, реминисценция, антропоним, топоним, названия произведений искусства, изображение предметов интерьера, эпиграф и т.д.» [\[1, с. 151\]](#)). Предметом исследования в данной статье стал эпиграф, рассматриваемый нами как способ представления контекстуального содержания.

Цель статьи – выявить особенности эпиграфа как приёма контекстуальной поэтики в современной марийской поэзии, а именно, в лирике современного марийского поэта Альберта Васильева. Такая цель впервые заявляется в региональной и отечественной литературной науке. Стихотворения этого автора пока изучались только в рамках анализа тенденций развития современной марийской философской лирики [\[2; 3; 4\]](#).

Материалом исследования стали стихотворения Альберта Васильева, вошедшие в его сборники «□шаныза» (Поверьте) и «Ош лумышто чеве́р полан» (Калина красная на белом снегу); методология исследования основана на структурно-семантическом, историко-генетическом и контекстуальном анализе литературных произведений.

Результаты исследования, обсуждения

Эпиграф не только задаёт эмоциональный тон авторского текста, отражает тему произведения или делает заявку на проблему / проблематику и художественную идею, но и с его помощью «автор отсылает к философским, литературным или историческим источникам, показывая, что текст входит в диалог с более широкой культурной традицией», «эпиграф отражает влияние других авторов, идей или эпох, послуживших отправной точкой для написания произведения» [\[5\]](#), становясь способом реализации контекстуального содержания.

Между эпиграфом (компонентом рамочного текста) и основным текстом произведения всегда обнаруживается смысловая связь (явная, завуалированная, косвенная); исследователи обозначают следующие средства достижения этой связи: «1. единство тем, мотивов, морали; 2. повтор в тексте отдельных элементов эпиграфа; 3. повтор ситуации; 4. единый контекст, эмоциональный ореол; 5. единый характер персонажей для высмеивания или сожаления; 6. семантический параллелизм; 7. указание на пол, время, возраст, социальный статус героев; 8. всеобщность проблемы; 9. художественные доминанты; 10. нарратив-подсказка» [\[6\]](#).

В сборнике Альберта Васильева «Поверьте» (2007) нами обнаружены девять и в сборнике «Калина красная на белом снегу» (2017) семь стихотворений, в структуре которых имеется эпиграф.

Используя в качестве эпиграфа чьи-то слова (фразы), поэт показывает свою связь с культурной средой цитируемого автора, намекает на свои литературные предпочтения, демонстрирует свой культурный багаж, вступает в диалог с цитируемыми авторами – предшественниками или современниками.

Круг цитируемых марийским поэтом авторов позволяет следующим образом характеризовать его культурный багаж и литературные пристрастия, формирующие контекстуальное содержание его стихотворений: в эпиграфах к своим произведениям Альберт Васильев в основном обращается к собратьям по перу – поэтам. Среди них известные русские поэты (Сергей Есенин, Марина Цветаева, Василий Фёдоров, Николай Рубцов, Андрей Дементьев), аварский поэт Расул Гамзатов, поэты Марий Эл – русские (Нина Жибрик, Екатерина Уланова, Николай Михеев) и марийские (Валентин Колумб, Альберт Лаврентьев, Валентина Изилиянова, Галина Кожевникова). Стихотворение «Ит помыжалте шарнымашым...» (Не пробуждай воспоминаний) содержит эпиграф, состоящий из начальной строки знаменитого русского романса «Не пробуждай воспоминаний...» композитора Петра Петровича Булахова на слова неизвестного автора.

Рассмотрим некоторые примеры таких диалогических отношений, заявленных марийским поэтом, и способы создания культурного контекста, рождающегося на связи рамочного и основного текстов.

Альберт Васильев в целом ряде стихотворений повторяет эпиграф или отдельные его элементы в основном тексте.

Примеры буквального повтора в ситуации марийскоязычного цитируемого автора:

Ужар шинча, ит ончо йодын... (Галина Кожевникова)

Ужар шинча, ит ончо йодын... (двойной повтор – в начале первой и последней строфы) [\[7, с. 168\]](#).

Вес тўняште уло, манит, илыш... (Альберт Лаврентьев)

Вес тўняште илыш уло, манит. [\[7, с. 268\]](#).

Примеры повтора в ситуации русскоязычного цитируемого автора (буквальный перевод на русский язык):

Не пробуждай воспоминаний ... (Руш романс гыч)

Ит помыжалте шарнымашым... [\[8, с. 281\]](#).

Время было, но прошло –

Вечность на пороге... (Екатерина Уланова)

Лийын пагыт да эрталын,

Курымашлык лишемеш [\[7, с. 287\]](#).

Встречается смысловой (не буквальный) повтор, но с максимальным сохранением словообразов и мотивов:

Как странно жизнь устроена:

Дурак в чести подчас (Андрей Дементьев)

Кузе чоңалтын илыш,

Кунам умылена?

Сапнам ораде кидыш

Шкеак кучыктенна [\[7, с. 60\]](#).

В данном случае Альберт Васильев переносит в основной текст мотив несправедливого жизнеустройства и образ дурака.

В стихотворении «Ала-кушечын йоҥгышо йоҥксавыш...» (Откуда-то раздающееся эхо...) в основной текст переходит мотив творческой усталости:

Я во сне не летаю,

А падаю вниз (Андрей Дементьев)

Омем денат эсогыл ом чонештыл,

Эре поргемыш веле шунгалтам... [\[8, с. 127\]](#).

Такой же мотив в эпиграфе и основном тексте стихотворения «Пеледын нойышо пеледыш...» (Цветком, уставшим от цветения...):

Пеледышат ноя пеледын... (Валентина Изилиянова)

Пеледын нойышо пеледыш... [\[7, с. 10\]](#).

В этом стихотворении, а также в стихотворении «Окнашке шындые пеледыш...» (Цветы на подоконнике...) в основную часть произведения переносится еще и образ цветов:

Цветы на подоконнике.

Цветы, цветы... (Сергей Есенин)

Окнашке шындыме пеледыш [\[8, с. 172\]](#).

В нижеприводимых примерах мы видим перенос из текста чужого автора мотива полноты любовного чувства:

Время я остановлю:

– *Погоди* –

Я долюблю!.. (Нина Жибрик)

Товатат, йöратен шыч пыtare... [\[8, с. 164\]](#).

Любить немножко –

Грех большой... (Марина Цветаева)

Лиеш мо пелыж наре йöраташ...

Ит төчö пелыж наре йöраташ... [\[7, с. 73\]](#).

В целом ряде стихотворений основной текст, вообще, не повторяет слов и выражений из эпиграфа, но сохраняет с ним безусловную смысловую связь (стихотворения «Молан турня-влак, вуй □мбалне п□рдын...» – «Почему журавли, кружась над головой...»; «Шы вончен шомак шокте гоч...» – «Тихо пройдя сквозь сито слов...»; «Нимо нерген возаш ман...» – «Когда не о чём писать...»; «П□рымашемлан ом □пкеле...» – «Я не обижаюсь ни свою судьбу...»; «Мый такше ир айдеме омыл...» – «Я вообще-то не дикий человек...»).

Во всех стихотворениях, независимо от того, есть ли какой-либо повтор слов и выражений в рамочном и основном текстах, с помощью эпиграфа создается личностный и мировоззренческий портрет цитируемых авторов и, в свою очередь, выявляются и уточняются по принципу единства или противопоставления особенности социокультурных и философско-эстетических взглядов самого Альберта Васильева, которые тоже можно рассматривать как контекстуальное содержание («витальный текст»).

В большинстве случаев прослеживается единство марийского поэта с цитируемым автором, а основной текст лишь продолжает его личностные императивы. Выделим некоторые из таких стихотворений.

В стихотворении Альберта Васильева «Не пробуждай воспоминаний...» в эпиграфе заявлен и в основном тексте художественно реализован мотив прощания (невозвратного завершения любовных отношений), который был основой лирического сюжета и ромansa, откуда взят эпиграф. Марийский поэт продолжает любовную философию неизвестного автора ромansa (невозможно и нецелесообразно возвращать то, что уже давно отгорело и ушло). Будучи согласным с этой философией, Альберт Васильев продолжает её, усиливает драматические ноты, обращая внимание на мотивно-образную конкретику, а именно, на причину расставания («В□ран саскаж ден поланвондо / Чонем те□геч сусыртен» [\[8, с. 281\]](#) – «Кровавыми своими ягодами калина / Вчера моё сердце ранила») и на опасность сложившейся ситуации, требующей разрыва отношений («Шогалынна поргем т□реш» [\[8, с. 281\]](#) – «Мы стоим на краю пропасти»), переключает внимание с

прошлого на будущее («Ит помыжалте шарнымашым – / Эрласылан чыла □шан»^[8, с. 281] – «Не пробуждай воспоминаний / Вся надежда на завтрашнее»).

Слова Андрея Дементьева в эпитафии стихотворения «Откуда-то раздающееся эхо...» задают философскую антитезу, утверждаемую марийским поэтом (прошлое и настоящее, молодость и взрослая жизнь). Дементьевская фраза «Я во сне не летаю, / А падаю вниз» осмыслена Альбертом Васильевым, как и русским поэтом («Для полётов, как видно, / Года мои вышли»^[9]), как признак неизбежного взросления / старения, когда человек обрастает множеством проблем, когда романтика (устремление к небу) сменяется холодной рассудочностью:

Омем денат эсогыл ом чонештыл,

Эре поргемыш веле шунгалтам,

Садлан огеш кўл пўртылташ тенгечыш.

Тора кава деч ынде йўкшенам ^[8, с. 127]

(Даже во сне не летаю,

Только в пропасть всё время падаю,

Поэтому не надо возвращать во вчера.

Похолодел теперь к далёкому небу).

Лирический герой Андрея Дементьева в стихотворении «Я во сне не летаю» (источнике эпитафии) тоже всё время падает во сне в бесконечную пропасть, но живёт ожиданием чуда, улыбки возлюбленной, пытается сохранить «крупички» романтики в безжалостном «колесе жизни». Марийский же автор говорит, прежде всего, о нежелании возвращаться в прошлое, обращается к философским мотивам необратимости жизненных циклов и принятия / примирения с законами жизни.

Эти мотивы, но уже наряду с мотивом смерти, присутствуют и в стихотворении «□мыр ч□ктым□ сортала...» (Жизнь, как зажжённая свеча...); все они заданы эпитафией «Время было, но прошло – / Вечность на пороге...». Поэтические строки Альберта Васильева – это всего лишь подтверждение эпитафических слов Екатерины Улановой:

Кайыш, кайыш, ом чамане.

Кайыман иктаж гана.

Чеверласыме тат манын,

Курымашлык чаклана ^[7, с. 287]

(Ушло, ушло, не жалею.

Когда-то надо уходить.

Признавая [букв. говоря. – У.С., Р.К] момент прощания,

Вечность приближается).

Стихотворение «Тихо пройдя сквозь сито слов...» о полноте любовного чувства сопровождается соответствующей этому содержанию цитатой Николая Михеева «Если

любовь – грех. / Грешники мы с тобой» [\[7, с. 193\]](#); стихотворение с подобной же проблематикой «Лиеш мо пельж наре й□раташ...» (Можно ли любить наполовину...) – цитатой Марины Цветаевой «Любить немножко – / Грех большой...» [\[7, с. 73\]](#); стихотворение «Цветком, уставшим от цветения...» об уставшем от жизни, от борьбы с серостью и беспамятством честном, бескомпромиссном и ответственном поэте – цитатой Валентины Изилияновой «Пеледышат ноя пеледын...» (И цветок устаёт в цветенье) (Альберт Васильев, как и Валентина Изилиянова, утверждает мысль о единстве природы и человеческой жизни); стихотворение «Я не обижаюсь на свою судьбу...» об ответственности самого человека за выбор жизненной траектории и за ее реализацию – заявляющей эту проблему цитатой Николая Рубцова «Мы сваливать не вправе / Вину свою на жизнь...» [\[7, с. 80\]](#).

В стихотворении «Кузе чо□алтын илыш...» (Как устроена жизнь...) (2008) Альберт Васильев продолжает мысль цитируемого в эпиграфе русского поэта Андрея Дементьева о жизненном парадоксе («Как странно жизнь устроена: / Дурак в чести подчас» [\[7, с. 60\]](#)). Продолжая эту мысль, Альберт Васильев проецирует её на механизмы управления общественной жизнью и людьми (дурак, а не умный получает в руки «вожжи» власти), обозначает философию нового времени и психологию людей, выступает с обвинением народа и с беспощадным самобичеванием за политическое невежество, равнодушие, молчание и страх:

Сапнам ораде кидыш

Шкеак кучыктенна [\[7, с. 60\]](#)

(Вожжи наши в руки дурака

Мы сами отдали).

Альберт Васильев заканчивает стихотворение вопросами, обращенными к себе и народу, связанными с надеждой на преодоление социального парадокса:

Кузе чоалтын илыш,

Кунам умылена?

Сапнам ораде кид гыч

Кунам ме налына? [\[7, с. 61\]](#)

(Как устроена жизнь,

Когда поймём?

Вожжи из рук дурака

Когда мы заберём?).

Чужой текст, представленный как эпиграф, на первый взгляд, может не иметь особого смысла, кроме, казалось бы, указания на авторский литературный кругозор и выполнения роли нейтрального зачина. Так, в стихотворении «Цветы на подоконнике...» [\[7, с. 172\]](#) Альберт Васильев демонстрирует свой неподдельный интерес к русскому поэту Сергею Есенину, свою осведомленность – относительно даже не самых известных его стихов, но интересных с точки зрения его творческой лаборатории.

Цитируемые марийским поэтом есенинские строки относятся к стихотворению «Форма» (1924), состоящей из двух частей; первая часть, названная «Своё», начинается как раз словами Сергея Есенина «Цветы на подоконнике...», ставшими эпиграфом васильевского стихотворения; вторая часть названа «Народная. Подражание песенке матери». В комментариях к приложению 1 полного собрания сочинений Сергея Есенина в 7 томах Н.Г. Юсов отмечает: «Форма», видимо, соотносится с размышлениями Есенина о своеобразии поэтических произведений разных жанров, о взаимосвязи со смыслом, содержанием стихов – их ритма, песенности, звукописи и т.д. <...> Пометка «Своё» над первым стихотворением указывает на то, что оно полностью написано поэтом. <...> В подзаголовке второго произведения обращают на себя внимание слова «Подражание песенке матери». <...> Здесь отдельные строки заимствованы из фольклорного источника, имевшего многочисленные варианты» [\[10, с. 417–418\]](#).

Создаётся ощущение, что и у русского, и у марийского поэтов цветы – это нейтральная образная «зацепка» для начала разговора о сложных взаимоотношениях с женщиной, а именно, об отсутствии взаимопонимания, о разности «его» и «её» («Ведь ты такая нежная, / А я так груб» [\[10, с. 191\]](#), и о противоречивости чувств поэта («Мне нравятся две родинки / На лбу крутом» [\[10, с. 191\]](#), «Она такая дурочка...» » [\[10, с. 192\]](#)). Аналогичные размышления о непонимании «его» и «её» есть и у Альберта Васильева:

Кенежым, ом шылте, висвисым

Моткочак мый йӱратенам.

Ик удырлан, аршашым пидын,

Пӱлек шотеш кучыктенам.

Висвислан удыр ыш куане.

Ош розам йӱрата улмаш [\[8, с. 172\]](#)

(Летом, не скрываю, ромашки

Я очень люблю.

Одной девушке, сплетя венок,

В качестве подарка вручил.

Ромашке девушка не обрадовалась.

Оказывается, любит розы).

Но уже со второй строфы васильевского стихотворения обозначается различие в поэтическом мышлении поэтов. Альберт Васильев усиливает мотивы глубокой грусти и страданий поэта и делает это за счет обыгрывания в основном тексте образа цветка на подоконнике и конкретизации цветов, их смыслов, и цветы становятся неотъемлемым элементом лирического повествования (у Есенина этого нет). Вместо любимых ромашек на подоконнике лирического героя ярко зацвела роза (любимые цветы его возлюбленной), ассоциируемая с ненастоящей любовью («Йӱратымашым мый шуаным / Вашлийым угыч йӱсланаш» [\[8, с. 172\]](#) – «Любовь с шипами / Я встретил снова для мучений»). Кроме того, роза зацвела в стужу, а не летом, когда цветут любимые поэтом ромашки, она ещё и с шипами – контрастность образов призвана передать внутреннее

состояние поэта – душевное одиночество. Стихотворение заканчивается вопросами, усиливающими драматизм положения лирического героя: «*Куаныман? / Ойганыман?..*» [8, с. 172] (Радоваться? / Печалиться?). В конечном итоге, «зацепивший» марийского автора и попавший «на перо» нейтральный образ цветов из стихотворения Сергея Есенина (он в круге несомненных интересов автора) начинает участвовать в выражении художественной идеи: настоящая любовь невозможна без духовного равенства, взаимопонимания и взаимоуважения.

В отдельных стихотворениях диалог с цитируемыми авторами носит характер несогласия или «мягкого» противопоставления, негласного спора.

В эпиграфе стихотворения «Я вообще-то не дикий человек...» Альберт Васильев приводит две заключительные строчки стихотворения Николая Рубцова «Дышу натруженно, как помпа...» (относится к числу стихотворений, не вошедших при жизни поэта в сборники): «Поэт нисколько не опасен, / Пока его не разозлят». У Рубцова поэт в творческом процессе любит тишину («Не подходите! Я взорвусь!») и поэтическую «компанию» («Ах, если б в гости пригласили, / Хотя б на миг, случайно пусть, / В чудесный дом, где кот Василий / Стихи читает наизусть! / Читает Майкова и Фета, / Читает, рифмами звеня, / Любого доброго поэта...» [11]; он приемлет и бытовые ситуации (весёлый звонок в дверь, неожиданного гостя и «бал в твоей квартире, / Вино, и музыка, и свет» [11], не нарушающие «привычный лад» и не дающие поводов для опасной злости поэта. Продолжая заявленные в эпиграфе мотивы саморефлексии и человеческого понимания («Моткочак е^тым умылем» [7, с. 86] – «Очень хорошо понимаю людей»), марийский поэт «строит» противоположную рубцовскому (понимание и спокойствие) модель социального поведения равнодушного человека, желающего быть полезным, но поражённого злостью и ненавистью (неслучайно вместо «опасен» используется им слово «ир» – дикий), предупреждая, к чему они могут привести («Шижам мыят пырт ир улмем» [7, с. 86] – «И я чувствую, что дикий малость»; «...чоным арымшудо / Пасуштылак сенен шуктен» [7, с. 86] – «...душу полынь, / как в поле, успела победить»). Стихотворение заканчивается желанием поэта оставаться человеком, снять с души груз зла и злобы («Чонем садлан тынар ит теме / Осал ден, шыде ден т^тргоч» [7, с. 87] – «Поэтому не наполняй так сильно мою душу / Злом, злостью через край»), мыслью о том, что поэт по самой природе своей не может быть злым («опасным», как у Рубцова) человеком, даже если он глубоко разозлён, сильно ранен душой:

Ок лий поэт осал айдеме,

Кеч сусырга тудат моткоч [7, с. 87]

(Поэт не злой человек,

Хотя и он сильно может быть ранен).

В стихотворении «Когда не о чём писать...» Альберт Васильев диалогически взаимодействует с Валентином Колумбом. В колумбовском эпиграфе две части, обозначающие два принципа творческой деятельности – писать надо обо всём («чыла нерген» – принцип правдивости в литературе, требующий изображения мира во всём его многообразии) и качественно («сылнын» – принцип высокой художественности). Альберт Васильев, как будто споря с Колумбом, замечает, что, когда не о чём писать, он не будет писать обо всём (о чём-нибудь, лишь бы писать, просто чтобы «тренировать» свою речь); развивая эту мысль, он отмечает, что он не будет восхвалять ненужное (бессмыслицу,

пустяк) и исписывать горы бумаг («Кагаз дене ом шоно опташ каваным» [8, с. 261] – «Не намерен складывать стог из бумаг»). В стихотворении просматривается и фольклорный контекст, а именно, народная традиция в понимании ценностного значения фактора «речь»: «Верёвка хороша длинная, а слово короткое», «Пустая бочка гремит», «Ложное слово – на три дня, правдивое слово – на века» [См. об этом: 12, с. 45].

Значительная часть основного текста стихотворения «Когда не о чём писать...» утверждает единство марийских поэтов по вопросу о художественном уровне (по-марийски «сылнылык») стихотворных текстов. Важен не объем, а суть (смысл, ядро) («Шагал тек лийже – / Лийже тудо томанрак. / Сай мурым кужыт дене огыт висе» [8, с. 261] – «Пусть будет мало – / Пусть он будет ядристой. / Хорошую песню оценивают [букв. взвешивают. – У.С., Р.К.] не по длине») и художественный уровень:

Чон сусырым сай муро веле паремда,

Илем садлан, сылнылыклан кумалын [8, с. 261]

(Душевные раны излечивает только хорошая песня,

Живу поэтому, молясь красоте).

Обращает на себя внимание специфика смысловой связи эпиграфа и основного текста в стихотворении «Йол йымалне шелышталтше мланде...» (Под ногами растрескавшаяся земля...). Автор цитируемого текста в эпиграфе – земляк Альберта Васильева Альберт Лаврентьев. Приводим слова дочери Альберта Васильева – Надежды Эмыкан (24.09.2025): «Тиде поэт Морко район гыч. Иктаж 1947 ийыште шочшо. Почеламутшым ачай «Марий Эл» газетыште верештын. Посна сборник дене савыкталтын огыл, витне» (Этот поэт из Моркинского района. Родился примерно в 1947 году. Стихотворение отец нашел в газете «Марий Эл». Видимо, в отдельном сборнике не публиковался).

Стихотворение начинается с сомнения лирического героя в правильности слов цитируемого в эпиграфе автора: «Вес т□няште уло, маныт, илыш...» (В другом свете есть, говорят, жизнь...) – и с мысли о невозможности их проверить. Эпиграф становится толчком к размышлениям автора о самом себе: что ему уготовила ночь? возьмут ли его в рай, если у него нет денег, чтоб его купить? а что у него есть вообще? чем он отличается от красиво цветущей, но пустой лебеды на поэтическом поле? нужны ли поэты (певцы) в этой, реальной, жизни? Отвечая на эти вопросы, поэт замечает, что у него нет денег, чтобы купить вход в рай, но вход в рай он мог бы оплатить своей хорошей песней, а также своим бесстрашием («Шелышталте йол йымалне мланде. / Ом кора□ мый – порволаш ом л□д» [8, с. 268] – «Растрескавшаяся под ногами земля. / Не отойду я – не боюсь провалиться») и светом души («Й□ленам мый шемын огыл – кандын» [8, с. 268] – «Горел я, не чернея – голубея»).

Эпиграф активно участвует в выражении авторского отношения к событиям, явлениям, людям из реального мира – к внеположному тексту содержанию, ставшему объектом размышлений и переживаний лирического героя. Так, стихотворение «Почему журавли, кружась над головой...», написанное в 1997 году под впечатлением вооруженного конфликта в Чечне в 1994–1996 годах, получившего название первой чеченской войны, содержит смысловую преемственность реальных времён и событий: «с кровавых не пришедшие с полей» солдаты Великой Отечественной войны, защищавшие родину от внешнего врага (эпиграф – строчки из стихотворения Расула Гамзатова); невозвращение с войны как трагедия всех войн в мире (начальная строфа

стихотворения Альберта Васильева: «Молан чылан салтак гыч огыт пöртыл, / Ужаргынек сар тулышто йöлат?» [8, с. 116] – «Почему не все возвращаются с солдатства, / Сгорают, вплоть до молодых (букв. зелёных. – У.С., Р.К), в огне войны?») – невозвращение с войны, разгоревшейся уже в современности внутри страны («Адак чылан салтак гыч огыт пöртыл...» [8, с. 117] – «Опять не все возвращаются с солдатства»).

Стихотворение передаёт глубокие переживания поэта по поводу продолжающейся гибели молодых («ужар» – «зелёных») солдат – уже в новой, никому не понятной войне («А кö тушман, ок пале нигöат» [8, с. 116] – «А кто враг, не знает никто»), но кому-то очень выгодной («Кöлан гын ойго, а кöлан гын шöртньö» [8, с. 117] – «Кому-то горе, а кому-то золото...») и нужной («Да кöн титакшым адакат тöрлашлан / Ужар салтакты тулышко колтат?» [8, с. 116] – «И чтоб опять исправить чью ошибку, / Зеленых солдат отправляют в огонь?»).

Для усиления своих переживаний по поводу трагедии войны Альберт Васильев обращается к экспрессивной детали-параллели, содержащей заявленный в эпиграфе образ журавлей: «Молан турня-влак, вуй öмбалне пöрдын, / Торашке öжын, йöс кычкырат?» [8, с. 116] (Почему журавли, кружась над головой, / Вдаль зовя, тяжело кричат?) – по поводу войн вообще (в начале стихотворения); «Пöрдеш турня, чон йöсы кычкырен» [8, с. 117] (Кружится журавль, крича, измучившись душой) – по поводу чеченской войны (в конце стихотворения). И так же, как Расул Гамзатов, Альберт Васильев представляет журавлей как символ боли, памяти и предостережения.

Заключение

Итак, эпиграф в лирических текстах Альберта Васильева является важным и действенным художественным приемом, представляющим многообразные контексты (авторские культурные, литературные пристрастия, его мировоззрение и нравственные ориентиры, находящие отражение в идейном мире произведения, авторское окружение, социокультурное и этнокультурное пространство и т.д.). Определяя контекстуальное содержание стихотворений, эпиграф выступает и в основной своей функции – выражение авторской позиции и художественной идеи произведения.

Библиография

1. Кудрявцева Р.А., Старыгина Н.Н., Крылова О.С. Локализация пространства как способ организации художественного текста (на материале русской и марийской литературы): коллект. монография / Мар. гос. университет; сост. Р.А. Кудрявцева; науч. ред. Н.Н. Старыгина. Йошкар-Ола, 2025. 162 с. EDN: TMLWUI.
2. Любимов Н.И. Философия природы в лирике Альберта Васильева // Litera. 2022. № 7. С. 91-100. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.ptp-id=38466 (дата обращения: 10.09.2025).
3. Любимов Н.И. Образ ветра в социально-философской лирике Альберта Васильева // Филология: научные исследования. 2023. № 6. С. 47-58. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.6.40980 EDN: RTVUOW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40980
4. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: коллективная монография / Мар. гос. ун-т; Р.А. Кудрявцева, Н.Н. Старыгина, Н.И. Любимов и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2022. 181 с.
5. Эпиграф // Словарь литературоведческих терминов. URL:

<https://foxford.ru/wiki/literatura/epigraph> (дата обращения: 15.09.2025).

6. Чернорицкая О. Эпиграф // URL: <https://rexgolg.ru/page1> (дата обращения: 20.09.2025).

7. Васильев А.А. Ош лумышто чевер полан: почеламут аршаш. Йошкар-Ола: Марий книга издательстве "савыктыш пöрт", 2017. 344 с.

8. Васильев А.А. Ёшаныза: ойырым почеламут-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2007. 296 с.

9. Дементьев А. Я во сне не летаю // URL: <https://www.culture.ru/poems/8719/ya-vo-sne-ne-letayu> (дата обращения: 06.10.2025).

10. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в семи томах / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука – Голос, 1995. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в "Собрание стихотворений". 536 с.

11. Рубцов Н.М. Стихотворения, не вошедшие при жизни поэта в сборники // URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php-name=Poezia&go=page&pid=41707> (дата обращения: 29.09.2025).

12. Глухова Н.Н., Кудрявцева Р.А. Этнические ценности мари // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). Ч. II. С. 44-47. EDN: PWGFKB.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию специфики функционирования эпиграфа как приема контекстуальной поэтики в творчестве современного марийского поэта Альберта Васильева. Автор сосредотачивается на особенностях взаимодействия эпиграфа и основного текста, подчеркивая роль первого в формировании общего художественного замысла произведения. Этот аспект ранее не получал достаточного внимания в отечественных исследованиях, что подчеркивает оригинальность выбора предмета изучения.

Автор применяет комплексный подход, включающий структурно-семантический, исторический и контекстуальный анализы. Эти методы позволяют раскрыть глубинные смыслы эпиграфов и установить взаимосвязи между ними и основными частями стихотворений. Такой подход помогает показать, каким образом эпиграфы формируют культурно-исторический фон творчества поэта и отражают его эстетические взгляды.

Исследование актуально ввиду недостаточной разработанности вопросов контекстуальной поэтики в современных литературоведческих трудах. Исследование эпиграфа как элемента поэтики расширяет горизонты восприятия художественных особенностей творчества Альберта Васильева, обогащая понимание его лирики и способов выражения авторских интенций.

Научная новизна заключается в подробном изучении эпиграфа как важного компонента структуры стихотворений, определяющего их культурологический подтекст. Работа открывает новые перспективы для исследований контекстуальных практик в марийской литературе и формирует базу для дальнейших научных изысканий в области межтекстовых связей и влияния культуры на творчество писателя.

Стиль изложения выдержан в академической традиции, характеризуется четкостью формулировок и ясностью аргументации. Однако местами заметна некоторая перегрузка

терминологией, что затрудняет восприятие материала. Например, понятие «контекстуальная поэтика» могло бы быть пояснено подробнее, особенно для читателей, не знакомых с данным направлением филологии.

Работа выстроена последовательно: введение вводит в тематику исследования, далее следуют описание методов, материалов и результатов, заключение подводит итоги проделанной работы. Однако распределение объема материала неравномерно: основное внимание уделено отдельным примерам, тогда как общие теоретические положения представлены недостаточно подробно.

Содержание статьи богато иллюстративным материалом, подкрепленным обширной библиографией. Примеры показывают разнообразие форм взаимодействия эпиграфа и основного текста, однако иногда возникает впечатление чрезмерной детализированности, отвлекающей от общей картины. Возможно, стоило выделить ключевые моменты, сделав упор на наиболее яркие случаи проявления функций эпиграфа.

Список использованной литературы обширен и охватывает как фундаментальные труды по теории литературы, так и современные монографии и статьи. Это свидетельствует о тщательной подготовке автора и глубоком погружении в тему.

Автор, к сожалению, не приводит критических отзывов исследователей по данному направлению, ограничиваясь собственным мнением. Было бы полезно включить обсуждение альтернативных точек зрения и полемику с существующими теориями, что повысило бы убедительность выводов.

Выводы сформулированы ясно и лаконично, подчеркивают значимость проведенного исследования для расширения представлений о механизме формирования культурных контекстов в поэзии. Они подтверждают первоначальную гипотезу о важной роли эпиграфа в построении целостного художественного мира произведения.

Статья будет интересна исследователям марийской литературы, специалистам по сравнительному литературоведению и студентам филологических специальностей. В целом, работа, несмотря на вышеуказанные недочеты и замечания, соответствует предъявляемым требованиям и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Юсупов Х.А., Темирбулатова С.М. К вопросу о принципах составления двуязычного диалектного словаря (на примере «Хайдакско-русского словаря») // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76193 EDN: LQUHRZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76193

К вопросу о принципах составления двуязычного диалектного словаря (на примере «Хайдакско-русского словаря»)

Юсупов Хизри Абдулмаджидович

ORCID: 0000-0003-3195-722X

кандидат филологических наук

заведующий отделом; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы; Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

367008, Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, Кировский район, ул. Арухова, д. 5, кв. 3

✉ h-yusupov@mail.ru



Темирбулатова Сапияханум Муртузалиевна

ORCID: 0000-0001-7526-3831

доктор филологических наук

главный научный сотрудник; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы; Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, ул. Гайдара Гаджиева, д. 12а, кв. 67

✉ sapiiakhanum@mail.ru



[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76193

EDN:

LQUHRZ

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2025

Дата публикации:

14-10-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена описанию особенностей составления двуязычного диалектного словаря на примере «Хайдакско-русского словаря». Хайдакский диалектный язык (входит в состав даргинского национального языка) распространен на территории Кайтагского района Республики Дагестан (36 населенных пунктов). В статье рассмотрены основные принципы составления диалектных словарей на дагестанских языках, а также формы представления диалектных единиц в словаре. В статье рассматриваются особенности оформления словника диалектного словаря, подбора дефиниций. Основной задачей проектирования двуязычного диалектного словаря является разработка структуры словаря. Немаловажное значение имеет также разработка словарной статьи, которая представляет собой основную структурную единицу словаря. Большое внимание уделяется вопросам использования словарных дефиниций, выделений и знаков, а также употребления помет. При написании статьи использовались в основном традиционные методы: метод сплошной выборки – для выявления иллюстративного материала исследования; описательный метод – для характеристики словарных дефиниций. Метод выборки проводился как из словарей и фольклорных материалов. Были использованы и полевые материалы авторов. С помощью описательного метода объяснены структура словаря и словарной статьи. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые описан проект диалектного словаря даргинского языка. Новизной является также выработка теоретических основ и практического опыта по составлению диалектного словаря. Такие элементы структуры словаря, как зона помет и зона иллюстративного материала не были исследованы в предыдущих исследованиях. Для сохранения и сбережения хайдакского языка-диалекта для истории, для сравнительных и сопоставительных исследований необходимо создать полноценный словарь с охватом около 7 тысяч слов в качестве заглавных. Составление такого словаря и его применение в дальнейшем в образовательных и научных контекстах будет способствовать сохранению хайдакского языка. Подбор материала, в т. ч. материала, помещаемого за ромбиком помогают не только пониманию значения вокабулы, но и правильному употреблению данного слова в речи. Составление проекта «Хайдакско-русского словаря», описание его макроструктуры и микроструктуры может оказаться полезным в лексикографической практике по составлению подобных словарей по другим языкам и диалектам народов Дагестана.

Ключевые слова:

диалектная лексикография, хайдакский язык-диалект, диалектный словарь, структура словаря, словник, словарная статья, словарные дефиниции, вокабула, иллюстрация, помета

Введение.

Описание бесписьменных языков, равно и диалектов – одна из важнейших задач дагестанского и кавказского языкознания. В настоящее время, когда интенсивно идут процессы урбанизации, приводящие к нивелировке диалектов и говоров, когда младенцы во многих семьях начинают говорить не на родном языке или диалекте, говоре, а на русском языке, диалектная лексика должна быть зафиксирована, документирована, иначе она может быть утрачена. «Исследование диалектной и отраслевой лексики (сбор и систематизация), – пишет М. Ш. Халилов, – также остается важнейшей задачей дагестанской лексикологии так как многие диалектные слова и

термины, связанные с отраслевой лексикой, с народными промыслами, теряются и исчезают из-за происходящих процессов нивелировки диалектов. Все это должно быть сохранено и спасено для науки, для воссоздания истории языков и народов» [\[1, С. 306\]](#).

Основной целью настоящей статьи является выработка теоретических основ и практического опыта по составлению диалектного словаря. Конкретная цель работы – составить, на основе обобщения и систематизации существующего опыта составления двуязычных национально-русских словарей, «Хайдакско-русский словарь», отвечающий требованиям сегодняшнего дня.

В соответствии с поставленной целью решались следующие задачи:

- 1) осуществление перевода заглавных слов на русский язык с подбором эквивалентов всех значений леммы (при отсутствии эквивалента осуществить пояснительный перевод);
- 2) подбор необходимого иллюстративного материала, в т. ч. материала, помещаемого за ромбиком (устойчивые сочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки и т. д.);
- 3) синхронного описания лексических единиц с применением статистического, сопоставительного и структурного методов;
- 4) написание предисловия, инструкции составления словаря «О построении словаря»; краткого грамматического очерка; русско-хайдакского словаря (указателя), антропонимикона (списков личных имен), ойконимии Кайтага (наименований населённых пунктов), микротопонимии нескольких хайдакских селений.

Актуальность настоящего исследования обусловлена неизмеримо возросшим интересом людей к собственной (национальной) культуре и родному языку. «Вопрос о диалектных словарях является актуальным и интересным, поскольку они представляют собой инструмент для понимания и анализа сложных и противоречивых явлений в различных областях лингвистического знания, таким образом, являясь решением для более глубокого изучения и познания языка» [\[2, С. 44\]](#).

Словарь бесписьменного языка представляет собой, строго говоря, тот же диалектный словарь, являющийся, в сущности, словарем диалектного языка. Согласно академику Г. Г. Гамзатову, существенные особенности не только по своим целям и задачам, но и по своему характеру, типу обнаруживают словари отдельных диалектов и диалектных языков. В силу целого ряда характерологических черт словарь этого разряда даже «более лингвистичен» по сравнению со словарем языка, прошедшего школу литературной нормы. При лингвистической ситуации, обусловленной многоязычием, как ни парадоксально, более актуальным, приоритетным, оптимальным представляется составление словаря языка, существующего лишь в своих диалектах, равно как и словари бесписьменного языка [\[3, С. 4- 28\]](#).

В настоящее время хайдакский диалектный язык функционирует в основном в разговорно-бытовой сфере. Языками обучения, делопроизводства и межнационального общения являются даргинский литературный и русский языки. На хайдакском говорят более двадцати тысяч человек. Под названием Кайтагский (кайтакский, хайдакский) – диалект даргинского языка внесен в «Красную книгу языков народов России» [\[4, С. 82\]](#).

Основная часть.

За последние сорок лет изданы пятнадцать двуязычных переводных словарей по

дагестанским бесписьменным языкам. Накоплен значительный опыт по их составлению. Однако дагестанская лексикография фактически не располагает ни теоретическими выкладками, ни практическими работами по составлению двуязычных диалектных словарей. Единственной работой подобного рода является «Кубачинско-русский словарь», изданный 2017 году. Лучше обстоит дело с подготовкой диалектологических словарей дагестанских языков (словарей, изучающих диалекты как раздел языкознания). Так, например, уже изданы диалектологические словари агульского языка (2003), аварского языка (2008), даргинского языка (2022), цезского (дидойского) языка (2023). Диалектологический словарь лезгинского языка готовится к изданию. Между тем, опыт составления «Даргинско-русского словаря» [5] и «Кубачинско-русского словаря» [6] послужил определённым подспорьем для создания «Хайдакско-русского словаря». Также определенную помощь в составлении словника и подборе эквивалентов при переводе слов на русский язык оказали «Диалектологический словарь даргинского языка» [7] и «Русско-даргинский словарь» [8]. По мнению некоторых исследователей, «специфика лексикографируемого объекта, многообразие задач, решаемых диалектными словарями, их пограничное положение между исторической и синхронной лексикографией с одновременным включением в оба жанра – все это ставит перед диалектной лексикографией целый ряд сложных вопросов теоретического и практического характера» [9, с. 216].

«Хайдакско-русский словарь» имеет определенную и достаточно устойчивую структуру, о которой мы даем ниже краткую информацию.

Мегаструктура словаря:

- 1) вводная часть словаря (вступительная статья академика Г. Г. Гамзатова, предисловие, о построении словаря, условные сокращения);
- 2) корпус словаря (совокупность словарных статей на буквы от А до Я);
- 3) приложения (русско-хайдакский указатель, грамматический очерк, микропонимы, антропонимы, использованная литература).

Макроструктура словаря – порядок расположения словарных статей (в нашем словаре является алфавитным сплошным, т. е. вокабулы располагаются в строгом алфавитном порядке).

Микроструктура словаря (т. е. структура словарной статьи) – для диалектного «Хайдакско-русского словаря» структурными компонентами (зоны) словарной статьи являются:

- 1) заглавное слово (вокабула – реестровое слово, входная единица словника, лексический вход словарной статьи);
- 2) зона значения (даются толкования всех лексических значений слова; используются разные способы толкования словарных дефиниций: описательные, синонимические, отсылочные;
- 3) зона форм (указываются грамматические категории: часть речи, род, вид, число и т. д.);
- 4) зона помет (кроме существительного, прилагательного и глагола принадлежность слова к какой-либо части речи обозначается пометами: *мест.*, *нареч.*, *числ.*, *последлог*,

межд., союз, частица и т. д.);

5) иллюстративный материал (словосочетания, которые дают дополнительную характеристику смысловых особенностей слов);

6) «заромбовая зона» (после ромба даются фразеологические обороты, устойчивые выражения, фольклорный материал и т. д.).

Словник словаря – совокупность заглавных слов, образующая левую часть словаря (в основном представлен лексикой санчинского говора хайдакского языка-диалекта). Словник диалектного словаря состоит из лексем (слов в «основной форме»).

Лексикографические пометы. Заглавные слова в необходимых случаях в целях стилистической характеристики снабжаются пометами в соответствии с приведённым списком условных сокращений. В словаре употребляются следующие виды лексикографических помет:

1) грамматические пометы: принадлежность слова к какой-либо части речи (кроме существительного, прилагательного и глагола) обозначается соответствующими пометами: *мест.* (местоимение), *нареч.* (наречие), *числ.* (числительное), *послед.* (междометие), *союз, частица* и т. д.; число обозначается: *ед.* (единственное число), *мн.* (множественное число). Например: **д у** *мест.* «я»; **гъарахъли** *нареч.* «далеко»; **гъей** *межд.* «эй»; **алмас** *ед. и мн.* «алмаз» и т. д.

2) семантические пометы: *перен.* (переносное). Например: **кІана** а) платок; б) *перен.* облако, клубок.

3) терминологические пометы: научно-технические и другие термины, слова, употребляемые в какой-либо специальной области, снабжаются пометами, указывающими на сферу их применения: *спец.* (специальный), *рел.* (религиозный), *хим.* (химический), *физ.* (физический), *бот.* (ботанический), *мед.* (медицинский), *анат.* (анатомический), *зоол.* (зоологический), *с.-х.* (сельскохозяйственный) и т. д. Например: **гІялхІям** *рел.* «сура корана»; **ликка** *анат.* «кость»; **кІацІ** *анат.* «селезенка»; **деркки** *бот.* «мушмула»; **невш** *мед.* «лимфоузел»; и т. д.

4) стилистические пометы: *поэт.* (поэтический), *разг.* (разговорный). Например: **шахли биччув дубура** *поэт.* «инеем спалённая гора»; **паргъатли угара** *разг.* «вести себя хорошо (спокойно)» и т. д.

5) эмоционально-экспрессивные пометы: *шутл.* (шутливое), *вульг.* (вульгарное), *ругат.* (ругательное), *бран.* (бранное), *благоп.* (благопожелание), *прокл.* (проклятие). Например: **бац кабикав, арц дикав** *шутл.* пусть месяц пройдет, деньги достанутся; **ккваччи пишни** *ругат.* подлые выходки; **тІутІукьякьяли веркь!** *прокл.* да пропадет он пропадом!

6) хронологические пометы: *устар.* (устаревшее), *ист.* (исторический), *нов.* (новый). Например: **на па кь а** *устар.* «обеспечение, жалование, зарплата», **паранг** *ист.* «француз, европеец» и т. д.

7) статистические пометы: *редко, реже, обычно* и т. д.

Кроме того, в словаре используются указатели хайдакских говоров: *Барш* (баршмайский), *Джиб* (джибахнинский), *Ирч* (ирчамульский), *Карц* (карацанский), *Ктг* (каттагнинский), *Санч* (санчинский), *Шурк* (шурккантский) и т. д.

Пример словарной статьи:

БЕКІ¹, -ли, -ла; **бикІи**; 1) голова, башка; **духху бекІ** трезвая голова; **бекІла маь** головной мозг; **ляцІ бекІ** лысая голова (букв. блестящая голова); 2) *перен.* глава, голова, начальник, шеф, руководитель; **администрацияла бекІ** глава администрации; **шилла бекІ** глава села; **хъалибаркла бекІ** глава семьи. " **БекІ букана** фраз. приставать, надоедать (букв. голову съедать). **БекІ чихъбарара** возгордиться (букв. поднять голову). " **БекІла вакъкъа** череп (букв. коробка головы). " **БекІе гьатара** погов. посадить на голову (избаловать). **БекІ биччахан, гьу тІимя!** погов. если любите голову, ну-ка ноги! " **Ила бекІ белкы!** прокл. чтоб твою голову разбили. " **Цинна бекІ гьабич!** прокл. да отсекут его голову!

БЕКІ², -ли, -ла; **бикІи**; 1) головка; колос, початок; **шержила бекІ** головка чеснока; **ачІалла бекІ** колос пшеницы; **гьажилачІалла бекІ** початок кукурузы; 2) глава, раздел; **китавла цаибил бекІ** первая глава книги.

БЕКІ³ *кр. ф. прил. от бекІил*; главный, основной, решающий; **бекІ багъна** главная причина. " **БекІ игит** *лит.* главный герой. " **БекІ душман** злейший враг (букв. главный враг).

Как из приведенных нами примеров видно, что «еще одной проблемой при разработке словарных статей является выявление омонимов, нередко это связано с отсутствием этимологических разработок лексикографируемых диалектных данных» [\[10, С. 62\]](#).

К заглавному слову-существительному всегда даются форманты эргатива **-ли**, генитива **-ла** и множественного числа. Особенностью хайдакского языка-диалекта является наличие вариативности в употреблении подобных формантов (**-ли, -ла; -лли, -лла; -ни, -на; -нни, -нна**).

В зоне значения использованы следующие типы словарных дефиниций (способы толкования значений): описательная, синонимическая, отсылочная (деривационная). Каждая из дефиниций отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций, которые дополняют друг друга. Если говорить о специфике дефиниций в диалектном словаре, то в зоне толкования могут встречаться языковые факты разного характера. В. Д. Табанакова считает, что «проблема словарной дефиниции термина мало разработана. Пока нет однозначного понимания терминов "определение", "дефиниция", "толкование", "описание". Не выработаны требования к форме и содержанию лексикографического определения термина в зависимости от типа словаря и от особенностей самого термина. ...Нет еще комплексных исследований теоретического и практического планов. В практическом плане было бы интересно проследить и описать все существующие разновидности определения термина во всех типах словарей, в теоретическом – разработать модели возможных словарных дефиниций» [\[11, С. 86\]](#).

Различают следующие типы словарных дефиниций (способы толкования значений): описательная, синонимическая, отсылочная (деривационная).

1. *Описательная дефиниция* определяет значение слова путём указания на явление реальной действительности, что сводится к определению родового понятия и набора дифференциальных (различительных) признаков. Для примера можно привести статью из словаря:

ГЪАБИГЪ, -ли, -ла; -и фруктовая связка (связанные между собой фрукты, подвешиваемые к потолку – способ хранения фруктов); **хъярала гъабигъ** связка груш; **гынцала гъабигъ** связка яблок.

2. *Синонимическая дефиниция* раскрывает значение слова через тождественные или близкие по значению слова. При переводе слова дается его эквивалент на русском языке. Пример:

БетИжил прич. надоедливый, тоскливый; назойливый, капризный, занудный; **бетИжил далай** грустная (тоскливая) песня; **бетИжил аргъ** надоедливая тоскливая погода; **ветИжил уртахъ** надоедливый товарищ; **ретИжил умра хьулум** назойливая соседка; **бетИжил хІянчи зузбитІун** надоедливая работа затянулась.

3. *Отсылочная дефиниция* содержит характеристику мотивирующего значения слова и сохраняет мотивирующие и мотивированные связи значений. Отсылка становится отсылочным определением лишь тогда, когда является единственным определением в словарной статье. Например, самостоятельными статьями в Словаре иногда с отсылкой к исходному слову без перевода с грамматическими формами даны каузативные глаголы:

барахара «заставить сделать» *понуд.* от **барара** «сделать»;

булчІахана «заставить учиться» *понуд.* от **булчІана** «учиться».

В тех случаях, когда противопоставленные видовые пары глаголов образуются супплетивным способом, самостоятельными статьями даются и глаголы несовершенного вида: **луккана** «давать» (*сов.* беккара «дать»); **лукІана** «писать» (*сов.* белкІвана «написать») и т. д.

В целом, иллюстративный материал даёт полную характеристику смысловых особенностей слов. Переводы с пометой *букв.* (буквальное значение) помогают читателю лучше понять заглавное слово, например: лысая голова (*букв.* блестящая голова), приставать, надоедать (*букв.* голову съедать) и т. д. Богатый материал содержится в так называемой «заромбовой» зоне. В двух статьях приведенных для примера 9 выражений (4 устойчивых выражения, 2 поговорки, 2 проклятия, 1 литературоведческий термин). В соответствии с этим, «диалектный словарь можно назвать условно закрытым свертхтекстом. В его основе лежит алфавитный порядок размещения словарных статей, следовательно, он имеет маркированный конец, характеризуясь завершенностью» [\[12, С. 9\]](#).

Таким образом, словарная статья представляет собой основную структурную единицу словаря и состоит из заголовочной единицы и её описания. По словам Л. П. Ступина, словарная статья представляет собой «относительно автономный раздел словаря, в котором представлена многосторонняя характеристика слова или какой-либо другой единицы языка» [\[13, С. 47\]](#).

Анализ лексического материала проводится путем выявления значений хайдакских слов и точного, лаконичного перевода их на русский язык. Диалектное метаязыковое сознание в настоящее время становится объектом исследования лексикографов. Именно *диалектные слова* являются ценным источником изучения этимологии, словообразования, словоизменения, семантического развития, семантических сдвигов слов. В некоторой степени, *диалектные слова* являются памятниками старины. Для писателей знание диалектов помогает воссоздать картину описываемых событий и добавить в нее реалистичности. Для лингвистов, писателей, учителей даргинского языка

и литературы изучение *диалектных слов* является таким же ценным, как для историков *сохранение артефактов, музейных экспонатов и историческое описание событий*. Проследивание динамики развития словарного состава языка, фиксация исчезающих лексических единиц и сохранение их для последующих поколений как реальное отражение исторического наследия, представляет собой одну из важнейших задач лингвистики.

При оформлении словарных статей немаловажное значение имеют выделения и знаки. «В лексикографии для маркировки разных зон используются разные выделения. Графические выделения помогают читателю определять типы информации, представленные в словарной статье. Дагестанской лексикографией используются способы графического выделения, принятые в русской лексикографической традиции» [\[14, С. 43\]](#).

В диалектном словаре хайдакского языка-диалекта использованы следующие выделения: полужирный шрифт (вокабула, фразеологизмы), курсив (пометы), ромб (фразеологизмы) и т. д.

Используются также следующие знаки: точка (конец словарной статьи), запятая (однородные примеры), точка с запятой (зона толкования каждого из значений), дефис (выделение окончания вокабулы), квадратные скобки (варианты словарных единиц), круглые скобки (пояснительный текст), косая черта (варианты значений, фонетические варианты), две косые черты (выделение части вокабулы) и т. д.

Заключение.

В статье проанализирован проект диалектного словаря, созданного на материале хайдакского языка-диалекта, а также особенности структуры словарной статьи. В частности, рассмотрено использование иллюстративного материала в словарных статьях.

Отмечено, что диалектный словарь содержит лексикон с максимальной лингвистической информацией и развернутыми иллюстрациями. В словарных статьях используются большие диалектные тексты, фольклорные источники. В словаре максимально полно представлена вся лексика, которую удалось зафиксировать. Общеизвестно, что диалектные словари охватывают лексику, отсутствующую в словарях литературного языка или имеющую в диалектной речи отличия в морфемной структуре или значении. Эти принципы соблюдаются при создании словаря диалектной лексики хайдакского языка-диалекта. Особенностью данного словаря является и то, что представлена не только лексика (с фиксацией фонетических вариантов говоров), но и фразеология санчинского говора.

Библиография

1. Халилов М. Ш. Лексика бежтинского языка. Махачкала: Институт ЯЛИ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2023.
2. Хуан С. К вопросу о диалектных словарях // Власть истории и история власти. 2024. Т. 10. № 1 (51). С. 44-50. EDN: ABNPSY.
3. Гамзатов Г. Г. Языковой мир Дагестана, к вопросу о состоянии и перспективе лексикографического освоения // Проблемы лексикологии и лексикографии северокавказских языков. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2010. С. 4-28. EDN: SAATUR.
4. Алексеев М. Е., Темирбулатова С. М. Кайтагский (кайтакский, хайдакский) – диалект даргинского языка // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь

справочник. М.: Academia, 2002.

5. Юсупов Х. А. Даргинско-русский словарь. М.: Издательство "Перо", 2017. EDN: ZXUEFH.

6. Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И. Кубачинско-русский словарь. М.: Наука, 2017. EDN: XMHNWX.

7. Темирбулатова С. М. Диалектологический словарь даргинского языка: более 50000 диалектных вариантов слов. Махачкала: Типография Алеф, 2022. DOI: 10.33580/9785001289197 EDN: ZMZGEZ.

8. Юсупов Х. А. Русско-даргинский словарь. М.: Издательство "Перо", 2025.

9. Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004.

10. Мызников С. А. Сводный диалектный словарь: некоторые проблемы семантического описания // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. № 3. С. 60-64. DOI: 10.18101/2686-7095-2021-3-60-64 EDN: DWQPPK.

11. Табанаква В. Д. Виды словарных определений // Вестник Тюменского государственного университета. 1999. № 4. С. 86-92. EDN: TTTIOZ.

12. Белякова С. М. Диалектный словарь как вид сверхтекста // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 5-16. DOI: 10.17223/22274200/15/1 EDN: SHNFJF.

13. Ступин Л. П. Лексикография английского языка. М.: Высшая школа, 1985.

14. Юсупов Х. А. Словарная статья: структура и способы оформления // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. Махачкала, 2012. № 1. С. 42-46.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «К вопросу о принципах составления двуязычного диалектного словаря (на примере "Хайдакско-русского словаря")»

Автор обращается к проблеме теоретического и практического осмысления принципов составления двуязычного диалектного словаря на материале хайдакского диалекта даргинского языка. Исследование носит лексикографический характер и направлено на разработку научных основ создания словаря бесписьменного языка. Рассматриваются вопросы отбора лексики, структурирования словарных статей, систематизации помет и типов дефиниций, а также приводится описание мегаструктуры, макро- и микроструктуры будущего «Хайдакско-русского словаря». Предмет статьи чётко очерчен, соответствует современным задачам сохранения и документирования малых языков России, что придаёт работе не только научную, но и культурно-просветительскую значимость.

Методологическая база статьи отличается комплексностью. Автор опирается на статистический, сопоставительный и структурный методы анализа лексических единиц, сочетая теоретические подходы отечественной и кавказской лексикографии с практическими приёмами словарной фиксации. Особое внимание уделено разработке микроструктуры словарной статьи: выделены все её зоны, описаны типы дефиниций (описательная, синонимическая, отсылочная), классифицированы лексикографические пометы (грамматические, стилистические, терминологические, эмоционально-экспрессивные, хронологические и др.). Такой системный подход свидетельствует о высокой методической культуре автора и позволяет рассматривать статью как своего рода методическое руководство для будущих составителей диалектных словарей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения исчезающих диалектов и языков Дагестана, что прямо подчёркивается во введении. Автор верно отмечает, что процессы урбанизации и русификации ведут к утрате традиционных говоров, поэтому фиксация лексики становится задачей первостепенной важности. В этом контексте работа не просто академическая, а также социально значимая: она вносит вклад в сохранение языкового наследия и этнокультурной идентичности народов Кавказа. Таким образом, актуальность исследования не вызывает сомнений и полностью соответствует направлениям современной гуманитарной науки, особенно в рамках этнолингвистики и лексикографии бесписьменных языков.

Научная новизна статьи заключается в разработке целостной концепции двуязычного диалектного словаря для бесписьменного языка. Автор впервые систематизирует принципы организации словаря хайдакского диалекта, определяет структуру словарных статей, типы дефиниций и специфику иллюстративного материала. Значительным является и введение понятия «заромбовой зоны» как отдельного лексикографического элемента, включающего фразеологизмы, пословицы и проклятия — это придаёт словарю этнолингвистическую глубину. Кроме того, статья демонстрирует попытку унифицировать диалектные пометы и графические средства оформления, что делает её ценной для дальнейшей стандартизации дагестанской лексикографии.

Статья отличается логичной структурой: введение, основная часть и заключение соотносятся с поставленными задачами. Автор пишет ясным научным стилем, избегает избыточных цитат и демонстрирует уверенное владение терминологией. Особенно ценным является наличие конкретных примеров словарных статей (например, «БЕКІ», «ГЪАБИГЪ»), иллюстрирующих принципы построения словника. При этом в тексте встречаются незначительные стилистические шероховатости и повторы, свойственные черновым вариантам (например, дублирование характеристик дефиниций), которые не снижают общего научного уровня. Материал изложен последовательно, аргументация подкреплена обширными примерами, а теоретические положения логично увязаны с практикой составления словаря.

Список литературы включает 14 источников, среди которых как современные (2021–2025 гг.), так и классические работы по лексикографии (Козырев, Черняк, Ступин). Включение трудов Г. Г. Гамзатова, М. Ш. Халилова, С. М. Темирбулатовой и Х. А. Юсупова показывает глубокое знание региональной научной школы. Однако можно рекомендовать расширить список за счёт публикаций по общей и компьютерной лексикографии (например, отечественные и зарубежные исследования по электронным и корпусным словарям), что подчеркнуло бы современный контекст работы.

Автор корректно взаимодействует с предшественниками, ссылаясь на ключевые труды, избегая полемической резкости. Тем не менее, в тексте чувствуется стремление обозначить собственную позицию — например, утверждение о «более лингвистичном характере диалектных словарей по сравнению с литературными». Такой подход делает статью открытой для научной дискуссии: можно ожидать интереса со стороны специалистов по дагестанской лексикографии, лексикологов и этнолингвистов.

Заключение резюмирует все основные положения исследования и подчёркивает практическое значение разработанного проекта словаря. Работа несомненно вызовет интерес у исследователей кавказских языков, преподавателей вузов, студентов-филологов, а также у специалистов по теории лексикографии. Для читателя статья полезна как методологический образец и как пример осмысленного подхода к сохранению языкового наследия.

Статья представляет собой зрелое научное исследование, в котором сочетаются теоретическая глубина и практическая направленность. Автор демонстрирует высокий уровень компетенции, владение источниками и научный стиль изложения. Полагаем, что

представленная работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пендельская Е.А. Эволюция жанровой поэтики рассказа в творчестве Зинаиды Катковой // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76236 EDN: LRZFJO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76236

Эволюция жанровой поэтики рассказа в творчестве Зинаиды Катковой

Пендельская Елена Александровна

аспирант, институт национальной культуры и межкультурной коммуникации; Марийский государственный университет

Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44

✉ elen8080@list.ru



[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76236

EDN:

LRZFJO

Дата направления статьи в редакцию:

08-10-2025

Дата публикации:

15-10-2025

Аннотация: В данной статье прослеживается эволюция жанровой поэтики малой прозы марийского билингвального писателя второй половины XX века Зинаиды Федоровны Катковой. На материале шести её рассказов, написанных 1958–1979 годах («Чужой», «Возвращение», «Маленький Самар», «Помоги мне в тебя влюбиться», «Нежданный гость» и «Ради любви»), выстраивается характерная для прозаика жанровая типология, определяются особенности развития жанрового содержания и жанровой поэтики рассказа. В центре внимания автора статьи такие уровни и свойства поэтики, как психологизм, композиция, хронотоп, художественная деталь; значительное место уделено приметам жанрового синтеза и способам формирования подтекста. Выявляются основные векторы жанровой трансформации рассказов – от социально-обусловленного психологизма к экзистенциальному, от простой композиции к сложным нарративным

структурам. Методологическую основу данного исследования составляет соответствующий цели работы синтез структурно-семантического, историко-генетического и сравнительно-типологического анализа литературного текста. Впервые выстроена картина развития жанровой поэтики рассказа Зинаиды Катковой и доказано, что малая проза Зинаиды Катковой представляет собой уникальный пример последовательной и органичной эволюции жанровой системы в русскоязычном творчестве национального автора. Рассказы Зинаиды Катковой 1950–1970-х годов не только демонстрируют рост индивидуального мастерства, но и отражают общие тенденции развития российской прозы второй половины XX века: динамику психологизма от социальной рефлексии к экзистенциальной саморефлексии, трансформацию хронотопа от замкнутого пространства к открытому и психологизированному, усложнение поэтической системы, четко прослеживаемому, например, в изменении характера художественной детали, движение к сложному жанровому синтезу и жанровой гибридизации, нарастание роли подтекста. Созданный Зинаидой Катковой на последнем этапе её творчества уникальный тип психологического рассказа, синтезирующий традиции русской классической литературы и особенности национального мировосприятия, представляет значительный интерес для дальнейшего изучения и заслуживает достойного места в истории российской литературы.

Ключевые слова:

Марийская литература, Зинаида Каткова, русскоязычная проза, транскультурный писатель, рассказ, жанр, жанровая типология, поэтика, динамика жанра, психологизм

Введение

Творчество писателя-билингва Зинаиды Катковой представляет собой значительное явление в русскоязычной линии марийской литературы второй половины XX века. Её рассказы, созданные в период с 1958 по 1979 год, демонстрируют редкую для национального автора эволюцию художественного мастерства, отражающую общие тенденции развития отечественной малой прозы этого периода.

В настоящее время имеется немало работ, посвященных рассмотрению жанровой поэтики марийскоязычного рассказа [\[1; 2; 3\]](#); русскоязычный марийский рассказ иногда попадает в поле зрения исследователей [\[4, с. 161–173; 252–258\]](#), но не становясь предметом системного анализа.

Соответственно, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью системного изучения творчества национальных авторов, писавших на русском языке, в контексте общероссийского литературного процесса. Диахронический анализ малой прозы Зинаиды Катковой позволяет выявить внутренние закономерности становления её индивидуального стиля и особенности трансформации в её творчестве жанра рассказа.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые выстраивается картина развития жанровой поэтики рассказа Зинаиды Катковой на всём протяжении её творчества, при этом эволюция рассказа рассматривается с акцентом на векторы жанровой трансформации рассказов и на специфические механизмы развития жанровой системы писателя.

Цель исследования – выявить и проанализировать основные направления эволюции

жанра рассказа и художественной поэтики в прозе Зинаиды Катковой.

Материал и методы. Исследование основано на анализе шести рассказов: «Чужой» (1958), «Возвращение» (1964), «Маленький Самар» (1969), «Помоги мне в тебя влюбиться» (1972), «Нежданный гость» (1975), «Ради любви» (1979). Методологическую основу данного исследования составляет соответствующий цели работы синтез структурно-семантического, историко-генетического и сравнительно-типологического анализа литературного текста.

Результаты исследования, обсуждения

1. Ранний период (1958-1964): становление жанрового канона

Ранний период творчества Зинаиды Катковой характеризуется поиском собственного художественного языка и освоением традиционных жанровых форм.

«Чужой» (1958): рассказ-притча. Дебютный рассказ автора демонстрирует черты жанра притчи с ярко выраженной социально-нравственной проблематикой. Центральный мотив «чуждости» разрабатывается через систему символических деталей. Пространство рассказа – *«полутемная комнатенка»* с *«узкой железной кроватью»* [\[5, с. 92\]](#) – приобретает характер замкнутого, трагического мира, в котором герой переживает экзистенциальное одиночество.

Знаковая деталь — ветка цветущей яблони за окном — функционирует как сложный символ: с одной стороны, это образ вечно обновляющейся жизни, с другой — навязчивый шёпот «Чужой...», становящийся звуковым воплощением мучительного прозрения героя. Композиция строится как ретроспектива, где настоящее постоянно корректируется осознанием ошибок прошлого.

«Возвращение» (1964): рассказ-катарсис. В этом произведении происходит переход к лирико-психологическому повествованию. Жанровая структура усложняется: рассказ приобретает черты «прозрения», где момент возвращения героя к себе становится центральным событием.

Зинаида Каткова использует систему лейтмотивных деталей, которые служат не только характеристикой персонажей, но и психологическими доминантами повествования. *«Запах махорки»* ассоциируется с теплом детства и отцовской защитой, в то время как *«глаза Зойки»*, меняющие цвет *«от гневно-синих до радостно-голубых»* [\[5, с. 115\]](#), становятся точным индикатором эмоциональной динамики.

Пейзаж в рассказе выполняет функцию психологического параллелизма: *«Угрюмые и неприветливые стоят ели... А сейчас — тишина»* [\[5, с. 112\]](#) — природа отражает душевное смятение Мишки. Кульминационная сцена — бросок снежка в ель — становится жестом душевного освобождения, моментом катарсиса, возвращающего героя к самому себе.

2. Зрелый период (1969-1972): усложнение поэтики

В зрелый период творчества Зинаида Каткова обращается к более сложным жанровым моделям, демонстрируя уверенное владение художественной формой.

«Маленький Самар» (1969): очерковый рассказ с элементами этиологического мифа. Данный художественный текст представляет собой синтез бытописания и философского обобщения. Через образ нанайского мальчика Вальки Каткова исследуется национальный характер в его естественном, неиспорченном состоянии.

Поведенческие детали — «*руки, испачканные мазутом*» [5, с. 67] и энергичное встряхивание головой во время ливня — становятся не просто бытовыми зарисовками, а знаками глубокого единения с природой и традиционным укладом. Поэтика контраста (Валька — городской инженер) служит раскрытию центральной антитезы «естественное — искусственное».

«Помоги мне в тебя влюбиться» (1972): рассказ-исповедь с полифонической структурой. Данное произведение знаменует переход к сложной, полифонической организации повествования. Многоуровневая ретроспективная композиция создает эффект постепенного проникновения в глубины сознания героя.

Зинаида Каткова оттачивает технику «телесного психологизма»: стиснутые зубы, «*рука, сжатая в кулак у сердца*» [5, с. 148] становятся красноречивыми невербальными сигналами глубокой психологической травмы. Драматизация прозы достигается за счет сценического построения ключевых сцен и насыщенного подтекста.

3. Поздний период (1975-1979): вершина психологизма

Поздний период творчества Зинаиды Катковой отмечен созданием психологически насыщенных произведений, где художественная форма достигает особой утонченности.

«Нежданный гость» (1975): психологическая новелла. Этот рассказ, похожий на новеллу, демонстрирует отточенное мастерство Зинаиды Катковой в построении интенсивного психологического конфликта. Жанр новеллы с её установкой на остроту сюжета и неожиданную развязку трансформируется в психологическую новеллу, где главное событие происходит во внутреннем мире героини.

Зинаида Каткова использует технику «подводного течения», когда бытовой диалог скрывает глубинный драматизм. Сцена встречи с неожиданным гостем строится на контрасте между внешним спокойствием и внутренним потрясением: «*Она не подала вида, что заметила вошедшего, продолжала месить тесто. Только пальцы её, обычно ловкие и уверенные, вдруг потеряли свою упругость*» [5, с. 156]. Эта деталь — изменение привычных движений — становится точным индикатором душевного состояния.

Особенностью поэтики является насыщенность подтекстом. Читателю предлагается самому воссоздать предысторию и глубину переживаний героини, что делает рассказ особенно объемным и психологически достоверным.

«Ради любви» (1979): рассказ-прозрение. Этот рассказ по праву можно назвать вершиной творчества Зинаиды Катковой, где происходит кристаллизация её уникального художественного метода. Жанровая форма «рассказа-прозрения» позволяет совместить глубину психологического анализа с философским обобщением.

Кульминационная сцена прощания Ирины и Олега демонстрирует виртуозное владение техникой «соматического психологизма»: «*А он, бледный, стоял, опершись руками о стол, ни разу не взглянул на нее, не проронил ни слова, только руки его - сильные мускулистые руки слесаря - слегка дрожали*» [5, с. 225]. Дрожащие руки становятся емким психологическим знаком, передающим всю глубину переживаний при внешней сдержанности.

Диалоги в этом рассказе построены на принципе недоговоренности, что создает особую психологическую напряженность: «— *Зачем, зачем ты это сделал? — вырвалось у Ирины. — Ради нашей любви, — её же словами ответил Олег*» [5, с. 228]. Краткость

реплик позволяет читателю самому додумать, почувствовать психологическую глубину ситуации.

4. Сравнительный анализ: основные векторы эволюции (1958-1979)

Прослеживая творческий путь Зинаиды Катковой на протяжении двадцати лет, можно выделить несколько четких векторов эволюции жанра и поэтики рассказа.

Эволюция психологизма демонстрирует последовательное движение от социальной рефлексии к экзистенциальной саморефлексии. Если в «Чужом» переживания героя обусловлены социальными последствиями его поступков, то в рассказе «Ради любви» персонаж, как у Л. Толстого, «уступает своим желаниям и страстям и одновременно оценивает, судит» [\[6, с. 420\]](#), а психологический анализ достигает уровня философского осмысления бытийных категорий — любви, ответственности, смысла жизни. В результате психологизм предстаёт в своей уникальной роли, как у Л. Толстого и Ф. Достоевского, — как «художественная форма, воплощающая идейно-нравственные искания героев, форма, в которой литература осваивает становление человеческого характера, мировоззренческих основ личности» [\[7, с. 7\]](#).

Трансформация хронотопа показывает переход от замкнутого, трагического пространства («полутемная комнатенка» в «Чужом») к открытому, преодолеваемому (дорога домой в «Возвращении»), и далее — к психологизированному пространству, становящемуся прямой проекцией внутреннего мира персонажей.

Динамика художественной детали отражает усложнение поэтической системы. От детали-символа («ветка яблони» в «Чужом») Зинаида Каткова переходит к детали-лейтмотиву и «детали-рефрену» [\[8, с. 65\]](#) («глаза Зойки» в «Возвращении») и, наконец, к детали-жесту, «внутреннему жесту» [\[8, с. 66\]](#) («дрожащие руки» в «Ради любви»), несущему всю полноту психологического содержания.

Жанровый синтез становится отличительной чертой зрелого и позднего периодов. Движение от относительно чистых жанровых форм (притча, очерковый рассказ) к их сложному синтезу демонстрирует рост художественного мастерства. В поздних рассказах психологическая новелла органично сочетается с исповедью и прозрением, создавая уникальный жанровый гибрид.

Наращение роли подтекста — еще одна важная тенденция. Если в ранних рассказах психологическое состояние часто вербализировано, то в поздних произведениях Зинаида Каткова все чаще использует технику умолчания, когда самое важное остается невысказанным, но ясно читается через паузы, жесты, детали.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы об эволюции жанровой поэтики рассказа в творчестве Зинаиды Катковой.

1. Поэтика психологизма прошла путь от социально-обусловленной рефлексии к тонкому экзистенциальному анализу, достигнув вершины в технике «соматического кода» переживаний.
2. Жанровая система трансформировалась от освоения традиционных форм к созданию сложных жанровых гибридов, синтезирующих психологическую новеллу, исповедь и прозрение.

3. Художественная деталь эволюционировала от символической и бытовой функции к структурообразующей роли, становясь ключевым элементом психологического анализа.

4. Композиционное мастерство проявилось в переходе от линейного повествования к сложным ретроспективным и полифоническим структурам, углубляющим психологическое содержание.

Малая проза Зинаиды Катковой представляет собой уникальный пример последовательной и органичной эволюции жанровой системы и жанровой поэтики в русскоязычном творчестве национального автора. Рассказы Зинаиды Катковой 1950–1970-х годов не только демонстрируют рост индивидуального мастерства, но и отражают общие тенденции развития российской прозы второй половины XX века: динамику психологизма от социальной рефлексии к экзистенциальной саморефлексии, трансформацию хронотопа от замкнутого пространства к открытому и психологизированному, усложнение поэтической системы, четко прослеживаемому, например, в изменении характера художественной детали, движение к сложному жанровому синтезу и жанровой гибридизации, нарастание роли подтекста. Созданный Зинаидой Катковой на последнем этапе её творчества уникальный тип психологического рассказа, синтезирующий традиции русской классической литературы и особенности национального мировосприятия, представляет значительный интерес для дальнейшего изучения и заслуживает достойного места в истории российской литературы.

Библиография

1. Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2011. – 312 с.
2. Калашникова Л.В. Типологические разновидности марийского рассказа второй половины XX века (поэтика композиции): монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2022. – 180 с. EDN: WMBCNH
3. Гусева Н.В. Поэтика марийского рассказа о Великой Отечественной войне: монография / Мар. ин-т образования. – Йошкар-Ола, 148 с.
4. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX-XXI веков: коллективная монография / Мар. гос. ун-т; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2019. – 353 с.
5. Каткова З.Ф. Адресат выбыл: повести и рассказы. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987. – 271 с.
6. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1977. – 443 с.
7. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
8. Кудрявцева Р.А. Художественная деталь как прием психологизации повествования в марийском рассказе конца XX века // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 5 (143). – С. 61-66. EDN: KONIYV

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Эволюция жанровой поэтики рассказа в творчестве Зинаиды Катковой»

Статья посвящена анализу художественной эволюции малой прозы писателя-билингва Зинаиды Катковой, представляющей русскоязычную ветвь марийской литературы второй половины XX века. Автор исследования рассматривает процесс формирования индивидуального стиля писательницы и развитие её жанровой поэтики на протяжении более чем двадцатилетнего творческого периода. Центральным предметом анализа становится трансформация жанра рассказа — от ранних произведений-притч к сложным психологическим новеллам и философским рассказам-прозрениям. Таким образом, работа имеет четко очерченные границы и обращается к важной проблеме соотношения национальной и общероссийской литературных традиций.

Методологическая основа статьи представлена достаточно убедительно: автор сочетает структурно-семантический, историко-генетический и сравнительно-типологический анализ, что позволяет рассматривать тексты в динамике и в контексте литературного процесса. При этом методология не декларативна — её принципы последовательно реализуются в интерпретации каждого рассказа. Диахронический подход, избранный исследователем, обеспечивает внутреннюю логическую связность анализа. Достоинством методологического аппарата является также включение понятий «психологизм», «жанровая трансформация», «соматический код» — категорий, опирающихся на труды Л.Я. Гинзбург и А.Б. Есина, что придает исследованию теоретическую глубину.

Работа отличается высокой степенью актуальности. В отечественном литературоведении малые формы национальных писателей, создававших тексты на русском языке, по-прежнему остаются малоизученными. Статья восполняет существенный пробел, обращая внимание на русскоязычное творчество Зинаиды Катковой — автора, находящегося на пересечении национальной и российской культурных традиций. В современном гуманитарном дискурсе, где активно изучаются феномены билингвизма и кросс-культурной идентичности, подобное исследование представляется особенно своевременным.

Научная новизна работы проявляется в попытке впервые системно описать эволюцию жанровой поэтики рассказов Катковой. Исследователь не ограничивается тематическим обзором, а выявляет закономерности художественного роста писательницы, прослеживая переход от притчи к психологической новелле и жанровому синтезу. Впервые детально осмыслены такие аспекты, как трансформация художественной детали (от символа к «внутреннему жесту»), изменение хронотопа и развитие техники психологизма. Введение в научный оборот концептов «соматический психологизм» и «рассказ-прозрение» заслуживает особого внимания: данные термины не только точно отражают индивидуальную поэтику Катковой, но и расширяют понятийный аппарат литературоведения.

Статья отличается четкой структурой, логической последовательностью и высоким уровнем академической культуры. Материал организован по хронологическому принципу, что обеспечивает наглядность эволюции: ранний, зрелый и поздний периоды творчества рассмотрены последовательно и сбалансировано. Анализ произведений конкретен, подкреплен цитатами и контекстуальными комментариями. Автор избегает описательности, предлагая аналитическое осмысление художественных приемов. Стиль изложения научно-академический, в меру образный, без избыточной терминологической тяжеловесности.

Небольшим недостатком можно считать отсутствие визуальных или сравнительных таблиц, которые могли бы структурировать материал. Кроме того, следовало бы расширить обсуждение литературного контекста — указать, например, на влияние

советской «деревенской прозы» или психологической традиции Толстого и Бунина на формирование стиля Катковой. Это придало бы исследованию дополнительную глубину. Список литературы включает восемь источников, охватывающих как специализированные исследования по марийской литературе, так и классические работы по теории психологической прозы. Библиография корректна и соответствует заявленной теме. Однако можно было бы дополнить её ссылками на более современные исследования по теории нарратива, интертекстуальности и психопэтики, чтобы усилить методологическую базу и связать анализ с актуальными направлениями филологической науки.

Автор демонстрирует хорошее знание предшествующих работ (Кудрявцева, Калашникова, Гусева), корректно обозначая их достижения и ограниченность. Апелляция к оппонентам носит корректный, академичный характер: критика предшествующих подходов конструктивна и мотивирована. При этом чувствуется стремление автора встроить собственное исследование в более широкий научный контекст, что делает статью не изолированной, а диалогичной по отношению к предшествующей традиции.

Выводы статьи обоснованы, логически вытекают из анализа. Автору удалось убедительно показать, что эволюция жанровой поэтики Зинаиды Катковой отражает общие тенденции развития российской малой прозы второй половины XX века. Статья представляет интерес не только для специалистов по финно-угорским литературам, но и для исследователей русской прозы, психологизма, билингвизма, а также для преподавателей и студентов филологических факультетов. Работа отличается высокой степенью аналитичности, ясной аргументацией и значимым вкладом в изучение региональной литературы.

Статья «Эволюция жанровой поэтики рассказа в творчестве Зинаиды Катковой» является завершённым, содержательным и методологически выверенным исследованием. Текст написан грамотным научным языком, демонстрирует высокий уровень филологической компетенции и аналитической культуры. Высказанные замечания носят исключительно рекомендательный и/или дискуссионный характер. Полагаем, что рецензируемая работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сафина З.М. Методы квантитативной лингвистики при исследовании оригинала и перевода художественного текста // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76298 EDN: NGJXWK
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76298

Методы квантитативной лингвистики при исследовании оригинала и перевода художественного текста

Сафина Зарема Миниаминовна

ORCID: 0009-0009-3486-7757

кандидат филологических наук

доцент, кафедра лингводидактики и переводоведения; ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, респ. Башкортостан, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 22

✉ safinazarem@yandex.ru



[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76298

EDN:

NGJXWK

Дата направления статьи в редакцию:

13-10-2025

Дата публикации:

20-10-2025

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению двух вариантов перевода художественных текстов А. П. Чехова на английский язык. Цель работы – исследовать оригинал и переводы художественного текста методами квантитативной лингвистики, а именно статистическим, количественным и корпусным методами в сочетании с традиционным переводческим анализом художественного текста и описательным методом. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом исследователей к возможностям прикладных методов компьютерной лингвистики при исследовании количественной составляющей корпусов текстов и изучении определенных языковых явлений оригиналов и их переводов. Предпринята попытка построения частотных списков лемм в текстах оригинала и переводов, частеречного анализа корпуса текстов,

вычисления коэффициента лексического разнообразия, коэффициента лексической плотности. Проведен сравнительный анализ переводов двадцати глаголов чувственного восприятия и мыслительной деятельности. Материалом исследования послужили оригиналы рассказов А. П. Чехова и два варианта их перевода на английский язык, выполненные британской переводчицей К. Гарнетт и американскими переводчиками Р. Пивером и Л. Волохонской. Исследование проведено на базе пакета библиотек NLTK, написанной на языке программирования Python. Выяснилось, что результаты, полученные при помощи статистических методов анализа данных, могут отличаться в зависимости от объема исследуемых корпусов текстов, а также от структурных особенностей русского и английского языков. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что переводы Р. Пивера и Л. Волохонской превосходят переводы К. Гарнетт по количественным параметрам. Низкая степень лексического разнообразия корпуса текстов К. Гарнетт объясняется соотношением объема корпуса и количества уникальных лексических единиц, а также особенностями грамматического строя каждого варианта английского. Углубленный лингвистический и переводческий анализ выявил, что в процессе перевода К. Гарнетт использует гораздо более разнообразные переводческие приемы и стратегии, что позволяет точнее передать оттенки значений оригинального текста на другой язык. Результаты исследования, полученные с использованием методов количественной лингвистики, могут быть использованы для дальнейшей разработки проблемы корпусного и статистического исследования оригиналов и переводов художественных текстов.

Ключевые слова:

художественный текст, перевод, статистический метод, количественный анализ, корпус текстов, А. П. Чехов, коэффициент лексического разнообразия, частотные списки, коэффициент лексической плотности, лемма

Введение

В современной лингвистике обработка текстовых данных представляет собой задачу первостепенной важности, обусловленную потребностью в оперативном и эффективном анализе обширной информации. Проведение подобных исследований невозможно без применения компьютерных технологий и методов статистического анализа, реализуемых в рамках количественной лингвистики — особого раздела математической лингвистики. Количественные методы исследования направлены на выявление закономерностей, на основании которых формируются законы об определенных языковых явлениях. Основная задача количественной лингвистики, по мнению основоположника данного направления, немецкого исследователя Р. Кёлера, заключается в «стремлении установить иерархию объяснений, которые приводят к появлению все более общих теорий и охватывают все большее количество явлений» [\[1, p. 8\]](#).

Эмпирические данные, получаемые в рамках количественной лингвистики, основываются на результатах статистических исследований, проводимых в рамках корпусной и компьютерной лингвистики. Применение статистических подходов существенно повышает производительность лингвистических исследований, обеспечивая структурированное представление собранной информации. В теории перевода «использование статистических методов исследования способствует более точному пониманию структуры оригинала и, следовательно, созданию более корректной версии перевода» [\[2, с. 137\]](#). В

отличие от классических методов, количественные или квантитативные приемы способны обеспечить более высокую степень достоверности и непредвзятости полученных выводов, что позволяет выделить ряд преимуществ данных приемов перед качественными методами, а именно: объективный характер проводимого исследования; точность и однозначность результатов измерений; возможность обработать большой массив данных без значительных временных затрат. Данные преимущества существенно расширяют область применения количественных методов исследования, однако им присущи и свои недостатки, из-за которых многие лингвисты отдают предпочтение качественным методам исследования. Во-первых, не все языковые явления возможно измерить количественными методами, во-вторых, использование данных методов возможно только в определенных границах, за пределами которых их применение становится невозможным, и исследователю придется прибегнуть к другим методикам анализа текста [\[1, p. 7\]](#). Трудоемкость сбора данных и субъективность на этапе интерпретации полученных данных также относятся к значительным недостаткам методов квантитативной лингвистики.

Особое место в квантитативных исследованиях языковых явлений занимает корпусная лингвистика. В настоящее время данная область языкознания значительно облегчает процесс поиска необходимой информации. Как инструмент лингвистических исследований корпус должен состоять из большого массива естественных текстов, представленных в электронном виде, а также иметь определенное программное обеспечение или поисковую систему [\[3\]](#). Среди многочисленных задач корпуса можно выделить составление частотных списков слов, которые формируются, исходя из задач исследования, на основе релевантных текстов или их частей, и отражают частоту обнаруженных элементов. Общим правилом является то, что наиболее часто встречающиеся элементы играют главную роль в тексте и являются значимыми, в то время как элементы с малым количеством упоминаний свидетельствуют об их редком использовании в речи. В целом, «частотные списки позволяют выявить ядро и периферию лексики» [\[4, с. 741\]](#).

Основная часть

В данной работе методами квантитативной лингвистики исследованы три корпуса текстов, состоящие из оригиналов тридцати рассказов А.П. Чехова [\[5\]](#), а также двух вариантов их перевода на английский язык, выполненных британской переводчицей К. Гарнетт [\[6\]](#) и американскими переводчиками Р. Пивером и Л. Волохонской [\[7\]](#). Исследование проведено на базе одной из разновидностей программного обеспечения обработки естественного языка – пакета библиотек NLTK, написанной на языке программирования Python. Python — это язык программирования общего назначения, также известный как скриптовый язык. В Python используется динамическая система типов и автоматическое управление памятью, а также обширная библиотека [\[8, p. 1856\]](#). Применение библиотеки NLTK дает возможность осуществить предварительную обработку данных, «позволяющую машинным алгоритмам работать с текстовыми данными и выполнять анализ текста» [\[9, с. 177\]](#).

Перед началом работы исследуемые тексты были сконвертированы в формат txt с кодировкой UTF-8. Обычно первым шагом в работе с текстом является его нормализация. Этот этап включает в себя приведение текста к единому регистру, удаление знаков пунктуации, лишних пробельных символов. Нормализация необходима для обеспечения унификации при обработке текста. Следующий этап – токенизация –

представляет собой процесс разбиения текста на отдельные единицы, которые включают в себя базовые элементы, такие как слова, цифры или знаки препинания. В результате разбиения анализируемого нами текста на токены получим следующее (приведены первые 10 токенов): ['Говорили', ',', 'что', 'на', 'набережной', 'появилось', 'новое', 'лицо', ':', 'дама']. После удаления знаков препинания получаем следующий набор токенов: ['Говорили', 'что', 'на', 'набережной', 'появилось', 'новое', 'лицо', 'дама', 'с', 'собачкой'].

На следующем этапе необходимо привести все слова к нижнему регистру, т.е. избавиться от прописных букв, чтобы одно и то же слово, написанное строчной и прописной буквой, не воспринималось системой как два разных токена. После выполнения команды получаем набор токенов без прописных букв: ['говорили', 'что', 'на', 'набережной', 'появилось', 'новое', 'лицо', 'дама', 'с', 'собачкой'].

Таким образом, текст подготовлен к последующему анализу.

Ключевым моментом при создании частотных словарей является определение лингвистической единицы, которая будет использоваться для измерения встречаемости элементов в тексте. Существует два способа составления частотных списков: за единицу словника принимается либо словоформа, либо лемма. Когда в качестве базовой единицы текстового корпуса используется лексическая форма, перед применением статистических методов анализа необходимо выполнить лемматизацию текста. Лемма представляет собой грамматическую форму, используемую для репрезентации лексемы [10, p. 611]. Иными словами, лемма — это исходная форма слова. Процедура лемматизации представляет собой довольно сложный процесс, поскольку лемматизаторы допускают погрешности, которые приходится корректировать вручную. В данном исследовании лемматизация русского текста произведена с помощью морфологического анализатора pymorphy3. Лемматизация англоязычных текстов осуществлена с помощью инструмента WordNetLemmatizer. Результат лемматизации выглядит следующим образом: ['говорить', 'что', 'на', 'набережная', 'явиться', 'новый', 'лицо', 'дама', 'с', 'собака'].

После проведения лемматизации, все формы одного и того же слова, представленные в тексте, были объединены и учтены как единая лемма. Это позволило получить более точное представление о частоте употребления конкретного слова в анализируемом тексте. Далее из текстового массива были удалены лингвистические единицы, не имеющие самостоятельного значения и способные повлиять на статистику встречаемости значимых слов. К таким элементам были отнесены все служебные слова, имена собственные и ряд других незначительных слов. На заключительном этапе были сформированы списки частотности лемм для трех текстовых корпусов. Десять первых лемм из каждого полученного списка отражены в таблице 1.

А.П. Чехов		К. Гарнетт		Р. Пивер	и Л. Волохонская
быть	1882	be	6782	be	4865
говорить	734	have	2520	have	1790
сказать	536	go	1155	say	1092
человек	528	say	1116	go	1057
мочь	357	there	877	there	767
теперь	350	do	808	do	695
становиться	322	look	629	come	675
жизнь	307	come	624	life	614
день	283	life	594	look	539
глаз	276	think	518	think	534

Таблица 1 Частотные списки лемм

Как свидетельствуют приведенные данные, в каждом из рассмотренных корпусов глагол *быть* (включая его английский аналог *be*) занимает лидирующую позицию по частоте употребления. Однако в англоязычных текстах этот глагол встречается существенно чаще. Это объясняется аналитической структурой английского языка, где *be* играет ключевую роль в формировании разнообразных грамматических конструкций. Анализ частоты употребления глаголов *be*, *have* и *do* в корпусах текстов двух переводов демонстрирует, что в корпусе К. Гарнетт их намного больше, чем в корпусе Р. Пивер и Л. Волохонской. Вероятно, это связано с тем обстоятельством, что американский вариант английского языка, на котором писали Р. Пивер и Л. Волохонская, тяготеет к опущению вспомогательных глаголов, таких как *be*, *have* и *do*, активно используемых в британском английском для построения видовременных форм глагола.

Еще один показатель, вычисляемый в рамках количественной лингвистики, – коэффициент лексического разнообразия текстов. Показатель лексического разнообразия вычисляется как соотношение числа неповторяющихся слов к общему количеству словоупотреблений в тексте, что выражается формулой $k=100*n/N$, где N – общее количество всех словоупотреблений корпуса, n – количество уникальных слов в корпусе (уникальными называются слова, встречающиеся в тексте только один раз без учета повторов), k – коэффициент лексического разнообразия [11, с. 558]. В таблице 2 представлены результаты вычисления степени лексического разнообразия текстов оригинала и переводов.

	N	n	k
А.П. Чехов	137112	35062	25,57
К. Гарнетт	184284	32453	17,61
Р. Пивер, Л. Волохонская	170319	31771	18,65

Таблица 2 Коэффициент лексического разнообразия

Обнаружена прямая зависимость между величиной коэффициента k и богатством лексики в тексте. Анализ данных выявил, что переводы, выполненные К. Гарнетт, демонстрируют несколько меньшее лексическое разнообразие по сравнению с работами Р. Пивера и Л. Волохонской. При этом общее количество неповторяющихся слов (показатель n) в текстах К. Гарнетт немного превосходит аналогичные значения других переводчиков. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что с увеличением объема текста (как это наблюдается у К. Гарнетт) уровень лексического разнообразия снижается в связи с нарастанием повторений лемм в более длинных произведениях. Отдельно стоит отметить, что наибольшее лексическое разнообразие наблюдается в корпусе текстов, принадлежащих А.П. Чехову. Этот результат закономерен, учитывая, что русский язык, согласно типологической классификации, принадлежит к синтетическому типу, несмотря на присутствие элементов аналитизма. Это свойство проявляется в том, что грамматические характеристики слов в русском языке кодируются посредством морфем, а не отдельных лексических единиц, в отличие от английского языка. Данное явление можно объяснить и тем, что переводы, как бы хорошо они ни были выполнены, всегда несколько уступают оригиналу по объему и составу информации. Потери при переводе неизбежны, в связи с чем текст перевода всегда менее целостен. Этим, возможно, объясняется и наличие нескольких, отличающихся друг от друга, вариантов перевода одного и того же художественного текста.

На следующем этапе было подсчитано количество частей речи в рассматриваемых текстовых корпусах. Количественные характеристики главных классов слов в оригинальном тексте и его двух переводных версиях представлены в таблице 3.

Корпус	Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие
А.П. Чехов	27821	25729	10374	6370
К. Гарнетт	39363	35106	12176	11718
Р. Пивер, Л. Волохонская	33886	33294	12079	12281

Таблица 3 Количественный показатель частей речи

Анализ показывает, что разница в распределении частотности частей речи между исходным текстом и двумя его переводами невелика. Во всех трех текстовых корпусах имена существительные доминируют, занимая первое место по частоте, в то время как глаголы занимают второе место. Определенный интерес вызывает тот факт, что у К. Гарнетт существительных на 4275 больше, чем глаголов, в то время как у Р. Пивера и Л. Волохонской эта разница составляет всего 592 слова. Как известно, помимо номинативной функции, существительные в художественном произведении выполняют также описательную и эмоциональную функции. Они участвуют в передаче глубинных смыслов и самых тонких оттенков чувств. Практически ни одна метафора или сравнение не обходится без этой части речи. На основании этого можно предположить, что переводу, выполненному К. Гарнетт, свойственна большая описательность и вариативность, по сравнению с переводом, выполненным Р. Пивером и Л. Волохонской. Наименее частотными частями речи во всех корпусах являются прилагательные и наречия. Стоит отметить, что в двух вариантах перевода наречия и прилагательные практически совпадают по количеству употреблений, в то время как в оригинале прилагательные используются почти в два раза реже наречий.

Другой величиной, исследуемой в рамках квантитативной лингвистики, является коэффициент лексической плотности (lexical density), представляющий собой один из методов дискурсивного анализа. Эта характеристика дает возможность оценить, насколько текст информативен и труден для понимания с лингвистической точки зрения. Определить сложность словаря текста можно, сопоставив частоту использования грамматических элементов с количеством знаменательных слов – лексических единиц. Существует целый ряд подходов к измерению лексической насыщенности текста. Она может быть измерена как отношение лексических элементов к общему количеству слов, либо как отношение лексических элементов к числу высших структурных элементов (например, предложения) [\[12, p. 64\]](#). В данном исследовании лексическая плотность вычисляется как: $Ld = N_{lex}/N \times 100$, где: Ld - лексическая плотность анализируемого текста, N_{lex} - количество лексических элементов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий) в анализируемом тексте, N - количество всех лексем (общее количество слов) в анализируемом тексте.

Чтобы определить число значимых лексических единиц, необходимо из общего количества слов исключить все служебные слова. Иначе говоря, количество содержательных слов рассчитывается путем вычитания функциональных элементов из общего объема текста. Полученные данные вычисления лексической плотности текстов отображены в таблице 4.

N

N_{lex}

Ld

А.П. Чехов	143330	84913	59,24%
К. Гарнетт	184310	77424	42,01%
Р.Пивер и Л. Волохонская	169974	71958	42,33%

Таблица 4 Коэффициент лексической плотности

Полученные данные позволяют заключить, что уменьшение как общего количества слов, так и доли служебных слов в текстовом массиве влечет за собой увеличение лексической насыщенности. Эта тенденция характерна для всех трех анализируемых текстовых корпусов. Наивысшая лексическая плотность зафиксирована в корпусе исходных текстов. Переводные версии демонстрируют снижение этого показателя примерно на 17% по сравнению с оригиналами. Интересно отметить, что переводы К. Гарнетт имеют несколько меньшую лексическую насыщенность, чем работы Р. Пивера и Л. Волохонской. Анализ показывает, что тексты, переведенные американскими специалистами, демонстрируют более высокую степень лексической насыщенности (разница достигает 0,32 %). Однако, на наш взгляд, это не всегда оптимально, поскольку чрезмерная концентрация лексики может затруднять восприятие текста. Следует отметить, что К. Гарнетт в своих переводах использует существенно больше различных слов, чем ее американские коллеги.

На последнем этапе нашего исследования проведен сравнительный анализ переводов с целью подтверждения или опровержения результатов статистических вычислений. Из русскоязычного корпуса текстов были отобраны 20 глаголов чувственного восприятия и мыслительной деятельности с разной частотой употребления. Среди глаголов мыслительной деятельности самым высокочастотным глаголом оказался *думать*, для которого К. Гарнетт предложила 22 варианта перевода, в то время как Р. Пивер и Л. Волохонская использовали 14 вариантов перевода. Самыми высокочастотными глаголами в обоих переводах являются глаголы *think, ponder, reflect, brood*. Что касается глаголов *верить, воображать, любить*, переводчики предлагают одинаковое количество английских соответствий для их перевода. Рассмотрим некоторые случаи расхождения переводческих решений при переводе одного и того же глагола: *Работаешь, стараешься, мучишься, ночей не спишь, всё думаешь, как бы лучше.* – а) *One works and does one's utmost, one wears oneself out, getting no sleep at night, and rack one's brain what to do for the best* [6]. б) *You work, you do your utmost, you suffer, you don't sleep, thinking how to do your best* [7]. Используемые соответствия *rack one's brain* и *think* отличаются тем, что первое выражение (букв. ломать голову) передает всю сложность и мучительность мыслительного процесса говорящего. Таким образом, переводчику удастся точнее передать стилистическую окраску предложения, описывающего эмоциональное и душевное состояние героя.

Если я знаю, что я психически болен, то могу ли я верить себе? – а) *"If I know I am mentally affected, can I trust myself?"* [6] б) *"If I know that I am mentally ill, then can I believe myself?"* [7]. В данном примере оба английских глагола – *trust* и *believe* означают веру во что-то или кого-то, но между ними есть некоторая разница: первый глагол подразумевает, что говорящий доверяет кому-то, кто не способен причинить вред, второй глагол используется больше для обозначения веры в правильность какого-то дела. Тем самым К. Гарнетт буквально подчеркивает, что герой искреннее интересуется, может ли он себе доверять и не причинит ли он себе вред, тогда как Р. Пивер и Л. Волохонская акцентируют внимание на мысли героя о правоте своих

намерений.

Он очень **любит** Лизу и, по-видимому, нравится ей... – а) He **is** very much **in love** with Liza, and she seems to like him... [6]. б) He **loves** Liza very much, and she apparently likes him... [7]. Используемые переводчиками соответствия *be in love* и *love* описывают сильную эмоциональную привязанность и любовь, однако обнаруживается небольшое отличие в степени выражения этого чувства: первое соответствие описывает начальное безумное обожание человека, тогда как второе – уже оформившееся глубокое чувство любви.

В целом, проанализированные примеры показывают, что переводы К. Гарнетт отличаются большим разнообразием в выборе таких лексических единиц, которые помимо основного значения обладают дополнительным компонентом значения, несущим эмоциональную и эмотивную окраску. Тем самым переводчик дает читателям дополнительную информацию об эмоциях героев и о происходящем, что в полной мере раскрывает замысел автора оригинала. Переводы Р. Пивера и Л. Волохонской более буквальные, характеризуются выбором одного соответствия при передаче лексической единицы в разных контекстах, что подчас ведет к не совсем точной интерпретации смыслов, заложенных автором.

Заключение

На первый взгляд, разница в рассмотренных в данном исследовании параметрах может показаться незначительной, однако стоит учитывать, что речь идет о двух вариантах перевода одного и того же корпуса текстов на один, английский, язык. Полагаем, что территориальные и временные расхождения двух переводов привели к наблюдаемым в данном исследовании лексическим и грамматическим различиям. Даже малейшие отличия приобретают важную роль, ведь «именно эти небольшие различия: наличие дифференциации в одном случае и сужение спектра, «сплющивание» в другом, большая или меньшая точность в выборе эквивалента, соблюдение или несоблюдение запретов ПЯ на излишне частые повторы и т. д. – в совокупности создают впечатление, которое выносит из перевода читатель» [13, с. 14]. Проведенный лингвистический анализ с использованием статистических данных и количественных методов позволил заключить, что переводы Р. Пивера и Л. Волохонской превосходят переводы К. Гарнетт по количественным параметрам, что выражается в более высоком показателе коэффициента лексического разнообразия корпуса текстов американских переводчиков, по сравнению с корпусом текстов К. Гарнетт. Тем не менее, углубленный лингвистический и переводческий анализ выявил, что в процессе перевода К. Гарнетт использует гораздо более разнообразные переводческие приемы и стратегии, что позволяет точнее передать оттенки значений оригинального текста. Это кажущееся противоречие объясняется обратной зависимостью между лексическим разнообразием и объемом анализируемого текста. Корпус текстов К. Гарнетт, будучи более объемным, содержит большее количество повторов, что снижает показатель коэффициента лексического разнообразия. Большая длина текста неизбежно приводит к увеличению повторяемости одних и тех же лемм. Более того, анализ продемонстрировал воздействие грамматических свойств языка на величину коэффициента лексического разнообразия. Так, корпус текстов Р. Пивера и Л. Волохонской характеризуется меньшей частотой использования служебных слов. В свою очередь, анализируемый корпус К. Гарнетт включает большее число неповторяющихся слов, что указывает на широту и разнообразие ее лексикона.

В целом, количественное исследование является ценным инструментом для изучения перевода художественного текста, позволяющим получить объективные данные и выявить объективные закономерности. Однако его следует рассматривать как дополнение, а не замену качественным методам исследования, так как именно сочетание обоих подходов позволяет наиболее полно и глубоко понять глубинные смыслы, заложенные автором художественного текста, и адекватно передать их в переводе.

Библиография

1. Köhler R. Gegenstand und Arbeitsweise der Quantitativen Linguistik // Quantitative Linguistik: ein internationales Handbuch = Quantitative linguistics: an international handbook. Ed. by R. Köhler, G. Altmann, & R. G. Piotrowski. Berlin, New York: de Gruyter, 2005. Pp. 1-16.
2. Морозкина Е. А., Воробьев В. В., Сафина З. М. Статистические методы исследования в художественном переводе // Доклады Башкирского университета. 2023. Т. 8, № 3. С. 130-137. DOI: 10.33184/dokbsu-2023.3.15 EDN: KHORTY.
3. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020.
4. Сафина З. М., Корнилова А. Д., Смакова А. Л. Количественный и статистический анализ лексических единиц в художественном переводе // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27, № 3. С. 741-746. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.42 EDN: FGZGYW.
5. Чехов А. П. Рассказы // URL: https://traumlibrary.ru/page/chehov_p.html (дата обращения: 01.10.2025).
6. Chekhov A. The Essential Tales of Chekhov / translated by Garnett C. New York: Ecco, 2000.
7. Chekhov A. The Complete Short Novels / translated by Volokhonsky L. (Translator), Pevear R. (Translator, Introduction). New York: Everyman's Library, 2004.
8. Rana Y. Python: Simple though an Important Programming language // International Research Journal of Engineering and Technology (IRJET). 2019. Vol. 06, Iss. 2. Pp. 1856–1858.
9. Сафина З. М. Переводческий анализ художественного текста на языке Python // Глобальный научный потенциал. 2024. № 11 (164), Т. 1. С. 177-180. EDN: RTJTGQ.
10. Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition. New Jersey: Prentice Hall, 2009.
11. Gonçalves L. L., Gonçalves L. B. Fractal power law in literary English // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2006. Vol. 360, Iss. 2. Pp. 557-575. DOI: 10.1016/j.physa.2005.06.049 EDN: XTSYJP.
12. Castello E. Text Complexity and Reading Comprehension Tests. Bern: Peter Lang, 2008.
13. Бузаджи Д. М., Ланчиков В. К. Буквализм и языковое разнообразие. Об использовании одного метода корпусной лингвистики в переводоведении // Мосты. 2011. № 4 (32). С. 12-27.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ши Л. Когнитивные интенции в диалоге: как экспрессивный синтаксис выражает мнение, аргумент и предположение в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 65-75. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76205 EDN: NLCEYW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76205

Когнитивные интенции в диалоге: как экспрессивный синтаксис выражает мнение, аргумент и предположение в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Ши Линь

ORCID: 0009-0006-9281-5988

аспирант, Филологический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет
190000, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Халтурина, 15, кв. к.503

✉ lin439327393@gmail.com



[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76205

EDN:

NLCEYW

Дата направления статьи в редакцию:

10-10-2025

Дата публикации:

23-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является роль экспрессивных синтаксических конструкций (ЭСК) в реализации когнитивных интенций (мнение, аргумент, предположение) в художественном тексте. На материале романа Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза» анализируются функциональные возможности конкретных синтаксических средств: парцелляции, повтора, риторических вопросов и восклицаний, умолчания, эллипсиса, инверсии и других конструкций, которые формируют прагматическую составляющую высказываний персонажей. Например, парцелляция усиливает эмоциональный акцент и делает речь персонажей более динамичной и выразительной, повтор подчеркивает настойчивость и убежденность говорящего, а эллипсис создает эффект недосказанности, неопределенности или внутреннего

напряжения. Риторические вопросы и восклицания позволяют персонажам выражать субъективное отношение к событиям, а инверсия структурирует высказывание так, чтобы выделить ключевые элементы информации. В совокупности эти средства помогают не только передать когнитивные состояния героев, но и моделируют их межличностные взаимодействия, раскрывают социальный статус и психологические особенности персонажей, создавая комплексное представление об их внутреннем мире и эмоциональном опыте. Методологическая основа исследования опирается на когнитивно-прагматический подход, направленный на рассмотрение экспрессивных синтаксических конструкций как средств выражения интенциональности. Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении синтаксического инструментария с типами когнитивных интенций, что позволяет выявить устойчивые закономерности между структурой высказывания и его интенциональным содержанием, а также выделять особенности речевых типов персонажей. Выводы показывают, что экспрессивный синтаксис выступает как средство вербализации когнитивных и эмоциональных состояний, усиливает выразительность текста, моделирует внутренний мир героев и раскрывает их психологический портрет. Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов в литературоведческом анализе, психолингвистических исследованиях и практике обучения литературной интерпретации. Ограничения исследования связаны с тем, что выводы основаны на одном произведении и могут быть специфичны для данного жанра и художественного стиля. Тем не менее, предложенный подход открывает перспективы для анализа художественного дискурса через призму синтаксической экспрессии и когнитивных интенций.

Ключевые слова:

аргумент, диалогический дискурс, когнитивные интенции, мнение, предположение, речевое воздействие, экспрессивный синтаксис, когнитивный синтаксис, интенциональность, художественный диалог

Введение

Современная лингвистика, развиваясь в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, рассматривает язык не как автономную систему, а как инструмент организации, обработки и передачи информации, неразрывно связанный с мыслительными процессами и коммуникативными стратегиями [\[5;9\]](#). В этом контексте синтаксис, являясь вершинным уровнем языковой системы, перестает быть лишь областью формальных структур и становится полем репрезентации когнитивных моделей и интенциональных состояний сознания [\[4;7\]](#). Как отмечает М. М. Бульнина, синтаксические построения обладают собственной знаковой природой, а их означаемыми выступают синтаксические концепты – типовые обобщенные смыслы, объективируемые через устойчивые последовательности словоформ [\[1, с. 70\]](#).

Одним из ключевых понятий, связывающих язык и мышление, является интенциональность – направленность сознания на объекты и положения дел в мире [\[6, с. 37; 13\]](#). В речевой деятельности интенциональность реализуется через коммуникативные интенции – конкретные цели высказывания, мотивированные потребностями и мотивами говорящего [\[6, с. 41\]](#). Среди многообразия интенций особый интерес представляют

когнитивные, или ментальные, интенции, связанные с выражением интеллектуальных состояний: мнения (субъективной оценки), аргументации (обоснования позиции) и предположения (гипотетического суждения).

Цель данной статьи – на материале диалогов современной русской прозы, в первую очередь романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», проанализировать, как экспрессивные синтаксические конструкции (ЭСК) служат средством вербализации и дифференциации когнитивных интенций мнения, аргумента и предположения. Теоретической основой послужили исследования в области синтаксического концепта [1], когнитивного синтаксиса [7] и интенциональности коммуникации в когнитивном аспекте [6;8]. Гипотеза исследования состоит в том, что каждая из трех когнитивных интенций имеет свой «синтаксический портрет», предопределяющий выбор и комбинаторику ЭСК.

Методологическую базу работы составляет когнитивно-прагматический подход, который рассматривает синтаксические конструкции в их функциональной и смысловой взаимосвязи с интенциональными структурами речи. В исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, а также описательный метод, включающий наблюдение, обобщение и интерпретацию примеров из художественного текста. Кроме того, используются приёмы когнитивного, дискурсивного и функционально-семантического анализа, направленные на выявление способов реализации интенций в экспрессивном синтаксисе. Социокультурный и интертекстуальный аспекты анализа обеспечивают понимание речевых стратегий персонажей в контексте их мировоззренческих и культурных установок. Такое сочетание методов обусловлено комплексным характером исследуемого явления, находящегося на стыке когнитивного, коммуникативного и грамматического уровней.

Обсуждение

1. Теоретические основания: от синтаксического концепта к интенциональности

В рамках когнитивной лингвистики утвердился взгляд на предложение не просто как на комбинацию знаков, а как на знак более высокого уровня, обладающий собственным планом содержания – синтаксическим концептом [2;3]. Под этим термином понимается типовая пропозиция, некоторое устойчивое отношение (бытия, оценки, воздействия и др.), зафиксированное в структурной схеме предложения [1, с. 71]. Синтаксический концепт представляет собой ментальную модель, отражающую определённый способ концептуализации действительности и проявляющуюся в речевом поведении носителя языка. Как отмечает Н. Г. Филоненко, субъектно-предикатные отношения в художественном тексте представляют собой одну из базовых когнитивных структур, через которые проявляется авторское восприятие мира и реализуется смысловая организация высказывания [10].

Экспрессивный синтаксис, в свою очередь, является инструментом модификации и актуализации синтаксического концепта, поскольку именно в зоне синтаксической вариативности наиболее ярко проявляется индивидуальный смысловой почерк автора и персонажа. Как отмечают исследователи, экспрессивные конструкции способны не только структурировать высказывание, но и передавать оценку, модальность, эмоциональную и когнитивную позицию субъекта речи [14;15]. Тем самым синтаксис выступает не как формальный уровень языка, а как пространство репрезентации интенциональных смыслов.

Понятие интенциональности, восходящее к феноменологической философии Э. Гуссерля и теории речевых актов Дж. Сёрля, в современной когнитивной лингвистике трактуется как свойство сознания, направленность которого проявляется в речевой деятельности [12]. Интенциональность задаёт вектор смысловой ориентации высказывания и определяет выбор языковых средств, способных выразить когнитивное и эмоциональное состояние субъекта. Как подчёркивает С. В. Мощева, интенциональная структура высказывания включает когнитивный, прагматический и эмоциональный компоненты, что обеспечивает многослойность речи и вариативность её интерпретации [6, с. 37].

Таким образом, интенциональность и синтаксический концепт образуют взаимодополняющие уровни моделирования смысла: первый определяет направленность и цель высказывания, второй — его структурно-семантическое воплощение. Экспрессивные синтаксические конструкции могут рассматриваться как формальные маркеры интенциональности, которые выявляют глубинные когнитивные процессы и механизмы смыслопорождения. В диалогической речи, где сталкиваются разные точки зрения и волевые установки, эти конструкции становятся средством речевого воздействия — доминирования, убеждения, защиты или выражения неуверенности, что позволяет рассматривать их как ключ к пониманию интенциональной организации текста.

2. Мнение: экспрессивный синтаксис как инструмент субъективной оценки и доминирования

Интенция мнения представляет собой выражение субъективной оценки, суждения или позиции говорящего. В отличие от объективной констатации, мнение всегда модально и оценочно [16; 17]. Экспрессивный синтаксис служит мощным инструментом для усиления этой субъективности, придания высказыванию эмоциональной окраски и категоричности, что особенно ярко проявляется в речевой характеристике персонажей, занимающих доминирующую позицию.

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» речевой портрет свекрови главной героини, Упырихи, практически целиком построен на использовании ЭСК для выражения запелляционного, часто уничижительного мнения.

Риторические восклицания и вопросы служат для прямой и максимально эмоциональной экспликации мнения, часто переходящей в оскорбление. Например:

Где же твоя сила, курица? Ты же еще не умерла пока! Или умерла?! [11, с. 2].

Серия риторических вопросов и восклицаний здесь выражает не просто оценку, а крайнюю степень презрения и насмешки, направленную на психологическое подавление невестки. Интенция мнения здесь сливается с интенцией эмоциональной агрессии.

Опять хочешь ползими больная провалиться? И весь дом на меня взвалить? [11, с. 6].

В данном примере риторические вопросы, объединенные парцелляцией, служат для выражения не просто недовольства, но категоричного осуждения и предъявления обвинения. Муртаза не ждет ответа; его интенция – усилить эмоциональный упрек и продемонстрировать свою власть, выставляя Зулейху виновницей потенциальных проблем.

Парцелляция используется для акцентации ключевых деталей мнения, добавляя высказыванию эмоциональную напряженность. Реплика Упырихи:

Кончается твой род, худокостая, вырождается. Оно и правильно: гнилому корню – гнить, а здоровому – жить» [\[11, с. 5\]](#). Парцелляция (сегментация) и используемый параллелизм членят высказывание на афористичные, легко усваиваемые и запоминающиеся порции, усиливая категоричность и безапелляционность суждения, которое претендует на статус универсальной истины.

Коммуникемы (краткие, эмоционально насыщенные высказывания) и **нечленные предложения** обеспечивают быструю и часто резкую передачу личного суждения. Фразы Упырихи: «Жидкокровая», «Одно слово: курица» (Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза) – являются грубыми, но емкими ярлыками, выражающими пренебрежительное, обобщающее мнение о сущности Зулейхи. Эти синтаксические единицы, будучи предельно свернутыми, несут высокую эмоциональную нагрузку и выполняют функцию вербального ярма

Ты – в меня, сынок, сердце мое. У тебя в жилах – моя кровь. Под мясом – мои кости. И сила в тебе – моя: злая, непобедимая [\[11, с. 11\]](#).

Использование **синтаксического параллелизма** (схожее синтаксическое строение соседних предложений) создает ритмически организованное, афористичное высказывание. Это усиливает категоричность мнения Упырихи о своей исключительности и наследовании ее качеств сыном, превращая субъективное мнение в неоспоримую, по ее мнению, истину.

Таким образом, в интенции мнения ЭСК работают на усиление субъективного начала, акцентируя эмоциональную оценку и личную позицию говорящего, часто служа инструментом утверждения власти и психологического давления в диалоге.

3. Аргумент: синтаксические средства убеждения и речевой борьбы

Интенция аргумента направлена не просто на выражение позиции, а на убеждение адресата, изменение его точки зрения или поведения путем представления системы доказательств [\[18\]](#). Здесь ЭСК приобретают функцию инструментов речевого воздействия, усиливая логическую и эмоциональную убедительность доводов [\[19\]](#). В условиях социального конфликта, изображенного в романе Яхиной, аргументация часто принимает форму отчаянного сопротивления.

Повтор (лексический и синтаксический) становится средством подчеркивания ключевых идей и придания утверждению настойчивого, почти заклинательного характера. В сцене объяснения Муртазы с матерью его речь насыщена повторами, выражающими отчаяние и гнев:

Грабят, грабят, грабят. Забирают все. Когда уже не остается у тебя ничего – хоть к праотцам отправляйся! ... Нет у меня больше мочи, а у сердца моего – терпения! [\[11, с. 9\]](#).

Анафорический повтор «грабят» и общий ритмико-синтаксический параллелизм создают эффект нагнетания, передавая накопленное годами отчаяние и служа главным аргументом в его монологе-исповеди.

Риторические вопросы в аргументации используются для вовлечения собеседника в эмоциональное поле говорящего и демонстрации очевидности или абсурдности той или иной позиции с его точки зрения. Муртаза, обращаясь к Зулейхе, использует риторические вопросы для аргументации своего решения не отдавать скот.

Зерно посевное спрятали, а толку-то – если землю отберут? Где мне его сажать – на картофельном огороде?! [11, с. 11]. Вопросы здесь не требуют ответа; они являются формой эмоционального аргумента, подчеркивающего безысходность ситуации.

Эллипсис (пропуск легко восстанавливаемых элементов речи) создает лаконичную, обрывистую и оттого категоричную аргументацию, характерную для бытового диалога в ситуации стресса. Реплика Муртазы:

Не отдам, – шепчет тихо. – В этот раз – ничего не отдам [11, с. 3].

Эллипсис (пропуск распространяющих членов предложения) и лексико-синтаксический повтор делают аргумент Муртазы предельно сжатым, категоричным и заклинательным. Эта синтаксическая компрессия передает не просто решение, а фанатичную, отчаянную решимость, являющуюся главным аргументом в его внутренней и внешней борьбе.

Умолчание в аргументе часто намекает на неоспоримые, но не названные прямо доказательства или на трагические последствия. Упыриха, оправдываясь перед сыном в страшном эпизоде с голодом, использует умолчание:

Я их не убивала. Сами умерли. От голода. ... Молока им не давала – это правда. Все, что было во мне, до последней капли, тебе оставляла [11, с. 56].

Незавершенность, обрывы речи служат здесь мощным аргументом, рисуя ужасающую картину без лишних слов и оставляющим пространство для домысливания, что делает ее воздействие еще сильнее.

В интенции аргумента те же ЭСК, что и в мнении, приобретают иную прагматическую нагрузку: они ориентированы не столько на выражение внутреннего состояния, сколько на внешнее воздействие, подкрепление логики (часто эмоциональной) и усиление убедительности в ситуации речевой борьбы.

4. Предположение: синтаксис гипотетичности, страха и недосказанности

Интенция предположения выражает неполную уверенность говорящего, гипотетический характер высказывания, основанный на догадке, страхе или надежде. Для нее характерны средства, создающие эффект вероятности, сомнения, недосказанности. Внутренний мир Зулейхи, полный тревог и суеверных страхов, вербализуется именно через такие конструкции [20;21].

Вводные слова и конструкции (*может, может быть*) являются прямыми эксплицитными маркерами этой интенции. Размышляя о предсказании свекрови, Зулейха думает:

А вдруг Упыриха ошиблась? ... Неужели права и сейчас? [11, с. 87]. Вводное слово «вдруг» и вопрос, предполагающий гипотетический ответ, четко указывают на зыбкость, неуверенность ее размышлений.

Риторические вопросы в предположении служат для выражения сомнения, страха или постановки тревожной гипотезы. В лесу с Муртазой Зулейха задает ему вопрос, выдающий ее мистический страх:

...Как ты думаешь... есть на земле места, куда не проникает взор Аллаха? [11, с. 11]. Риторический вопрос здесь (на который она и не ждет ответа) выражает не столько любопытство, сколько глубоко укорененное в ее сознании предположение-опасение о

существовании запредельных, богооставленных мест.

Умолчание создает эффект недосказанности, позволяя домыслить возможные, часто трагические, последствия. После рассказа Упырихи о вещем сне Зулейха в страхе думает:

Страшное пророчество Упырихи – вот о чем она будет думать, но завтра, завтра... когда проснется... [11, с. 7]. Многоточие и умолчание передают нежелание, психологическую невозможность думать о страшном прямо сейчас, откладывание тяжелых мыслей. Это предположение, которое слишком ужасно, чтобы быть высказанным до конца.

Эллипсис в сочетании с вопросом передает предположение, отягощенное тревогой и неуверенностью. Узнав о новом витке репрессий, Зулейха лепечет мужу:

Что будет-то, Муртаза? Сказали? Нынче – хлеб сдавать? Или скот? [11, с. 9]. Краткость, обрывистость вопросов, вызванная эллипсисом, передает ее паническое состояние, перебор пугающих, но пока еще только предполагаемых вариантов.

Повтор может передавать нерешительность и обдумывание гипотетического сценария. В тексте Яхиной это проявляется как внутренний диалог, некий страх перед невысказанным до конца предположением:

– Скажите, – Игнатов снимает фуражку, подставляет лицо еле слышному дыханию ветра,
– без вас бы она... она бы не... [11, с. 56]. Повтор «она бы не» репрезентирует процесс внутреннего диалога и колебания персонажа.

Для интенции предположения характерно сочетание имплицитности (умолчание, эллипсис) и эксплицитности (вводные слова), что позволяет передать весь спектр оттенков неуверенности – от робкой надежды до экзистенциального страха.

Выводы

Проведенный анализ диалогов персонажей романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» подтверждает тесную и мотивированную связь между типом когнитивной интенции и используемым синтаксическим инструментарием. Экспрессивные синтаксические конструкции являются неотъемлемым компонентом вербализации когнитивных интенций в диалогическом дискурсе, выступая точными индикаторами когнитивных процессов, стоящих за речью персонажей.

Каждый тип интенции обладает своим «синтаксическим профилем», предопределяющим выбор и функциональное своеобразие ЭСК:

1) **Мнение** тяготеет к средствам, усиливающим субъективность, категоричность и эмоциональную оценку: риторическим восклицаниям и вопросам, коммуникемам, парцелляции. Они служат как для самовыражения, так и для установления иерархии в диалоге (речь Упырихи).

2) **Аргумент** использует ЭСК для усиления логической (часто эмоционально-логической) убедительности и речевого воздействия: повторы, риторические вопросы, эллипсис, умолчание. Они работают на убеждение адресата в ситуации конфликта или отстаивания своей позиции (речь Муртазы).

3) **Предположение** опирается на средства, создающие эффект гипотетичности, неуверенности и недосказанности: вводные слова, умолчание, эллипсис, специфическое

использование риторических вопросов. Они репрезентируют зыбкость мысли, страх, надежду и рефлексию персонажа (внутренняя и внешняя речь Зулейхи).

Таким образом, экспрессивный синтаксис функционирует как мощный механизм объективации внутреннего мира персонажа, его ценностных ориентаций, страхов и стратегий коммуникации. Исследование механизмов вербализации ментальных интенций через синтаксис открывает новые перспективы для когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста и речевого поведения в целом, углубляя понимание неразрывной связи языка, мышления и коммуникации. Дальнейшее изучение этой проблемы может быть связано с анализом интенциональных переходов и совмещений в рамках одного высказывания, а также с исследованием специфики интенционального синтаксиса в дискурсе разных социальных и психологических типов личности.

Библиография

1. Бульнина, М. М. Проблема синтаксического концепта // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 4. С. 67-73. EDN: PUPPIV.
2. Бурдаева, Т. В. Синтаксический концепт "кондициональность" в немецком языке (на материале сложноподчинённых предложений с условными придаточными) // Самарский научный вестник. 2014. № 1 (6). С. 33-36. EDN: SHBMZB.
3. Волохина, Г. А., Попова, З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999. 192 с. EDN: YEYVPB.
4. Дзюба, Е. В. Когнитивная лингвистика : учебное пособие для высших учебных заведений. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. 280 с. EDN: XPQIQP.
5. Лузгина, Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. 2006. № 2006. С. 41-49.
6. Мощева, С. В. Подходы к исследованию интенциональности речевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия "История и филология". 2015. № 5. С. 37-42. EDN: SWNDBG.
7. Петрова, Е. А. Интерпретация синтаксиса в рамках когнитивных исследований // Учёные записки Орловского государственного университета. 2017. № 2 (75). С. 158-160. EDN: ZHCDDT.
8. Петрова, Е. А. К вопросу об интенциональности коммуникации с точки зрения общей когнитивности // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 71-77. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-2-25-71-77. EDN: PZIPSE.
9. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика : учебное издание. Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
10. Филоненко, Н. Г. Субъектно-предикатные отношения во французском художественном тексте: когнитивный аспект // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 52-56. EDN: SMELYP.
11. Яхина, Г. Ш. Зулейха открывает глаза : роман. Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 508 с.
12. Searle, J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 278 p.
13. Серль, Дж. Рациональность в действии. Москва : Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
14. Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008. 562 p.
15. Murphy, E., Venkatesh, R., Khokhlovich, E., Vyshedskiy, A. Merge-based syntax is mediated by distinct neurocognitive mechanisms: A clustering analysis of comprehension abilities in 84,000 individuals with language deficits across nine languages // Journal of

Cognitive Science. 2025. 37 p.

16. Grisot, C. Towards a comprehensive pragmatic model of subjectivity // Journal of Pragmatics. 2024. P. 1-19.

17. Zhou, J. Register-based distribution of expressions of modality in contemporary American English // Nature Communications. 2024. 14 p.

18. Laverio, D. Persuasive rhetoric in public speaking: A discourse analysis // English Journal. 2025. Vol. 7 (1). P. 598-611.

19. Carrasco-Farré, A. LLM Persuasion Draft [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://www.benmtappin.com/papers/LLM_vs_humans.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

20. Quensel, C., Falk, N., Lapesa, G. Investigating Subjective Factors of Argument Strength: Storytelling, Emotions, and Hedging // Proceedings of the 1st Workshop on Argument Mining. 2025. 14 p.

21. Zhu, Y. "The Limitation of This Study Is...": A Diachronic Corpus Analysis of Hedges and Boosters in Communication Research Articles // Open Journal of Social Sciences. 2024. Vol. 12. P. 411-421. DOI: 10.4236/jss.2024.122023. EDN: EMKYZM.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают экспрессивные синтаксические конструкции как средство вербализации и дифференциации когнитивных интенций мнения, аргумента и предположения. Актуальность работы не вызывает сомнения: изучение «механизмов вербализации ментальных интенций через синтаксис открывает новые перспективы для когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста и речевого поведения в целом, углубляя понимание неразрывной связи языка, мышления и коммуникации». Материалом исследования послужили диалоги современной русской прозы, в основном романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза».

Теоретическую базу работы составили труды отечественных и зарубежных ученых в области синтаксического концепта, когнитивного синтаксиса, интенциональности речевого поведения и др. Библиография насчитывает 20 источников, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Однако не все источники находят отражение на страницах статьи: в тексте отсутствуют ссылки на источники 3, 4, 8, 10, 11, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи». Также автору(ам) следует внимательно изучить требования редакции в части оформления библиографического списка и привести библиографию в соответствующий вид (см у источника 5 отсутствуют полные выходные данные (5. Лузгина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. 2006); у источника 6 не указаны номер журнала и страницы (Мощева С. В. Подходы к исследованию интенциональности речевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия "История и филология". 2015). Обращаем внимание на некорректно оформленную ссылку в тексте (см Как подчеркивает С. В. Мощева, интенциональная структура

высказывания – сложное явление, тесно связанное с реализацией целого ряда функций языка [Мощева 2015: 37]).

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы используются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; когнитивный и дискурсивный анализы; методы социокультурного и интертекстуального анализа.

В ходе работы достаточно подробно рассматривается экспрессивный синтаксис как инструмент субъективной оценки и доминирования («в интенции мнения экспрессивные синтаксические конструкции работают на усиление субъективного начала, акцентируя эмоциональную оценку и личную позицию говорящего, часто служа инструментом утверждения власти и психологического давления в диалоге»), синтаксические средства убеждения и речевой борьбы («в интенции аргумента экспрессивные синтаксические конструкции ориентированы не столько на выражение внутреннего состояния, сколько на внешнее воздействие, подкрепление логики (часто эмоциональной) и усиление убедительности в ситуации речевой борьбы»), синтаксис гипотетичности, страха и недосказанности («для интенции предположения характерно сочетание имплицитности (умолчание, эллипсис) и эксплицитности (вводные слова), что позволяет передать весь спектр оттенков неуверенности – от робкой надежды до экзистенциального страха»). Однако теоретические основы интенциональности и проблемы синтаксического концепта представлены кратко (по мнению рецензента, следовало немного подробнее остановиться на ключевых понятиях исследования). В заключительной части статьи обобщаются полученные результаты. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Полученные результаты имеют теоретическую значимость: подтверждена связь между типом когнитивной интенции и используемым синтаксическим инструментарием; уточнен «синтаксический профиль» каждого типа интенции с функциональным своеобразием экспрессивных синтаксических конструкций. Практическая ценность заключается в возможности их применения в курсах по общему языкознанию, стилистике, при проведении когнитивно-дискурсивного анализа художественного дискурса и в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения рецензируемой статьи достаточно интересен. Автор обращает внимание на экспрессивный синтаксис романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». Думаю, что выбор текста не случаен, ибо в тексте есть конструкции, которые, так или иначе, соотносятся с этими формулами. В целом работа хорошо сформирована, она обладает должной теоретической основой, ссылочный вектор также объемён. Но можно усилить цитации самого романа Г. Яхиной для «утяжеления» аргументации. Методологическую базу статьи «составляет когнитивно-прагматический подход, который

рассматривает синтаксические конструкции в их функциональной и смысловой взаимосвязи с интенциональными структурами речи». Выбор в данном случае оправдан, принципы когнитивистики работают верно. Стил сочинения соотносится с научным типом: например, «одним из ключевых понятий, связывающих язык и мышление, является интенциональность – направленность сознания на объекты и положения дел в мире. В речевой деятельности интенциональность реализуется через коммуникативные интенции – конкретные цели высказывания, мотивированные потребностями и мотивами говорящего. Среди многообразия интенций особый интерес представляют когнитивные, или ментальные, интенции, связанные с выражением интеллектуальных состояний: мнения (субъективной оценки), аргументации (обоснования позиции) и предположения (гипотетического суждения)», или «В рамках когнитивной лингвистики утвердился взгляд на предложение не просто как на комбинацию знаков, а как на знак более высокого уровня, обладающий собственным планом содержания – синтаксическим концептом [2;3]. Под этим термином понимается типовая пропозиция, некоторое устойчивое отношение (бытия, оценки, воздействия и др.), зафиксированное в структурной схеме предложения. Синтаксический концепт представляет собой ментальную модель, отражающую определённый способ концептуализации действительности и проявляющуюся в речевом поведении носителя языка» и т.д. Жанр научного изыскания поддерживается на протяжении всего сочинения, серьёзных сбоев не выявлено. На мой взгляд, основной набор приемов экспрессивного толка выверен: это парцелляция, лексический повтор, эллипсис, риторическое умолчание, риторический вопрос и т.д. Аналитика работы налична: «риторические вопросы в предположении служат для выражения сомнения, страха или постановки тревожной гипотезы. В лесу с Муртазой Зулейха задает ему вопрос, выдающий ее мистический страх: ...Как ты думаешь... есть на земле места, куда не проникает взор Аллаха? [11, с. 11]. Риторический вопрос здесь (на который она и не ждет ответа) выражает не столько любопытство, сколько глубоко укорененное в ее сознании предположение-опасение о существовании запредельных, богооставленных мест». Автор стремится к объективности собственной позиции, но это могло быть прописано более фактурно. Нуждается в дополнении заключительный блок, там явно не хватает отсылок к самой теме и роману Г. Яхиной. После внесения небольших корректив статья «Когнитивные интенции в диалоге: как экспрессивный синтаксис выражает мнение, аргумент и предположение в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. Элементы магического реализма в романе Махмуда ар-Рахби "Путь околдованной" // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76384 EDN: OBZNWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76384

Элементы магического реализма в романе Махмуда ар-Рахби "Путь околдованной"

Власова Юлия Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-4311-3403

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 502

✉ vlasova-yue@rudn.ru



Вавичкина Татьяна Анатольевна

ORCID: 0000-0003-3474-5820

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 502

✉ vavichkina-ta@rudn.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76384

EDN:

OBZNWC

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2025

Дата публикации:

24-10-2025

Аннотация: Объектом исследования являются особенности художественного метода

оманского писателя Махмуда ар-Рахби на примере романа «Путь околдованной». В процессе работы обнаруживаются черты магического реализма как способа выражения идей оманского писателя. Описываются элементы этого течения: фольклорные вкрапления, ретропричинность, демонические существа и другие детали. Анализируется манера письма, дается определение творческого метода. Магический реализм помогает рассмотреть окружающий мир с неожиданных сторон, обогатив действительность деталями фольклора. Широкий взгляд на окружающий мир позволяет писателю философски обобщить происходящие в жизни процессы. Активное использование внутренних монологов делает возможным глубже проникнуть в суть характеров персонажей. В ткани романа переплетены несколько сюжетных линий, которые объединяет образ девочки, впавшей в летаргический сон и внезапно воскресшей. Исследование проводилось на основе историко-литературного, сопоставительного и герменевтического методов, с использованием общенаучных методов наблюдения и описания, анализа и синтеза и др. Делается вывод о том, что магический реализм благодаря пересечению различных временных планов и новых способов обобщения позволяет Махмуду ар-Рахби не только привлечь читателя восточным колоритом, но и правдиво и ярко изобразить жизнь Султаната Оман. Сказочные, мистические, фантастические элементы преобразуют повседневную жизнь оманской деревни, добавляя в нее сюрреалистические оттенки. В магическом реализме ар-Рахби нет догматики и идеологизации общественной жизни, но есть легенда, разыгранная реальными персонажами. Запах ладана, колдуны и воскресшая невеста и другие сказочные детали встроены в традиционный быт, синтезированы с полифонией, адаптированы под современные идейно-художественные запросы. Актуальность и научная новизна настоящего исследования обусловлены тем, что творчество этого писателя мало известно за пределами арабского мира.

Ключевые слова:

Султанат Оман, арабская литература, современный роман, Махмуд ар-Рахби, Путь околдованной, магический реализм, черты полистадиальности, мифология Востока, арабский фольклор, исламская демонология

Для обывателя Султанат Оман кажется королевством за семью печатями. До недавних пор самая восточная страна арабского мира была значительно удалена от основных караванных путей Ближнего Востока из-за пустыни Руб-аль-Хали, однако тесно контактировала со странами Южной Азии и Африки благодаря морским путям: Персидскому заливу, Аравийскому морю и Индийскому океану. Торговые связи способствовали обмену товарами, идеями, культурами. В двадцатом веке Оман ощутил их последствия двух мировых войн: осколки колониальной Оманской империи Имамат Оман и Султанат Маскат объединились, а Договорный Оман превратился в ОАЭ [\[1, с. 178\]](#). Литературовед Г. Д. Гачев заметил, что после Второй мировой войны нации и культуры стран Азии, Африки и Латинской Америки, освободились от колониального ига и начали ускоренно развиваться. Такой «ускоренный тип развития» [\[2, с. 4\]](#) был характерен и для арабских стран, которые объединял литературный арабский язык. Как точно заметил арабист и литературный критик М. Н. Суворов, для литератур Ближнего Востока характерна полистадиальность, т.е. «синхронное совмещение в них черт разных стадий развития литературы, которые в более «старых» литературах имели большую временную протяженность и более отчетливо выраженную последовательность» [\[3, с. 57\]](#). Описывая

особенности развития Султаната, востоковеды и переводчики В. Н. Зарытовская и А. М. Аль-Рахби отмечали, что из-за своего географического положения и исторических особенностей «Оман оказался на периферии «золотого века» арабской науки и литератур, что начертало ему особый путь» [\[4, с. 131\]](#). В 1970 году на политической карте мира появилось государство Султанат Оман. Выдающийся монарх султан Кабус бен Саид (1940-2020) за пятьдесят лет своего правления покончил с изоляцией страны от остального мира. Используя доходы от добычи нефти, он провел реформы по модернизации власти, а также осуществил преобразования в области экономики, политической структуры и общественной жизни. В Омане выросло несколько поколений литераторов, которые хранят и славят традиции своей родины. Султанат создал благодатную почву для создания рассказов и повестей благодаря богатой этнографии и разнообразию окружающей среды, а также медленному переходу общества от традиционного уклада к современному. Оманская проза прошла долгий путь от традиционной сказки до многосюжетного романа в его современном понимании. Художественная литература Омана развивалась обособленно из-за расположения страны на окраине арабского мира. Однако в двадцать пером веке она получила заслуженное признание благодаря писательнице Джохе аль-Харси, которой была вручена Букеровская премия за роман «Небесные тела» [\[5\]](#).

Стоит отметить, что культура Султаната Оман отечественными литературоведами изучена слабо. Тем не менее можно упомянуть литературоведческие статьи М. Н. Суворова [\[6, с. 68\]](#), В. Н. Зарытовской [\[7\]](#), и А. М. Аль-Рахби [\[8\]](#), посвященные древним и современным поэтам и писателям Омана. Также вызывает интерес монография И. Н. Сенченко [\[9\]](#) об оманских легендах, сказаниях и исторических фактах. Одним из представителей творческой интеллигенции Султаната стал писатель Махмуд ар-Рахби (р. 1969). Будучи автором нескольких романов и сборников рассказов, он известен в арабском мире. Нужно напомнить, что литератор родился в оманской провинции, а изучал арабскую литературу в Университете короля Мухаммеда Пятого в Марокко. По окончании учебы Махмуд ар-Рахби начал творческую деятельность, за тридцать лет он опубликовал несколько сборников рассказов («Цвет кофе», «Омут забвения», «Почему ты не шутишь со мной?», «Качели между двумя временами», «Крик Мунка», «Плод крестьянина», «Легкие ноши ушедших») и около десятка романов, включая «Путь околдованной», «Карта мечтателя», «Записки странника», «Час рассвета», «Бабочки эзотерика», «Барабаны долины», «Пастбище звёзд», «Конспиратор». Ар-Рахби завоевал несколько престижных литературных наград, в том числе премию на книжной ярмарке в Маскате (2008), взял первое место Премии эмирата Дубай в области культуры (2009) и получил премию султана Кабуса в области культуры, искусства и литературы (2012). Его рассказы дважды (2017 и 2019 годах) входили в шорт-листы кувейтской литературной премии «Аль-Мултака».

Книга под названием «*Darb al-mahshūra*» («Путь околдованной. Утраченные страницы из жизни одной оманской девушки») была опубликована в 2010 году в столице Султаната Оман городе Маскат [\[10\]](#). Произведение было переведено на русский язык Г. Э. Волощенко, и в 2024 году увидело свет в журнале «Иностранная литература». В небольшом по объему труде (сорок пять страниц) автор сумел нарисовать традиционный быт жителей Аравийского полуострова, сравнить судьбы оманцев, ведущих кочевой и оседлый образ жизни, переплетя три составляющих: реалистическое, сверхъестественное и религиозное. Драматичные истории героев даны в гуманистической манере. Переводчик Г. Э. Волощенко отмечал, что это произведение содержит в себе черты неотрадиционалистского стиля, пронизанного древними

сказаниями и фольклорными персонажами [\[11, с. 55\]](#). В основу романа положена литературно обработанная легенда XVII - XVIII вв., помещенная в конце книги. Опирающийся на мотивы национального фольклора роман «Путь околдованной» близок к магическому реализму.

Говоря о литературном термине, упомянем, что его впервые употребил венесуэльский писатель, критик и литературовед Артуро Услар Пьетри в 1948 году статье «Магический реализм» [\[12\]](#). Это направление многолико. Последователями этого творческого метода были не только писатели из Америки (Г. Маркес из Колумбии, М. Астуриас из Гватемалы, А. Карпентер из Кубы, А. Аллен из США), но и Европы (А. Картер из Англии, Г. Гессе из Австрии, Г. Петрович и М. Павич из Сербии). Этим методом пользовались писатели из Азии: С. Рушди из Индии, М. Яня из Китая, Х. Мураками из Японии, П. Суа из Кореи. Магический реализм имеет многочисленных последователей в России: М. Галина, О. Славникова, А. Иванов, В. Орлов, А. Григоренко и другие. Интерес к этому методу возник после окончания Второй мировой войны, когда народы мира переживали трудности послевоенного периода, восстанавливая разрушенную экономику, перемещаясь на новые земли в поисках лучшей жизни. Миграции людей из Азии и Африки на «Землю ладана» привели к формированию особого оманского общества, которое состояло из потомков арабов-бедуинов, африканских рабов и индийских, персидских купцов, было объединено арабским языком и выстроено по законам шариата. Днем оманцы читали суры Корана, восхваляя Аллаха в своих домах и мечетях, а ночью уходили в пустыню и там совершали обряд поклонения духам природы зар, связанный с верованиями африканских рабов, привезенных в Аравию. Это действие подробно изображено в романе соотечественницы Махмуда ар-Рахби Джохи аль-Харси «Небесные тела», а также упоминается в «Пути околдованной». При описании таких персонажей, как духи и колдуны-людоеды, ар-Рахби скорее всего обращался к фольклорным представлениям оманцев и к арабской мифологии. Востоковед М. Б. Пиотровский отмечал: «Каждого человека по представлениям мусульман сопровождают ангел и шайтан, которые побуждают его к добрым и нечестивым поступкам» [\[13, с. 618\]](#). Нужно упомянуть, что джинны, появившиеся в доисламских верованиях, проникшие в Священный Коран, бытуют в современной культуре Ближнего Востока. Еще до появления ислама в Пальмире, Петре, Хатре, и других городах, расположенных на караванных путях Аравии, существовал культ джиннов. Разбирая этимологию арабского слова «джинн», скажем, что «джинн» - множественное число от существительного «джанний». Оба слова происходят от арабского корня «джанна», что означает *покрывать мраком*. Следовательно джинны – это обитатели ночного мира, тесно связанные с духами предков. Однокоренной глагол «аджанна» описывает процедуру похорон, когда покойного заворачивают в саван. Слово «джанаан» в сознании арабов соотносится с *невидимым, неведанным*, а также является синонимом *сердца, души*, наконец, третий вариант перевода носит значение *возлюбленный*. Еще одно схожее по звучанию слово «джунуун» — это одержимость или безумие, которое джинны вселяют в человека. Примечательно, что понятие «джанна» у мусульман соотносится с неким тайным укрытием, райским садом. Из доисламского времени пришли практики излечения болезней, связанные с заклинаниями джиннов. Боль с теле или голове считались происками бесов. Простые люди верили, что помутнение сознания или безумие также возникало из-за того, что человек разозлил духов природы. Согласно представлениям арабов, джинны невидимы, они живут семьями и обитают в заброшенных городах и селениях, где люди пытались найти сокровища. Эти клады золота, серебра и драгоценных камней охраняют джинны. Путник, идя по дороге, мог встретить демонов гули и других духов пустыни. Чтобы защититься от демонов, люди создавали амулеты с

молитвами их Корана. Эти кусочки текста (мусхафы) с сурами помещались в дарохранительницу и считались оберегами от сглаза. Несмотря на то, что арабы в седьмом веке нашей эры приняли ислам, они продолжали верить в нечистую силу. «Язычество бытовало еще долгое время на частном уровне» [\[14, с. 61\]](#). Слово «дух» упоминается в романе пять раз. А слово «колдун» встречается на страницах произведения двадцать раз. Возникает вопрос, о ком роман: о людях или демонах? О колдунах или духах? Название намекает на образ некой околдованной. Во вступлении автор ссылается на отрывок из романа кавказского писателя Курбана Саида «Али и Нино», где человек из народа рассказывает об абреках, то есть людях, на чью долю выпало много несправедливостей, все они парии общества, то есть воры, убийцы или отверженные. Писатель погружает читателя в волшебную среду с помощью сказочного приема – троекратного заклинания, которое создает атмосферу таинственности и настраивает на серьезный лад. Следуя зачину сказки, «Путь околдованной» прокладывает три дороги, рисует три человеческие судьбы. Роман повествует об отверженном человеке-колдуне, который ищет свой жизненный путь, о впавшей в летаргический сон девушке, о материнской любви, торжествующей на справедливом суде. В книге автор поднимает тему жизни, смерти и воскресения. Он одновременно решает несколько проблем, в частности есть ли жизнь после смерти, а также чья любовь сильнее родной матери или приемной. Говоря о композиции, заметим, что начинается роман с истории рассказчика, а завершается стилизованной под старину анонимной поэмой, в которой указаны место и время происшествия: «город Назва, 1698 год, правление имама Сейфа ибн Султана ибн Сейфа ибн Малика» [\[15, с. 273\]](#). Такая структура повышает эффект достоверности.

Внутри этой рамки находятся три реалистические истории: о нелегкой жизни изгоя, об очутившейся в палатке бедуинов девушке и о матери, которая искала пропавшую дочь и верила в ее исцеление. Три сюжета приправлены патриархальным флером и обернуты в завершающую повествование древнюю легенду о чудесном воскрешении невесты. Опирающийся на мотивы оманского фольклора, роман «Путь околдованной» содержит в себе черты магического реализма. Под магическим реализмом в литературе исследователи понимают художественное направление, где мистические элементы вписаны в повседневную жизнь людей. Найдем элементы магического реализма в произведении.

Во-первых, в ткани повествования можно обнаружить фольклорные вкрапления, троекратные повторы «Клянусь этим святым для меня местом, что отныне и впредь я буду отверженным..., клянусь. Если исполню клятву...» [\[15, с. 230\]](#), которые становятся магическим речитативом, вводящим читателя в суть страшной клятвы. Также для создания сказочной атмосферы автор постоянно использует сравнения. На сорока пяти страницах текста встречается шестьдесят сравнительных оборотов. Например, день он сравнивает с плывущим облаком, летящей стрелой или с колышущимся на ветру ростком. «В тот далекий день, далекий, словно плывущее в небе облако, промелькнувшее во сне ребенка» [\[15, с. 230\]](#). Создавая картины жизни человека в пустыне, автор пишет о борьбе, которую он уподобляет то армии, то волне. Фантазия ар-Рахби уподобляет рот человека сосуду, а голодный человек похож на зверя, впившегося в свою жертву. Написанная стихами легенда о чудесном исцелении девушки завершает повествование, усиливая эффект достоверности.

Во-вторых, писатель не утруждает себя объяснять причины появления в сюжете фантастических элементов. Читатель верит, что на дальнем, едва доступном склоне пересохшей долины жили колдуны-людоеды, чьи грубые руки были с острыми когтями.

Крича от злобы на весть людской род, они устраивали разгульные пиры.

В-третьих, герои романа не противятся магическим чарам и не спорят с колдунами. Мать девочки, впавшей в летаргический сон, спокойно приняла весть о том, что ее дочь не умерла от странного человека со смуглым усталым лицом, хитрыми глазами и остроконечной бородкой. Женщина продолжала надеяться, молиться и ждать исцеления.

К четвертому элементу магического реализма можно отнести многочисленные описания состояний души персонажей. Мать околдованной обуревало сильное ощущение того, что ее дочь не умерла. «И этого ощущения было достаточно, чтобы наполнить сердце тенью смутной радости и гордости от того, что судьба, как она полагала, несомненно, осуществит вскоре ее молитвы» [\[15, с. 237\]](#). Автор описывает состояния души персонажей через их эмоции, диалоги и монологи.

Герои выражают свои чувства, уподобившись древним поэтам. Вспоминая молодые годы, муж бедуинки и говорит жене: «Ты помнишь, как я поймал тебя, словно газель» [\[15, с. 256\]](#). Когда бедуинка случайно нашла очнувшуюся ото сна девочку, лежащую на кладбище, то принесла ее в свой шатер, выходила и удочерила, ее муж-инвалид приобрел смысл жизни, ведь он стал отцом. Вот как автор описывает сильные эмоции калеки: «Это бурное, словно поверхность моря, над которой пролетел первый шквал ветра, сочетание чувств, это лихорадочное беспокойство было радостным утешением на пустынном жизненном пути паралитика и огромным облегчением для него. Он вновь захотел читать книгу жизни, и в душе его обрели силу когда-то разбитые крылья надежды» [\[15, с. 255\]](#).

Пятый элемент магического реализма заключается в искажении романного времени. Хронология событий нарушается несколькими вставными сюжетами: рассказом о мытарствах отшельника, очерком о тяжелой жизни бедуинов, несчастным случаем, повествующим, как муж бедуинки упал с коня, гарцуя перед любимой. Эти трагические ситуации, происходившие задолго до летаргического сна, воспринимаются как самостоятельные вставные новеллы, которые добавляют в роман толику драматизма. Писатель меняет хронотоп, перемещая персонажей во времени и пространстве.

Шестой элемент – события изложены, исходя из разных точек зрения: от лица матери, потерявшей дочь, от лица бедуинки, спасшей девочку и вышедшей ее, от лица самой девочки, ставшей невестой. Трехсторонний взгляд дает возможность не только сравнить силу любви женщин, но и понаблюдать за причинами и следствиями поступков героев.

Для магического реализма характерен переход от диалога к внутреннему монологу и обратно. Это седьмой элемент магического реализма, обнаруженный на страницах книги. В структуре романа главы, написанные от имени рассказчика, чередуются с диалогами и внутренними монологами героев. Шесть из двадцати двух глав произведения – внутренние монологи. Их произносят главные герои дважды, выплескивая свои чувства и закольцовывая мысли. Монолог стонающей матери, описывающий события ночи, когда опустела могила дочери, сменяется монологом девочки, лежащей в земле и наблюдающей за своими похоронами. «Я почувствовала толчок глубоко внутри себя, едва мое тело коснулось земли и ударились об нее. Вдруг послышался голос матери, до моего слуха долетел ее плач. Мое тело силилось встать, я хотела поцеловать ее, меня охватило невероятное желание взлететь, прижаться к маминой груди и не отпускать ее. Но бессилие одолело меня. Я была подобна мотыльку, пытавшемуся сдвинуть огромный холм, неожиданно вставший у него на пути» [\[15, с. 252\]](#). Рычаг переключения от первого

лица к третьему лицу и наоборот позволяет до мельчайших подробностей прочувствовать состояние человека, чья душа и тела раздвоились. А сознание отделилось от телесной оболочки и пустилось в путешествие.

Восьмым элементом является противостояние героев. Речь идет не только о суде, на котором сила материнской любви победила. Конфликтная ситуация возникает также между колдуном и обществом, от которого он удалился. Противостоят друг другу физическое и мистическое, буквальное и сакральное. Прошрое из легенды контрастирует с настоящим из романа.

Девятый элемент – ретропричинность, когда читатель путешествует во времени вместе с героями, перемещаясь из прозаического текста романа в поэтический текст легенды, сравнивая эти миры, их форму и содержание.

И наконец десятый элемент — это открытый финал, который дает возможность читателю самому определить, кто прав, а кто виноват, где правда, а где вымысел. Во время судебного процесса судья просит девушку саму решить, кто ее родители. Она выбирает родную мать, однако писатель не комментирует, как сложилась их дальнейшая жизнь, что произошло с бедуинкой и ее мужем. Читателю дается право самому выбрать дальнейший путь развития событий, что добавляет произведению привлекательности.

Нужно добавить несколько слов о художественном стиле Махмуда ар-Рахби. Подражая манере А. Чехова и Э. Хемингуэя, оманец пишет пунктиром. Его краткие предложения и воздушные фразы создают легкую поступь. Стиль можно описать тремя словами: «красиво, мрачно, поэтично». Сюжетные линии окрашены волшебными описаниями и содержат магические элементы. Особое место в романе занимает быт героев. Писатель широкими мазками рисует картины жизни в жилище колдунов, в бедуинском шатре, в простом сельском доме, в доме уважаемого судьи, смакуя детали. «Жилище колдунов располагалось на склоне, возвышавшемся над безбрежным пространством, полном жизни и песка. Они выбирали себе места с новолуния до полной луны, чтобы открывался обзор и оттуда были видны их жертвы. Это был задний склон далекой горы, куда не долетал ни единый звук» [\[15, с. 236\]](#). Текст книги пропитан живой реальностью. А так выглядит традиционная хижина оманца: «Земляной дом с несколькими смежными комнатами выходил на быстрый ручей, куда мать обычно ходила посидеть на берегу и вымыть посуду после каждой трапезы, напевая при этом что-то грустное. Края пальмовых циновок трепетали от малейшего дуновения ветра, а двери были открыты всю ночь и утро, независимо от того, есть ли хозяева дома или их нет. И солнце, заглядывавшее в дом, рассеивало по всем комнатам свой нестерпимо яркий свет и проходило им словно метлой по циновкам, стенам, углам, лицам и медленно движущимся телам» [\[15, с. 260\]](#).

Рассказчик ар-Рахби не учит читателя жизни, он отстранено повествует о событиях, он позволяет выйти на авансцену героям, каждый из которых имеет право голоса. Магический реализм «Пути околдованной» пересекается с модернизмом, что проявляется в явлении полифонии, пронизывающей текст книги. Многоголосье слышится с каждой страницы романа. В этом произведении читатель сталкивается с первобытным обществом, где события интерпретируются, а персонажи ведут себя в соответствии с божественным откровением или унаследованными традициями и обычаями. Писатель объясняет, что, если ребенок рождается не таким, как другие, это означает, что он святой или волшебник. Чтобы стать настоящим магом, человек решает достичь откровения, которое дало ему право творить чудеса, в том числе исцелить ребенка. Это произведение было попыткой автора переосмыслить окружающий нас мир, чтобы понять

и прочесть его, а не изменить. Благодаря череде удивительных и странных событий читатель узнаёт о состояниях человеческого сознания и играх разума во всех проявлениях. Любое явление для ар-Рахби заслуживает повествовательной паузы. Пронзительно и ярко передано настроение влюбленного бедуина: «Он построил для жены шатер вдалеке, потому что у него был конь Хамиша, который мог быстро примчаться в любую точку, как бы далеко ни пришлось скакать. Он закрывал ей глаза повязкой, когда они мчались на Хамише навестить ее семью, чтобы она поняла, что может добраться до родных быстрее, чем могла вообразить в самых счастливых и дерзких мечтах» [\[15, с. 254\]](#). Важная повествовательная деталь - моментальный снимок. Большую роль в манере письма ар-Рахби играет стоп-кадр. Обыденное по своей природе явление (например, ежедневный рутинный процесс выпечки лепешек) автор считает существенным. Калейдоскоп деталей составляет яркую картину под названием традиционная оманская жизнь. Интерес автора к бытовым деталям связан с тем, что он родом из страны, где до недавнего времени повествование было ежедневной пищей для воображения. Легенды о магии в Омане были словно ежедневное питье, которое кормилицы давали детям перед сном.

Подводя итоги исследования, подчеркнем, что магический реализм оманского писателя Махмуда ар-Рахби, пронизывающий роман «Путь околдованной», открывает читателю страницы давней истории Султаната Оман, чьи потомки живут в двадцать первом веке. В наше время оманская литература переживает подъем, обусловленный реформами султана Кабуса. Культура «Земли ладана» сформировалась во времена Оманской империи, простиравшейся от Персидского залива до восточного побережья Африки, и вобрала в себя мифы и легенды арабов, африканцев и азиатов. Мультикультурное оманское общество породило уникальную литературу, в которой все еще живо мифологическое сознание. В художественных произведениях оманских литераторов можно найти мотивы превращения, путешествия во времени и воскрешения. Образ демона или колдуна – типичный персонаж литературы. С помощью магического реализма Махмуда ар-Рахби решает различные задачи: он показывает идентичность оманского этноса, помогает постигнуть трагической действительности, обобщает быстро меняющуюся реальность. С помощью магического реализма читатель может отыскать в реальной жизни мистические, фантастические, сказочные черты. В реализме есть элементы фантастики и модернизма. Ар-Рахби отказывается от канонов реалистического романа. Он обращается к невысказанному, преодолевая стереотипы, устоявшиеся в социальных драмах. Писателю чуждо любование прошлым. Он не приукрашивает настоящее. Это позволяет говорить о том, что литератор в романе «Путь околдованной» сформировал свой особенный творческий метод - магический реализм Махмуда ар-Рахби.

Изучение творчества Махмуда ар-Рахби, существенно обогатит знания россиян о «Земле ладана», расширит представления читателей о жанрах современной оманской литературы и будет способствовать дальнейшему диалогу цивилизаций.

Библиография

1. Власова Ю. Е. Курс лекций по лингвострановедению (арабские страны). Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Изд-во РУДН, 2010. 293 с.
2. Гачев Г. Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
3. Суворов М. Н. Реализм и модернизм в художественной прозе стран Аравии // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 13. № 4. С. 61-68.
4. Зарытовская В. Н., Аль-Рахби А. М. Ибадизм в зеркале словесной культуры:

- особенности поэтики Абу Муслима Аль-Бахляни и его сподвижников // ВОСТОК (ORIENS). 2021. № 4. С. 128-137. DOI: 10.31857/S086919080011813-1 EDN: KKV BAN.
5. Аль-Рахби А. М., Зарытовская В. Н. Шорт-лист арабского букера-2020: между экспериментом и классическим историческим романом // Азия и Африка сегодня. 2020. Выпуск № 6. С. 74-77. DOI: 10.31857/S032150750009882-2 EDN: PCXFSS.
6. Суворов М. Н. "Большая" проза ОАЭ в 1990-е годы: черты полистадиальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 3. С. 57-64. EDN: RCHXZF.
7. Зарытовская В. Н., Аль-Рахби А. М. Женские образы на историческом фоне: победа оманской писательницы Джохи аль-Харти в The Man Booker International Prize-2019 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 692-704. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-692-704 EDN: LCXJWY.
8. Зарытовская В. Н., Аль-Рахби А. М. Эволюция арабской исторической литературы и ее современные тенденции: каноны и инварианты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2023. Т. 28. С. 256-270. DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-256-270 EDN: PNMZSE.
9. Сенченко И. П. Султанат Оман. Легенды, сказания и факты истории. СПб.: Алетея, 2012. 430 с.
10. Al-Rahbi M. Darb al-mahshūra [The Way of the Bewitched]. Muscat, 2010. P. 44.
11. Волощенко Г. Э. Колорит оманского Средневековья в романе Махмуда ар-Рахби "Путь околдованной" // Гуманитарный акцент. 2020. № 2. С. 48-55. EDN: WCYHFZ.
12. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. 117 с. EDN: YHOVOX.
13. Пиотровский М. Б. Шайтан // Мифологический словарь. Москва: "Советская энциклопедия", 1991. 736 с.
14. Воробьева Н. Н. Арабские мифы. Москва: "Эксмо", 2025. 240 с.
15. Ар-Рахби, Махмуд. Путь околдованной. Утраченные страницы из жизни одной оманской девушки. Роман // Иностранная литература. 2024. № 9. С. 228-273.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию элементов магического реализма в творчестве современного оманского писателя Махмуда ар-Рахби. Основное внимание уделено анализу его романа «Путь околдованной», опубликованного в 2010 году и недавно переведённого на русский язык (2024).

Автор применяет историко-литературный подход, рассматривая творчество М. ар-Рахби в контексте исторического развития оманской литературы и культурных традиций региона. В работе использованы методы анализа нарратива, композиционного построения и стилистических приёмов, что позволило автору выявить характерные признаки магического реализма.

Исследование представляет значительный научный интерес, поскольку раскрывает специфику оманской литературы, недостаточно изученной отечественной наукой. Обращение к творчеству такого важного представителя современной арабской

литературы способствует обогащению знаний о культурной жизни региона и развитию межкультурного диалога.

Новаторство данной работы состоит в комплексном подходе к изучению творчества М. ар-Рахби. Выявляются ключевые элементы магического реализма именно в контексте его произведений; исследуется влияние региональных традиций и фольклорных мотивов на формирование уникального стиля писателя. Ранее подобный анализ практически не проводился.

Текст статьи структурирован и логически выстроен. Автор проводит обзор исторического контекста и предоставляет биографическую справку о писателе. Затем в статье проводится детальный разбор содержания романа, и выявляются признаки магического реализма. Заключение подводит итог всему исследованию, подчёркивается вклад М. ар-Рахби в современную мировую литературу. Тем не менее, отдельные абзацы перегружены цитатами и теоретическими выкладками, что затрудняет восприятие материала. Не хватает примеров иллюстраций конкретных эпизодов из романа, иллюстрирующих заявленные тезисы.

Основная часть работы представляет собой анализ романа «Путь околдованной». Автор рассматривает основные сюжетные линии, включающие три человеческих судьбы, историю загробной жизни, мистицизм и народные поверья. Кроме того, подробно описаны визуальные характеристики местности, быта и эмоциональные переживания героев. Выделяются десять ключевых элементов магического реализма, присущих данному произведению.

Список использованных источников обширен и включает как русскоязычные, так и англоязычные публикации. Здесь представлены работы известных ученых, занимающихся проблемами арабской литературы и культурой региона.

В статье отсутствуют прямые полемические высказывания, направленные на критику существующих подходов. Однако подразумевается определённая критика отсутствия глубокого анализа магического реализма в российской науке относительно работ авторов арабского происхождения. В статье также представлены мнения отдельных критиков и учёных, согласующихся с позицией автора.

Заключение подтверждает значимость творчества М. ар-Рахби для понимания культурного наследия региона. Особенностью подхода автора статьи является попытка выделить индивидуальные творческие черты писателя, обозначив их в рамках общелитературного явления магического реализма. Итоговый вывод формулируется достаточно убедительно, отмечается необходимость дальнейших исследований.

Рецензируемая статья будет интересна широкому кругу читателей, которые увлекаются арабской литературой, культурологией и историей регионов Ближнего Востока. Особенно полезна статья будет студентам филологических факультетов, аспирантам и исследователям, занимающимся изучением восточной литературы.

В целом, статья соответствует основным предъявляемым требованиям и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Проданик Н.В. «Пиковая дама» А. С. Пушкина как полижанровый текст: хронотоп, наррация и мировоззрение автора // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.75442 EDN: OCRSKZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75442

«Пиковая дама» А. С. Пушкина как полижанровый текст: хронотоп, наррация и мировоззрение автора

Проданик Надежда Владимировна

ORCID: 0000-0003-1871-328X

кандидат филологических наук

доцент; кафедра литературы и культурологии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет»

644099, Россия, Омская обл., г. Омск, Центральный округ, ул. Партизанская, д. 4А

✉ omsk.nadezhda@mail.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.75442

EDN:

OCRSKZ

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2025

Дата публикации:

28-10-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье стали хронотопические координаты внутреннего мира повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1833): петербургская «долгая зимняя ночь», «запертая дверь» и числовая символика времени. Все они ранее упоминались отечественными и зарубежными исследователями текста, но не были подробно проанализированы ими. В настоящей статье указанные хронотопические элементы впервые рассмотрены систематически, изучены в контексте пушкинского творчества 1830-х годов. Кроме того, в зоне внимания в статье оказалась нарративная организация текста: в ходе анализа выявлялась специфика использования автором лексем «казаться» и «показаться» в повествовательной ткани произведения. С помощью

этих лексем автором были воссозданы пограничные пространственно-временные координаты художественного мира "Пиковой дамы". Цель исследования – определить хронотопические элементы, относящиеся к различным жанровым моделям: новелле/нефантастической повести или сказке/повести фантастической; осознать принципы взаимодействия жанровых элементов и осмыслить жизнеощущение автора, обусловившее столь сложную природу текста. В этой связи в качестве аналитического инструментария использован комплекс методов: востребованы элементы жанрового и нарративного анализ. В результате проведенного исследования делаются выводы, что полижанровая природа «Пиковой дамы» образована синтезом жанровых элементов и их контроверзой: во внутреннем мире художественного произведения сказочный хронотоп «взрывает» будничное течение жизни, а обыденно-повествовательная наррация тормозит энергию фантастического и сказочного. Полижанровой природой текста инициируется понимание хронотопических деталей произведения в нескольких смысловых ракурсах одновременно. При этом точка зрения нарратора представляет из себя витальный контрапункт, часто выраженный лексемами «казалось» и «показалось»; этот повествовательный контрапункт лишен догматического всезнания, поскольку автор открыт всему многообразию Жизни. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при создании лекционных курсов, посвященных изучению творчества А. С. Пушкина и русской прозы XIX века.

Ключевые слова:

А. С. Пушкин, творчество Пушкина, Пиковая дама, жанр, полижанровая природа текста, жанровый синтез, жанровая контроверза, хронотоп, нарративная структура текста, гармония

Введение

Повесть «Пиковая дама», созданная А. С. Пушкиным в 1833 году, не одно столетие находится в эпицентре внимания литературных критиков и литературоведов. За это время первые споры о возможном жанре произведения (анекдот [\[1, с. 577\]](#), повесть социально-исторической проблематики [\[2, с. 364\]](#)) сменились суждениями о полижанровой природе текста [\[3, с. 68-69\]](#). Многомерная жанровая структура текста не вызывает сомнений, однако, на наш взгляд, сегодня перед учеными стоит еще одна актуальная задача: необходимо задаться вопросом о принципах взаимодействия жанровых моделей внутри художественного мира «Пиковой дамы», поскольку жанровая комбинаторика произведения рельефнее обнажает авторскую витальную позицию, сложившуюся к 1830-м годам.

Открывая для себя художественный мир «Пиковой дамы», читатель оказывается в плену стереотипного жанрового ожидания: представляется, что его ждет бытовая новелла или нефантастическая повесть. Кстати сказать, так считали и некоторые исследователи пушкинского текста [\[2, с. 363-365\]](#). Действие первой части повести идет обычной зимней ночью, а финал карточной игры совпадает с предрассветной порой. На первый взгляд, ничего не нарушает логику повествования, вполне обоснованно звучит и замечание повествователя, что «долгая зимняя ночь прошла незаметно» [\[4, с. 210\]](#) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Н. П.). Незаметное течение времени может быть объяснено психологическими причинами — игра в карты сжала временной предел, т. к. азарт отменил счет часам и минутам.

Усыпленная бдительность читателя не позволяет ему заметить, что временные координаты уже волшебнo-сказочным образом сдвинуты. Такова хронологическая специфика финальных предложений первой части: «Однако пора спать: уже без четверти шесть. В самом деле, уж рассветало...» [\[4, с. 213\]](#). Время рассвета в «Пиковой даме» явно противоречит природному рассветному часу: зимой в Петербурге солнце позже встает над горизонтом, к тому же «долгая зимняя ночь» попросту не может долгой, если она так рано завершается.

Основная часть

За примерами обратимся к другим текстам: так, не нарушен природно сообразный ход времени в романе «Евгений Онегин» и в повести «Барышня-крестьянка». Как доказал Ю. М. Лотман, восстанавливая хронотоп дуэли Онегина и Ленского и пользуясь при этом данными Тартуской (Дерптской) обсерватории, в день зимнего поединка (14 января 1821 года) солнце взошло только в 8 часов 20 минут. Подготовка к дуэли могла занять до получаса, и только ближе к девяти часам утра в условиях достаточной видимости дуэль состоялась [\[5, с. 303\]](#). По своей длительности ночной период в «Пиковой даме» очень похож на краткую весеннюю ночь из повести «Барышня-крестьянка», где в тот же час (в начале шестого утра) солнце лишь пробивается над горизонтом: «Заря сияла на востоке, и золотые гряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя <...> Она думала ... но можно ли с точностью определить, о чем думает семнадцатилетняя барышня, одна, в роще, в шестом часу весеннего утра?» [\[4, с. 104\]](#).

Любопытно, что в «петербургской повести» время суток сбивается со своего привычного хода после слов, имеющих жанровую прогностику и задающих движение событий сразу в двух координатах. Во-первых, в координатах бытовой новеллы, анекдота, нефантастической повести (так утвердил один игрок, воскликнув после анекдота Томского: «Случай!») и, во-вторых, в волшебном плане сказки, фантастической повести («Сказка!» – так воскликнул Германн) [\[4, с. 212\]](#). Исследователи говорят о «Пиковой даме» как о синтетическом – «полижанровом образовании» [\[6, с. 8; 7, с. 307–315; 8, с. 40\]](#), однако полагаем, что в некоторых случаях здесь можно наблюдать вместе с синтезом жанров и их контроверзу, поскольку черты одного жанра вступают в противоречие с чертами жанра другого. Например, в хронотопе «долгой зимней ночи», завершающейся столь рано, демонстрируется сказочное течение времени. Такое необъяснимое сокращение зимнего ночного периода, противоречащее природному закону, противоречит жанру реалистической повести, копирующей действительность. В сказке же, как отмечал Д. С. Лихачев, есть чудесная легкость мира, она обусловлена отсутствием сопротивления материальной среды, следствием чего и становится отмена законов природы [\[9, с. 339–340\]](#).

Вместе с тем нарративное решение этого сказочного хронотопа выглядит вполне реалистически, неволшебнo: нарратор никак эмоциональнo не акцентирует чудесную смену времени суток. Интонационнoе спокойствие нарратора не дает читателю сразу заметить этот хронологический парадокс. Тем самым формируется полижанр, в котором, наряду с контроверзой жанров сказки и новеллы/повести, соединяются сказочный хронотоп и его реалистически бытовая наррация.

Принципы синтеза и контроверзы элементов разных жанров еще более отчетливо видны на примере другого фрагмента «Пиковой дамы». В произведении к сказочному хронотопу апеллирует числовая символика — события часто происходят в «волшебные» «три», «двенадцать» часов. Указание же минут при этих часах — «без четверти три», «двадцать

минут двенадцатого», «половина двенадцатого» — словно возвращает бытие из волшебного топоса в прозаический: в тот бытовой мир, который расчислен в пространстве и времени. Согласимся с мнением Н. Н. Петруниной, что у Пушкина «...чудесное вплетается в ткань повествования реалистического» [10, с. 49], и усомнимся в правоте Н. Розена, утверждавшего, что игровое событие в произведении Пушкина имеет только сверхъестественное происхождение [11, с. 270]. На наш взгляд, сведение в наррации двух характеристик — время волшебное и время повседневно-бытовое — демонстрирует, что хронос задан сразу в двух осях координат. И ось непредсказуемого, необъяснимого пересекается с осью реально-исторической в художественном мире «Пиковой дамы».

Двойная система хронотопических координат дает о себе знать и тогда, когда читатель стремится понять, в какой жанровой системе и, соответственно, в какой плоскости бытия ему необходимо декодировать такой пространственный элемент текста, как глагол «запереть». Ученые еще в XX веке выдвинули гипотезу [6, с. 8], что Германн входит в дом графини сквозь запертые двери: швейцар «запер двери», но «...в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени...» [4, с. 223-224]. Литературоведы предположили, что так дает о себе знать логика чудесного.

Между тем в «Словаре языка Пушкина» этот глагол обладает двумя значениями: «замкнуть, закрыть на замок, запор» и «затворить», прикрыть дверь, не пользуясь замком [12, с. 81]. В своих произведениях автор использует оба значения глагола «запереть». В повести «Станционный смотритель» Самсон Вырин ждал у «запертых дверей» петербургской квартиры дочери, позже «ключ загремел, ему отворили...» [4, с. 96]. И, напротив, без ключа открываются запертые двери в «Выстреле». Граф «..запер двери, не велел никому входить...», но в кульминационный момент запертые двери с легкостью отворяются, не давая совершиться непоправимому: «Сильвио стал в меня прицеливаться. Вдруг двери отворились, Маша вбегает и с визгом кидается мне на шею...» [4, с. 68].

Оказавшись во внутреннем мире «Пиковой дамы», читатель не может однозначно решить, какими жанровыми «навигаторами» ему воспользоваться для определения способа преодоления героем закрытого пространства – чудесным или бесчудесным? Если и допустить, что обычный человек (Германн) волшебным образом прошел сквозь запертые двери, то странным покажется факт, что призрак графини уходит из комнаты Германна неволшебным образом, хлопая дверью: «Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях...» [4, с. 233].

Вдумчивый реципиент «Пиковой дамы» постоянно балансирует на границе были и вымысла, пытается найти ответ и ...тут же сомневается в его правильности, поскольку перед ним находится полисмысловая магма текста. Неакцентированно вкрапленные нарратором в произведение хронотопические сбивки (долгая зимняя ночь, оказавшаяся недолгой) или потенциально двойственно понятые элементы художественного мира (запертые на ключ двери или только прикрытые без замка и ключа) формируют полижанровую структуру текста [13, с. 48], которую можно определить как повесть «случай-или-сказка».

Согласимся с литературоведами, заявляющими, что художественный мир «Пиковой дамы» создан как полижанровая структура и как жанровое пограничье. Аргументируя

точку зрения последних, укажем, что граница задана и в восприятии героя. К примеру, Германну во всей произошедшей истории многое «показалось» или «казалось»: «казалось», что «неведомая сила» влекла Германа к дому графини [4, с. 220]; «показалась» усмешка мертвой графини [4, с. 232]; и даже «показалось», что пиковая дама на карте усмехнулась и прищурилась [4, с. 237]. Этот глагол не дает возможности ни герою, ни читателю однозначно решить: случившееся волшебным образом пригрезилось субъекту или, не пригрезившись, лишь неотчетливо увиделось в действительности? Иначе говоря, все это было в реальности или случилось только в воспаленном мозгу персонажа? Любое решение стало бы своеобразным шагом в сторону одного жанра и одной модели мировидения, но текст Пушкина представляет нам постоянное пограничье и динамическое взаимодействие различных жанровых начал: сказочно-фантастического и повседневно-исторического.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, акцентируем и уточним основные суждения. Полагаем, что в зоне видения нарратора «Пиковой дамы» оказываются гармонично соположены полярные начала (о синтетической повествовательной ткани говорил еще В. В. Виноградов [14, с. 75]). На наш взгляд, перед читателем оказывается гармония нарративных и жанровых единиц в духе «лука и лиры» – **гармония сопряжения противоположностей** [15, с. 66–67], в том числе объединения элементов жанров-антиномий: бытовой новеллы и сказки, фантастической и нефантастической повести. Благодаря их совмещению, иррациональное, стихийное проникает в реальный (прозаический, исторически определенный) мир, тем самым посюстороннее перестает быть одномерным. Вместе с тем энергия волшебного оказывается не в силах вырваться из рамки ясного, несказочного витального взгляда нарратора. Внутренний мир художественного произведения выглядит динамичным, а не окончательно решенным или статичным.

Так же динамично «Заключение» текста, в его последних строках — возврат к прозе жизни и ...залог возможного повторения событий с новыми героями. Тому подтверждение — сходство судеб Лизаветы Ивановны и графини, этим сходством рождается предположение, что через какое-то время в жизни Лизаветы Ивановны возможно вновь оживет тайна трех карт. Таким образом, сюжетная завершенность в «Заключении» соплагается со своей антитезой — гипотетически возможным возобновлением и повторением сюжета.

Заметим, что в первой сохранившейся редакции «Пиковой дамы» автор ни разу не употребил глагол «казаться» или его однокоренных вариантов; изображенные события здесь формировали единый повседневно-реалистический план жизни — концентрировались в очевидной действительности [4, с. 495–496]. В окончательной же редакции текста Пушкин поменял строение художественного мира, усложнив его: теперь чудесное «взрывает» заранее продуманный порядок жизни героев (о предсказуемости своей жизни думает Германн в начале произведения), а логико-рациональное начало охраняет витальные силы от экстатического взрыва случайностей или фантастического объяснения произошедшего, одновременно обнажая свою инерционную силу.

Изменил автор и нарративную природу своего творения, исключив рассказчика из действующих лиц; первый вариант текста начинался словами: «Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей...» [4, с. 495]. Как видим, сначала рассказчик был одним из героев всего происходящего. Окончательная же редакция

«Пиковой дамы» представляет собой усложненную повествовательную природу: в тексте **зрение нарратора – это контрапункт видения, но не всезнания**. Непрерывная смена точек зрения на изображаемое событие и хронотоп; полижанровая природа текста и обусловленная этим возможность нескольких толкований одного события и хронотопической детали; финал, в котором заложено вероятное возобновление сюжета – все это провоцирует бесконечный внутренний диалог читателя, он сталкивается с невозможностью что-либо решить окончательно. Создается «неразъятая анализом тайна события» [\[6, с. 8\]](#), она состоит в том, что жизнь обладает бесконечным числом перспектив саморазвития, не укладывающихся ни в какие жанрово-онтологические модели.

Сам Пушкин, утверждая эту многовариантность и оптимистическую перспективу грядущего, в письме другу восклицал: «Но жизнь все еще богата...» [\[16, с. 286\]](#). Автор, благодаря своему «стереометрическому» зрению и дару угадчика, видел полярно-синтетическую сущность Жизни, ее многомерность и таким строением текста «Пиковой дамы» открывал простор «свободной игре смысловых возможностей» [\[17, с. 79\]](#).

Библиография

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине: 1843–1846 / В. Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 99-583.
2. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1948. – 436 с.
3. Муравьева О. С. Фантастика в повести Пушкина "Пиковая дама" // Пушкин: исследования и материалы. Т. 8. – Л.: Наука, 1978. – С. 62-69.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 6. Художественная проза / Примечания проф. Б. В. Томашевского. – Л.: "Наука" Ленинградское отд., 1978. – 577 с.
5. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий: Пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
6. Бочаров С. Случай или сказка? // Литература. Еженедельное приложение к газете "Первое сентября". – 2000. – № 3. – С. 7-8.
7. Шмид В. "Пиковая дама" как метатекстуальная новелла // Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: "Повести Белкина" и "Пиковая дама" / пер. с нем. А. И. Жеребина (I и II части); 2-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – С. 287-325.
8. Филонов Е. А. "Пиковая дама" Пушкина: к вопросу о генезисе жанра петербургской повести // Культура и текст. – 2023. – № 2 (53). – С. 31-47. DOI 10.37386/2305-4077-2023-2-31-47 EDN: PCPGNX
9. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 359 с.
10. Петрунина Н. Н. Пушкин и традиции волшебного повествования (к поэтике "Пиковой дамы") // Русская литература. – 1980. – № 3. – С. 30-50.
11. Nathan Rosen. The Magic Cards in The Queen of Spades // The Slavic and East European Journal. Vol. 19. No. 3 (Autumn, 1975). Pp. 255-275.
12. Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 2. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. – 1014 с.
13. Проданик Н. В. Образ Петербурга в "Пиковой даме" А. С. Пушкина: поэтика хронотопических противоречий // Пушкинские чтения – 2003. Петербургский текст повседневной культуры: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт – Петербург, 6 июня 2003 г.) – СПб: Лен. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, 2003. – С. 43-49.
14. Виноградов В. В. Стиль "Пиковой дамы" // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии

- / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – [Вып.] 2. – С. 74-147.
15. Асоян А. А. Катарсис, "лук и лира" и гибель Пушкина // Вестник Омского университета. – 1997. – № 2 (4). – С. 66-67.
16. Пушкин А. С. П. А. Плетневу // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 10. Письма / текст проверен и примечания составлены проф. Л. Б. Модзалевским и И. М. Семенко под ред. проф. Б. В. Томашевского. – Л.: "Наука" Ленинградское отд. 1979. – 713 с.
17. Чумаков Ю. Н. "Евгений Онегин" и русский стихотворный роман. – Новосибирск: НГПИ, 1983. – 86 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья, представленная к публикации, ориентирована на анализ повести А.С. Пушкина «Пиковая дама». Проблемный вектор работы вполне конкретен, точен, субъективен. Общий аналитический ценз выверен, фактические составляющие учтены: например, «Вместе с тем нарративное решение этого сказочного хронотопа выглядит вполне реалистически, неволебно: нарратор никак эмоционально не акцентирует чудесную смену времени суток. Интонационное спокойствие нарратора не дает читателю сразу заметить этот хронологический парадокс. Тем самым формируется полижанр, в котором, наряду с контроверзой жанров сказки и новеллы/повести, соединяются сказочный хронотоп и его реалистически бытовая наррация» и т.д. Работа имеет заверченный вид, она достаточна аналитична, позиция автора точна и объективна. Стил ь соотносится с научным типом изысканий: например, «двойная система хронотопических координат дает о себе знать и тогда, когда читатель стремится понять, в какой жанровой системе и, соответственно, в какой плоскости бытия ему необходимо декодировать такой пространственный элемент текста, как глагол «запереть». Ученые еще в XX веке выдвинули гипотезу [6, с. 8], что Германн входит в дом графини сквозь запертые двери: швейцар «запер двери», но «...в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени...» [4, с. 223–224]. Литературоведы предположили, что так дает о себе знать логика чудесного». Как видно, ссылочный вариант вполне объективен. Проблемный вектор работы может иметь и новый извод, но в пределах данного текста часть задач так или иначе решена. Автор приходит к выводу, что «Как видим, сначала рассказчик был одним из героев всего происходящего. Окончательная же редакция «Пиковой дамы» представляет собой усложненную повествовательную природу: в тексте зрение нарратора – это контрапункт видения, но не всезнания. Непрерывная смена точек зрения на изображаемое событие и хронотоп; полижанровая природа текста и обусловленная этим возможность нескольких толкований одного события и хронотопической детали; финал, в котором заложено вероятное возобновление сюжета – все это провоцирует бесконечный внутренний диалог читателя, он сталкивается с невозможностью что-либо решить окончательно. Создается «неразъятая анализом тайна события». Таким образом, цель работы как таковая достигнута, актуализация вопроса аргументирована, позиционные позиции достигнуты; общие требования научного издания учтены. Считаю, что рецензируемая статья ««Пиковая дама» А. С. Пушкина как полижанровый текст: хронотоп, наррация и мировоззрение автора» может быть рекомендована к открытой

публикации в журнале «Филология: научные исследования», так как ее базовые составляющие выполнены.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Корниенко С.Ю. Плач как пляс в творческой тетради и книге стихов «После России»: к вопросу об адресате стихотворения Марины Цветаевой «Плач цыганки по графу Зубову» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 94-107. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76436 EDN: HEBMBY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76436

Плач как пляс в творческой тетради и книге стихов «После России»: к вопросу об адресате стихотворения Марины Цветаевой «Плач цыганки по графу Зубову»

Корниенко Светлана Юрьевна

ORCID: 0000-0003-1256-683X

доктор филологических наук

профессор; кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе; Новосибирский государственный педагогический университет

630126, г. Новосибирск, Вилуйская, 28, к. 1

✉ sve-kornienko@yandex.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76436

EDN:

HEBMBY

Дата направления статьи в редакцию:

21-10-2025

Дата публикации:

28-10-2025

Аннотация: В статье решается вопрос об адресате стихотворения М. И. Цветаевой «Плач цыганки по графу Зубову», вошедшего в книгу стихов «После России», привлекается новый архивный материал и анализируется поэтика произведения. Авангардный характер цветаевского текста выражается в приемах коллажного разложения поэтического образа, языковой игре, сближениях на уровне поэтики ее экспериментов с футуризмом и конструктивизмом, что было замечено ведущими критиками (В. Булич, Д. Святополком-Мирским, Вл. Ходасевичем, Г. Адамовичем). Биографические изыскания, связанные с поиском прототипа графа Зубова, позволили

сделать вывод об условности этого героя, чей образ является суммой исторических персонажей: от галереи разнообразных Зубовых, большинство которых были связаны с армейской службой, до графа Ф. Толстого-Американца, которого спасла цыганка. Все эти персонажи имеют черты привлекающей Цветаеву авантюрной и аристократической натуры. Цветаевская творческая лаборатория, представленная ее черновой тетрадью, позволяет увидеть связь образов, возникших в стихотворении, с соседствующим с ним черновиком письма Б. Л. Пастернаку. Для решения поставленных задач используется комплекс методов текстологического и историко-литературного анализа. За неделю до написания стихотворения Цветаева отправит Пастернаку личное письмо, в котором проговорит комплекс авторских фобий и отрефлексирует творческое влияние, актуализируя ряд стихотворений в подаренной ей книге «Темы и вариации», куда будут входить «пушкинские» стихотворения Пастернака («Облако. Звезды. И сбоку...», «Так начинают. Года в два...»), содержащие отсылки к поэме «Цыганы». Маркером соотнесенности образа графа Зубова с Пастернаком является образ фонарного столба, эта деталь не случайно встречается и в стихотворении, и в цветаевском письме. Выводы. Стихотворение «Плач цыганки по графу Зубову можно отнести к адресованной лирике. Методом короткого наплыва Цветаева создает двоящийся образ адресата неистового пляса (плача) цыганки: эксплицитно – по условному графу Зубову и имплицитно – по сообщившему о своем отъезде в Советскую Россию Борису Пастернаку.

Ключевые слова:

Марина Цветаева, Борис Пастернак, цыганский миф, адресованная лирика, поэтика авангарда, текстология XX в., модернизм, После России, Темы и вариации, персональный миф

В книгу стихов М. И. Цветаевой «После России» (1928) включено стихотворение «Плач цыганки по графу Зубову» (1923), отличное от ряда других не только появлением в заголовочном комплексе имени собственного не литературного или мифологического происхождения, но и самой лирической героиней, представшей в образе неистовой цыганки, оплакивающей (оплясывающей) покинувшего ее графа Зубова. Цыганские образы и связанные с ними сюжеты гадания, ворожбы, обмана характерны для лирики Цветаевой 1915–1917 г., где подобная героиня предстает альтер-эго самой Цветаевой, еще в «Юношеских стихах», по наблюдениям А. Степанова, прошедшей путь от «декоративной цыганщины» к психологически сложному образу «вероломной» и, одновременно, верной себе героини – носительницы «цыганской страсти разлуки» [\[1, с. 305\]](#). Исследовавший потенциал цыганского мифа в контексте мифотворческих построений младшего символизма В. В. Мароши отмечал, что «мотивы экстатической страсти, изображение цыганок как “мэнад”, “оргийность” исполнения песен и танцев, любовное безумие, постоянное присутствие хора, символика огня и ночи должны были привлечь внимание создателя (имеется в виду Вяч. Иванов. – С. К.) самой убедительной версии архетипа Диониса в культуре» [\[2, с. 65\]](#). В следующем модернистском поколении напрашивающееся в логике характерного для синтетического модернизма (понятие С. Венгерова), но так и не осуществленное уподобление поэта стихийного (оргастически-дионисийского) типа цыганке воплотит Марина Цветаева в ряде стихотворений, в основном вошедших в книги стихов «Версты» (1921; 1922), что будет немедленно замечено одним из внимательных критиков: «С именем Марины Цветаевой в комнату входит цыганский ветер – бродячая песня. Только под мохнатыми черноморскими

звездами, у степного костра в гитарном рокоте, в табачном дыму ресторана может петь человек так самозабвенно, так "очертя голову"», – этими словами начинает свою рецензию Вс. Рождественский, не только сближающий цыганский поэтический субстрат цветаевского сборника, выстраивая контекстуально синонимический ряд *вольный, русский, бродячий, цыганский*, с феноменом «московской поэзии», но и увидевший в подобном сближении потенциал постимперской пересборки национальной культуры на платформе «кочевой прапамяти» [3, с. 142-144].

«Плач цыганки по графу Зубову», хронологически отстоящий от блока «цыганских» стихотворений, лишь факультативно присутствует в исследованиях, посвященных цыганским образам в лирике Цветаевой. В компаративистском исследовании Т. В. Портновой и Р. С. Войтеховича текст упоминается в связи с проявленностью в нем «мотива гитары» и ставится в ряд с другими цветаевскими «плачами», образно восходящими к поэзии Ф. Г. Лорки, в частности, к переведенному ею стихотворению «Гитара» и «музыкальной культуре гитан» [4, с. 284]. В чрезвычайно интересной статье, посвященной цыганской теме в сборнике «Версты», А. Степанов отмечает, что «цыганское» в лирике Цветаевой нередко становится аналогом «русского», обозначая «идеальный предел, к которому должна приблизиться "широкая натура" русского человека»: «Цыганское, продолжая осмысляться как чужое, экзотическое, одновременно становится своим, отождествляясь с тоскующей, страдающей, беспокойной русской душой, т. е. по сути дела не "северной", а "южной"» [1, с. 307]. Описанная исследователем тенденция развивается и в стихотворении «Плач цыганки по графу Зубову», вошедшем в последнюю цветаевскую книгу: так, образ неистовой цыганки на уровне языка настолько радикально русифицируется, что героиня осваивает язык северных русских говоров. Эту тенденцию можно обнаружить как в беловых автографах стихотворений, так и в слое черновой поэтической работы, представленной в подготовленном нами издании творческой тетради 1922–1923 г. [5, с. 213-218].

Работа над текстом стихотворения начинается с наброска (ЧА-1), где появляется абстрактно-анонимный адресат («вьюнош млад»), чья номинация в современных Цветаевой словарях имела помету *арх., диал.*, при переписывании этого фрагмента в сводные тетради Цветаева на уровне маргиналии отметит связанность этого наброска с «Плачем цыганки...»: «На пургу не дунешь, млад! <...> Вью-нош млад!»: (Из этого: Расколюсь – так в стклянь)» [6, с. 121]. Имеющий народно-песенное происхождение «вьюнош» останется в слое черновой работы, доступной исключительно исследователю-филологу, изучающему цветаевские черновики. Другое использованное слово «стклянь» (вариант в творческой тетради – «склянь») мало представлено в русском поэтическом словаре, в современном Цветаевой редакции словаря Даля сопровождается региональной пометой *пск.* [7, с. 193], но уже появлялось у Цветаевой в похожей позиции: «...где обольщает лейтенанта персияночка! Эта дрань, рвань, стклянь. Глаза по углам, узлы по углам» («Смерть Стаховича», 1919; [8, с. 503]). Этот же лексический выбор для метафорического обозначения предела женской страсти, выраженного в «раскалывании» / «рассыпании» / «испарении» тела героини, изменившего и свои физические свойства, и отношения с пространством, можно наблюдать в первой, насквозь метонимической строфе:

Расколюсь – так в **стклянь**,

Распалюсь – так в пар.

Врокота гитар

Рокочи, гортань!

В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!

А–ах, струна сорвалась!

У–ехал парный мой,

У–ехал в Армию!

Стол–бы фонарные!

Ла–ды гитарные!

И в прах!

И в тряс!

И грянь!

И вдарь!

Ермань-Дурмань.

Гортань-Гитарь

[\[9, с. 319-320\]](#).

Комментировавшая специфику морфемного членения слова в цветаевской поэзии О. Ревзина указывает, что разделение слова длинным тире позволяет передать два смысла «в отличие от нерасчлененного однозначного слова: *У–ехал парный мой, / У–ехал в Армию!*, то есть и 'ехал' (процесс), и 'уехал' (результат)» [\[10, с. 198\]](#). В прижизненной критике стихотворение рассматривали исключительно в рамках книги стихов «После России», где оно было впервые опубликовано, неизменно представляя его в качестве образца ритмического и стилистического эксперимента. Например, Вера Булич в статье «О новых поэтах» отмечает в качестве фирменного знака цветаевского стиля соседство в потоке поэтической речи архаизмов с неологизмами («новыми цветаевскими образованиями»), что позволяет критику вписать ее творчество в поэтическое поле русского авангарда, а видимая рецензенту нарочитая подчиненность произведения формальной задаче (разработке звука, ритма, зауми, «нового возможного приема») вполне отвечает требованиям конструктивистов [\[3, с. 423\]](#). К подобным произведениям, по мнению Булич, принадлежат такие тексты, как «Полотерская», «Плач цыганки по графу Зубову». С точки зрения Д. Святополка-Мирского, цветаевский текст можно поставить в ряд стихотворений, в основном представленных циклами («Деревья», «Облака», «Окно»), для которых характерно «героико-фонетическая мифологизация видимого мира» [\[3, с. 376\]](#).

«Плач цыганки по графу Зубову» прямо не упомянут в подробнейших рецензиях на «После России», написанных двумя критиками-оппонентами – Вл. Ходасевича и Г. Адамовича: первый увидит за цветаевской «темнотой» «богатство эмоциональное и словесное, расточаемое, быть может, беспутно, но несомненное», что позволяет ведущему критику газеты «Возрождение» «сквозь все несогласия с ее поэтикой и сквозь все досады» объяснить в любви к Цветаевой [\[3, с. 348-349\]](#), второй метафорически представит ее творчество в виде «быстровянущего цветка», аттестуя его в качестве «архи-вчерашней поэзии», где словесные эксперименты – «бред, очень женский и очень декадентский» [\[3, с. 352\]](#). Отстраивая собственный модернистский канон, каждый из критиков находит аналогии цветаевским экспериментам в творчестве Б. Пастернака, но приходит к противоположным выводам. Традиционно досадающий на излишнюю цветаевскую «неумеренность» («Всякое искусство все-таки именно мера мер, соотношений, равновесий») Ходасевич генеалогически возводит ее эксперименты («причитания, бормотание, лепетание, полузаумную, полубредовую запись лирического мгновения») к Пастернаку (и к футуризму), подчеркивая большую, по его мнению, талантливость Цветаевой, выраженную как в «большом запасе словесного материала», который «количественно и качественно богаче», так и, в целом, «непринужденной» и «вдохновенной» природе ее поэтической натуры [\[3, с. 348-349\]](#). Рецензия Г. Адамовича, вышедшая через день в газете «Последние новости», содержит ряд прозрачных гендерных стереотипов-антитез, позволивших выстроить другую иерархию: образ «слабой и порывистой» Цветаевой, в характеристике письма которой подчеркиваются такие узнаваемые черты салонной поэтессы, как «кокетливость», склонность к «истерически-экстатическим крикам», представляется критиком иерархически подчиненным *труженику* Пастернаку, в чьем облике находится «что-то от ломовой лошади», занятой серьезным (мужским) делом – перепахиванием «оскудневшей почвы поэзии» [\[3, с. 352\]](#).

Ни один критик, увлекшийся формальной стороной цветаевских поэтических экспериментов, не обратил внимание на содержательную сторону стихотворения «Плач цыганки по графу Зубову», чей лирический сюжет выстроен вокруг экстатического плача (пляса) цыганки. Образ цыганской пляски, оживляющей своей неистовостью «вахханок древних», апеллирует к поэзии Г. Р. Державина («Цыганская пляска»); [\[11, с. 146\]](#), однако державинское решение сюжета в цветаевском стихотворении подвергается перечитыванию: героиня деобъективируется, изобретая собственный язык поэзии и страсти, кроме того, снимается оппозиция «цыганское» – «русское». Если в последней строфе державинского стихотворения звучит призыв лирического героя (поэта) к «египтянке» (цыганке) остановиться: «Нет, стой, прелестница! Довольно / <...> / Но плавно, важно, благородно, / Как русска дева пропляши» [\[11, с. 147\]](#), то цветаевская авангардная цыганка, в образе которой становятся нераздельно слиты поэтическое / оргиастическое, цыганское / русское, и не собирается останавливаться, будучи настроенной на бесконечное, повторяемое действие. Использованная Цветаевой культурная фабула (драматическая история страстной любви цыганки и аристократа) находит свои источники уже в романтической, пушкинской эпохе. Самым известным в русской культуре подобным осуществленным союзом является брак гр. Федора Ивановича Толстого-Американца (1782–1846) с цыганкой Авдотьей Тутаевой. В популярной биографии известного авантюриста обстоятельства заключения этого поразившего современников брака описывались следующим образом: «В 1821 году Ф. И. женился. <...> Во время своих кутежей с цыганами Ф. И. увлекся одной цыганкой – прелестной певицей по отзыву ее современников – Авдотьей Максимовной Тутаевой,

увлек ее и увез к себе. Каменская рассказывает, что он "долго жил с нею без венчания. Раз, проиграв большую сумму в Английском клубе, он должен был быть выставлен на черную доску за неплатеж проигрыша в срок. Он не хотел пережить этого позора и решил застрелиться. Его цыганка, видя его возбужденное состояние, стала его выпрашивать. – Что ты лезешь ко мне, – говорил Ф. И., – чем ты мне можешь помочь? Выставят меня на черную доску, и я этого не переживу. Убирайся. Авдотья Максимовна не отстала от него, узнала, сколько ему нужно было денег, и на другое утро привезла ему потребную сумму. – Откуда у тебя деньги? – удивился Федор Иванович. – От тебя же. Мало ты мне дарил. Я все прятала. Теперь возьми их, они – твои. Ф. И. расчувствовался и обвенчался на своей цыганке"» [\[12, с. 48\]](#). Образ верной и любящей цыганки, спасающей беспутного аристократа, реализованный в этом конкретно-биографическом сюжете, противоречит отраженному в поэзии романтическому клише, в рамках которого героиня должна демонстрировать парадоксальность, вероломность по отношению к *другому* и абсолютную верность себе, своей страстной и свободолюбивой натуре. Последний культурный стереотип будет сполна воплощен в лирике Цветаевой 1910-х гг. (подр. см.: [\[1, с. 304-321\]](#)).

Историко-культурного комментария требует и рефреном звучащее имя собственное:

В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!

А–ах, рука сорвалась!

Про трудного

Про чудного

Про Зубова-

Про сударя.

Чем свет – ручку жав

– Зубов-граф, Зубов-граф! –

Из всех – сударь-брав!

Зу–бов граф!

<...>

За всех – грудью пав,

(Не снег – уголь ржав!)

Как в мех – зубы вжав,

Э–эх, Зубов-граф!

[Цветаева, 1990, с. 320].

В существующих примечаниях к изданиям цветаевского стихотворения обычно приводятся имена нескольких представителей известного дворянского рода Зубовых, без какого-либо комментария. Среди его представителей особенно известны Платон Александрович Зубов (1767–1822) – последний фаворит Екатерины II, его братья Николай Александрович Зубов (1763–1805) и Валериан Александрович Зубов (1771–1804) – участники заговора против императора Павла I, А. Н. Зубов (1797–1875) – полковник русской императорской армии и камергер, знакомый А. С. Пушкина [\[13, с. 447\]](#).

В культурной рефлексии XVIII в. наиболее отражен Платон Александрович Зубов (1767–1822) – последняя любовь Екатерины II, получивший нелестную характеристику не только в воспоминаниях современников, запомнивших бесстыдное поведение как самого молодого графа, так и его личной обезьяны, скакавшей по «головам подлых льстецов», но и в дневниковых заметках А. С. Пушкина, скептически относившегося к Екатерине II и выстроенному ею институту фаворитизма: «Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов. Некто Чертков, человек крутой и неустойчивый, был однажды во дворце. Зубов подошел к нему и обнял его, говоря: “Ах ты мой красавец!”. Чертков был очень дурен лицом. Он осердился и, обратясь к Зубову, сказал ему: “Я, сударь, своею фигурю фортуны себе не ищущ”. <...> Конец ее царствования был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабушку с графом Зубовым» [\[14, с. 51\]](#). Платон Зубов, как и его брат-красавец Валериан, потерявший ногу во время сражения, участвовал во множестве походов поздней екатерининской эпохи. Оба брата являлись адресатами и героями произведений Г. Р. Державина. После смерти Екатерины II Платон Зубов путешествовал по Европе вместе с девицей, переодетой камердинером, заводил романы с курляндскими принцессами, но романтические истории с цыганками его биографами замечены не были [\[15, с. 691-726\]](#).

Современником Цветаевой был Валентин Платонович Зубов (1884–1969) – русский аристократ, искусствовед, основатель Института истории искусств (1912), т. н. Зубовского института, первый директор Дворца-музея в Гатчине (1917–1918). Входил в состав Совета по делам искусств при Временном правительстве. В культуре Серебряного века граф Зубов известен как щедрый меценат, поддерживавший художников объединения «Мир искусств» и входивший в близкий круг редакции журнала «Аполлон» (в таком качестве он появляется на страницах дневника М. Кузмина за 1911–1914 гг.), а также публичный поклонник и «верный друг» А. А. Ахматовой, адресат ее послания «Графу В. П. Зубову» («Как долог праздник новогодний...», 1910-е гг.). В 1912 г. В. П. Зубов основал в своем особняке в Санкт-Петербурге Институт истории искусств, где читали лекции крупнейшие писатели и литературоведы; в знаменитом Зеленем зале с малахитовым камином, украшенном картинами и зеркалами, проводились музыкальные и литературные вечера. Ахматовский образ на фоне концерта в богатом зубовском доме представлен в позднем стих. Г. Иванова «В пышном доме графа Зубова...» (1950). При большевиках граф Зубов неоднократно подвергался арестам, в том числе в августе 1922 г. был арестован в Москве и заключен во внутреннюю тюрьму на Лубянке, позднее переведен в Бутырскую тюрьму, откуда освобожден в декабре 1922 г. Остается невыясненным факт личного знакомства с последним Зубовым: Цветаева посещала Петербург в январе 1916 г. – по приглашению С. Чацкиной и Я. Сакера – редакторов журнала «Северные записки» [\[16, с. 85\]](#), цветаевское выступление в салоне Л. Кеннегисера (Саперный пер., 10) запечатлено в ее письме М. Кузмину (1921), но фоном этого события и в письме, и в эссе «Нездешний вечер» (1936) является калейдоскоп неназванных посещенных ею петербургских аристократических домов с мраморными

каминами. Высоковероятно, один из них – знаменитый салон гр. Зубова.

В словаре Н. И. Новикова среди имен поэтов и писателей XVIII в. появляется единственная женщина – представительница этой фамилии: «Зубова Марья Воиновна [ум. 1799] – супруга статского советника, урожденная Римская-Корсокова, сочинила немало разных весьма изрядных стихотворений, а особливо песен, из коих некоторые напечатаны во II части «Собрания песен» в 1770 году в Санктпетербурге; также перевела несколько книг с французского на русский язык; но они еще не напечатаны; но в прочем сочинения ее и переводы за чистоту слога достойны похвалы» [17, с. 303]. Указанное Новиковым «Собрание разных песен» могло быть известно Цветаевой, так как было переиздано в 1913 г. Отделением русского языка и словесности Императорской академии наук, а в ее круг чтения 1910-х – начала 1920-х гг., когда активно осваивалось народное творчество, как раз входили подобные песенники. Особенностью этого сборника, выпущенного под редакцией М. Д. Чулкова, является анонимизация литературных произведений и смешение их с фольклорными [18]. Исследователями культуры XVIII в. была проведена частичная деанонимизация авторов сборника, в частности, найдены «песни» А. Сумарокова [19].

Сколько из условно «женских» стихотворений II части сборника (1/3 объема) принадлежит поэтессе Зубовой на данный момент не установлено, но абсолютное большинство подобных «песен», входящих в указанную Новиковым II часть сборника, адресованы неверному и / или уехавшему возлюбленному. См., например: «Мой тиран меня покинул, / Ах! Покинул навсегда, / Жар ево ко мне, зная, минул, / Иль в нем не был никогда» («Часть оплакивая люту...»; [18, с. 287].

Уверенной верификации в качестве принадлежащего перу Зубовой поддается лишь стихотворение «Тщетно, тщетно удаляюсь...» [18, с. 387-388], в котором лирическая героиня возносит к небесам «горестные стоны», адресованные изменившему ей возлюбленному. В популярной книге Д. Мордовцева «Русские исторические женщины» (1874) уделяется внимание исполнительскому мастерству Зубовой, прославившейся своими песнями и считавшейся современниками «приятнейшей певицей», а также указывается романс ее авторства «Я в пустыню удаляюсь...» [20, с. 150]. Кроме поэтессы Зубовой в книге Мордовцева представлена еще одна Зубова, урожденная Суворова (Суворочка), которой ее знаменитый отец писал письма из армии [20, с. 302-315]. Книга Мордовцева, вероятно, была известна Цветаевой: восходящие именно к ней детали и образные решения обнаруживаются в ее стихотворениях 1916 и 1921 гг., обращенных к историческим образам времен Смуты – Марины Мнишек и царицы Марии (старицы Марфы).

В XVIII в. наиболее популярным «женским» поэтическим жанром считалась героида, представляющая собой «большое письмо», содержащее развернутый испуганный крик (вопл) в адрес покинувшего героиню возлюбленного. Этот жанр, восходящий к одноименному сборнику Овидия, был хорошо освоен Цветаевой в «После России»: ряд ее стихотворений – «Эвридика – Орфею:», «Офелия – Гамлету», «Послание» («Ипполиту от Матери – Федры – Царицы – вест...») и др. – полностью (на уровне заголовочного комплекса, поэтической формы и содержания) соответствует жанровым установкам героиды. Влияние этого жанра заметно и в стих. «Плач цыганки по графу Зубову», что вполне соотносится с общим интересом Цветаевой к русскому XVIII в., выраженным в эпиграфе к первому разделу книги стихов «После России», многочисленным отсылкам к творчеству Г. Р. Державина, а также огромной симпатией к литературным

предшественницам и в целом «пишущим женщинам»; в рецензии Вл. Ходасевича на книгу стихов «После России», куда входит «Плач цыганки...», устанавливается типологическое сближение цветаевского творчества с психологически достоверной, стремящейся к дневниковости поэзией Е. Ростопчиной [3, с. 348]. Жанровое переплетение в стихотворении основной темы классической героиды – отъезд и возможная гибель возлюбленного, выбравшего «Армию» и проигнорировавшего любовную «парность» (однако здесь именем наделен только адресат – граф Зубов, цыганка – субъект речи – остается безымянной, авангардный ритм и говорение об адресате в 3-м лице также являются отступлением от жанрового канона), с фольклорным плачем и плясовой песней является оригинальным авторским решением, отличающим «Плач цыганки по графу Зубову» от более ранних цветаевских экспериментов в этом жанровом поле («Плач Ярославны» (1920), цикл «Разлука» (1–10), 1921).

Остается невыясненным по причине дефицита документальных источников, что послужило импульсом для помещения конкретного имени в заголовочный комплекс стихотворения: факты из личной биографии Зубовых (с армейской службой были связаны сразу несколько представителей этого аристократического рода, кроме цветаевского современника, однако ни в одной биографии нет ни намека на романтическую историю с цыганкой), или до Цветаевой дошли слухи об очередном аресте графа В. П. Зубова, или ее могло вдохновить творчество поэтессы Зубовой, или заинтересовать образ маленькой Суворочки, чье «историческое бессмертие» совершенно не вытекало из ее «личной деятельности» [20, с. 302]. Кроме стихотворения «Плач цыганки по графу Зубову» это имя собственное более не встречается ни в цветаевских художественных текстах, ни в опубликованных эго-документах (записных книжках, письмах и пр.), что осложняет комментаторскую задачу. Вероятнее всего, герой (и адресат) стихотворения фикционален, представляя собой некоторую «сумму» исторических персонажей – от галереи разнообразных Зубовых до гр. Ф. Толстого-Американца, спасенного цыганкой, воплощающих разные стороны привлекающей Цветаеву авантюрной и аристократической натуры.

Таким образом, в процессе наших биографических изысканий возникает ряд закономерных вопросов: – Кто в таком случае является подлинным адресатом этого страстного «плача-пляса» цветаевской лирической героини («цыганки») – с учетом выявленной фикциональности фигуры гр. Зубова? Чей образ может замещать эта условная фигура? Для ответа на этот ряд вопросов, возникших после понимания тупиковости поиска исторического прототипа, обратимся к творческой лаборатории поэтессы. Непосредственно после ряда автографов стихотворения в цветаевской творческой тетради следует прозаический фрагмент, включающий материалы к готовящейся книге дневниковых замет и афоризмов «Земные приметы», а также набросок письма Б. Л. Пастернаку [5, с. 431], в напряженном диалоге с которым был создан ряд шедевров цветаевской лирики 1923 г.: «Любезность или нежелание огорчить? Робость {Глухота} – или нежелание принять? // А знаете, как это называется? Соблазн избытком» [5, с. 218], где появляется и характеристика собственного творческого метода («соблазн избытком»), и резкие выпады по отношению к неспособному поддерживать цветаевский дискурс адресату, возможно, спровоцированные сдержанной, осторожной интонацией первых пастернаковских писем. В этом же наброске Цветаева резюмирует: «Отношение к Вам я считаю срывом, – может быть, и ввысь. (Вряд ли.)» [5, с. 219].

Стихотворение «Плач цыганки по графу Зубову» датировано 19 февраля 1923 г. Неделей

ранее поэтесса отправит письмо Пастернаку, в котором достаточно откровенно проговорит комплекс авторских фобий, связанных с творческим влиянием, а такжеотрефлексирует психологическую невыносимость личной встречи: «Но мешаете писать – Вы же. Это прорвалось как плотина – стихи к Вам. И я такие странные вещи из них узнаю. Швыряет, как волны. Вы утомительны в моей жизни, голова устает, сколько раз на дню ложусь, ваюсь на кровать, опрокинутая всей этой черепной, междуреберной разноголосицей: срок, чувств, озарений, – да и просто шумов! Прочтете – проверьте. Что-то встало, и расплылось, и кончать не хочет, – а я унять не могу. Разве от человека такое бывает?! <...> И вдруг — Вы: “дикий, скользящий, растущий”... (олень? тростник?) с Вашими вопросами Пушкину, с Вашим чертовым соловьем, с Вашими чертовыми корпусами и конвоирами!» (письмо от 10 февраля 1923 г.; [\[21, с. 42\]](#)).

Признавая страх влияния, Цветаева актуализирует ряд стихотворений в недавно подаренной ей книге стихов «Темы и вариации», в том числе «пушкинский» текст («Облако. Звезды. И сбоку...»), где отражены образы Алеко и Земфиры, восходящие к известной романтической поэме, а также рефлексировать в связи с планирующейся будущей встречей двух поэтов: «Трудно, трудно и трудно мне будет встретиться с Вами в живых» [\[21, с. 42\]](#). Важно, что в сопроводительном недатированном письме именно к этой книге («Посылаю Вам книжку, называется она “четвертой книгой стихов” (какая чушь!), не люблю я ее» [\[21, с. 29\]](#)). Пастернак сообщил Цветаевой о своем решении вернуться в Россию: «Четыре месяца я тут проболтался, больше не могу» [\[21, с. 27\]](#).

Итак, цветаевское стихотворение писалось во время увлеченного чтения ею новой книги стихов Пастернака, на которой автором был оставлен инскрипт: «Несравненному поэту Марине Цветаевой, “донецкой, горючей и адской” (стр. 76), от поклонника ее дара, отважившегося издать эти высебки и опилки и теперь кающегося» [\[21, с. 576\]](#). По отношению к пастернаковской книге Цветаева-читатель демонстрирует самые разные стратегии чтения: от вчитывания / присвоения до радикального преодоления / перечитывания, сполна реализованного в «плаче» ее цыганки, где последняя, вопреки пушкинско-пастернаковскому канону, становится образцом любви и преданности своему чрезвычайно условному, пунктирно обозначенному графу. Неслучайно в цветаевском письме от 10 февраля 2023 г. прозвучит просьба: «“Так начинаются” цыгане”, посвятите это стихотворение мне» [\[21, с. 31\]](#), апеллирующая к цыганско-пушкинскому образному комплексу другого пастернаковского стихотворения «Так начинают. Года в два...». Метонимический перенос с поэтической книги на автора («Последний месяц этой осени я неустанно провела с Вами, не расставаясь, не с книгой») является цветаевским откликом на установку Пастернака – о поиске правды жизни, как было сформулировано в его письме «в том ее виде, какой она на одно мгновение естественно принимает у самого жерла художественных форм, чтобы в следующее же в них исчезнуть» [\[21, с. 17\]](#), конгениальную цветаевским художественным исканиям.

Кроме отсылок к пастернаковской книге стихов внимательный читатель цветаевской творческой тетради обнаружит в стихотворении «Плач цыганки по графу Зубову» и конкретно-биографический субстрат:

У–пал ударный мой!

Стол–бы фонарные!

Про–**пала** Армия!

Ла-ды гитарные!

За всех – грудью **пав**,

(Не снег – уголь ржав!)

Как в мех – зубы вжав,

Э-эх, Зубов-граф!..

[\[9, с. 320\]](#).

Обратим внимание на морфемное членение слова «у-пал» и «про-пала», где, пользуясь наблюдениями О. Ревзиной над другим фрагментом стихотворения, описанным выше, можно увидеть схожий эффект симультанного двоения: герой, как и его Армия не только «у-пал» (Армия – «про-пала»), но и «пал» («пала»), что вписывает цветаевское стихотворение в контекст авангардной поэзии, где расхожим методом коллажного разложения образа является языковой «сдвиг», позволяющий создать эффект умножения не только отдельных событий, серийными всполохами проявившихся в экстатической речи цыганки (отъезд, прощание, гибель), но и центрального эпизода «падения» графа Зубова, павшего и упавшего в один момент личной истории. Обращение к современному Цветаевой толковому словарю Ушакова обнаруживает ряд косвенных значений инфинитива «пасть», симультанно реализованных методом короткого наплыва в цветаевском тексте: «погибнуть, быть убитым (*книжн.*)», «уронить себя, утратить общественное значение, уважение, вес», а также гендерно маркированное и связанное с противоположным полом – «утратить доброе имя, репутацию честной женщины вследствие порочного поведения (*устар.*)» [\[22, с. 64\]](#). Сам характер плача, где героиня буквально выплывает своего неверного графа из пут смерти (падения), имеет аналогию с волнующей Цветаеву древнерусской Ярославной, в «Слове о полку Игореве» теургически заклиная природные стихии. Сближение в цветаевском тексте магического ритуала с бесконечным площадным зрелищем достигается эффектом открытого финала, выраженным через обрыв в многоточие первого стиха последней строфы-рефрена: «И в прах, и в...». Этот же сюжет ритуального кружения, но уже с прозрачными отсылками к хлыстовскому танцу-кружению («вплясыванию») можно наблюдать в еще одном цветаевском стихотворении («Друг! Не кори меня за тот...», 1923), входящем как в творческую тетрадь 1922–1923 гг., так и в книгу стихов «После России».

В хлыстовском круговом плясе – главном теургическом действе радения – искомым результатом становилось схождение Святого Духа на участвующую в обряде общину (корабль), в кульминационный момент приходящую в состояние исступления и экстаза. Цветаевская цыганка выплывает своего условного графа в декоруме фонарных столбов, через один из которых уже не в поэтическом, а во вполне физическом мире устанавливалась связь со своим желанным, но таким далеким адресатом: «Последний месяц этой осени я неустанно провела с Вами, не расставаясь, не с книгой. Я одно время часто ездила в Прагу, и вот, ожидание поезда на нашей крохотной сырой станции. Я приходила рано, в сумерки, до фонарей. Ходила взад и вперед по темной платформе – далеко! **И было одно место – фонарный столб – без света, сюда я вызывала Вас. – “Пастернак!”** И долгие беседы бок-о-бок – бродячие. В два места я бы хотела с Вами: в Веймар, к Goethe, и на Кавказ (единственное место в России, где я мыслю Goethe!)» [\[21\]](#).

[с. 35\]](#).

В марте 1923 г. Цветаева составит подборку своей новой лирики и с заголовком «Стихи к Вам:» отошлет ее Б. Пастернаку [\[21, с. 54-62\]](#). Несмотря на явную агональность по отношению к пастернаковской пушкиниане и автопроективность образа цыганки Цветаева не включит «Плач цыганки по графу Zubову» в этот стихотворный ряд, ограничив его текстами, написанными с 7 по 17 февраля, возможно, прислушавшись к охлаждающим ее порывы ответным письмам Пастернака [\[21, с. 43, 44-45\]](#), явно обескураженного цветаевской словесной экспансией: «... не ждите от меня немедленного ответа на письма, потому что, будучи без сравнения ниже Вас и Ваших представлений, я не принадлежу сейчас, как мне бы того хотелось, – ни Вам, ни им»; «темы "первый поэт за жизнь", "Пастернак" и пр. я навсегда хотел бы устранить из нашей переписки. Извините за неучтивость» (письма от 22 февраля и 6 марта 1923 г.; [\[21, с. 43-44\]](#)).

Сделаем вывод. Стихотворение «Плач цыганки по графу Zubову» возможно отнести к адресованной лирике, но особого рода. Комплекс таких авангардных приемов, как короткий наплыв и коллажное разложение (двоение, умножение) образа, реализован на нескольких уровнях текста, в том числе и на дискурсивном: таким образом сквозь фикционального героя, чем-то напоминающего пушкинского графа Нулина – двусложной («ямбической») фамилией, подчиненностью простого сюжета сложной формально-поэтической задаче, проступает абрис подлинного адресата этого стихотворения, стремительно превращающего в мираж «трехсложного» Бориса Пастернака.

Библиография

1. Степанов А. Г. Цыганское как русское в книге "Версты" // Добро и зло в мире Марины Цветаевой: сборник докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 304-321.
2. Мароши В. В. Цыганский "вакхический" миф в русской литературе XIXв. и неединионисийский миф Вяч. Иванова // Культура и текст. 2019. № 2(37). С. 54-78. Edn: VONFRC.
3. Марина Цветаева в критике современников: В 2 ч. М.: Аграф, 2003. Ч. 1. 656 с.
4. Портнова Т. В., Войтехович Р. С. Литературные источники образа Испании в творчестве Марины Цветаевой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19(2). С. 272-290. Edn: XBVPNT. DOI: 10.21638/spbu09.2022.204
5. Цветаева М. И. Чешская тетрадь (1922–1923). Новосибирск: Открытая кафедра, 2024. 600 с.
6. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997. 640 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1903–1909. Т. 4. 1617 с.
8. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. 688 с.
9. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. 800 с.
10. Ревзина О. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре // Язык русской поэзии XX века. М.: Институт русского языка АН СССР, 1989. С. 195-222.
11. Державин Г. Р. Алмазна сыпется гора. М.: Сов. Россия, 1972. 240 с.
12. Толстой С. Л. Федор Толстой Американец // Тексты и материалы. М.: ГАХН, 1926. Вып. 5. С. 7-108.
13. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы: В 5 т. New York: Russica Publishers Inc., 1981–1990. Т. 3. 545 с.

14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Наука, 1965. Т. 8. 596 с.
15. Грибовский А. М. Платон Зубов // Русская старина. 1876. Декабрь. С. 691-726.
16. Коркина Е. Б. Летопись жизни и творчества М. И. Цветаевой. Ч. 1. 1892–1922. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 192 с.
17. Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 277-370.
18. Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1913. Т. 1. Собрание разных песен. 779 с.
19. Сельванюк Р. М. К вопросу о рукописных источниках песенников Г. И. Чулкова // Ученые записки КГПИ. Кострома, 1960. Вып. 7. С. 316-347.
20. Мордовцев Д. Л. Русские исторические женщины. Популярныe рассказы из русской истории: В 2 т. М.: Книговек, 2018. Т. 1. 560 с.
21. Цветаева М. И., Пастернак Б. Л. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М.: Вагриус, 2004. 720 с.
22. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 3. 1424 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является понятие «плача» как «пляса» в лирике Марины Цветаевой, в связи с предметом исследования в статье возникает и дополнительный, ранее не изученный, в литературоведении объект – адресат стихотворения «Плач цыганки по графу Зубову». Методология исследования охватывает сравнительно-сопоставительный анализ творческого наследия как самой писательницы, так и критических работ, посвященных её лирике, что указывает на зрелость теоретической базы исследования. Автор при анализе стихотворения использует различные лингвистические приёмы и методы, что позволяет глубоко проработать исследуемую тему как с позиции плана содержания, так и с позиции плана выражения, а также указывает на высокую степень филологической подготовки.

Актуальность исследования заключается в том, что автор работы фокусирует внимание не только на цыганских мотивах в лирике Марины Цветаевой, а направляет своё внимание на факультативно присутствующее в исследованиях стихотворение «Плач цыганки по графу Зубову». Автор старается выделить не только жанровые особенности данного текста, его лингвистическую специфику, но также исследователь предпринимает попытку восстановить адресат данного стихотворения, ориентируясь на архивные материалы и дневники и исторические данные, что говорит о глубокой проработке творческого наследия Марины Цветаевой.

Научная новизна исследования не вызывает сомнения, так как подробно анализируется ранее не получившее должного освещения в литературоведении произведение Марины Цветаевой. Как отмечает автор статьи: «Ни один критик, увлекшийся формальной стороной цветаевских поэтических экспериментов, не обратил внимание на содержательную сторону стихотворения». Статья полностью направлена на выявление потенциальных содержательных смыслов, с целью ликвидации литературоведческих лакун, поэтому научная новизна бесспорна.

Стиль статьи и её структура говорят о владении автором научным стилем речи на достаточно высоком лингвистическом уровне. Однако статья имеет ряд опечаток:

- 1) «Абрис подлинного адресата», возможно имелся в виду образ;
- 2) «во II части "Собрания песен" в 1770 году в Санктпетербурге», очень странное написание города;

Данные опечатки следует исключить и вычитать ещё раз текст.

Широта, исследованных библиографических источников, указывает на зрелую литературоведческую работу. Однако исследование значительно выиграло бы, если бы были привлечены исследовательские работы по цыганским мотивам в творчестве Марины Цветаевой после 2000-х годов, которые обширно представлены в периодических журналах начиная с 2010 года.

Вывод в работе соответствует логике изложения и является закономерным. Статья может представлять интерес как для преподавателей литературы, так и для литературоведов, так как открывает дополнительные семантические смыслы ранее малоисследованного стихотворения.

Статья может быть рекомендована к печати.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Федорова И.С., Попова М.П. Рассказ Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница»: структура мономифа // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76403 EDN: HANUVM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76403

Рассказ Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница»: структура мономифа

Федорова Инара Степановна

ORCID: 0009-0005-6322-9616

магистрант; институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
учитель; ГБНОУ РС (Я) РЛИ

677014, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Мажайского 13/7

✉ teoina9@mail.ru



Попова Матрена Петровна

ORCID: 0000-0003-2656-2258

кандидат филологических наук

доцент; институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677013, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Сергеляжская, д. 2/4

✉ pmatrena75@mail.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76403

EDN:

HANUVM

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2025

Дата публикации:

29-10-2025

Аннотация: В статье предметом исследования является сюжетная организация рассказа

известного якутского писателя Василия Васильевича Яковлева «Кытта кырдьыбыт тэҥэ тиит» («Со мною состарившаяся лиственница»), имеющего мифологическую основу. Миф становится отправной точкой для создания оригинальных произведений, в которых находит отражение не только общечеловеческий опыт, но и уникальное видение мира конкретного автора. В исследованиях проблемы взаимодействия мифологии и литературы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проведенных литературоведами В.Т. Петровым, Н.Н. Тобуроковым, В.Б. Окорочковой, А.Н. Мыреевой, П.В. Сивцевой-Максимовой, Н.В. Покатиловой, В.Г. Семеновой, Л.Н. Романовой и другими, источником зарождения и становления литературной традиции определяются их устное народное творчество и мифология. Производится сопоставительный анализ представленных в рассказе мифологических аллюзий в контексте универсальной модели мономифа американского исследователя Джозефа Кэмпбелла. Он представил ставшую результатом его работы в области сравнительной мифологии психоаналитическую теорию мономифа – единой сюжетной структуры, общей для многих мифологических повествований. Новизна заключается в том, что в данной статье впервые исследованы универсальные аспекты мономифа в рассказе «Кытта кырдьыбыт тэҥэ тиит» («Со мною состарившаяся лиственница») Василия Яковлева. В заключении мы пришли к выводу, что своеобразная повествовательно-мотивная основа произведения служит подтверждением гипотезы об авторском мифотворческом характере, в котором отражаются реалии времени и культура народа. Проведенное исследование позволяет высказать мысль о том, что путь старика Микиппэр, архетипического героя рассказа «Со мною состарившаяся лиственница» Василия Яковлева, есть метафора пути предков, осваивавших суровый край вечной мерзлоты. Этот путь, сопряженный с преодолением трудностей, отражается в образе величественной лиственницы – символе стойкости и жизненной силы, пустившей глубокие корни в вечную мерзлоту. Лиственница, состарившаяся вместе с Микиппэр, становится не только свидетелем его личной истории, но и воплощением коллективной памяти народа, хранящей в себе воспоминания о борьбе за выживание и адаптацию к суровым условиям.

Ключевые слова:

мифология, архетип, мономиф, структура мономифа, мифологический сюжет, мифологема, путь героя, инициация, обряды перехода, неомиф

Особенности эпического повествования и мифологической поэтики проявляются в литературном произведении, по свидетельству А.Н. Мыреевой, многоуровнево: в сюжетно-композиционной структуре, своеобразии стиля, принципах изображения характера, авторской позиции, в целом, в нравственно-философской концепции произведения [\[8, с. 116\]](#).

В современных исследованиях Ю.Г. Хазанкович, Н.А. Непомнящих, С.Д.-Н. Малзуровой эти факты подтверждаются и осмысливаются по-новому. Во-первых, мифологические персонажи и существа, заимствованные из устного народного творчества, нередко становятся главными действующими лицами литературных произведений, определяя ход событий и мотивы поступков героев. Во-вторых, фольклорные мотивы и архетипические сюжеты обнаруживаются в структуре повествования, придавая тексту символическую глубину и усиливая его эмоциональное воздействие на читателя. В-третьих, использование мифологических и фольклорных элементов позволяет писателям

транслировать культурные ценности и традиции своих народов, сохраняя их идентичность в современном мире. В-четвертых, обращение к устному народному творчеству способствует созданию уникальной художественной атмосферы.

В настоящее время, по мнению Ю.Г. Хазанкович, литературы народов Сибири, Севера и Дальнего Востока со своим авторским миром, особенностью художественного мышления, системой национальных и универсальных мифомотивов и их смысловыми нюансами в национальном тексте, нетрадиционной проблематикой представляют уже не «периферийное» художественное явление, а являются частью не только российского, но и мирового культурного пространства [\[17, с. 91\]](#).

Период писательской деятельности В.В. Яковлева приходится на 1970-1990-е гг. В это время, как констатирует В.Б. Огорокова в монографии «Юкагирский роман», мифологизм, фольклоризм художественных произведений стали чертой не только советской, но и всей мировой литературы [\[10, с. 43\]](#).

Рассказ «Кытта кырдьыбыт тэҕкэ тиит» («Со мною состарившаяся лиственница»), созданный писателем в 1973 году, также имеет мифологическую основу. О сильных архетипических мотивах сюжета произведения свидетельствует, в первую очередь, образ священной для якутской культуры птицы – орла. Мифологическая составляющая произведения не привлекала должного внимания исследователей, этим обусловлена актуальность исследования.

В статье особое внимание уделено изучению построения сюжета рассказа Василия Яковлева «Кытта кырдьыбыт тэҕкэ тиит» в переводе Алексея Амбросьева-Сиэн Мунду «Со мною состарившаяся лиственница» [\[19\]](#) в соотношении со структурой мономифа Джозефа Кэмпбелла.

Американский философ Джозеф Кэмпбелл (1904-1987) представил ставшую результатом его работы в области сравнительной мифологии психоаналитическую теорию мономифа – единой сюжетной структуры, общей для многих мифологических повествований – в книге «The Hero with a Thousand Faces» («Тысячеликий герой»), опубликованной в 1949 году. Мономиф представляет собой путешествие архетипического героя, включающее три ключевых этапа: отделение (отчуждение), посвящение (инициация) и трансформация, символизируемая смертью и возрождением, либо возвращением героя в исходную точку. Кэмпбелл утверждал, что типичная траектория мифологического странствия героя представляет собой развитие структуры, общей для всех ритуалов инициации, которую можно рассматривать как ключевой элемент мономифа [\[6, с. 37-38\]](#).

Иными словами, мономиф, или единый миф, — универсальная схема повествования о пути героя. Некоторые исследователи формулируют его как «универсальный инициационный сюжет, связанный с преодолением рубежа» [\[15, с. 246\]](#).

В труде «Тысячеликий герой» описана схема путешествия, состоящая из семнадцати этапов, сгруппированных в три смысловые части: «Исход», «Инициация» и «Возвращение». Первая фаза «Исход» символизирует отказ от привычного уклада жизни. Герой отправляется в экспедицию, достигая границ между освоенной реальностью и неизведанным. В конце этой фазы персонаж покидает знакомое окружение и оказывается вовлеченным в череду испытаний, символически переживая своеобразную «смерть». Это событие разделяет его существование на период, предшествующий началу путешествия, характеризующийся обыденной рутинной, и период последующий, полный тайн и привлекательности. Вторая фаза, именуемая инициацией,

связана с процессом получения новых знаний и навыков. На этом этапе герой преодолевает множество трудностей, побеждая так называемых «стражей порога», охраняющих границы между мирами. Часто именно в этой фазе происходит обретение сокровища, которое не всегда имеет материальную форму, может быть получение особого статуса, эзотерических знаний, мудрости, опыта и тому подобного. Это период столкновения с серьезными опасностями, за которым следует заслуженная награда для тех персонажей, которые проявили достаточную стойкость и храбрость. Третья фаза путешествия героя, «Возвращение», представляет собой путь домой, к истокам. Герой обогащен новым опытом, силой и знаниями, которыми он обязан поделиться с окружающими. На этом заключительном этапе путешествия героя происходит завершение цикла.

Эти части образуют целостную структуру, представляющую собой архетипический путь героя. Каждая фаза мономифа включает в себя определённые шаги с уникальным наполнением. Хотя «путь героя» может включать до 17 ступеней, это не является строгим правилом, и их число может быть сокращено до минимума на каждом этапе. Фаза «Исход» характеризуется чередой драматических событий, таких как: «Мир повседневности»; «Зов к странствиям»; «Отвержение зова»; «Сверхъестественное покровительство»; «Преодоление первого порога»; «Во чреве кита». Здесь следует отметить уточнение исследователя Р.М. Перельштейна: «Привычная жизнь героя в качестве отправной точки путешествия представляется само собой разумеющейся, хотя Кэмпбелл не выделяет «Мир повседневности» как отдельную главу. Впоследствии данная стадия была добавлена К. Воглером» [\[11, с. 49\]](#). В фазу «Инициация» входят: «Путь испытаний»; «Встреча с Богиней»; «Женщина как искусительница»; «Примирение с отцом»; «Апофеоз»; «Вознаграждение в конце пути». Героическая история завершается фазой «Возвращение», состоящей из следующих ступеней: «Отказ от возвращения»; «Магическое бегство»; «Спасение извне»; «Пересечение порога, ведущего в мир повседневности»; «Властелин двух миров»; «Свобода жить». Концепция «пути героя», изначально разработанная Кэмпбеллом, эволюционировала с течением времени. Некоторые стадии были объединены, в то время как другие стали рассматриваться как факультативные.

Понятие мономифа при этом охватывает не только странствия в физическом пространстве, но и внутреннее преображение, что подчеркивает исследователь О.М. Седых: «Каждое новое путешествие является вкладом в поддержание космического баланса: созидая собственную личность, обретая жизненные смыслы, герой заново творит мир; гармонизированный мир отражает состояние его внутреннего Я». [\[14, с. 79-80\]](#) Следовательно, данная концепция предполагает, что универсальный сюжет о герое, проходящем через испытания и возвращающемся с приобретенным знанием, может служить и отражением глубинного стремления человека к самопознанию и интеграции с миром.

Символическая природа образности, обобщенность представленных идей в творчестве В.В. Яковлева позволяют рассматривать его произведение через призму теории мономифа, выявляя в них универсальные мотивы и символы.

Сюжетная динамика рассказа «Со мною состарившаяся лиственница» начинается с описания одинокого проживания (дети рождались, но умирали) семьи старика Микиппэр и старухи Оппуос и продолжается упоминанием старика о появлении орла, а далее – переживаниями стариков, негодующих о том, что птица не улетела в срок и остается на дереве, воспринимая это зловещим знаком (подробно об отношении якутов к орлу

изложено нами в статье «Мифо-фольклорные традиции в творчестве Василия Яковлева: тематика, образы, сюжет» [\[16, с. 143-144, 145\]](#)). С наступлением холодов происходит немыслимое — орел залетает в балаган (жилище) стариков. Их охватывает страх. Все время думая о причинах неожиданного грозного соседства, Микиппэр вдруг вспоминает, что в детстве спугнул большую когтистую птицу, вьющую гнездо. Как человек, перенявший от своих предков их верования и обычаи, он понимает, что орел послан высшими силами в наказание, смиренно принимает его, слабеет, ложится в постель и ждет смерти. Завершается рассказ приближением весенних дней. Орел выходит из балагана и однажды приносит старикам добычу – горностая. У стариков появляется гордость за разумную благодарную птицу. Но радость длится недолго: в птицу стреляют комсомольцы. Микиппэр и Оппуос очень жалеют о ее гибели и хоронят, соблюдая требования к обряду погребения человека.

Рассмотрим организацию сюжета рассказа с точки зрения возможных параллелей со стадиями трех фаз мономифа.

Таблица №1 Стадии мономифа в рассказе

N	Фазы	Стадии мономифа	Ситуации в рассказе
1	Исход	Мир повседневности Устоявшийся уклад жизни главного персонажа, предшествующий его приключениям, воспринимается как логичное начало сюжетной линии, хотя Кэмпбелл не считает необходимым отводить ей особое место в своем исследовании. Стадия «Мир повседневности» взята у последователя Кэмпбелла, автора руководства для сценаристов, голливудского продюсера Кристофера Воглера [11, с. 49]	Одинокое проживание семьи стариков в отдаленном урочище – аласе рядом с высокой красивой лиственницей – хранителем мира стариков. По верованиям якутов, дерево посреди аласа священное, символ мирового древа [12, с. 108] « Е м у к а з а л о с ь , что лиственница, ставшая ему, к а к р о д н а я , встречает радостным покачиванием кудряво-мохнатых ветвей и спешит рассеять беспокойство, мол, у нас всё в порядке. В минуты грусти и печали Микиппэрта к же приходил к своему дереву и разговаривал с ним, молча жаловался н а невзгоды. П о с л е этого обретал д у ш е в н о е спокойствие, чувствовал прилив сил» [19, с. 24]
		1. Зов к странствиям (знаки призвания героя) Ч е р е д а обстоятельств	Появление орла на лиственнице. Негодование

		приводит главного героя к осознанию необходимости обменять привычную реальность на непредсказуемый "волшебный" мир.	старика, не понимающего, почему птица не улетела в срок и остается на дереве
		2. Отвержение зова	Опасения, связанные с приметами, с традиционными верованиями.
		3. Сверхъестественное покровительство	Обращение с просьбой к шаману Ньахсаану. Его советы. Приношение в жертву бычка, чтобы умиротворить высшие силы и отвести беду
		4. Преодоление первого порога	Орел не улетел. Принятие ситуации. Смирение с соседством орла на дереве. Кормление его
		5. Во чреве кита Это архетипичный символ, который в мифологии обозначает образ как материнского лона, так и места захоронения. Персонаж пересекает границу известного мира и сталкивается с могущественными сущностями, перед которыми вынужден склониться. Эти силы захватывают его, вследствие чего он попадает в неизведанное пространство, где ощущает себя мертвым. Данный образ отражает идею трансформации и перерождения, где пребывание во тьме и неизвестности ведет к последующему обновлению.	Вторжение орла в балаган. Понимание стариками вынужденной совместной зимовки, подчинение силе природы и традициям. Они вынуждены кормить птицу, чтобы остаться в живых. «Стариков больше всего угнетала мысль о том, что п р и д ё т с я постоянно сторожить в балагане птицу, поскольку она вполне могла проникнуть в хотон - коровник, совмещённый с домом, и насмерть перепугать там скотину. Так что им теперь из дома никуда» [19, с. 65] .
2	Инициация		
		6. Путь испытаний	Страх соседства с птицей-посланницей небесных сил и хищником. Страх неминуемого наказания.

			Страх смерти. Страх за жизнь домашнего скота «Страдающий нехорошей болезнью человек терпит и переживает, скрывая это от сторонних глаз. И точно так же старики хотят, чтобы никто из двуногих не проведал об их необычном жильце. Они мучаются от свербящей мысли, что кто-то неожиданно нагрянет к ним и узнает всё. Тогда их будут избегать слов но прокажённых, поскольку в народе считалось позором пойти по миру, умереть от преследования хищной птицы - это всё равно, что сгинуть с этой Срединной земли от проклятия. И даже после смерти не оберёшься пересудов, пойдёт молва, люди будут шептаться по углам. Так что старики теперь больше всего страшатся внезапных гостей, они даже боятся думать, что тогда будут делать, куда денут жильца, как объяснят людям его пребывание в доме» [19, с. 68].
		7. Встреча с Богиней	Микиппэр вспоминает, что в детстве спугнул большую когтистую птицу, вьющую гнездо. Орел в верованиях якутов — священное тотемное животное, олицетворение Айыы -высших сил, сил природы
		8. Женщина как искусительница	
		9. Примирение с отцом	Старик признаёт, что появление орла является возмездием за его ошибку в обращении с почитаемой

			птицей. Он покорно принимает испытание, осознавая его как справедливую кару, ниспосланную свыше.
		10. Апофеоз На этой стадии персонажу предстоит испытание преображением. Ритуал трансформации служит ключевым этапом, посредством которого оценивается нравственность и духовная зрелость претендента на божественность. Герою требуется продемонстрировать абсолютную чистоту помыслов и непоколебимую готовность к возложенной миссии. Эта трансформация отражает процесс личностного становления и самореализации.	Ожидая неизбежного конца, Микиппэр принимает свою судьбу. Он прекращает охотиться и заниматься хозяйством. Физические силы покидают его, и он проводит все больше времени в постели.
		11. Вознаграждение в конце пути	К началу весны орел выходит из балагана и приносит добычу в качестве своеобразной благодарности за зимовье. Старики испытывают чувство гордости за столь разумную птицу.
3	Возвращение		
		12. Отказ от возвращения	
		13. Волшебное бегство	
		14. Спасение извне	Окончание холодных дней «...у Быка Мороза отвалился второй р о г (большинство фольклористов считают, что второй р о г у якутского мифологического Быка Мороза отпадает 24 февраля, - прим. пер.) и сильные холода отступили...» [19, с. 68].
		15. Пересечение порога, ведущего в мир повседневности	Убийство орла комсомольцами. Жалость стариков к птице. Старик

			хоронит орла рядом с могилкой сына
		16. Властелин двух миров	
		17. Свобода жить	Наступает весна. Лиственница вновь расцветает «Состарившаяся с ним громкая лиственница скинула сегодня свой пышный зимний наряд. Весь её вид - стройный стан, верхушка, упирившаяся прямо в небеса, словно говорили ему, подбадривая его: «Пусть законы бытия говорят, что пришло время стареть, но мы вместе с тобой переживём ещё не одну метель, ещё не единожды растает снег на наших плечах» [19, с. 83] .

Структура повествования в рассказе обнаруживает параллели со стадиями мономифа: 3 фазы, 14 стадий. Ниже будет рассмотрено соответствие этих стадий трехактной структуре произведения.

Стадия «Мир повседневности» фазы «Исход» соотносится с экспозиционной частью рассказа. Начинается рассказ с описания, по структуре схожего с зачином сказки «Жили-были старик и старуха...»: «На дальнем стыке двух старинных улусов в теснине суровых хребтов... выделяясь среди других деревьев особой статью и величиной, высится громадная лиственница... С небольшого, как наковальня для косы, приземистого балагана, расположенного возле таёжного исполина, вьётся сизый дым. ...двуногих здесь всего лишь двое — это сын Собо старик Микиппэр и его старуха Оппуос» [\[19, с. 11\]](#).

Этап «Зов к приключениям» коррелирует с завязкой повествования. Старик выражает недовольство тем, что орел, несмотря на наступивший срок отлета, не покидает его лиственницу. Далее в развитии сюжета возникает конфликт: орел проникает в жилище стариков. Главный герой сталкивается с очередным испытанием, называемым «Во чреве кита», которое олицетворяет сферу возрождения героя, его глубокую трансформацию.

Этап «Инициация» озаглавлен зимовкой со священным орлом. Какое решение примут старики? Страх смерти. Страх перед силой природы. Начинается стадия «Путь испытаний», которая, в свою очередь, совпадает с развитием конфликтного действия в сюжетной композиции и его продолжением.

Воспринимая опасное соседство как зловещее предзнаменование, старик вспоминает о проступке, совершенном в детстве, и принимает возмездие, готовясь к уходу из жизни. Так выглядит стадия «Апофеоз» в контексте структуры мономифа. Эпизоды представляют

собой кульминацию рассказа в рамках трехактной структуры повествования.

«Вознаграждением в конце пути» для стариков является добыча, принесенная орлом, которую они понимают как благодарность птицы за кормление и их смиренно-доброе отношение. Но орла убивают комсомольцы, прибывшие объявить о новых порядках. Этот факт является развязкой сюжета. Старики скорбят по орлу, как по человеку, и хоронят его по традиции.

Заканчивается рассказ не смертью, ассоциирующейся с сенильным периодом жизни человека, а началом весны, с которой лиственница вновь оживает, даря надежду на продолжение жизни.

Итак, архетипическая модель жизненных изменений, закодированная в мономифе, позволяет читателю увидеть в сюжете отражение фундаментальных закономерностей человеческой судьбы, вечной борьбы между противоположными началами. Образ лиственницы в качестве символа надежды и возрождения усиливает эмоциональное воздействие рассказа. Природа, с ее циклическими процессами умирания и возрождения, выступает как подтверждение неизбежности обновления.

В концепции мономифа затрагиваются общечеловеческие архетипы и проблемы, поэтому они понятны каждому. Такой подход позволяет находить новые смыслы художественного текста.

Исследователи Д.А. Батурин, Е.Б. Еренчинова правомерно подчеркивают, что автор художественного произведения неизбежно объективирует в творчестве самого себя, желая средствами нарративно-мотивной структуры выразить личностную идентичность или всеобщность бытия. Стремится использовать в своём произведении реминисценции сюжетов из архаических мифов, накладывая их на события своего времени и культуру своего народа, таким образом, превращая своё творчество в неомиф [\[1, с. 101\]](#).

Использование якутским писателем В.В. Яковлевым мифологических мотивов, их переосмысление и адаптация к современной действительности создает новую реальность, отражающую его понимание мира, ценности и идеалы. Реминисценции из архаических мифов становятся своеобразным ключом к пониманию авторской интенции, позволяя читателю глубже проникнуть в замысел произведения.

Проведенное исследование позволяет высказать мысль о том, что путь старика Микиппэр, архетипического героя рассказа «Со мною состарившаяся лиственница» Василия Яковлева, есть метафора пути предков, осваивавших суровый край вечной мерзлоты. Этот путь, сопряженный с преодолением трудностей, отражается в образе величественной лиственницы – символе стойкости и жизненной силы, пустившей глубокие корни в вечную мерзлоту. Лиственница, состарившаяся вместе с Микиппэр, становится не только свидетелем его личной истории, но и воплощением коллективной памяти народа, хранящей в себе воспоминания о борьбе за выживание и адаптацию к суровым условиям.

Таким образом, «Со мною состарившаяся лиственница» Василия Яковлева предстает не просто рассказом о жизни одиноких стариков, а философским размышлением о пути народа, его связи с природой и о значении памяти в сохранении идентичности.

Библиография

1. Батурин, Д. А., Еренчинова, Е. Б. Поэтика мифологизма: нарративно-мотивная

- структура сказки П. П. Ершова "Конёк-горбунок" // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 100-108. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-10113. EDN: GCBIRO.
2. Беляев, Д. А., Беляева, У. П., Меринов, К. А., Казарин, А. В. Теория мономифа и универсальные мифологические концепты в повествовательной структуре видеоигр // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9, № 2А. С. 114-120. DOI: 10.34670/AR.2020.11.11.012. EDN: ХЕНЕQO.
3. Воглер, К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. Москва : Альпина нон-фикшн, 2015. 608 с.
4. Емельянов, Н. В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. 192 с. EDN: YQVCNN.
5. Караева, Л. Б., Караева, З. Б. Структура мономифа в карачаево-балкарском фольклоре. Песня-легенда "Бийнёгер" // МНКО. 2021. № 3 (88).
6. Кэмпбелл, Дж. Тысячеликий герой. Москва : Рефл-бук, АСТ, Ваклер, 1997. 384 с.
7. Малзурова, С. Д.-Н. Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60-80-х гг. XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. Улан-Удэ, 2015. 26 с. EDN: ZPTLZJ.
8. Мыреева, А. Н. Фольклорные традиции и развитие философской прозы в якутской литературе // Вестник СВФУ. 2010. Т. 7, № 4. С. 115-120.
9. Непомнящих, Н. А. О чем говорят сюжеты и мотивы литератур народов Сибири и Дальнего Востока XX века // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 77-90. DOI: 10.17223/18137083/81/6. EDN: OILVVO.
10. Огорокова, В. Б. Юкагирский роман : монография. Якутск : Ситим, 1994. 135 с.
11. Перельштейн, Р. М. Алгоритм мономифа в драматургии кинопроизведения // Вестник ВГИК. 2022. № 2 (52).
12. Попова, Г. С. Древо мира Аал Луук мас в современной культуре якутов Саха // Ценности и смыслы. 2019. № 4 (62). С. 103-120. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10082. EDN: JWXDJY.
13. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. 400 с.
14. Седых, О. М. Джозеф Кэмпбелл и зигзаги неомифологизма: от феномена "Звездных войн" к алгоритмам сторителлинга // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 6. С. 77-93. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp-id=41578562>. EDN: SXANJU.
15. Токарева, Г. "Жестокая старость и проклятая юность в мономифе Уильяма Блейка" // Вопросы литературы. 2005. № 3. С. 245-262.
16. Федорова, И. С., Попова, М. П. Мифо-фольклорные традиции в творчестве Василия Яковлева: тематика, образы, сюжет // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4, № 12. С. 142-148. EDN: GNFBW.
17. Хазанкович, Ю. Г. Проблемы изучения литератур малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1 (1).
18. Хазанкович, Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера : монография / Ю. Г. Хазанкович ; отв. ред. Ч. Г. Гусейнов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. 129 с.
19. Яковлев, В. В. Со мною состарившаяся лиственница: рассказ / В. В. Яковлев ; пер. А. Амбросьева-Сиэн Мунду. Якутск, 2019. 83 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи является рассказ Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница», который рассматривается в классической структуре мономифа, ведущим своё начало от произведений американского философа Джозефа Кэмпбелла. В связи с этим предлагаем уточнить название статьи: Элементы мономифа в творчестве якутских писателей (на примере сравнения рассказов Дж. Кэмпбелла и Василия Яковлева), или Черты мономифа в творчестве Василия Яковлева (на примере рассказа «Со мною состарившаяся лиственница»). Данное уточнение носит рекомендательный характер.

Методология исследования основана на сравнительно-сопоставительном анализе произведений, относящихся к мономифу и произведению Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница». Проводимые автором параллели указывают на высокую лингвистическую проработку данного текста и применение современных литературоведческих принципов при его анализе, однако, работа бы только выиграла, если бы автор провел не только параллели, которые позволяют рассматривать данное произведение в контексте мономифа, но и сделал акцент на аутентичности, свойственной только текстам якутских писателей. Данное замечание также носит исключительно рекомендательный характер.

Актуальность исследования, на наш взгляд, заключается в том, что впервые тексты якутских авторов рассматриваются не только с позиции содержания, сюжета, строения и их фольклорной окраски, но предпринимается попытка вписать их в контекст мирового литературоведения, в частности в структуру мономифа, на наш взгляд, это удастся автору, благодаря верным параллелям и выявлению трехактной композиционной структуры.

Новизна исследования не вызывает сомнения, так как исследуемый рассказ в подобном ключе не рассматривался ранее в литературоведении. Не проводились контекстуальные параллели работ философа Джозефа Кэмпбелла и Василия Яковлева. С этой точки зрения интерес представляет таблица, которая наглядно демонстрирует параллели рассказов американского философа и якутского автора и имеет практический интерес для дальнейшего изучения особенностей мономифа в творчестве якутских писателей.

Стиль статьи и структура научного изложения показывают высокое владение автором теоретическими понятиями и терминологическим аппаратом литературоведения, логикой научного построения исследовательской работы.

Обращение в библиографии к работам А.Н. Мыреевой, Ю.Г. Хазанковича, Н.А. Непомнящих, С.Д.-Н. Малзуровой и др. показывает глубокую проработку проблемы мономифа. Стоит отметить, что автор использует в библиографии большое количество современных исследований, что позволяет в исследуемом вопросе апеллировать новой терминологией и современными литературоведческими понятиями и концепциями.

Выводы автора интересны и закономерны. Интерес для читательской аудитории данная работа может представлять с позиции преемственности литературных традиций малыми народностями, с позиции изучения литературы малых народностей в контексте мировой литературы.

Статья может быть рекомендована к печати.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Поринец Ю.Ю., Высоцкая Д.Д. Мотив любви в романах Г. К. Честертона // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76469 EDN: HIMLIL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76469

Мотив любви в романах Г. К. Честертона

Поринец Юрий Юрьевич

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра зарубежной литературы; Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Наб. Р. Мойки, 48

✉ porinets2015@yandex.ru



Высоцкая Диана Дмитриевна

учитель; ЧОУ "Санкт-Петербургская гимназия "АЛЬМА-МАТЕР"

191015, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Центральный район, улица Шпалерная, дом 50а

✉ dianavysotskaya1309@yandex.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76469

EDN:

HIMLIL

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2025

Дата публикации:

29-10-2025

Аннотация: В статье рассматривается мотив любви в романах Г. К. Честертона, являющийся центральным в его творчестве. Затрагивается связь мотива любви с мотивами пути, карнавала, удивления, апокалиптическими мотивами. В центре внимания статьи находится изображение любви между мужчиной и женщиной в романах писателя. Исследование проводится на материале романов Честертона разного времени, в том

числе раннего романа «Бэзил Хоу». Особое внимание в статье уделяется мотиву любви в романе «Возвращение Дон-Кихота». К анализу привлекаются трактаты и эссе писателя. В статье рассматриваются образы влюбленных героев, соединяющихся в романах Честертона по принципу противоположности и взаимодополнения. Вершиной любви для английского писателя является брак, представляющий собой синтез земного и небесного. Методологическую базу настоящего исследования составляет сопоставительный метод. Результаты проведенного сравнительного анализа позволяют утверждать, что мотив любви, как в ранних, так и поздних романах английского писателя, не претерпевает изменений и сохраняет единую семантическую парадигму на протяжении всего творчества Честертона, что позволяет выявить уникальные черты мотива любви в его романах. Впервые в отечественном и зарубежном литературоведении мотив любви в романном творчестве Честертона становится предметом самостоятельного исследования. Особое внимание уделяется выявлению связей между концепцией любви в произведениях английского писателя и ее образом в раннем немецком романтизме. На основании сопоставления с романами Ф. Шлегеля «Люцинда» и Новалиса «Генрих фон Офтердинген» демонстрируется близость английского писателя романтикам, что открывает перспективы для пересмотра места автора в литературном процессе и дальнейшего анализа новых аспектов его творчества. Выявлено, что, опираясь на романтическую традицию, Честертон изображает любовь в свете идеализации, как синтез разных личностей, не только сохраняющих в союзе друг с другом индивидуальность и свободу, но и раскрывающих свою подлинную сущность. Материал статьи может быть использован в курсах по истории английской литературы и истории зарубежной литературы XX века.

Ключевые слова:

роман, романтизм, любовь, мотив, Другой, идеализация, персонаж, личность, апокалиптические мотивы, брак

Мотив любви является центральным в мотивной структуре романов Г. К. Честертона и раскрывается на разных уровнях: любовь к ближнему, любовь между мужчиной и женщиной, любовь к бытию, любовь к Богу. В мотиве любви соединяются различные мотивы Честертона: пути, удивления, чуда, радости, потерянного рая и другие. Мотив любви неразрывно связан и с христианскими мотивами. Объем данной статьи не позволяет рассмотреть различные вариации данного мотива, поэтому основное внимание уделяется анализу мотива любви между мужчиной и женщиной в романах Честертона.

Честертон испытал не только сильное влияние католического богословия [см. об этом 12; 32-33] и английской литературы, но и ранних немецких романтиков. Это влияние сказывается уже в мысли Честертона о том, что мир – «лучший из невозможных миров» [20, с. 256]. Близкое по духу утверждение присутствует в романе Ф. Шлегеля «Люцинда»: «Если мир является далеко не лучшим или полезнейшим, то все же я знаю, что он является прекраснейшим» [26, с. 216]. «Философия радости» Честертона [см. 1-4; 9], бывшая основой его мироощущения, восходит к переживанию ранними романтиками радости как основы бытия и человеческой жизни. Например, Шлегель пишет: «Радость сама по себе хороша, даже в чувственной радости содержится непосредственное наслаждение высшего человеческого существования. Это своеобразное, естественное и истонное состояние высшей природы человека» [24, с. 52].

Концептуально значимый образ возвращения домой в романах Честертона «Жив-человек» и «Перелетный кабак» является не только отсылкой к «Одиссее» Гомера и библейской притче о блудном сыне, но и к Новалису. Вопрос «Who goes home?» [\[28, p. 275\]](#), которым заканчивается одно из стихотворений в XXI главе романа английского писателя, является прямой цитатой из обращения в финале заседаний английского парламента. Но вместе с тем это и отсылка к роману Новалиса «Генрих фон Офтердинген». В тексте немецкого романтика присутствует важнейший диалог: «Wo gehn wir den hin? Immer nach Hause» [\[31, s. 161\]](#). Английский перевод, в котором Честертон читал Новалиса, идентичен оригиналу: «"Whither are we going?" "Ever homewards"» [\[30, p. 203\]](#) («– Куда мы идем? – Всегда домой» (Перевод наш – Ю. П. и Д. В.).

Важным в этом контексте представляется и фраза из другого фрагмента романа Новалиса: «Wenn euer Auge fest am Himmel haftet, so werdet ihr nie den Weg zu eurer Heimat verlieren» [\[31, s. 93\]](#). В русском переводе В. Микушевича эта фраза передается так: «Не сводите с неба глаз, и вы всегда безошибочно найдете путь на родину» [\[8, с. 55\]](#). Такой вариант перевода возможен, но следует учитывать многозначность слова «Heimat». Как верно отмечает Т. С. Медведева: «Основными значениями слова Heim, развивавшимися в течение веков, являлись «место жительства, дом, родина» [\[7, с. 201\]](#), «на первом плане в значении лексемы Heim – признак «домашний очаг» [\[7, с. 203\]](#). Более верным по смыслу представляется перевод: «Если ваш взор будет устремлен на небо, вы никогда не потеряете дорогу домой» (Перевод наш – Ю. П. и Д. В.). Особенно важно в этом смысле, что в английском переводе романа стоит: «If your eye is fixed upon Heaven, you will never lose the way to your home» [\[30, p. 118\]](#) («Если ваш взор непоколебимо устремлен к Небесам, вы никогда не потеряете дорогу домой» (перевод наш – Ю. П. и Д. В.). В романах Честертона, как и у Новалиса, раскрывается значение дома в сущностном смысле этого слова. Дом – это не только домашний очаг и место, куда всегда можно вернуться. Дом – это точка, в которой сходятся небо и земля, место подлинного существования человека, истины, онтологического смысла, схождения любви Небесной и земной.

Переживание любви как самой сути жизни, присущее Честертону, также сближает его с Новалисом и Шлегелем, который писал: «любовь же, будь то истинная или ложная, высшая, смешанная или низменная, если не всего лишь поддельная, всегда образует собой все содержание жизни, все наслаждение ею, и еще больше того: она и есть сама жизнь» [\[27, с. 149\]](#).

Любовь у романтиков, как и у Честертона, связывает земное и небесное. У Новалиса в «Генрихе фон Офтердингене» герой обращается к возлюбленной так: «я почувствовал, что мы бессмертны» [\[8, с. 72\]](#). Любовь открывает перед героями вечность: «вечность дарована нам любовью» [\[8, с. 72\]](#). По словам Генриха: «мы привыкли думать, что горный мир от нас гораздо дальше, тогда как мы обитатели горного мира и созерцаем его уже здесь в сокровенном единении с нашим дольным естеством» [\[8, с. 72\]](#).

Вслед за романтиками Честертон рассматривает любовь в качестве основной силы, утверждающей бытие и связывающей человека с божественным замыслом: «Прав мистик, для которого отношения Бога и человека – история любви, прообраз всех любовных историй» [\[22, с. 20\]](#). Согласно Честертону, даже смерть не так трагична, как конец любви [\[20, с. 137\]](#). Эта идея воплощается в мотиве любви в его романах.

Герой, увидев Другого, полюбив, оказывается перед своего рода откровением. И принимая это откровение, совершает свой выбор. От такой возможности, от любви не отказывается ни один из персонажей Честертона. Любовь в его романах нерациональна, она раскрывается как будто вне социальной сферы, вне психологии. Но при этом не похожа и на какую-то иррациональную страсть. Любовь никогда не бывает ложной, надуманной, она всегда подлинна. Здесь, конечно, очевидно, что Честертон далеко уходит от традиции социально-психологического романа XIX века. Любовь в его романах не подчиняется законам психологической детерминированности и возникает как божественный дар. Его персонажи любят друг друга не за что-то, а несмотря ни на что, любят не потому, что находят друг в друге сходство, а поскольку встречают инаковость, требующую от них внутреннего перерождения: «Я хочу любить ближнего не потому, что он – я, а именно потому, что он – не я. Я хочу любить мир не как зеркало, в котором мне нравится мое отражение, а как женщину, потому что она совсем другая. <...> Любви нужна личность, поэтому любовь жаждет различия» [23, с. 409-410]. Так, в романе «Возвращение Дон Кихота» Оливия Эшли, художница, рисующая в духе прерафаэлитов и написавшая пьесу «Трубадур Блондель», увлечена Средневековьем, и на первый взгляд, представляется очевидным, что идеальная пара для нее – Майкл Херн, буквально воплощающий ее эстетические и жизненные идеалы. Херн предстает перед ней как ожившая мечта, герой ее произведения, «все, о чем она грезила» [19, с.440]. Тем не менее, героиня влюбляется не в него, а в убежденного социалиста Джона Брейнтри, чьи взгляды и вкусы противоречат ее утонченной натуре. Но именно Джон с его ярко-красным галстуком, вопреки всему, «тревожил ее еще больше, ибо о том, что воплощал он, она не грезила никогда» [19, с. 440]. Сам же Брейнтри «знал, как удивительна и невозможна его любовь к ней. Бледное, живое и гордое лицо с острым подбородком врезалось в его мир, как меч. Ее мир он ненавидел особенно сильно, ибо не мог ненавидеть ее самое» [19, с. 473]. Подобный парадокс проявляется и в линии Розамунды Северн и Майкла Херна. Розамунде обладающей практичным и деятельным характером, совершенно не подходит «безумный библиотекарь» [19, с. 431], погруженный в мир фантазии. Но, как пишет Честертон: «разумный человек ошибся бы, что с ним нередко бывает». [19, с. 446]. Для Розамунды Майкл, несмотря на признаваемую им самим собственную слабость, является «единственным мужчиной» [19, с. 476].

Для Честертона было чрезвычайно важным, что «странные, почти невероятные создания, люди, почти никогда не делают того, чего от них ждут» [19, с. 446]. В его романах любовь соединяет разное, а не одинаковое, любовь невозможна, в этом ее чудо. Поэтому у Честертона пары составляют Розамунда и Херн, Брэнтри и Оливия. Любовь по Честертону – это не сходство взглядов или характеров, это удивительное пересечение, скрещение двух судеб. Герои влюбляются друг в друга не потому, что видят в другом идеализированный образ себя, не потому, что переносят на другого свои качества, не потому, что выдумывают его, а потому, что в какой-то момент смогли увидеть в этом другом что-то, что навсегда меняет их жизнь. Принять эту любовь – означает отказаться от всех представлений о жизни, о себе, о мире, которые у героя были до этого. В романе «Возвращение Дон Кихота» социалист готов играть роль трубадура, а поэта – смеяться над своими стихами, потому что нашла «то, что ее интересует больше поэзии» [19, с. 434] – нашла любовь.

По принципу соединения разного построены и взаимоотношения персонажей в романе «Шар и крест». Джеймс Тернбулл и Эван Макиэн влюбляются в девушек, чьи убеждения полностью противоположены их собственным: атеист Тернбулл – в религиозную Мадлен

Дюран, а верующий Макиэн – в говорящую о своем безверии Беатрис Дрейк. Любовь в романе становится мостом между небом и землей, она соединяет «шар» (земное, материальное) и «крест» (небесное, духовное), демонстрируя, что истинное единство достигается не через устранение различий, а через их принятие. Когда Макиэн видит Беатрис, он впервые в жизни обращает внимание на что-то земное. Как замечает автор: «До сих пор он никогда не разглядывал человека» [\[17, с. 62\]](#). Для Честертона очень важно, что земное и небесное неразрывно связаны друг с другом, а принятие земного никогда не приводит к отречению от небесного. Здесь также можно увидеть связь с романтизмом, которому присуще «переживания непосредственного присутствия бесконечного в конечном» [\[13, с. 99\]](#).

В романе «Жив-человек» влюбленные герои тоже объединены не по принципу схожести, а по принципу противоположности. В данном случае Честертон подчеркивает не противоположность взглядов и веры, как в романе «Шар и крест», а несовместимость характеров. Но любовь выше характера, поэтому это не является препятствием для любви. Объединение влюбленных героев по принципу противоположности является одним из основных принципов поэтики Честертон.

Герои в романах Честертон дополняют друг друга. В романе «Возвращение Дон Кихота» интерес к искусству и творчеству Оливии Эшли уравнивают несколько сухой и теоретический склад ума Джона Брейнтри, энергичная и любопытная Розамунда Северн дополняет часто неуверенного в себе и много рефлексирующего Майкла Херна, а в романе «Бэзил Хоу» поцелуй Гертруды Грэй, «чистый и горячий, как ее сердце» [\[21, с. 228\]](#), в «омраченный многолетней борьбой с самим собой, одиночеством и сознанием своего недостойнства» [\[21, с. 228\]](#) лоб Бэзила Хоу разрешил его от бремени и подарил покой.

Концепцию любовного союза мужчины и женщины, основанного на соединении несходного, Честертон раскрывает уже в раннем романе «Бэзил Хоу» и затем последовательно изображает во всех романах: «Но вот другое лицо, непохожее на мое, а потому я знаю, что это Господь послал мне суженую, чтобы наполнить мою жизнь. Лицо, способное краснеть от смущения, смеяться и плакать, – это истинный дар Господа, как маргаритки у ее ног и яблоки у нее над головой. Именно такой благодати, а вовсе не своего бледного подобия надлежит искать человеку» [\[21, с. 184\]](#).

Представляется очевидным, что образ соединения в любви схожести и противоположностей в романах Честертон во многом связан с изображением любви в ранней романтической традиции, в которой часто подчеркивалось соединение сходного и различного в любви. Н. А. Садунова верно отмечает: «На основе субъект-объектного единства, принципа единства противоположностей романтики развивают философскую концепцию брака» [\[10, с. 16\]](#). Например, Шлегель в «Люцинде» подробно останавливается на том, как Юлий постепенно находит в своей возлюбленной не только сходство, но и близость: «Вначале ничто так не изумляло и не притягивало его к Люцинде, как открытие, что ее внутренний облик похож на его собственный, вернее даже, что их внутреннее содержание совершенно одинаково; и вот изо дня в день ему пришлось обнаруживать все новые и новые различия. Правда, даже и эти различия основывались на глубоком внутреннем сходстве, и чем богаче развертывалась перед ним ее сущность, тем многогранней и задушевней становился их союз. Он и не подозревал, что ее своеобразие так же неисчерпаемо, как и ее любовь» [\[26, с. 272\]](#).

В романах Честертона любовь почти всегда разворачивается на фоне судьбоносных событий: война Запада с Востоком за христианскую цивилизацию («Перелетный кабак»), борьба с мировым заговором анархистов («Человек, который был Четвергом»), с философией пессимизма («Жив-человек»), с разрушением христианской цивилизации («Возвращение Дон Кихота»), или непосредственно противостояние злу в лице профессора Л. («Шар и крест»). Мотив любви таким образом оказывается неразрывно связан с апокалиптическими мотивами. Любовь в романах Честертона всегда торжествует, несмотря на обстоятельства, она всегда связана с обретением истинного смысла мироздания, обретением веры, обретением себя. Любовь в романах Честертона противостоит злу, хаосу, распаду. Любовь – средоточие мироздания, она центр всего, и в любви, конечно, проявляется отражение той Любви, что «движет солнце и светила» [\[5, с. 464\]](#), то есть Бога.

Мотив любви проявляется в том числе на уровне композиции, на фабульно-сюжетном уровне. До начала событий, за исключением романа «Перелетный кабак», герои не испытывают любовного чувства или же, как в романе «Жив-человек» скрывают его, убежденные в бесплодности своих надежд на взаимность. В любом случае даже в романе «Перелетный кабак» существуют непреодолимые на первый взгляд обстоятельства, мешающие браку героев, так что только невероятные события романа могут изменить эту ситуацию.

Важнейшее значение в развитии сюжета романа является момент, когда герой видит героиню как будто впервые. Встреча героев, во время которой они влюбляются, открывают друг друга, познают сущность друг друга, предваряется описанием необычного состояния мира. В романе «Возвращение Дон Кихота» Честертон описывает время действия следующим образом: «Было то недолгое время года, когда мир обретает крылья» [\[19, с. 405\]](#). Это подобно описанию урагана в романе «Жив-человек», особенного вечера в романе «Человек, который был Четвергом», начальному описанию в романе «Перелетный кабак». В романах Честертона мир как будто снимается с определенного привычного места, перед читателем предстает становящийся мир, что, конечно, связано в его романах с мотивами карнавала и удивления. «Мир обретает крылья» – это метафора всего, что происходит в романах Честертона и с миром, и с героями. История героев идет как будто вверх, как и история любви. Этот момент является преддверием какого-то поворота, указанием на возможность проявления чуда, момента, когда возможны любые неожиданности, все открывается с новой стороны.

Любовь побуждает героев к изменениям, как внешним, так и внутренним. Так, например, Артур Инглвуд набирается смелости и признается в любви, а Майкл Мун готов отречься от своей ироничности и быть предельно сентиментальным и искренним («Жив-человек»). Любовь, в понимании Честертона, не ослепляет, а «связывает, и чем крепче ты связан, тем яснее видишь» [\[23, с. 340\]](#): «Джон Брейнтри вошел в комнату, и Оливия увидела, словно в ярком свете, все, что ей нравилось в нем, и все, что ей не нравилось в его одежде. <...> Когда он увидел Оливию, он окаменел. Забота исчезла из его глаз, осталась сияющая печаль. Ведь заботы – всего лишь заботы, что бы мы им не отдавали, а печаль – обратная сторона радости» [\[19, с. 469\]](#). В любви человек, преодолевая собственные недостатки и страсти, способен к духовному самосовершенствованию и реализации самого себя как цельного существа посредством укоренения в бытии Другого и осознанию «Я» в общей структуре мироздания. Любовь открывает ценность любимого, помогает увидеть в нем образ Божий, дает персонажам Честертона возможность стать такими, какими они потенциально являются, стать лучше и

«действительнее». Херну в романе «Возвращение Дон Кихота» Розамунда «казалась принцессой и в средневековом платье, и в современном» [\[19, с. 447\]](#). Но дальше автор подчеркивает, что такой ее увидел именно он: «Если бы Херн лучше знал жизнь, он узнал бы довольно обычный характер» [\[19, с. 447\]](#), который «отличают могучая простота и наивная одержимость» [\[19, с. 447\]](#). На первый взгляд, в этом фрагменте показано заблуждение героя. Но, судя по дальнейшему течению романа, мы убеждаемся, что Розамунда не была такой, какой ее считали все. Ее дальнейшие поступки (она отдает свои владения монастырю, меняет фамилию, живет в бедности, трудится и помогает бедным) показывают, что она и была особенной, такой, как ее увидел Херн.

Для героев романа «Шар и крест» любовь становится возможностью для окончательного примирения и обретения себя, принятия Бога и чуда Его Творения. Любовь раскрывает перед персонажами чудо мироздания и открывает смысл жизни. По мере того, как герои начинают ценить мир, они отходят от пессимистического умоностроения. В романе «Бэзил Хоу» неуверенность в себе и пессимизм Бэзила уступают место любви к Гертруде. В основе этого перехода лежит растущее осознание мира как сотворенного порядка, о чем свидетельствуют многочисленные отсылки к Книге Бытия, в том числе в качестве названия глав («День покоя», «Эдемский сад» и др.). Даже роль Гертруды в изменении мировоззрения главного героя связана с чудом Творения. Повествование опирается на историю Данте и Беатриче, подразумевая, что красота, которую Бэзил видит в Гертруде, указывает на Творца, стоящего за мирозданием: «И в наши дни в нашем стремительно несущемся неизвестно куда обществе молодой человек, преследуемый грехами и измученный сомнениями, по-прежнему способен лицезреть образ, который Господь являет ему от создания мира – образ, который лицезрел Адам, восстав ото сна» [\[21, с. 147\]](#).

Когда в романах описывается путешествие героя, о возлюбленной практически не говорится, она не принимает участие в приключениях или же участвует мало. Но именно она – самое важное, что есть в его жизни. Так происходит с Саймом в романе «Человек, который был Четвергом»: «Рыжая девушка не играла никакой роли в его чудовищных приключениях, он и не видел ее, пока все не кончилось. Однако мысль о ней возвращалась, словно музыкальная тема, и блеск ее волос вплетался красной нитью в грубую ткань тьмы» [\[16, с. 186\]](#). Все приключения, в которых Сайм принимает участие, его преодоление себя обретают окончательный смысл только в контексте этой встречи, завершающей страшный сон в финале романа.

Мотив любви в романах Честертона всегда связан с поиском, часто буквально – со странствием. Любовь становится движущей силой, ведущим героев через хаос к гармонии. В каждом романе герои совершают подвиги во имя своей возлюбленной, преодолевают себя ради нее: «Прибавлю лишь одно, и вы это знаете. Я жил, любя вас, и умру, любя вас. Я объехал много стран и только в вашем сердце заблудился, сбился с пути» [\[18, с. 346\]](#). Любовь у Честертона – это всегда путь домой, путь к себе, а путь к себе – это всегда и путь к Богу.

Герои Честертона (Патрик Дэлрой, Инносент Смит, Майкл Херн, Эван Макиэн и Джеймс Тернбулл, Гэбриел Сайм), подобно, Генриху фон Офтердингену Новалиса, отправляются в путь в поисках смысла мироздания, итогом которого является всеобъединяющая и расставляющая все по своим местам любовь: «Когда Патрик и Джоан бродили по миру, который снова стал и теплым, и прохладным, каким бывает для немногих там, где отвагу зовут безумием, а любовь – предрассудком; когда Патрик и Джоан бродили, и каждое

дерево было им другом, открывающим объятия мужчине, а каждый склон – шлейфом, покорно влекущимся за женщиной» [\[16, с. 348\]](#).

С мотивом любви неразрывно связан мотив удивления. Сама любовь приходит как чудо и озарение свыше. Когда герой Честертона встречает девушку – это всегда любовь с первого взгляда. Все вокруг становится новым и нетленным. Даже самое простое и привычное оказывается неожиданным сюрпризом, чем-то подлинно существующим, удивительным и неповторимым: «Несколько долгих мгновений Макиэн и незнакомка просто смотрели друг на друга. <...> То, что происходило, отличалось от обычной жизни, как сон от яви, но сном была жизнь, а сейчас он не только проснулся – он очнулся в новом, неведомом мире. Можно сказать, что он обрел новую жизнь, где другое добро, другое зло, и сама радость так сильна, что разбивает сердце» [\[17, с. 62\]](#). Герой, увидев и полюбив Другого, оказывается перед своего рода онтологическим откровением. Чуткая, восприимчивая человеческая душа становится способна сквозь обыденность земного существования прозреть ответ горнего мира и осознать неизмеримую ценность этого откровения: «Когда он вел девушку под руку, они в первый раз заметили, что их сад и дом лежат на крутизне выше Лондона. И все же они чувствовали, что, хотя их жилище высится, открытое взорам, оно отрезано от всего мира, как сад, опоясанный высокой оградой на вершине одной из небесных башен. Инглвуд мечтательно озирался кругом. С невыразимым наслаждением пожирали его темные глаза каждую мелочь» [15 с. 375]. Для Майкла Херна «земля преобразилась» [\[19, с. 473\]](#), когда он увидел в каком-то новом свете Розамунду на зеленом уступе. Честертонская концепция любви выступает как парадоксальный синтез повседневного и чудесного, обыкновенного и необыкновенного.

Ощущение любви как озарения, видение любимого человека как единственного, особенного несомненно восходит к изображению любви у ранних немецких романтиков. Как говорит Юлий Люцинде: «Тогда бы я счел сказкой, что есть такая радость и такая любовь, какие я теперь ощущаю, и такая женщина, которая была бы мне совершенной подругой. <...> В тебе я нашел все и даже больше того, о чем я мог мечтать: ты ведь не такая, как другие» [\[26, с. 220\]](#). Подобное откровение посещает в романе «Жив-человек» Инносента Смита, который, открыв радость существования, дает школьному товарищу телеграмму о том, что «найден живой человек на двух ногах» [\[15, с. 336\]](#). Позже представление о жизни человека, как о чуде, соединяется в его сознании с образом возлюбленной. «He calls me "Manalive"» [\[28, p. 638\]](#) («Он зовет меня Жив-человек» [\[15, с. 517\]](#)), – говорит его жена в романе. Любовь пробуждает героя к жизни, делает его человеком.

Вершиной проявления любви для Честертона является брак. В этом писатель следует не только традиции английского викторианского романа и, прежде всего, Ч. Диккенса, но и ранних немецких романтиков. У Новалиса и Шлегеля раскрывается концепция брака как свободного единства любящих [см.6; 13], брак поэтизируется. В романе Новалиса брак прославляет Клингсор: «Храните ваши узы вопреки самой смерти. Что же такое вечная поэзия, если не жизнь в любви и верности!» [\[8, с. 69\]](#).

По Шлегелю, «земная склонность и любовь в освященном союзе верности и брака принимает образ нерушимости и вечности, становясь источником обилия божественной благодати и нравственных уз» [\[25, с. 111\]](#). В «Люцинде» есть важнейшее рассуждение о браке: «То, что нас связывает, это – брак, вечное единство и соединение наших душ не только в пределах того, что мы называем тем или иным миром, но и по отношению к подлинному, нераздельному, безымянному и безграничному миру, ко всему нашему

бессмертному бытию, ко всей нашей беспредельной жизни» [\[26, с. 220\]](#).

Большинство романов Честертона заканчиваются бракосочетанием героев или их помолвкой: Валентин Амьен и Кэтрин Грэй, Бэзил Хоу и Гертруда Грэй, Майкл Мун и Розамунда Хант, Джон Брейнтри и Оливия Эшли, Дуглас Мэррел и мисс Хэндри. В мире, полном хаоса и разногласий, брак для писателя становится воплощением гармонии, чудом на Земле. Честертон критикует идею, согласно которой счастье и любовь ассоциируются с понятием «свобода», а несчастье – с понятием «ограничения»: «В наши дни <...> представляется, что брачные узы – это ярмо, надетое на человечество в результате таинственных происков дьявола, тогда как в действительности сами влюбленные впрягаются в это ярмо по обоюдному согласию» [\[14, с. 33-34\]](#). По Честертону, брак не ущемляет свободу личности, в нем не происходит стирание индивидуальности человека, именно в браке мужчина и женщина раскрывают себя и Другого с наибольшей полнотой.

В романе «Жив-человек», в котором Честертон подробно раскрывает свое понимание брака как высшей степени единства мужчины и женщины, Майкл Мун говорит: «Брак – это дуэль не на жизнь, а на смерть, от которой ни один уважающий себя человек не имеет права отказаться» [\[15, с. 497\]](#). Представляется уместным провести параллель с романом «Люцинда»: «И если одна только любовь превращает нас в полноценных людей и есть жизнь жизни, то противоречия для нас не страшнее, чем жизнь или человечество, и примиренье будет следовать в ней за столкновеньем сил» [\[26, с. 280\]](#). Для Честертона, как и для Шлегеля, брак – соединение двух разных волей, противоборство между которыми органично и служит обретению единства и гармонии. В романах английского писателя герои достигают «вершины мира, вершины доступного людям счастья» [\[19, с. 476\]](#).

Честертон намеренно избегает детального описания супружества, считая психологические обобщения невозможными и избыточными: «Чтобы объяснить, почему она удивилась, надо было бы рассказать ее историю, а история эта иная, чем наша повесть; она похожа на те научные, реалистические романы, которые мы не вправе называть романами» [\[19, с. 429\]](#). Для автора брак сам по себе прекрасен, и отношения в нем не нуждаются в подробном анализе, поскольку они уникальны и неповторимы, так как всегда есть только конкретные, единственные друг для друга, мужчина и женщина: «О, бросьте говорить о мужчинах! <...> Предоставьте это дамам-писательницам! Мужчин не существует. Нет таких людей. В действительности есть только Мужчина, и кто бы он ни был, он никогда не похож на других» [\[15, с. 517\]](#). Любовь и полное принятие друг друга делают двух людей неделимым целым, чем-то большим, чем просто союз. Брак – раскрытие одного через другого. Другой же здесь – это не ад, как у Ж.-П. Сартра [\[11, с. 104\]](#), а рай на земле. Любовь к Другому позволяет человеку открыть самого себя, увиденным другим в свете его любви: «А когда рыцарь вернулся в свой дом и снял свой шлем, жена вскрикнула, увидев, что лицо его сияет, подобно звезде. И посмотревшись в гладь пруда, он увидел свет и очертания белого изваяния, которое было отныне им самим. Ни единого гордого помысла не зашевелилось в его сердце, он отвернулся от своего отражения и устремил взгляд на свою даму» [\[21, с. 185\]](#).

Идеализация любви, идеализация брака, присущая Честертону, уникальна для литературы XX века, в которой брак изображался критически. Во многом в этом заключается своеобразие раскрытия мотива любви между мужчиной и женщиной в романах Честертон.

Библиография

1. Афонина Ю. Н. Традиция Г. К. Честертон и концепция радости К. С. Льюиса // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 1. С. 167-171. EDN: NYAANT.
2. Боровинская Т. В. "Философия радости" Гилберта Кита Честертон // XII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб. статей и мат. М.: МГПУ, 2000. С. 99.
3. Васильева Е. В. Символика сада в романе Г. К. Честертон "Человек, который был Четвергом" // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 1(33). С. 100-105. EDN: VRVBNL.
4. Васильева Е. В. Художественный мир романов Г. К. Честертон: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Васильева Екатерина Владимировна; Воронежский государственный университет. Воронеж, 2000. 237 с. EDN: QDILOR.
5. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Наука, 1967. 628 с.
6. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: АХИОМА, 1996. 232 с.
7. Медведева Т. С. Концепты ДОМ и HAUS/HEIM в русской и немецкой лингвокультурах // Многоязычие в образовательном пространстве. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2014. С. 200-205.
8. Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир, Наука, 2003. 290 с.
9. Плахтиенко О. П. Христианство как религия радости и свободы в произведениях Г. К. Честертон // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 92-95. EDN: JVATJB.
10. Садунова Н. В. Философия любви немецкого романтизма. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Тверь, 2009. 20 с. EDN: NQJMGX.
11. Сартр Ж.-П. За закрытыми дверями // Сартр Ж.-П. Почтительная потаскушка: сборник. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 49-104.
12. Трауберг Н. Л. Честертон в Англии // Честертон Г. К. Неожиданный Честертон. М.: Истина и Жизнь, 2002. С. 7-42.
13. Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. 368 с. EDN: QRJAJ.
14. Честертон Г. К. В защиту опрометчивости // Честертон Г. К. Писатель в газете. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1984. С. 31-35.
15. Честертон Г. К. Жив-человек // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. СПб.: Амфора, 2000. С. 327-519.
16. Честертон Г. К. Человек, который был Четвергом // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. СПб.: Амфора, 2000. С. 175-326.
17. Честертон Г. К. Шар и крест // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 5-144.
18. Честертон Г. К. Перелетный кабак // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 145-348.
19. Честертон Г. К. Возвращение Дон Кихота // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 349-504.
20. Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 2002. 352 с.
21. Честертон Г. К. Бэзил Хоу // Честертон Г. К. Бэзил Хоу. Наши перспективы. М.: АСТ, CORPUS, 2015. С. 31-232.
22. Честертон Г. К. Святой Фома Аквинский // Честертон Г. К. Фома. Франциск. Ортодоксия. М.: АСТ, 2021. С. 5-140.
23. Честертон Г. К. Ортодоксия // Честертон Г. К. Фома. Франциск. Ортодоксия. М.: АСТ, 2021. С. 263-446.

24. Шлегель Ф. К. В. Об эстетической ценности греческой поэзии // Шлегель Ф. К. В. Эстетика. Философия. Критика. В двух томах. Т. I. М.: Искусство, 1983. С. 51-61.
25. Шлегель Ф. К. В. Философия жизни // Шлегель Ф. К. В. Сочинения. Том 1. СПб.: Издательский проект "Quadrivium", 2015. С. 6-353.
26. Шлегель Ф. К. В. Люцинда // Шлегель Ф. К. В. Сочинения. Т. 2. СПб.: Издательский проект "Quadrivium", 2015. С. 215-199.
27. Шлегель Ф. К. В. Философские чтения, в особенности по философии языка и слова. Сочинения Т. 2. СПб.: Издательский проект "Quadrivium", 2015. С. 7-214.
28. Chesterton G. K. The flying inn. NY: John Lane Company, 1914. 320 p.
29. Chesterton G. K. Manalive // The selected works of G. K. Chesterton. L: Wordsworth Editions Limited, 2008. P. 223-347.
30. Novalis. Henry of Ofterdingen: A Romance. Cambridge: John Owen, 1842. 249 p.
31. Novalis. Heinrich von Ofterdingen / Herausgegeben von Jochen Hörisch. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1983. 243 S.
32. Oddie W. Chesterton and The Romance of Orthodoxy: Oxford; NY: Oxford University Press, 2009. 410 p.
33. Pickering D. G. K. Chesterton, Natural Theology, and Apologetics. Oxford: Worcester College, 2020. 333 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Го Ч. Исследование зарубежной коммуникации China Media Group: нарративные практики и глобальная экспансия // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76504 EDN: NHFOCW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76504

Исследование зарубежной коммуникации China Media Group: нарративные практики и глобальная экспансия

Го Чжижэнь

аспирант; кафедра Теории и Истории Журналистики; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ 742838281@qq.com



[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76504

EDN:

NHFOCW

Дата направления статьи в редакцию:

23-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: Цели и предмет исследования данной статьи заключаются в изучении того, как China Media Group (CMG) достигает расширения дискурса в глобальной медиасфере. В данном исследовании делается попытка предложить объяснительную аналитическую модель, а именно «Трехуровневую модель механизма коммуникации государственных СМИ за рубежом + тройной путь расширения дискурса», включающую «цикл обратной связи» для формирования теоретической замкнутой цепи. В данной статье не только анализируются методы построения дискурса CMG через институциональные, операционные и платформенные механизмы, но и исследуется, как дискурс достигает расширения через географические, когнитивные и структурные пути. Далее оцениваются ограничения и напряженность, возникающие из-за недостатков обратной связи, и предлагаются рекомендации для будущего развития. Для проведения углубленного

анализа механизмов внешней коммуникации China Media Group в данной работе используется комбинированная методология, включающая обзор литературы, дискурс-анализ, сравнение многоязычного контента и тематические исследования. Исследование проводится в трех взаимосвязанных измерениях: институциональные рамки, операционные практики и стратегии платформы. Инновационность данного исследования заключается в построении «трехуровневой модели механизма международной коммуникации государственных СМИ Китая», объединяющей институциональные факторы, производство контента и расширение платформы в единую аналитическую структуру. Это позволяет устранить недостатки фрагментированного и одномерного анализа, характерные для существующих исследований. Результаты исследования показывают, что China Media Group (CMG) эффективно повышает международную узнаваемость имиджа страны благодаря единой системе нарративов, многоязычному распространению информации и визуальной символизации. Однако она сталкивается со структурными проблемами, включая барьеры доверия, контекстуальные различия и недостаточную обратную связь. В будущем внешняя коммуникация Китая должна перейти от одностороннего распространения информации к обсуждаемой коммуникации. Это требует участия многих заинтересованных сторон, локализованного выражения и институционализированного взаимодействия для содействия подлинной трансформации когнитивных представлений глобальной аудитории.

Ключевые слова:

Дискурсивная власть, мягкая сила, цифровые платформы, Международная коммуникация, конкуренция дискурсов, обратная связь, многоязычная коммуникация, межгосударственные отношения, медиа платформы, межкультурная коммуникация

Глобальный медиа-ландшафт постепенно кристаллизовался в коммуникационную структуру, в которой доминируют западные страны. На этом фоне положение государственных СМИ в международной коммуникации стало особенно сложным. С одной стороны, они стремятся прорвать глобальный информационный поток, в котором доминируют западные СМИ, пытаясь построить свои собственные системы нарративов; с другой стороны, они часто оказываются ограниченными двойным давлением «исключения из повестки дня» и «структурных ограничений». [\[1, с. 84-95\]](#) Возьмем, к примеру, China Media Group (CMG): ее контент на глобальных социальных платформах часто подвергается понижению рейтинга, маркировке или прямой блокировке, что отражает системное исключение в рамках структур информационного империализма. Следовательно, государственные СМИ, продвигающие международную коммуникацию, должны бороться не только с конкуренцией за сам контент, но и с институциональным неравенством. Поэтому государственная коммуникация должна искать новые пути противодействия и переговоров, признавая асимметрию коммуникативной власти. Как показывает логика «коммуникация — это власть», [\[2, с. 89\]](#) производство, распространение и интерпретация информации напрямую определяют дискурсивный статус страны в международном сообществе. «Модель пропаганды», предложенная Эдвардом С. Херманом и Ноамом Хомским, освещает логику построения государственного дискурса и то, как СМИ функционируют в системах капитала и власти. [\[3, с. 8-21\]](#) Хотя их анализ в первую очередь направлен на западные коммерческие СМИ, его логика в равной степени применима к пониманию государственных СМИ. Процесс производства контента CMG аналогичным образом определяется политическими

императивами, ориентацией на национальные интересы и идеологической дисциплиной. В отличие от западных СМИ, легитимность государственных СМИ Китая в большей степени основана на национальной воле и политических целях, чем на рыночной логике. Однако в международной коммуникационной арене им также требуется «деполитизированная упаковка» для создания универсальной легитимности своего контента, тем самым преодолевая культурные различия и политические разногласия. Основываясь на этой теоретической основе, в данной статье предлагается «трехуровневая модель механизма глобальной коммуникации государственных СМИ», чтобы объяснить, как государственные СМИ конструируют и расширяют национальный дискурс в сложных условиях международной коммуникации.

Институциональные механизмы составляют основу внешней коммуникации государственных СМИ. [\[4, с. 68-80\]](#) Это проявляется в глубокой интеграции политической ориентации и идеологической логики. С момента создания China Media Group (CMG) в 2018 году такие политические цели, как «хорошо рассказывать истории Китая» и «усиливать международную дискурсивную мощь», стали руководящими принципами внешней коммуникации. Посредством институционального дизайна государство обеспечивает высокую степень соответствия медиа-контента национальным позициям, формируя «институционализированную дискурсивную стабильность». Этот механизм гарантирует единство и преемственность национальных нарративов, но одновременно ограничивает автономию отдельных журналистов и редакторов, что приводит к негибкости коммуникационного контента. Операционные механизмы относятся к конкретному производству и реализации контента. В рамках операционной логики CMG многоязычная редакционная система и строгие процессы утверждения тем обеспечивают согласованность в различных языковых контекстах. Например, хотя детали нарратива и выбор слов могут различаться в китайской, английской и русской версиях одного и того же новостного события, их основная позиция остается согласованной. [\[5, с. 94-128\]](#) Этот механизм «кодирования контента» отражает способность государственных СМИ к стратегической адаптации в различных культурных контекстах. Одновременно операционные механизмы включают использование визуальных символов, таких как высокоскоростные железные дороги, ночные городские пейзажи и семейные воссоединения, которые повторяются в качестве «визуальных мифов», укрепляющих положительные нарративы национального имиджа. В условиях цифрового и платформенного распространения информации платформенные механизмы стали ключевыми для расширения дискурса государственных СМИ. CMG не только использует традиционное телевидение и радио, но и активно взаимодействует с международными социальными сетями, такими как YouTube, Twitter и Facebook. Однако роль платформенных механизмов двояка: с одной стороны, они предоставляют каналы для глобального расширения государственного дискурса; с другой стороны, они создают ограничения, поскольку алгоритмические механизмы и политические правила этих платформ часто несут в себе структурные предубеждения. Например, контент CGTN в Twitter часто помечается как «государственные СМИ», что косвенно подрывает его достоверность. Таким образом, платформенные механизмы являются как важными коммуникационными инструментами, на которые должны полагаться государственные СМИ, так и внешними ограничениями, требующими постоянной адаптации.

Эти трехступенчатые механизмы не существуют изолированно, а функционируют как единое целое благодаря взаимному взаимодействию и скоординированной работе. Институциональные механизмы обеспечивают политическую основу и идеологическую ориентацию; операционные механизмы преобразуют эту ориентацию в тексты и визуальные символы; а платформенные механизмы выполняют задачу распространения

этого контента среди глобальной аудитории. Взаимодействие между этими тремя компонентами составляет полную логическую цепочку внешней коммуникации государственных СМИ. Аналитическая линия данной статьи разворачивается именно по этим трем уровням, раскрывая, как государственный дискурс создается, воспроизводится и усиливается посредством координации между этими уровнями. [\[6, с. 124\]](#).

В 2018 году слияние Центрального телевидения Китая, Международного радио Китая и Национального радио Китая в Китайскую медиагруппу (CMG) обнажило понимание Китаем глобальных структур коммуникационной власти и его стратегический ответ. В центральных партийных документах неоднократно подчеркивается срочная необходимость «создания системы внешнего дискурса», которая представляет собой не только стратегию мягкой силы, но и неизбежный ответ на «гегемонию западного дискурса». CMG — это не просто новостная организация, а «специальный аппарат», встроенный в идеологическую структуру государства. Социальные институты, такие как образование, СМИ и религия, постоянно воспроизводят идеологию правящего класса через ежедневную дискурсивную продукцию, чтобы поддерживать социальный порядок и структуры власти. Коммуникационная система CMG тесно согласована с политическими директивами. Ее управление осуществляется по вертикальной цепочке командования, где редакторы, журналисты и производственный персонал придерживаются не только журналистских стандартов, но и строго следуют политическим ориентирам и единым сообщениям. Высокоорганизованные и процедурные процессы, такие как совещания по выбору тем, планирование репортажей и утверждение рукописей, обеспечивают предсказуемость и последовательность коммуникаций CMG. Создание CMG знаменует вступление Китая в новую фазу «централизованной интегрированной стратегической» внешней коммуникации. В глобальном коммуникационном ландшафте после холодной войны, доминируемом Западом, Китай долгое время сталкивался с дискурсивным неравенством, пытаясь вырваться из положения пассивного реципиента, не имея при этом эффективных каналов международного дискурса. Благодаря институциональным механизмам, включающим организационную интеграцию, политическую ориентацию и стратегическую коммуникацию, CMG напрямую преобразует национальные коммуникационные цели в конкретные действия. [\[7, с. 34-46\]](#).

В рамках этой институциональной структуры коммуникационная логика CMG может быть обобщена как модель суверенной коммуникации. Национальное единство голоса является главным принципом CMG. По актуальным международным вопросам — будь то Синьцзян, Гонконг, Тайвань или китайско-американские отношения — репортажи CMG демонстрируют замечательную последовательность и синхронизацию. По сравнению с плюралистической ориентацией западных СМИ, эта модель позволяет избежать международных дилемм интерпретации, которые могут возникнуть в результате расхождений во внутренних мнениях. Ключевой особенностью нарративной стратегии CMG является позитивное руководство. Этот «позитивный нарратив» — не просто упрощенный оптимизм, а результат институционального управления, отражающий усилия Китая в области внешней коммуникации по представлению национальных стратегий в качестве универсальных ценностей. Антиконфликтные нарративы составляют еще одну важную коммуникационную логику CMG. В репортажах о Тайване «мирное воссоединение» выступает в качестве высокочастотного ключевого слова, которое одновременно воплощает политическую позицию и позволяет избежать чрезмерной конфронтации в коммуникации. Лингвистические паттерны CMG часто несут следы институционального вмешательства. На примере пандемии COVID-19 репортажи CMG о

реакции Китая подчеркивают нарративную логику «быстрых, эффективных и ориентированных на людей» действий, выделяя институциональные сильные стороны правительства и способности общества к мобилизации. Напротив, при освещении всплесков за рубежом CGTN преимущественно использует такие термины, как «вызовы», «давление» и «трудности», косвенно подчеркивая различия между китайской и западной моделями управления. Этот сравнительный дискурс представляет собой не просто журналистский выбор, а институционализированную нарративную линию. Теоретически эту коммуникационную логику можно понимать как «суверенную модель коммуникации», в которой распространение информации выходит за рамки простого изложения фактов и становится продолжением воли государства. Эта модель коммуникации несет в себе внутренние противоречия и ограничения. Хотя единые сообщения обеспечивают последовательность, международная аудитория часто воспринимает их как лишённые разнообразия или даже граничащие с пропагандой. Эти проблемы отражают институциональную дилемму в достижении национальных коммуникационных целей: поддержание политической безопасности и идеологической стабильности при одновременном повышении эффективности и достоверности коммуникации в глобальной публичной сфере. [\[8, с. 4\]](#).

Многоязычное освещение CGTN демонстрирует различия в лингвистической форме, стиле повествования и даже выборе тем, что, по-видимому, отражает коммуникационную стратегию «локализации» и «диверсификации». Однако более глубокий анализ показывает, что эти различия в основном остаются поверхностными, при этом сохраняя высокую степень согласованности в позиции, основных повествовательных рамках и ценностной ориентации. Другими словами, лингвистическая «деполитизация» в основном служит фасадом, скрывающим единую национальную позицию и идеологическую логику. В китайском издании при освещении инициативы «Пояс и путь» преимущественно используются политическая терминология и грандиозные нарративы, такие как «взаимосвязанность», «совместное развитие» и «сообщество с общим будущим». Напротив, в английском издании часто используются формулировки, связанные с коммерческим и экономическим сотрудничеством, такие как «взаимовыгодное сотрудничество» и «проекты по обеспечению связности». В то же время русскоязычное издание делает акцент на таких нарративных рамках, как «евразийское сотрудничество» и «региональное развитие». Эти различия проявляются в лексическом выборе и контекстуальной адаптации, однако все нарративы сходятся в одном и том же ядре: подтверждении легитимности и оправданности Китая как инициатора и лидера инициативы. Таким образом, многоязычный механизм CGTN в основном функционирует как коммуникационная модель «поверхностного разнообразия — внутренней согласованности». [\[9, с. 82-103\]](#).

В то время как многоязычный механизм обеспечивает языковое покрытие, кодирование контента представляет собой более глубокую манипуляцию нарративными структурами и символическими системами. С точки зрения нарративной архитектуры, репортажи CGTN часто опираются на классические «нарративные шаблоны». Опираясь на «функциональную нарратологию» Владимира Проппа и «модель нарративного равновесия» Цветана Тодорова, государственные СМИ широко используют «героические структуры», «структуры дилеммы-прорыва» и «семейные нарративные структуры» в производстве контента. Визуально высокоскоростные железные дороги выходят за рамки простого транспорта и воплощают «китайскую скорость» и «символ современности»; В то же время танцы этнических меньшинств становятся культурными символами «единства в разнообразии», служа нарративу «национального единства». Этот механизм кодирования контента усиливает символизм государственных нарративов и повышает их интуитивное

воздействие в международной коммуникации. Его ограничение заключается в чрезмерной зависимости от символов и формульного повествования, что может привести к предсказуемости контента и усталости от символов.

China Global Television Network (CGTN), входящая в China Media Group (CMG), активно вышла на западные мейнстрим-платформы, такие как YouTube, Twitter, Facebook и Instagram. Она стремится использовать масштаб пользователей и алгоритмические механизмы распространения этих глобальных платформ для расширения своего международного влияния. Однако этот процесс сопряжен как с возможностями, так и с вызовами. Доступ к западным платформам предоставляет китайским государственным СМИ беспрецедентные каналы распространения информации, позволяя напрямую взаимодействовать с глобальной аудиторией и обходить традиционные механизмы контроля. Деятельность китайских СМИ на западных цифровых платформах сталкивается как с институциональными ограничениями, так и с алгоритмическим подавлением. YouTube и Twitter применяют «метки государственных СМИ» к каналам и контенту CGTN, что незаметно подрывает их авторитет в глазах зрителей; некоторые материалы подвергаются ограничениям на распространение или понижению рейтинга из-за «политической чувствительности». Ученые называют этот механизм алгоритмическим подавлением, при котором платформы используют алгоритмические настройки, чтобы помешать попаданию соответствующего контента в основные информационные потоки, тем самым снижая его видимость. Такие институциональные барьеры постоянно ограничивают китайские СМИ в плане видимости на западных социальных платформах. В отличие от прежних официальных, длинных новостных форматов, CGTN теперь публикует более непринужденный, ориентированный на образ жизни контент, чтобы сократить дистанцию с аудиторией. Практика распространения информации CGTN на глобальных цифровых платформах представляет собой динамичный процесс «встраивания-сопротивления-адаптации». Его преимущество заключается в разрушении традиционных коммуникационных структур для установления прямых связей с глобальной аудиторией; его сложность проистекает из структурных неравенств платформ и алгоритмических предубеждений.

Одной из наиболее заметных структурных проблем в практике международной коммуникации, осуществляемой государством, является отсутствие подлинных механизмов обратной связи. Эффективность коммуникации зависит не только от кодирования и распространения информации, но в равной степени от ее декодирования и ретрансляции аудиторией. Однако в рамках системы международной коммуникации Китая обратная связь с аудиторией часто ограничивается поверхностным сбором и статистическим анализом, не проникая глубже в процессы производства контента и формирования повестки дня. С структурной точки зрения, государственные СМИ делают акцент на модели «единого сообщения — централизованного распространения». Хотя это обеспечивает последовательность нарратива, оно также препятствует обратному потоку мнений аудитории в производство контента. Несмотря на то, что CGTN поддерживает разделы комментариев и интерактивные функции на зарубежных платформах, таких как YouTube и Twitter, эти взаимодействия в основном функционируют как периферийные дополнения, а не как часть редакционного рабочего процесса. Значительный объем комментариев и критических отзывов часто игнорируется или рассматривается как данные мониторинга общественного мнения, а не как основа для улучшения контента. Хотя государственные СМИ действительно создали механизмы для исследования общественного мнения и опросов аудитории, их основная функция по-прежнему заключается в мониторинге негативных дискуссий и оценке международных рисков, а не в оптимизации контента. Соответствующий контент по-прежнему

придерживается фиксированных позитивных пропагандистских шаблонов, а не корректируется с учетом обратной связи. Это указывает на явное несоответствие между механизмами обратной связи и производством контента. Оценка эффективности коммуникации часто опирается на количественные показатели, такие как количество кликов, количество репостов и освещение в СМИ, при этом игнорируя соображения «глубины восприятия». Обширные исследования в области коммуникации показывают, что поверхностное взаимодействие на цифровых платформах не приводит к изменению когнитивных процессов или отношения. Даже если видео CGTN набирает миллионы просмотров на YouTube, это не свидетельствует о его эффективности в формировании ценностных рамок или национального имиджа. Отсутствие подлинной обратной связи сводит оценку эффективности коммуникации к формалистическим оценкам, препятствуя существенной оптимизации логики коммуникации. Основная проблема, с которой сталкиваются государственные СМИ Китая в глобальной коммуникации, — это «структурный разрыв» между производством контента и обратной связью с аудиторией. Этот системный недостаток напрямую подрывает эффективность коммуникации и снижает потенциал распространения дискурса. [\[10, с. 4-11\]](#).

Помимо отсутствия механизмов обратной связи, еще одной фундаментальной проблемой в государственной коммуникации является вопрос доверия и семантических барьеров. В западных медиа-средах аудитория, как правило, с глубоким скептицизмом относится к информации, обозначенной как «государственные СМИ». Этот институционализированный брендинг неявно подрывает ее достоверность. Даже когда контент принимает более понятные, ориентированные на развлечение форматы, аудитория часто воспринимает его как продолжение государственной пропаганды, что приводит к когнитивному отторжению. Это явление приводит к неприятию образа: несмотря на постоянные усилия CGTN по созданию образа «ответственной великой державы» и «взаимовыгодного сотрудничества» в своих репортажах, аудитория часто интерпретирует их через призму предвзятого скептицизма, что мешает искреннему отождествлению. Это показывает, что государственная коммуникация — это не просто передача информации, а, по сути, проявление политики доверия. Семантические барьеры в коммуникации имеют не менее важное значение. Китайская логика нарратива подчеркивает целостность, коллективизм и позитивное руководство, в то время как западная аудитория предпочитает критический подход, исследующий противоречия и проблемы. Эта культурная разница в повествовании часто приводит к тому, что китайский контент воспринимается как «лишенный аутентичности» или «уклоняющийся от проблем». Низкий уровень доверия к коммуникации и семантические барьеры не означают полный провал коммуникации. На практике такие платформы, как CGTN, достигли определенных успехов в освещении и проникновении тем, по крайней мере предлагая «альтернативные нарративы» в рамках информационной конкуренции. Однако из-за отсутствия механизмов обратной связи и фундаментального доверия эта коммуникация больше похожа на «одностороннее расширение», чем на двустороннее взаимодействие. Результатом является «количественный успех с качественными недостатками»: масштаб и видимость присутствуют, но глубокое воздействие остается недостижимым. Таким образом, решение проблемы доверия в коммуникации зависит не только от увеличения объема информации, но и от создания механизмов укрепления доверия и адаптации к контексту.

Национальные средства массовой информации долгое время использовали «экспортно-ориентированную логику»: контент единообразно производился официальными СМИ, а затем распространялся через международные платформы. Однако в децентрализованной среде цифровых СМИ эта модель с трудом завоевывает доверие аудитории. Первым

шагом в трансформации является консультация на базе платформы: внедрение механизмов диалога на международных платформах, а не просто одностороннее распространение информации. Один из возможных подходов заключается в поощрении вторичных коммуникаторов к выполнению роли спикеров. Вместо прямой пропаганды государственные СМИ должны косвенно передавать позиции через ученых, деятелей культуры, профессионалов в области СМИ и сторонние учреждения. Примерами могут служить заказ африканским ученым комментариев по инициативе «Пояс и путь» или поощрение иностранных блогеров делиться личным опытом жизни в Китае через видеоблоги. Эти «сторонние голоса» вызывают большее доверие аудитории, чем государственные СМИ, что позволяет достичь «косвенного расширения дискурса». Этот механизм в определенной степени натурализует и легитимизирует идеологию через социальные посреднические группы. По сравнению с прямой государственной пропагандой, вторичные распространители информации предлагают большую гибкость и разнообразие, лучше адаптируясь к местным условиям. Вышеприведенный анализ выявляет значительные недостатки в механизмах обратной связи и барьеры доверия в рамках внешних коммуникаций государственных СМИ Китая. Результаты коммуникации часто ограничиваются показателями охвата, что дает ограниченные результаты в изменении отношения аудитории или повышении уровня принятия концепции. Это ограничение проистекает из чрезмерной односторонности государственной коммуникационной структуры, которой не хватает глубокого взаимодействия с аудиторией.

Создание CMG в 2018 году знаменует интеграцию и прогресс Китая в области международной коммуникации. Его основная цель — повысить международную видимость и институциональную интеграцию национального дискурса посредством централизации СМИ, профессионализации и расширения многоязычности. Стабильность и контролируемость нарратива обеспечиваются за счет интеграции в политику и организационной архитектуры. Производство контента осуществляется посредством структурирования нарратива, конфигурации визуальных символов и многоязычного унифицированного редактирования. Используя возможности глобальных социальных сетей и цифровых платформ, CMG расширяет охват и международную видимость государственного дискурса. Внешняя коммуникация CMG представляет собой не просто «выпуск» контента, а попытку структурной реконструкции повестки дня. Посредством многоязычного развертывания, глобального программирования и управления вопросами государственные СМИ стремятся внедрить свою собственную позицию в международный информационный ландшафт. Эти усилия отражают стратегический сдвиг Китая от «получателя информации» к «формирователю повестки дня». В рамках продвижения инициативы «Пояс и путь» документальные фильмы и тематические репортажи превратили рамки экономического сотрудничества в международную повестку дня, сосредоточенную на «совместном развитии». Эти практики демонстрируют, что внешняя коммуникация Китая не просто реагирует на западные нарративы, но стремится к структурному переформированию дискурсивных рамок. Эта структурная перестройка повестки дня не была полностью успешной. Из-за недостатка доверия со стороны аудитории, слабых механизмов обратной связи и ограничений платформы государственные СМИ часто достигают лишь «присутствия в дискурсе», а не «доминирования в дискурсе». Это означает, что, хотя Китай расширил свое присутствие в международной коммуникации, он не обязательно достиг глубокого конструирования смысла.

Подводя итоги существующих коммуникационных практик, можно сказать, что наиболее значительным структурным пробелом является отсутствие механизмов обратной связи.

- Пробел во взаимодействии: комментарии и обратная связь аудитории существуют, но не попадают в редакционные рабочие процессы.
- Пробел в доверии: государственным СМИ не хватает механизмов диалога в межкультурном контексте, что приводит к дистанцированию или даже сопротивлению со стороны аудитории.
- Разрыв в адаптации: Противоречие между стандартизированным производством контента и глобальным контекстуальным разнообразием является явным, что делает контент неэффективным в межкультурных средах.

Эти разрывы создают «однонаправленную замкнутую петлю» в государственной коммуникации: государственное производство → глобальный выпуск → пассивное восприятие, без динамических механизмов корректировки. В результате, несмотря на расширение масштабов, улучшения в эффективности коммуникации остаются относительно ограниченными.

От политического доминирования к контекстуальному согласованию

Текущая модель коммуникации в значительной степени зависит от воли государства и политической ориентации, не учитывая контекст аудитории. В будущем, сохраняя основные позиции, необходимо применять контекстуализированное выражение и символическую упаковку.

От единообразия контента к символическому разнообразию

Будущая коммуникация должна все в большей степени опираться на символическое согласование. Государственные СМИ могут включать мультикультурные символы в свои нарративы.

От отдельных участников к совместному производству медиаконтента: государственные СМИ должны создать механизмы совместного производства. Это предполагает партнерство с региональными СМИ, учеными, неправительственными организациями и культурными сообществами для совместного создания контекстуально-независимого контента. Такой подход способствует формированию группы «вторичных распространителей», смягчая стереотип «государственной пропаганды» и позволяя расширить косвенный дискурс.

Библиография

1. Сурма И. В. Информационная экспансия Запада в странах Центральной Азии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 1. С. 84-95. DOI: 10.35775/PSI.2021.65.1.008. EDN: JFZSJJ.
2. Рябова Е. Л. Политическая власть в условиях нарастания сетевых коммуникаций: новые вызовы и новые возможности // Культура мира. 2023. Т. 11, № 30. С. 89. EDN: SAENJC.
3. Назаров М. М. Производство согласия: объяснительная модель функционирования медиа // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 8-21. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.1. EDN: YFBBLI.
4. Нисневич Ю. А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Политология.

2006. № 6. С. 68-80. EDN: IIYNKV.

5. Ткачева Н. В. Национальные медиа как инструменты продвижения мягкой силы Китая // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 6. С. 94-128. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.94128. EDN: DAXGKU.

6. Леонтьева Л. С. Государственное управление информационными процессами. Казань: Центр инновационных технологий, 2008. 124 с.

7. Грачиков Е. Н. Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2015. № 3 (302). С. 34-46. EDN: TLOLXB.

8. Кривохиж С. В., Соболева Е. Д. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20, № 1. С. 4.

9. Colley T., Moore M. News as geopolitics: China, CGTN and the 2020 US presidential election // The Journal of International Communication. 2023. Vol. 29, No. 1. P. 82-103. DOI: 10.1080/13216597.2022.2120522. EDN: UTVJYI.

10. Крыштановская О. В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2019. № 2. С. 4-11. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-2-4-11. EDN: JVOGDL.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Исследование зарубежной коммуникации China Media Group: нарративные практики и глобальная экспансия»

Представленная статья обращается к актуальной и методологически сложной проблематике международной коммуникации, фокусируясь на деятельности китайской медиакорпорации China Media Group (CMG) как ключевого инструмента государственной внешней коммуникационной стратегии. Предметом исследования выступает механизм формирования и функционирования глобального нарратива китайских государственных СМИ, их институциональные, операционные и платформенные практики, а также структурные ограничения, с которыми сталкивается государственная коммуникация в условиях информационного неравенства и алгоритмической асимметрии. Автор рассматривает CMG не просто как совокупность медиаструктур, но как целостный институт, встроенный в систему политической власти и идеологического производства, что придает исследованию высокий уровень аналитической глубины и концептуальной целостности.

Методологическая база статьи отличается комплексностью и междисциплинарным характером. Исследователь опирается на коммуникационную теорию, элементы критической политической экономики СМИ, нарратологический анализ и социокультурную интерпретацию медиадискурса. Использование «модели пропаганды» Эдварда Хермана и Ноама Хомского позволяет автору соотнести особенности функционирования китайских государственных СМИ с универсальными закономерностями, присущими медийным системам, встроенным в структуру власти и капитала. Теоретическая триада институциональных, операционных и платформенных механизмов внешней коммуникации

демонстрирует не только высокий уровень концептуализации материала, но и логическую стройность авторской модели. Такой подход позволяет одновременно рассмотреть макроуровень институциональных стратегий и микроуровень конкретных нарративных практик, что придает исследованию аналитическую объемность.

Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку в условиях трансформации глобального медийного пространства и усиления конкуренции между различными центрами дискурсивного влияния вопрос о роли государственных СМИ в международной коммуникации приобретает особое значение. CMG, как синтетический медиакомплекс, объединяющий телевизионные, радиовещательные и цифровые структуры, представляет собой уникальный объект для изучения динамики информационного суверенитета в эпоху платформенного капитализма. Статья демонстрирует, что внешняя коммуникация Китая — это не только вопрос национального имиджа, но и инструмент политической субъектности в международном дискурсивном поле. Таким образом, работа отвечает стратегическим вызовам современного мира и имеет потенциал для дальнейших сравнительных исследований в области международных медиа.

Научная новизна статьи заключается в предложении автором трехуровневой модели механизма глобальной коммуникации государственных СМИ, которая позволяет интерпретировать взаимодействие институциональных структур, производственных процедур и цифровых платформ как единую систему. Особенно интересным представляется введение понятий «суверенная модель коммуникации» и «поверхностное разнообразие — внутренняя согласованность», описывающих характер многоязычных практик CGTN. Эти концепты обладают высоким эвристическим потенциалом и могут быть использованы в дальнейшем теоретическом развитии дисциплины. В работе наблюдается не только синтез известных подходов, но и их творческая переработка, направленная на осмысление современных форм информационного взаимодействия в условиях асимметрии власти.

Стиль изложения научный, точный, при этом достаточно плотный и насыщенный терминами. Автор демонстрирует владение академическим языком и опирается на обширный теоретический контекст. Структура статьи выстроена последовательно: после постановки проблемы и обзора теоретических подходов следует развернутый анализ институциональных, операционных и платформенных механизмов, завершающийся оценкой структурных противоречий внешней коммуникации. Логика изложения прозрачна, аргументация выдержана, а переходы между разделами мотивированы. Содержание статьи сбалансировано между теорией и эмпирическим материалом.

Библиографический аппарат статьи достаточно представительен и демонстрирует знакомство автора с актуальными отечественными и зарубежными источниками. В списке литературы присутствуют классические труды по теории коммуникации, а также современные исследования, посвященные цифровым медиа и международным нарративным стратегиям. Однако можно было бы расширить библиографию за счет привлечения более недавних публикаций, касающихся алгоритмического управления информацией и цифровой политекономии платформ, что позволило бы укрепить эмпирическую и теоретическую основу рассуждений о структурных ограничениях CMG в западных медиасредах.

Апелляция к оппонентам в тексте носит умеренный, но продуктивный характер. Автор вступает в диалог с западной теорией коммуникации, не ограничиваясь простой критикой, а демонстрируя возможность адаптации этих теорий к анализу китайского контекста. Особенно ценно то, что в работе отсутствует идеологическая риторика: позиция автора сбалансирована, аналитическая дистанция сохраняется на протяжении всего изложения, что придает исследованию академическую строгость и убедительность. При этом автор не уклоняется от обозначения противоречий и внутренних ограничений

исследуемой модели, что свидетельствует о критической зрелости и профессионализме. Выводы статьи представляются логически последовательными и концептуально завершенными. Автор приходит к обоснованному заключению о том, что основная проблема внешней коммуникации государственных СМИ Китая заключается в отсутствии эффективных механизмов обратной связи и доверительных отношений с международной аудиторией. Эта мысль подкрепляется эмпирическими наблюдениями и убедительными теоретическими аргументами. Особо стоит отметить вывод о необходимости перехода от модели политического доминирования к модели контекстуального согласования, предполагающей диалогичность и совместное производство контента. Подобная постановка вопроса расширяет традиционные рамки анализа государственной коммуникации и открывает перспективу для дальнейших исследований в области медиадипломатии и цифрового взаимодействия.

Интерес для читательской аудитории статьи очевиден: работа будет полезна исследователям международной журналистики, специалистам по глобальным медиа, политологам, а также студентам магистратур, изучающим современные процессы трансформации коммуникации в условиях цифровизации. Материал способен стимулировать научную дискуссию о границах и возможностях государственной коммуникации в глобальном пространстве.

В числе явных преимуществ статьи следует выделить концептуальную стройность, теоретическую глубину, логическую последовательность аргументации, аналитическую насыщенность и наглядность представления материала. Автору удалось соединить макроуровневый институциональный анализ с микроуровнем нарративных стратегий, что придает исследованию межуровневую завершенность.

В качестве незначительных замечаний можно отметить избыточную плотность терминологического аппарата, что может затруднить восприятие материала неподготовленным читателем. Также можно рекомендовать более систематическое сравнение китайских коммуникационных практик с аналогичными стратегиями других государств для расширения сравнительного контекста.

В целом статья производит впечатление продуманного и оригинального исследования, представляющего собой вклад в развитие современной теории международной коммуникации и анализа государственной медийной политики.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Аюшеева Н.Г., Манелова А.И. Герои и злодеи: бинарные противоположности в романе современной китайской писательницы Шэн Кэи «Сестрички с Севера» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76512 EDN: HNJQPR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76512

Герои и злодеи: бинарные противоположности в романе современной китайской писательницы Шэн Кэи «Сестрички с Севера»

Аюшеева Наталья Гармаевна

старший преподаватель; Восточный институт, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

670000, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Ранжурова, д. 4

✉ ayoush@mail.ru



Манелова Афина Иппинична

студент, Восточный институт, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

670000, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Сухэ-Батора, д. 3А

✉ m4.fin@yandex.ru



[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76512

EDN:

HNJQPR

Дата направления статьи в редакцию:

23-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: Исследовательская работа демонстрирует чёткую систему бинарных оппозиций в романе, которая подвергается как последовательному, так и хаотичному изменению на фоне быстроизменяющегося Китая. Выявлено, что телесность героинь

становится предметом обмена в условиях рыночных отношений; государственные институты превращены в инструменты биовласти; персонажи разрабатывают тактики прагматичного выживания. Предмет исследования: система бинарных противоположностей как ключевой нарративный и семиотический инструмент в романе современной китайской писательницы Шэн Кэи «Сестрички с Севера». Используя комплексный анализ системы бинарных оппозиций в романе, выявить их роли в репрезентации фундаментальных коллизий (конфликты между традицией и модернизацией, коллективным и индивидуальным, сельским и городским укладами жизни) в культуре и социуме Китая эпохи реформ. Методы исследования: основу составляет синтез структурно семиотического подхода Ю.М. Лотмана, который опирается на концепцию семиосферы и пограничья, также нарратологический анализ, позволяющего выявить базовые оппозиции (женское/мужское, свой/чужой, деревня/город) и проследить за их динамической трансформацией в художественном тексте. Научная новизна заключается в комплексном применении семиотической теории Ю.М. Лотмана, которая раскрывает специфику социокультурных конфликтов, разрешающихся не логикой победы добра над злом, а установлением динамического и, в то же время, хрупкого равновесия между людьми. Проведённое исследование показало, что первоначальная система бинарных противоположностей размывается и подвергается полной деконструкции. Телесность становится товаром, закон – источник беззакония, а медицинская помощь и вовсе инструмент насилия (институциональная коллизия). В результате у героинь возникает противоречивое мироощущение, которое сформировалось под прессом пережитых потрясений (экзистенциальная коллизия). Женщины перестают быть пассивными жертвами, они используют для повседневного выживания гибкие стратегии, чтобы лавировать внутри враждебной системы. «Сестрички» стараются использовать её правила себе во благо, даже если это стоит моральных компромиссов. Их победа заключается не в изменении системы, а в способности существовать внутри неё, сохранив остатки собственного достоинства.

Ключевые слова:

современный китайский роман, Шэн Кэи, бинарные оппозиции, семиотика, персонаж, традиционализм, реализм, Китай, гендерные роли, этнопсихология

Результаты работы

Говоря об эпохе реформ в конце 70-х годов прошлого столетия в Китае, стоит отметить роман Шэн Кэи «Сестрички с Севера», представляющий собой сложное художественное исследование социальных трансформаций сквозь призму миграционного опыта женщин [9]. Первые части произведения выполняют функции зачина и формируют нарративный и семиотический каркас, они выстраивают систему бинарных оппозиций путём презентации главных героев и второстепенных персонажей. Пространственная организация строится на противостоянии «деревня - локус традиций» и «город - символ модернизации». Согласно теории М.Ю. Лотмана о семиосфере, данные пространства не герметичны и имеют лишь подвижные границы [6]. Понятно не только то, что любой текст целостная динамическая система и с необходимостью вписан в более широкое целое, но и то, что сама культура является большим, сложноорганизованным текстовым пространством мысли с бесчисленным количеством семиотических систем [5]. Перемещение героинь в сюжете - не просто смена локаций, но и запуск глубоких изменений личности. Например, тело Цянь Сяохун, первоначально представленное читателю как объект стигматизации в

деревне, становится ресурсом, благодаря которому у неё появляется шанс к адаптации в городской суете [7].

Героиня изначально маргинальный персонаж, чья телесность является как источником возможностей, так и ограничением. Её физические характеристики — «метр пятьдесят пять роста» [10] и «чрезмерно большая грудь» [10] — функционируют как знаковая система, определяющая её социальное положение. Деревенское сообщество воспринимает её тело как отклонение от нормы, потому что «нужно быть такими как все» [10].

Анализ выявляет множество злодейских сил, направленных против Цянь Сяохун: деревенское общество контролирует героиню романа через механизмы сплетен и публичного осуждения; конкретные антагонисты (зять, Ян Чуньхуа, начальник Ма и другие) являются воплощением таких форм эксплуатации, как сексуальная, психологическая, экономическая. Действия отрицательных персонажей напоминают концепцию Мишеля Фуко, согласно которой дисциплинарный контроль осуществляется через выстраивание иерархической системы между героями (в данном контексте) и определяет правила взаимодействия между ними.

Описанные оппозиции не являются абсолютными [8]. Героиня не представляет собой идеальное добро — её действия на протяжении всего сюжета осложняют моральную оценку, аналогичная ситуация и с антагонистами. Эта амбивалентность соответствует китайской философской традиции, в частности концепции Инь-Ян, где противоположности взаимодополняют друг друга. Конфликт не приводит к уничтожению одной из сторон, но создаёт динамическое равновесие, в котором традиция и модернизация сосуществуют в сложном взаимодействии.

Наиболее драматичная трансформация происходит с Ли Сыцзын. Её решение обменять девственность на свидетельство о временном проживании, под предлогом опасения за свою свободу и подруги («Я видела, как сегодня на улице схватили целую кучу народа» [10]), представляет собой тяжёлый этический выбор между телесной автономией и экономической необходимостью. Показателен тот факт, что после данного акта она «обрела самостоятельность, да и веры в себя прибавилось» [10]. Подобное насилие над героинями является инструментом переопределения их идентичности, стирая грань между «жертвой» и «грешницей». Вывод Ли Сыцзын о том, что она «не чувствует, что чего-то лишилась» [10], знаменует о крахе традиционных устоев системы ценностей и перекодирование травмы в акт прагматичного выживания.

Третья часть книги под названием «Приключение в «тройном сопровождении»» открывает читателю мрачный и жестокий мир ночной жизни Шэньчжэня. Сцена изнасилования описана с грубым натурализмом, подчёркивающим беспомощность героини: «-- Вонючая шлюха! Только не говори мне, что ты не торгуешь собой!... Высокий одной рукой принялся рвать на Цянь Сяохун брюки... -- Ещё будешь рыпаться, и я тебя порежу!» [10]. Через примеры обмана, насилия, циничного жаргона и коррумпированных систем автор показывает, как ломаются судьбы молодых девушек, приехавших в город в поисках лучшей жизни. Героини проходят через жестокую инициацию, но финал оставляет открытым вопрос, смогли ли они действительно выбраться или просто попали в другую ловушку.

Пятая и шестая части демонстрируют разработку героинями сложных стратегий взаимодействия с враждебной средой. Они превращаются в субъектов, обладающих

относительной агентностью. Цянь Сяохун стратегически использует сексуальность как валюту для закрепления социальных связей, её открытый вызов ханжеской морали представляет собой тактику символического сопротивления [21]. По словам героя Чжу Дачана : *«Если ты хочешь себе лучшей доли, хочешь, чтобы в Шэньчжэне у тебя что-то путное получилось, нужно учиться, причём не только по «Цыхаю»»* [10]. То есть, он буквально говорит, что стратегия Цянь Сяохун не гарантирует в новом мире путь к хорошей жизни, поскольку для неё надо куда больше усилий и стараний. Образование становится ключом к коду доминирующей культуры, попыткой пересечь семиотическую границу.

В условиях рыночных реформ женская телесность становится формой капитала, что проявляется в прямой коммодификации, в браке как экономической сделке и в использовании сексуальности как ресурса. Важным противовесом становится женская солидарность, выступающая актом сопротивления институциональной жестокости. Героини активно используют тактики манёвра. А их агентность проявляется не в героическом сопротивлении, а в ежедневном тактическом маневрировании, что формирует новую прагматичную и амбивалентную субъектность.

Седьмая-десятая части выводят личные драмы на уровень макросоциального обобщения. Возвращение Цянь Сяохун в деревню иллюстрирует концепцию границы Лотмана: героиня, усвоившая городские коды, не может быть принята своим сообществом, что знаменует окончательный разрыв с миром «своего». Граница - это черта, на которой кончается периодическая форма [4]. Это пространство определяется как «наше/своё/культурное/безопасное». Противостоят им понятия «чужое/враждебное/опасное» [3]. Убийство Чжу Лие, проститутки из отеля, в котором жили героини, — это момент шока и прозрения. Обнаружение её обнажённого тела со следами насилия (*«огромные крепкие груди были разодраны в кровь, на шее виднелась глубокая борозда»* [10]) не только добавляет детективную интригу, но и обнажает уязвимость женщин в городской среде. Чжу Лие, которая была наиболее сексуально раскрепощённой и практичной среди подруг, становится жертвой жестокости, что подчёркивает тему объективации и насилия над женщинами. Её смерть символизирует риски, с которыми сталкиваются трудовые мигрантки, пытающиеся использовать своё тело как ресурс для выживания или продвижения. Подделка Цянь Сяохун подписей в чеках отеля метафорически отражает весь процесс миграции как подделку социальных ролей для вписывания в систему. Больница, где работает героиня, воплощает государственную биовласть, где контроль над телом становится тотальным, а бинарные оппозиции (жизнь/смерть, болезнь/здоровье) достигают абсурда.

Последние части романа представляют прямое столкновение с тотализирующей мощью государственной машины. Больница превращается в закрытую семиосферу с жесткими законами. Главврач Лэй Иган, мыслящий категориями плана и отчётности, воплощает безличное системное зло. История насильственной стерилизации Ли Сыцзян является кульминацией реализации биовласти, где медицинская процедура становится конвейером уничтожения. Ответ персонажей принимает формы немой ярости, бессильной конфронтации и молчаливой жертвенности. Классические бинарные оппозиции окончательно перестают работать, поглощённые системой, и единственным противостоянием остаётся «Человеческое/Системное». Герои и злодеи приближаются к антиутопии, где надежда возможна лишь в малых актах верности.

Абсолютной оппозиции нет. Герои пассивны, циничны и ищут спасения в связях, а антагонисты, в свою очередь, не являются носителями чистого зла, так как их действия

мотивированы страхом, карьеризмом и личными слабостями. Эта амбивалентность как ключ к пониманию сложного взаимодействия, где каждый борется за себя в системе, лишённой чётких моральных ориентиров [\[1\]](#).

Одиннадцатая часть романа мастерски усложняет нарратив, отказываясь от бинарных оппозиций. Конфликт здесь - это сетевая структура скрытых игра власти, личных амбиций и социальных тревог. Через фигуру Цянь Сяохун, одновременно жертвы и участницы этой системы, автор показывает человека в состоянии экзистенциального и профессионального кризиса. Через второстепенных персонажей роман выводит повествование за стены больницы, превращая его в панораме и критическое отражение общества, где рыночные отношения проникли во все сферы человеческой жизни, включая самые интимные.

Двенадцатая часть представляет собой мощный акт социальной критики, где частная трагедия обнажает порочность всей системы. Утрата Ли Сыцзян возможности иметь детей — это метафора утраты будущего, надежды и человечности под давлением бездушной государственной машины. Автор не предлагает простых решений и не изображает героического сопротивления. Сопротивление здесь - это тихая верность Очкарика (мужчины Ли Сыцзян), гнев Цянь Сяохун и молчаливая боль самой Ли Сыцзян. Сложность взаимодействия заключается в том, что противостояние происходит не между добром и злом, а между человечностью и системой, где зло растворено в бюрократических процедурах, казённых формулировках и эффективности, измеряемой в абстрактных цифрах отчётов, а не в искалеченных судьбах.

Две последние части завершают роман на ноте глубокого пессимизма и экзистенциального кризиса. Автор не предлагает выхода и не даёт надежды. Финальный образ Цянь Сяохун, *«придавленной собственным бюстом»* [\[10\]](#) и сливающейся с равнодушной толпой на улицах Шэньчжэня, — это мощный символ конечной точки пути человека в системе, где торжествуют рыночные отношения, насилие и отчуждение. Сложность взаимодействия заключена в конфликте и завершается не чьей-либо победой, а всеобщим распадом. «Герои» оказываются сломлены, «злодеи» — разоблачены или остаются в тени, но сама система, породившая их, остаётся неизменной. Роман становится безжалостным диагнозом обществу, где человеческая жизнь, тело и достоинство утратили свою внутреннюю ценность, превратившись в разменную монету в борьбе за выживание и сиюминутную выгоду.

Выводы

Проведённое исследование показало, что первоначальная система бинарных противоположностей размывается и подвергается полной деконструкции. Телесность становится товаром, закон - источник беззакония, а медицинская помощь и вовсе инструмент насилия (институциональная коллизия). В результате у героинь возникает противоречивое мироощущение, которое сформировалось под прессом пережитых потрясений (экзистенциальная коллизия). Женщины перестают быть пассивными жертвами, они используют для повседневного выживания гибкие стратегии, чтобы лавировать внутри враждебной системы. «Сестрички» стараются использовать её правила себе во благо, даже если это стоит моральных компромиссов. Их победа заключается не в изменении системы, а в способности существовать внутри неё, сохранив остатки собственного достоинства.

Библиография

1. Глухов С. В. Пережиточные культурные формы в контексте семиологии Ю. М. Лотмана // Вестник культурологии. 2023. № 4(107). С. 191-204. DOI: 10.31249/hoc/2023.04.11. EDN: UCYNFQ.
2. Гуань Цзи. Болезнь и боль поколения: анализ "телесного письма" у писательниц- "восьмидесятниц" // Журнал Тяньцзиньского педагогического университета (серия "Общественные науки"). 2020. № 5. С. 52-54.
3. Красных В. В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
5. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992–1993. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 1992. 478 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. С. 250-276.
7. Тун Ди. Эволюция нарратива в прозе о малой родине Шэн Кэи // Сборник статей по современной китайской литературе. 2022. Т. 17, № 1. С. 19-31.
8. Тюпа В. И. Ю. М. Лотман и современная нарратология / В. И. Тюпа // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 1. С. 55-62. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-01-06. EDN: AIUPIA.
9. Цао Ся. Танец молнии в бездне: О творчестве Шэн Кэи // Искусство в фокусе. 2019. № 6. С. 71-80.
10. Шэн Кэи. Сестрички с севера / пер. Н. Н. Власовой. СПб.: Гиперион, 2015. 384 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Герои и злодеи: бинарные противоположности в романе современной китайской писательницы Шэн Кэи "Сестрички с Севера"»

Предметом рецензируемого исследования является художественное осмысление бинарных оппозиций в современном китайском романе, их трансформация в контексте социальных, культурных и философских процессов, связанных с эпохой реформ в Китае конца XX века. Автор статьи предпринимает глубокий анализ произведения Шэн Кэи «Сестрички с Севера», рассматривая текст не как простое отражение реальности, а как сложную семиотическую систему, в которой традиционные категории «герой» и «злодей» подвергаются пересмотру и постепенной деконструкции. Исследование направлено на выявление механизмов размывания устойчивых бинарных структур, их соотношение с культурными кодами и моделями поведения, а также на анализ того, как телесность, травма и женская субъектность становятся зонами пересечения этического, социального и символического.

Методологическая основа статьи отличается теоретической насыщенностью и междисциплинарным подходом. Автор опирается на идеи Ю. М. Лотмана о семиосфере, концепцию биовласти М. Фуко, а также на современные наработки в области феминистской нарратологии и социологии литературы. Подобный синтез позволяет рассматривать роман Шэн Кэи как особую текстовую модель, где движение персонажей между пространствами деревни и города служит не только сюжетным приемом, но и метафорой перехода от одной системы знаков к другой. Методология анализа демонстрирует сочетание структурного и интерпретативного подходов: с одной стороны,

текст исследуется как система знаков и кодов, а с другой, – как феномен человеческого опыта, осмысленного через призму телесности, насилия и выживания.

Актуальность статьи определяется не только обращением к малоизученному в отечественном литературоведении китайскому роману конца XX – начала XXI века, но и выбором исследовательской перспективы, связанной с проблемой моральной амбивалентности и разрушения традиционных оппозиций добра и зла. В условиях современной гуманитарной науки, где преобладают интересы к феноменам пограничного, гибридного и трансформирующегося, статья органично вписывается в широкий контекст постклассических филологических исследований. Кроме того, обращение к произведению Шэн Кэи позволяет осмыслить социальные и культурные процессы Китая через художественный текст, что усиливает межкультурный и компаративистский потенциал работы.

Научная новизна статьи заключается в том, что автор не ограничивается традиционным описанием бинарных структур, а показывает их постепенное размывание под влиянием исторических и социальных обстоятельств. В тексте статьи убедительно продемонстрировано, что оппозиции «герой – злодей», «традиция – модернизация», «деревня – город» не функционируют как статические категории, а образуют динамическое поле взаимодействий. В результате, герои утрачивают черты идеализации, а злодеи – абсолютное отрицание. Подобная амбивалентность интерпретируется автором как художественный аналог китайской философской идеи Инь и Ян, где противоположности не исключают, а взаимно определяют друг друга. Особенно значимым является выявление автором связи между телесностью и властью, что позволяет рассматривать роман как форму критического высказывания о механизмах контроля, эксплуатации и сопротивления в современном обществе.

Стиль изложения статьи научный, аргументированный и логически выверенный. Автор демонстрирует высокий уровень теоретической подготовки и владения аналитическим инструментарием. Структура статьи четко организована: от постановки проблемы и теоретического обоснования к детальному анализу художественных эпизодов и их символического содержания. Содержание выстроено последовательно, каждый фрагмент логически соотносится с предыдущим и раскрывает новые аспекты исследуемого произведения. Особое внимание уделено интерпретации ключевых сцен романа, связанных с телесностью, насилием и утратой идентичности, что придает исследованию экспрессивную и философскую глубину. Наглядность статьи заслуживает отдельного упоминания: включение таблиц и диаграмм способствует структурированию материала, облегчает восприятие сложных теоретических положений и позволяет визуализировать процесс взаимодействия бинарных оппозиций внутри повествования.

Библиографический аппарат работы отличается полнотой и академической корректностью. В списке источников представлены как отечественные, так и зарубежные исследования, охватывающие широкий спектр теоретических направлений — от семиотики культуры и нарратологии до гендерных исследований и социологии литературы. Автор демонстрирует глубокое знание трудов Ю. М. Лотмана, В. И. Тюпы, М. Фуко, а также современных китайских исследователей, что делает работу концептуально насыщенной и межкультурно релевантной. При этом цитирование источников сопровождается аналитическими комментариями, а не механическим перечислением, что свидетельствует о самостоятельности и зрелости научного мышления.

Апелляция к оппонентам в статье построена в корректной и академически взвешенной форме. Автор вступает в полемику с рядом интерпретаций, которые ограничиваются социологическим или моралистическим чтением романа, и предлагает более сложную интерпретационную модель, где художественный текст выступает как лаборатория этических и культурных смыслов. Взаимодействие с предшествующими исследованиями

не носит формального характера, напротив, оно служит инструментом углубления анализа и уточнения понятийного аппарата.

Выводы статьи представляются вытекающими из проведенного анализа. Автор делает убедительное заключение о том, что бинарная структура романа постепенно распадается, уступая место полифонической системе взаимодействующих смыслов. Герои и злодеи теряют прежнюю однозначность, превращаясь в носителей противоречивых, но человечески достоверных качеств. При этом женская телесность осмысливается не только как объект внешнего контроля, но и как инструмент сопротивления и самоутверждения. Роман предстает как хроника эпохи, где гуманистические ценности сталкиваются с бюрократическими механизмами власти, а человек вынужден вырабатывать гибкие стратегии выживания внутри репрессивной системы.

Интерес статьи для читательской аудитории очевиден. Она будет полезна исследователям современной китайской литературы, специалистам по сравнительному литературоведению, культурологам, социологам искусства, а также студентам гуманитарных направлений. Работа обладает высокой образовательной и методологической ценностью, способна стимулировать дальнейшие исследования в области межкультурного анализа и постструктуралистской поэтики.

Среди безусловных преимуществ статьи следует отметить теоретическую глубину, целостность методологического подхода, логическую стройность изложения, убедительность аргументации, а также наглядность представления материала в виде таблиц и диаграмм. Автору удалось соединить семиотический анализ с социально-философской интерпретацией, что придало исследованию многоплановость и аналитическую точность.

К числу незначительных замечаний можно отнести рекомендацию провести более широкое сравнение с другими произведениями китайской прозы эпохи реформ для усиления сравнительного контекста. Однако эти моменты не снижают общей высокой оценки статьи.

В целом рецензируемая работа представляет собой оригинальное исследование, отличающееся пониманием предмета и убедительным синтезом теоретического и аналитического уровней. Статья безусловно заслуживает публикации в академическом журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Машошина В.С. Идеи в контексте: опыт использования метода концептуального анализа при обучении иноязычному чтению // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76435
EDN: HTORDX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76435

Идеи в контексте: опыт использования метода концептуального анализа при обучении иноязычному чтению

Машошина Виктория Сергеевна

ORCID: 0000-0002-5860-2499

кандидат филологических наук

доцент, институт иностранных языков; ГАОУ ВО "Московский городской педагогический университет"

105064, Россия, г. Москва, Басманный р-н, Малый Казённый пер., д. 5Б

✉ MashoshinaVS@mgpu.ru



[Статья из рубрики "Дидактика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76435

EDN:

HTORDX

Дата направления статьи в редакцию:

23-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу применения метода концептуального анализа в процессе обучения чтению на занятиях по иностранному языку. Особое внимание уделяется освещению опыта лингвокультурологических исследований в практике преподавания английского языка как продуктивной стратегии, направленной на освоение обучающимися культуры путем усвоения национальных и культурных концептов, носителями которых являются художественные тексты. Предметом настоящего исследования является процесс формирования лексической и лингвокультурной компетенций обучающихся на основе метода концептуального анализа. Цель работы: раскрыть лингводидактический потенциал использования

методов лингвистического исследования при обучении чтению на занятиях по английскому языку. Решение лингводидактических задач исследования базируется на методических принципах коммуникативной направленности, аутентичности (опоры на аутентичный текст-образец) и социокультурной обусловленности. Методология исследования: в статье применяется комплексный подход, включающей в себя методы анализа и синтеза теоретического материала, концептуального и контекстуального анализа текста. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые анализируется лингводидактический потенциал концепта LAW в ходе обучения иноязычному чтению на материале романов Дж. Арчера (Jeffrey Archer) «Первый среди равных» (First Among Equals, 1984) и «Говорить ли президенту?» (Shall We Tell the President?, 1977). В заключении подчеркивается, что внедрение в теорию и практику обучения иностранным языкам выводов и методов когнитивной лингвистики в целом и концептологии в частности, когда концепт рассматривается как универсальная единица формирования знаний, является продуктивной лингводидактической стратегией, а использованные в работе методы языкового моделирования концепта могут быть успешно перенесены на другой текстовый материал в условиях обучения иностранному языку.

Ключевые слова:

обучение чтению, английский язык, Дж. Арчер, концептный анализ, концепт LAW, лингводидактика, лексическая компетенция, лингвокультурная компетенция, интерпретация текста, межкультурное взаимодействие

Введение

В настоящее время изучение иностранных языков и культур является одной из наиболее важных задач межкультурного иноязычного образования. При этом эффективность обучения языку зависит не только от овладения обучающимися лексико-грамматической стороной речи, но и от их представлений о культурно-маркированной специфике поведения коммуникантов в процессе межкультурного общения. Особую значимость в данном контексте приобретает готовность участников образовательного процесса – говорящего и слушающего – «владеть и оперировать одновременно знаниями о нескольких концептуальных картинах мира, структура которых представлена понятийными, эмоциональными, ассоциативными, вербальными, культурологическими объектами действительности» [\[1, с. 252\]](#). В последние годы всё бóльшую актуальность в современной лингводидактике приобретает «интеграция выводов и методов исследования когнитивной лингвистики в теорию и практику обучения иностранным языкам» [\[4, с. 171\]](#). Как подчеркивают исследователи, «сейчас можно говорить, что функциональный подход и когнитивная лингвистика являются теоретической основой педагогического описания языков» [\[2, с. 12\]](#), поэтому неудивительно, что к термину «концепт» в его лингводидактической интерпретации обращался целый ряд исследователей (Т. Н. Астафурова, С. С. Василенко, Н.И. Курганова, Н. А. Сухова, И.И. Халеева, Л. П. Халяпина, Т. Б. Фрик и др.). В целом коммуникативный подход к обучению иностранным языкам опирается на целый «ансамбль научных направлений в лингвистике: <...> лингвистики текста, семиотики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, функциональной лингвистики и пр.» [\[6, с. 99\]](#).

Так, в современной отечественной лингводидактике концепт рассматривается как

«универсальная единица формирования знаний» при обучении иностранному языку [5]. Исследователи также вводят в терминологический аппарат лингводидактики понятия «концептной компетенции» (С. С. Василенко) и «поликонцептуальной компетентности поликультурной языковой личности» (Л. П. Халяпина), подразумевающей владение «концептосферами собственной и других культур», что достигается в результате анализа используемых языковых средств и речевого поведения партнера по коммуникации» [8, с. 20]. Перенесение ряда положений, связанных с изучением теории концепта, в лингводидактическую плоскость может стать достаточно продуктивной концепцией, поскольку это позволяет преподавателю с нетрадиционной точки зрения подойти к решению целого ряда задач межкультурного иноязычного образования.

Согласимся с тем, что активно развивающийся на сегодняшний день «лингвоконцептологический подход в обучении иностранным языкам должен учитывать результаты лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований и базироваться на представлении о том, что освоение языка и его культуры должно идти путем усвоения ее национальных концептов, носителями которых в том числе являются художественные тексты» [7, с. 212]. Кроме того, обширный корпус страноведческой и культурологической информации, содержащейся в художественных текстах, позволяет вносить существенный вклад в формирование лингвокультурной компетенции обучающихся.

Результаты исследования, обсуждения

Естественным образом, использование аутентичных художественных текстов в процессе обучения чтению на иностранном языке сопряжено с определенными трудностями, поскольку чтение литературных произведений предполагает декодирование и анализ сложно структурированной системы, отражающей связи разноуровневых языковых средств, интерпретацию определенного идейно-художественного содержания произведения.

В эпоху активной дигитализации, развития цифрового чтения отмечается возрастание когнитивной нагрузки, которую испытывают обучающиеся, что может «оказать негативное воздействие на процесс формирования у обучающегося интегрированного (а не фрагментарного, или клипового) образа, соответствующего прочитанному и усвоенному материалу» [3, с. 15]. Разумеется, механика чтения не столь линейна, как показано на Схеме 1, взятой из монографии К. Натэлл (*Ch. Nuttall, "Teaching Reading Skills in a Foreign Language", 2005*).

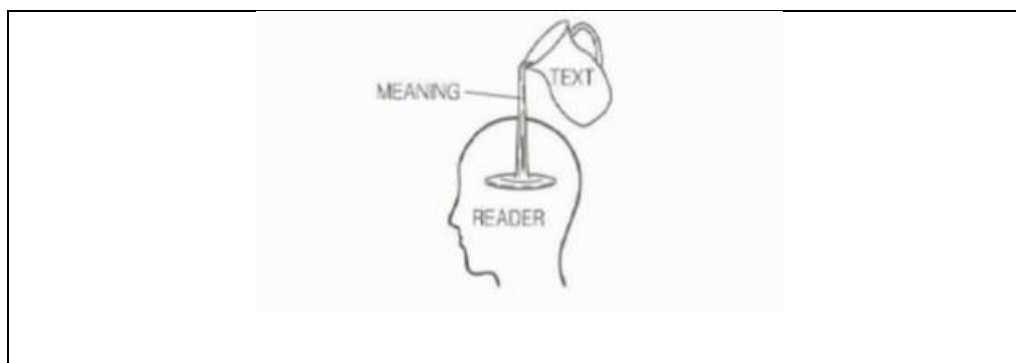


Схема 1 – Один из подходов к пониманию когнитивных основ формирования навыков чтения [12, p. 5].

Подход к пониманию текста как кувшина, наполненного смыслом, предполагающий, что

разум читателя впитывает его, словно губка, а роль реципиента пассивна в описанном процессе, справедливо отвергается большинством исследователей. Ситуация, при которой всю работу проделал автор, а читателю остается только открыть свой разум и позволить смыслу проникнуть в него, случается редко, поскольку текст, который кажется простым одному человеку, может показаться трудным другому. Очевидно, что в ходе соотнесения графического или звукового облика знака с его смысловым содержанием возникает много «трудночитаемого»: этажи образов, понятий, идей и представлений авторов, формирующих их ментальные миры.

На наш взгляд, именно лингвоконцептологический подход в процессе обучения чтению на иностранном языке может послужить ключом к декодированию ментальных миров авторов, воссозданных на страницах произведений художественной литературы.

Материалом для данного исследования послужили тексты романов современного британского писателя, политика и бывшего парламентария Дж. Арчера (*Jeffrey Archer*) «Первый среди равных» (*First Among Equals*, 1984) [\[10\]](#) и «Говорить ли президенту?» (*Shall We Tell the President?*, 1977) [\[11\]](#), в центре сюжета которых находится повествование о карьере и жизни вымышленных британских и американских политиков. Правовые концепты занимают центральное место в названных произведениях, а рассмотрение примеров концептуализации представлений о законе в них, на наш взгляд, может внести определенный вклад в составление актуального представления об особенностях англо-американской правовой системы в индивидуально-авторском отражении.

Моделирование концепта, как известно, начинается с анализа языковых средств его репрезентации в языке. Кроме того, языковой основой обучения чтению и условием эффективной коммуникации на иностранном является лексическая компетенция обучающихся.

Содержание обучения при формировании лексической и лингвокультурной компетенции обучающихся строится с опорой на метод концептуального анализа и включает следующие этапы:

1. Отбор тематической лексики (анализ понятийной составляющей концепта LAW)

Первым этапом при решении задачи изучения влияние интенсивного чтения на усвоение словарного запаса и формирование лексической компетенции обучающихся было выполнение задания с применением дефиниционного анализа имени ключевого концепта – существительного *law*; выявление его словарных значений, возможностей сочетаемости ключевого слова с другими языковыми единицами, установление ассоциативных связей, поиск синонимов, антонимов и устойчивых коллокаций.

Stage 1 Teaching lexical chunks (glossing, the definition approach)

Use The Online Collocations Dictionary to complete the *collocation map* of the word 'law'.

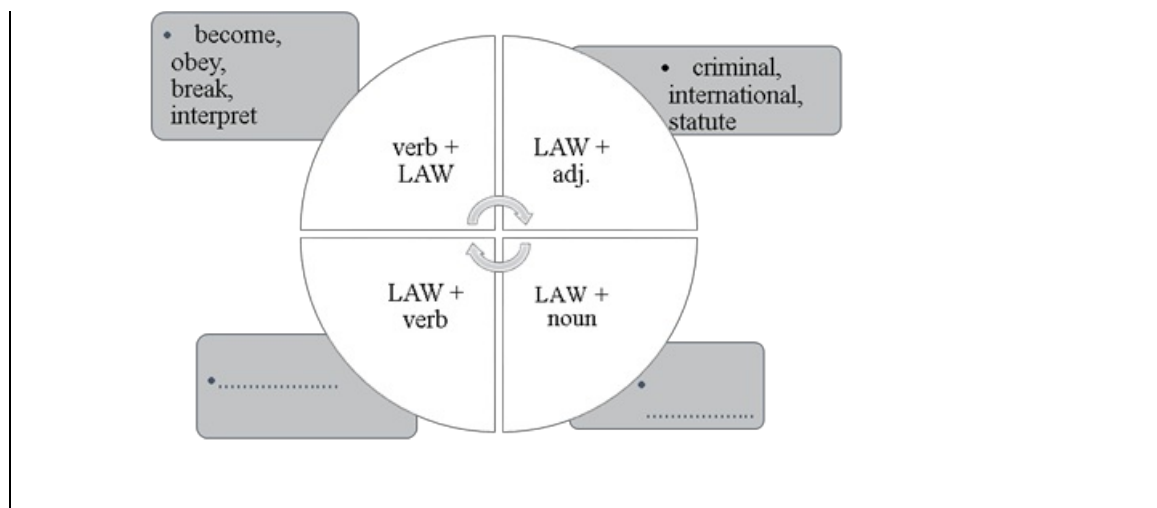


Схема 2 – Лексикографический анализ лексемы /law

2. Ознакомительное чтение текстового фрагмента

В ходе ознакомительного чтения текстового фрагмента обучающиеся знакомятся с дополнительными когнитивными признаками концепта LAW, выполняют задания, направленных на выявление и анализ ключевых лексем, номинирующих концепт.

Stage 2 Introducing vocabulary in context (text-based)

Read the text and work out the meaning of the underlined words and phrases from context.

... But the main platform of this administration will be in the field of law and order¹, and to this end I intend to present to Congress a bill² that will make the sale of firearms without a license illegal³."

The applause from the crowd was not quite so spontaneous.

Florentyna raised her head. "And so I say to you, my fellow citizens, let the end of this century be an era in which the United States leads the world in justice⁴ as well as in power⁵, in care as well as enterprise, an era in which the United States declares war – **war on disease, war on discrimination, and war on poverty.**"

The President sat down; in a single motion, the entire audience rose to its feet.

(From J. Archer's "Shall We Tell the President")

3. Преодоление социокультурных трудностей (анализ ассоциативно-смыслового поля концепта LAW)

Следующий этап текстовой работы посвящен поиску и пониманию явных и скрытых опор в тексте, а также преодолению трудностей лингвистического и социокультурного характера. При это основной задачей является не только извлечение содержательно-фактуальной информации, но и более глубокое проникновение в особенности национального американского характера, понимание, «осознание и толкование

ценностных смыслов и идеологических доминант» [9, с. 12]. К таковым относятся конституционность (*law and order*), справедливость (*justice*), трудолюбие (*enterprise*), индивидуализм (*this administration, I intend, I say to you*) и правило трёх – обязательный писательский и риторический принцип (*war on disease, war on discrimination, war on poverty*), что в совокупности способствует развитию лингвокультурной компетенции обучающихся.

4 . Системно-функциональный анализ текста. Интерпретация концептуальной информации

На данном этапе работы с текстом обучающимся предлагается творческое задание, направленное на понимание сложных лингвистических явлений и социокультурных фактов для преодоления которых используется лингвокультурный комментарий, позволяющий выявить прагматический потенциал фрагмента художественного произведения.

Stage 4

A. Recognising complex functional value

Read the text again and work out the functional value of the opening sentence.

Sentence 1: "... But the main platform of this administration will be in the field of law and order¹, and to this end I intend to present to Congress a bill² that will make the sale of firearms without a license illegal³."

Sentence 1 is	A a hypothesis	B an assertion	C an example

B. Interpreting complex functional value

Decide which of the diagrams fits the meaning of the President's speech best.

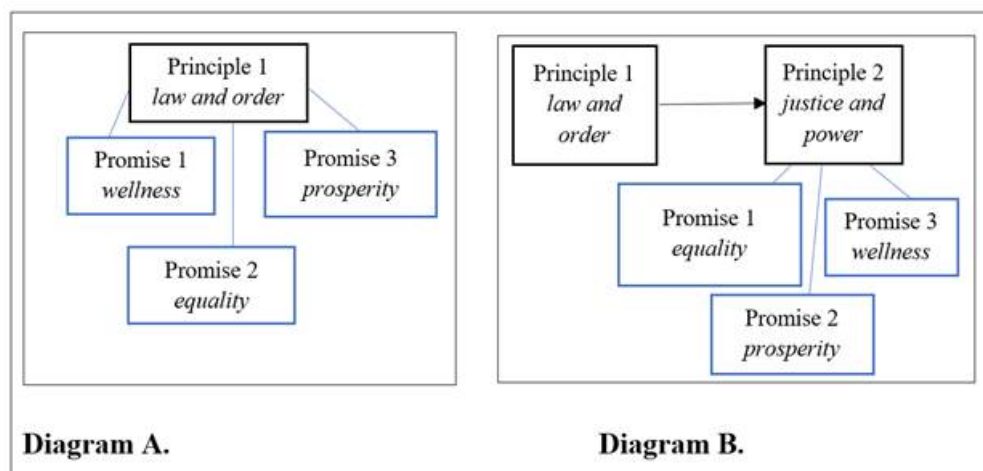


Схема 3 – Интерпретация функционального значения высказывания

5. Оценка уровня сформированности лексической компетенции

На завершающем этапе обучающимся предлагается задание, направленное на оценку

сформированности лексической компетенции, подразумевающее активизацию ранее отработанных лексических единиц и связанных с ними реалий для решения различных коммуникативных задач.

Stage 5 Experimental treatment (measuring word knowledge, assessing vocabulary size)

You are asked to take part in a survey. You have to answer five questions about law.

1. Give examples of synonyms for the word "law" (up to five words).
2. What words are associated with "law" (up to five words)?
3. Can sources such as "statute", "precedent", "custom" also be considered law. Explain your answer (up to three sentences).
4. What associations do you have with the word "constitution"? (Up to five words).
5. Are law and politics connected? In what way? (Explain your answer).

Заключение

Как показывает проведенное исследование, работа с художественными текстами может способствовать формированию у обучающихся черт вторичной языковой личности, более глубокому пониманию иностранных культур и эффективной реализации межкультурной коммуникации. Кроме того, использование в практике обучения чтению на иностранном языке культурно-маркированных текстов определенной тематической направленности базируется на методических принципах коммуникативной направленности, аутентичности и социокультурной обусловленности. Используемые в работе методы языкового моделирования концепта как способа формирования лексической и лингвокультурной компетенций могут быть эффективно экстраполированы на иной текстовый материал в условиях обучения иностранному языку.

Библиография

1. Бердичевский А. Л., Гиниатуллин И. А., Тарева Е. Г. Методика межкультурного иноязычного образования в вузе. М. : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2019. EDN: YZHAUP.
2. Борисова Е. Г., Латышева А. Н. Лингвистические основы РКИ. Педагогическая грамматика русского языка. М. : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2003. EDN: NRAEWY.
3. Войскунский А. Е. Особенности познавательных процессов в цифровом обществе // Материалы международной научной конференции "Деятельностный подход к образованию в цифровом обществе", Москва, 13-14 декабря 2018 года / Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова; Российское психологическое общество. – М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова" Издательский Дом (типография), 2018. С. 13-17. EDN: YVCYPJ.
4. Дегиль И. М., Королева Д. Б., Кузнецова Е. М., Кузнецова О. А. Лингводидактический потенциал метода концептуального моделирования (на материале формирования социокультурной компетенции студентов-лингвистов) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 171-181. DOI: 10.17223/15617793/437/25. EDN: YYNVXV.

5. Савельева И. Ф. Концепт как универсальная единица формирования знаний в процессе обучения студентов языкового вуза иностранному языку // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 275-277. EDN: KHNTCX.
6. Тарева Е. Г. Коммуникативный подход: в поисках лингводидактических инноваций // Педагогическое образование и наука. 2014. № 5. С. 98-103. EDN: THRXGR.
7. Фрик Т. Б., Лю Ю. Природные концепты в притчах Е. Санина: лингводидактический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-1(37). С. 212-214. EDN: SCZWOX.
8. Халяпина Л. П. О разработке методической системы формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2006. № 6(61). С. 84-89. EDN: KZJYFB.
9. Орехова Е. Я., Тарева Е. Г., Михайлова С. В. и др. Terra autonomia: предопределяя будущее иноязычного образования в автономном вузе. М. : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. EDN: CHIHUM.
10. Archer J. First Among Equals. New York : HarperPaperbacks, 1993.
11. Archer J. Shall We Tell the President? Boston : G.K. Hall, 1987.
12. Nuttall Ch. Teaching Reading Skills in a Foreign Language. Macmillan Education, 2005.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Морозкина Е.А., Исакова Э.В., Янгирова Г.В. Актуализация рекурсии как вида языковой аномалии при переводе художественного текста (на материале оригинала и перевода романа Дж. Барнса «Попугай Флобера») // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76487 EDN: ITKDSM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76487

Актуализация рекурсии как вида языковой аномалии при переводе художественного текста (на материале оригинала и перевода романа Дж. Барнса «Попугай Флобера»)

Морозкина Евгения Александровна

ORCID: 0000-0002-7585-0523

доктор филологических наук

зав. кафедрой; высшая школа зарубежной филологии, лингвистики и перевода; Уфимский университет науки и технологий

450022, Россия, респ. Башкортостан, г. Уфа, ул. Бакалинская, д. 68/6

✉ morozkinaea@mail.ru



Исакова Элина Венеровна

ORCID: 0009-0004-3663-7588

кандидат филологических наук

старший преподаватель; институт гуманитарных и социальных наук; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Ю. Гагарина, д. 5

✉ ishakova.eli@yandex.ru



Янгирова Гузелия Вазировна

кандидат филологических наук

доцент; высшая школа зарубежной филологии, лингвистики и перевода; Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Гафури, д. 50

✉ lingvo87@mail.ru



[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76487

EDN:

ITKDSM

Дата направления статьи в редакцию:

23-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию рекурсии как вида языковой аномалии и анализу способов ее передачи в смыслонаполнении и структуре художественного текста. Рекурсия рассматривается как структурообразующий прием, который создает эффект цикличности, повтора, самоподобия текста. На материале оригинального текста английского писателя Джулиана Барнса «Попугай Флобера» (1984) и его русскоязычного перевода, выполненного А. Борисенко и В. Сонькиной (2017), рассматриваются рекурсивные структуры на нескольких уровнях: сюжетном, лексико-семантическом и метатекстуальном. Доказывается, что в текстах Дж. Барнса рекурсия является вовсе не стилистическим изъясном, а ключевым элементом текста, служащим для раскрытия сюжетных смыслов. На примерах из оригинального текста и его переводов на русский язык демонстрируется как рекурсия, воплощенная в «нанизывании» синтаксических конструкций одна на другую, в лексических повторах и циклической организации нарратива, может быть актуализирована в переводе. Цель работы – выявить рекурсивные структуры на основе сравнительного анализа оригинала и русскоязычного перевода в сочетании с переводческим анализом художественного текста и описательным методом. Новизна работы заключается в комплексном анализе рекурсии как переводческой проблемы. На основе проведенного исследования авторами сделан вывод о том, что успешный перевод подобных аномалий требует от переводчика не буквального перевода, а поиска аналогов, способных передать сложный художественный эффект, заложенный в текст автором. Значимость работы заключается в углублении представлений о рекурсии как о важном элементе художественной ткани постмодернистского текста, существенно обогащающем смыслы эпизодов текста, и иногда трансформирующем их смысловое наполнение. Полученные результаты сопоставительного исследования позволяют более полно раскрыть смыслы исходного текста с тем, чтобы улучшить качество перевода. Основные выводы могут быть учтены в практических курсах по переводу и в курсе по художественному переводу.

Ключевые слова:

художественный текст, перевод, рекурсия, языковая аномалия, интертекстуальность, Джулиан Барнс, повтор, структура текста, метатекст, постмодернизм

Введение

Понятие «рекурсии», заимствованное из математики и информатики, утвердилось в лингвистике как «такой способ организации системы, при котором она ... может создавать (вызывать) собственные измененные копии, взаимодействовать с ними и включать их в свою структуру» [\[1\]](#). Усилению интереса к приему рекурсии послужило развитие математической лингвистики, теории формальных грамматик и фрактальной математики.

Основная часть

Вопросами рекурсии на разных уровнях в лингвистике занимались такие ученые, как А. Анисимов (1991), Э. Аветян (1987) [\[2\]](#), Е. Реферовская (1983), В. Сысуев (2003) и др. Однако рекурсивные лингвистические структуры и их проявление в языке остаются не до конца изученными, что предопределяет актуальность исследования.

Н. Холмский рассматривает рекурсию как фундаментальное свойство человеческого языка. Как отмечал Н. Холмский, трудности восприятия рекурсии связаны не с дефектами языка, а с ограничениями человеческой памяти, что ставит перед переводчиком особую задачу: сохранить структуру, не перегружая текст [\[3, p. 87\]](#). Также на лингвистическом уровне рекурсию рассматривали А.В. Анисимов (при анализе синтаксиса русского языка), Э. Г. Аветян (написал монографию, посвященную синтаксической рекурсии). На структурном и повествовательном уровне рекурсию рассматривали такие ученые, как: Ж. Женетт [\[4\]](#), Ю. М. Лотман [\[5\]](#), В. И. Тюпа [\[6\]](#), П. Во [\[7\]](#), Ю. Кристева. Ж. Женетт анализирует, как повествовательные структуры встраиваются в рамках одного текста в друг друга. Ю. М. Лотман рассматривал текст как сложноорганизованное целое, где элементы повторяются на разных уровнях, создавая «внутреннюю упорядоченность». В. И. Тюпа рассматривал принципы повтора, контраста в рамках анализа композиции художественного произведения.

На сюжетном уровне и уровне метатекста рекурсию рассматривали П. Во, Ю. Кристева. В работе «*Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*» П. Во исследовала метатекстуальную рекурсию, в которой автор как бы обращается к самому себе, а именно, к процессу создания собственного текста. Классическим примером литературной рекурсии служит стихотворение Р. Бернса "The House that Jack built" в переводе С. Я. Маршака «Дом, который построил Джек», где каждая последующая строфа содержит в себе текст из предыдущей, создавая нарастающий циклический эффект. Наиболее сложные и многоуровневые проявления рекурсии можно выявить в постмодернистских текстах, в частности, в творчестве Джулиана Барнса.

В романе «Попугай Флобера» (1984) рекурсия становится ключевым структурообразующим принципом, который используется писателем на разных уровнях. Так на сюжетном уровне этот прием раскрывается следующим образом: роман состоит из нескольких сюжетных элементов повествования, которые постоянно трансформируются и перетекают из одного сюжета в другой. К основному сюжету поиска попугая добавляются вставные фрагменты, которые повторяют центральную тему главного сюжета, создавая при этом эффект «текста в тексте». Например, глава «Хронология» представляет собой намеренно сухое перечисление фактов из жизни Г. Флобера: «Прибл. 1830... Знакомится с Эрнестом Шевалье, первым из своих близких друзей» [\[8, с. 30\]](#); «1846... Знакомится с Луизой Коле...» [\[8, с. 32\]](#); «1851-1857... Написание, публикация, процесс и триумфальное оправдание «Госпожи Бовари» [\[8, с. 33\]](#). Это перечисление можно продолжать и дальше, где автор не просто дает представление читателям о биографических данных французского писателя, но снова и снова возвращается к деталям его биографии, повторяет одни и те же даты, имитируя работу памяти исследователя.

В тексте «Попугай Флобера» рекурсия раскрывается через следующие повествовательные круги: внешний круг, связанный с передачей истории Джеффри Брейтуэйта как исследователя; средний круг, содержащий биографические фрагменты о Г. Флобере; внутренний круг, в который включены интертекстуальные вкрапления из

произведений Г. Флобера. Так тема попугая проходит через весь текст романа, и таким образом попугай Флобера закрепляется в тексте «с помощью метафорического образа» [9, с. 115] и становится символом лексико-семантической рекурсии: попугай повторяет чужие слова так же, как и в сюжете самого романа «повторяются» чужие тексты. При этом необходимо отметить, что повторы лексем попугаем изменяют смысл фрагмента текста придавая ему иронический оттенок. Так, для подтверждения этой идеи возьмем фрагмент из оригинального текста и его перевод на русский язык, где попугай ассоциируется со Святым духом: " ...the parrot, the articulate beast, a rare creature that makes human voice. Not for nothing does Félicité confuse Loulou with the Holy Ghost, the giver of tongues. ...You could say that the parrot, representing clever vocalisation without much brain power, was Pure Word. If you were a French academic, you might say that he was un symbole de Logos." [10]. Переводчики А. Борисенко и В. Сонькин передали этот фрагменты следующим образом: «Попугай, наделенный даром речи; диковинная тварь, способная издавать человеческие звуки. Неслучайно ведь Фелисите путает попугая со Святым Духом, дарителем языков... Можно сказать, что попугай, обладающий даром членораздельной речи практически без всяких умственных способностей, — это Чистое Слово. Будь вы французским профессором, вы бы сказали, что он — un Symbole de Logos» [8, с. 11]. Данный фрагмент является ключевым для понимания метафоричности попугая. Дж. Барнс определяет функцию попугая Лулу с концепцией чистого слова, подчеркивая при этом его функцию как механического воспроизводителя речи, лишенного глубокого понимания. "The giver of tongues" передается переводчиками как «даритель языков». Это интертекстуальная библейская отсылка к Пятидесятнице, в которой на пятидесятый день после Воскресения Христа, Святой Дух наделяет апостолов даром говорить на разных языках. Это напрямую связывает попугая, способного имитировать речь, с божественным источником языка, создавая иронический контраст между возвышенным (Дух) и приземленным (попугай).

Оригинальность структуры текста, созданного Дж. Барнсом, состоит в том, что повторение сюжетов в романе не является простым нагромождением структур, а добавляет в художественную ткань повествования новые смыслы, что «существенно усложняет его структуру» [11]. Новаторство подхода Дж. Барнса проявляется в том, что рекурсия становится не только структурным и лексико-семантическим, но и семиотическим приемом. Повторяющиеся попытки главного героя Джеффри Брейтуэйта найти исторически «подлинного» попугая Г. Флобера, точнее, его чучела приводит к «рекурсивному» повторению сюжета поиска чучела попугая, принадлежащего Г. Флоберу. В повествовании образ попугая приобретает символический смысл: главный герой пытается найти чучело настоящего попугая, который стоял на столе у Г. Флобера при написании им повести «Простое сердце». Этот сюжет неоднократно повторяется, и в результате главный герой находит два экземпляра чучела в разных музеях. Процесс поиска попугая или его чучела становится рекурсивной темой, когда каждый найденный факт о попугае не дает окончательного ответа на вопрос о подлинности этого текстового символа, а, напротив, порождает новые вопросы и версии. В результате, повествование возвращается к исходной точке и напоминает «зацикленный алгоритм».

На лексико-семантическом уровне Дж. Барнс активно использует в качестве редупликации цитаты, языковые игры, интертекстуальные вставки и намеренно повторяет ключевые слова, на которых строится роман. К примеру, при использовании лексемы «попугай» каждый раз меняется его семантическое наполнение. Причем, в тексте оно не просто редулицируется, а в ряде случаев может изменять предыдущее значение: "Parrot borrowed by G. Flaubert from the Museum of Rouen" [10, p. 19] - "...that parrot ... as

an emblem of the writer's voice" [\[10, p. 22\]](#) / «Этого попугая Флобер позаимствовал в Музее Руана...» [\[8, с. 9\]](#); «...попугая ...обозначающего авторский голос» [\[8, с.13\]](#). Так в начале текста попугай воспринимается как семиотический символ, предполагающий некий исторический артефакт - чучело попугая, в последующем предполагается восприятие этого символа в качестве прототипа авторского голоса.

Метафора попугая проецируется на весь роман: текст Дж. Барнса состоит не только из редуцированных текстов Флобера, но и замечаний критиков, что создает сложный интертекстуальный узор. В тексте Брейтуэйт размышляет о подлинности чучела попугая, что можно свести к следующему: «Which was the real parrot? The one in Rouen? The one in Croisset? ... The one that was copied, the one that was remembered?» [\[10\]](#). В переводе эта фраза приобретает следующий вид: «Какой попугай был настоящим? Тот, что в Руане? Тот, что в Круассе? ... Тот, с которого делали чучело, тот, которого запомнили?» [\[8\]](#). Переводчик успешно передает динамику нагнетания вопросов, сохраняя рекурсивную структуру размышлений рассказчика, где каждый последующий вопрос не отменяет, а углубляет предыдущий, усугубляя лабиринт сомнений, в который оказывается погружен читатель.

Метатекстуальная рекурсия заключается в идее о том, что текст говорит о себе самом: Дж. Барнс создает роман о написании романа. Дж. Барнс использует разные нарративные модели: академическое исследование, биографический очерк, личный дневник. Редуцируя интертекстуальные вставки из личных писем Г. Флобера, а также вставки из других текстов Г. Флобера, Дж. Барнс анализирует сам механизм цитирования, при котором любая цитата становится инструментом порождения нового смысла, который впоследствии также требует анализа. При этом в анализ Дж. Барнс активно вовлекает и читателя. При метатекстуальной рекурсии текст становится своего рода «петлей», как бы «накинутой» на сознание читателя, при попытке определить природу которой порождаются все «новые оттенки смысла» [\[12, с. 31\]](#).

Заключение

Таким образом, рекурсивные структуры в прозе Дж. Барнса, будь то композиционное построение романа, языковые аномалии или метатекстуальные отсылки, создают «точки напряжения», которые требуют от переводчика особого внимания. Задача переводчика заключается не в простом копировании структуры, а в поиске эквивалентных средств в языке перевода, способных передать эффект циклического повтора, нанизывания на сюжетную линию рекурсивных элементов текста и даже его фрактального самопорождения. Успешный перевод предполагает актуализацию аномальных компонентов текста, что позволяет читателю воспринимать их не как стилистическую погрешность, а как осознанный художественный прием, предполагающий использование интертекстуальных вставок и раскрывающий ключевые для поэтики Дж.Барнса темы относительной истины и мнемонической игры разума.

Библиография

1. Анисимов А. В. Компьютерная лингвистика для всех: Мифы, Алгоритмы, Язык. – Киев: Наук. Думка, 1991. – 208 с. URL: https://lib.ru/CULTURE/ANISIMOW/lingw.txt_with-big-pictures.html 2.
2. Аветян Э. Г. Семиотика и лингвистика. – Ереван: изд-во Ерев. Ун-та, 1989. – 286 с. 3.
3. Chomsky N. Syntactic structures / by Noam Chomsky ; with an introd. by David W.

- Lightfoot. – 2d ed. – Berlin ; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – 117 p. 4.
4. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1-2. – М.: Изд-во им. Сабашиковых, 1998. – 944 с. 5.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Изд-во "Искусство", 1970. – 387 с. 6.
6. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. И. Тюпа. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр "Академия", 2009. – 336 с. EDN: QTXIYT 7.
7. Waugh P. Metafiction: the theory and practice of self-conscious fiction. – London: Methuen, 1984. – 196 p. 8.
8. Барнс Дж. Попугай Флобера: роман / Джулиан Барнс; пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с. 9.
9. Морозкина Е. А., Рамеев О. Б. Репрезентация концепта Nature/Природа в оригинале и русскоязычном переводе трактата Г.Д. Торо "Уолден, или жизнь в лесу" // Доклады Башкирского университета. 2025. Т. 2. С. 114-120. DOI: 10.33184/dokbsu-2025.2.13 EDN: IUFRMK 10.
10. Barnes J. Flaubert's parrot. – London: Jonathan Cape, 1984. – 190 p. 11.
11. Морозкина Е. А., Воробьев В. В., Габдуллина А. Р. Актуализация библейских претекстов в англоязычных переводах рассказов А.П. Чехова // Доклады Башкирского университета. 2024. Т. 9. № 2. С. 95-97. DOI: 10.33184/dokbsu-2024.2.11 EDN: LSOSXH 12.
12. Исхакова Э. В., Смирнова В. А. К вопросу о рекурсивных лингвистических структурах в художественном тексте // Доклады Башкирского университета. 2024. Т. 9. № 4. С. 27-32. DOI: 10.33184/dokbsu-2024.4.4 EDN: EVWTSU

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Брылева Р.Ф. Сопоставительный анализ пословиц с компонентом-фитонимом (на материале французского и узбекского языков) // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76278
EDN: IKWOYC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76278

Сопоставительный анализ пословиц с компонентом-фитонимом (на материале французского и узбекского языков)

Брылева Роза Филаритовна

ORCID: 0000-0001-5204-8709

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов; Уфимский университет науки и технологий

Россия, Респ. Башкортостан, г. Уфа, Кировский р-н, ул. Заки Валиди, д. 32, каб. 338

✉ rozabryleva@yandex.ru



[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76278

EDN:

IKWOYC

Дата направления статьи в редакцию:

15-10-2025

Дата публикации:

31-10-2025

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному исследованию пословиц с компонентом-фитонимом в разноструктурных языках (на примере французского и узбекского языков). Цель проводимого исследования состоит в изучении проявления компонентов-фитонимов в пословицах на материале французского и узбекского языков, а также в систематизации и анализе, как фитонимы в пословицах отражают мировосприятие и жизненные ценности двух народов. Материалом для исследования послужили лексикографические и электронные ресурсы (фразеологические словари, Национальные корпуса французского и узбекского языков) с целью выявления концептуальных образов компонентов-фитонимов в пословицах. В ходе исследования

были выявлены следующие группы образов в каждом языке: образ цветка, образ дерева, образ плода, образ травы, образ зерновой культуры, образ овоща. В ходе анализа применяются сопоставительный метод, метод корпусного анализа, метод сплошной выборки, а также когнитивный анализ. Научная новизна заключается в том, что в ходе сопоставительного анализа было обнаружено, что компоненты-фитонимы в пословицах двух разноструктурных языков могут быть репрезентированы через концептуальные образы. Так, среди выявленных 6 групп наибольшей частотностью в обоих языках обладают образ цветка, образ дерева, образ плода. Остальные образы представлены в обоих языках либо с наименьшей частотностью (образ травы, образ зерновой культуры в пословицах обоих языков), либо полностью отсутствуют (образ капусты в узбекских пословицах). Исследовав пословицы с компонентом-фитонимом, мы пришли к выводу, что формирование пословиц зависит от интра- и экстралингвистических факторов, например, образа жизни народа, его традиций и обычаев, менталитета, отношения к растительному миру, а также значимость конкретного растения для носителей языка. Несмотря на культурно-специфические особенности компоненты-фитонимы в пословицах двух разноструктурных языков выполняют общую роль – они передают глубокие философские идеи, связанные с нравственным выбором, судьбой и взаимодействием человека с окружающим миром.

Ключевые слова:

фитоним, концептуальный образ, пословицы, сопоставительный анализ, образ цветка, образ дерева, образ плода, образ травы, образ зерновой культуры, образ овоща

Пословицы, как форма устного народного творчества, занимают важное место в фольклоре любого народа. Благодаря им картина жизни предстает перед нами в более широком диапазоне, позволяя нам углубиться в процесс осмысления, восприятия человеком окружающей действительности. Пословицы обладают значительной общественной ценностью, состоящая «в познавательных, идейно-воспитательных и эстетических значениях, в богатом жизненном содержании, глубоком идейном смысле, больших художественных достоинствах и национальном своеобразии» [\[1\]](#).

Цель данного исследования состоит в изучении проявления фитонимов в пословицах на материале французского и узбекского языков, а также в систематизации и анализе, как фитонимы в пословицах отражают мировосприятие и жизненные ценности двух народов.

Актуальность данной работы заключается в том, что предпринята попытка исследования пословиц с компонентом-фитонимом в двух разноструктурных языках (французском и узбекском). Фитонимы в пословицах двух языков представлены в сопоставительном и концептуальном контексте, что позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические аспекты в языковых картинах мира франкоговорящих носителей и носителей узбекского языка. По словам В.И. Невоит, исследование функциональных характеристик фитонимов и контекстов их употребления также способствует выявлению элементов картины мира на уровне, отражающем духовную природу людей, наполненную эмоциями, оценками, спецификой взаимоотношений в обществе [\[4, с. 77\]](#).

Достижение указанной цели предполагает решение ряда конкретных **задач** исследования: 1) выявить, используя лексикографические и электронные источники (фразеологические словари, Национальные корпуса французского и узбекского языков), пословицы, в которых присутствует компонент-фитоним; 2) систематизировать

выявленные пословицы в группы концептуальных фитонимов-образов; 3) описать и изучить общие и специфические для французского и узбекского языков особенности фитонимов в пословицах.

Теоретическая база данного исследования заключается в том, что вносит определенный вклад в разработку проблем, касающихся изучения особенностей функционирования компонентов-фитонимов в пословицах, репрезентирующих восприятие растительной сферы во французской и узбекской картинах мира.

Практическая значимость проводимого исследования заключается в том, что содержащиеся в нем результаты и выводы сопоставительного и концептуального анализа пословиц с компонентом-фитонимом могут быть использованы при чтении таких дисциплин, как сравнительная типология, лексикология и лексикография французского и узбекского языков, при разработке спецкурсов по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, в помощи переводчикам и лингвистам правильно передать все смысловые нюансы при переводе пословиц разноструктурных языков.

По мнению Н.Г. Комлева, «названия цветов, деревьев, животных, многих предметов и действий в языке каждой народности имеет семантическое своеобразие, которое, скорее похоже на стихию, поскольку его так трудно подвергнуть систематизации» [2, с. 118]. В данной работе мы предприняли попытку систематизировать и проанализировать пословицы, содержащие растительный компонент, по определённым группам фитонимов, представляющих концептуальные образы.

Рассмотрим конкретные примеры.

I. Образ цветка

Во французской пословице *"Il ne faut pas battre une femme, même avec une fleur"* («Женщину нельзя ударить даже цветком») образ цветка используется для описания бережного и уважительного отношения к слабому полу [3]. Эта пословица напоминает о том, что женщины, как и цветы, требуют внимательного ухода и защиты, а также о том, что насилие в любых его проявлениях недопустимо.

В узбекской же культуре присутствует пословица *«Гулнинг яшнаши баҳорда, инсоннинг яшнаши меҳнатда»* («Цветок расцветает весной, а человек – в труде»), где цветок символизирует расцвет, но акцент смещается на труд как основу человеческого благополучия [7]. В пословице *«Хар гулнинг иси бошқа»* («У каждого цветка свой аромат») цветок выражает нрав и особенности человека, а в пословице *«Гул ўсса – ернинг кўрки, қиз ўсса – элнинг кўрки»* («Цветок растёт – красота земли, девочка растёт – красота народа») он олицетворяет развитие и рост девочки, связанной с красотой и благополучием.

На примере розы, являясь одним из самых распространённых растительных образов, олицетворяющих красоту, свежесть и чистоту, встречается как во французских, так и в узбекских пословицах для передачи житейской мудрости.

Интересно, что шипы розы в пословицах обоих языков становятся метафорой жизненных испытаний. Например, во французском языке пословица *"Il n'y a pas de roses sans épines"* («Нет розы без шипов») служит напоминанием о том, что за успехом или красотой часто стоят жертвы и трудности [3]. Это выражение соответствует узбекским пословицам *«Гул тикансиз бўлмайди, гўшт — суяксиз»* («Не бывает розы без шипов, а мяса - без костей») и *«Гулни севган тиканини ҳам севади»* («Любишь розу, люби и шипы

ее») [5]. В пословицах узбекского народа образ розы часто несёт более практичный смысл, напоминая о том, что внешняя привлекательность не всегда означает внутреннее богатство: «Гулдан шира томса, анбар бўлмас» («Даже если с цветка капает нектар, он не станет амброй») [5].

II. Образ дерева

При исследовании французских пословиц были выявлены пословицы с образом дерева, который символизирует:

- принятие рискованных решений: "*Couper l'arbre pour avoir le fruit*" («Срубить дерево, чтобы достать плод; поступать неразумно, опрометчиво, не думая о будущем»);
- действия и результаты человека: "*C'est au fruit qu'on connaît l'arbre*" («О дереве судят по его плодам; о человеке судят по его делам»);
- влияние семьи и окружения на формирование личности: "*Le fruit ne tombe jamais loin de l'arbre*" («Яблоко от яблони недалеко падает»);
- предостережение не вмешиваться в чужие конфликты: "*Entre l'arbre et l'écorce, il ne faut pas mettre le doigt*" («Промеж мужа и жены нитки не продернешь»);
- внимание к деталям, мешающее охватить все целиком: "*Les arbres cachent la forêt*" («Из-за деревьев леса не видно»).

В узбекском языке пословицы с образом дерева выражают:

- достижения, привлекающие зависть и критику: «Мевали дарахтга тош отадилар» («На плодоносящее дерево бросают камни»);
- судьбу и выбор жизненного пути: «Ерга эккан дарахтингни сувга эхма» («Не сажай дерево в воду, если оно предназначено для земли»);
- незначительный с виду, но ценный (о человеке): «Мевали дарахтнинг шохи кам» («У плодоносящего дерева ветвей немного»);
- важность связи с родными местами: «Дарахт бир жойда кўкаради» («Дерево растёт только на одном месте»);
- слабохарактерность человека: «Ёғочнинг мўртини қурт ейди» («Мягкое (хрупкое) дерево червь точит»).

Образ дуба во французской культуре символизирует силу и устойчивость перед трудностями, что отражено в пословицах "*On n'abat pas un chêne du premier coup*" («С первого удара крепкий дуб не срубить; трудное дело требует времени и труда»); "*Le gland ne devient pas chêne en un jour*" («Желудь не в один день дубом становится; трудное дело требует времени и труда»).

В узбекском языке схожую идею передаёт пословица «Чинор кўчатдан бошланади» («Платан начинается с саженца»), где акцент делается на постепенном развитии и терпении [6, с.15]. Эти параллели показывают, что, несмотря на различия в климате и флоре, обе культуры используют «сильные» деревья как символы роста, стойкости и преодоления трудностей.

Как мы видим из вышеперечисленных примеров, во французском и узбекском языках

образ дерева может обладать как положительной оценочностью (достижения человека, его значимость и внимательность, связь человека с родиной, стойкость и т.д.), так и негативной (рискованность, зависть, слабость и т.д.).

III. Образ плода

В данную группу вошли французские пословицы, в которых плод любой растительности символизирует:

- успех и достижения, зачастую сопровождающиеся тяжкими испытаниями: "*La patience est amère mais son fruit est doux*" («Горько терпение, но плод его сладок»);
- принятие рискованных решений: "*Couper l'arbre pour avoir le fruit*" («Срубить дерево, чтобы достать плод; поступать неразумно, опрометчиво, не думая о будущем»);
- действия и результаты человека: "*C'est au fruit qu'on connaît l'arbre*" («О дереве судят по его плодам; о человеке судят по его делам»);
- влияние семьи и окружения на формирование личности: "*Le fruit ne tombe jamais loin de l'arbre*" («Яблоко от яблони недалеко падает»);

Кроме того, в ходе исследования были выявлены и культурно-специфические особенности в узбекских пословицах, не имеющих эквивалентов во французском языке. Например, в узбекском языке встречаются пословицы, в которых плоды символизируют:

- любовь к внукам: «Ўригидан данаги ширин» («Косточка слаще самого урюка»); «Данагидан мағзи ширин» («Зернышко вкуснее косточки»);
- ценность времени для дел: «Қовун есанг – саҳар е, саҳар емасанг – заҳар е» («Если есть дыню, то ешь рано утром, а не съешь рано утром, то съешь яд»);
- делать что-то лишнее, бесполезное: «Қовун полизга қовун кўтариб бормоқ» («Ехать на бахчу с дыней»);
- изготовление опоры для винограда: «Бир туп ток эксанг, бир туп тол» («Если посадишь куст винограда, посади также куст ивы»);
- соперничество: «Бир қўлтиққа иккита тарвуз сиғмас» («Два арбуза под мышкой не поместятся»);
- выражение недовольства подаренной вещью: «Узумини е, боғини суриштирма» («Ешь виноград, а откуда он — не спрашивай»).

Интересно сравнение образов фруктовых плодов (яблоко, груша) во французских и узбекских пословицах. Во французском языке груша символизирует неизбежность, неотвратимость чего-либо: "*Quand la poire est mûre, il faut qu'elle tombe*" ("Чему быть, того не миновать»); "*Il faut attendre à cueillir la poire qu'elle soit mûre*" («Надо подождать, когда придет время») [\[8, с. 521\]](#).

В узбекской традиции яблоня чаще ассоциируется с плодородием и мудростью, как в пословице «Олма дарё бўлса ҳам, оғзига тушганича ичар» («Даже если яблоко станет рекой, пить будет только то, что попадет в рот») [\[7\]](#), где акцент делается на разумном использовании возможностей.

В обоих языках встречаются пословицы со значением «Яблоко от яблони недалеко падает», при этом во французском языке не уточняется, что это за фрукт: "*Le fruit ne*

tombe jamais loin de l'arbre" [9]. В узбекском языке пословица не содержит растительного образа: «Қазисан, қартасан, асл зотингга тортасан» [5].

IV. Образ травы

Трава и ее олицетворение во французских пословицах часто ассоциируется с иллюзорностью желаний: *"L'herbe est toujours plus verte dans le pré voisin"* («У соседа на лугу трава всегда сочнее») [8, с. 307].

В узбекском языке эту мысль передаёт пословица «Қўшнинг моли ҳамиша семиз кўринади» («Скот соседа всегда кажется упитаннее»), где вместо травы используется образ скота, но смысл остаётся тем же – склонность идеализировать чужую жизнь [6, с. 17].

Еще одна французская пословица, которая не имеет эквивалента в узбекском языке, *"Le chardon gagne à fréquenter la rose"* (букв. «Чертополох выигрывает от того, что часто встречается с розой») содержит образ травы и образ розы, олицетворяющие безобразное и прекрасное. Данное выражение означает, что даже не самое привлекательное или ценное окружение может извлечь выгоду из общения с более талантливыми и успешными людьми, способствуя, таким образом, личностному росту и улучшению качества жизни [3].

V. Образ зерновой культуры

Во французском языке пшеница является символом хорошего воспитания, представленного в пословице *"Bon champ semé, bon blé rapporte"* («Что посеешь, то пожнешь») [3].

В узбекском языке есть аналогичная пословица, но без указания на компонент-фитоним: «Нима эксанг, шуни ўрасан». В другой узбекской пословице зерновая культура олицетворяет преимущество чего-то доступного перед чем-либо трудно достижимым: «Арпанинг дони бўлгунча, буғдойнинг сомони бўл» («Лучше будь соломой от пшеницы, чем зерном от ячменя»).

VI. Образ овоща

Образ капусты был выявлен только во французских пословицах и используется с негативной оценочностью как символ жадности *"Ce n'est pas le tout que des choux, il faut encore de la graisse"* («Одной капусты мало, подавай и сало») и как символ глупости *"C'est chou vert et vert chou"* («Что в лоб, что по лбу»).

В заключение можно сказать, что, несмотря на интра- и экстралингвистические факторы формирования пословиц (например, образ жизни народа, его традиции и обычаи, менталитет, отношение к растительному миру, а также значимость конкретного растения для носителей языка), и французские, и узбекские фитонимы-образы сходятся в главном – они олицетворяют вечные ценности: красоту, любовь, силу, мудрость, терпение, трудовую деятельность, гармонию с природой и пр. [6]. Фитонимы в пословицах двух разноструктурных языков выполняют схожую роль – они передают глубокие философские идеи, связанные с нравственным выбором, судьбой и взаимодействием человека с окружающим миром. Взаимосвязь природы и культуры, воплощенная в символике растений, демонстрирует универсальность этих тем и их значимость для различных культур. Как отмечают исследователи, «фитонимы становятся мостом между

языками, показывая, как природа служит универсальным кодом для передачи человеческого опыта» [\[4, с.348\]](#).

Библиография

1. Буренкова С.В. Комизм псевдопословиц как способ переоценки витальных ценностей // Преподаватель XXI век. 2008. № 4. С. 80-86. EDN: LDGSGP.
2. Комлев Н.Г. Слово в речи: денотативные аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1992. 214 с.
3. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr>.
4. Невоит В.И. Фитонимы в русской языковой картине мира // Русский язык: исторические судьбы и современность: международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 77.
5. Садыкова М.С. Русско-узбекский фразеологический словарь [Текст] / АН УзССР. Ин-т яз. и литературы им. А.С. Пушкина. Ташкент: Фан, 1972. 192 с. : 22 см.
6. Тодосиенко З.В., Брылева Р.Ф., Воробьева О.В. Метафорический образ "звезда" и его разнообразная концептуальная интерпретация (на материале русского и французского языков) // Филология: научные исследования. 2024. № 5. С. 11-21. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70730 EDN: VCWAKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70730
7. Узбекский национальный корпус. URL: <https://uzbekcorpus.uz>.
8. Французско-русский фразеологический словарь // Сост. В.Г. Гак, И.А. Кунина, И.П. Лалаев и др. / Под ред. Я.И. Рецкера. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1963. 1112 с.
9. Le Petit Robert [электронный ресурс]: энциклопедический словарь французского языка онлайн. URL: <https://www.lerobert.com/dictionnaires>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию феномена использования фитонимов в пословицах французского и узбекского языков. Она представляет собой интересное и содержательное исследование, демонстрирующее глубокое понимание культурных аспектов обеих языковых традиций. Автор проводит детальное изучение материала, основываясь на обширном корпусе лексикографических и электронных ресурсов, что свидетельствует о серьезном подходе к выбору источников.

Предметом исследования являются фитонимы, используемые в пословицах французского и узбекского языков. Автор ставит целью выявить и классифицировать фитонимы в рамках концептуальных образов, существующих в двух культурах. Такое направление исследования важно, поскольку позволяет глубже понять мировоззрение и культурные установки двух народов, передаваемые посредством народных высказываний.

Для выявления пословиц автор использовал широкий спектр лексикографических и электронных источников, включая фразеологические словари и национальные корпуса французского и узбекского языков. Такой подход обеспечивает полноту и точность отбора материала. Анализ проводился путем классификации выявленных пословиц в

зависимости от концепции и образа фитонима. Несмотря на ограниченность методов анализа исключительно использованием готовых источников, подход является достаточно обоснованным и продуктивным.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Оно открывает перспективы для дальнейших изысканий в области этнолингвистики и межкультурной коммуникации, подчеркивая необходимость учета культурного контекста при передаче смысла пословиц.

Научная новизна статьи проявляется в попытке впервые провести сопоставительное исследование пословиц с фитонимами в столь разных языках, как французский и узбекский. Работа подчеркивает как универсалии, характерные для всех человеческих сообществ, так и уникальные черты, присущие именно данным двум культурам.

По структуре работа логична и последовательна. Анализ проводится по тематическим группам (цветок, дерево, плод, трава, зерно, овощи). Однако оформление текста могло бы быть более лаконичным и четким, особенно в части объяснения подходов к выделению концептов. Иногда изложение излишне подробно описывает очевидные вещи, что отвлекает читателя от основной мысли.

Содержание статьи насыщено примерами и пояснениями, позволяющими наглядно продемонстрировать разницу и сходство между двумя языками. Примеры приводятся последовательно и подкрепляются цитатами из авторитетных научных работ.

Список использованной литературы включает как отечественные, так и зарубежные источники. Особенное значение имеют французские и узбекские фразеологические словари, обеспечившие базу для анализа. Тем не менее, представляется целесообразным расширить список новейших публикаций по данному вопросу, учитывая современные тенденции развития науки.

Выводы автора убедительны и обоснованы. Они демонстрируют глубокую взаимосвязь между языком и культурой, подчеркивая универсальность и уникальность человеческой психики. Показано, насколько важным инструментом выражения глубоких смыслов служат народные пословицы, содержащие образы природного мира.

Статья будет интересна специалистам в области этнографии, филологии, культурной антропологии, а также студентам соответствующих специальностей. Использование наглядных примеров и простоты подачи материала делают её доступной широкой публике, заинтересованной в познании национальной культуры и психологии народов Франции и Узбекистана.

Таким образом, данная статья заслуживает внимания научного сообщества благодаря своей оригинальной тематике и тщательной обработке материала. Рекомендую статью к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Яковлева Е.В. Американизмы в романе Л. Падурь «Прощай, Хемингуэй!» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 173–183. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76320 EDN: JNBCDG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76320

Американизмы в романе Л. Падурь «Прощай, Хемингуэй!»

Яковлева Елена Владимировна

ORCID: 0009-0000-7577-7787

кандидат филологических наук

доцент, институт иностранных языков; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

194355, Россия, г. Санкт-Петербург, Выборгский р-н, Выборгское шоссе, д. 31 литера А

✉ e-v-yakovleva@mail.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76320

EDN:

JNBCDG

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2025

Дата публикации:

02-11-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются диатопические и диастратические характеристики лексических американизмов, функционирующих в современном кубинском варианте испанского языка. Объектом анализа являются американизмы, зафиксированные в романе современного кубинского писателя Л. Падурь "Прощай, Хемингуэй". Цель работы состоит в выявлении лексических американизмов, оценке и классификации их основных диатопических и диастратических характеристик. Детективный роман «Прощай, Хемингуэй» получил многочисленные премии, неоднократно переиздавался и был выбран для прочтения и изучения студентами, изучающими испанский язык, Университетом Саламанка, издательством Edinumen, а также Институтом Сервантеса в качестве эталона современного

латиноамериканского романа. Комментарии, составленные группой специалистов из университета Саламанки, дают информацию для более точного понимания семантики и стиля целого ряда американизмов. Для осуществления цели был проведён анализ романа Л. Падуры «Прощай, Хемингуэй» методом сплошной выборки, также применялись описательный и классификационный методы. Полученный корпус американизмов анализировался с помощью Словаря американизмов для определения диатопических и отчасти диастратических характеристик. Дополнительно учитывались комментарии специалистов Университета Саламанки. Научная новизна исследования состоит в изучении американизмов в двух направлениях – диатопическом и диастратическом, поскольку это позволяет зафиксировать различные сферы формирования этого класса слов. Диатопическая классификация американизмов в романе представлена тремя группами: (1) американизмы, распространенные только на Кубе (*mechón*), (2) американизмы Карибского региона (*guayaba*), (3) американизмы Центральной Америки, Карибского региона и части Южной Америки (*botar*). Л. Падура достигает включённости своего романа в общий латиноамериканский контекст, используя все три группы. Диатопические характеристики американизмов позволяют понять интенсивность распространения лексических американизмов в настоящее время. Диастратическая вариативность американизмов отражает основные темы романа на разных стилистических уровнях: от нейтрального, связанного с фоновыми описаниями, до самых низких, арготических. До настоящего времени исследования лингвистических особенностей романов Л. Падур не проводились. Предложенный в исследовании метод анализа американизмов может применяться для изучения семантических особенностей романов латиноамериканских писателей.

Ключевые слова:

американизм, лексический американизм, вариативность испанского языка, диатопическая вариативность, диастратическая вариативность, Л. Падура, кубинские дисфемизмы, кубинский детектив, испанский язык, национальный вариант

Введение

Настоящая статья посвящена анализу американизмов, представляющих собой особый пласт лексики, не получивший однозначного толкования в теоретической литературе. Появление американизмов связано с вариативностью испанского языка, изучение которой базируется на понятии национальных вариантов испанского языка, получивших свое развитие в работах отечественных и зарубежных лингвистов. В исследованиях Г. В. Степанова [1, 2], Н. М. Фирсовой [3], А. В. Садикова [4] заложены основы понимания национального варианта испанского языка, которые в настоящий момент признаны и развиваются для описания разнообразных аспектов вариативности подавляющим большинством отечественных специалистов, в частности, Е. В. Карпиной [5], Н. Ф. Михеевой [6] и другими. Национальный вариант сохраняет основные черты испанского языка в сфере фонетики, грамматики, лексики и стиля, при этом обладает определенной автономией, обусловленной разнообразными факторами, связанными с социально-политическими, историческими, географическими и культурологическими условиями формирования.

Несколько иной подход к теме вариативности сформировался в исследованиях П. Энрикеса Уренья [7], П. Куэрво [8], А. Алонсо [9], в которых основной упор делается на

выделении регионов (зон), обладающих общими чертами. Позднее Д. Каталан разрабатывает новый подход, выделяя так называемый атлантический испанский язык и связывая диалекты Испании и Латинской Америки [\[10, с. 208-210\]](#). Анализ последующих вариантов членения при учете этой идеи приводит Е. В. Карпина [\[5, с. 13-15\]](#), которая отмечает определенную противоречивость всех упомянутых классификаций и их зависимость от классификационного признака, лежащего в основе. Утверждение о том, что современный испанский язык представляет собой совокупность диалектальных зон, является развитием идей зонального членения [\[6, с. 181-182\]](#).

В течение XX века возникали разнообразные лингвистические атласы и словари, описывающие лексику определенных стран и регионов. Отметим детальный и описательный характер этих работ, без которых теоретические исследования не представляются возможными [\[11\]](#). Анализ появившихся в XXI веке словарей показывает рост диалектального членения и противоречивость объяснения грамматических и лексических особенностей [\[12, с. 44-47\]](#).

Важно подчеркнуть, что в большинстве работ последних десятилетий стали широко использоваться понятия диасистемы, диатопической и диастратической вариативности, которые одним из первых использовал для описания испанского языка Америки Х. П. Рона [\[13, с. 20\]](#). По мнению автора, диасистема испанского языка представлена совокупностью разнообразных диалектов, то есть андалузского, канарского, мексиканского, андского. Несколько позднее появляются новые термины (индоамериканизмы, индихенизмы), предназначенные для номинации особых американизмов, связанных этимологически с индейскими языками [\[14, с. 175-176\]](#), хотя этимологии многих подобных слов носят условный характер и весьма противоречивы. Понятие «американизм» в настоящее время используется многими специалистами, в то время как «регионализм» не получает такого развития. Отметим, что диатопическая вариативность связана с особенностями лексики на определенной территории, в то время как диастратическая вариативность отражает изменения в связи со спецификой использования лексики определенными социальными группами (стратами). В настоящее время изучение роли диатопической вариативности нашло отражение в исследованиях различного характера. В первую очередь это лексикографические работы, в которых важным компонентом описания лексики является фиксирование места употребления. В качестве наиболее яркого примера отметим «Словарь американизмов» [\[15\]](#), в создании и работе которого приняли участие 23 академии испанского языка. Попытки создать подобные современные словари отмечаются и в настоящее время. Вместе с тем сложности в определении границ (изоглосс), ряд неточностей в оформлении вызывают критику и замечания со стороны специалистов [\[16, с. 110-118\]](#).

Необходимо особо отметить значение диатопических характеристик в процессе обучения [\[17, с.176\]](#), при переводе фразеологических выражений [\[18, с. 86, 100\]](#), при анализе философских аспектов языка [\[19\]](#). Учет диатопических характеристик оказывается необходимым для понимания стиля и характера художественного произведения, оттенков значения [\[20\]](#), использования терминов [\[21\]](#). Подводя итог, отметим расширение сфер использования диатопической вариативности в последнее время. В настоящем исследовании учет диатопической характеристики лексики представляет собой важную составляющую анализа лексики детективного романа.

Ход исследования и результаты

Данное исследование состояло из нескольких этапов, позволяющих отобрать языковой материал и оценить его. Первоначально был проведен анализ текста романа с целью выявления американизмов различного характера, затем, на последующих этапах, проводился диатопический и диастратический анализ. С целью уточнения диатопических характеристик использовался Словарь американизмов [15]. Отметим, что в ходе анализа использовались два издания романа: во-первых, использовался текст, изданный в 2006, переизданный в 2014 году (Barcelona, Tusquets Editores [22]) и, во-вторых, принимался во внимание сокращенный текст, изданный в 2022 году в учебных целях Университетом Саламанки с комментариями объяснительного характера [23]. Комментарии в основном касались уточнения значений слов, которые используются на Кубе и могут быть не совсем точно поняты в других регионах.

Основные результаты

На основе проведенного анализа оказалось возможным выделить три различные группы, отражающие диатопическую характеристику слова.

Первая группа представляет собой американизмы, которые зафиксированы в настоящий момент только на Кубе, то есть диатопическая составляющая носит точечный характер. Принимая во внимание характер распространенности по странам, удалось выделить 4 подвида таких американизмов.

1. Наиболее частотным случаем появления кубинского лексического американизма является использование известного американизма в новом значении. Иными словами, американизм развивает полисемию в рамках диасистемы. Например, *desteñirse* «перекраситься» в значении «поменять политические взгляды» типично только для Кубы, хотя само слово используется и в Чили, но в ином значении. Отметим в этой связи появление особого значения у *libreta* «продовольственные карточки», которое типично только для Кубы, поскольку отражает экономические реальности этой страны и несёт в себе особые коннотативные значения. В других странах (Панама, Эквадор, Перу, Чили, Боливия, Никарагуа, Уругвай) у этого слова отмечаются различные значения, причем одним из самых распространенных является «зачётная книжка».

Интересным является американизм *tanga*, одно из значений которого используется только на Кубе: вид манго, отличающийся от обычного размерами и вкусом. Существительное *guagua* имеет значение «автобус» лишь на Кубе, хотя в других странах выделяются ряд особых значений, при этом наиболее частотным является «маленький ребёнок» (Колумбия, Эквадор, Аргентина, Перу, Чили).

2. К этой же группе относится лексика, которая отсутствует в Словаре, хотя очевидна её связь со словом, зафиксированным в Словаре. Примером такого американизма является *zapatúo*, которое представляет собой вариант *zapatudo*, однако значения, приведенные в словаре, не подходят для контекста романа. Словарь фиксирует значения *zapatudo*, связанные с кулинарией (используется для характеристики печенья) «хрустящий», а также для характеристики фруктов («пресный, неспелый»), человека («пьяный»). В тексте романа *zapatúo* представляет собой оценку характера собаки, упрямой и настойчивой.

Особо выделяется лексика, типичная для Кубы, отличающаяся от нормы грамматическими особенностями: глагол «*jamar*» приобретает возвратную форму, но его значение не меняется: «лопать», «*empingarse*» — «злить кого-либо». Оба глагола имеют стилистическую особенность: они относятся к разговорному вульгарному стилю.

3. Выделяется ряд американизмов, которые не зафиксированы в Словаре американизмов, но они имеются в комментарии к учебному изданию романа. Например, словарь не фиксирует слово *ajustador* «предмет женского нижнего белья», однако комментарий в издании романа в Саламанке уточняет его значение. Подобная ситуация возникает со словом *alcolifán* «ликёр домашнего приготовления».

4. Наименее частотны американизмы, использующиеся только на Кубе, например, *teshón* «окурочка от сигары», *curda* «алкогольный напиток», не имеющие распространения за пределами Кубы. Нельзя не отметить появление в романе такого слова, как *aragón* «внезапное отключение электричества», отражающего явление, типичное для Кубы и несущее в себе отрицательную коннотацию.

Вторая группа представляет собой американизмы, имеющие распространение в Карибском регионе, то есть на Кубе, в Доминиканской Республике и Пуэрто-Рико. *Mayímbe* «начальник, шеф», *panetela* «вид бисквита», *blúmen* «труссы» (Куба и Доминиканская Республика). К этой группе относятся табуированные инвективы с ключевым словом *timbal*.

Отметим редкий случай диатопической характеристики, состоящий в совпадении использования слова на Кубе и в Колумбии: *«jipijara»* — вид головного убора, похожий на соломенную панамку. Наименование происходит от названия населённого пункта Эквадора (Jipijara), где производится такого вида сомбреро.

Приведенные выше примеры имеют региональную диатопическую составляющую.

Третья группа представлена американизмами, широко распространенными в различных регионах Америки. Например, *«güira»* в значении *колебасового дерева* или *гуиро* зафиксировано в 12 странах (Мексика, Гондурас, Никарагуа, Чили, Панама, Куба, Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико, Колумбия, Венесуэла, Сальвадор, Перу). Еще более широкое распространение имеет глагол *«botar»* в значении *выгонять, увольнять* (Мексика, Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Панама, Куба, Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико, Колумбия, Венесуэла, Эквадор, Перу, Боливия, Чили, Аргентина). Иными словами, этот глагол распространён в Центральной Америке, в Карибском регионе и большей части Южной Америки. Близкими по своим диатопическим характеристикам являются следующие слова: *parquear* «парковаться», *parqueo* «парковка», *de aventón* — «ездить автостопом», *escampar* «прекращаться (о дожде)».

Инвективная и табуированная лексика, представленная в данной группе словами *«pinga, de pinga»*, распространена в 16 странах (Мексика, Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рика, Панама, Куба, Пуэрто-Рико, Колумбия (северная часть), Венесуэла, Эквадор, Перу, Боливия, Чили, Аргентина).

Подводя итоги, можно заметить, что американизмы, появляющиеся в тексте романа, имеют разнообразные диатопические характеристики. Отмечаются слова с очень широким распространением, охватывающие большую часть Латинской Америки, а также лексика, типичная исключительно для Кубы. Отметим в этой связи, что роман оказывается понятен для подавляющего большинства читателей, при этом значения слов, распространенных только на Кубе, достаточно легко понимаются из контекста. Таким образом, роман легко вписывается в языковые реалии стран Латинской Америки, с одной стороны, а с другой — позволяет ощутить специфические особенности Кубы. Важно также подчеркнуть, что роман дает возможность оценить широкое распространение американизмов.

На втором этапе исследования американизмы анализировались с точки зрения их диастратических особенностей. Оказалось возможным выделить две группы американизмов, связанных с их значением для романа. К первой группе мы отнесли эмотивную лексику, противопоставив её фоновой и пейзажной.

Американизмы, относящиеся к эмотивной лексике, в своем большинстве связаны с отрицательными эмоциями: раздражением, гневом, неудовольствием, которые вызваны познанием современной реальности. Эта лексика появляется во всех главах, создавая сеть, сплетающую весь текст романа. Сюда относятся слова вульгарные, просторечные, табуированные, типичные для неподготовленного устного дискурса и обладающие экспрессивностью. В качестве характерных примеров можно привести следующие слова: *ni timbales* «ни фи́га», *invertido* «голубой», *tomar de estocada* «(выпить) залпом», использующиеся достаточно широко в странах Латинской Америки. К этой группе можно условно отнести также междометия, использующиеся для выражения эмоциональной оценки: *de apaga y vamos, pa'su madre, pal carajo*, при помощи которых создается определенная эмоциональная окраска, характерная для дружеского грубоватого расслабленного общения. Отметим, что приведенные междометия типичны только для Кубы, имеют точечную диатопическую характеристику. В тексте романа отмечается наличие нескольких арготических выражений, которые не фиксирует Словарь американизмов, но их значение объясняют в комментариях специалисты Университета Саламанки. К такого рода американизмам относятся следующие выражения: *bailarse un federal* «укокошить федерала», *estar guardado* «просидеть в тюрьме». Их появление обусловлено темой, местом разговора и характером говорящего. К этой группе также относятся вульгарные слова, типичные для устной речи, как *jamarse, estar salao, comemierda, abrehuecos*, а также лексика табуированная: *estar hasta los timbales, empingarse, de pinga, chingón*. Отметим, что последние три американизма используются широко не только на Кубе. Р. Собрино Триан, рассматривая дисфемизм *pinga* на материале устной речи Кубы настоящего времени, показывает его полисемию и эволюцию [\[24, с. 131-132\]](#), приводящие к стиранию первоначального значения. В нашем тексте «*de pinga*» служит скорее для эмфатизации и стилизации высказывания под неподготовленную устную речь, чем для оскорбления.

Изучение диастратических особенностей в сфере жаргонной и арготической лексики на материале жаргонов Испании (*cheli*) и Латинской Америки (*parlache, lunfardo* и *coa*) свидетельствует о наличии определённых расхождений в их природе, что требует уточнения классификации этой лексики [\[26, с. 305\]](#). Анализ нашего материала позволяет также отметить разнородность эмотивной лексики, мы отмечаем наличие некоторой градации диастратической вариативности: от устно-разговорного уровня до тюремного арга, хотя использование арготических выражений не носит частотного характера.

Тема дружеской поддержки и значения мужской компании проходит через все детективы, в которых появляется Марио Конде. Ностальгические воспоминания о молодости, о несбывшихся мечтах, о потерях последних лет и о надеждах фундаментально важны для романа. Для обозначения важного элемента в этой теме возникает понятие *socio* «друг, приятель», в котором просматривается латинский корень *socius*, означающий «товарищ». Интересно, что в кубинском варианте от этого же корня возникает *sociolismo* «дружеская поддержка» в качестве иронического напоминания об идеологии социализма.

В романе выделяется особая тема, связанная с историей дружбы детектива Марио Конде и собаки по кличке *Basura* (Помойка). Этот пёс ненадолго появляется во всех детективах

Л. Падур, представляя собой такую же константу, как и друзья. Хотя в наиболее ярком виде тема роли собаки в жизни человека получает развитие в романе «Человек, который любил собак» [27], диалог с домашним любимцем занимает особое место и в романе «Прощай, Хемингуэй». Позитивные эмоции, которых в романе мало, появляются при общении с собакой. Известно, что оценки и эмоции не всегда легко разграничить, поскольку зависимость от контекста бывает значительной. Характеризуя своего любимца, автор использует прилагательное *sato*, что представляет собой устную разговорную форму, служащую для негативной оценки человека в кубинском варианте испанского языка («бабник»). Такая оценка своей собаки скорее ироничная и положительная, чем прямая и негативная. Другая оценка *zapatúo* «упертый» также представляет собой американизм, распространенный на Кубе. Таким образом, оказывается, что для описания характера любимой собаки автор выбирает региональные американизмы, распространенные только на Кубе, причем использует их не в прямом значении. Отметим, что Л. Падур, противопоставляя мир Хемингуэя и мир Марио Конде, подчеркивает эту оппозицию, описывая двух собак главных персонажей. Миру американского писателя принадлежит собака по кличке *Black Dog*, он же *Big Dog*, которая имеет позитивную характеристику «*un gran y buen perro*», то есть потрясающая, отличная собака. Отметим частотность и стандартность подобных определений. Марио Конде в диалоге со своим любимцем позволяет себе разговорные грубоватые определения, но от них веет нежностью, а использование кубинских американизмов (*sato*, *zapatúo*) подчеркивает особую привязанность детектива к собаке. Иными словами, для оценки любимого персонажа, собаки, используются американизмы достаточно узкого диалектического характера. Таким образом, диалектические характеристики слова способны служить дополнением, создавая особую диалектическую составляющую.

Важной темой, служащей для создания фона, является описание развлечений в городской среде. Здесь выделяются две подтемы: гастрономическая и спортивная. Гастрономическая лексика представлена разнообразными по своей семантике словами, причем особо значимыми оказываются алкогольные напитки и связанная с ними лексика. Сюда мы относим следующие американизмы: *daiquirí* «дайкири», наименование коктейля, *alcolifán* «ликер домашнего производства», *curda* «алкогольный напиток». Отметим, что дайкири, благодаря Хемингуэю, стало популярным и общеизвестным напитком, причем в настоящий момент этот американизм получил статус интернационального, поскольку это слово распространено как в Европе, так и в Америке. К лексике, связанной с употреблением напитков, можно отнести и *pico (de botella)* «горлышко (бутылки)», характерное для целого ряда стран Карибского бассейна и Южной Америки.

Гастрономическая лексика представлена разнообразными американизмами: (*cazuela de malanga* «маланга», (*helado de mamey* «(мороженое из) мамей», *panetela* «вид бисквита», а также *quimbombó*, *aguacate*, *guayaba*, *tamal*. Это растения, произрастающие на большей части стран Латинской Америки [28], из которых готовят разнообразные блюда. По своей стилистической характеристике они нейтральны, однако в тексте романа они приобретают особый смысл, поскольку их трудно достать, редко можно купить. В романе такого рода лексика оказывается связанной с трапезой среди друзей, с редкой возможностью насладиться вкусной едой в компании. Таким образом, достаточно нейтральная лексика приобретает особый положительный коннотат.

Любимым спортивным мероприятием Гаваны является бейсбол, поэтому лексика, отражающая эту тему, употребляется в романе. *Pelotero* «игрок в бейсбол», *estadio de pelota* «стадион» носят нейтральный характер и имеют широкое распространение в

Латинской Америке. Этот вид спорта популярен во многих странах Карибского региона и Центральной Америки, поэтому диатопическая характеристика отличается широтой распространения: Сальвадор, Никарагуа, Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико, Гондурас, Коста-Рика, Колумбия, Венесуэла. Важнейшим словосочетанием для хода расследования детективного романа является *valla de gallos* «помост для петушиных боев», которое по своим диатопическим характеристикам оказывается весьма широким, поскольку зафиксировано в Центральной Америке, частично в Южной, а также в Карибском регионе. Вся упомянутая лексика имеет стилистически нейтральный характер. Сходны по своей диастратической характеристике американизмы, относящиеся к группе наименований флоры; они также нейтральны и служат для пейзажного описания: *casuarina* «казуарина» (дерево), *tamey* «мамей» (дерево), *malanga* «танния».

Анализ американизмов и национальных вариантов испанского языка с точки зрения их диастратической вариативности встречается не так часто, как диатопический. Между тем, язык не существует без эмоционально-оценочной составляющей, связанной не только с распределением по социальным стратам, но и с передачей оттенков и нюансов оценки различными способами. Анализ американизмов в романе Л. Падурсы даёт возможность выявить разнообразную лексику, служащую как для создания эмоционально-оценочного поля, так и для фонового описания страны в различных проявлениях. Природа, разнообразные развлечения, гастрономия создают фон с различными оттенками: от нейтральных до позитивных, которые позволяют ярче увидеть основные темы.

Заключение

Внешняя реальность Латинской Америки оказывает значительное влияние на внутреннюю структуру испанского языка, вызывая вариативность на всех его уровнях, при этом лексические американизмы наиболее ярко позволяют увидеть движение в диасистеме. Американизмы на страницах романа Л. Падурсы «Прощай, Хемингуэй» отражают многообразие разновидностей этой лексики. Фиксируется своеобразие палитры диатопических характеристик, вызванных расширением и размыванием границ употребления американизмов. Старые карты зонального деления не могут отразить современное состояние вариативности, они оказываются полезными лишь для достаточно узкого слоя слов. Вместе с тем отмечается наличие американизмов, типичных только для Кубы.

Внимание к диастратической вариативности американизмов позволяет наметить пути изучения лексики в связи с изменением системы страт в обществе, а также способности эмотивной лексики передавать различные дополнительные значения в зависимости от диатопических характеристик. Л. Падурса использует на страницах романа широкий диапазон американизмов особой диастратической характеристики, которые дают возможность передать разнообразные оценки, создающие неповторимое настроение, ритм и стиль современной Гаваны.

Изучение американизмов в романах Л. Падурсы может быть продолжено в нескольких направлениях, позволяющих понять природу этого явления, частотность появления и значимость для разных детективов этого автора.

Библиография

1. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки. М.: Едиториал УРСС, 2004. EDN: QQUPLV.
2. Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.: Ленанд, 2022.
3. Фирсова, Н. М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. М.: Ленанд,

2020.

4. Садиков А. В. Испанский язык сквозь призму лексики. Лексикология испанского языка. М.: Ленанд, 2023.
5. Карпина Е. В. Специфика диалектного членения испанского языка как отражение языковой ситуации в испаноязычном мире // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 2. С. 11-20. EDN: QBWSJD.
6. Михеева Н. Ф. К вопросу о классификации диалектов современного испанского языка // Вопросы иберо-романской филологии: Сборник статей. Вып. 7 (юбилейный). Посвящается 80-летию профессора В.С. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 177-183.
7. Henríquez Ureña P. Observaciones sobre el español de América // Revista de Filología Española. Madrid, 1921. № 8. P. 357-390.
8. Cuervo P. J. El castellano en América // Bulletin Hispanique. 1901. N 3. Pp. 35-62.
9. Alonso A. Examen de la teoría indigenista de Rodolfo Lenz // Revista de Filología Hispánica. 1939. № 1. P. 331-350.
10. Catalán D. Génesis del español atlántico. Ondas varias a través del océano // Revista de historia canaria. 1958. P. 123-124, 233-242.
11. Alonso Ares G., Díaz Blanco R. E., Fernández Chamorro P. (Eds.) El mundo hispánico y su legado: raíces, desarrollo y proyección. León: Universidad de León, 2024.
12. Aleza Izquierdo M., Enguita Utrilla J. M. La lengua española en América: normas y usos actuales. Valencia: Universidad de Valencia, 2010.
13. Rona J. P. Aspectos metodológicos de la dialectología hispanoamericana. Montevideo: Facultad de Humanidades y Ciencias de la Universidad de la República, 1958.
14. Buesa Oliver T. Indoamericanismos léxicos // Hernández, César (coord.) Historia y Presente del Español de América: Junta de Castilla y León/Pabecal, 1992. P. 169-199.
15. Diccionario de americanismos. Asociación de Academias de la lengua española. URL: <https://www.asale.org>.
16. Zimmermann K. Diccionarios diatricos en Hispanoamérica: entre la descripción científica y el diletantismo // Wotjak, Gerd y Klaus Zimmermann (eds.) Unidad y variación léxicas del español de América. Madrid-Frankfurt: Iberoamericana Vervuert, 1994. Pp. 105-132.
17. Blanco, C. El factor diatópico en los diccionarios para la enseñanza del español: logros y retos. Las gramáticas y los diccionarios para la enseñanza como segunda lengua. Actas del XV Congreso Internacional de ASELE. Sevilla, 2004. P. 173-180.
18. Fraseología y variedades diatópicas. Coord. Berty K., Mellano Blanco, Olza Moreno. Navarra: Ediciones Universidad de Navarra, S.A., 2018.
19. Estermann J. Hermenéutica diatópica y filosofía andina // Revista FAIA. 2017. Vol. 6. N 27.
20. Weber, É. La variación diatópica del léxico: el caso de agregar y añadir en España e Hispanoamérica // Revista sobre investigaciones léxicas. 2025. Vol. 8. N 1. P. 93-121.
21. Rocha Ochoa, C.O. ¿Glosarios, diccionarios o ChatGPT? Los recursos lexicográficos ante la variación terminológica y diatópica en el ámbito económico // Revista Nebrija de Lingüística aplicada a la enseñanza de Lenguas. 2025. P. 67-91.
22. Padura L. Adiós, Hemingway. Barcelona: TusQuets, Maxi-Tusquets, 2014.
23. Padura L. Adiós, Hemingway. Lecturas ELE. C3. Universidad de Salamanca, TusQuets Editores, S.A., 2003.
24. Sobrino Triana, R. "¿Qué pinga es esto?". Usos disfemísticos en el español de Cuba // Romanica Olomucensia. 2021. № 33/1. P. 119-134. DOI: 10.5507/ro.2021.007 EDN: CELWNG.
25. Valdés Bernal S. Las lenguas indígenas de América y el español de Cuba. La Habana: editorial Academia, 1991.

26. Macías Couso A. Caracterización tipológica de cheli, parlache, lunfardo, y coa dentro de la variación lingüística // Pragmalinguística. 2024. № 32. P. 289-310.

27. Padura L. El hombre que amaba a los perros. México: TusQuets, 2012.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена лингвистическому анализу американизмов в художественном тексте — детективном романе кубинского писателя Леонардо Падуры. Автор рассматривает американизмы как проявление диатопической и диастратической вариативности испанского языка, выявляя их функции в создании национального колорита, эмоциональной окраски и социального фона повествования.

Исследование выполнено с применением комплексного подхода, сочетающего контент-анализ художественного текста, сравнительно-сопоставительный метод и обращение к авторитетным лексикографическим источникам — в первую очередь к «Словарю американизмов» ASALE, а также к учебному изданию романа с комментариями Университета Саламанки. Особое внимание уделяется классификации лексики по географическому распространению (Куба, Карибский регион, вся Латинская Америка) и социальному статусу (разговорная, вульгарная, арготическая, нейтральная). Особенно хочется отметить подробную классификацию американизмов, основанную на диатопической характеристике слова.

Тема актуальна в контексте растущего интереса к лингвокультурной специфике национальных вариантов испанского языка и роли региональной лексики в художественной литературе. Анализ романа Падуры, одного из ключевых авторов современной кубинской прозы, позволяет глубже понять, как язык отражает социальные реалии, историческую память и культурную идентичность.

Новизна работы не вызывает сомнений и заключается в системном сопоставлении диатопических и диастратических характеристик американизмов в рамках одного художественного произведения. Особенно ценно выявление случаев, когда узкокубинская лексика используется не буквально, а с иронической или эмоционально-оценочной нагрузкой (например, при описании собаки). Это демонстрирует тонкую стилистическую работу автора и расширяет понимание функций регионализмов в литературе.

Статья четко и логично структурирована, характеризуется логичным изложением и высоким теоретическим уровнем. Материал систематизирован по группам, каждая из которых проиллюстрирована конкретными примерами из текста. Работа написана хорошим научным языком и не перегружена терминологией, что делает работу доступной для широкого круга филологов.

Список источников, составивших теоретическую и эмпирическую базу исследования, обширный и релевантный. Он включает как классические труды по вариативности испанского языка (Степанов, Фирсова, Рона), так и современные публикации и авторитетные словари, включая онлайн-ресурсы ASALE. Это свидетельствует о теоретической значимости и практической ценности исследования.

Автор корректно ссылается на критику лексикографических работ (например, неточности в «Словаре американизмов») и признаёт ограниченность традиционных зональных классификаций. Это демонстрирует научную рефлексивность и открытость к дискуссии.

Статья представляет значительный интерес для лингвистов, литературоведов, преподавателей испанского языка и переводчиков. Она не только углубляет понимание романа Падуры, но и предлагает методологическую модель анализа региональной лексики в художественных текстах. Работа может стать основой для дальнейших исследований творчества Падуры и других латиноамериканских авторов.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шашкова В.Н. К вопросу о разграничении функциональных аналогов, служащих средством номинации участкового уполномоченного, в английском языке // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76477 EDN: JDLNXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76477

К вопросу о разграничении функциональных аналогов, служащих средством номинации участкового уполномоченного, в английском языке

Шашкова Валентина Николаевна

ORCID: 0000-0003-0977-3061

кандидат филологических наук

профессор; кафедра иностранных и русского языков; Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова

302000, Россия, Орловская обл., г. Орёл, ул. Трудовых резервов, д. 6, кв. 1



✉ valentina.shash@mail.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76477

EDN:

JDLNXH

Дата направления статьи в редакцию:

28-10-2025

Аннотация: В статье рассматриваются варианты перевода специфической для России правовой реалии – участкового уполномоченного полиции – и выявлены основания для признания варианта «a community police officer» в качестве оптимального функционального аналога. Цель исследования – определить наиболее адекватный функциональный аналог термина «участковый уполномоченный полиции» в английском языке. Объектом исследования выступает институт участкового уполномоченного полиции в Российской Федерации и потенциальные функциональные аналоги вербализации этого концепта в английском языке. Предметом исследования являются лексико-семантические и функциональные характеристики пяти английских терминов – a divisional inspector, a precinct officer, a beat officer, a community police officer, a local police officer – в сопоставлении с ключевыми признаками российского понятия «участковый уполномоченный полиции». Методологическую основу исследования

составляют лексикографический анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, функционально-сопоставительный анализ, статистический анализ частотности употребления выявленных аналогов. Исследование показало, что прямого эквивалента российскому термину «участковый уполномоченный полиции» в английском языке нет, однако наибольшую функциональную близость демонстрируют термины «a beat officer» и «a community police officer». С учётом современных тенденций в правоохранительной деятельности, ориентированных на взаимодействие с сообществом, наиболее адекватным аналогом выступает a community police officer. Выбор конкретного термина в переводе должен определяться контекстом, географическим регионом и коммуникативной целью. Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении институциональной роли российского участкового уполномоченного полиции с англоязычными полицейскими должностями на основе выделенного набора функциональных признаков. Результаты могут быть использованы при подготовке официальных переводов нормативных, информационных и дипломатических документов, касающихся правоохранительной деятельности, а также в учебном процессе образовательных организаций МВД России для точной передачи ролевых функций российских участковых при взаимодействии с иностранными коллегами.

Ключевые слова:

функциональный аналог, лексико-семантический вариант, терминологическая система, референциальная область, семантический признак, интегральный семантический признак, дифференциальный семантический признак, комплексная номинативная единица, компонентный анализ, денотативная матрица

Введение

Понятие «функциональный аналог» традиционно используется в переводоведении как один из методологических подходов к передаче реалий [\[1, с. 85; 2, с. 39\]](#). В этой статье мы используем этот термин применительно к переводу на английский язык отдельных терминологических единиц семантического поля административного права, применяя его к обозначению участкового уполномоченного полиции. При этом мы выходим за рамки переводоведения и обращаемся к лексикологии, рассматривая семантику функциональных аналогов и их потенциальную взаимозаменяемость.

Мы понимаем функциональный аналог как языковую единицу в языке-переводе, которая не совпадает с оригиналом по форме, но выполняет схожую функцию, обозначает сопоставимое понятие или явление в соответствующей референциальной области и может использоваться для передачи смысла исходного элемента в условиях отсутствия прямого эквивалента. В лексикологическом смысле функциональный аналог — это единица в терминологической системе одного языка, которая по своему назначению, роли или содержанию соответствует единице другой системы, даже если между ними нет прямого лексического или структурного соответствия.

Актуальность исследования вопроса о поиске функциональных аналогов в английском языке для наименования участкового уполномоченного полиции обусловлена рядом лингвистических, социокультурных и правовых факторов.

Термины — это «метаязыковые единицы» [\[3, с. 15\]](#) для описания концептов определённой

научно-профессиональной области. Правовые и правоохранительные институты общества формируются в рамках национальных традиций. Многие правовые реалии, такие как участковый уполномоченный полиции в России, не имеют точных аналогов в других странах [\[4, с. 5\]](#). В таких случаях прямой перевод невозможен, и именно функциональный аналог позволяет передать суть института, его роль и компетенцию в понятной для целевой аудитории форме.

В условиях усиления международного сотрудничества в сфере правоохранительной деятельности (включая обмен опытом, совместные операции, подготовку переводчиков в правоохранительной деятельности) возникает необходимость точной передачи специфических правовых и административных реалий одной страны на языке другой страны. Участковый уполномоченный – это уникальная фигура российской системы, не имеющая прямого эквивалента в англоязычных странах. Участковый уполномоченный полиции по своим обязанностям сочетает в себе функции административного надзора, профилактики правонарушений, взаимодействия с населением на закреплённой территории и ведение учёта лиц, состоящих на профилактическом учёте.

Широкий спектр обязанностей, выполняемых участковым уполномоченным полиции, делает поиск функционального аналога для имени концепта особенно актуальным. Институт участкового уполномоченного полиции представляет собой сочетание административных, профилактических и правоохранительных функций, привязанных к строго определённой географической территории – участку. В англоязычных странах подобные функции распределены между различными должностями и структурами, что обуславливает требование не дословного перевода, а поиска функционально близкого аналога. При этом неточное наименование официального лица может привести к искажению смысла. Для англоязычной аудитории важно понимать, кто такой участковый – не просто полицейский, а специалист, работающий на конкретной территории и взаимодействующий с гражданами на постоянной основе. Это требует подбора термина, максимально приближенного по функционалу и восприятию.

Для того, чтобы определить оптимальный вариант, соответствующий понятию «функциональный аналог», мы провели лексикографическое исследование. На первом этапе исследования мы обратились к нормативным правовым актам, Федеральному закону «О полиции» (ФЗ - 3 от 07.02.2011) и Приказу МВД России № 205 от 29 марта 2019 года «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», в которых выявили те компоненты описания профессии, которые являются основополагающими для номинации. На втором этапе проводился анализ словарных дефиниций каждого варианта в авторитетных толковых словарях английского языка для выявления семантических признаков, лежащих в основе номинации каждой единицы, используемой для обозначения участкового уполномоченного полиции. Третьим этапом исследования стал анализ частотности употребления рассматриваемых терминологических единиц в ключевых словах с использованием сайта eLibrary.ru.

Результаты исследования

Согласно российскому законодательству (ФЗ «О полиции» и Приказу МВД России № 205 от 29 марта 2019 года «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»), участковый уполномоченный полиции — это полицейский, закреплённый за конкретным

административным участком (территорией). Он осуществляет профилактику правонарушений, приём граждан, взаимодействие с населением, контроль за соблюдением общественного порядка; имеет непосредственный контакт с жителями, ведёт учёт поднадзорных лиц и профилактическую работу с лицами, состоящими на учёте. Участковый уполномоченный не является следователем или оперативником, но может участвовать в первоначальных действиях при происшествиях под их началом. Не командует подразделением, а действует индивидуально на закреплённой территории (ст. 9.1 - 9.7). Кроме того, участковый уполномоченный принимает участие в предупреждении беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, розыске лиц, обеспечении хранения (сохранности) гражданского, служебного боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан (ст. 10.1-10.6). Обзор обязанностей участкового уполномоченного полиции, отражённых в специализированном нормативном правовом акте, позволил нам выявить ключевые признаки, важные для выбора средства номинации. К таковым мы отнесли *территориальную привязку (участок), профилактическую и административную функции, постоянное присутствие на местах, работу с населением, низкий уровень полицейской иерархии* (подчинение следователю и/или оперуполномоченному полиции).

Далее для выбора оптимального функционального аналога мы провели лексикографический анализ пяти английских терминов — *a divisional inspector, a precinct officer, a beat officer, a community police officer, a local police officer* — с использованием авторитетных словарей: Cambridge English Dictionary (CED)^[5], Oxford Learner's Dictionary (OLD)^[6], Macmillan Dictionary (MD)^[7], Merriam-Webster Dictionary (MW)^[8] и The Free Dictionary (TFD)^[9]. Цель — выявить семантические признаки (интегральные и дифференциальные) и построить денотативную матрицу, после чего определить, какой из терминов наиболее точно соответствует русскому понятию «участковый уполномоченный полиции».

Анализ словарных дефиниций на первом этапе проводился дифференцированно для каждой номинативной единицы.

A divisional inspector

CED: Словарь не содержит отдельной статьи. В контексте британской полиции — офицер, отвечающий за подразделение, охватывающее несколько участков (a police division).

OLD: Номинативная единица не зафиксирована как отдельный термин.

MD: Номинативная единица не зафиксирована как отдельный термин.

MW: Номинативная единица не зафиксирована как отдельный термин.

TFD: Упоминается в контексте «British police rank»: выше сержанта (a sergeant), ниже старшего инспектора (a chief inspector); отвечает за административно-территориальную единицу, включающую несколько участков (a division).

Семантическими признаками, выявленными на основе компонентного анализа дефиниций в словарях, являются полицейский чин, руководящая должность, ответственность за крупную территориальную единицу, преобладание управленческих функций над контактной работой с населением. С учётом выявленных семантических признаков можно заключить, что номинативная единица «a divisional inspector» не соответствует русскому понятию «участковый уполномоченный полиции».

A precinct officer

CED: Номинативная единица не зафиксирована как отдельный термин.

OLD: Номинативная единица не зафиксирована как отдельный термин.

MD: Номинативная единица не зафиксирована как отдельный термин.

MW: Не содержит прямой дефиниции «precinct officer», но *a precinct* — полицейский участок (в США), здание или территория, обслуживаемая одним отделением полиции.

TFD: Упоминается в значении *an officer assigned to a police precinct* (офицер, закреплённый за участком полиции); в США — полицейский, работающий в рамках конкретного участка / отделения (*a precinct*).

Семантические признаки, выявленные в качестве характеризующих лексему «*a precinct officer*», — это привязка к полицейскому участку (*a precinct*), функционально заложенная возможность выполнения таких задач, как патрулирование и реагирование на вызовы.

Как показывает анализ словарных дефиниций, термин «*a precinct officer*» не устоялся в британском английском. В американском варианте английского *a precinct officer* — это обобщённое обозначение любого сотрудника данного отделения (включая дежурных, детективов и т.д.). Ещё один существенный момент заключается в том, что толковые словари чётко не отражают функции индивидуального закрепления за территорией и профилактической работы с населением. Таким образом, можно сделать заключение о том, что этот англоязычный вариант лишь частично пересекается с терминологической единицей на русском языке, но не отражает специфику участкового.

A beat officer

CED: Не содержит отдельной статьи с заглавным компонентом «*a beat officer*», но *a beat* — обычный маршрут или район, патрулируемый сотрудником полиции.

OLD: *a beat* — территория, которую регулярно обходит сотрудник полиции для защиты.

MD: *a beat* — район, за патрулирование которого отвечает сотрудник полиции.

MW: *a beat* — территория, регулярно патрулируемая полицейским; *a beat officer* (дежурный офицер) — офицер, назначенный для патрулирования определенной территории.

TFD: *a beat officer* — сотрудник полиции, которому поручено патрулировать определённый район пешком или на автомобиле; часто является первым контактным лицом для местных жителей.

В основе номинации выявили следующие признаки: закрепление за конкретной территорией (*beat*), регулярное патрулирование (часто пешком), контакт с населением (первое контактное лицо для граждан), профилактика правонарушений.

Как показывает набор семантических признаков, акцент в этой номинативной единице, входящей в терминологическое поле наименований полицейских профессий, сделан на регулярном присутствии на территории.

В англоязычных странах *a beat officer* — ближайший аналог участкового уполномоченного полиции по функциям. При этом отметим, что изначально эта лексическая единица появилась в Великобритании. Частотность её употребления в

Великобритании значительно выше, чем в США. Это тот случай, когда территориальная специфика употребления номинативной единицы должна быть учтена.

A local police officer

CED: Словарь не содержит отдельной статьи *local police officer*, но *local police* — полицейские силы, отвечающие за конкретный город или район (в отличие от национальной полиции).

OLD: Словарь не фиксирует *local police officer* как устойчивое словосочетание, но *local* + *police officer* понимается как сотрудник, работающий в определённом городе или районе.

MD: *A local police officer* — сотрудник местного подразделения полиции.

MW: Словарь не содержит прямой дефиниции, но в примерах встречаются случаи актуализации комплексной номинативной единицы: «*Local police officers responded to the scene.*» — Сотрудники муниципальной / городской полиции прибыли на место происшествия.

TFD: Номинативная единица «*local police*» определена как правоохранительный орган, действующих в пределах города, поселковой администрации или округа. *A local police officer* — сотрудник, нанятый таким учреждением.

Как показывают словарные дефиниции, рассматриваемый термин не обозначает конкретную роль, а указывает на принадлежность к местной (не федеральной/национальной) полиции. Может быть патрульным, детективом, диспетчером и т.д. Семантика этой номинативной единицы максимально широкая. И основа номинации — принадлежность местному подразделению полиции. Функциональные обязанности не являются дифференциальным признаком лексемы.

A community police officer

CED: Словарь не содержит отдельной статьи для заглавной единицы «*A community police officer*», но *community policing* — система охраны правопорядка, которая фокусируется на налаживании связей и тесном сотрудничестве с членами сообщества.

OLD: *A community police officer* — сотрудник полиции, чья работа заключается в работе с местными жителями для предотвращения преступлений и повышения безопасности в определённом районе.

MD: *A community police officer* — сотрудник полиции, которому поручено выстраивать отношения с жителями и решать местные проблемы посредством регулярного присутствия и взаимодействия.

MW: Словарь не фиксирует комплексную номинативную единицу, но в разделе *community policing* дано определение: философия, которая продвигает организационные стратегии, поддерживающие систематическое использование партнёрских отношений и методов решения проблем для активного решения проблем общественной безопасности. Соответственно, *a community police officer* — это человек, практикующий такую философию.

TFD: *A community police officer* — это профессиональный сотрудник правоохранительных органов, занимающийся укреплением доверия, предотвращением преступлений и решением проблем соседей посредством прямого и постоянного контакта с

общественностью.

Таким образом, словарные дефиниции позволяют заключить, что *a community police officer* — это функциональная роль, основанная на партнёрстве с сообществом и регулярном присутствии на закреплённой территории, связанная с профилактикой преступности.

Проведённый анализ словарных дефиниций выявил приоритет термина *a community police officer* для номинации участкового уполномоченного как наиболее полного функционального аналога в современном англоязычном дискурсе с учётом эволюции полицейских моделей взаимодействия с гражданами от патрулирования к сообщество-ориентированной деятельности. Результаты анализа словарных дефиниций представлены в Таблице 1.

Семы лексемы	A divisional inspector	A precinct officer	A beat officer	A local police officer	A community police officer
1. Территориальная привязка	+	+	+	+	+
2. Регулярное патрулирование пешком / на транспорте	+/- возможно	+/- возможно	+/- возможно	+/- зависит от должности	+
3. Прямой контакт с населением как основная функция	-	-	+	+/-	+
4. Профилактическая работа	-	+/- частично	+	+/- зависит от должности	+
5. Низший уровень иерархии должностей	- среднее / высшее звено	+/- зависит от должности	+	+/- зависит от должности	+
6. Акцент на работе с конкретным сообществом (жильцами, бизнесом и т.д.)	+/- возможно	+/- возможно	+	+/- возможно	+

Таблица 1. Денотативная матрица, отражающая семантические признаки номинативных единиц: *a divisional inspector*, *a precinct officer*, *a beat officer*, *a local police officer*, *a community police officer*.

Как видно из денотативной матрицы, максимально близкими к понятию «участковый уполномоченный полиции» в английском языке выступают два термина: *a beat officer* и *a community police officer*. *A beat officer* исторически и лексикографически ближе к идее

патрулирования конкретной территории, но все выявленные семантические признаки представлены именно в номинативной единице «a community police officer». В ней явно зафиксирована в словарях функциональная роль, а не просто принадлежность к подразделению, отражён акцент на долгосрочных отношениях с населением. Кроме того, отмечаем закрепление за определённой территорией, являющейся аналогом административного участка (*neighbourhood*), а также профилактические и посреднические функции, близкие к обязанностям российского участкового. Поэтому можно заключить, что наиболее полный и функционально адекватный эквивалент русского термина «участковый уполномоченный полиции» в современном английском языке — *a community police officer*. Если контекст требует подчеркнуть территориальное патрулирование (например, в историческом или оперативном описании), уместно использовать *a beat officer* с пояснением при первом упоминании.

В отношении стилового расслоения рассматриваемых терминов можно заключить, что в официальных документах может быть уместен более формальный термин (например, *a community police officer*), в то время как в СМИ допустим более разговорный вариант — *a beat officer*. Для англоязычной аудитории, знакомой с концепцией *community policing* (особенно в Великобритании, Канаде и Австралии), термина *community police officer* будет наиболее понятен и функционально близок. В США часто употребляется *a beat officer*, особенно в историческом и урбанистическом контексте.

На третьем этапе исследования мы обратились к сайту eLibrary, на котором провели поиск по ключевым словам к научным публикациям. Это было обусловлено тем, что русскоязычный термин отражает реалию, характерную для нашей страны, поэтому в узкой среде специалистов, работающих над проблемами совершенствования административной деятельности участкового уполномоченного полиции, мог быть выбран вариант, который наиболее полно отражает на английском языке содержание концепта «участковый уполномоченный полиции».

Термин «a divisional inspector» встретился в ключевых словах к научным публикациям 11 раз, при этом три употребления были связаны с актуализацией исторического лексико-семантического варианта «полицейский урядник». Термин «a precinct officer» был использован 18 раз. Термин «a beat officer» встретился 8 раз, но здесь необходимо отметить, что все статьи принадлежат одному автору — С. Н. Савраскину (статьи с 2015 года по 2024 год [\[10; 11\]](#)). Единое авторство всех случаев употребления не позволяет говорить о распространённости этого функционального аналога. Номинативная единица «a local police officer» насчитывает 28 случаев употребления, которые непосредственно связаны с работой полиции. Из них 24 употребления имеют «референциальную отнесённость» [\[12, с. 227\]](#) к полицейским в США, работающим в университетских кампусах и выполняющих функцию охраны общественного порядка.

Таким образом, отсутствие единообразного функционального аналога для участкового уполномоченного полиции объясняется как отсутствием прямого институционального соответствия в англоязычных правоохранительных системах, так и разнородностью академических подходов к терминологическому моделированию исторических полицейских ролей. До настоящего времени в научной литературе не выработано устойчивого, общепринятого термина, адекватно передающего функциональную и историческую специфику русского термина «участковый уполномоченный».

Выводы

Проведённое лексикографическое и функционально-семантическое исследование показало, что прямого эквивалента российскому «участковому уполномоченному полиции» в английском языке не существует, что обусловлено различиями в правоохранительных моделях англоязычных стран и России.

При сопоставлении функциональных обязанностей российского участкового уполномоченного полиции и англоязычного «а community police officer» выявляются существенные неучтённые или слабо представленные аспекты в семантике последнего. Эти расхождения обусловлены как различиями в правовых системах, так и спецификой административно-полицейской модели в России. Так, участковый ведёт официальный учёт поднадзорных лиц (например, ранее судимых, состоящих на профилактическом учёте, лиц, склонных к правонарушениям), что является формализованной процедурой, закреплённой в приказах МВД. В англоязычной модели «а community police officer» подобная систематическая регистрация и контроль за конкретными категориями граждан не предусмотрены — работа носит скорее превентивный характер, без ведения обязательных учётных документов.

Согласно Приказу МВД № 205, участковый обязан осуществлять проверки условий хранения гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов и патронов у частных лиц. Эта функция полностью отсутствует в описании деятельности «а community police officer» в словарях и официальных источниках англоязычных стран. Хотя «а community police officer» может взаимодействовать с молодёжью, в России участковый выполняет конкретные административные и профилактические меры в рамках межведомственного взаимодействия (с органами опеки, школами, отделами по делам несовершеннолетних), включая постановку на учёт и регулярные проверки. В англоязычной модели такие полномочия, как правило, делегированы специализированным службам (социальным работникам), а не полицейскому общего профиля.

Участковый уполномоченный полиции участвует в розыске лиц, скрывающихся на его территории. Задача розыска в англоязычных странах обычно возлагается на специализированные подразделения, а не на сотрудника, работающего с сообществом.

Таким образом, «а community police officer» отражает социально-профилактическую и коммуникативную суть деятельности участкового, но не включает ряд формализованных административно-контрольных и учётных функций, характерных именно для российской модели. Это делает термин функционально близким, но не полностью эквивалентным в юридическом и институциональном смысле.

Выбор конкретного термина зависит от следующих факторов: функционального сходства, географического и правового контекста, стилистической и регистровой окраски, целевой аудитории и политико-социальной коннотации. Нами были отобраны следующие пять комплексных номинативных единиц, которые могут быть использованы для обозначения участкового уполномоченного полиции и часто встречаются в учебных материалах образовательных организаций МВД России. К таковым относятся следующие единицы: *a divisional inspector*, *a precinct officer*, *a beat officer*, *a community police officer*, *a local police officer*. Так, наиболее близкими по функциям к участковому уполномоченному являются *a beat officer* и *a community police officer*, так как оба сотрудника полиции, называемые рассматриваемыми номинативными единицами, работают на определённой территории (*a beat* – патрулируемый участок) и взаимодействуют с местным населением, участвуют в профилактике и решении бытовых конфликтов. *A precinct officer* чаще используется в США и связан с работой полицейского участка (*precinct*), но не

обязательно подразумевает регулярный контакт с населением на бытовом уровне. А *divisional inspector* – британский термин, обозначающий сотрудника полиции более высокого ранга, чем в США, отвечающего за административный район. Это скорее руководитель, чем рядовой сотрудник. А *local police officer* – слишком общий термин, не отражающий специфики функций.

Однако при сравнительном анализе пяти рассматриваемых номинативных единиц выявлены два термина, обладающих наибольшей степенью функциональной близости: а *beat officer* и а *community police officer*.

Первый — а *beat officer* — исторически отражает идею территориального закрепления и регулярного патрулирования, что созвучно административно-территориальному принципу работы участкового. Второй — а *community police officer* — в большей степени соответствует современному пониманию профилактической, коммуникативной и социально ориентированной роли участкового, особенно в контексте концепции *community policing*, получившей широкое распространение в Великобритании, Канаде, Австралии и всё чаще — в США.

На основе анализа ключевых семантических признаков, словарной фиксации и функционального соответствия можно сделать вывод: наиболее полным и адекватным функциональным аналогом русского «участкового уполномоченного полиции» в современном английском языке является а *community police officer*. В то же время а *beat officer* сохраняет релевантность в исторических, оперативных или географически специфичных контекстах, где акцент делается на физическом присутствии на территории.

Таким образом, переводческая стратегия должна быть контекстуально гибкой: выбор термина определяется не только лингвистическими, но и правовыми, социокультурными и прагматическими факторами. Для обеспечения максимальной точности и избежания смысловых искажений рекомендуется при первом упоминании использовать пояснительную конструкцию — например, *community police officer (a police officer assigned to a specific neighbourhood with responsibilities for crime prevention and public engagement, functionally similar to a Russian участковый уполномоченный)*.

В конечном счёте, адекватная передача институциональной реалии «участкового» на английский язык возможна лишь через функциональную адаптацию, а не буквальный перевод, что подтверждает необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего лингвистику, юрислингвистику и сравнительное правоохранительное знание.

Библиография

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непере译имое в переводе. 4-е изд. М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
2. Верба М. А., Нечипорук Т. В. Функциональный аналог как способ перевода реалий в произведении Э. Л. Конигсбург "Из архива миссис Базиль Э. Франквайлер, самого запутанного в мире" // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 03 (83). С. 38-43. EDN: ULRHBZ.
3. Александрова Т. А. Выбор стратегии перевода реалий в юридических текстах (на примере английского языка) // Теория и практика профессионально ориентированного языкового обучения: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Саратов, 24 марта 2025 года. Саратов: Саратовский военный ордена

Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, 2025. С. 5-9. EDN: IMCXKO.

4. Cambridge Online Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.

5. Cambridge Online Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.

6. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

7. MacMillan Dictionary. URL: <https://www.macmillanenglish.com/ru/dictionary/>.

8. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.

9. The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>.

10. Савраскин С. Н. Роль участковых уполномоченных полиции в предупреждении рецидивной преступности // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1. С. 26-30. EDN: TXNWVB.

11. Савраскин С. Н. Правовое регулирование деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений // Правоохранительные органы: теория и практика. 2024. № 2(47). С. 47-51. EDN: PUUOAK.

12. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «К вопросу о разграничении функциональных аналогов, служащих средством номинации участкового уполномоченного, в английском языке» представляет собой глубокое и методологически выверенное исследование в области лексикологии, переводоведения и юридической лингвистики. Автор ставит перед собой задачу определить наиболее адекватный функциональный аналог русскому термину «участковый уполномоченный полиции» в английском языке. Работа опирается на междисциплинарный подход, объединяющий лингвистический, социокультурный и правовой анализ, что придаёт исследованию академическую значимость и практическую направленность.

Предмет исследования очерчен чётко: выявление семантических, функциональных и институциональных эквивалентов российского термина в англоязычном пространстве. Методологическая база впечатляет полнотой и системностью. Автор выстраивает исследование в три этапа: анализ нормативных правовых актов, лексикографический анализ номинативных единиц в ведущих словарях английского языка, а также частотный анализ употребления терминов в научных публикациях на платформе eLibrary.ru. Такой подход демонстрирует владение современными методами корпусной и компонентной семантики, а также умение сочетать дескриптивный и эмпирический анализ. Использование денотативной матрицы, отображающей интегральные и дифференциальные семы, усиливает аргументативную составляющую и придаёт исследованию строгий аналитический характер.

Актуальность темы несомненна. В эпоху глобализации, активного взаимодействия правоохранительных органов и роста международных образовательных программ по юридическому переводу вопрос функциональной эквивалентности профессионально-правовых терминов приобретает особую значимость. Российская институциональная реальность (в частности, фигура участкового уполномоченного) не имеет прямого аналога в англоязычных странах, что порождает переводческие и интерпретационные

трудности. Автор убедительно показывает, что именно функциональный подход, а не формально-лексический, обеспечивает адекватную передачу значения при переводе терминов такого рода.

Научная новизна статьи заключается в комплексном сравнении пяти возможных английских номинативных единиц — *a divisional inspector*, *a precinct officer*, *a beat officer*, *a community police officer*, *a local police officer* — с русским понятием «участковый уполномоченный полиции» на основе многоуровневого семантического и частотного анализа. Вывод о том, что наиболее полным функциональным аналогом является *a community police officer*, а *a beat officer* допустим в определённых контекстах, представляется логически выверенным и обоснованным. Отдельно стоит отметить, что автор не ограничивается лингвистическим сопоставлением, но выявляет институциональные несоответствия, объясняя, почему прямой эквивалент невозможен в силу различий в полицейских моделях и административных практиках.

Статья отличается продуманной структурой и строгим академическим стилем. Введение логично подводит к постановке проблемы, далее следуют аналитические разделы с поэтапным изложением хода исследования и аргументацией выводов. Результаты оформлены в виде таблицы, которая способствует визуализации семантических различий и делает текст доступным для восприятия. Язык работы ясен, точен, выдержан в научно-объективном тоне. Цитирование оформлено корректно, ссылки на источники релевантны. Библиография включает как отечественные, так и англоязычные источники, что подтверждает комплексный характер исследования. Однако можно отметить дублирование пункта [4] и [5] в списке литературы (оба — *Cambridge Dictionary*), что целесообразно исправить в финальной версии.

К сильным сторонам статьи относится сочетание теоретического и прикладного анализа, опора на актуальные нормативные документы (ФЗ «О полиции», Приказ МВД № 205), привлечение лексикографических данных из пяти авторитетных словарей, а также включение материалов из академических публикаций. Автор демонстрирует глубокое знание предметной области, владение современным научным аппаратом и методологическую зрелость. Особую ценность представляют сопоставительные наблюдения о различиях между российской и англоязычной моделями правоохранительной деятельности, что позволяет взглянуть на проблему функциональной эквивалентности шире, чем в узколингвистических рамках.

В целом работа представляет собой законченный, логически выстроенный и научно состоятельный труд, выполненный на высоком профессиональном уровне. Она будет интересна специалистам в области переводоведения, юридической лингвистики, сравнительного правоведения, а также преподавателям и переводчикам, работающим с юридическими текстами. Статья вносит весомый вклад в развитие теории функциональных аналогов и демонстрирует пример успешного применения междисциплинарного подхода в решении конкретной переводческой проблемы. Полагаем, ее можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пак Л.Е. Лингвоаксиологические аспекты спортивного интернет-дискурса (на примере спортивных электронных СМИ России и США) // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.75580 EDN: IZLOIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75580

Лингвоаксиологические аспекты спортивного интернет-дискурса (на примере спортивных электронных СМИ России и США)

Пак Леонид Евгеньевич

ORCID: 0000-0003-2181-0259

кандидат филологических наук

доцент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения; Владивостокский государственный университет

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Гоголя, 41, ауд. 5517

✉ leonid.pak@wsu.ru



[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.75580

EDN:

IZLOIY

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Аннотация: Данное исследование посвящено сопоставительному изучению лингвоаксиологии спортивного интернет-дискурса в России и США. Цель исследования – сопоставление лингвоаксиологических особенностей спортивного интернет-дискурса в лингвокультурной парадигме. Объектом исследования является дискурс спортивных электронных СМИ в российской и американской лингвокультурах. Предмет – лингвоаксиологический аспект спортивного интернет-дискурса в лингвокультурах России и США. Актуальность исследования заключается в том, что методология сопоставительного лингвоаксиологического изучения дискурса соответствует уровню развития современной лингвистики. Как перспективное научное направление, лингвоаксиология сфокусирована на изучении системы ценностей, репрезентированной в языке и ее роли в формировании смыслов. Кроме того, спортивный дискурс выступает в качестве релевантной сферы массовой коммуникации, оказывает влияние на целевую

аудиторию, формируя общественное мнение через трансляцию ценностных установок. Интернет-СМИ, как ключевой канал распространения спортивной информации, предоставляет возможность исследовать актуальные культурные и социальные тенденции. Основными методами данной работы являются лингвоаксиологический метод, сопоставительный дискурс-анализ, а также методы статистической обработки данных. Новизна работы заключается в применении междисциплинарного сочетания лингвоаксиологического и лингвокультурного подходов для анализа медиатекстов спортивной цифровой среды. Выводы: выделены 4 наиболее значимых параметра языковой репрезентации аксиологических доминант спортивного интернет-дискурса: оценочная насыщенность, полярность оценки, целевое воздействие оценки, идеологическая маркированность оценки. Российский спортивный интернет-дискурс характеризуется стремлением интерпретировать событие в общественно значимом контексте. Американские медиатексты отражают установку на эмоциональное вовлечение читателя, что высвечивает ценности индивидуализма, зрелищности и выразительности. Российские спортивные электронные СМИ ориентированы на диалектическое восприятие реальности, в то время как американский спортивный интернет-дискурс характеризуется одноплановой подачей оценки. Для российской лингвокультуры важны ценности коллективной идентичности и национального единства, важно придать какому-либо событию символическое значение для всего социума. Американская лингвокультура характеризуется вниманием к ценностям соревновательности, индивидуальной ответственности и самосовершенствования. Российская культура высвечивает коллективное, национально значимое измерение спорта, в то время как американская традиция сфокусирована на индивидуальных успехах и принадлежности к какой-либо группе.

Ключевые слова:

лингвоаксиология, лингвоаксиологический анализ, ценности, оценочность, аксиологический параметр, аксиологическая доминанта, медиатекст, лингвокультура, спортивный дискурс, спортивный интернет-дискурс

Данное исследование посвящено сопоставительному изучению лингвоаксиологии спортивного интернет-дискурса в России и США.

Ряд работ отечественных и зарубежных ученых рассматривает проблемы организации аксиологических систем на социальном и личностном уровне. Ценности постулируются как социальный феномен, который формируется в процессе социализации и усваивается личностью через интериоризацию. Подчеркиваются дуалистические свойства природы ценностей: они, с одной стороны, задаются обществом, с другой, индивидуально осмысливаются человеком ^[1]. В работе Е. А. Смолий представлен обзор подходов к осмыслению ценностей в российской философии, социологии, психологии и культурологии. В ходе анализа эволюции категориального научного аппарата показано, как в отечественной традиции постепенно формировался аксиологический дискурс. Автор делает акцент на многоаспектности понятия «ценность» и трудности его систематизации и унификации ^[2]. По мнению О. В. Казаченко, аксиологическая семантика играет важную роль в формировании мировоззрения и коммуникативных практик, что требует междисциплинарного и мультидисциплинарного подхода к исследованию ^[3]. В статье зарубежных исследователей Л. Сагива, С. Рокас и др. приводятся обобщающие результаты многолетних исследований по теории базовых

ценностей [4]. Авторы показывают, что ценности выполняют функции руководящих принципов поведения, лежат в основе социального взаимодействия. Ценности характеризуются универсальностью и культурной вариативностью, регулируют эмоции и межличностные отношения, влияют на групповую динамику и общественные институты.

Важным для аксиологических исследований является постулат о культурно-обусловленной репрезентации ценностей. Ценности различных культур в последние десятилетия расходятся [5]. При этом географическая близость и общая религия становятся основными факторами ценностной схожести. Социально-культурные контексты системно формируют конфигурации ценностей. Анализ культурных контекстов предпринят и в другой зарубежной статье по теории основных личностных ценностей [6]. Авторы выявляют, как культурные контексты влияют на совместимость аксиологических систем, показывают динамику формирования ценностей под воздействием культурных факторов. А. Элстер и М. Дж. Гельфанд описывают как жесткость культурных норм влияет на проявление персональных ценностей в поведении [7]. По мнению О. В. Николаевой, культурно-исторические факторы влияют на формирование ценностных компонентов в языке. Автор анализирует лексические единицы, фразеологизмы и культурные концепты, отражающие ценности полинезийских народов [8].

Далее проведем обзор работ по семантической структуре и специфике функционирования лингвистических средств выражения оценки. В работе о лексических средствах выражения оценки, предпринята систематизация маркеров оценочности: пейоративов и мелиоративов, композитных форм, коллоквиализмов и индивидуально-авторских неологизмов. Рассматриваются семантические механизмы и словообразовательные модели конструирования оценочных средств и их роль в дискурсивном взаимодействии [9]. По мнению М. В. Исаевой, набор лингвистических средств выражения оценки может быть представлен не только лексическими, но и морфологическими, синтаксическими средствами и прагматическими приемами. Автор анализирует методику корпусного поиска и количественной картографии аксиологических маркеров [10]. Зарубежные исследователи интересуются проблематикой сопоставительного исследования языковых ресурсов оценочности на примере английского новостного дискурса, выявляют стратегии противостояния манипуляциям [11]. Кроме того, в фокусе внимания современных ученых-лингвистов за рубежом находятся вопросы обучения конструктивному использованию оценочных лексико-грамматических средств, с выявлением жанровых и культурно-специфических особенностей анализируемого феномена [12].

Научное осмысление спортивного дискурсивного пространства является весьма значимым полем для исследования современной науки о языке. Изучаются лексико-семантические особенности спортивного дискурса, реализованного при помощи разных вариантов английского языка [13], анализируются новые метафорические модели [14]. Зарубежные лингвисты сосредоточены на системном анализе дискурсивных явлений в спорте (критический дискурсивный анализ, фуконианские подходы, гендерный анализ) [15]. Кроме того, используется этнографически-дискурсивный анализ, высвечивающий как в речевых практиках формируются представления о концептах в сфере спорта. Аналитические результаты работы связываются с теорией институциональности дискурса [16].

Лингвоаксиология спортивного дискурса также становится все более важным

направлением. В работе Н. И. Щипакиной изучаются аксиологические маркеры англоязычного спортивного медиадискурса. Автор приходит к выводу, что спортивный медиадискурс формирует и транслирует специфическую систему ценностей, влияющую на аудиторию через анализ механизмов языковой реализации оценочных критериев [17]. В работе о спортивной проблематике в СМИ показано, как подбор тем, тональность, оппозиции (выделение героев и антигероев), а также идеологические фреймы формируют ценностную картину мира [18].

Таким образом, через приемы медиаструктурирования (стереотипы, нарративы, аксиологическую маркировку) в рамках спортивного дискурсивного пространства могут формироваться культурно-социальные ценностные установки. Настоящая работа призвана продолжить дальнейшие изыскания в комплексном и аспектом изучении данной проблематики.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, методология сопоставительного лингвоаксиологического изучения дискурса соответствует уровню развития современной лингвистики. Как перспективное научное направление, лингвоаксиология сфокусирована на изучении системы ценностей, репрезентированной в языке и ее роли в формировании смыслов. Анализ интернет-дискурса позволяет выявить, как ценностные ориентиры актуализируются в современных медиатекстах, что расширяет представления о функциональной и социальной роли языка в коммуникативно-дискурсивном пространстве. Во-вторых, спортивный дискурс выступает в качестве релевантной сферы массовой коммуникации, оказывает влияние на целевую аудиторию, формируя общественное мнение через трансляцию ценностных установок. Интернет-СМИ, как ключевой канал распространения спортивной информации, предоставляет возможность исследовать актуальные культурные и социальные тенденции. В-третьих, лингвоаксиологический анализ спортивного дискурса с акцентом на изучение лингвокультурной специфики вносит определенный вклад в заполнение лакун представленного исследовательского поля, выявляя особенности актуализации ценностных ориентиров в медиатексте.

Новизна работы заключается в применении междисциплинарного сочетания лингвоаксиологического и лингвокультурного подходов для анализа медиатекстов спортивной цифровой среды.

Цель исследования – сопоставление лингвоаксиологических особенностей спортивного интернет-дискурса в лингвокультурной парадигме.

Материалом для исследования послужили медиатексты 2020–2025-х гг. из электронных спортивных СМИ США (The Athletic, USA Today Sports, CBS Sports) и России (Чемпионат Sportbox, F1News).

Объектом исследования является дискурс спортивных электронных СМИ в российской и американской лингвокультурах.

Предмет – лингвоаксиологический аспект спортивного интернет-дискурса в лингвокультурах России и США.

Основными методами данной работы являются лингвоаксиологический метод, сопоставительный дискурс-анализ и методы статистической обработки данных.

Результаты исследования. Процедура исследования предполагала последовательное выполнение нескольких этапов. На первом этапе проводится лингвоаксиологический

анализ оценочных высказываний медиатекстов дискурса спортивных электронных СМИ, выделяются аксиологические параметры уровня лингвистической репрезентации ценностей обеих лингвокультур. Моделируется конкретизированная модель обнаруженных параметров. На втором этапе проводится сопоставительный анализ показателей аксиологических параметров, выявляется их лингвокультурная специфика.

В ходе лингвоаксиологического анализа медиатекстов спортивных электронных СМИ России и США были выделены 4 наиболее значимых параметра (с показателями) языковой репрезентации аксиологических доминант спортивного интернет-дискурса: оценочная насыщенность (высокая, средняя, низкая), полярность оценки (преобладает положительная, преобладает отрицательная, баланс), целевое воздействие оценки (манипулятивная функция, дискредитационная функция, фатическая функция), идеологическая маркированность оценки (маркированная, нейтральная).

Первый выделенный аксиологический параметр «оценочная насыщенность» характеризуется разнородностью показателей в российском дискурсе электронных СМИ. Можно выделить фрагменты текста с высокой насыщенностью оценочными высказываниями:

«"Зенит" меня поражает. Какая же медленная игра!» – [19].

«На дворе уже пятый тур, но где командные скорости-то?! Что вообще происходит?» – [19].

«Не тот КПД!» – [19].

«С такой игрой о чемпионстве можно забыть» – [19].

«Лучшее – враг хорошего» – [19].

Данные оценочные высказывания создают высокую плотность в отдельных абзацах, так как почти каждое предложение содержит оценку.

Отмечаются фрагменты со средней насыщенностью, в основном это экспертные колонки:

«По пенальти вопросов вообще нет – правильное решение» – [19].

«Основания для второй желтой были. Если исходить из статуса матча, то Чистяков, мягко говоря, погорячился» – [19].

Комментарии и мнения в основном аналитические, при этом оценка присутствует относительно частотно, преобладают рационально-оценочные высказывания, что выявляет паритет между фактами и сдержанными экспертными оценками.

Справочные блоки аналитических статей российских спортивных изданий характеризуются низкой плотностью оценочных высказываний, присутствует нейтральная статистическая информация, факты подаются без эмоционально- или рационально-оценочной окраски.

Таким образом, медиатексты дискурса спортивных электронных СМИ России демонстрируют смешанную насыщенность оценочными высказываниями (локально – высокая, в экспертных колонках – средняя и в справочных блоках – низкая). Данный результат объясняется тем, что медиатексты призваны выполнять две разные функции: 1) эмоционально-публицистическую – повышение интереса читателя, активизация его

внимания за счет усиления драматизма вокруг спортивного события (что достигается при помощи ярких, экспрессивных языковых средств); 2) информативно-аналитическую – сообщение значимой информации читателю, приглашение его к соразмышлению над какой-либо ситуацией (справочная информация, термины, статистические данные).

В медиатекстах американских спортивных СМИ насыщенность оценочными высказываниями характеризуется вариативностью от средней плотности к высокой. Авторские колонки содержат большое количество эмоционально-оценочных средств: «*ugly 5.35 ERA*», «*they are in trouble*», «*their pitching is a mess*» – [20]. Активно подчеркиваются отрицательные характеристики, формулировки экспрессивные, почти каждое предложение содержит оценку. Участникам спортивного события выставляются отметки в соответствии с академической шкалой американских школ, что является яркой и провокационной формой аксиологической маркированности: «*Trade deadline grade: A*», «*Midterm grade: F*» – [20].

Ряд медиатекстов (аналитические дайджесты) отражают среднюю плотность оценки, оценочные средства присутствуют: «*Ketel Marte ... can be a diva in the clubhouse*», «*baseball's most underachieving team*» – [20], но не доминируют, разнообразят статистические данные, результаты матчей, исторические сравнения, сведения о зарплатах и контрактах. Отмечается паритет информативной подачи и точечных ярких оценок, что свидетельствует об информативно-аналитической направленности с элементами комментаторской публицистики.

Данные лингвоаксиологического анализа показывают, что американский спортивный дискурс электронных СМИ характеризуется публицистическим характером с ярко выраженной аксиологической направленностью: его основной задачей является формирование определенного отношения читателя к происходящим событиям (критического к определенным командам или спортсменам), поддержание интереса к драматическим ситуациям или усиление ожидания от молодых спортивных талантов.

Таким образом, российский спортивный дискурс электронных СМИ отражает направленность на информационную и публицистическую функции, насыщенность оценочными высказываниями варьируется в зависимости от жанровой принадлежности медиатекста, в то время как американский – отличается устойчивой средне-высокой плотностью оценочных средств, вследствие культурной установки на формирование эмоционально-маркированного отношения читателя к спортивному событию.

Второй из выделенных нами параметров – полярность оценки. Может преобладать положительная оценка, отрицательная или наблюдаться баланс положительной и отрицательной оценки, наличие контрастных оценочных конструкций.

В российских медиатекстах присутствуют как положительные («...*немалых успехов*», «*удивительная команда*», «*яркое впечатление*», «*обаятельные парни*» – [21]), так и отрицательные оценки («*странноватая гонка*», «*нездоровые сенсации*», «*опять что-то недоучли и недорассчитали*» – [21]) в приблизительно одинаковом соотношении: 54% на 46% (данные получены при помощи программы Python Script для анализа объемных корпусов текстов, данные выборочно проверялись при помощи ручной разметки текста). При этом значимыми оказываются контрастные оценки, которые используются в рамках одного фрагмента текста:

«Нет, это не так хорошо, как в 2021-м между Ферстаппеном и Хэмилтоном <...> Но у Ф1 именно это есть в 2025 году [битва Пиастри и Норриса] (отрицательная оценка

уравновешивается положительной) – [21].

«За еще бóльшие ошибки Норриса он мог бы выиграть обе гонки, а не только в Венгрии» (имеет место критика, но отмечается успех) – [21].

«Пиастри **сделал жесткий обгон с блокировкой**... Но, **к его чести**, он прошел Норриса, позволив Леклеру выйти вперед» (негативное высказывание смягчается) – [21].

«Это **оказалось немного сложнее**, но на самом деле **позволило бороться** до самого конца за победу» (отрицательная посылка, но положительное заключение) – [21].

«**Не уверен, что это была лучшая стратегия**, но **оказалось, что она довольно хороша**» (типичная схема «сомнение → признание положительного исхода») – [21].

Таким образом, в текстах, продуцируемых авторами спортивных СМИ отражается динамика спортивных событий как чередование успехов и неудач, фокус смещен на интерес и зрелищность, очевидны умеренно-позитивные коннотации с частотными негативными эпизодами, которые подчеркивают общий драматизм нарратива.

Американский дискурс также характеризуется паритетом положительных (52%) и отрицательных (48%) оценочных высказываний:

«F1 is just **better** when there's a tense title fight» (сравнительно прилагательное, явная положительная оценка ситуации; используется наречие-интенсификатор, что делает оценку более категоричной) – [22].

«Piastri and Norris have **maintained** their **good relationship**» (прилагательное «good» выражает прямую положительную оценку, в то время как глагол «maintain» подчеркивает устойчивость и важность положительной характеристики) – [22].

«Piastri's one attempt at passing Norris on Sunday is an example of what Stella described as "**firm**" and "**fair**" **racing** between them» (эпитеты «firm» и «fair» подчеркивают положительные аспекты гонки; апелляция к мнению главы команды («Stella described») усиливает данную коннотацию) – [22].

«F1 has seen relationships **turn sour** when teammates battle – whether it's for a win or the championship» (ключевое средство выражения оценки – метафорическое выражение «turn sour», отрицательная оценка создается при помощи метафоры, которая апеллирует к чувственному опыту «порчи» чего-либо, происходит драматизация конфликта, спортивная конкуренция описывается как разрушение дружбы) – [22].

«**Tensions flare and boil over**, and **rash decisions** are made» (образы пламени «flare» и кипения «boil over» весьма понятны аудитории, ассоциируются с потерей контроля, деструктивностью, «rash decisions» словосочетание с явной негативной составляющей. Отрицательная оценка актуализируется на базе образной динамики, напряжение не просто имеет место, но «вспыхивает», «выходит из-под контроля», что усиливает экспрессию) – [22].

«This would be to **destabilize** Norris outside the car or just **abandoning the nebulous "Papaya Rules"** of McLaren's approach to intra-team racing, which, I'm sorry, but he clearly did at Monza last year» (отрицательная оценка выражена через сочетание оценочной лексики («destabilize», «abandoning», «nebulous») и субъективного комментария («I'm

sorry, but he clearly did»), который придает суждению обвинительный характер) – [\[22\]](#).

Таким образом, лингвокультурное различие проявляется в том, что в рамках российского спортивного интернет-дискурса активно используются контрастные оценочные конструкции, что выражает стремление к всестороннему и справедливому суждению (целостный образ создается при помощи того, что ошибка часто смягчается достоинством). В американском дискурсе оценка преподносится в одноплановой модальности (тяготение к прямолинейности и выразительности, без компенсации). В спортивном дискурсе электронных СМИ России отражается диалектическое видение ситуации, негатив уравнивается положительными характеристиками и наоборот, что присуще высококонтекстным культурам, в то время как американской традиции наблюдается стремление в эксплицитным одноплановым оценкам, динамике и сюжетности, что характеризует низкоконтекстные культуры.

Третий аксиологический параметр – целевое воздействие оценки (манипулятивная функция, дискредитационная функция, фатическая функция).

Рассмотрим примеры из российского спортивного дискурса.

Цель манипулятивной функции – вызвать сильные эмоции у читателя, направив их в определенное русло:

«Наш пловец выиграл золото ЧМ с крутейшим рекордом. Порвал соперников как детей» (метаморфическая сравнительная конструкция и гипербола создают образ неоспоримого превосходства отечественного спортсмена) – [\[23\]](#).

«Величайшая победа наших пловцов на чемпионате мира. Такого не было никогда в истории!» (гиперболизация формирует ощущение исторической значимости события) – [\[23\]](#).

Дискредитационная функция используется для того, чтобы подчеркнуть слабость соперников:

«В своем заплыве нашим противостояли, к примеру, такие сборные, как Норвегия, Гонконг, Малайзия, Греция, Люксембург. Прямо скажем, не самые выдающиеся конкуренты» (снижает значимость участия соперников) – [\[23\]](#).

Фатическая функция направлена на установление контакта с читателем, заставляет сопереживать описанному в тексте:

«Выводы сделаны? Выводы были сделаны, осталось только реализовать потенциал» (риторический вопрос активизирует внимание) – [\[23\]](#).

Рассмотрим американские медиатексты. Манипулятивная функция проявляется в стремлении повлиять на восприятие спортивного события читателем и вызвать определенную интерпретацию событий:

«They believed that their paper-thin starting rotation would be fine... So they passed up the chance to get any starters and bolstered their bullpen...» (подчеркивается ошибочность решений команды, создается впечатление непрофессионализма) – [\[20\]](#).

Дискредитационная функция имеет место, если нужно принизить игрока, команду, тренера или их действия:

«*They have been so bad that they have lost 14 of their last 16 games*» (дискредитирует команду, подчеркивая ее катастрофические результаты) – [20].

Фатическая функция используется для создания эмоционального контакта с читателем, активизации его внимания, усиления вовлеченности, но имплицитно, без прямого воздействия:

«*Pump. The. Brakes*» (заголовок содержит обращение к читателям, автор создает ситуацию диалога и интриги) – [20].

В результате лингвоаксиологического исследования с опорой на результаты анализа статистических и количественных данных, было выявлено, что доминирующей функцией оценки, актуализованной в российских спортивных медиатекстах является манипулятивная. Основной вектор оценки направлен на героизацию «наших», оценочные средства призваны вызвать эмоции у читателя, превращая спортивный результат в символ национальной силы и гордости, статистическая часть также встроена в общий патриотический нарратив. Ведущей функцией оценки американских спортивных СМИ является дискредитационная. Систематически подчеркиваются слабые стороны команд и отдельных игроков, средние и хорошие результаты сравниваются с лучшими, что создает контраст между прошлым «успехом» и текущей «неудачей». Используются ироничные и саркастические замечания.

Четвертый аксиологический параметр – идеологическая маркированность оценки. Российские медиатексты подчеркивают идеологическую составляющую дискурса:

«*Колесников и Самусенко осчастливили всю страну!*» (включение категории «страна», подчеркивает национальное единство) – [23].

«*Тем не менее, вся страна гордится Климентом и Павлом и с полным правом ликует из-за успешного возвращения наших пловцов на международную арену*» (эксплицитная апелляция к национальной гордости, внимание сфокусировано на успешном возвращении в условиях санкций, преодоление трудностей) – [23].

«*Наши герои спели гимн России... Российские пловцы проявили себя настоящими патриотами*» (соединение спортивного события с патриотической идеологемой) – [23].

«*...несмотря на непростую международную обстановку, Россия в спорте есть и будет*» (отсылка к политическому аспекту) – [23].

«*Феноменальное плавание четверки парней доказало, что никакие санкции не остановят наш спорт*» (отсылка к политическому аспекту – международной политике; спорт маркируется как форма национального сопротивления) – [23].

«*Наши спортсмены впервые в истории выиграли эту дисциплину, доказав силу отечественного плавания*» (подчеркивается категория «отечественный спорт» как символ национальной мощи) – [23].

Американский дискурс спортивных СМИ также характеризуется идеологической маркированностью:

«*She was elected to the Women's Basketball Hall of Fame in April*» (отмечается именно женский зал славы, что фиксирует гендерную составляющую оценки) – [24].

«*The penalties against Michigan all but confirm what Ohio State always suspected, but they feel hollow and certainly don't erase the memory of being outplayed while feeling cheated. This isn't just another rivalry – it's The Game, one that defines Ohio State coaches as much as trophies or titles*» (соперничество через призму ценностей борьбы выходит за рамки спортивной тематики, актуализирует идентичность университета и фанатов) – [24].

«*If Day can finally topple the Wolverines in November, it won't just be a win. It will be a reclamation of pride, a turning point in his tenure and a long-overdue rewrite of Ohio State's narrative*» (победа интерпретируется не как спортивный результат, а как восстановление чести штата) – [24].

«*The shadow of Michigan stretches across every snap and every play call*» (метафора «тень пролегла» показывает психологическое давление, выходящее за рамки спорта) – [24].

«*Day and his family endured harassment and death threats... It got to a point where, 'What are we doing here?'*» (спорт выходит в социальную сферу, результат игры превращается в фактор общественного давления и агрессии, подчеркивается ценность моральной стойкости под давлением) – [24].

В американских медиатекстах весьма значима культурная установка на ценность индивидуальных достижений и признания личности:

«*The Storm immortalized Bird as the greatest player in franchise history*» (ключевое слово, оценочный глагол «*immortalized*», указывает на тот факт, что заслуги отдельной спортсменки закрепляются в коллективной истории клуба, формулировка «*the greatest player*» ставит ее личность выше других игроков) – [24].

«*Seattle Storm legend Sue Bird became the first player in WNBA history to be honored with a statue*» (словосочетание «*first player*» ставит акцент на эксклюзивности достижения, это не только факт спортивной статистики, но и символическое признание роли женщины в истории лиги, маркируется гендерный аспект) – [24].

Таким образом, идеологические оценки вплетены в российский спортивный нарратив, формируя ценностный дискурс, высвечиваются такие аксиологические доминанты как «патриотизм», «коллективизм», «национальное единство», «преодоление трудностей» и «гордость за страну». Американский спортивный дискурс отражает культурную установку на индивидуализм, ценятся личные рекорды и достижения, важны гендерные особенности, устойчивость под давлением, идентичность как осознание себя представителем какой-либо группы.

Заключение.

В результате проведенного исследования выявлены лингвокультурные особенности лингвоаксиологии русского и американского спортивного интернет-дискурса.

Лингвоаксиологический анализ позволил выделить 4 наиболее значимых параметра языковой репрезентации аксиологических доминант спортивного интернет-дискурса: оценочная насыщенность (высокая, средняя, низкая), полярность оценки (преобладает положительная, преобладает отрицательная, баланс), целевое воздействие оценки (манипулятивная функция, дискредитационная функция, фатическая функция), идеологическая маркированность оценки (маркированная, нейтральная).

Российский спортивный интернет-дискурс характеризуется стремлением интерпретировать событие в общественно значимом контексте, насыщенность оценочными высказываниями вариативна и зависит от жанра. Отражаются ценности объективности, рациональности и дистанции между журналистом и событием. Американские медиатексты имеют устойчивую среднюю или высокой насыщенность оценочными высказываниями, прослеживается установка на эмоциональное вовлечение читателя, что высвечивает ценности индивидуализма, зрелищности и выразительности.

С точки зрения полярности оценки, российские спортивные электронные СМИ ориентированы на диалектическое восприятие реальности: отрицательные и положительные характеристики уравниваются, создается целостный, многосторонний образ. Спортивное событие оценивается не одномерно, а в балансе достоинств и недостатков, что говорит о высококонтекстной культуре для которой важно строить суждение с учетом разных сторон и важен подтекст. Американский спортивный интернет-дискурс характеризуется одноплановой подачей оценки: события и ситуации преподносятся прямо, без компенсации и смягчения, доминирует экспрессивность и прямолинейность, что отражает специфику низкоконтекстной культуры, где смыслы передаются эксплицитно.

С точки зрения параметра «целевое воздействие оценки» выявлено, что для российской лингвокультуры важны ценности коллективной идентичности и национального единства, важно придать какому-либо событию символическое значение для всего социума (манипулятивная функция оценки: героизация «наших» + интеграция даже статистических данных в патриотический нарратив). Американская лингвокультура характеризуется вниманием к ценностям соревновательности, индивидуальной ответственности и самосовершенствования (дискредитационная функция оценки: спортивные результаты сравниваются с достижениями прошлого или конкурентов + поддержание высокой планки при помощи осмысления неудач и поражений).

Параметр «идеологическая маркированность оценки» демонстрирует, что российская культура высвечивает коллективное, национально значимое измерение спорта (спорт как символ сплоченности и солидарности; личный успех интерпретируется как вклад в общенациональное достижение), в то время как американская традиция сфокусирована на индивидуальных успехах и принадлежности к какой-либо группе (социальной, гендерной и т.д.) как на факторе, открывающем путь к самоутверждению и общественному признанию (спорт как арена самореализации и проявления индивидуальной стойкости; ценность личности как уникального героя).

Перспектива данного исследования видится в изучении дискурсов других типов, а также применении инструментария лингвонарратологии для нарративного измерения лингвокультурных ценностей.

Библиография

1. Кравец, А. В., Утюганов, А. А. Социальная природа ценностей и проблема организации и интериоризации ценностей и ценностных ориентаций в структуру личности / А. В. Кравец, А. А. Утюганов // Вестник университета. 2016. № 3. С. 230-235. EDN: WCIFEN
2. Смолий, Е. А. Проблема ценностей в отечественной науке / Е. А. Смолий // Социально-гуманитарные исследования. Сборник научно-методических трудов. М.: Перо, 2017. С. 354-360. EDN: XWCSRR

3. Казаченко, О. В. Изучение слов, выражающих ценности, в различных лингвистических дисциплинах / О. В. Казаченко // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2020. № 18. С. 168-175. DOI: 10.26170/pla20-01-17 EDN: OATJVP
4. Sagiv, L., Roccas, S., Cieciuch, J., Schwartz, Sh. H. Personal values in human life / L. Sagiv, S. Roccas, J. Cieciuch, Sh. H. Schwartz // Nature Human Behaviour. 2017. № 9 (1). P. 630-639. DOI: 10.1038/s41562-017-0185-3 EDN: YFUTNZ
5. Jackson, J. C., Medvedev, D. Worldwide divergence of values / J. C. Jackson, D. Medvedev // Nature Communications. 2024. № 15. P. 2650. DOI: 10.1038/s41467-024-46581-5 EDN: LFESLO
6. Sagiv, L., Schwartz, S. H. Personal values across cultures / L. Sagiv, S. H. Schwartz // Annual Review of Psychology. 2022. № 73. P. 517-546. DOI: 10.1146/annurev-psych-020821-125100 EDN: QCOWKU
7. Elster, A., Gelfand, M. J. When guiding principles do not guide: The moderating effects of cultural tightness on value-behavior links / A. Elster, M. J. Gelfand // Journal of Personality. 2021. № 2 (89). P. 325-337.
8. Николаева, О. В. Аксиологические аспекты семантики полинезийских этнических паремий / О. В. Николаева // Дальневосточный филологический журнал. 2023. № 1 (1). С. 3-12. DOI: 10.24866/2949-2580/2023-1/3-12 EDN: EOMBСM
9. Матвеева, И. В. Лексические средства выражения оценки / И. В. Матвеева // Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. Санкт-Петербург: ГНИИ "Нацразвитие", 2020. С. 42-46. DOI: 10.37539/SEN291.2020.52.56.008 EDN: QZHMWD
10. Исаева, М. В. Способы выражения оценки в официальных документах на английском языке / М. В. Исаева // Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. Санкт-Петербург: ГНИИ "Нацразвитие", 2021. С. 252-260. EDN: SWKRTU
11. Trnavac, R., Pöldvere, N. Investigating appraisal and the language of evaluation in fake news corpora / R. Trnavac, N. Pöldvere // Corpus Pragmatics. 2024. № 2 (8). P. 107-130. DOI: 10.1007/s41701-023-00162-x EDN: EIAMUX
12. Li, X., Meng, Y., Jing, Y. An Appraisal-based Study on Divergence of Evaluative Meanings in Student Translations / X. Li, Y. Meng, Y. Jing // WORD. 2025. № 2 (71). С. 97-113.
13. Дзюбенко, А. И., Грищенко, А. В. Лексико-семантические особенности британского и американского спортивного дискурса / А. И. Дзюбенко, А. В. Грищенко // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 2 (35). С. 251-254. DOI: 10.26140/bgз3-2021-1002-0066 EDN: BMEEMT
14. Грищенко, А. Н., Морослин, П. В. Новые метафорические модели в современном спортивном дискурсе / А. Н. Грищенко, П. В. Морослин // Научный диалог. 2022. № 5 (11). С. 211-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225 EDN: AAFHBP
15. Wagner, U., Sveinson, K. Analyzing discourses and the communication of sport: a scoping review and suggestions for future endeavors / U. Wagner, K. Sveinson // Communication & Sport. 2023. Vol. 0 (0). P. 1-20.
16. Øydna, M. L., Nielsen, J. C., Bjørndal, C. T. Power, discourse, and practice: exploring athlete development as an educational discursive practice in a Norwegian lower secondary sports school / M. L. Øydna, J. C. Nielsen, C. T. Bjørndal // Sport, Education and Society. 2024. P. 1-15.
17. Щипакина, Н. И. Основные аксиологические характеристики англоязычного спортивного дискурса / Н. И. Щипакина // Огарёв-Online. 2022. № 7 (176). С. 1-10.
18. Боева, Я. К. Спортивная проблематика в СМИ: формирование ценностной картины мира / Я. К. Боева // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. № 1 (42).

C. 5-15. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-5-15 EDN: REURDR

19. Чемпионат. URL: <https://www.championat.com/> (дата обращения: 03.05.2025).

20. USA Today Sports. URL: <https://eu.usatoday.com/sports/> (дата обращения: 10.08.2025).

21. F1News. URL: <https://www.f1news.ru/> (дата обращения: 10.08.2025).

22. The Athletic. URL: <https://www.nytimes.com/athletic/uk/> (дата обращения: 10.08.2025).

23. Sportbox. URL: <https://news.sportbox.ru/> (дата обращения: 10.08.2025).

24. CBS Sports. URL: <https://www.cbssports.com/> (дата обращения: 10.08.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена сопоставительному изучению лингвоаксиологии спортивного интернет-дискурса в России и США. Считаю, что предмет исследования достаточно актуален, нов, интересен. В целом работа имеет цельно-завершенный вид, она соответствует жанру научного изыскания. Позиционные рамки исследования вполне объективны и точны; точка зрения автора верифицирована. Ощущается в работе желание автора вступить в т.н. диалог с оппонентами, но он мог быть выражен фактурнее: «по мнению О. В. Казаченко, аксиологическая семантика играет важную роль в формировании мировоззрения и коммуникативных практик, что требует междисциплинарного и мультидисциплинарного подхода к исследованию [3]. В статье зарубежных исследователей Л. Сагива, С. Рокас и др. приводятся обобщающие результаты многолетних исследований по теории базовых ценностей [4]. Авторы показывают, что ценности выполняют функции руководящих принципов поведения, лежат в основе социального взаимодействия» и т.д. Принцип системной оценки вопроса, на мой взгляд, уместен, следовательно, методологический уровень выдержан. Термины и понятия, которые используются в статье вводятся с учетом прямого значения: например, «Таким образом, через приемы медиаструктурирования (стереотипы, нарративы, аксиологическую маркировку) в рамках спортивного дискурсивного пространства могут формироваться культурно-социальные ценностные установки. Настоящая работа призвана продолжить дальнейшие изыскания в комплексном и аспектом изучении данной проблематики». Серьезных недочетов в тексте нет, хотя и заметна зависимость «от уже сказанного». Новизна данного сочинения в обобщении имеющихся данных, в системной оценке работ по лингвоаксиологии спортивного интернет-дискурса. Автор отмечает, что «анализ интернет-дискурса позволяет выявить, как ценностные ориентиры актуализируются в современных медиатекстах, что расширяет представления о функциональной и социальной роли языка в коммуникативно-дискурсивном пространстве». Думаю, что данная позиция вполне объективно верифицирует предмет исследования. Материалом исследования являются медиатексты 2020–2025-х гг. из электронных спортивных СМИ США (The Athletic, USA Today Sports, CBS Sports) и России (Чемпионат, Sportbox, F1News). Стил соотносится с научным типом: например, «справочные блоки аналитических статей российских спортивных изданий характеризуются низкой плотностью оценочных высказываний, присутствует нейтральная статистическая информация, факты подаются без эмоционально- или рационально-оценочной окраски», или «российский спортивный

дискурс электронных СМИ отражает направленность на информационную и публицистическую функции, насыщенность оценочными высказываниями варьируется в зависимости от жанровой принадлежности медиатекста, в то время как американский – отличается устойчивой средне-высокой плотностью оценочных средств, вследствие культурной установки на формирование эмоционально-маркированного отношения читателя к спортивному событию» и т.д. Примеров иллюстративного толка достаточно, она имеет разный характер ситуативной разверстки. Общие требования издания учтены; фактическая цель работы достигнута, поставленные задачи решены. Цитаты даются с учетом фактических данных: «This would be to destabilize Norris outside the car or just abandoning the nebulous "Papaya Rules" of McLaren's approach to intra-team racing, which, I'm sorry, but he clearly did at Monza last year» (отрицательная оценка выражена через сочетание оценочной лексики («destabilize», «abandoning», «nebulous») и субъективного комментария («I'm sorry, but he clearly did»), который придает суждению обвинительный характер) – [22]». В финале сделан общий вывод, он соотносится с основной частью: автор тезисует, что «российский спортивный интернет-дискурс характеризуется стремлением интерпретировать событие в общественно значимом контексте, насыщенность оценочными высказываниями вариативна и зависит от жанра. Отражаются ценности объективности, рациональности и дистанции между журналистом и событием. Американские медиатексты имеют устойчивую среднюю или высокой насыщенность оценочными высказываниями, прослеживается установка на эмоциональное вовлечение читателя, что высвечивает ценности индивидуализма, зрелищности и выразительности». Факт сопоставительного характера промаркирован; материал, таким образом, имеет законченный вид. Думаю, что рецензируемый материал можно использовать в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Лингвоаксиологические аспекты спортивного интернет-дискурса (на примере спортивных электронных СМИ России и США)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зиновьева М. Семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русском и английском языках: лингвокультурный подход // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76313 EDN: JAOUWE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76313

Семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русском и английском языках: лингвокультурный подход

Зиновьева Маргарита

ORCID: 0009-0000-2924-9238

аспирант; институт иностранных языков (ИИЯ); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, р-н Коньково, ул. Миклухо-Маклая, д. 21 к. 2 кв.221

✉ 1042235147@pfur.ru



[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76313

EDN:

JAOUWE

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2025

Аннотация: В статье рассматриваются семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русских и английских киносценариях с позиций лингвокультурного подхода. Эмоции заботы и волнения трактуются не как спонтанные реакции, а как культурно обусловленные коммуникативные акты, отражающие нормы вежливости и способы проявления чувств. На материале русских и английских фильмов 1980–2020-х годов выявляются и сопоставляются лексические, идиоматические и прагматические средства выражения тревоги и заботы. Объект исследования: вербальная репрезентация эмоциональных состояний тревоги и заботы в русском и английском кинодискурсе. Предмет исследования: лингвистические средства и прагматические стратегии выражения тревоги и заботы в русском и английском языках, отражающие культурно обусловленные модели вежливости и эмоциональной экспрессии. Настоящее исследование основано на анализе диалогов из русскоязычных и англоязычных фильмов, которые составляют основной эмпирический материал. Анализ осуществляется

в три взаимосвязанных этапа: семантический анализ лексических единиц, относящихся к понятийному полю тревоги и заботы; прагматический анализ; лингвокультурная интерпретация, интегрирующая семантические и прагматические результаты в более широкий культурный контекст. Русский дискурс характеризуется эмоциональной открытостью, активным использованием гиперболических и идиоматических выражений, а также выраженной тенденцией к драматизации. Напротив, английский дискурс демонстрирует эмоциональную сдержанность, опору на конвенционализированные формулы вежливости и прагматические стратегии смягчения, что соотносится с культурными установками на автономию личности, самоконтроль и уважение к личным границам. Несмотря на эти различия, обе языковые традиции реализуют универсальные коммуникативные функции: выражение заботы служит средством проявления эмпатии, солидарности и поддержания социальных связей, а успокоение выполняет роль снижения эмоционального напряжения и восстановления равновесия в коммуникации. Результаты исследования показывают, что семантика и прагматика тревоги и заботы не сводятся к выбору отдельных слов, а представляют собой культурно закреплённые коммуникативные практики. Проведённое исследование вносит вклад в развитие лингвокультурной прагматики, углубляя понимание того, как эмоции вербализуются и ритуализируются в разных культурах. Работа имеет и практическое значение — для теории и практики перевода, преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации, где знание культурных сценариев выражения заботы способствует предотвращению недопонимания и укреплению взаимопонимания.

Ключевые слова:

лингвокультурная прагматика, выражение эмоций, тревога, межкультурная
коммуникация, кинодиалог, эмоциональная экспрессия, вежливость, эмпатия,
кинодискурс, беспокойство

Введение

Эмоции, такие как беспокойство, тревога и озабоченность, составляют неотъемлемую часть человеческого опыта, однако лингвистические способы их выражения значительно различаются в разных культурах и языках. Вербализация тревоги или заботы — это не просто отражение внутреннего эмоционального состояния, но социально и культурно опосредованный коммуникативный акт. Когда говорящий выражает беспокойство, он выполняет важные межличностные функции: проявляет эмпатию, соблюдает нормы вежливости и поддерживает социальную гармонию. Выбор слов, интонация и прагматические стратегии в подобных ситуациях отражают культурные конвенции, регулирующие эмоциональное выражение и речевой этикет.

В современной лингвистике изучение эмоций эволюционировало от анализа семантического значения к более широким прагматическим и лингвокультурным подходам. Эти направления рассматривают язык не только как средство передачи информации, но и как хранилище культурных ценностей и коммуникативных традиций. С этой точки зрения, сопоставление способов выражения эмоций в разных языковых сообществах позволяет глубже понять их социальную психологию и культурную идентичность. Русский и английский языки, в частности, представляют два контрастных коммуникативных типа: русская речь часто характеризуется эмоциональной открытостью и прямотой, тогда как английская — сдержанностью, косвенным выражением чувств и опорой на устойчивые формулы вежливости. Эти противоположные тенденции особенно

заметны в сфере речевого этикета, где выражение тревоги и заботы является не только эмоциональным, но и социально значимым действием.

Кинотекст представляет собой продуктивный материал для анализа данных лингвистических явлений. В отличие от литературных произведений, диалоги в фильмах создаются с целью имитации естественной речи, отражая типичные коммуникативные ситуации, культурно специфические нормы и стереотипы. Таким образом, способы выражения беспокойства или проявления заботы в русских и английских фильмах дают ценную эмпирическую базу для изучения универсальных и национально обусловленных особенностей эмоциональной коммуникации.

Цель данного исследования—выявить и сопоставить лингвистические и прагматические средства выражения тревоги и беспокойства в русских и английских кинотекстах. Объектом исследования является вербальная репрезентация эмоциональных состояний в кинодискурсе, а предметом — система языковых маркеров и прагматических стратегий, передающих состояние беспокойства и заботы в русском и английском языках. **Гипотеза исследования** заключается в том, что способы выражения данных эмоций отражают более широкие культурные модели вежливости и эмоциональной регуляции, характерные для каждого языкового сообщества: русские носители, как правило, выражают заботу более прямо и эмоционально, в то время как англоязычные говорящие чаще прибегают к смягчённым или шаблонным формам выражения.

Задачи исследования включают:

- 1) выявление и классификацию семантических средств выражения тревоги и беспокойства в русских и английских кинотекстах;
- 2) описание прагматических стратегий, посредством которых эти значения реализуются в типичных коммуникативных ситуациях;
- 3) сопоставительный анализ их лингвокультурной специфики с целью выявления точек совпадения и расхождения между русским и английским коммуникативными стилями.

Методологической основой работы является лингвокультурный подход, сочетающий элементы семантического, прагматического и межкультурного анализа.

Актуальность исследования определяется его вкладом в понимание того, как эмоциональные состояния репрезентируются в разных культурных контекстах и как эти репрезентации влияют на коммуникативное поведение. Поскольку кинодиалоги одновременно имитируют реальную речь и формируют коллективные представления о нормах общения, их анализ позволяет выявить лингвокультурные механизмы выражения тревоги и заботы в русской и английской языковых культурах.

1. Теоретические основы

1.1. Семантика и прагматика выражения эмоций Семантика лексики, обозначающей эмоции, издавна является объектом лингвистического исследования, поскольку слова, описывающие внутренние состояния, дают уникальное представление о мировидении языкового сообщества. Как отмечает Ю. Д. Апресян^[1], лексикон эмоций отражает не только универсальный опыт, но и культурно обусловленные концептуализации. Так, в русском языке глаголы *волноваться*, *тревожиться*, *беспокоиться* различаются по степени

интенсивности и стилистической окраске, тогда как в английском их ближайшие эквиваленты — *to worry, to be anxious, to be concerned* — также дифференцированы, но не полностью взаимозаменяемы. Семантический анализ подобных лексико-семантических полей позволяет выявить внутреннюю организацию эмоциональной лексики, а также различия в её оценочных и метафорических ассоциациях [6].

Прагматика, напротив, переносит внимание с системного значения на значение в употреблении. Согласно С. Левинсону [8], прагматический анализ исследует, как говорящие выбирают языковые формы для достижения коммуникативных целей — выражения вежливости, смягчения высказывания, установления солидарности. В случае выражения тревоги и заботы прагматический подход позволяет рассматривать высказывания как акты эмпатии или ритуализированные маркеры этикета. Так, вопрос *Are you okay?* может быть как искренним проявлением участия, так и стандартной репликой в рамках речевого обмена. Аналогично русское *Ты в порядке?* может одновременно выражать эмоциональную вовлечённость и соответствовать культурной норме проявления заботы. Эта двойственность подчёркивает необходимость сочетания семантической точности с прагматической интерпретацией.

1.2. Лингвокультурный подход

Лингвокультурная парадигма объединяет изучение языка с анализом культурных практик, исходя из предположения, что языковые формы неотделимы от ценностей, норм и коллективной идентичности. Концепции языковой картины мира [2] и культурных сценариев [11] показывают, что речевой этикет невозможно объяснить вне культурного контекста.

В теории вежливости П. Браун и С. Левинсон [4] подчёркивают универсальность стратегий, связанных с сохранением «лица», однако признают культурные различия в реализации «позитивной» и «негативной» вежливости. Как отмечает Т.В. Ларина [3], русская коммуникативная культура тяготеет к эмоциональной открытости и ориентации на солидарность, тогда как английская — к автономии личности и смягчённости высказываний. Эти различия определяют способы выражения заботы: русские носители могут демонстрировать открытую эмоциональность (*Я так за тебя переживаю!*), тогда как англоговорящие чаще используют более сдержанные формулы (*I was a bit worried about you*).

Исследования А. Вежицкой [11] подчёркивают, что слова, обозначающие эмоции, не являются прямыми эквивалентами в разных языках, а отражают специфические «культурные словари». Например, русское *тревога* объединяет как экзистенциальные, так и ситуативные оттенки, тогда как английское *anxiety* нередко ассоциируется с медицинским дискурсом. Подобные различия демонстрируют, как семантические категории связаны с культурными установками в отношении эмоций.

1.3. Кинодиалог как объект исследования

Хотя сценарные тексты фильмов не являются записями спонтанной речи, они стремятся воспроизводить коммуникативную динамику, воспринимаемую зрителями как естественную. Как отмечает С. Козлофф [7], кинодиалог сочетает аутентичность с драматической сжатостью, одновременно отражая и формируя социальные ожидания «повседневного общения». Это делает кинодискурс ценным материалом для лингвокультурных исследований.

С прагматической точки зрения, кинодиалоги дают примеры функционирования этикетных стратегий — приветствий, извинений, выражений заботы и утешения. По наблюдению М. Дынел [\[5\]](#), фильмы могут рассматриваться как «сконструированные разговорные корпусы», позволяющие исследовать прагматические явления в контексте, избегая этических и технических сложностей записи реальных разговоров. В межкультурном аспекте сопоставление русских и английских фильмов позволяет проследить различия в репрезентации эмоциональной коммуникации, поскольку сценаристы опираются на культурно знакомые модели, делая персонажей правдоподобными.

Значимость кинодиалога для лингвистики заключается не только в способности имитировать подлинную речь, но и в его функции культурного артефакта. Как отмечают Пьяцца, Беднарек и Росси [\[9\]](#), аудиовизуальные тексты участвуют в формировании коллективных представлений о социальном взаимодействии. Следовательно, анализ того, как персонажи русских и английских фильмов выражают тревогу и заботу, раскрывает не только языковые ресурсы, но и более широкие культурные сценарии эмпатии и социальной солидарности.

1.4. Выводы теоретической части

Изучение выражений тревоги и заботы требует интегративного подхода. Семантический анализ проясняет лексическую и метафорическую структуру эмоциональной лексики; прагматика выявляет интерактивные функции и стратегии речевого поведения; лингвокультурный подход помещает эти результаты в контекст культурных норм и ценностей. Использование кинодиалогов в качестве материала позволяет объединить естественность речевого взаимодействия с репрезентацией культурно значимых моделей коммуникации. Такой трёхкомпонентный подход обеспечивает как лингвистическую строгость, так и культурную глубину, создавая прочную теоретическую основу для сопоставительного анализа русского и английского языков.

2. Методология

Настоящее исследование основано на анализе диалогов из русскоязычных и англоязычных фильмов, которые составляют основной эмпирический материал. Несмотря на то что кинодискурс представляет собой заранее написанный сценарий, а не спонтанную речь, он обладает значительной ценностью для лингвистического и культурного анализа. Сценаристы намеренно конструируют диалоги таким образом, чтобы они имитировали естественное взаимодействие и соответствовали коммуникативным ожиданиям целевой аудитории, тем самым воспроизводя и закрепляя культурно узнаваемые способы речевого поведения. Таким образом, кинодиалоги служат не только источником прагматических стратегий и лексических выборов, но и своеобразным культурным зеркалом, отражающим стереотипные нормы речевого этикета.

Корпус исследования включает фильмы 1990-х–2020-х годов, охватывающие широкий спектр жанров: драму, комедию, мелодраму, семейное кино и криминальные сюжеты. Такое жанровое разнообразие позволяет зафиксировать как типичные, так и контекстуально обусловленные способы выражения тревоги и заботы. Обращение к современному кинематографу гарантирует актуальность материала и его соответствие современным коммуникативным моделям.

Для обеспечения надёжности и сопоставимости данных были применены следующие критерии отбора:

I Во-первых, в анализ включались только те фрагменты, где персонажи явно или имплицитно выражают тревогу, беспокойство или заботу.

I Во-вторых, рассматривались исключительно диалогические взаимодействия, поскольку прагматический аспект выражения заботы проявляется именно во взаимодействии между собеседниками, а не в монологической речи.

I В-третьих, особое внимание уделялось высказываниям, выполняющим этикетную функцию — вопросам о самочувствии, проявлениям участия или актам эмпатического успокоения.

I В-четвёртых, по возможности отбирались параллельные коммуникативные ситуации в русских и английских фильмах, что позволяло проводить контрастивную интерпретацию эквивалентных контекстов общения.

Анализ осуществляется в три взаимосвязанных этапа. **Первый этап**—семантический анализ лексических единиц, относящихся к понятийному полю тревоги и заботы. Рассматриваются русские глаголы волноваться, тревожиться, беспокоиться с точки зрения их значения, степени интенсивности и стилистической вариативности, а также их английские эквиваленты *to worry*, *to be concerned*, *to be anxious*. В анализ также включены идиоматические и метафорические выражения, например у меня сердце не на месте и *my heart was in my mouth*, позволяющие проследить образные модели репрезентации эмоций. **Второй этап**—прагматический анализ, направленный на выявление коммуникативных функций выражения тревоги и заботы в интеракции. Особое внимание уделяется тому, выполняет ли высказывание функцию искреннего вопроса, формулы вежливости, стратегии сохранения «лица» или способа утешения. Прагматические стратегии классифицируются по степени прямоты/непрямоты, а также по наличию смягчения (например, использование хеджей, частиц, модальных слов) или интенсификации (восклицаний, повторов и др.). Анализ последовательностей реплик позволяет рассматривать не только отдельные высказывания, но и их роль в построении и регулировании межличностных отношений. **Третий этап**—лингвокультурная интерпретация, интегрирующая семантические и прагматические результаты в более широкий культурный контекст. На этом уровне анализируются вопросы: в какой мере русские и английские носители прибегают к эмоциональной открытости или сдержанности при выражении заботы? Как культурные сценарии влияют на выбор единиц речевого этикета? Какие потенциальные недопонимания могут возникать в межкультурной коммуникации при расхождении норм? С этой точки зрения, для русского дискурса характерно акцентирование непосредственного эмоционального участия (*Я так за тебя переживаю!*), тогда как английский чаще опирается на конвенционализированные формулы вежливости (*I was a bit worried about you*).

Для лексической верификации и сравнительного анализа привлекались электронные корпуса—Национальный корпус русского языка (НКРЯ), Британский национальный корпус (BNC) и Корпус современного американского английского языка (COCA). Эти ресурсы позволяют уточнить частотность употребления и стилистическое распределение рассматриваемых единиц, дополняя основное наблюдение над кинодиалогами. Теоретическая основа исследования объединяет положения семантики [\[1, 6\]](#), прагматики [\[4, 8\]](#) и лингвокультурного подхода [\[2, 3, 10, 11\]](#).

Следует отметить и определённые ограничения метода. Хотя киноречь не может полностью приравняться к естественной разговорной речи, именно её сценарный характер делает её ценным объектом исследования. Диалоги в фильмах специально

создаются так, чтобы звучать аутентично и культурно уместно, что позволяет выявить социально узнаваемые модели эмоциональной коммуникации. Таким образом, кинодиалоги выступают надёжным и продуктивным источником для сопоставительного лингвокультурного анализа выражения тревоги и заботы в русском и английском языках.

3. Семантический и прагматический анализ выражения тревоги и заботы в кинодиалогах

Анализ русскоязычных и англоязычных кинодиалогов показывает, что выражения тревоги и заботы встречаются в широком спектре коммуникативных ситуаций—от вопросов о самочувствии собеседника до драматизации собственного эмоционального состояния и актов успокоения. Несмотря на то что семантические ресурсы обоих языков во многом сопоставимы, их прагматическая реализация демонстрирует заметные межкультурные различия.

Одним из наиболее частотных контекстов является забота о благополучии собеседника, выражаемая через прямые вопросы. В фильме *The Dark Knight* Рэйчел спрашивает Брюса: *"Are you alright? They said you were in the explosion."* Брюс отвечает формульно: *"I'm fine, don't worry."* Английское выражение заботы здесь конвенционализировано и сопровождается немедленным снижением степени тревоги адресата. В фильме *Брат 2* Света говорит: *«Ты в порядке? Я так волновалась!»*, на что Данила отвечает: *«Да, всё нормально.»* В данном случае прагматический эффект иной: говорящая прямо вербализует своё эмоциональное состояние (*Я так волновалась*), подчёркивая личную вовлечённость, а не стремясь её смягчить.

Вторая разновидность ситуаций включает ретроспективное выражение тревоги, когда персонажи описывают своё эмоциональное состояние после пережитой опасности или разлуки. В *Cast Away* Келли восклицает: *"I was so worried about you. I thought you'd never come back."* Усилитель *so worried* выражает эмпатию, оставаясь в пределах умеренной разговорной экспрессии. В фильме *Любовь и голуби* Надя говорит: *«Я вся извелась, не знала, что с тобой случилось!»*—идиома *вся извелась* передаёт тревогу в наглядной телесной метафоре. Подобная фигуративная интенсификация типична для русского коммуникативного стиля, где высокая эмоциональная выразительность является культурным маркером искренности.

В обоих языках выражения заботы также проявляются в составе этикетных формул. В сериале *Friends* Моника спрашивает: *"Is everything okay? You look a little pale."*—реплика выполняет социально ожидаемую функцию проявления участия и побуждает к откровенности. В фильме *Москва слезам не верит* Катерина замечает: *«Ты чего такой бледный? Всё в порядке?»* Русский пример сочетает прямое оценочное наблюдение с последующим вопросом о состоянии, создавая прагматическое сочетание критики и эмпатии. Русская стратегия выглядит эмоционально более прямой и потенциально угрожающей «лицу» собеседника, тогда как английская версия смягчена косвенным вступлением и вежливым тоном.

Ещё одной важной стратегией является успокоение в ответ на проявленную тревогу. В фильме *Harry Potter and the Order of the Phoenix* Гермиона говорит: *"We were so worried when you didn't come back last night."* Гарри отвечает: *"I'm fine. There's nothing to worry about."* Повтор лексемы *worry* служит для признания чувства беспокойства и его одновременного нейтрализования. В фильме *Легенда № 17* Анатолий говорит Харламову: *«Мы за тебя всю ночь переживали!»*, на что тот отвечает: *«Ну, чего вы, всё нормально.»* Русская реплика содержит гиперболу (*всю ночь переживали*), усиливающую

эмоциональную значимость, тогда как ответ, хоть и минимизирует тревогу, сохраняет экспрессивно-доброжелательный оттенок.

В кинодиалогах также встречаются случаи предвосхищаемой тревоги, когда персонажи выражают беспокойство по поводу будущих событий. В *Titanic* Роуз признаётся: *"I'm afraid something terrible is going to happen."*—выражение *I'm afraid* функционирует как прагматический хедж и одновременно как сигнал внутреннего предчувствия. В фильме Стиляги Мэлс говорит: «Мне тревожно, что всё это плохо кончится.» Ключевое слово тревожно передаёт характерное для русской культуры ощущение экзистенциального беспокойства, менее смягчённого, чем английское *I'm afraid*.

В совокупности эти примеры показывают, что, несмотря на общие семантические средства (англ. *to worry, to be anxious* / рус. волноваться, тревожиться), прагматическое оформление выражения тревоги и заботы различается. Английские диалоги чаще опираются на конвенциональные формулы вежливости и стратегии смягчения, минимизируя эмоциональную нагрузку высказывания. Русские же диалоги, напротив, нередко подчёркивают интенсивность чувств с помощью идиоматических метафор (*вся извелась, сердце не на месте*), гиперболы и драматизации. Эти наблюдения согласуются с более ранними исследованиями, согласно которым русская коммуникативная культура характеризуется эмоциональной экспрессивностью [3], тогда как английская — сдержанностью и формульностью выражения эмоций [4, 10].

4. Семантический анализ выражений тревоги и заботы

Семантический анализ кинодиалогов показывает, что в русском и английском языках используются в целом сопоставимые лексические ресурсы для выражения тревоги и заботы, однако их семантические поля различаются по оттенкам значения, степени интенсивности и образным расширениям. Эти различия отражают культурно обусловленные представления об эмоциональном напряжении и заботе о другом человеке.

4.1. Ключевые лексические глаголы

Основные лексемы русского языка включают глаголы волноваться («испытывать волнение, беспокойство»), тревожиться («чувствовать тревогу») и беспокоиться («проявлять заботу, испытывать беспокойство»). Хотя они нередко употребляются как синонимы, их коннотации различаются. Волноваться—наиболее частотный и нейтральный глагол, употребляемый в повседневных ситуациях (*Я так волновалась, когда тебя не было*). Тревожиться передаёт более сильное, нередко затяжное или экзистенциальное беспокойство (*Мне тревожно, что всё это плохо кончится*). Беспокоиться семантически ближе к понятию «забота», чаще обозначает эмоциональное участие в отношении другого человека (*Мама всегда беспокоится о тебе*).

В английском языке основными эквивалентами выступают *to worry, to be anxious* и *to be concerned*. Глагол *to worry* охватывает широкий диапазон интенсивности—от лёгкой озабоченности до сильного волнения (*I was so worried about you*). *To be anxious* подразумевает более выраженное состояние тревоги, часто с оттенками напряжённости или беспокойства (*He was anxious before the exam*). *To be concerned* представляет собой наиболее нейтральный и социально приемлемый вариант, обозначающий рационализированную заботу (*I'm concerned about your health*). Таким образом, английская система демонстрирует более чёткое разграничение между эмоциональным беспокойством (*worried, anxious*) и социально приемлемой заботой (*concerned*), тогда как

русская лексика чаще объединяет эти аспекты в одном глаголе.

4.2. Прилагательные и состояния

Прилагательные также играют важную роль в выражении тревоги и заботы. В русском языке употребляются формы взволнованный, озабоченный, тревожный, нервный. Они несут не только смысловые, но и стилистические оттенки: озабоченный может указывать на рациональное беспокойство, но иногда приобретает иронический характер; тревожный имеет более высокий, экзистенциальный стиль; взволнованный сочетает эмоциональную возбудимость с лёгкой положительной окраской.

В английском языке эмоциональное поле тревоги представлено прилагательными *worried, anxious, concerned, uneasy, nervous*. Среди них *worried* является наиболее частотным и универсальным, охватывая широкий диапазон эмоциональной интенсивности. *Anxious* используется как в разговорной, так и в медицинской речи, объединяя повседневное и профессиональное употребление. *Uneasy* выражает мягкое, кратковременное чувство тревоги, тогда как *concerned* чаще встречается в формальном или социально вежливом контексте (*a concerned parent, a concerned citizen*). В целом английские прилагательные звучат менее эмоционально насыщенно и более нейтрально по сравнению с русскими, особенно в официальных ситуациях общения.

4.3. Идиоматические и образные выражения

И русский, и английский языки активно используют соматические метафоры для обозначения тревоги. В русском языке распространены идиомы сердце не на месте, я вся извелась, нервы на пределе, которые передают эмоциональное напряжение через телесные образы. Такие выражения подчёркивают телесную вовлечённость эмоций, представляя тревогу не только как психическое, но и как физическое состояние.

В английском аналогичную функцию выполняют выражения *my heart was in my mouth* (сильное волнение или страх), *to be on edge* (нервное напряжение), *butterflies in the stomach* (волнение перед событием), *to lose sleep over* (длительное беспокойство). Хотя эти идиомы также опираются на телесную метафорику, они звучат менее драматично, иногда даже разговорно-иронично (*butterflies in the stomach*). По сравнению с русскими, английские идиомы чаще демонстрируют умеренность и метафорическую сглаженность, соответствующую культурной норме эмоциональной сдержанности.

4.4. Усилители и модификаторы

В кинодиалогах обеих культур часто встречаются наречия и модификаторы, усиливающие эмоциональную нагрузку. В русском языке это так, ужасно, безумно (*Я так волновалась!, Я ужасно переживаю!*), что придаёт речи экспрессивность и драматизм. В английском для тех же целей используются *so, really, pretty, quite* (*I was so worried about you, I'm really concerned*). Более сильные усилители (*terribly, awfully*) встречаются значительно реже. Таким образом, английская речь демонстрирует тенденцию к умеренности и прагматическому смягчению эмоциональности.

4.5. Семантическое пересечение и расхождение

Сопоставительный анализ выявляет несколько закономерностей:

1) Оба языка обладают богатым набором лексических средств выражения тревоги и заботы, однако распределение значений различается. В русском наблюдается частое наложение семантических зон, где один глагол (*переживать*) совмещает значения

личного волнения и заботы о другом. В английском, напротив, чётче разграничены эмоциональные и социальные значения (*worried/anxious* — эмоциональное, *concerned* — социальное).

2) Русская идиоматика и система усилителей тяготеют к эмоциональной гиперболе, изображая тревогу как интенсивное, всеобъемлющее состояние. Английские метафоры, напротив, чаще смягчены и формульны, что соответствует культурной ориентации на умеренность.

3) Русские прилагательные и глаголы нередко содержат экзистенциальный компонент (*тревожно, беспокойно*), связывая эмоциональные переживания с общим ощущением жизненной нестабильности. Английская лексика, напротив, чаще структурируется вокруг ситуативных контекстов (*concerned about your job, worried about the exam*).

4.6. Промежуточные выводы

Семантический анализ кинодиалогов подтверждает наблюдения о культурной специфике концептуализации эмоций. В русском дискурсе тревога и забота предстают как глубоко переживаемые, телесно и эмоционально насыщенные состояния, выражаемые через идиоматическую экспрессию и метафоризацию. Английский дискурс, напротив, тяготеет к лексической умеренности, более чёткому разграничению между эмоциональным волнением и социальной заботой, а также опоре на устойчивые, формульные выражения. Эти различия определяют последующие прагматические расхождения, которые рассматриваются в следующем разделе.

5. Прагматический анализ выражения тревоги и заботы в кинодиалогах

Прагматическое измерение выражения тревоги и заботы определяется не только выбором лексических средств, но и их интеракционными функциями. В обоих языках забота может проявляться как искренний вопрос, как ритуализированная формула этикета, как способ выражения солидарности или как стратегия смягчения потенциальной угрозы «лицу» собеседника. Однако баланс между этими стратегиями существенно различается в русской и английской коммуникативных традициях, отражая культурно обусловленные модели общения.

5.1. Прямота и косвенность выражения

Одним из ключевых различий является степень прямоты при выражении заботы. Английские диалоги чаще используют косвенные или смягчённые формы. В сериале *Friends* Моника спрашивает: *"Is everything okay? You look a little pale."*—здесь забота оформлена как вежливый вопрос, смягчённый вводным выражением *a little*. Аналогично, формула *Are you alright?* в фильме *The Dark Knight* является конвенциональной и ненавязчивой.

В русских фильмах, напротив, проявляется прямая и эмоционально насыщенная забота. В *Брате 2* Света восклицает: *«Ты в порядке? Я так волновалась!»*—говорящая прямо выражает своё волнение, выходя за пределы формульного этикета. В *Москве слезам не верит* Катерина спрашивает: *«Ты чего такой бледный? Всё в порядке?»*—прямое замечание внешности (*Ты чего такой бледный*) в английской культуре могло бы восприниматься как угрожающее «лицу» собеседника, но в русском контексте оно воспринимается как проявление искреннего участия и эмпатии.

5.2. Выражение солидарности и эмпатии

Ещё одна важная функция выражений тревоги—установление эмоциональной солидарности с собеседником. В *Cast Away* Келли говорит Чаку: "*I was so worried about you. I thought you'd never come back.*" — ретроспективное выражение беспокойства укрепляет близость и эмоциональную связь. В русском фильме *Любовь и голуби* Надя говорит: «*Я вся извелась, не знала, что с тобой случилось!*»—выражение не только передаёт тревогу, но и драматизирует страдания говорящей. Подобная экспрессия усиливает эмпатию и отражает культурную норму эмоциональной открытости.

5.3. Стратегии успокоения

После выражения тревоги часто следует акт успокоения, направленный на снятие беспокойства собеседника. В английской речи преобладает рациональное и эмоционально сдержанное успокоение. Так, в *Harry Potter and the Order of the Phoenix* Гермиона говорит: "*We were so worried when you didn't come back last night.*"—Гарри отвечает: "*I'm fine. There's nothing to worry about.*" Повтор глагола *worry* выполняет функцию признания чувства, но сразу же нейтрализует его.

В русском кинодискурсе успокоение, напротив, часто сохраняет эмоциональную окраску. В фильме *Легенда № 17* Харламов отвечает на реплику товарищей («*Мы за тебя всю ночь переживали!*»): «*Ну, чего вы, всё нормально.*» Частица *ну* и разговорная интонация создают эффект теплоты, при этом говорящий признаёт эмоциональную значимость ситуации. Таким образом, русская стратегия сочетает минимизацию тревоги с аффективной поддержкой, тогда как английская — с логическим завершением коммуникации.

5.4. Формульный этикет и эмоциональная вовлечённость

В прагматическом плане важно различать формульные выражения вежливости и эмоционально вовлечённые высказывания. В английской речи выражения заботы нередко выполняют функцию социальной смазки (*Is everything okay?, Don't worry*), не всегда свидетельствуя о глубоком эмоциональном переживании. В русском языке даже формульные выражения часто наполнены эмоцией и усиливаются наречиями (*Я так волновалась!, Мы ужасно переживали!*). Это отражает различие культурных установок: в русской традиции вежливость тесно связана с искренностью и экспрессией, а в английской — с сдержанностью и стандартизированными формами.

5.5. Предвосхищаемая и ретроспективная тревога

Различия проявляются и во временной перспективе выражения тревоги. В *Titanic* Роуз говорит: "*I'm afraid something terrible is going to happen.*" — выражение *I'm afraid* одновременно служит и хеджем, и сигналом предчувствия. В *Стилягах* Мэлс признаётся: «*Мне тревожно, что всё это плохо кончится.*» Русская реплика звучит более экзистенциально и эмоционально, не содержит прагматического смягчения, типичного для английского. Ретроспективные выражения, как у Келли (*Cast Away*) или Нади (*Любовь и голуби*), в русском дискурсе часто драматизируются, тогда как в английском остаются краткими и сдержанными.

5.6. Межкультурные прагматические тенденции

Сравнительный анализ позволяет выделить три основные тенденции:

1) В английском языке выражения заботы, как правило, рутинны, косвенны и смягчены различными прагматическими средствами. Они выполняют функцию стратегий вежливости, направленных на снижение социальной напряжённости и сохранение

«лица» собеседника. Успокоение носит рациональный и сдержанный характер.

2) В русском языке, напротив, выражения тревоги и заботы чаще прямые, эмоционально насыщенные и драматизированы. Они нередко сочетают искреннюю эмпатию с гиперболой или метафоризацией, а успокоение сохраняет аффективную теплоту вместо нейтрализации эмоций.

3) Эти различия могут приводить к прагматическим недопониманиям в межкультурном общении. Русский говорящий может воспринимать английскую сдержанность как холодность или безразличие, а англоговорящий—русскую экспрессивность как избыточную эмоциональность или вторжение в личное пространство. Подобные расхождения подчёркивают необходимость лингвокультурной осведомлённости при интерпретации эмоциональных речевых актов.

5.7. Промежуточные выводы

Прагматический анализ кинодиалогов показывает, что выражение тревоги и заботы — это не просто эмоциональные всплески, а системные коммуникативные стратегии, встроенные в культурные сценарии. Русский диалог ориентирован на эмоциональную открытость и солидарность, английский — на формульную вежливость и смягчение. Оба типа речи реализуют универсальную человеческую потребность выражать участие и эмпатию, однако делают это через различные прагматические механизмы, определяемые культурной нормой общения.

6. Лингвокультурное сопоставление выражений тревоги и заботы

Прагматический анализ кинодиалогов показывает, что выражения тревоги и заботы функционируют не как спонтанные эмоциональные реакции, а как культурно структурированные коммуникативные стратегии. В русском кинодискурсе говорящие, как правило, проявляют эмоциональную открытость и акцентируют межличностную солидарность, тогда как в английском дискурсе преобладают конвенциональные формулы вежливости и стратегии смягчения. Обе языковые системы реализуют универсальную человеческую потребность в эмпатии и выражении участия, однако делают это через разные прагматические и культурные механизмы.

6.1. Общие универсалии

На универсальном уровне и русский, и английский языки используют выражения тревоги и заботы как механизмы эмпатии, солидарности и социального сближения. В обеих традициях забота о благополучии другого человека (*Are you alright? / Ты в порядке?*) выступает формулой этикета, подтверждающей межличностную связь. Аналогично, высказывания-успокоения (*Don't worry / Всё нормально*) служат прагматической стратегией снятия напряжения и восстановления эмоционального равновесия в общении. Идиоматические выражения с телесной метафорикой (*my heart was in my mouth / сердце не на месте*) указывают на общее представление о тревоге как о физическом переживании эмоционального дискомфорта. Эти параллели свидетельствуют о универсальности заботы как коммуникативного акта, укоренённого в человеческом опыте взаимодействия.

6.2. Русский коммуникативный стиль

Русский диалог характеризуется высокой степенью эмоциональной открытости и интенсификации. Забота нередко драматизируется с помощью гиперболических идиом (*Я вся извелась, мы всю ночь переживали*) и усилительных наречий (*так волновалась,*

ужасно переживаю»). Подобная экспрессия отражает культурную установку на искренность и аффективную прозрачность, где интенсивность высказывания прямо коррелирует с глубиной личного участия.

Кроме того, в русском языке эмоциональные и социальные измерения заботы переплетены. Глаголы *переживать* и *беспокоиться* одновременно обозначают внутреннее волнение и заботу о другом человеке, стирая границу между «личным» и «альтруистическим» беспокойством. Русская вежливость, как отмечает Т. В. Ларина [3], реализуется преимущественно через стратегии позитивной вежливости, направленные на сближение, эмпатию и разделение эмоций. В этом контексте прямое упоминание внешнего вида (*Ты чего такой бледный?*) или эмоционально насыщенные выражения тревоги не воспринимаются как вмешательство в личное пространство, а, напротив, служат знаком подлинного участия и сочувствия.

6.3. Английский коммуникативный стиль

Английский диалог, напротив, тяготеет к эмоциональной сдержанности и формульной вежливости. Забота выражается через устойчивые вопросы (*Is everything okay?, Are you alright?*) или смягчённые наблюдения (*You look a little pale*). Усилители (*I was so worried*) встречаются, но гиперболизация эмоций гораздо реже, чем в русском. Успокаивающие реплики обычно рациональны и завершают эмоциональную ситуацию, например: *There's nothing to worry about*.

Выражения заботы в английской речи отражают культурные сценарии негативной вежливости [4], ориентированные на уважение автономии собеседника и минимизацию вторжения. Вопрос о самочувствии часто представляет собой ритуал вежливости, а не эмоциональное признание. Даже идиоматические выражения (*to lose sleep over, butterflies in the stomach*) чаще смягчают или иронизируют эмоциональное напряжение, чем усиливают его.

6.4. Возможные межкультурные недопонимания

Выявленные различия порождают высокий риск прагматических недопониманий в межкультурной коммуникации. **Русскоговорящий**, привыкший к открытому и эмоционально насыщенному выражению заботы, может воспринимать **английскую** сдержанность как холодность или безучастие. **Англоговорящий** собеседник, напротив, может истолковать русскую экспрессивность как избыточную драматизацию или навязчивость. Эти расхождения затрагивают не только уровень языка, но и глубинные культурные ожидания относительно допустимых форм выражения эмоций. Так, русское успокоение Ну, чего вы, всё нормально несёт оттенок тепла и коллективной поддержки, тогда как английское *I'm fine, don't worry* звучит более нейтрально и самодостаточно. Без понимания таких культурных различий участники межкультурного общения рискуют неверно интерпретировать эмоциональные намерения друг друга.

6.5. Обобщение результатов

Лингвокультурное сопоставление показывает, что русская коммуникативная культура ориентирована на эмоциональную экспрессивность, солидарность и искренность, в то время как английская коммуникативная культура основывается на умеренности, самоконтроле и следовании вежливым формулам. Обе системы служат одной и той же цели—выражению эмпатии, участия и заботы,—но реализуют её через разные культурно закреплённые стратегии. Понимание этих закономерностей имеет важное значение не только для описания речевого этикета, но и для межкультурной коммуникации,

переводоведения и преподавания иностранных языков. Осознание различий в прагматике эмоций способствует формированию межкультурной компетенции и более точной интерпретации эмоциональных речевых актов в различных лингвокультурах.

7. Дискуссия

Результаты семантического и прагматического анализа показывают, что, несмотря на сходство коммуникативных целей выражений тревоги и заботы в русском и английском языках, их лингвокультурная реализация существенно различается. Эти различия позволяют глубже понять природу речевого этикета, прагматику эмоциональной экспрессии и механизмы межкультурного взаимодействия.

7.1. Лингвистические и культурные выводы

Контраст между русской эмоциональной открытостью и английской сдержанностью подтверждает известные модели культурных стилей коммуникации. Как отмечает Т. В. Ларина [3], русская вежливость преимущественно опирается на стратегии позитивной вежливости, подчеркивающие солидарность и эмоциональную вовлечённость. Анализ кинодиалогов подтверждает эту тенденцию: выражения заботы часто драматизируются и усиливаются идиоматическими гиперболами (*Я вся извелась, всю ночь переживали*), что отражает культурные нормы искренности и экспрессивной эмпатии.

В английской речи, напротив, преобладают стратегии негативной вежливости [4], направленные на минимизацию вторжения в личное пространство собеседника. Забота выражается с помощью устойчивых, формульных реплик (*Is everything okay?, Are you alright?*), которые служат главным образом для поддержания социального равновесия, а не для выражения реального эмоционального волнения. Аналогично, успокаивающие высказывания (*There's nothing to worry about*) носят рациональный характер и сигнализируют эмоциональную умеренность. Таким образом, язык кодирует культурные ценности автономии, самоконтроля и умеренности.

7.2. Межкультурная коммуникация

Лингвокультурные различия в выражении тревоги и заботы имеют прямые практические последствия для межкультурного общения. Недопонимания возникают, когда собеседники интерпретируют эмоциональные выражения через призму собственных культурных норм. Русский говорящий, привыкший к открытым и эмоционально насыщенным проявлениям участия, может воспринять английскую сдержанность как равнодушие. Англоговорящий же может счесть русскую экспрессию избыточной или навязчивой.

Такие несоответствия могут влиять не только на повседневное общение, но и на профессиональные сферы — например, в медицине, образовании или социальной работе, где выражение заботы играет ключевую роль в установлении доверия. Некорректное с культурной точки зрения проявление участия может ослабить взаимопонимание или исказить восприятие намерений. Следовательно, знание культурных сценариев выражения заботы становится важным условием успешного межкультурного взаимодействия.

7.3. Перевод и преподавание языков

Исследование подчёркивает значимость культурной чувствительности в переводе и обучении иностранным языкам. Переводчики часто сталкиваются с трудностями при

передаче выражений заботы и тревоги. Дословный перевод русских идиом (*сердце не на месте, я вся извелась*) на английский может звучать излишне драматично или комично, тогда как чрезмерное упрощение приводит к потере культурных нюансов эмпатии. Аналогично, английские формулы вежливой заботы (*I'm concerned about...*) при прямом переводе на русский могут восприниматься как эмоционально холодные.

В педагогике использование аутентичных примеров из фильмов способствует развитию не только лексико-грамматических навыков, но и межкультурной компетенции. Студенты, изучающие русский или английский язык как иностранный, получают возможность понять не только словарное значение, но и прагматическую нагрузку выражений заботы. Включение анализа кинодиалогов в учебный процесс обеспечивает реалистический и контекстно насыщенный материал для формирования коммуникативной компетенции.

7.4. Теоретический вклад исследования

Работа вносит вклад в более широкий контекст исследований в области прагматики и лингвокультурологии. Она демонстрирует, что речевые акты, связанные с выражением эмоций, невозможно адекватно описать без учёта семантического, прагматического и культурного уровней. Кинодиалог, как особый тип гибридного дискурса, представляет собой продуктивный исследовательский материал: он имитирует естественное общение, одновременно отражая социально значимые коммуникативные практики. Это подтверждает ценность анализа киноречи как дополнения к корпусным и этнолингвистическим методам в современном языкознании.

7.5. Промежуточные выводы

Анализ показал, что семантика и прагматика выражения тревоги и заботы выходят за рамки чисто языковых явлений, отражая глубинные культурные ценности и традиции общения. Русские и английские диалоги иллюстрируют два контрастных, но взаимодополняющих способа проявления эмпатии: первый основан на эмоциональной открытости и солидарности, второй — на вежливой сдержанности и конвенциональности. Эти наблюдения имеют практическую значимость для межкультурной коммуникации, перевода, преподавания языков и теоретической лингвистики, подчёркивая важность лингвокультурного подхода при исследовании того, как эмоции кодируются и реализуются в языке.

Заключение

Сопоставительный анализ русских и английских кинодиалогов показывает, что, хотя оба языка обладают широким семантическим и прагматическим репертуаром для выражения тревоги и заботы, их лингвокультурная реализация существенно различается. Русский дискурс характеризуется эмоциональной открытостью, активным использованием гиперболических и идиоматических выражений, а также выраженной тенденцией к драматизации — чертами, отражающими культурные ценности искренности, эмпатии и межличностной солидарности. Напротив, английский дискурс демонстрирует эмоциональную сдержанность, опору на конвенционализированные формулы вежливости и прагматические стратегии смягчения, что соотносится с культурными установками на автономию личности, самоконтроль и уважение к личным границам.

Несмотря на эти различия, обе языковые традиции реализуют универсальные коммуникативные функции: выражение заботы служит средством проявления эмпатии, солидарности и поддержания социальных связей, а успокоение выполняет роль снижения эмоционального напряжения и восстановления равновесия в коммуникации.

Различия проявляются главным образом в степени эмоциональной интенсивности и в культурных сценариях, регулирующих нормы вежливости и допустимость эмоциональной экспрессии.

Результаты исследования показывают, что семантика и прагматика тревоги и заботы не сводятся к выбору отдельных слов, а представляют собой культурно закреплённые коммуникативные практики. Использование кинодиалогов в качестве материала подтвердило свою эффективность: кинодискурс одновременно имитирует живое общение и акцентирует социально значимые модели речевого этикета.

Проведённое исследование вносит вклад в развитие лингвокультурной прагматики, углубляя понимание того, как эмоции вербализуются и ритуализируются в разных культурах. Работа имеет и практическое значение—для теории и практики перевода, преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации, где знание культурных сценариев выражения заботы способствует предотвращению недопонимания и укреплению взаимопонимания.

Перспективы дальнейших исследований включают расширение сравнительного анализа на другие языки и культуры, изучение других эмоциональных доменов—например, гнева, радости или сочувствия, а также мультимодальный анализ просодических и невербальных аспектов в кино и реальной коммуникации. Таким образом, исследование выражений тревоги и заботы открывает более широкие перспективы для изучения взаимосвязи языка, культуры и эмоций в человеческом общении.

Библиография

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009. 509 с. EDN: SUQIKR.
4. Brown, P., & Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 358 pp.
5. Dynel, M. The Pragmatics of Humour Across Discourse Domains. Amsterdam: John Benjamins, 2011. Vol. 210.
6. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 223 pp.
7. Kozloff, S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley: University of California Press, 2000. 332 pp.
8. Levinson, S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 438 pp.
9. Piazza, R., Bednarek, M., & Rossi, F. Telecinematic Discourse: Approaches to the Language of Films and Television Series. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 315 pp.
10. Wierzbicka, A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 pp.
11. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction (2nd ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. 502 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью «Семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русском и английском языках: лингвокультурный подход»

Статья посвящена сопоставительному анализу семантических и прагматических особенностей вербализации тревоги и заботы в русском и английском языках с использованием материала кинодиалогов. Автор ставит целью выявить лингвокультурные различия в способах выражения этих эмоций, что позволяет рассматривать работу в русле актуальных междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, культурологии и прагматики.

Предмет исследования — система языковых маркеров и прагматических стратегий, используемых для передачи тревоги и заботы в русском и английском кинодискурсе. Методология основана на трёхступенчатом анализе: семантическом (изучение лексических единиц), прагматическом (функции высказываний в коммуникации) и лингвокультурном (интерпретация данных в контексте культурных норм). Такой подход демонстрирует системность и научную строгость, хотя стоило бы более чётко описать принципы отбора фильмов и объём исследуемого материала. Использование корпусов (НКРЯ, BNC, COCA) для верификации данных усиливает достоверность результатов.

Актуальность исследования не вызывает сомнений: в условиях глобализации и увеличения межкультурных контактов понимание различий в эмоциональной коммуникации становится ключевым для предотвращения прагматических неудач. Исследование вносит вклад не только в теоретическую лингвистику, но и в прикладные области — переводоведение, преподавание языков, межкультурный тренинг.

Научная новизна заключается в комбинации лингвокультурного и прагматического подходов с привлечением кинодиалогов в качестве основного материала. Кинотексты рассматриваются не просто как иллюстративный материал, а как культурные артефакты, отражающие и формирующие коммуникативные нормы. Это позволяет авторам избежать абстрактности и предложить конкретные примеры употребления эмоциональной лексики в естественных, хотя и смоделированных, ситуациях.

Стиль статьи соответствует жанру научного исследования: ясный, структурированный, с опорой на авторитетные источники. Структура логична и последовательна — от теоретического обоснования к эмпирическому анализу и интерпретации. Однако в некоторых разделах, особенно в семантическом анализе, не хватает наглядности: таблицы или схемы, систематизирующие различия между русскими и английскими лексемами, могли бы улучшить восприятие.

Библиография репрезентативна и включает как классические труды (Апресян, Вежбицкая, Браун и Левинсон), так и современные работы по прагматике и кинодискурсу. Тем не менее, можно отметить отсутствие ссылок на исследования, посвящённые эмоциональному дискурсу или кросс-культурным различиям в выражениях тревоги — это могло бы усилить теоретическую базу.

Апелляция к оппонентам имплицитно присутствует в тексте: авторы учитывают возможную критику относительно искусственности кинодиалогов и заранее аргументируют их ценность как культурно релевантного материала. Однако стоило бы явнее обозначить ограничения исследования — например, зависимость от жанра кино или влияние сценарной условности на речевые паттерны.

Выводы работы убедительны и соотнесены с поставленными задачами. Они подчёркивают, что русский коммуникативный стиль тяготеет к эмоциональной открытости и гиперболизации, тогда как английский — к сдержанности и формульности. Эти результаты представляют интерес не только для лингвистов, но и для специалистов по

межкультурной коммуникации, преподавателей иностранных языков, переводчиков, а также для широкой аудитории, интересующейся культурными различиями.

Статья представляет собой законченное, методологически выверенное исследование с чёткой структурой и ценными выводами. Несмотря на отдельные недочёты — недостаток визуализации данных и необходимость более полного описания методологии отбора материала — работа соответствует уровню научной публикации. Высказанные замечания носят рекомендательный характер и не снижают общей положительной оценки проведенного исследования. Полагаем, что рецензируемая статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Цзян Ш. Нарративное исследование конструирования национального имиджа Китая русскоязычным каналом CGTN в межкультурной перспективе // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76084 EDN: IWHRHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76084

Нарративное исследование конструирования национального имиджа Китая русскоязычным каналом CGTN в межкультурной перспективе

Цзян Шун

ORCID: 0009-0002-0883-6227

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, р-н Коньково, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2

✉ jennie_01@foxmail.com



[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76084

EDN:

IWHRHO

Дата направления статьи в редакцию:

30-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является кросс-культурное конструирование национального имиджа Китая русскоязычным каналом CGTN в 2025 году. Объектом исследования выступают нарративные практики канала при освещении трёх ключевых событий: визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию (май), визита Президента РФ В. В. Путина в Китай (август–сентябрь) и введения взаимного безвизового режима с культурными обменах (в течение года). Автор анализирует, каким образом канал через воспроизводство исторической памяти, дискурс стратегического сотрудничества и бытовое измерение культурных обменов формирует многоуровневую траекторию коммуникации – от макрополитики к дипломатии и далее к социальной сфере. Особое внимание уделяется сочетанию «самопрезентации» и «третьих голосов», которое одновременно укрепляет образ Китая как «мирного, надёжного и партнёрского» государства и повышает доверие аудитории. Методология: Исследование сосредоточено на русскоязычном CGTN, анализируются три кейса 2025 г. (визит Си в Россию, визит

Путина в Китай, взаимный безвиз). Используются контент-, фрейм- и сравнительный анализ материалов (сайт, видео, VK), опора на теории «мягкой силы», «псевдосреды» и модель 5W. Научная новизна состоит в многоуровневой модели описания внешнего нарратива CGTN на русском: от макрополитической символики (историческая память и ритуалы), через стратегическую дипломатию (равноправное партнёрство, многополярность), к культурно-социальной близости как кумулятивной траектории сокращения перцептивной дистанции. Установлено, что канал эффективно использует повестку и фреймы для усиления тем «взаимная выгода/мирное развитие» и повышает доверие за счёт «третьих голосов» (эксперты, мнения граждан), однако ограничен доминированием формата «новость+комментарий», недостатком культурного разнообразия и слабой интерактивностью на новых платформах. Рекомендуется наращивать мультимодальный сторителлинг (инфографика, короткие вертикальные видео), долю современного культурного контента и ко-репрезентацию с локальными медиапартнёрами/блогерами, что позволит перейти от простого «голоса» к устойчивому межкультурному резонансу и укрепить имидж Китая как «надёжного, мирно развивающегося партнёра».

Ключевые слова:

Национальный имидж, Русскоязычный канал CGTN, Межкультурная коммуникация, Нарративные стратегии, Мягкая сила, Китай, Россия, Китайско-российские отношения, Дискурсивная власть, Международная журналистика

ВВЕДЕНИЕ

Национальный имидж является концентрированным отражением совокупной мощи государства и его базовых ценностей; он представляет собой ключевой ресурс участия страны в международной конкуренции, развития дипломатического сотрудничества и укрепления национальной идентичности [\[1\]](#). Позитивный имидж государства способствует повышению его международного статуса, защите национальных интересов и оказывает мощную поддержку политическому, экономическому и культурному развитию. В условиях постоянной трансформации глобальной структуры общественного мнения формирование национального имиджа стало важным полем борьбы за «мягкую силу» между ведущими державами, где международная коммуникация играет незаменимую роль. Однако ряд западных стран, руководствуясь геополитическими соображениями и опираясь на свои сильные информационно-коммуникационные ресурсы, систематически дискредитируют Китай, раздувая «китайскую угрозу» и создавая предвзятые нарративные рамки. Подобные искажённые представления не только усиливают недопонимание Китая мировым сообществом, но и серьёзно препятствуют культурному, экономическому и гуманитарному взаимодействию с другими странами. В этой связи перед Китаем встаёт практическая задача — с помощью эффективной работы средств массовой информации разрушить доминирование «чужой репрезентации» и заново выстроить собственный национальный имидж.

В условиях сложной и быстро меняющейся международной медиа-среды, когда традиционные СМИ и цифровые платформы глубоко интегрируются, CGTN как важная часть китайской системы внешней коммуникации выполняет миссию «рассказать Китае хорошо» и сформировать образ страны как надёжного, привлекательного и уважаемого партнёра. Особенно значима в этом контексте деятельность русскоязычного канала

CGTN, который, ориентируясь на Россию как ядро русскоязычного пространства, посредством новостных материалов, тематических программ и контента в социальных сетях постепенно формирует устойчивую площадку для распространения образа Китая в регионе. Согласно данным за 2025 год, канал насчитывает 543 тыс. подписчиков на платформе VK и 324 тыс. подписчиков на YouTube, что свидетельствует о его растущем региональном влиянии.

Однако эффективность международной коммуникации определяется не только широтой охвата аудитории, но и стратегией нарратива, культурной адаптивностью и способностью вызывать ценностный отклик. На современном этапе CGTN на русском сталкивается с рядом проблем: однообразие контента, недостаток креативности, культурные барьеры, ограниченное сочетание «саморепрезентации» и «чужой репрезентации». Поэтому ключевой задачей становится переосмысление нарративных стратегий с учётом локальной специфики и инновационных подходов, что позволит повысить эффективность межкультурной коммуникации.

Настоящее исследование анализирует освещение русскоязычным каналом CGTN ключевых событий китайско-российских отношений в 2025 году и рассматривает, каким образом через повестку дня, нарративные рамки, культурные символы и медийные технологии осуществляется конструирование национального имиджа Китая в межкультурной перспективе. Теоретическую основу работы составляют концепция «мягкой силы», теория «псевдоокружения», а также модель 5W. На материале таких кейсов, как визит Си Цзиньпина в Россию, визит Владимира Путина в Китай и введение режима взаимного безвизового въезда с сопутствующими культурными обменах, проводится текстуальный анализ, направленный на оценку эффективности данных коммуникационных практик и выявление возможных направлений их совершенствования. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего развития международного коммуникативного потенциала Китая в условиях новой эпохи.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование сосредоточено на русскоязычном канале CGTN и использует в качестве эмпирического материала освещение ключевых событий китайско-российских отношений в 2025 году. Рассматриваются три группы кейсов:

I визит Си Цзиньпина в Россию (май, включая мероприятия Дня Победы);

I визит Владимира Путина в Китай (август–сентябрь, включая саммит ШОС в Тяньцзине и празднование 80-летия Победы в войне сопротивления японской агрессии);

I введение режима взаимного безвизового въезда и культурные обмены (в течение всего года).

Материалами исследования выступают: официальные разделы и видеопрограммы на сайте русскоязычного канала CGTN, а также сопровождающий контент (тексты, изображения и короткие видеоролики) на платформе VK. Анализ направлен на выявление того, каким образом канал использует нарративные стратегии для формирования национального имиджа Китая.

Теоретическую основу составляют концепция «мягкой силы», теория «псевдоокружения» и модель 5W, в сочетании с подходами теории повестки дня и анализа фрейминга. На основе сравнительного анализа содержания и способов представления ключевых кейсов выявлены успешные практики и ограничения в межкультурной коммуникации CGTN на

русском. Итогом исследования стало определение стратегий дальнейшей оптимизации нарратива, направленного на более эффективное конструирование национального имиджа Китая в международном медиапространстве.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Национальный имидж представляет собой концентрированное выражение совокупной мощи государства, его культурных ценностей и международного признания в глобальном коммуникативном пространстве. Его формирование зависит не только от политических и дипломатических действий, но и от взаимодействия механизмов медиакоммуникации, культурного обмена и публичного нарратива. Американский исследователь Джозеф Най (Joseph Nye) в своей теории «мягкой силы» подчёркивает, что государство может завоёвывать международную поддержку за счёт культурной привлекательности, институциональной идентичности и ценностного влияния, что обеспечивает более устойчивый эффект, чем простое использование экономического давления или военной силы [2]. Реализация «мягкой силы» невозможна без поддержки современной медиасистемы, а конструирование национального имиджа является ключевым каналом её проекции.

В рамках коммуникативных механизмов американский исследователь Уолтер Липпман (Walter Lippmann) в работе «Общественное мнение» выдвинул теорию «псевдоокружения» (см. рис. 1), согласно которой восприятие реальности формируется не через непосредственный опыт, а опосредуется системой медийных символов. Эта концепция показывает ведущую роль СМИ в формировании мировоззрения аудитории и восприятия «другого» [3].

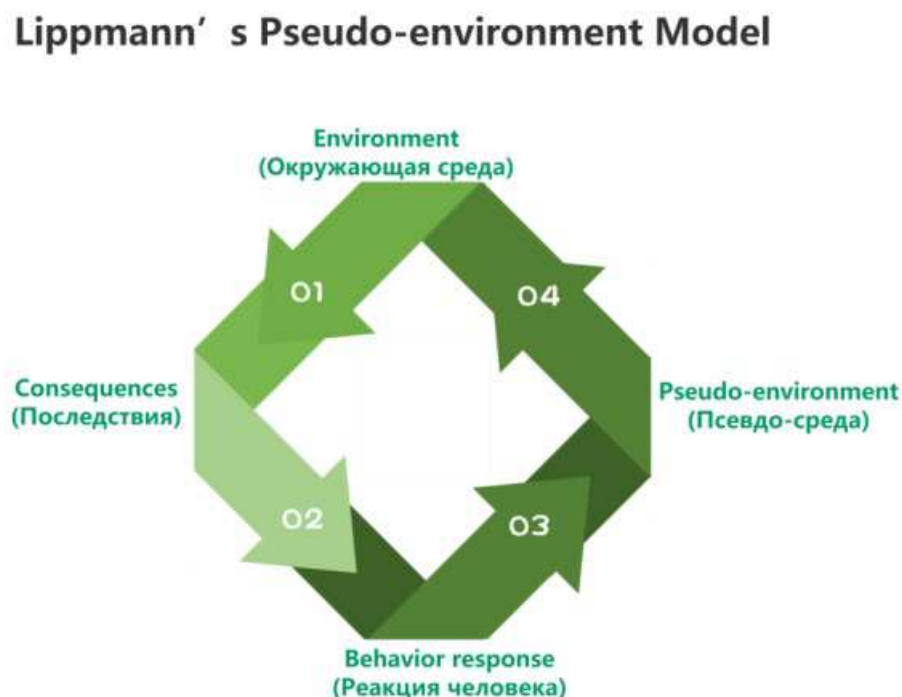


Рис. 1. Модель «псевдоокружения» Липпмана (Lippmann's Pseudo-environment Model)

Харольд Лассуэлл (Harold Lasswell) в модели коммуникации «5W» определил пять

базовых элементов процесса коммуникации: «кто»(коммуникатор) – «что» говорит (содержание) – «по какому каналу» (медиа) – «кому» (аудитория) – «с каким эффектом» (результат). Эта модель стала фундаментальной структурой для изучения процессов межкультурной коммуникации [4].

В прикладном измерении теория повестки дня Маккомбса (McCombs) и Шоу (Shaw) подчёркивает, что СМИ могут определять, «о чём думает аудитория», хотя и не диктуют, «как именно думать» [5]. Энтман (Entman), развивая теорию фрейминга, указывает, что выбор и акцентирование определённой информации в медиадискурсе формируют интерпретационные рамки и задают траекторию понимания событий аудиторией, создавая специфическую общественную атмосферу [6].

В российском медиапространстве формирование национального имиджа Китая сталкивается с новыми вызовами. Будучи важным стратегическим партнёром Китая, российская аудитория всё чаще формирует представления о стране через цифровые платформы. Исследования показывают, что культурные лидеры общественного мнения, такие как Ли Цзыци, завоевали широкое внимание в русскоязычной среде, преодолевая ограничения традиционного политического нарратива и формируя позитивный «человеческий» образ Китая через эстетику повседневности [7]. При этом возрастает значимость перспективы «гетероимиджа»: русскоязычные блогеры и третьи стороны, рассказывая о своём опыте в Китае, повышают доверие и объективность восприятия страны [8]. Установлено, что именно блогеры, комментарии зрителей и участие локальных культурных акторов составляют важнейшую силу «гетероимиджа» Китая [9]. Эти процессы коррелируют с практикой CGTN, которое в последние годы активно включает локальные дискурсы и цитирует российских экспертов и гостей.

Таким образом, теоретическая база настоящего исследования интегрирует концепцию «мягкой силы», теорию «псевдоокружения», теории повестки дня и фрейминга, модель 5W и концепцию межкультурной ориентации аудитории. На основе этих подходов формируется системный аналитический инструмент для оценки стратегий русскоязычного канала CGTN в формировании национального имиджа Китая. Детальный анализ его нарративной практики позволяет выработать рекомендации для дальнейшего совершенствования многоканальной внешней коммуникации Китая.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Международный имидж Китая и практика CGTN на русском

С момента реформ и политики открытости Китай добился выдающихся успехов в политической, экономической, аграрной, промышленной, культурной и социальной сферах, став второй по величине экономикой мира и оказав значительное влияние на глобальную экономическую и политическую систему [10]. Однако в XXI веке, несмотря на заметное укрепление совокупной мощи и международного статуса Китая, рост международного дискурсивного влияния остаётся отставшим. Под «международным дискурсивным влиянием» понимается способность государства выстраивать повестку в международном общественном мнении, формировать глобальные правила и оказывать воздействие на них. В настоящее время сохраняется дисбаланс «сильный Запад — слабый Китай»: западные СМИ по-прежнему удерживают доминирование в сфере дискурса и создают многочисленные стереотипы, неблагоприятные для Китая [11].

Например, в Global Soft Power Index (Глобальный индекс мягкой силы) Китай в 2024 году занял лишь 3-е место, уступив США (1-е место) и Великобритании (2-е место)^[12].

В русскоязычном мире образ Китая воспринимается сравнительно позитивно. По данным Фонда общественного мнения (ФОМ), 62% россиян считают Китай «самой близкой и дружественной страной», тогда как в 2014 году этот показатель составлял лишь 54%. Исследование «Общественное мнение о Китае и России — 2020» также показало, что двусторонние отношения воспринимаются как прочные и стабильные, а большинство респондентов положительно оценивают роль двух стран в международном культурном обмене^[13]. Однако международное исследование Pew Research Center (2025)^[14] выявило, что медианное значение негативного восприятия Китая в мире составляет 54%, а в ряде развитых стран этот показатель превышает 70%. Это указывает на то, что, несмотря на растущее участие и влияние Китая в международных делах, его национальный имидж по-прежнему сталкивается с серьёзными вызовами. В частности (см. табл. 1), негативное отношение преобладает в таких развитых странах, как Япония (86%), Республика Корея (80%), Швеция (79%) и США (77%), тогда как в развивающихся странах — Кении (74%), Нигерии (81%) и Индонезии (65%) — доминирует позитивное восприятие. Этот «геокультурный разрыв» подчёркивает региональные различия в восприятии Китая международным сообществом.

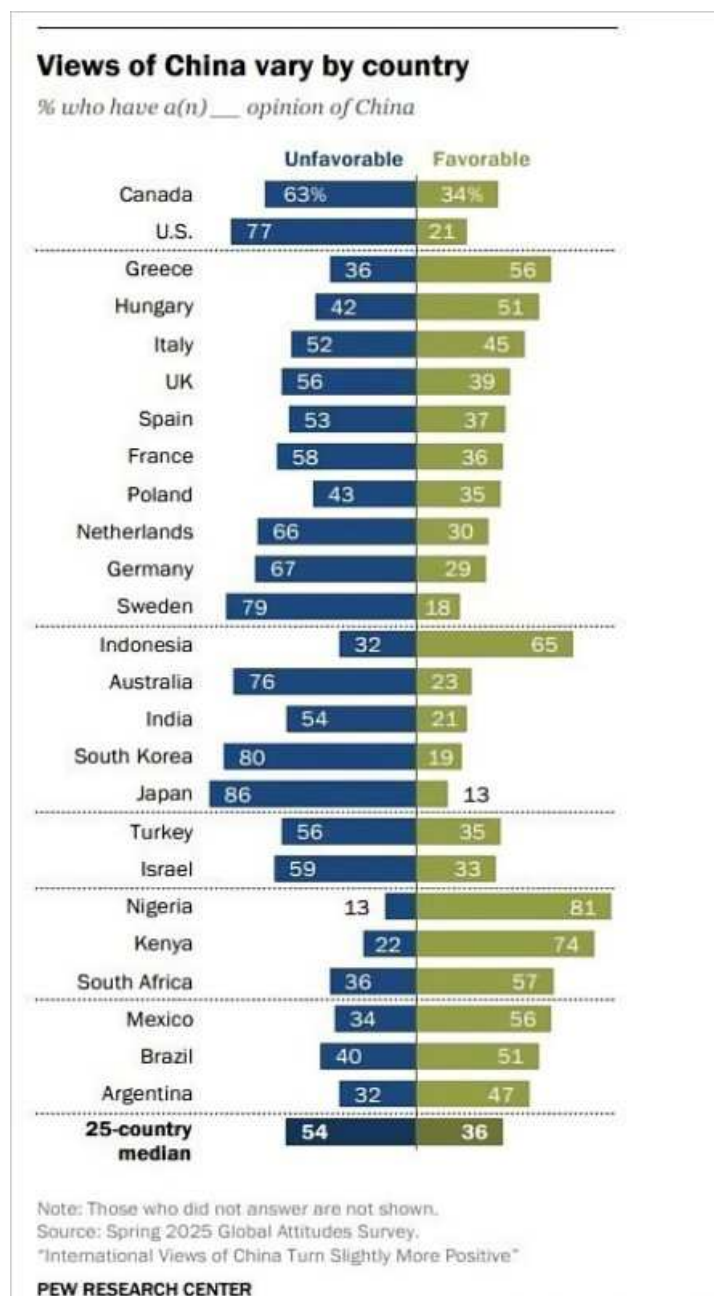


Таблица. 1. Pew Research Center. (2025). Международные взгляды на Китай становятся немного более позитивными. Глобальный опрос общественного мнения весной 2025 года.

Некоторые западные СМИ активно раздувают тезис о «китайской угрозе», изображая Китай в качестве вызова существующему международному порядку и пытаются ограничить его влияние [15]. Подобные предвзятые нарративы часто преувеличивают негативное и искажают факты, что мешает формированию полноценного и объективного образа Китая. В этом контексте на протяжении долгого времени международный имидж Китая находился в пассивном состоянии «чужого конструирования» — в условиях одностороннего дискурса, доминируемого Западом. Западные СМИ, исходя из собственных позиций, избирательно освещают китайскую повестку, усиливая антикитайские предрассудки и препятствуя обретению Китаем международной репутации, соответствующей его реальному возросшему статусу. В условиях укрепления совокупной мощи и национального имиджа Китая западные капиталистические государства стремятся через международные коммуникации дискредитировать и очернять образ Китая, отождествляя его прошлую отсталость с настоящим, а также используя отдельные

негативные явления в обществе, такие как злоупотребление властью и коррупция, для создания обобщённого негативного образа [16].

В ответ на этот дискурсивный вызов Китай в 2016 году интегрировал внешние коммуникационные ресурсы и учредил Китайскую Глобальную Телевизионную Сеть (CGTN), сформировав многоязычную систему внешнего дискурса и активно продвигая стратегию «рассказывать хорошие истории о Китае». Среди её подразделений CGTN на русском выступает важным окном в русскоязычный мир, выполняя функцию трансляции образа Китая в Россию и страны СНГ. По состоянию на 30 сентября 2025 года глобальная аудитория CGTN превысила 150 млн человек. В частности, аккаунт CGTN на русском собрал 543,1 тыс. подписчиков на российской платформе VK, 324 тыс. подписчиков на YouTube и около 6,9 тыс. подписчиков на Telegram. Такая структура — «сильные основные платформы, слабые новые платформы» — показывает, что CGTN уже обеспечила значительное присутствие на ключевых площадках (VK и YouTube), однако её проникновение в молодёжно-ориентированные каналы, такие как Telegram, остаётся ограниченным, что сдерживает дальнейшее расширение и диверсификацию аудитории.

Платформа	Язык / аккаунт	Подписчики
Глобальный охват	Многоязычная матрица	Более 150 млн подписчиков
VK	CGTN на русском (https://vk.com/cgtnrussian)	543,100
Telegram	CGTN на русском (@cgtn_russian)	6,900
Youtube	CGTN на русском (@cgtnrussian)	32,4000

Таблица.2. Аудитория CGTN на русском (30 сентября 2025 г.)

Формирование международного влияния определяется не только эффективной передачей информации, но и выбором нарративных стратегий и механизмов культурной идентификации. Исследования показывают, что китайские СМИ в русскоязычном пространстве сталкиваются с вызовами, связанными с различиями в языке и ценностных ориентациях аудитории. В ответ CGTN на русском развивает локализованное производство контента, интегрирует культурные символы и привлекает сторонние голоса, стремясь объединить «самопредставление» и «чужое представление» в единое доверительное коммуникативное поле. В этих условиях Китай должен уделять особое внимание адаптированным межкультурным стратегиям, усиливать культурную чувствительность и формировать локальный резонанс, чтобы создавать более достоверный и привлекательный национальный нарратив в различных регионах мира.

В дальнейшем исследование опирается на анализ освещения ключевых дипломатических событий 2025 года — взаимных визитов лидеров Китая и России, введения безвизового режима и культурных обменов. На основе теоретических моделей коммуникации и текстового анализа рассматривается, каким образом CGTN на русском выстраивает нарративные практики и конструирует образ Китая в межкультурной перспективе, а также оценивается их эффективность и ограничения в современном медиaprостранстве.

Кросс-культурная нарративная практика CGTN на русском: трёхмерное конструирование национального образа

В исследованиях межкультурной коммуникации медианарратив рассматривается не

только как процесс передачи информации, но и как воспроизводство смыслов в различных культурных контекстах. С целью изучить, каким образом CGTN на русском формирует национальный образ Китая в межкультурной среде, в данной работе рассматриваются три показательных дипломатических и культурных кейса 2025 года:

I визит Си Цзиньпина в Россию (май 2025 г.) — отражение исторической памяти и политических символов в национальном нарративе;

I визит Владимира Путина в Китай (август–сентябрь 2025 г.) — демонстрация стратегического сотрудничества и многосторонней дипломатии;

I введение взаимного безвизового режима и культурные обмены между Китаем и Россией (в течение всего 2025 г.) — проявление «мягкой силы» через культуру и социальные аспекты.

Эти три кейса представляют собой политический, дипломатический и культурный уровни конструирования национального образа. Они являются не только важными вехами двусторонних отношений, но и оптимальными примерами для межкультурных исследований. Сравнительный анализ позволяет выявить, как CGTN на русском адаптирует нарративные рамки, формирует ключевые темы и транслирует ценности в разных коммуникативных контекстах.

Кейс 1. Визит Си Цзиньпина в Россию

В мае 2025 года председатель КНР Си Цзиньпин совершил государственный визит в Россию и принял участие в параде на Красной площади, а также в торжественных мероприятиях, посвящённых Дню Победы. В репортажах CGTN на русском особое внимание уделялось формированию образа «исторического резонанса» и «защитника мира». Через использование символических элементов (например, военный парад) и нарратив Победы во Второй мировой войне CGTN создало так называемую «псевдосреду» в терминах Липпмана (Lippmann, 1922), подчеркнув общую историческую память и ответственность Китая и России как стран-победителей.



Рис. 2. Си Цзиньпин принял участие в церемонии приветствия, организованной президентом РФ Владимиром Путиным.

URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-05-08/1920379142557343746/index.html>

Кроме того, в передаче «Диалог» (День Победы–2025)^[17] CGTN привёл мнения российских экспертов и СМИ, что усилило роль «внешнего нарратива». Такое сочетание «самопостроения» и «внешнего построения» повысило достоверность и эмоциональную привлекательность репортажа в межкультурной коммуникации.

Кейс 2. Репортажи о визите Владимира Путина в Китай

В августе–сентябре 2025 года президент России Владимир Путин посетил Китай, где принял участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества в Тяньцзине, а также в мероприятиях, посвящённых 80-й годовщине Победы в Войне сопротивления Японии (см. рис. 3, 4). В репортажах CGTN на русском акцент делался на стратегическом партнёрстве и дипломатии высокого уровня. С одной стороны, через подчёркивание высоких стандартов протокола и торжественных приёмов Китай формировал культурный образ «уважающего друзей и ценящего союзников» государства; с другой стороны, акцентировалось совпадение позиций двух стран по вопросам международной безопасности и в рамках многосторонних механизмов, что закрепляло образ Китая как «ответственной великой державы».



Рис. 3. Президент России Владимир Путин на саммите ШОС в Тяньцзине. Скриншот репортажа, опубликованного во «ВКонтакте».

URL: https://vk.com/wall-134170537_251766



Рис. 4. Президент России Владимир Путин прибыл на трибуну Тяньаньмэнь 3 сентября.

URL: https://vkvideo.ru/video-134170537_456271358?list=c2146edb0e2929d7ff

С точки зрения теории коммуникации практика освещения визита Путина в Китай в полной мере соответствует «модели 5W» Гарольда Лассуэлла (Harold Lasswell, 1948). В рамках этой модели CGTN выступает как государственный коммуникатор (Who), использующий телевидение, интернет и социальные сети как каналы передачи информации (In Which Channel), ориентируясь на русскоязычную аудиторию (To Whom). Передаваемые сообщения (Says What) концентрируются на темах «стратегического сотрудничества Китая и России», «взаимодействия в многосторонних механизмах» и «совпадения позиций в международном порядке». Цель коммуникации (With What Effect)

закljučается в формировании образа Китая как «надёжного партнёра» и «страны мирного развития», а также в укреплении позитивного восприятия и эмоциональной сопричастности аудитории.

Такой коммуникационный подход демонстрирует не только системное использование методов постановки повестки дня, но и точное управление стратегиями трансляции в межкультурном контексте.

Кейс 3. Культурная привлекательность и «мягкая сила» — взаимный безвиз

2 сентября 2025 года китайская сторона объявила, что с 15 сентября 2025 года по 14 сентября 2026 года для граждан России, имеющих обычный паспорт, вводится пробный 30-дневный безвизовый режим. Он распространяется на поездки с целью бизнеса, туризма, визитов к родственникам и транзита [18]. Вскоре после этого, 5 сентября 2025 года, президент России Владимир Путин на Восточном экономическом форуме заявил, что Россия введёт аналогичный безвизовый режим для граждан Китая, ответив тем самым на решение китайской стороны (см. рис. 5).



Рис. 5. Скриншот репортажа, опубликованного во «ВКонтакте» (CGTN на русском, 5 сентября 2025 г.), о заявлении Путина на Восточном экономическом форуме относительно взаимного безвизового режима.

URL: https://vk.com/wall-134170537_252167

Анализ трёх кейсов — визита Си Цзиньпина в Россию, визита Владимира Путина в Китай и взаимного безвизового режима с последующими культурными обмена — показывает, что нарративная логика CGTN на русском выстраивается по нарастающей: от макрополитики к стратегической дипломатии и далее к культурно-социальному измерению.

В репортажах о визите Си Цзиньпина акцент был сделан на исторической памяти и политической символике. Через церемониальные мероприятия и привлечение «третьих голосов» CGTN создавала так называемую «псевдосреду» по Липпману, укрепляя в межкультурном контексте общую идентичность Китая и России как стран-победителей во Второй мировой войне и подчеркивая образ Китая как «хранителя мира».

Визит Путина в Китай освещался преимущественно через призму стратегического сотрудничества и дипломатии высокого уровня. Эти репортажи соответствовали «модели 5W» Лассуэлла, где с помощью многоплатформенной трансляции для русскоязычной аудитории Китай представлялся как ответственный международный партнёр, а повестка формировалась вокруг идей многостороннего сотрудничества.

В отличие от этого, репортажи о взаимном безвизовом режиме и культурных обменах были ближе к повседневной жизни и отражали концепцию «мягкой силы» Джозефа Ная. Через культурные символы и истории о людях CGTN стремилась сократить психологическую дистанцию между народами двух стран, усиливая привлекательность и признание образа Китая.

В целом три типа нарратива не только имеют собственные акценты, но и взаимно дополняют друг друга: политический нарратив акцентирует историю и ответственность, дипломатический — стратегию и сотрудничество, культурный — эмоции и близость. В рамках такой многоуровневой структуры CGTN на русском удалось реализовать транснациональное построение образа Китая: от «достоверного» к «дружелюбному» и далее к «уважаемому». Этот межкультурный путь свидетельствует о постепенном переходе от «чужой конструкции» к «самоконструированию» [\[19\]](#). Формирование национального образа требует не только односторонней передачи информации, но и создания мостов через культурные различия и ценностные резонансы, что усиливает влияние Китая в международном медиапространстве и укрепляет его «мягкую силу».

Эффективность и ограничения внешнего нарратива CGTN на русском

С точки зрения масштабов распространения, CGTN на русском уже сформировал устойчивую аудиторию на таких ключевых платформах, как VK и YouTube, постепенно превратившись в важный центр кросс-культурного нарратива. Благодаря этим каналам, CGTN усиливает дискурс «взаимовыгодного сотрудничества» и «мирного развития» в освещении крупных дипломатических событий, а также повышает уровень эмпатии через видеоконтент и персонализированные истории. Однако его влияние на новых платформах, таких как Telegram, остаётся ограниченным, что свидетельствует о недостаточном внимании к молодежной и интерактивной коммуникации. В целом CGTN на русском обладает определённым потенциалом охвата и нарратива, однако для достижения цели формирования «реального, многомерного и привлекательного» образа Китая необходимо расширять платформенное присутствие и усиливать инновационность контента [\[20\]](#).

С точки зрения эффективности, CGTN на русском демонстрирует многомерные результаты. Во-первых, посредством повестки дня и фрейминга канал закрепил темы «взаимовыгодного сотрудничества», «многополярного порядка» и «мирного развития», акцентируя в репортажах о визитах Си Цзиньпина в Россию и Владимира Путина в Китай экономическое взаимодействие и совпадение международных позиций, что ослабило влияние западного дискурса о «китайской угрозе» [\[21\]](#). Во-вторых, канал подчёркивает взаимодействие Китая и России как «равноправных партнёров», тем самым формируя образ Китая как «новой силы» в международных делах, в противовес западному нарративу «агрессивного проникновения» [\[22\]](#). В-третьих, акцент на деталях и личных историях, таких как «панда-дипломатия» и взаимодействие с населением, создаёт «псевдосреду» в терминах Липпмана, усиливая эмоциональное восприятие и близость [\[23\]](#). В-четвёртых, регулярное цитирование мнений российских экспертов и граждан способствует сочетанию «самопостроения» и «внешнего построения», повышая доверие и убедительность кросс-культурной коммуникации [\[24\]](#).

Тем не менее, эти достижения не скрывают ряда ограничений. Во-первых, формат сообщений всё ещё преимущественно строится по схеме «новость + комментарий»,

слабо развиты сторителлинг, визуализация и интерактивность, что ограничивает привлечение молодой аудитории. Во-вторых, культурные темы занимают недостаточную долю: образ Китая в основном связан с политикой и дипломатией, в ущерб многообразию и повседневной составляющей, что оставляет пробел в области «культурной привлекательности», подчеркнутой Найем. В-третьих, «внешний нарратив» представлен ограниченно: местные голоса и локализованные интерпретации используются редко, что сохраняет восприятие канала как «официального рупора». Наконец, интерактивность на новых медиа недостаточна: несмотря на присутствие на VK, подача контента остаётся преимущественно односторонней, что не позволяет преодолеть «информационный пузырь» и проигрывает западным СМИ в сфере коротких видео и взаимодействия с пользователями.

В целом, нарративная практика CGTN на русском в 2025 году вокруг ключевых дипломатических событий Китая и России демонстрирует значимый прогресс в формировании национального образа, особенно в укреплении повестки и повышении эмпатии. Однако система коммуникации всё ещё сталкивается с проблемами нехватки инноваций, ограниченности культурной составляющей, слабой локализации и низкой интерактивности. Эти вызовы обусловлены как стратегическими и кадровыми ограничениями, так и глобальным дисбалансом дискурсивных сил «Запад силен — Восток слаб». В условиях изменяющейся международной медиасреды, CGTN на русском для более эффективного формирования национального образа необходимо развивать творческие нарративы, углублять культурную составляющую и усиливать локальную интеграцию, комплексно используя факты, эмоции, аргументы и визуальные образы. Это позволит повысить привлекательность, убедительность и доверие к международному контенту, а также обеспечить подлинное понимание Китая зарубежной аудиторией, завоевать её признание и поддержку, тем самым обеспечив переход от «голоса» к «резонансу» в кросс-культурной коммуникации [\[25\]](#).

Заключение

CGTN на русском, являясь ключевой платформой международной коммуникации Китая с Россией, в последние годы играет всё более активную роль в формировании национального образа. Сосредоточив внимание на визитах лидеров, безвизовом режиме и культурном обмене, канал эффективно использует такие стратегии, как повестка дня, фрейминг и «мягкая сила», формируя в кросс-культурном контексте сложный образ Китая как страны «мирного развития», «взаимной выгоды» и «надёжного партнёра». Тем самым CGTN постепенно осуществляет переход от «самопостроения» к «внешнему построению». Постоянные эксперименты с привлечением сторонних голосов и локальных символов способствуют созданию относительно зрелой системы нарратива о Китае в русскоязычном медиaprостранстве, повышая видимость и влияние Китая.

Однако на данный момент CGTN на русском сталкивается с заметными ограничениями в области креативности, локализации и культурного многообразия. Стиль подачи остаётся традиционным, «мягкие» темы развиты слабо, что ограничивает культурную идентификацию молодой аудитории. Недостаточная интеграция «самопостроения» и «внешнего построения» также препятствует полноценному кросс-культурному резонансу. Кроме того, инновации в области контента для новых платформ требуют усиления, что особенно важно в условиях цифровой экосистемы.

Будущие исследования могут быть расширены по трём направлениям: 1) проведение

количественного анализа кросс-платформенной эффективности CGTN в русскоязычном медиапространстве; 2) более глубокая разработка культурных тем для усиления эмоционального аспекта национального образа; 3) сравнительный анализ освещения Китая в CGTN и ведущих западных СМИ для выявления структурных различий в глобальной борьбе за дискурсивное влияние. В целом, кросс-культурная нарративная практика CGTN на русском демонстрирует ценную стратегию для повышения международной коммуникационной способности Китая и оптимизации формирования его национального образа, что делает этот опыт перспективным объектом дальнейших исследований.

Библиография

1. 李璁. 新时代对俄传播与国家形象塑造--以CGTN俄语频道为例 [J]. 对外传播, 2020, (9). // Ли Цун. Внешняя коммуникация с Россией и формирование национального имиджа в новую эпоху: на примере CGTN на русском [журн.]. – Внешняя коммуникация, 2020, № 9.
2. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics [кн.]. – New York: PublicAffairs, 2004. – 208 p.
3. Lippmann W. Public Opinion [кн.]. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. – 427 p.
4. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society // Bryson L. (ed.). The Communication of Ideas [сб.]. – New York: Harper & Brothers, 1948. – P. 37-51.
5. McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media [журн.] // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36, No. 2. – P. 176-187.
6. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm [журн.] // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43, No. 4. – P. 51-58.
7. Юй Сяо. Современная межкультурная коммуникация и национальный имидж Китая: Исследование видеоплатформы YouTube [журн.] // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 190-202. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).190-202 EDN: NEMOYA
8. Fu L., Guo H. Russian bloggers' mirror of Chinese culture: cultural communication and image construction from the perspective of others [журн.] // Revista Gestão & Tecnologia. – 2024. – Vol. 24, No. 4. – P. 271-287.
9. Нестерова Н. Г., Сабаяева Ю. С. Репрезентация медиаобраза Китая в российской социальной сети (на материале постов о китайской популярной музыке и комментариев к ним) [журн.] // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2, № 4. – С. 191-196. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-4-191-196. EDN: EYHSQP
10. 周艳. 中国主流媒体海外短视频传播与国家形象建构 [J]. 中国广播电视学刊, 2023, (9). // Чжоу Янь. Продвижение коротких видеороликов китайских основных СМИ за рубежом и построение национального имиджа [журн.]. – Журнал китайского радио и телевидения, 2023, № 9.
11. Friedman T. Lexicon: 'Discourse Power' or the 'Right to Speak' (话语权, Huàyǔ Quán) [эл. ресурс] // Stanford DigiChina. – 2022. – March 17. – URL: <https://digichina.stanford.edu/work/lexicon-discourse-power-or-the-right-to-speak-huayu-quan/> (дата обращения: 12.09.2025).
12. Brand Finance "Global Soft Power Index 2024". URL: <https://brandfinance.com/reports/global-soft-power-index-2024>.
13. Ефимец М. А. Диалог культур: динамика российско-китайских межкультурных коммуникаций [журн.] // НИР. Современная коммуникативистика. – 2022. – № 5. – С. 17-22. DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-5-17-22. EDN: MHYRPZ
14. Pew Research Center. (2025). Международные взгляды на Китай становятся немного более позитивными. Глобальный опрос общественного мнения весной 2025 года. URL:

<https://www.pewresearch.org/>.

15. Ji K., Yang Z., Zhou M. Cognitive Attitudes of International Mainstream Media to China during the Contaminated Water and Human Health Under Big Data [журн.] // Journal of Environmental and Public Health. – 2022. – Article ID 9033781. – DOI:

10.1155/2022/9033781. EDN: CJEVGS

16. 赵永华, 韦佳玥, 窦书棋. 媒体合作与国际受众对中国国家形象的共同建构--基于《这里是中国》与 YouTube 网评的互文性分析 [J]. 新闻春秋, 2023, (4). // Чжао Юнхуа, Вэй Цзяюэ, Доу Шуци. Медийное сотрудничество и совместное формирование национального имиджа Китая международной аудиторией: интертекстуальный анализ "Здесь Китай" и комментариев YouTube [журн.]. – Новости и хроника, 2023, № 4.

17. День Победы-2025-CGTN на русском. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-05-08/1920368310640353282/index.htm>

18. China trials a 30-day visa-free entry policy for Russian citizens-CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/2025-09-02/China-trials-a-30-day-visa-free-entry-policy-for-Russian-citizens-1G167tJGUPC/p.html>

19. 江素珍. 主流媒体短视频中的国家形象研究 [J]. 中国出版, 2022, (10): 35-39. // Цзян Сучжэнь. Исследование национального имиджа в коротких видео основных СМИ [журн.]. – Издательское дело Китая, 2022, № 10: 35-39.

20. Yang Y., Chen H. Study on the Communication Effectiveness of China's Official Publicity [журн.] // BCP Social Sciences & Humanities. – 2022. – Vol. 20. – DOI:

10.54691/bcpssh.v20i.2354. EDN: GASFKD

21. Alpermann B., Malzer M. "In Other News": China's International Media Strategy on Xinjiang-CGTN and New China TV on YouTube [журн.] // Modern China. – 2023. – DOI: 10.1177/00977004231169008. EDN: QHCSOV

22. Zhu Y. China's 'new cultural diplomacy' in international broadcasting: branding the nation through CGTN Documentary [журн.] // International Journal of Cultural Policy. – 2022. – Vol. 28, No. 5. – P. 671-683. DOI: 10.1080/10286632.2021.2022651.

23. Colley T., Moore M. News as geopolitics: China, CGTN and the 2020 US presidential election [журн.] // The Journal of International Communication. – 2022. – Vol. 29, No. 1. – P. 82-103. DOI: 10.1080/13216597.2022.2120522. EDN: UTVJYI

24. Tong T., Zhang L. Platforms versus agents: the third-party mediation role of CGTN's news commentary programs in China's Media Going Global plan [журн.] // Chinese Journal of Communication. – 2023. – Vol. 17, No. 1. – P. 61-77. DOI:

10.1080/17544750.2023.2232901. EDN: DMBPVU

25. 宫承波, 徐瀚祺. 提升 | 优化国际传播精准化水平的建设性思路构思 [J]. 当代传播, 2021, (5): 72-74. // Гун Чэнбо, Сюй Ханьци. Конструктивные подходы к повышению и оптимизации точности международной коммуникации [журн.]. – Современная коммуникация, 2021, № 5: 72-74.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Нарративное исследование конструирования национального имиджа Китая русскоязычным каналом CGTN в межкультурной перспективе»

В представленной статье автор анализирует процесс формирования национального имиджа Китая в русскоязычном медиaprостранстве на примере телеканала CGTN. Предметом является исследование нарративных стратегий, используемых в освещении

ключевых дипломатических и культурных событий 2025 года, таких как визиты лидеров Китая и России и введение взаимного безвизового режима. Автор рассматривает, как данные нарративы способствуют конструированию образа Китая в межкультурном контексте и как они соотносятся с концепцией «мягкой силы». Такой выбор объекта исследования представляется обоснованным и отражает актуальную проблематику международных коммуникаций.

В статье используется комплексный методологический подход, включающий анализ медиаматериалов (репортажи, программы, посты в соцсетях), сопоставительный анализ кейсов, а также опора на теории повестки дня, фрейминга, модель 5W Лассуэлла и концепцию «псевдоокружения» Липпмана. Теоретическая база достаточно широка и учитывает как западные, так и китайские исследования. Методология соответствует заявленным целям, однако можно отметить некоторую избыточность в теоретической части: модели иногда дублируют друг друга по смыслу. Было бы целесообразно выделить одну-две основные исследовательские рамки и глубже показать их применение на материале.

Тема исследования отвечает современным вызовам глобальной медиасреды, в которой Китай активно борется за изменение дискурсивного баланса. Русскоязычный сегмент коммуникаций особенно значим в контексте укрепления российско-китайских отношений. В условиях информационной конкуренции и необходимости противостоять западным медиа-нарративам анализ стратегий CGTN на русском приобретает особую важность. Таким образом, работа обладает несомненной актуальностью как для исследований межкультурной коммуникации, так и для практики медиадипломатии.

Новизна исследования заключается в том, что автор сосредоточил внимание именно на русскоязычном канале CGTN и его практике в 2025 году. Это позволяет оценить не только общие стратегии китайских СМИ, но и специфику их локализации в российском медиапространстве. Выделение трёх кейсов (визит Си Цзиньпина, визит Путина, безвизовый режим) и их анализ через призму нарратива демонстрируют оригинальный исследовательский ракурс. В то же время новизна могла бы быть усилена за счёт привлечения эмпирических данных о реакции аудитории (опросы, комментарии, статистика вовлечённости).

Статья построена логично и последовательно: введение – методология – теоретическая база – анализ кейсов – выводы. Текст написан академическим стилем, выдержан в научной терминологии, снабжён примерами, таблицами и иллюстрациями. Однако в ряде мест автор перегружает текст риторикой («псевдосреда», «многомерное конструирование» и т. п.), что может затруднить восприятие. В разделе «Результаты и обсуждение» наблюдается некоторая повторяемость аргументов. Целесообразно в будущем делать акценты более точечными.

Список литературы достаточно обширен и включает как классические источники (Най, Липпман, Лассуэлл), так и современные работы 2022–2024 гг., включая китайские и российские исследования. Это укрепляет научную основу статьи.

Автор в целом обозначает позицию оппонентов — западных СМИ, которые конструируют «образ угрозы» Китая. Однако в научном плане оппонентская база представлена недостаточно: отсутствует полемика с альтернативными теоретическими подходами к исследованию медиаимиджа и межкультурной коммуникации.

Выводы статьи логично вытекают из анализа: CGTN на русском демонстрирует успехи в формировании образа Китая, но сталкивается с проблемами креативности, локализации и слабой интерактивности. Работа будет интересна специалистам в области медиакоммуникаций, международных отношений и региональных исследований. Для широкой читательской аудитории текст может показаться сложным, но для академического сообщества он имеет значимую ценность.

В целом статья представляет собой серьёзное исследование актуальной проблемы, отличается логичностью структуры и добросовестностью анализа и, бесспорно, может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Поринец Ю.Ю. Образ романтической любви в творчестве П. Г. Вудхауза // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76179 EDN: IVPXGA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76179

Образ романтической любви в творчестве П. Г. Вудхауза

Поринец Юрий Юрьевич

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра зарубежной литературы; Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Наб. Р. Мойки, 48

✉ porinets2015@yandex.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76179

EDN:

IVPXGA

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2025

Аннотация: В статье анализируется образ романтической любви в творчестве крупнейшего английского юмориста XX века П. Г. Вудхауза. Понятие «романтическая любовь» рассматривается в трактовке ранних немецких романтиков. Через анализ работ Ф. Шеллинга, Ф. Шлегеля, «Фрагментов» Новалиса и его романа «Генрих фон Офтердинген», романа Ф. Шлегеля «Люцинда» и крупнейших исследований по раннему немецкому романтизму (работ Н. Я. Берковского, Ф. П. Федорова и других) раскрывается концепция романтической любви. Образ романтической любви в творчестве Вудхауза анализируется на примере разных периодов творчества писателя: как ранних («Руфь на чужбине», «Джентльмен без определенных занятий») и зрелых («Везет же этим Бодкиным»), так и поздних текстов («Французские каникулы», «Деньги в банке»). Особое внимание уделяется рассказу «Благоговейное ухаживание Арчибальда». В статье используется сопоставительный метод. Произведения Вудхауза сравниваются с текстами ранних немецких романтиков и А. Теннисона, в частности с циклом «Королевские идиллии». Творчество Вудхауза рассматривается в контексте теории пародии Ю. Н. Тынянова. С учетом существующей научной литературы (Н. Л. Трауберг,

Д. Раад, Л. Дюган, Э. В. Шабунина, К. Ю. Разумахина) интерпретируется образ рыцарской любви у Вудхауза. Впервые в отечественном и зарубежном литературоведении рассматривается образ романтической любви в его творчестве. Традиционно исследователи уделяли внимание комическим чертам в образе любви у Вудхауза. В статье же доказывается, что ирония и пародия служат у Вудхауза не для снижения, а для раскрытия и актуализации концепта романтической любви. Это позволяет утверждать, что ее образ, созданный писателем, является уникальным для литературы XX века. Проведенное исследование дает основания для частичного пересмотра устоявшихся представлений о месте творчества Вудхауза в литературном процессе XX века и может быть использовано в курсах истории английской литературы.

Ключевые слова:

роман, рассказ, романтическая любовь, романтизм, образ, пародия, идиллия, аллюзия, ирония, юмор

Образ романтической любви в романах и рассказах крупнейшего английского юмориста XX столетия П. Г. Вудхауза, которого исследователь Р. Маккрам совершенно справедливо называет «великим комическим писателем, обладающим неповторимым голосом» [\[37, с. 2\]](#), является одним из центральных. Образ романтической любви присутствует почти во всех его произведениях и циклах, начиная с самых ранних и заканчивая последними текстами. Под «романтической любовью» в рамках данной статьи понимается не общеупотребимое значение, подразумевающее «всякие возвышенные чувства и уmonoстроения, красивые мечты вообще» [\[2, с. 43\]](#), возникшее уже в XIX веке под воздействием романтизма, а концепция любви, сформированная в рамках культуры раннего романтизма. Основой этой концепции являются философские сочинения Ф. Шлейермахера, Ф. Шеллинга и Ф. Шлегеля и литературные тексты ранних немецких романтиков.

По верному утверждению Н. А. Садуновой: «Любовь в романтической философии является онтологической категорией, в свете которой решаются проблемы бытия мира, существования человека и его внутренней жизни» [\[22, с. 7\]](#). Как пишет В. М. Жирмунский: «два чувства всего более приближают нас к неведомой сущности вещей – это мистическая любовь к миру и романтическая любовь к женщине» [\[13, с. 59\]](#). Для Шлегеля, например, «любовь – основа духовного существования, всякое понимание, взаимообщение я и ты, – пра-я основывается на любви» [\[18, с. 27\]](#). И. С. Нарский точно определяет: «Ф. Шлегель усмотрел в любви и онтологическое самоутверждение человека, одновременно растворяющегося во вселенной и выделяющегося из нее во всей для него, человека, возможной определенности и целостности. Ничто иное в мире, кроме любви, не способно дать человеку возможность осуществить это» [\[15, с. 124\]](#). Для романтиков вся «человеческая жизнь актуализируется посредством постижения любви» [\[22, с. 12\]](#). Им было особенно важно «погружение не только в свой собственный внутренний мир, но и во внутренний мир другого человека, родственной души, близкой личности, в которой заново находится свое «я» [\[2, с. 112\]](#). Отсюда – особое значение, которое для романтиков приобретают дружба и любовь. Любовь – не только «преодоление эгоизма» [\[12, с. 24\]](#), романтики мечтали о мире, в котором противоположности соединяется в одно целое, в мире воцарится единство. Шлегель

пишет о том, что только через любовь можно познать природу [\[30, с. 362\]](#), «только через любовь и сознание любви человек становится человеком» [\[30, с. 360\]](#). Любовь между мужчиной и женщиной для романтиков становится основой бытия, потому что в «любви две души сливаются в одну» [\[2, с. 113\]](#). Шеллинг видит ключ к пониманию мироздания в «противоположности и единстве полов» [\[28, с. 49\]](#). По Шеллингу, «тайна любви в том, что она соединяет такие противоположности, каждая из которых могла бы быть для себя и все-таки не есть и не может быть без другой» [\[29, с. 151\]](#). Новалис в «Фрагментах» пишет: «Любовь – это конечная цель мировой истории – единство универсума» [\[17, с. 203\]](#). Он же видит в любви максимальное раскрытие свободы, утверждая: «Свобода и любовь – одно и то же» [\[17, с. 93\]](#). Н. Я. Берковский, говоря о свободе у романтиков, пишет: «Каждая часть обладает своей свободой, а целое слагается как состязание свобод, как укладывание их в нечто единое. Есть свободные части, и есть над ними возвысившееся целое, части эти имеют и собственную жизнь, и жизнь согласно целому» [\[1, с. 119\]](#).

Таким образом, сущностной основой концепции романтической любви становится соединение двух родственных душ («гармония душ» [\[31, с. 56\]](#), по выражению Шлегеля), обретение своего «я» через другое «я» («обоюдное духовное развитие одного через другого» [\[31, с. 56\]](#)). Как верно пишет Ф. П. Федоров: «шлегелевское «я» всегда предполагает другое «я», процесс рождения «я» всегда связан с аналогичным процессом в другом человеке [\[26, с. 63\]](#). В любви субъектно-объектные отношения заменяются субъектно-субъектными. Так, героиня романа Шлегеля «Люцинда» – «не только объект, но и субъект любви, как личность она равна Юлию» [\[26, с. 63\]](#).

В романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» подробно раскрывается любовь героев. Встретившись и полюбив друг друга, они постоянно находятся в диалоге: «– Впервые в жизни я открываю всю свою душу. Ничто во мне больше не укроется от тебя; волей-неволей разделишь ты любое мое ощущение, любой мой помысел. Невозможно будет различить нас в нашем единении. Моя любовь жаждет вся предаться тебе, больше ничто не утолит ее. В этом-то и таится любовь. Она непостижимо сочетает сокровеннейшее в тебе и во мне.

– Генрих, еще никто никого не любил такой любовью.

– Просто некого было так любить. Матильды ведь не было.

– Да и Генриха тоже» [\[16, с. 73\]](#). Н. Я. Берковский справедливо отмечает: «По Новалису, любовь – общение, породнение не только с тем, кого любишь, но через него и со множеством других» [\[1, с. 172\]](#). Любовь становится прозрением, любящий обретает новое видение другого человека, о чем верно писал В. М. Жирмунский: «Все романтические писатели подчеркивают мистическое значение любви. Когда мы любим, мы прозреваем в любимом существе его истинную сущность, только скрытую от других, нелюбящих глаз, бесконечную душу, одетую в новую благоуханную плоть, – душу и плоть в одном таинственном соединении и просветлении» [\[13, с. 75\]](#).

В романе Шлегеля «Люцинда» изображается единство двух любящих и связанное с ним познание мира, восстановление через любовь единства с миром и между людьми. Как верно отмечает Ф. П. Федоров: «Любовь противостоит внутреннему расколу, разорванному сознанию, двойничеству и двоemiрию, она образует целостного человека, она смыкает все крайности бытия; в основе мирового синтеза, в основе бесконечного и

находится любовь» [\[26, с. 62\]](#). Концепция романтической любви предполагает также и общие интересы, близость мироощущения.

Концепция романтической любви оказала огромное влияние на философию и литературу, например, на автора термина «экзистенция», французского мыслителя Г. Марселя, философию любви в «Маленьком принце» А. де Сент-Экзюпери, «Вариации на Песнь Песней» греческого богослова Х. Яннараса, изображение любви в романе Т. Манна «Волшебная гора». Т. Манн вводит концепт романтической любви через призму пародии. В своем романе «Доктор Фаустус» он размышляет о том, что пародия дает едва ли не единственную возможность для автора говорить о возвышенных вещах. Показателен в этом отношении эпизод из I тома романа «Волшебная гора», в котором Манн сначала изображает в чисто пародийном ключе объяснение в любви между Гансом Касторпом и Клавдией. Герой возвышенно говорит о своей любви, используя медицинскую терминологию. Но завершается это объяснение фразой: «...как будто я в глубоком сне вижу странные грезы... Ведь надо спать очень глубоко и крепко, чтобы так грезить... Я хочу сказать, мне этот сон хорошо знаком, он снился мне всегда, долгий, вечный... да, сидеть вот так рядом с тобой – это вечность» («comme un rêve singulièrement profond, car il faut dormir très profondément pour rêver comme cela... Je veux dire: C'est un rêve bien connu, rêvé de tout temps, long, éternel, oui, être assis près de toi comme à présent, voilà l'éternité» [\[14, с. 470\]](#)). Эта фраза является явной аллюзией на роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген», в котором герой, обращаясь к возлюбленной, произносит фразы: «Моя верность – это вечность во мне!» [\[16, с. 64\]](#) и «Для меня вечность непостижима, но, сдается мне, вечность осеняет меня, когда ты в моих мыслях» [\[16, с. 72\]](#). Таким образом, пародия помогает Манну ввести тему возвышенной романтической любви в, на первый взгляд, совершенно неуместный контекст, пародия разрушает недоверие читателя, позволяет показать подлинно романтическую любовь.

Именно по такому пути идет Вудхауз, избравший себе в литературе XX века путь юмористического писателя и занимающий намного более скромную нишу, чем Манн.

Согласно Ю. Н. Тынянову, в пародии «за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый» [\[25, с. 304\]](#). То есть, с одной стороны, пародия снижает пародируемый текст, а с другой – актуализирует его смыслы, «сквозь произведение просвечивает второй план» [\[25, с. 322\]](#).

Чрезвычайно важным в контексте данной статьи является мысль Тынянова о том, что материал для пародии выбирается независимо от «психологических предпосылок» [\[25, с. 322\]](#). Смысл этого высказывания в том, что объект пародии не обязательно зависит от отношения автора к нему. В связи с этим следует заметить, что рассматривать литературные отсылки, даже и искаженные, в текстах Вудхауза лишь как средство, направленное «на усиление комического эффекта» [\[27, с. 43\]](#), – существенное упрощение художественного мира писателя. Вудхауз не только создает комический эффект, но и актуализирует смыслы и образы цитируемых произведений. Цитаты же и многочисленные аллюзии – одна из основных черт поэтики английского юмориста. Как верно отмечает К. Ю. Разумахина: «Творчество Вудхауза богато многочисленными отсылками к предшествующей культуре» [\[19, с. 137\]](#).

В творчестве Вудхауза присутствуют многократные иронические отсылки к кодексу рыцарской чести, представления о которой восходят к рыцарским средневековым

романам и «Смерти Артура» Т. Мэлори [об этом см. 39]. Вудхауз был хорош знаком с артуровским миром через посредство А. Теннисона. Почти в каждом тексте Вудхауза присутствует ироническая цитата из Теннисона, именно Теннисон чаще всего и пародируется в его произведениях, но это не связано с тем, что Вудхауз имеет намерение высмеять творчество английского поэта. Как верно отмечает Дж. Рууд, он «вырос в то время, когда «Королевские идиллии» Теннисона были очень популярны» [39, с. 107] (Перевод наш – Ю. П.). «Сегодня я немного почитал Браунинга. Хотя Теннисон мне все равно нравится больше. Я думаю, что некоторые описания природы у Т. просто потрясающие», – пишет Вудхауз в одном из ранних писем [38, с. 41] (Перевод наш – Ю. П.). Когда Вудхауза арестовали во Франции в 1940 году, он захватил с собой в нацистский лагерь две книги: полное собрание сочинений Шекспира и том Теннисона [36, с. 182].

Влияние Теннисона на Вудхауза, в особенности «Королевских идиллий», проявляющееся в смысловой близости, можно обнаружить уже в названии. Теннисон называет свой цикл «идиллиями», возможно, потому, что противопоставляет артуровский мир – современности. В художественном мире викторианского поэта романтическая любовь имеет огромное значение. Его герои влюбляются с первого взгляда, любовь становится для них основой жизни, в любви – их самоосуществление. Король Артур в «Королевских идиллиях» неслучайно говорит: «Для моего спасенья нужно мне соединиться с той, что всех прекрасней» [23, с. 30].

Все это несомненно свидетельствует о том, что в творчестве Теннисона раскрывается концепция романтической любви, хотя, в отличие от ранних романтиков, она порой окрашена в трагические тона.

Герои Вудхауза существуют не в определенную эпоху, а в некоем условном английском пространстве, во многом близком идиллии. Об этом верно пишет Ивлин Во в своем эссе о Вудхаузе: «Пару лет назад один молодой и задиристый критик прилюдно опозорился, заявив, что Вудхауз «не современен». Но дело в том, что он никогда и не был *современен* в том смысле, в каком понимал это слово молодой критик. Герои Вудхауза существуют *вне* времени, в удивительном мире, населенном странными обитателями, подобно героям «Сна в летнюю ночь» или «Алисы в Стране чудес» [3, с. 120]. Все персонажи Вудхауза, по отзыву Ивлиана Во, «живут в первозданной райской невинности» [3, с. 121]. «Для Вудхауза не существовало грехопадения человека, этого «древнейшего бедствия», как назвал его кардинал Ньюмен. Ни один из его героев не пробовал запретного плода. Они всё еще живут в Эдеме» [3, с. 121-122], – пишет Во. Справедливо утверждение, что «идиллический мир Вудхауза никогда не устареет. <...> Вудхауз создал для нас целый мир, где можно жить и радоваться» [3, с. 122]. Как образно утверждает, перефразируя Теннисона, Дж. Рууд, Вудхауз создал мир, «который не был построен, поэтому останется навсегда» [39, с. 121] (Перевод наш – Ю. П.).

Но в «Королевских идиллиях» Теннисона, несмотря на название, на то, что там рисуется идеализированный мир рыцарской любви, присутствуют трагические нотки, в отличие от самих рыцарских романов – особенно отчетливо в стихотворениях «Ланселот и Элейн», «Пеллеас и Эттара», «Последний турнир», «Гиньева», «Уход Артура». У Вудхауза же трагические мотивы отсутствуют.

Интересной в этом контексте представляется коллизия романа Вудхауза «Везет же этим Бодкиным», по ходу которого миллионер Льюэлин, будучи жертвой розыгрыша,

нанимает на работу на своей студии «неправильного» Амброуза Теннисона, считая его крупнейшим поэтом викторианской эпохи. А. Н. Горбунов пишет о том, что после Первой Мировой войны английское общество разочаровалось в Теннисоне, и подвергало его критике [\[11, с. 434\]](#). Вудхауз же постоянно цитирует Теннисона и ссылается на него. В романе присутствует эпизод, когда Льюэлин пересказывает мнение своей племянницы Мейбл: «У меня на званом обеде, когда этот сценарист, которого я выписал из Англии, болтал всякую чепуху про книги. Ну, этот, в очках с черепаховой оправой. Так вот, он брякнул, что Теннисон – полное ничтожество, а ты встала у него за спиной и говоришь: “Теннисон – это вещь, все признают, кроме отдельных высоколобых интеллектуалов”. А еще ты добавила, что Теннисона будут читать и тогда, когда от этого очкарика не останется даже номера в телефонном справочнике, – а тот как-то чудно хихикнул, буркнул: “Да бросьте вы, милочка” – и съел банан» [\[6, с. 316\]](#). Очевидно, что несмотря на комическое снижение в финале, на путаницу Теннисонов, являющуюся явным примером приема *quid pro quo*, именно это делает возможным вполне серьезную мысль о непреходящем значении Теннисона, творчество которого действительно во второй половине XX века было переосмыслено, и его снова стали считать значительным поэтом.

В своем творчестве Теннисон часто обращается к образам идеальных рыцарей. Многие героев Вудхауза получили свои имена в честь его персонажей. Например, Галахад, являющийся героем нескольких произведений бландингского цикла, Ланселот из романа «Неукротимая Салли». При этом у Вудхауза эти персонажи не идеальны, но их несомненно, как и всех главных героев писателя, отличает рыцарское отношение к женщинам. Главная черта Галахада – галантность по отношению к дамам, кем бы они ни были. Именно Галахад во многих текстах из цикла о Бландингсе соединяет влюбленных, разлученных родственниками, помогает своему неприспособленному к жизни брату Кларенсу решить какие-то проблемы. Галахад у Вудхауза отличается также легкомысленным образом жизни, многократно говорится о его беспутной молодости, которая, впрочем, не оставила никаких следов на его здоровье, он, как и другие персонажи Вудхауза, существует вне физиологии. Также подчеркивается его любовь к розыгрышам и незаурядное чувство юмора, он легко относится к жизни. Все эти черты уже, конечно, не имеют к герою Теннисона никакого отношения.

У Теннисона Галахад – безупречный рыцарь, идеал рыцарства, «безгрешный рыцарь» [\[24, с. 110\]](#), который «силой десяти богат – поскольку чист душой» [\[24, с. 109\]](#). Совпадает в Галахаде со многими героями Вудхауза то, что они верны своей возлюбленной, пытаются помочь ей в сложных ситуациях, защитить от всех проблем.

Обращение Вудхауза к Теннисону не случайно. Английский юморист помещает своих героев в пространство вневременное, идиллическое, в чем-то подобное теннисоновскому изображению артуровского мира, но при этом он прибегает к комическому снижению образов. В его художественном мире девы в беде вынуждены быть компаньонками, работать секретаршами, а юноши чахнут в конторах, мечтая о наследстве и просторах Кении, Канады, собачьем питомнике, счастье и, конечно, о Ней. Встреча с героиней меняет героя, он совершает какие-то подвиги, помогает ей забыть свое любовное разочарование, постепенно завоевывает ее сердце.

В мире Вудхауза нет места трагедии, нет места несчастной любви, а если она присутствует, то только для того, чтобы подготовить место любви подлинной, настоящей. Здесь Вудхауз следует концепции любви ранних романтиков, воспевавших, как Шлегель в «Люцинде», Новалис в «Генрихе фон Отфердингене», взаимную любовь.

Довольно часто Вудхауз пародирует рыцарскую любовь. Например, роман «Билл завоеватель» построен на том, что герой пытается совершить подвиги, у него ничего не выходит, за него их совершают его возлюбленная и незадачливый персонаж. О пародировании у Вудхауза возвышенной любви, рыцарской любви, напоминающей «Королевские идиллии» Теннисона, много писалось в научной литературе, например, в диссертациях Э. В. Шабуниной и К. Ю. Разумахиной. В работе последней читаем: «Когда герои влюбляются с первого взгляда, что часто происходит не только с Вустером, но и с его многочисленными друзьями, это чувство изображено комично» [21, с. 83]. Подобных примеров достаточно. Довольно часто пародируется ситуация, когда герой не разрывает помолвку с девушкой, хотя сама помолвка возникает по недоразумению – герой пытается объяснить за другого или просто заключает помолвку по неосторожности. Но герой готов вступить в брак, потому что так понимает рыцарскую честь, в его восприятии нельзя отказать даме, вывести ее из заблуждения, если она думает, что он ее любит. Л. Дюган справедливо называет одного из самых известных персонажей Вудхауза, Берти Вустера, «комическим рыцарем» [35, с. 236] (Перевод наш – Ю. П.). Таким образом Вудхауз пародирует кодекс, согласно которому поступают герои рыцарских романов. К. Ю. Разумахина верно отмечает, говоря о рыцарских идеалах в произведениях Вудхауза, что «в своих произведениях он изображал их с долей иронии» [20, с. 74]. Однако уже в средневековом рыцарском романе «Сэр Гавэйн и Зеленый рыцарь» автор вступает в полемику с рыцарским вежеством. Гавэйн, не испытывающий никаких чувств по отношению к супруге хозяина замка, тем не менее делает вид, что он в нее влюблен, и из-за этого совершает несколько сомнительных поступков, потому что этого от него требует куртуазный идеал. Поведение героя в данном случае показано с комической стороны. Вудхауз следует той же традиции, показывая явную несуразность поведения, Вустера, имеющего довольно наивные представления о жизни. В то же время поведение героя действительно рыцарское по отношению к даме, только выглядит утрированно. Здесь скорее речь идет не об отрицании Вудхаузом рыцарского идеала, а об изображении нелепости в его трактовке самим персонажем.

В романе «Деньги в банке» главный герой, Джеф, оказывается в подобной ситуации по неосторожности: «Он до сих пор не вполне ясно понимал, как это стряслось. У него осталось смутное впечатление, что сам он вообще ни при чем. Похоже, он что-то сболтнул, а эта жуткая девица вообразила, что ей сделали предложение. Главное, он решительно не помнил, что такого сморозил. Только что он беспечно трепался на вечеринке с Миртл Шусмит, а в следующий миг уже с ужасом слушал о пироге и подружках. Все произошло внезапно, как землетрясение, торнадо или другое стихийное бедствие.

Впрочем, несмотря на туманные обстоятельства, одно оставалось ясным — чувство, которое вызывала в нем Миртл, любовью не назовешь» [5, с. 9]. Но в произведениях Вудхауза браков не по любви не бывает, поэтому героини сами разрывают помолвку, происходит это обычно потому, что они не любят героя, у них есть другой жених на примете (как у Мадлен Бассет в цикле романов о Дживсе и Вустере) или они считают персонажа недостойным их любви (как происходит в романе «Деньги в банке» и в других текстах).

Пародией на служение даме в романе «Деньги в банке» является поведение мистера Трампера, влюбленного во вдову, миссис Корк. Комизм ситуации связан во многом с тем, что героиня обладает стальным характером в то время, как герой склонен к мечтательности и не отличается решительностью. Его поклонение даме сердца

описывается в романе следующим образом: «Каждый влюбленный мечтает угождать даме. Мистер Трампер видел проблеск надежды в том, что обожаемый предмет прибегает к его услугам. Двенадцать лет с тех пор, как мистер Корк скончался от воспаления легких, после того как накануне Нового года свалился в фонтан на Трафальгарской площади, Юстэс Трампер робко ухаживал за его вдовой, и такие просьбы поддерживали в нем дух. Женщина, которая сегодня просит купить муравьиные яйца, завтра несмело шепнет «да». По крайней мере, так казалось мистеру Трамперу» [\[5, с. 104\]](#). Ирония данного описания несомненна. Но рядом с этой историей, которая, впрочем, имеет счастливую развязку, рассказывается, хотя и с многочисленными комическими деталями, история любви Джефа и Энн Бенедик. Именно через эту любовную историю в романе раскрывается образ романтической любви. Любовь героя к Энн возникает с первого взгляда: «Что-то в гостье затронуло тайные струны его существа, так что колокола радостно зазвонили и процессии с факелами двинулись по гулким коридорам души. Нечто подобное, подумалось ему, хотя несравненно более слабое, испытал Ромео, впервые увидев Джульетту» [\[5, с. 34\]](#). Героиня сразу становится для Джефа смыслом жизни, он чувствует себя другим человеком, мир для него преображается. «Энн Бенедик внезапно рассмеялась таким серебристым смехом, что Джеф понял: только сейчас, в этот миг в нем пробудилось подлинное желание жить. С самого ее появления он сознавал, что странное чувство, которое она в нем вызывает, это любовь, но смех – до сих пор она только улыбалась – окончательно расставил все по местам. Смех у Энн Бенедик был поистине дивный. Он вызывал в душе образ заснеженного дома, домашних тапочек, собаки на коленях, огня в камине и доброй, хорошо обкуренной трубочки» [\[5, с. 40\]](#). Любовь персонажей взаимна, хоть героиня и не сразу это понимает. Она чувствует в нем родственную натуру: «Энн повеселела. Она уже замечала, что веселеет в обществе Джефа. Никто вот так сразу не пробуждал в ней столь живую симпатию, как будто кто-то рассказал ему про ее интересы и любимые книги. Она честно признавалась себе, что ее огорчение было отчасти вызвано его внезапным отъездом» [\[5, с. 84-85\]](#).

В творчестве Вудхауза концепция романтической любви воплощается, хоть и в юмористическом ключе, но в то же время и совершенно серьезно. Вудхауз актуализирует ряд ее аспектов: родственные души, единство мужчины и женщины, восстановление единства с миром, радость бытия.

Лорд Драйвер в романе «Джентльмен без определенных занятий» говорит: «Знаете, <...> в этой идее насчет родства душ все-таки что-то есть. Поверьте моему слову, дорогой ста... сэр. Например, есть в Лондоне одна девушка, мы с ней так замечательно ладим! Ну просто обо всем на свете думаем одинаково. Например, «Веселая вдова» на нее совсем не произвела впечатления, и на меня тоже. А ведь миллионы людей от этой пьески с ума сходили. И устрицы мы не любим – ни я, ни она. А все потому, что мы с ней родственные души. На каждом шагу, куда ни посмотри – везде та же история. Прямо удивительное дело!» [\[10, с. 196\]](#). Образ обретения родственных душ через общность литературных, музыкальных вкусов и гастрономических пристрастий повторяется у Вудхауза многократно. Уже в раннем рассказе «Руфь на чужбине» влюбленный герой спрашивает девушку: «Вы верите в родственные души, мисс Уорден?» [\[8, с. 403\]](#) А начиная с романа «Джентльмен без определенных занятий» (1910) это становится частью его литературной формулы, пользуясь термином Д. Кавелти [см. 34]. В романе «Перелетные свиньи» (1952), написанном спустя 42 года, Парслоу говорит женщине, которую любит: «А как ты ела пирог! Не клевала, как эти дуры, входила в самую суть. Ну, тут я себе сказал: «Она, и только она!» Мы с тобой близнецы. Родственные души. Вот

так-то, старушка» [\[4, с. 403\]](#). В романе «Французские каникулы» присутствуют две пары влюбленных персонажей: Фредди и Мэвис, Джеф и Терри. Через обе любовные истории раскрывается в романе образ романтической любви. Жизнь героев преобразуется, они испытывают чувство полноты бытия. О чувствах Фредди в романе читаем: «Сегодня все изменилось. С глаз его спала пелена; он понял, что они созданы друг для друга. <...> Прежде всего, ему очень понравилось, что она охотно согласилась сбежать с концерта в кино. Когда он признался, что его тошнит от серьезной музыки, а она отвечала, что точно то же самое происходит с ней и в концерт она пошла только из-за тети, полагающей, что эти концерты развивают душу; когда они оба так сказали, он понял, что есть на свете разумные девушки.

За обедом выяснилось, что и он, и она терпеть не могут креветок, зато обожают Агату Кристи, и это очень их сблизило <...> Фредди подавился телятиной, так что официанту пришлось ударить его по спине. Когда из глаз перестали течь слезы, пленник любви посмотрел на Мэвис так пылко, что, в свою очередь, подавилась она. Исследователю Шекспира все это напомнило бы первую встречу Ромео и Джульетты» [\[7, с. 462\]](#). Единство вкусов и интересов, подлинный интерес к личности друг друга – все это побуждает героя почувствовать подлинную любовь. Родственность натур проявляется в довольно прозаичных вещах, но для Вудхауза не имело значения отсутствие возвышенности, самое важное в данном случае – единство мужчины и женщины, восстанавливающее единство мира. Ссылка на встречу Ромео и Джульетты имеет огромное значение. Трагедия «Ромео и Джульетта» неоднократно интерпретировалась романтиками, Шекспира они считали романтическим писателем. Любовь шекспировских героев во многом вписывается в контекст романтической любви. Встреча героев меняет их жизнь, преобразует ее, ложная любовь Ромео уступает место любви подлинной. Герои ощущают друг друга как одно целое. Упоминание Ромео и Джульетты у Вудхауза, с одной стороны, создает комический эффект из-за очевидного контраста между возвышенной трагической историей и персонажами, обсуждающими детективы и креветок. Но в то же время ссылка на шекспировских героев возвышает историю Фредди и Мэвис, показывая, что родство душ, настоящая любовь созвучна любви Ромео и Джульетты.

Чувства Джефа передаются следующим образом: «До сей поры женщины играли в его жизни незначительную роль. Да, его к ним тянуло, но не всерьез. Они появлялись и исчезали. Он любил их, если тут уместно это слово, но спокойно с ними расставался. Словом, они не очень много значили. Так, что-то вроде игры.

Однако он был романтиком и знал, что где-то ждет та девушка, о которой мечтает всякий романтик. Увидев Терри на яхте, он понял, что это — она. Поэт сказал: «Бродил я среди женщин, искал тебя», и Джеф был с ним согласен» [\[7, с. 498\]](#). Следует обратить внимание на то, что здесь несколько в сниженном виде излагается тот же сюжет, что и в романе Шлегеля «Люцинда», главный герой которого до встречи с Юлией не придавал любви особого значения, у него были любовные истории, не оказывавшие на него, на его душу существенного влияния. Вудхауз фактически воспроизводит ситуацию, близкую Шлегелю.

Ирония Вудхауза по отношению к героям и к их любовному чувству совершенно не означает отрицания любви. В этом контексте вполне актуальна мысль Шлегеля: «Подлинная ирония <...> есть ирония любви. Она возникает из ощущения конечности и собственной ограниченности и из видимого противоречия этого чувства заключенной во всякой истинной любви идеи бесконечного» [33. с. 49]. Таким образом, связь любви с иронией изначально рассматривалась романтиками, в любви они видели проявление

заложенной в основе земного бытия парадоксальности, двойственности. Такое понимание любви делает возможной и ее иронической изображение в художественных текстах, не означающее ее критики.

Использование пародийных элементов в изображении романтической любви не означает, что Вудхауз пародирует саму любовь. К. Ю. Разумахина справедливо утверждает, что в любви героев Вудхауза «есть некая детскость, наивность, нелепость, но вместе с тем возвышенность» [\[21, с. 83\]](#). Концепт родства душ актуализируется Вудхаузом, в любви раскрываются личностные качества героев, одновременно они ощущают единство друг с другом, чувствуют себя другими людьми.

Несмотря на комизм, на комическое снижение можно утверждать, что концепция романтической любви показана Вудхаузом в чистом виде. Например, это раскрывается в рассказе «Благоговейное ухаживание Арчибальда», входящем в цикл рассказов Мистера Маллинера.

В рассказе присутствуют все атрибуты романтической любви. Герой преображается после того, как встретил Аврелию Кэммерли, он хочет стать выше и лучше. Любовь Арчибальда возникает с первого взгляда. Причина дальнейшего нелепого поведения Арчибальда заключается в его глупости и наивности. Он действует из ложных соображений и представлений о том, что его возлюбленная находится на пьедестале, заведомо выше его самого. Он, преодолевая себя, читает серьезные книги, пытается поменять свое поведение, отказываясь от легкомысленного образа жизни – в данном случае от алкоголя и курения. Арчибальд выслушивает в качестве испытания лекции тетки Аврелии о бэкониианской теории. Это напоминает не только подвиги героев рыцарских романов, но и стихотворение Теннисона «Гарет и Линнет», в котором герой своим рыцарским служением постепенно заслуживает любовь дамы. В рассказе все происходит наоборот. Понимание романтической любви Арчибальдом ложно. Романтическая любовь заключается не в поклонении Даме, не в завоевании ее сердца, подвигов во имя возлюбленной, а в идее единства, родства душ, взаимном движении навстречу. А внутреннее развитие героев в концепции романтической любви предполагает взаимное совершенствование, а не любовь на расстоянии. В рассказе высмеивается попытка Арчибальда перенести на свою жизнь шаблоны представления о возвышенной, романтической любви. В рассказе поклонение Аврелии, попытка героя стать каким-то иным, напротив, отталкивает героиню, ее раздражает то, что он видит в ней богиню, а не земную девушку. В действительности ее идеал – это настоящий Арчибальд, каким он является на самом деле, «бодрый весельчак, с которым можно весело идти по жизни» [\[9, с. 20\]](#). В рассказе позднее выясняется, что он ей понравился при первой встрече, причем не какими-то исключительными свойствами: «Мне понравилось, как у него шевелятся уши» [\[9, с. 19\]](#).

В начале рассказа дается сравнение встречи Арчибальда и Аврелии со встречами Данте и Беатриче. Вудхауз сопровождает это сравнение многочисленными юмористическими деталями. Близость заключается в том, что Данте и Арчибальд не обменялись со своими возлюбленными ни единым словом, они только смотрят на них, что умственное развитие Арчибальда соответствует уровню девятилетнего Данте, а отличие – в том, что Данте встретил Беатриче на Понте-Веккьо, а Арчибальд пил коктейль в эркере своего клуба. Сравнение с Беатриче выглядит чисто ироническим с учетом особенностей характера героя и его дальнейшего поведения нелепого поведения. Но после финала рассказа сравнение с Данте и Беатриче предстает в другом свете.

Аврелия полюбила Арчибальда после того, как он показал ей свою имитацию курицы, снесшей яйцо. Впервые он раскрывает себя таким, как он есть, и героиня видит его в истинном свете. Очевидно, что здесь в пародийном ключе раскрывается озарение, которое позволяет героям, как, например, персонажам «Генриха фон Офтердингена», узнать и полюбить друг друга, почувствовать друг друга единым целым. В этом эпизоде Арчибальд выглядит иронической копией романтического гения, в рассказе дается его сравнение с музыкальным виртуозом. На Арчибальда «нисходит божественный огонь» [\[9, с. 22\]](#), а любовь направляет «каждый взмах его рук» [\[9, с. 22\]](#). Искусство героя комически напоминает Музыку, которую романтики считали лучшим из искусств. Но для Аврелии Кэммерли то, что показывает Арчибальд, – лучшее из возможного. Подобно тому, как «усовершенствовалось искусство» [\[32, с. 273\]](#) Юлия из-за его любви к Люцинде, Арчибальд достигает в имитации курицы «высшей ступени мастерства» [\[9, с. 22\]](#). Недаром решение начать имитацию курицы называется в тексте озарением.

Особого внимания заслуживает эпизод, когда Арчибальд слышит шаги Аврелии, сидя на постели. Рассказчик цитирует фрагмент из поэмы Теннисона «Мод»:

«"She is coming, my own, my sweet;

Were it never so airy a tread

My heart would hear her and beat

Were it earth in an earthy bed" whispered Archibald's soul, or word to that effect» [\[41, pp. 27-28\]](#).

(Она идет, моя родная, моя милая;

Даже если бы ее шаг был воздушным,

Мое сердце услышало бы ее и забилося,

Будь оно уже землей в могиле», – так или что-то в этом роде шептала душа Арчибальда) (Перевод наш – Ю. П.). Важно в этой связи отметить, что в тексте Вудхауза цитата приведена неверно, вместо слова «ever» («Were it ever so airy a tread» в поэме Теннисона [\[40, p. 80\]](#)) во второй строке в цитате у Вудхауза стоит слово «never». Несмотря на то, что эти слова являются антонимами («всегда» – «никогда»), в данном случае смысл не меняется. Вудхауз опустил ошибку либо неосознанно, либо сознательно. Учитывая прекрасное знание Вудхаузом текста поэмы «Мод», которую он часто цитировал, первое представляется маловероятным. Во втором случае можно предположить, что английский писатель комически обыгрывает ситуацию, при которой при использовании антонимов смысл фрагмента не изменяется. Таким образом комически усиливается и приблизительность сравнения смысла цитируемого отрывка и переживаний Арчибальда.

Представляется достаточно важным, что с помощью этого отрывка из Теннисона в рассказе актуализируется идея любви, преодолевающей смерть. Хотя в контексте рассказа этот отрывок имеет и юмористическое значение, что создается с помощью уточнения «что-то в этом роде» и упоминанием перед стихотворным отрывком о том, что звук шагов Аврелии сопровождался ворчливым рычанием ее бульдога, которого вытащили ночью из корзинки, чтобы подышать воздухом.

Юмористический контекст позволяет Вудхаузу через прямое цитирование Теннисона

вести в рассказ изначальный смысл отрывка из поэмы «Мод». Комическое снижение не только не отменяет первоначального значения отрывка, но становится возможностью для того, чтобы его раскрыть. Арчибальд не способен выражать свои чувства, как Теннисон, но его душа чувствует так же, или почти так же. И это позволяет читателю увидеть любовь героя к Аврелии как возвышенное, настоящее чувство.

Представление о божественности героини, о том, что Арчибальд не смеет о ней мечтать в финале уступает место переживанию Аврелии как родственной души. «Twin souls”, cried Archibald. Thats what we are when you come wright down to it. I suspected it all along and now I know. Two jolly old twin souls» [41, p. 30] (« «Души-близнецы”, – воскликнул Арчибальд. “Вот кто мы такие, если разобраться. Я подозревал это с самого начала, а теперь я знаю. Две старые добрые души-близнецы» (Перевод наш – Ю. П.). В русском переводе И. Гуровой родственность душ героев только усиливается за счет троекратного повторения мысли о родстве душ в то время, как в оригинале Арчибальд только двукратно повторяет ее: «Родственные души, вот что мы такое! – вскричал Арчибальд. Души-близнецы, если на то пошло. Я это с самого начала подозревал, а теперь окончательно убедился. Как пить дать – две родственные души» [9, с. 24]. Герои на самом деле идеально подходят друг другу, понимают друг друга с полуслова. Единство их целей и устремлений утверждается в финале фразой «И рука об руку они вместе вышли на широкую лестницу» [9, с. 24], являющейся апофеозом единства героев в рассказе. Это комически снижено Вудхаузом, потому что мы знаем, что их единство проявляется в том, что они собираются отнести бульдога в каморку дворецкого, одинаково относятся к идее проучить тетку Аврелии, если она задумает у них погостить. Герои рассказы нелепы, но они подходят друг другу, любят друг друга, и их любовь трогательна, лирична и придает им возвышенность. Они являются родственными душами, о чем прямо говорит Арчибальд в финале.

Использование пародийного элемента дает Вудхаузу возможность показать счастливую любовь. Таким образом Вудхауз, отталкиваясь от концепции любви ранних немецких романтиков и от «Королевских идиллий» А. Теннисона, создает свой неповторимый образ романтической любви в условиях сложного и трагического XX века.

Библиография

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб: Азбука-классика, 512 с.
2. Ванслов В. В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966. 403 с.
3. Во И. Вудхаузу: поздравление и покаяние // Иностранная литература. 2012. № 12. С. 112-122.
4. Вудхауз П. Г. Перелетные свиньи // Вудхауз П. Г. Собрание сочинений в 18 томах. Т. 6. М.: Остожье, 2000. С. 321-444.
5. Вудхауз П. Г. Деньги в банке // Вудхауз П. Г. Собрание сочинений в 18 томах. Т. 11. М.: Остожье, 2002. С. 5-194.
6. Вудхауз П. Г. Везет же этим Бодкиным // Вудхауз П. Г. Собрание сочинений в 18 томах. Т. 11. М.: Остожье, 2002. С. 195-450.
7. Вудхауз П. Г. Французские каникулы // Вудхауз П. Г. Собрание сочинений в 18 томах. Т. 12. М.: Остожье, 2003. С. 407-520.
8. Вудхауз П. Г. Руфь на чужбине // Вудхауз П. Г. Собрание сочинений в 18 томах. Т. 13. М.: Остожье, 2003. С. 399-412.
9. Вудхауз П. Г. Благоговейное ухаживание Арчибальда // П. Г. Вудхаус. Мир мистера Муллинера. М.: Текст, 2003. С. 5-24.
10. Вудхауз П. Г. Джентльмен без определенных занятий // Вудхауз П. Г. Собрание

сочинений в 18 томах. Т. 17. М.: Остожье, 2006. С. 5-208.

11. Горбунов А. Н. Альфред Теннисон и его поэма "In Memoriam" // Теннисон А. In Memoriam. М.: Ладомир, Наука, 2018. С. 433-464.

12. Гулыга А. В. Философское наследие Шеллинга // Шеллинг Ф. Й. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 3-38.

13. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: АХИОМА, 1996. 232 с.

14. Манн Т. Волшебная гора // Манн Т. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1959. С. 7-485.

15. Нарский И. С. Тема любви в философской культуре Нового времени // Философия любви. Т. 1. М.: Политиздат, 1990. С. 110-148.

16. Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир, Наука, 2003. 290 с.

17. Новалис. Фрагменты. СПб.: Владимир Даль, 2014. 319 с.

18. Попов Ю. Н. Философско-эстетические воззрения Фридриха Шлегеля // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. В двух томах. Критика. Т. 1. М.: Искусство, 1983. С. 7-39.

19. Разумахина К. Ю. Осознанное заимствование и опосредованное влияние художественной традиции в творчестве П. Г. Вудхауза. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2015. № 178. С. 134-138. EDN: VBUANJ.

20. Разумахина К. Ю. Особенности модификации рассказчика в цикле П.Г. Вудхауза "Дживс и Вустер" // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. № 3. С. 73-79. EDN: WHPMRL.

21. Разумахина К. Ю. Художественный мир произведений П. Г. Вудхауза и английская юмористическая традиция. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. СПб.: РГПУ, 2017. 259 с.

22. Садунова Н. В. Философия любви немецкого романтизма. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Тверь, 2009. 20 с. EDN: NQJMGX.

23. Теннисон А. Королевские идиллии. М.: Грантъ, 2001. 480 с.

24. Теннисон А. Волшебница Шалот и другие стихотворения. М.: Текст, 2007. 399 с.

25. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. Избранные труды. М.: Аграф, 2002. С. 300-339.

26. Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. 368 с. EDN: QRIJAJ.

27. Шабунина Э. В. Природа комического в романах П. Г. Вудхауза о Дживсе и Вустере. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 316 с.

28. Шеллинг Ф. Й. Об отношении реального к идеальному в природе // Шеллинг Ф. Й. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 34-51.

29. Шеллинг Ф. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. Й. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 86-158.

30. Шлегель Ф. К. В. Идеи // Шлегель Ф. К. В. Эстетика. Философия. В двух томах. Критика Т. 1. М.: Искусство, 1983. С. 358-364.

31. Шлегель Ф. К. В. Философия жизни // Шлегель Ф. К. В. Сочинения. Том 1. СПб.: Издательский проект "Quadrivium", 2015. С. 6-353.

32. Шлегель Ф. К. В. Люцинда // Шлегель Ф. К. В. Сочинения. Т. 2. СПб.: Издательский проект "Quadrivium", 2015. С. 215-199.

33. Шлегель Ф. К. В. Философские чтения, в особенности по философии языка и слова. Сочинения Т. 2. СПб.: Издательский проект "Quadrivium", 2015. С. 7-214.

34. Cawelti J. G. Adventure, mystery, and romance: Formula stories as art and popular

culture. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 344 p.

35. Dugan L. "Worcestershirewards": Wodehouse and the Baroque. *Connotations* 20.2-3 (2010/2011). P. 228-247.

36. Green B. P. G. Wodehouse: A Literary Biography. New York: Routledge, 1981. 256 p.

37. McCrum R. Wodehouse. A life. New York: Norton, 2006. 542 p.

38. Ratcliffe S., ed. P. G. Wodehouse: A Life in Letters. London: Arrow, 2011. Slater, Joseph, ed. The Correspondence of Emerson and Carlyle. New York: Columbia UP, 1964. 640 p.

39. Ruud J. "Never Built at All, and Therefore Built Forever": Camelot and the World of P. G. Wodehouse. *Connotations* Vol. 24.1 (2014/2015). P. 105-121.

40. Tennyson A. Maud // Tennyson A. Maud and other poems. L.: Edward Moxon, Dover Street, 1856. P. 1-110.

41. Wodehouse P. G. The Reverent wooing of Archibald // Wodehouse P. G. Mr Mulliner Speaking. L.: Arrow books, 2008. P. 9-30.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи является образ романтической любви в творчестве английского юмориста П.Г. Вудхауза. Автор фокусируется на том, как Вудхауз интерпретирует и пародирует концепцию любви, заимствованную из раннего немецкого романтизма, а также через призму викторианской литературы. Романтическая любовь трактуется не как общее возвышенное чувство, а как онтологическая категория, подразумевающая единство душ, преодоление эгоизма и гармонию с миром. Автор анализирует, как этот образ проявляется в юмористических текстах Вудхауза, где пародия служит средством актуализации глубоких философских идей.

Методология статьи сочетает историко-литературный и сравнительный подходы. Для выявления аллюзий, цитат и пародий используется интертекстуальный метод, например, сравниваются сцены из «Генриха фон Офтердингена» Новалиса и романов Вудхауза, а также применяется теория пародии Ю.Н. Тынянова для объяснения, как комическое снижение усиливает смыслы. Методология включает филологический разбор текстов, с акцентом на семантику и структуру образов, что позволяет связать литературу с философией.

Актуальность темы обусловлена возрождением интереса к юмористической литературе как форме осмысления глубоких философских идей в эпоху кризиса. Вудхауз, часто воспринимаемый как «легкий» автор, здесь предстает интерпретатором романтизма, что актуально для современных исследований постмодернизма и иронии. В контексте XXI века, когда любовь часто редуцируется к психологии или социологии, статья напоминает о ее онтологическом измерении, подчеркивая, как юмор помогает говорить о «возвышенном» без пафоса. Это перекликается с текущими спорами о роли пародии в литературе (например, в работах о Т. Манне или постмодернистах).

Научная новизна заключается в оригинальной интерпретации Вудхауза как продолжателя романтической традиции через пародию. Автор показывает, что юмор Вудхауза не высмеивает любовь, а актуализирует ее аспекты, что ранее недооценивалось. Новым является связь с Теннисоном как посредником артуровских мотивов, а также анализ конкретных текстов (например, «Благоговейное ухаживание

Арчибальда») в контексте романтической иронии Шлегеля. Это расширяет понимание Вудхауза, предлагая междисциплинарный взгляд на философию любви в юмористической прозе XX века.

Стиль статьи академический, однако доступный, с элементами повествовательности. Автор использует точные цитаты, что обогащает текст, но иногда перегружает его повторами (например, фразы «как верно отмечает»). Язык точен, с философскими терминами («онтологическая категория», «субъектно-субъектные отношения»), при этом не характеризуется излишней сложностью. Тем не менее, местами стиль монотонен из-за частых ссылок на авторитеты, что делает чтение менее интересным для неспециалистов. По структуре статья логична и последовательна: начинается с определения понятия романтической любви через философов, переходит к ее воплощению в литературе романтиков, затем анализирует влияние на других авторов (Манн, Вудхауз) и заканчивается конкретными примерами из произведений Вудхауза. Разделы плавно связаны, с использованием переходных фраз. Завершает текст вывод о синтезе романтизма и юмора.

В плане содержания автор детально разбирает ключевые аспекты романтической любви (единство, свобода, познание мира) и показывает их пародийное преломление у Вудхауза. Примеры из романов («Деньги в банке», «Французские каникулы») иллюстрируют, как любовь преобразует героев, подчеркивая родство душ через комические детали (общие вкусы в еде или музыке). Убедительно аргументировано, что пародия не отрицает, а усиливает романтизм, с отсылками к Тынянову и Шлегелю. Содержание сбалансировано между теорией и анализом, но иногда фокусируется на повторяющихся идеях, что снижает глубину.

Библиография обширна и релевантна: включает 41 источник, от классиков до современных исследований. Русскоязычные и англоязычные работы сбалансированы, с акцентом на филологию и философию. Указаны полные данные, включая страницы, что соответствует академическим стандартам.

Автор активно апеллирует к оппонентам, цитируя их для подкрепления или опровержения положений. Например, соглашается с Маккрамом в оценке Вудхауза, но критикует упрощение его творчества как чистого комизма, полемизирует с интерпретациями Разумахиной и Шабуниной, уточняя, что ирония не отрицает рыцарских идеалов, а пародирует их трактовку. Это добавляет диалогичности, но апелляции иногда формальны, без глубокого разбора альтернативных взглядов.

Выводы статьи подытоживают, что Вудхауз создает уникальный образ романтической любви, синтезируя ранний романтизм, Теннисона и юмор. Пародия позволяет говорить о вечном в трагическом XX веке, подчеркивая единство и радость бытия. Выводы логичны, но могли бы быть более развернутыми, с предложениями для дальнейших исследований.

Статья будет интересна филологам, философам и любителям литературы, особенно поклонникам Вудхауза и романтизма. Для студентов и исследователей статья представляет собой ценный материал по интертекстуальности, однако для неспециалистов текст может показаться слишком академичным из-за обилия цитат.

На основе всего вышесказанного считаю, что в целом статья соответствует предъявляемым к подобным работам требованиям и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сюй Ю., Чжан Ю., Коваленко А.Г. Языковой аспект конфликта в прозе Дины Рубиной: анализ лексических и семантических особенностей // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76027 EDN: DDWFFO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76027

Языковой аспект конфликта в прозе Дины Рубиной: анализ лексических и семантических особенностей

Сюй Юйминь

ORCID: 0009-0003-4298-9830

доцент, зав. кафедрой; кафедра Русский язык; Хэйлунцзянский политехнический университет
аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

125252, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 5к2

✉ 1042238002@rudn.ru



Чжан Юйкунь

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ 1042235071@pfur.ru



Коваленко Александр Георгиевич

ORCID: 0000-0002-6747-285X

доктор филологических наук

профессор; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ ak-taurus@mail.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76027

EDN:

DDWFFO

Дата направления статьи в редакцию:

26-09-2025

Аннотация: Исследование «Языковой аспект конфликта в прозе Дины Рубиной: анализ лексических и семантических особенностей» является актуальным и интересным, поскольку представляет собой попытку проанализировать языковые и семантические аспекты конфликта в произведениях популярной современной писательницы Дины Рубиной. Исследование этого вопроса может пролить свет на то, как автор использует языковые средства для передачи конфликтов между персонажами, общественных противоречий или внутренней душевной борьбы. Анализ лексических и семантических особенностей может помочь выявить специфику языка, которую использует писательница для создания атмосферы напряженности, драматизма или эмоциональной насыщенности. Такое исследование также может быть полезным для литературоведов, филологов, культурологов и всех, кто интересуется языком и литературой. Понимание того, как языковые средства могут отражать и усиливать конфликты в литературных произведениях, может помочь лучше понять суть текста и интенсивность его эмоционального воздействия на читателя. Исследование также имеет актуальное значение для литературной науки и критики, а также может предложить новые интересные выводы о творчестве этого автора. Практическая значимость данного исследования заключается в том, что оно может помочь лучше понять, как язык используется для выражения конфликтов в литературе. Это знание может быть полезным для лингвистов, литературоведов и критиков, которые изучают произведения Дины Рубиной или других авторов. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для разработки методов анализа текстов с целью выявления и интерпретации лексических и семантических особенностей, что может быть полезно при изучении других произведений. Цель работы – рассмотреть языковой аспект конфликта в её прозе: анализ лексических и семантических особенностей. Из поставленной цели вытекают следующие задачи: - рассмотреть понятие языковой специфики художественного текста; - изучить художественное и языковое своеобразие текстов Д. Рубиной; - исследовать лексические особенности идиостиля Д. Рубиной на материале сборников рассказов «Бонжорно, команданте!» и «Вавилонский район безразмерного города»; - изучить стилистические функции глагольных форм в её рассказах. Цель определила методы работы: описательно-аналитический (анализ литературы по теме исследования), сплошной выборки (при сборе фактического материала), а также метод классификации.

Ключевые слова:

Дина Рубина, языковой аспект конфликта, лексические особенности, семантические особенности, идиостат, глагольные формы, художественный текст, современная российская проза, конфликт, проза

1. Художественный текст как организованная система языковых средств 1.1. Понятие языковой специфики художественного текста

Языковая специфика художественного текста играет важную роль в формировании его смысла и воздействии на читателя.

По мнению Н.Д. Зарубиной, текст – это письменное по форме речевое произведение, принадлежащее одному участнику коммуникации, законченное и правильно

оформленное [\[4, с.11\]](#).

Описывая особенности художественного текста, В.А. Лукин приводит следующее определение: «Текст – это сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой» [\[9, с.5\]](#).

Текст – это основная единица коммуникации, которая является продуктом той или иной исторической эпохи, отражением психической жизни индивида, то есть каждой отдельно взятой личности. Текст необходимо рассматривать как продукт речи, возникающий в процессе познания индивидом окружающей действительности, а также в процессе коммуникации. Текст обладает особой внутренней структурой, то есть имеет собственное определенное строение, средства связности его частей, которые не позволяют тексту расчленяться на отдельные, не связанные между собой, части, то есть предложения.

Языковая специфика художественного текста отражает особенности языка, используемого в литературном произведении, которые делают его отличным от обычной разговорной или научно-технической речи. Эти особенности включают в себя следующие аспекты:

- лексика. В художественном тексте часто используются необычные, архаичные, редкие слова, метафоры, символы, аллегории, которые создают особую атмосферу произведения и способствуют передаче эмоций и образов.

- синтаксис: структура предложений в художественном тексте может быть более сложной и изящной, чем в обычной речи, с использованием параллелизмов, повторений, инверсий и других стилистических приемов.

- фонетика и ритм. Звуковая сторона языка важна для создания музыкальности и ритма текста, например, использование ассонансов, аллитераций, рифмы, что делает произведение более выразительным.

- стилистические приемы. Художественный текст может содержать различные стилистические приемы, такие как эпитеты, олицетворения, аналогии, иронию, сравнения и др., которые придают тексту художественное качество.

- метаязыковые элементы. Использование метаязыковых элементов, таких как комментарии автора, внутренние монологи персонажей, размышления и философские мысли, которые расширяют смысловое поле произведения.

Художественный текст – это сложная по организации система (с одной стороны, это частная система средств общенационального языка, с другой стороны, в художественном тексте возникает собственная кодовая система, которую читатель должен дешифровать, чтобы понять текст

Автор художественного текста использует в своем творчестве те концепты, которые максимально полно отражают его мировосприятие и мировидение, таким образом, они составляют ядро художественной картины мира писателя. Ключом к языковой картине мира писателя является анализ его индивидуальной языковой системы, как особым образом организованной иерархической структуры, в которой проявляется специфика индивидуального художественного мышления, видения мира и его воплощения [\[7, с.1\]](#).

Слово в художественном тексте выполняет эстетическую функцию, оно включено в процесс творческого пересоздания окружающего мира, который, в свою очередь, направляется «идеей художника, переживанием, внушаемым его картиной мира, его тезаурусом» [\[8, с. 95\]](#).

Для наиболее точного анализа лексической составляющей языковой модели мира автора язык его художественных текстов необходимо рассматривать в полном объеме. Исходя из этого, точным методом исследования авторской картины мира, воплощенной в языке художественных текстов, может служить полный алфавитный словарь отдельно взятого писателя.

Лексемы, употребленные писателем в произведениях, отражают художественное своеобразие текстов и специфику стиля автора, а также существенные черты литературного направления, к которому он принадлежит, и жанра, избранного писателем для написания каждого конкретного текста.

Лексический анализ текста - это процесс изучения лексики, т.е. словаря, используемого в тексте, с целью определения особенностей выбора и употребления слов, их значения, структуры и взаимосвязей. В ходе лексического анализа исследователь обращает внимание на конкретные слова, их частотность, семантику, стилистику, тематическую направленность, а также на специфические лексические единицы, которые могут быть характерными для автора или жанра.

Лексический анализ текста позволяет выявить особенности языка автора, его стилистические предпочтения, особенности образности и эмоциональной окраски текста. Также данный анализ может помочь понять тематику произведения, его цели и задачи, а также влияние лексического состава на общее восприятие текста читателем.

В контексте исследования «Языковой аспект конфликта в прозе Дины Рубиной» лексический анализ текста позволяет выявить специфические лексические единицы, которые могут быть связаны с конфликтами, напряженностью или драматизмом в произведениях писательницы. Такой анализ раскрывает особенности языка и стиля Дины Рубиной, а также помогает понять, каким образом она использует слова для передачи эмоций, настроений и конфликтов в своих произведениях.

Семантические особенности конфликта в прозе относятся к специфическим значениям, образам и символам, которые используются автором для передачи и раскрытия конфликтов между персонажами, идеями или общественными явлениями в тексте. В литературе семантика конфликта может быть выражена через выбор слов, образов, метафор, аллегорий и других лексических и структурных приемов.

Семантические особенности конфликта в прозе включают в себя следующие аспекты:

- специфические лексические единицы, которые отражают напряженность, столкновение интересов, противоречия и борьбу между персонажами или группами;
- использование метафор, символов и образов, которые визуализируют конфликт и его последствия, помогая читателю лучше понять его суть и глубину;
- эмоциональная окраска слов и выражений, которая передает интенсивность чувств и эмоций, связанных с конфликтом.
- использование повествовательных приемов (например, повторений, параллелизмов, контрастов) для подчеркивания различий и противоречий между сторонами конфликта;

- отражение социокультурных и исторических контекстов, которые могут влиять на характер и развитие конфликта в произведении.

Изучение семантических особенностей конфликта в прозе позволяет более глубоко понять его значение для развития сюжета, характеристики персонажей и выявления тематических и мировоззренческих аспектов произведения.

Таким образом, языковая специфика художественного текста отражает особенности языка, используемого в литературном произведении, которые делают его отличным от обычной разговорной или научно-технической речи. Эти особенности включают в себя следующие аспекты: лексику, синтаксис, фонетику и ритм, стилистические приемы, метаязыковые элементы, метафоры, символы, образы, стилистические приемы, игру слов, аллюзии и другие лингвистические элементы, которые придают тексту художественное качество. Часто в художественных произведениях используется необычный, метафоричный или многозначный язык, который создает эмоциональную и эстетическую ценность произведения.

Языковая специфика художественного текста помогает создать уникальную атмосферу произведения, передать авторское видение мира, характеристики персонажей и тематические идеи. Она делает литературное произведение более глубоким и многоплановым, отличая его от других видов текстовой коммуникации.

1.2. Художественное и языковое своеобразие текстов Д. Рубиной

Многие авторы подчеркивают, что для полного понимания и анализа творчества Д. Рубиной необходимо рассматривать его в контексте её собственной биографии. Это связано с тем, что писатель строит свои произведения на основе реальных жизненных впечатлений и опыта. Многие события из биографии Д. Рубиной нашли отражение в её художественных работах, таких как рассказы, повести, романы и эссе. Внимательный анализ биографических фактов и их параллелей с произведениями позволяет лучше понять и оценить творчество этого писателя, раскрывая глубину его идей и вдохновения.

Романы и повести Д. Рубиной отличает многогеройность, среди персонажей нет ни главных, ни второстепенных [\[19, с.17\]](#). Нередко прототипами героев художественных текстов Д. Рубиной становятся ее близкие люди – родственники и друзья. Персонажи её произведений – это люди разных национальностей, возрастов и мировоззрений.

Во многих произведениях Д. Рубиной повествование, наполненное большим количеством лирических отступлений, строится от первого лица. Таким образом, Д. Рубина вкладывает в мысли, чувства и характеры своих литературных героев черты собственного мировоззрения. В одном из своих интервью писатель признается, что умеет перевоплощаться в своих героев, она относится к созданию образов своих героев очень внимательно [\[14, с.72\]](#).

Представляя читателю героев своих произведений с помощью детализированного изображения (детали внешнего облика, одежды, окружающей обстановки, манеры речи и т. д.), Д. Рубина подчёркивает особенности характеров персонажей, которые важны для дальнейшего развития действия. Через портрет, который отображает физический и нравственный образ персонажа, передается психологическое содержание личности. Исследователи творчества Д. Рубиной считают, что лучше всего писательнице удастся то, что ей интересно, например, ей великолепно удалось изображение не только,

например, автобиографического советского Ташкента («На солнечной стороне улицы»), Киева («Почерк Леонардо») и Винницы («Голубка»), но и насыщенное деталями изображение национального колорита ряда других стран (например, Израиля, Испании, Италии, США).

Д. Рубина выступает комментатором, толкователем, посредником между двумя ментальностями: советской и иностранной. При описании местного колорита зарубежных стран автор использует в тексте произведения заимствованные лексемы, иноязычные вкрапления и экзотизмы. Данная черта художественного мастерства писателя является одной из отличительных особенностей лексической составляющей языковой модели мира писателя.

Используя в своих художественных текстах скрытую автобиографичность, Д. Рубина создаёт особый условный мир, в который вводит героев и передаёт им свои мысли и чувства, переживания и настроения.

Наряду с этим писатель наделяет персонажа обобщёнными чертами, стремится к максимальной выразительности и допускает употребление гротеска, заостряя и подчеркивая доминирующий признак во внешности или характере персонажа.

Мир литературных героев Д. Рубиной подвижен и динамичен. Особой отличительной чертой произведений является выстраивание сюжета произведения при помощи одновременного использования нескольких временных планов, переносящих читателя по ходу повествования из настоящего в прошлое и наоборот (например, повесть «Бабий ветер»). Временные границы прошлого, настоящего и будущего в художественных текстах размываются. В каждом из этих временных планов существуют события, которые связаны с жизненными путями конкретных героев.

Жизненный путь персонажей изображается не линейно, а «мозаично». При помощи такого построения повествования автор глубже раскрывает характеры персонажей и помогает понять читателю мотивацию поступков литературных героев, причины которых кроются, например, в их детстве или юности.

Таким образом, чередование временных планов, сложное переплетение множества сюжетных линий, включение в повествование «побочных», дополнительных историй создают внутреннюю динамику художественного текста и усиливают читательский интерес.

В художественных текстах писателя нередко сюжет не играет важной роли и основан на реализации ложной интриги, проявляющейся через «эффект ожидания», при этом данная ситуация может сопровождаться традиционным для творчества Д. Рубиной открытым финалом (например, повесть «Высокая вода венецианцев»). Автор в большей мере уделяет внимание сюжетным перипетиям и интригам, то есть психологическому аспекту повествования.

Важную функцию в произведениях Д. Рубиной выполняет пейзаж. С помощью пейзажных зарисовок, которые пронизывают пространство художественного текста, автор дополняет и усиливает основную сюжетную линию, изображает состояния героев (например, рассказ «Туман», повесть «Бабий ветер», роман «Почерк Леонардо»). При этом описание природы может неоднократно встречаться по ходу повествования, отображая изменения душевного состояния героев. Подавляющее число произведений Д. Рубиной обладают особым музыкальным построением (например, рассказ «Яблоки из сада Шлицибутера»). Этому способствует наличие в тексте художественного произведения многочисленных

синтаксических пауз, номинативных предложений, риторических восклицаний, инверсий и повторов.

Д. Рубина нередко сравнивает свои художественные тексты с музыкальными произведениями. В произведениях писателя возникает мотив божественного происхождения таланта, искусство становится для персонажа смыслом жизни, определяет его судьбу, то есть обладает фаталистическим началом. При этом герой, наделённый талантом, может чувствовать себя одиноко в окружающем его мире (например, новелла «Дорога домой»). Это происходит вследствие возникновения ситуации непонимания между героем и обществом. Для героя мир является непознанным и странным (например, «На солнечной стороне улицы»). Таким образом, по мысли Д. Рубиной, талант и одиночество неотделимы друг от друга.

Во многих произведениях Д. Рубина раскрывает проблему разграничения истинного и ложного искусства (например, «Белая голубка Кордовы»). Д. Рубина, развивая тему творчества, искусства и природы таланта в своих художественных текстах отвечает на такие вопросы: «Что есть дар?», «Какова его природа?» и «Кто есть Гений?» [\[10, с.37\]](#).

Часто герои художественных текстов Д. Рубиной играют на различных музыкальных инструментах (например, «Уроки музыки», «Дом за зелёной калиткой»). Также в произведениях писателя непосредственно по ходу развития сюжета звучит музыка и слышатся песни. Показательно, что писатель обращается в своих текстах к музыкальным терминам и использует отсылки к известным музыкальным произведениям (например, рассказ «Концерт по путевке «Творчества книголюбов»).

В структуре произведений, в которых Д. Рубина описывает город своего детства и юности – Ташкент, также особое место занимают песни. Помимо этого, автор вводит в повествование анекдоты, прецедентные тексты и фольклорные топонимы.

Можно отметить, что в творчестве писателя художественный текст выполняет функцию объединения и сохранения коллективной культурной памяти. Нередко в основе произведений лежит трагифарсовая ситуация, которая способствует сосуществованию и переплетению в рамках одного текстового пространства трагических и лирических историй. Так, например, трагифарсовая ситуация лежит в основе повести «Последний кабан из лесов Понтеведра». Название произведения настраивает читателя на мелодраматический сюжет, но параллельно с этим используются в тексте повести разные формы комического – при изображении действующих лиц (например, писатель подчеркивает сходство одного из героев – карлика Люси – с дикой свиньёй). Для создания игрового и комического эффекта в тексте произведения автор использует многообразие языковых средств и приёмов: например, разговорную и просторечную лексику, устойчивые словосочетания и обороты, паронимию, а также особую ироническую интонацию, которая является определяющей в организации всего сюжетного действия. Такое художественное и языковое разнообразие способствует выражению не прямой авторской оценки и характеризует стиль автора в целом.

Таким образом, разнообразная и многоплановая художественная картина мира Д. Рубиной привлекает читателя своей оригинальностью, эмоциональностью и необычным колоритом. В художественных произведениях писателя происходит осмысление места человека в мире, поиска смысла человеческого существования, детализировано описываются внутренние переживания героев, их воспоминания о прошлом и жизнь в настоящем.

Основными художественными и отличительными языковыми чертами текстов

писательницы, которые свидетельствуют об уникальном идиостиле писателя, являются: скрытая автобиографичность; документализм; внимание к деталям (художественным и историческим); использование в тексте произведений нескольких временных планов и переплетение множества сюжетных линий; глубокий психологизм; особое музыкальное построение произведений; сочетание в рамках одного произведения трагизма и лиризма; колоритный язык и использование широкого спектра лексических единиц русского языка при изображении объектов и явлений художественной действительности и т. д.

Языковые средства, которые писатель «вплетает» в текст художественного произведения, отражают особенности восприятия автором реальной окружающей действительности. Во многом употребление писателем тех или иных лексических единиц конкретного языка зависит от авторского замысла, темы и проблемы произведения, литературного направления, к которому принадлежит автор, жанра, который был избран автором для написания того или иного произведения, а также событий, описанных в художественном тексте, и характера изображаемых предметов и явлений.

2. Лексические и семантические особенности языкового аспекта конфликта в прозе Дины Рубиной

2.1 Лексические особенности идиостиля Дины Рубиной на материале сборников рассказов «Бонжорно, команданте!» и «Вавилонский район безразмерного города»

Произведения Дины Рубиной содержат глубокие и сложные конфликты, которые отражаются в ее лексике. В прозе Дины Рубиной можно выделить несколько типов лексических элементов, которые помогают передать и раскрыть конфликты внутри персонажей и событий.

Лексика семейных отношений: в произведениях Дины Рубиной часто встречается лексика, связанная с семейными отношениями, например, «мать», «отец», «сын», «дочь», «семья». Эти слова могут отражать сложные отношения между членами семьи, конфликты поколений и трагические события [\[1\]](#).

Лексика идентичности и самопознания. В прозе Дины Рубиной часто встречаются слова, связанные с поиском идентичности, самопознанием и самоопределением, например, «личность», «идентичность», «поиск», «истина». Эти слова помогают показать внутренний конфликт персонажей и их стремление к пониманию самого себя.

Лексика социальных противоречий. В произведениях Дины Рубиной можно найти слова, отражающие социальные противоречия и неравенство, такие как «бедность», «богатство», «класс», «статус». Эта лексика помогает передать социальные конфликты и различия между персонажами.

Лексика эмоциональных состояний. Слова, относящиеся к эмоциям и чувствам, такие как «гнев», «страх», «печаль», «радость», помогают передать внутренний мир персонажей и их эмоциональные конфликты.

Лексика времени и памяти. В произведениях Дины Рубиной часто присутствуют слова,

связанные с временем, памятью и прошлым, например, «время», «прошлое», «память», «воспоминание». Эта лексика помогает раскрыть конфликты между прошлым и настоящим, а также влияние прошлого на настоящее.

Анализ лексических единиц позволил выделить тематические группы лексики и стилистически маркированную лексику. Среди тематических групп лексических единиц сборников «Бонжорно, Команданте!» [\[11\]](#) и «Вавилонский район безразмерного города» [\[12\]](#) можно выделить следующие группы слов: колоративы, топонимы и лексика музыкальной тематики.

Дина Рубина использует колоративы для создания точного и детального образа описываемого пространства, героя или предмета, например, «Мозаики Сан-Витале, мавзолея Галлы Плацидии, Православной Баптистерии – вот что влечет в Равенну сотни тысяч туристов... Сочетание золотых, изумрудно-зеленых, вишнево-фиолетовых, приглушенно-красных тонов. Хроматическое пиршество красок посреди сонного, расслабленного города» (...Их бин нервосо!) [\[1\]](#).

Писательница использует сочетания различных сложных оттенков цвета, чтобы создать яркий и разносторонний образ города, наполненного разными культурными объектами. Это создает положительный пространственный образ у читателя. Также стоит отметить, что использование сложных оттенков цвета в данном случае создает образ мозаики, которая всегда переливается то одним цветом, то другим.

С помощью топонимов писательница создает эффект туристической карты, своего рода путеводителя. Она называет и описывает страны, города, улицы, площади и культурные памятники для раскрытия культурно-исторического аспекта, так как все места географически реальные.

Благодаря этому читатель также может с точностью представить путешествие героя. Например: На сей раз поездка распалась на юг и север Италии: несколько ночей в Вернись-в-Сорренто, и несколько ночей на северных озерах, например, навилле «Ла Фонтане», чья верхняя палуба-терраса wpłyвает по утренней дымке прямо в Лаго-Маджореповерх стеклянных и черепичных крыш соседних замков и дворцов (Гладь озера в пасмурной мгле).

Писательница подробно описывает маршрут героини, указывая при этом точные географические места и объекты, а также временной промежуток «несколько ночей». Все это создает художественные категории времени и пространства в произведении, определяя его хронотоп. Читатель, благодаря использованию автором реальных географических мест, может с точностью представить путешествие героя. Это также помогает ему погрузиться в нужную атмосферу.

Лексика музыкальной тематики тесно связана с жизненным путем писательницы. С самого детства она увлекалась музыкой и училась в музыкальной школе, прикрепленной к консерватории. Позднее она продолжила свое образование и успешно окончила Ташкентскую консерваторию в 1977 году, после чего начала преподавать в институте культуры. В рассказе «Уроки музыки» писательница передала свои воспоминания и эмоции, связанные с учебой в музыкальной школе, используя богатую лексику музыкальной сферы. Эти впечатления стали важной частью ее творчества и помогли ей создать яркие образы и атмосферу в своих произведениях [\[2\]](#).

Этим можно объяснить знание Д. Рубиной музыкальных терминов и их использование в

своих произведениях.

Такая лексика носит номинативный характер, например, «Там они и сидели, рядышком, – два великолепных гитариста – на складных брезентовых стульчиках, перед пюпитром с нотами» (Воскресная месса в Толедо).

Кроме того, Дина Рубина использует лексику, относящуюся к музыкальной деятельности, в качестве средства выразительности, например, «Камертоном настроения любой «новеллы странствий» служит, как правило, какая-либо сцена, часто неожиданная, наблюдать которую тебе случайно привелось» (Судьбинная глубина городов) [\[17\]](#).

В первом случае автор использует музыкальные термины для передачи фактов действительности, связанных с деятельностью музыкантов.

Во втором случае писательница использует термин в качестве метафоры. Единицы представленных тематических групп помогают погрузить читателя в необходимую атмосферу произведения, а также характеризуют культурный багаж Дины Рубиной.

Среди стилистически маркированных лексических единиц сборников можно выделить следующие группы слов: стилистически сниженная лексика и книжная лексика.

При чтении произведений Дины Рубиной создается ощущение диалога с близким другом, что достигается за счёт использования стилистически сниженной лексики. Желание писательницы рассказать о своей жизни и переживаниях простым, понятным языком приводит к созданию намеренной разговорности повествования, необычайной экспрессии диалогов и монологов. Е.И. Колосова также отмечает, что «...писательница часто использует просторечие для передачи эмоционального состояния неустроенности, недовольства ситуацией...» [\[6\]](#).

Например: «Дама, шо вы мимики делаете, у вас же весь газ выйдет! Кому не сладко? Вам? А вы за копейку сладко захотели? Шо вы уставились, гражданин, я похожа на вашу покойную мамочку? Шагайте себе по жизни дальше. Какую копейку? Кто не додал? Я?! Боже ж мой, он без твоей копейки умрет, а! Да я всю выручку дам сейчас в твою морду, вместе с тою копейкой! Я тебе материально обеспечу. Я тебе сиропом умою! На, подавись тою копейкой, положи ее в Швейцарский банк! Но я тебе ее не дам!..» (Гладь озера в пасмурной мгле).

Также в данном случае Д. Рубина рисует образ человека из низших социальных слоев. В речи героя можно отметить и характерное нарушение грамматических форм, что опять же свидетельствует о его принадлежности к определенным слоям населения.

Книжная лексика также характерна для идиостиля Дины Рубиной. Данная лексика придаёт тексту поэтичность. Писатель использует эту лексику наряду с разговорной и устаревшей. Названные группы слов гармонично сосуществуют и дополняют друг друга на страницах сборника, что придает языку произведений эмоциональность и экспрессивность. Они передают как положительную, так и отрицательную оценку, например, «Нет, нет, повторял Боря, продираясь сквозь вечернее столпотворение напьянце Сан-Марко, поминутно оглядываясь – поспеваю ли я за ним. – Нет, это профанация великой темы. И грандиозные деньги, вколотенные в туристический проект» (Снег в Венеции) [\[11\]](#).

В данном случае Д. Рубина использует книжную лексику, чтобы показать эмоции героя, его реакцию на происходящие события: передать отрицательную оценку. Слово

«профанация» означает искажение чего-либо невежественными действиями. Борис возмущен тем, во что муниципалитет Венеции превратил традиционный карнавал. Можно сделать вывод, что характерной чертой идиостиля Дины Рубиной является смешение высокой и низкой лексики.

Также можно отметить, что фраза «Бонжорно, Команданте!» содержит в себе лексику, которая может ассоциироваться с конфликтом или напряженной обстановкой. «Бонжорно» - французское слово «bonjour», что означает «доброе утро». В данном контексте использование французского слова может указывать на некоторую дистанцию или формальность в отношениях между собеседниками, что может свидетельствовать о конфликте или неоднозначных отношениях.

«Команданте» - это обращение к командиру, начальнику или руководителю. Использование этого термина также может указывать на иерархические отношения и наличие конфликта внутри коллектива или организации. Лексика данной фразы подчеркивает наличие напряженности, формальности или даже конфликтных отношений между говорящими.

Итак, стилистически маркированная лексика помогает писательнице создавать различные образы героев. Такая лексика также создает экспрессивность повествования, передавая всевозможные эмоции героев и авторскую оценку. Так, анализируя сборники рассказов Дины Рубиной, можно отметить следующие лексические особенности ее стиля: использование колоративов, топонимов, музыкальных терминов, которые необходимы для создания образов героев, для описания предметов, явлений, а также для представления художественного пространства. Сниженная лексика, включая сленговую и просторечную, помогает писательнице быть ближе к читателю. Такая лексика создает экспрессивность повествования, передавая всевозможные эмоции героев и авторскую оценку.

Также для выражения конфликтов используется: многозначность и игра слов; использование ивритских и еврейских терминов; экспрессивная лексика; разнообразие стилей речи.

Эти лексические особенности помогают создать узнаваемый идиостилистический почерк Дины Рубиной, который делает ее произведения уникальными и запоминающимися для читателей.

2.2 Стилистическая функция глагольных форм в рассказах Дины Рубиной

Глаголы речи занимают особое место в системе языка, поскольку именно они организуют структуру речевого акта и непосредственно ориентированы на реализацию базовых функций языка и конкретных функций речепорождения [\[3\]](#).

Глагол в тексте позволяет автору выражать события и обстоятельства, характеризующие действие, в их динамике благодаря тому, что глагольные категории отражают в нашем сознании реальную действительность. Так, глагольное время отражает категорию темпоральности, вид - аспектуальности, наклонение передает модальность, лицо - персональность, залог - субъектно-объектные отношения. Обилие семантических оттенков и стилистических вариантов у русских глаголов позволяет мастерам слова использовать эти возможности в своих произведениях для создания художественной выразительности [\[5, с. 139\]](#).

Категория глагольного времени в стилистическом аспекте является, самой богатой по

синонимике и имеет широкие экспрессивные возможности. В отличие от других глагольных категорий различные формы времени передают функционально-стилевую специфику и представлены разнообразными оттенками значений. Следует отметить, что формы времени перекликаются, создавая тем самым имитацию разговорной речи, диалога, рассказ «Выпивать и закусывать»: «В один из этих дней, когда он уже «отсидел свое» для портрета, мы сели обедать, и он пожаловался, что вот, должен торопиться домой на встречу с неким деятелем церкви, который допекает его просьбами поучаствовать в празднествах, посвященных 2000-летию христианства. Игорь отбрехивается, говорит, что принадлежит другой конфессии, но тот вцепился, как клещ, и вымолил по крайней мере встретиться» [\[13, с. 330\]](#).

Обращает на себя внимание использование просторечных глаголов в разных временах - настоящее и прошедшее - для передачи события, протекающего в одной реальности, ср.: допекает, отбрехивается (наст. вр.), вцепился, как клещ, вымолил (прош. вр.), кроме этого просторечие доказывает негативное отношение персонажа к предстоящему событию. Писательница часто использует просторечие для передачи эмоционального состояния неустроенности, недовольства ситуацией, при этом не только для описания эмоций персонажей, рассказ «Я кайфую»: «А какие типы вокруг меня, куда ни кинь взгляд:.. - хоть на экран телевизора, где последними словами костерят друг друга два члена Кнессета (тема обсуждения, между прочим - закон о введении продленного школьного дня, что может быть невиннее?)» [\[13, с. 288\]](#), но и в речи автора - от 1 лица: «...семь лет я здесь обливаюсь потом с апреля по октябрь, с октября же по апрель тряусь в промозглой сырости, свитера сушу на батарее»; «А в Россию - ни ногой. Года четыре назад, правда, сунулась было на недельку... , но в панике бежала, ... обалдела от ширины улиц, высоты зданий и деревьев», рассказ «А не здесь вы не можете не ходить?!..» [\[13, с.303\]](#); «...я оскандалилась», рассказ «Я не любовник макарон» [\[13, с. 259\]](#).

В названии одного из своих рассказов Дина Рубина употребляет разговорный, даже жаргонный глагол, включенный в Словарь русского арго: Кайфовать, фую, фуешь; несов., от кого чего, с кого чего и без доп. Получать удовольствие, отдыхать, расслабляться; восхищаться - «Я кайфую». Весь рассказ строится на своего рода антитезе: характеристики и оценки стороннего наблюдателя с глаголами, определяющими нелегкое жите, дающими негативную коннотацию и яркое авторское, звучащее рефреном - Я кайфую - в настоящем времени: «- Но ваша лирическая героиня явно страдает! -Она-то, возможно, страдает, цинично и честно заметила я. - Но я - кайфую...» [\[13, с. 287\]](#); «В самом деле нормальному литератору из России в любой другой стране впору повеситься - ведь как ни крути, а жизнь вокруг тебя происходит совсем на другом языке. ...И все-таки, я кайфую» [\[13, с. 287-288\]](#).

Не менее яркими в создании экспрессии в тексте являются формы повелительного наклонения. Решающее значение имеет интонация, которая указывает на своего рода особую разговорность, свойственную устной форме речи, живому диалогу. Даже в случае описания собачьей борьбы за лакомый кусочек сохраняется эта разговорность, простота: «Кондрат приподнимается, присаживается поближе..., несколько минут сидит довольно кротко с выражением скорее приглашающим - «Угостите собачку», - чем требовательным. Если гость не дурак и слабину не дает, Кондрат, сидя на заднице, протягивает лапу и треплет гостя по коленке - дай, мол, дядя, не жадись...», рассказ «Я и ты под персиковыми облаками» [\[13, с. 157\]](#). На реплику хозяйки: «- Кондрат! А ну, отвали! Щас получишь раз! Немедленно отстань от Саши (Иры, Маши, Игоря)!» пес «...несколько минут пережидает. ...дотягивается передней лапой до руки с вилкой. И

требовательно треплет эту руку. На этот раз подтекст: «Не зарывайся, дядя! Не кусочничай. Угости честную собаку» [\[13, с. 158\]](#).

В данных примерах писательница умело использует экспрессию разговорных форм, некоторые из которых вообще не зафиксированы в словарях, но имеют место в разговорной практике. Так, императив от глагола жадничать представлен ненормативной формой не жадись (см. примеры креолизации, представленные в интернете, различные фотографии животных с надписями: Не жадись, рыбкой поделись!; Не жадись, кинь кусочек! Заходи, не жадись, покупай живопись! и др.

Язык произведений Дины Рубиной яркий, современный, он состоит из всего многообразия глагольных форм, при этом важно отметить и то, что ряд глаголов актуализирует семантику внутри контекста, например, глагол кусочничать в Словаре Ожегова дается с таким комментарием: Кусочничать -аю, -аешь; несов. (устар. разг.). Нищенствовать, собирая подаяние под окнами. В рассказе же Дины Рубиной подразумевается иное значение, используемое в речевой практике уже XX-XXI вв., к сожалению, еще не отмеченное в толковых словарях: кусочничать, т.е. перекусывать бутербродами или чем-то другим между основными приемами пищи: Не кусочничай! Лучше, как следует один раз поесть, чем неоднократно питаться урывками (Десять способов избавиться от чувства голода) [\[11\]](#).

Дина Рубина успешно использует формы повелительного наклонения на уровне заголовков, обыгрывая прецедентные высказывания, принадлежащие русско-советской массовой культуре: Позвони мне, позвони! (название песни из советского фильма «Карнавал» 1981 г., реж. Татьяна Лиознова); О бедном гусаре замолвите крепкое слово (фильм «О бедном гусаре замолвите слово» 1980 г., реж.Эльдар Рязанов). В последнем случае не обходится без авторского дополнения: крепкое слово, в Фразеологическом словаре: Крепкое слово(словцо) - Разг., Экспрес. [\[18\]](#), Неприличное выражение, ругательство. Что ж ты врешь? - говорит капитан-исправник, с прибавкою кое-какого крепкого словца (Гоголь. Мертвые души). И это добавление не случайно, оно важно для всей стилистики сборника рассказов «Внесезонная книжка», построенного в форме вопросов читателей, журналистов к писателю вообще, и к Дине Рубиной, в частности. При этом сама писательница осознает воздействие такого приема, на замечание воображаемого собеседника: «Ваш довольно свободный язык приправлен крепкими словечками...Во всяком случае, Вы никогда этого не отрицаете» [\[6, с. 172\]](#) отвечает: «Слово - энергетический сгусток. Бывают ситуации, когда обычных слов для вербального изъяснения эмоций явно недостаточно. Тогда, чтобы вас не хватил удар, надо ругнуться, сбросить напряжение. В прозе это - сильная краска, я ею пользуюсь достаточно редко» [\[6, с. 172\]](#). И тут же добавляет: «И вообще, что вы называете «крепкими словечками»? Все ведь относительно» [\[6, с. 172\]](#).

По всей видимости, создание окказиональных глаголов, их форм, значений в текстах Дины Рубиной также может быть объяснено предыдущим высказыванием, так называемым «недостатком вербального изъяснения эмоций».

В рассказе «А не здесь вы не можете не ходить?!» созданный по случаю глагол «просветительствовать» очень четко вписан в канву иронического описания реальной израильской действительности: «Сейчас трудно уже вешать людям на уши лапшу патриотического толка. Контора пишет, как говаривал тот же директор концессии. Газеты доходят, письма идут, радио и телевидение просветительствуют.... Трудно наше противоречивое государство живописать раем на земле» [\[13, с. 316\]](#). Этимологически сущ.

«просветительство» соотносится с сущ. «просвещение», от которого в русском языке зафиксирован глагол просвещать (видовая пара - просветить) - Сообщать кому-либо знания, распространять образование, культуру. Однако писатель создает свой глагол несовершенного вида по словообразовательной модели: учитель - учительствовать, благодетель - благодетельствовать.

В рассказе «...Их бин нервосо!» используется глагол «выдуриваться»: «- Послушай, да это просто - русский язык, и все! «Пистолет» - «пистолетто», «бандит» - «бандитто», «бензин» - «бензино», «ночь» - «нотте», и даже «нервный» - «нервосо»! Вот только «калд» у них обозначает не «холодно», как в английском, а «жарко»... - А вот это они уже выдуриваются, - отозвался мой засыпающий муж, - всем холодно, а им, бля, жарко!» [\[13, с. 352\]](#).

Надо отметить, что данный глагол был зафиксирован еще в словаре Вл. Даля: Выдуривать или выдурять, выдурить что, у кого, выманивать обманом, шутками. Выдуриваться, выдуриться, перебеситься, перестать шалить, дурить; поумнеть, перестать быть, или перестать прикидываться глупым. Мальчики мои, отданные в ученье, помаленьку выдуриваются [\[15\]](#).

При сопоставлении словарной статьи с формой в художественном тексте становится очевидным создание окказионального значения у данного устаревшего глагола, в современном русском языке есть глагол «придуриваться» со значением, который использует герой рассказа, ср. в Словаре Ожегова: Придуриваться, -аюсь, аешься; несовер. (прост.). Притворяться незнающим, непонимающим, неумным. Брось придуриваться! [\[16\]](#). В данном случае можно отметить намеренное смешение префиксов для обыгрывания значений глаголов.

Таким образом, желание писательницы рассказать о своей жизни, переживаниях простым, понятным языком приводит к созданию намеренной разговорности повествования, необычайной экспрессии диалогов и монологов, что проявляется в том числе в употреблении глагольных форм.

Заключение

Таким образом, анализ литературы по теме исследования «Языковой аспект конфликта в прозе Дины Рубиной: анализ лексических и семантических особенностей», позволил сделать следующие выводы.

Художественный конфликт - это ключевой элемент драматургии и сюжета литературного произведения, который представляет собой столкновение интересов, целей, желаний или ценностей различных персонажей. Он создает напряжение, драматизм и движущую силу в повествовании, заставляя читателя заинтересоваться и следить за развитием событий.

Языковая специфика художественного текста отражает особенности языка, используемого в литературном произведении, которые делают его отличным от обычной разговорной или научно-технической речи. Эти особенности включают в себя следующие аспекты: лексику, синтаксис, фонетику и ритм, стилистические приемы, метаязыковые элементы, метафоры, символы, образы, стилистические приемы, игру слов, аллюзии и другие лингвистические элементы, которые придают тексту художественное качество.

Часто в художественных произведениях используется необычный, метафоричный или многозначный язык, который создает эмоциональную и эстетическую ценность произведения.

Языковая специфика художественного текста помогает создать уникальную атмосферу произведения, передать авторское видение мира, характеристики персонажей и тематические идеи. Она делает литературное произведение более глубоким и многоплановым, отличая его от других видов текстовой коммуникации.

Разнообразная и многоплановая художественная картина мира Д. Рубиной привлекает читателя своей оригинальностью, эмоциональностью и необычным колоритом. В художественных произведениях писателя происходит осмысление места человека в мире, поиска смысла человеческого существования, детализировано описываются внутренние переживания героев, их воспоминания о прошлом и жизнь в настоящем.

Основными художественными и отличительными языковыми чертами текстов Д. Рубиной, которые свидетельствуют об уникальном идиостиле писателя, являются: скрытая автобиографичность; документализм; внимание к деталям (художественным и историческим); использование в тексте произведений нескольких временных планов и переплетение множества сюжетных линий; глубокий психологизм; особое музыкальное построение произведений; сочетание в рамках одного произведения трагизма и лиризма; колоритный язык и использование широкого спектра лексических единиц русского языка при изображении объектов и явлений художественной действительности и т. д.

Языковые средства, которые писатель «вплетает» в текст художественного произведения, отражают особенности восприятия автором реальной окружающей действительности. Во многом употребление писателем тех или иных лексических единиц конкретного языка зависит от авторского замысла, темы и проблемы произведения, литературного направления, к которому принадлежит автор, жанра, который был избран автором для написания того или иного произведения, а также событий, описанных в художественном тексте, и характера изображаемых предметов и явлений.

Также для выражения конфликтов используется: многозначность и игра слов; использование ивритских и еврейских терминов; экспрессивная лексика; разнообразие стилей речи.

Эти лексические особенности помогают создать узнаваемый идиостилистический почерк Дины Рубиной, который делает ее произведения уникальными и запоминающимися для читателей.

Желание писательницы рассказать о своей жизни, переживаниях простым, понятным языком приводит к созданию намеренной разговорности повествования, необычайной экспрессии диалогов и монологов, что проявляется в том числе в употреблении глагольных форм.

Библиография

1. Ахметсафина В., Корнилова Л. Лексические особенности идиостиля Дины Рубиной на материале сборников рассказов "Бонжорно, команданте!" и "Вавилонский район безразмерного города" // Язык. Культура. Медиакоммуникация. 2023. Т. 3. № 2. URL: <https://lcmjournal.susu.ru/index.php/lcm/article/view/192> (дата обращения: 07.01.2024).
2. Биография Дины Рубиной // Биограф. URL: <https://biographe.ru/znamenitosti/dina-rubina/> (дата обращения: 09.02.2023).

3. Дереченик А.И. Особенности функционирования глаголов речи: словообразовательный и стилистический аспекты (на материале романа Дины Рубиной "На солнечной стороне улицы") // URL: <https://conf.grsu.by/alternant2016/index-20.htm> (дата обращения: 25.04.2024).
4. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. Москва: Русский язык, 1981. 113 с.
5. Колосова Е.И. Глагольная лексика в художественном тексте (на материале рассказов Т. Толстой) // Ъ zagadnien semantyki i stylistyki tekstu. Лодзь, 2010. С. 139-145.
6. Колосова Е.И. Стилистическая функция глагольных форм в рассказах Дины Рубиной // Вестник КазГУКИ. 2016. № 2. EDN: WIQPWV.
7. Кочнова К.А. Вопросы изучения языковой картины мира писателя // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8328> (дата обращения: 26.03.2019). EDN: TBAUNL.
8. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Ленинград: Художественная литература, 1973. 288 с.
9. Лукин В.А. Художественный текст. Москва: Ось-89, 2005. 555 с. EDN: QRGcot.
10. Пановица В.Ю. Метафорическое моделирование дара в трилогии Дины Рубиной "Люди воздуха" // Язык и культура. Приложение. 2013. № 2. С. 37-46. EDN: RPZEZX.
11. Рубина Д. Бонжорно, команданте! Москва: Эксмо, 2020. 448 с.
12. Рубина Д.И. Вавилонский район безразмерного города. Москва: Эксмо, 2019. 352 с.
13. Рубина Д. Любка: рассказы. Москва: Эксмо, 2011. 432 с.
14. Рубина Д.И. Больно только когда смеюсь. Москва: Эксмо, 2011. 384 с.
15. Толковый словарь Вл. Даля. URL: <http://enc-dic.com/dal/Vyduvrat-4458.html> (дата обращения: 25.04.2024).
16. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/181766> (дата обращения: 25.04.2024).
17. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 02.05.2023).
18. Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: Астрель, 2008.
19. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки: Мифопоэтика прозы Дины Рубиной. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2012. 470 с. EDN: YZWXNJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу лексических и семантических особенностей художественного конфликта в прозе Дины Рубиной. Предмет исследования достаточно актуален в силу того, что «художественный конфликт – это ключевой элемент драматургии и сюжета литературного произведения, который представляет собой столкновение интересов, целей, желаний или ценностей различных персонажей. Он создает напряжение, драматизм и движущую силу в повествовании, заставляя читателя заинтересоваться и следить за развитием событий». Выбор произведений Дины Рубиной в качестве материала исследования обусловлен уникальным идиостилем писателя, для которого характерны «скрытая автобиографичность; документализм; внимание к деталям; использование нескольких временных планов и переплетение множества сюжетных линий; глубокий психологизм; особое музыкальное построение произведений;

сочетание трагизма и лиризма; колоритный язык и использование широкого спектра лексических единиц русского языка при изображении объектов и явлений художественной действительности и т. д.».

Теоретической основой представленной работы выступили труды, посвященные проблемам художественного текста, вопросам изучения языковой картины мира писателя, особенностям идиостиля Дины Рубиной и др. Библиография исследования включает 19 источников, в том числе литературные и лексикографические, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и текстологический методы, интерпретативный анализ материала, методы когнитивного и дискурсивного анализа, а также лексический анализ текста, который посредством изучения лексики текста, в т. ч. специфических лексических единиц, которые могут быть характерными для автора или жанра, их частотности, семантики, стилистики, тематической направленности, «позволяет выявить особенности языка автора, его стилистические предпочтения, особенности образности и эмоциональной окраски текста».

В ходе работы рассматривается понятие языковой специфики текста («языковая специфика художественного текста помогает создать уникальную атмосферу произведения, передать авторское видение мира, характеристику персонажей и тематические идеи»), художественное и языковое своеобразие текстов Д. Рубиной («разнообразная и многоплановая художественная картина мира Д. Рубиной привлекает читателя своей оригинальностью, эмоциональностью и необычайным колоритом», «языковые средства, которые писатель «вплетает» в текст художественного произведения, отражают особенности восприятия автором реальной окружающей действительности»), лексические и семантические особенности языкового аспекта конфликта в сборниках рассказов «Бонжорно, команданте!» и «Вавилонский район безразмерного города» («произведения Дины Рубиной содержат глубокие и сложные конфликты, которые отражаются в ее лексике», «для выражения конфликтов используется: многозначность и игра слов; использование ивритских и еврейских терминов; экспрессивная лексика; разнообразие стилей речи»). Особое внимание уделяется стилистической функции глагольных форм в рассказах писателя («язык произведений Дины Рубиной яркий, современный, он состоит из всего многообразия глагольных форм, при этом важно отметить и то, что ряд глаголов актуализирует семантику внутри контекста»). В заключении обобщаются полученные результаты.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением художественного конфликта в литературе и идиостиля Дины Рубиной, расширяя представление об ее многоплановой художественной картине мира, о языковой специфике выражения конфликтов писателя. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, русской литературе, лингвистическому анализу текста и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру,

способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Борунов А.Б. Сверхтекст как литературоведческий феномен современности: теоретическое обоснование // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.74935 EDN: DCXZPS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74935

Сверхтекст как литературоведческий феномен современности: теоретическое обоснование

Борунов Артем Борисович

ORCID: 0000-0003-2507-7218

доктор филологических наук

профессор; кафедра европейских языков и межкультурной коммуникации; Московский университет имени А.С. Грибоедова
доцент; кафедра иностранных языков и межкультурной коммуникации; Российский государственный университет социальных технологий



111024, Россия, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ borunov.artem@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.74935

EDN:

DCXZPS

Дата направления статьи в редакцию:

22-06-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена развитию теории сверхкрупных тестовых прозаических образований (сверхтекстов), присущих, как отмечает ряд исследователей, рубежу XX–XXI веков. Предметом исследования выступает разновидность текстового ансамбля, определяемая нами как сверхтекст. Понятие текста и его сущность являются предметом исследования языкознания (лингвистика текста), однако, в теории литературы присутствует некая терминологическая хаотичность в части дефиниции термина «сверхтекст» и его соотношения с «сверхциклом», «циклом» как упоминалось выше. Важным представляется нам уточнение терминологического аппарата литературоведения, касательно феномена циклизации и ее порождения – сверхтекста как гипержанра, о котором пойдет речь в статье. В рамках данной работы центральным является термин «сверхтекст» как прозаический цикл, задача исследования рассмотреть существующие дефиниции данного понятия, а также выделить существенные признаки,

разграничивающие, на первый взгляд, синонимический терминологический ряд, описывающий принципы циклизации и формирования крупного текстового образования в литературоведении. Практическим материалом послужили романы Д. Рубиной, Е. Водолазкина, А. Иванова, М. Елизарова, С. Лукьяненко, М. Семенов, А. Пехова, К. Деминой и др.; "Унесенные ветром" и примыкающий к нему цикл; цикл "Дневники вампира", "Песнь льда и пламени" и их экранизации. Основной методологией работы явились анализ теоретических источников и их осмысление, научное моделирование, синтез, герменевтический анализ художественных произведений. В статье убедительно доказано наличие в современном культурном поле текстовых образований, превосходящих по объему традиционно крупную форму романа и/или романа-эпопеи, именуемую нами сверхтекстом. Результатом исследования явилось уточнение термина сверхтекст в теории литературы, абстрагировавшись от дефиниций, предложенных языковедами, занимающимися проблематикой лингвистики текста. Ключевым является предложение авторской формулировки термина сверхтекст в русле литературоведения, что, несомненно, подчеркивает новизну и актуальность работы. В статье были описаны выделенные дефиниции сверхтекста, основываясь на обработанном текстовом материале современных произведений отечественной и зарубежной прозы, а также предложена основа классификации сверхтекстов в современной литературе и предпринята попытка уточнения терминологического аппарата литературоведения в части смежных понятий: сверхтекст, цикл, текстовый ансамбль.

Ключевые слова:

сверхтекст, циклизация, цикл, современная литература, теория текста, теория литературы, локальный текст, текстовый ансамбль, сверхидея, гипержанр

Введение

Настоящая статья посвящена развитию теории сверхкрупных тестовых прозаических образований (сверхтекстов), присущих, как отмечает ряд исследователей ^[1], рубежу XX-XXI веков. Для дефиниции указанного феномена в теории литературы существует синонимичный ряд терминов, которые употребляются современными исследователями, а именно «цикл» (Егорова О.Г. и др.) ^[2], «сверхцикл» (по аналогии с циклизацией), «текстовый ансамбль» (Тюпа В.И.) ^[3], «сверхтекст» (Лошаков А.Г. и др.) ^[4]. Понятие текста и его сущность являются предметом исследования языкознания (лингвистика текста), однако, в теории литературы присутствует некая терминологическая хаотичность в части дефиниции термина «сверхтекст» и его соотношения с «сверхциклом», «циклом» как упоминалось выше, что подчеркивает актуальность исследования. Важным представляется нам уточнение терминологического аппарата литературоведения, касательно феномена циклизации и ее порождения – сверхтекста как гипержанра, о котором пойдет речь в статье, что является неоспоримой новизной. В рамках данной работы центральным является термин «сверхтекст» как прозаический цикл, задача исследования рассмотреть существующие дефиниции данного понятия, а также выделить существенные признаки, разграничивающие, на первый взгляд, синонимический терминологический ряд, описывающий принципы циклизации и формирования крупного текстового образования в литературоведении. Цель заключается в предложении трактовки понятия сверхтекст в русле теории литературы, основываясь на проведенном исследовании. Предметом исследования выступает разновидность текстового ансамбля, определяемая нами как сверхтекст. Практическим материалом послужили тексты

отечественных романов Д. Рубиной, Е. Водолазкина, А. Иванова, М. Елизарова, С. Лукьяненко, М. Семеновой, А. Пехова, К. Деминой и др.; зарубежные произведения: "Унесенные ветром" и примыкающий к нему цикл; цикл "Дневники вампира", "Песнь льда и пламени" и их экранизации. Данные произведения современны нам и были отобраны для исследования как подтверждающие гипотезу о том, что свертхтексты массово появляются в литературе в к. XX – н. XXI вв. Основной методологией работы явились анализ теоретических источников и их осмысление, научное моделирование, синтез, герменевтический анализ художественных произведений. Научной новизной исследования является предложение авторской формулировки термина «свертхтекст» в русле литературоведения.

К истории вопроса.

Действительно, «свертхтексты» получили широкое распространение в наши дни как крупные образования, зачастую превосходящие по объему и временному охвату традиционные романы и романы-эпопеи. Так, книга, задуманная как сюжетно завершенное произведение или даже трилогия, но ввиду «теплого» принятия читательской аудиторией, прирастала новыми томами, создаваемыми как самим автором, так и сторонними лицами, например, поклонниками («фанфики»), сценаристами (при экранизации произведения), другими писателями или даже графоманами (пародии, подражания, разворачивание альтернативной версии сюжета), либо же публикация сиквелов и приквелов.

Тем не менее, было бы несправедливо отрицать то, что и в предшествующие периоды существовали свертхкрупные литературные формы, назовем, к примеру, эпические произведения «Илиада», «Одиссея» и «Гомеровские гимны», которые могут быть рассмотрены как свертхкрупное текстовое единство (предтечи свертхтекста), связанное сюжетно с мифологической вселенной. В последующие периоды появляются свертхтексты, к примеру, «Человеческая комедия» Оноре де Бальзака, включающая в себя 137 разножанровых произведений, если ориентироваться только на циклизацию, заданную самим автором. Однако, данные произведения были немногочисленны и только в конце XX – начале XXI веков в литературе наблюдается тенденция к масштабной циклизации, что косвенно свидетельствует о структурном обновлении жанров. Является ли это влиянием глобализации, присущей рубежу XX- XXI веков, всё более стремительной информатизации жизни человека или стало ответом на всё большую коммерциализацию медиаиндустрии и книгопечатания – сложно утверждать однозначно, но опытный читатель не может не отметить наметившуюся тенденцию к всё большей циклизации в современной литературе.

Современная литература, зачастую подчиняясь законам маркетинга и влиянию медиаиндустрии (под которой мы понимаем экранизацию успешного произведения, а также создание сиквелов и приквелов к коммерчески успешному фильму или сериалу), тяготеет к крупным формам, превосходящим по своему объему и структурно-семантической организации роман. Среди таких проектов, коммерческий успех которых побудил писателя продолжать работу, можно выделить серию книг о мальчике волшебнике «Гарри Поттер» (которая в свою очередь вызвала волну подражания и пародий в мире, например, «Барри Троттер» (англ.), «Ларри Поттер» (нем.) и др., а в нашей стране появились «Таня Гроттер», «Ларрин Петр» и прочие. Также коммерчески успешными в наши дни оказались книги Джорджа Р.Р. Мартина, объединенные в цикл «Песнь льда и пламени», которые легли в основу нашумевшего сериала «Игра престолов», чьи завершающие серии создавались сценаристами, в то время как авторская концовка еще не увидела свет; приквел «Дом дракона», первый сезон

которого вышел в 2022 году, а премьера третьего сезона запланирована на лето 2025 года. В качестве еще одного литературного проекта можно привести «Дневники вампира», изначально задуманный автором Лизой Джейн Смит как трилогия, но успех книг способствовал приращению серии, затем экранизации, превратив их в одноименный сериал, к которому добавились спин-оффы (побочные повествования, сюжетная линия которых частично разворачивалась в том же временном континууме и пересекалась с основным повествованием): «Первородные», «Наследие»; в дополнение к этому появилась приквел-гексалогия «Дневники Стефана», созданная по мотивам произведения другими авторами, а также фанфики, в том числе альтернативная авторская версия.

Таким образом, очевидно, феномен сверхкрупной литературной формы – сверхтекста – стал более распространен в литературной традиции XXI века, что может быть обусловлено как развитием медиаиндустрии и коммерциализацией сферы книготорговли, так и трансформацией жанровой системы и жанровых форм в целом. В последнем случае сверхтекст выступает как своеобразный гипержанр, являясь объединением текстов различных жанров, представляющих собой самостоятельный комплекс жанровых ожиданий и подразумевающий варианты восприятия как в совокупности, так и дискретно. В такой трактовке мы обращаемся к понятию жанровой изотопии Л.Г. Кихней – полиинтерпретативности текста определенного жанра в восприятии читателя [5].

Теоретическое обоснование.

Обратившись к теоретическим источникам, можно сделать вывод, что термин «сверхтекст» употребляется как в трудах по языкознанию, так и по литературоведению, но его дефиниция в филологических науках существенно разнится. В лингвистике текста рассматриваются структурные особенности текста, а литературоведы обращаются к содержательно-композиционным и смысловым особенностям.

Придерживаясь теоретических положений научной школы В.И. Тюпы, мы принимаем термин текстовый ансамбль [3], разновидностью которого является сверхтекст. Таким образом, сверхтекст является частным проявлением одного из видов текстового ансамбля.

Теоретические основы изучения данного феномена восходят к трудам Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова, которые заложили философскую основу понятия сверхтекста. Введение термина сверхтекст традиционно связывают с именем В. Н. Топорова и с его концепцией локального Петербургского текста [8]. В современном литературоведении данный термин встречается в работах ряда исследователей [4; 11; 12], однако, среди литературоведов нет единого мнения о том, что представляет собой сверхтекст. Так, существуют различные точки зрения, обусловленные исследуемым фактическим материалом и теми теоретическими литературными направлениями, представителями которых являются ученые.

Ряд ученых понимает под сверхтекстом локальные тексты, например, «венетцианский», «петербургский», «московский», «самаркандский» и т. д., формирующиеся «вокруг» какого-либо места [6; 7; 8; 9]. Однако, данный подход расторгается с нашей концепцией сверхтекста как целенаправленно организованной автором системы текстов, скрепленных общей сверхидеей, а также синтагматическими, парадигматическими и ассоциативными связями.

В концепции Д.М. Магомедовой и Н.Д. Тамарченко сверхтекст – «произведение,

стирающее грани между искусством и жизнью, непосредственно и глобально изменяющее мир». Важнейшие типологические параметры подобного явления — это «эсхатологическая концепция текста в сочетании с грандиозностью формы», а также специфические взаимоотношения автора и аудитории, при которых «автор видится либо орудием в руках мессии, либо самим мессией, а аудитория выступает сотворцом будущего текста» [\[10\]](#).

По нашему мнению, сверхтекст следует рассматривать как гипержанр, вбирающий в себя инварианты различных жанров, которые могут быть реализованы в виде частей сверхтекста; части сверхтекста соединяются общей для них сверхидеей, а также синтагматическими, парадигматическими и ассоциативными связями, что позволяет распространить на сферу порождения текстов формальные законы глоссематики и экстраполировать законы управления формой означаемого на субстанцию означаемого.

Существенным для теории литературы представляется выделение принципов циклизации подобных сверхкрупных текстовых явлений и их теоретическое обоснование с опорой на текстовый материал. Так, в ряде работ в качестве циклообразующих паттернов были описаны таксономия [\[13\]](#), игровые стратегии и внутренние интертекстуальные элементы [\[14\]](#) и образ героя. Исходя из проведенных исследований предпримем попытку определить в каком жанровом поле чаще всего формируются сверхтексты на рубеже XX-XXI веков и сформулируем признаки сверхтекста, отличающего его от текстового ансамбля и цикла.

Проведенный анализ современной «высокой» и массовой прозы XXI века русскоязычных авторов (на материале романов Д. Рубиной, Е. Водолазкина, А. Иванова, М. Елизарова, С. Лукьяненко, М. Семеновой, А. Пехова, К. Деминой и ряда других) выявил, что сверхтекстовые образования чаще всего сублимируются в жанровом поле

- а) магической прозы или романов мистического реализма (к примеру, трилогии Д. Рубиной),
- б) фэнтези (например, «Дозоры» С. Лукьяненко),
- в) детектива (серия детективов Т. Устиновой, А. Марининой и масса других, зачастую невысокой художественной ценности) [\[1; 11\]](#).

Таким образом, можно утверждать, что существует 3 основных типа сверхтекстов в основном тяготеющих в ценностной иерархии к беллетристике и массовой литературе. Убеждены, что данный перечень не является закрытым и предполагаем, что он может быть дополнен и более детально проработан в дальнейших исследованиях с учетом большего текстового материала, в том числе произведений различных временных периодов, а также включения в исследуемый корпус литературы стран народов зарубежья.

В каждом из названных нами выше типов сверхтекстов чётко прослеживается тенденция к образованию некой особенной семиосферы, «силового поля», образованного авторской сверхидеей. В фэнтези – это мифологический мир со своими законами, зачастую существенно отличающийся от реальности. Детальная проработка этого мира вкупе с коммерческим успехом первых романов серии стимулирует автора продолжать цикл, который зачастую прирастает стихийно. Возникает феномен «серийной литературы», подчинённый в определённой мере требованиям рынка. В магической прозе миромодель основана не столько на переработке классических мифов, сколько на

утверждении присутствия неких магических законов, трансформирующих действительную реальность. В детективных сверхтекстах это криминальная семиосфера с семиотически жестким нарративом поиска преступника среди ряда возможных подозреваемых.

Если исходить из принятия сверхтекста как разновидности текстового ансамбля и частной разновидности цикла, отличающегося от последнего

- 1) бОльшим объёмом (цикл – более локальное образование),
- 2) наличием сверхидеи, которой подчинены все произведения (циклу она, как правило, не свойственна);
- 3) множественностью и разнообразием контекстуальных связей (для цикла достаточно ограниченного набора циклообразующих параметров);
- 4) формированием на родовой территории эпики, тогда как в лирике его аналогом выступает книга стихотворений,

то всякий сверхтекст является циклом, но не всякий цикл будет являться сверхтекстом.

Исходя из вышесказанного, сверхтекст понимается нами как текстовый ансамбль циклической природы, превосходящий объемом роман или роман-эпопею и скрепленный единой сверхидеей, которая обладает миромоделирующим потенциалом и предопределяет устойчивую сюжетную организацию и единый тип героя.

Дискуссионным является вопрос авторства сверхтекста: является ли ключевым принципом наличие одного автора у цикла книг, который дефинируется исследователем как сверхтекст или авторов может быть несколько (подразумевается не совместное авторство, а, например, разные авторы у книг, включенных в цикл). К примеру, можно ли считать сверхтекстом цикл книг про Скарлетт О'Хару: эпохальный роман американской литературы «Унесенные ветром» (типографски традиционно разбиваемый на 2 тома), принадлежащий перу Маргаретт Митчел, роман «Скарлетт» (автор Александра Риплей), являющийся сюжетным продолжением двухтомника М. Митчел; романы, вышедшие уже в наше время («Ретт Батлер», 2007; «The Wind Done Gone», 2001), а также приквелы к книге «Унесенные ветром»: «Путешествие Руфи», 2014; «Детство Скарлетт» и другие; сиквел «Сын Ретта» (автор Джулия Хилпатрик), сюжет которого разворачивается в начале XX века. Таким образом, серия книг насчитывает 11 наименований, а также экранизации романов и мюзиклы, временной охват которых начинается с периода до рождения героини: приквел, главными персонажами которого являются Мамушка и бабушка Скарлетт Соланж; приквел о жизни матери Скарлетт до замужества; далее приквел «Детство Скарлетт», описывающий события от рождения героини до достижения возраста 16 лет (автор Мюриэл Митчелл), основное повествование, рассказывающее читателям о жизни Скарлетт; альтернативные параллельные сюжеты (повествование от лица Синары, рабыни и внебрачной сестры Скарлетт; повествование от лица Ретта Батлера; повествование о жизни Ретта Батлера). В данном случае имеется общая сюжетная линия и персонажи, существует миромоделирующая идея, несомненно присутствуют контекстуальные связи. Однако, атрибуция текстов разная, а личность автора, его кругозор, жизненный опыт и мироустановки, которые, несомненно, переносятся в сотворяемое им повествование, различны. Другими словами, насколько языковая личность автора является ключевой при формировании сверхтекста или она вторичная и не оказывает существенного влияния на создаваемое? Считаем, что данный вопрос является открытым и требует теоретического обоснования.

Заключение

Культура второй половины XX в. – начала XXI в. испытывает потребность в форме, превосходящей роман по своему объему — форме сверхтекста, возникающей в межтекстовом диалоге с диверсифицированным использованием интертекстуальных стратегий.

Сверхтексты, состоящие из нескольких произведений, соединяемые в циклы, сборники или серии, существовали в литературе на протяжении всего ее развития. В качестве факторов единства сверхтекста выступали различные элементы, чаще всего — сквозные герои, общность хронотопа и предметного мира, система мотивов. Объемы сверхтекстов и скрепляющие их элементы варьировались в зависимости от способа бытования и восприятия произведений.

Подводя итог вышесказанному, под сверхтекстом понимается текстовый ансамбль циклической природы, превосходящий объемом роман или роман-эпопею и скрепленный единой сверхидеей, а также разветвленной системой синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей. Будучи способным объединять произведения различных жанров, сверхтекст функционирует как своеобразный гипержанр, формируя целостную, но в то же время предельно детализированную модель мира.

Перспективным кажется дальнейшее теоретическое осмысление понятия сверхтекста в русле теории литературы: уточнение термина и создание классификации его разновидностей на современном текстовом материале отечественных и зарубежных произведений.

Библиография

1. Борунов А.Б. Сверхтексты в современной русской прозе: принципы структурно-семантической организации: автореф. дис. ... д-ра филол. н.: 5.9.1. – М., 2024. – 34 с.
2. Егорова О.Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: дисс. д-ра филол. н. 10.01.01. – Волгоград, 2004.
3. Тюпа В.И. Градация текстовых ансамблей // Европейский лирический цикл. Материалы международной научной конференции, 15-17 ноября 2001 г. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 51. EDN: SAEVJH
4. Лошаков А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – 344 с. EDN: VWOVSN
5. Кихней Л.Г. Литературный жанровый канон и жанровая изотопия (к проблеме жанровой идентификации) // Материалы IV Международной научно-практической конференции "Россия в мире" / Ответ. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. – Москва-Пенза: Издательство Пензенского государственного университета, 2018. – С. 390-397.
6. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В.В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с. EDN: QIRNEL
7. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе / отв. ред. Т.И. Печерская. – Новосибирск: НГУ, 1999. – 392 с. EDN: TPYWOK
8. Топоров В.Н. Петербург и "Петербургский текст русской литературы" // Семиотика города и городской культуры: Петербург // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. XVIII. – С. 3-29.
9. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Матенова Ю.У. Семиотика "Самаркандского текста" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2024. – Т. 29. – № 1. – С. 34-45. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-34-45 EDN: ZAAIOD

10. Магомедова Д.М., Тамарченко Н.Д. "Сверхтекст" и "сверхдеталь" в русской и западной культуре // Дискурс. – 1998. – С. 24-28.
11. Борунов А.Б., Устиновская А.А. Вымышленные миры фэнтези и «магической» прозы как пространство порождения сверхтекста // Litera. 2024. № 3. С. 171-175. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69851 EDN: IEYBKV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69851
12. Андрюкова Е.А. К вопросу о сверхтексте в современном литературоведении: определение, типология, признаки // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2012. – № 1-2. – С. 8-12. EDN: OVXGEV
13. Борунов А.Б., Афанасьева О.В. Таксономия как жанро-и циклообразующий паттерн "Фандоринского корпуса" Б. Ак... // Научный диалог. – 2021. – № 7. – С. 140-153. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-00-00 EDN: KJARVQ
14. Борунов А.Б. Игровые стратегии как принцип создания сверхтекстового единства в творчестве Б. Ак... // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 213-231. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-213-231 EDN: VCBIRM

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Сверхтекст как литературоведческий феномен современности: теоретическое обоснование" представляет собой исследование в области литературоведения и текстологии.

Целью работы является уточнение несистематизированного терминологического аппарата литературоведения касательно феномена циклизации и ее порождения – сверхтекста как гипержанра. задача исследования состоит в рассмотрении существующих дефиниций данного понятия, а также в выделении существенных признаков, разграничивающих, синонимический терминологический ряд, описывающий принципы циклизации и формирования крупного текстового образования в литературоведении.

Статья представляет собой хорошо структурированный метаанализ, в котором на основании трудов отечественных и зарубежных литературоведов обобщены основные свойства сверхтекста как яркого явления в современной мировой литературе.

В основной части работы автор подобно описывает историю вопроса, проводя параллели между сверхтекстовой литературой XIX и XX веков от Оноре де Бальзака, до С. Лукьяненко, Дж. Мартина, Дины Рубиной и других авторов.

В статье высказывается предположение о характере сверхтекста как продукте успешной политики в области маркетинга. Таким образом, сверхтекст является порождением феномена массовой литературы.

В качестве теоретического обоснования имеющихся расхождений автор приводит определения сверхтекста в понимании разных литературоведов. Выделяются три основных направления, в которых встречается Сверхтекст - детективы, фэнтези и мистический реализм.

Статья носит характер метаанализа, поэтому не содержит формальных признаков научного исследования, таких как методология.

Стиль статьи соответствует требованиям, предъявляемым к написанию научных статей и

не содержит существенных недостатков.

Библиография содержит необходимое количество актуальных отечественных и зарубежных источников.

Статья хорошо структурирована, она состоит из введения, истории вопроса, теоретической части, заключения и библиографии.

Резюмируя свое исследование, автор приходит к выводу о том, что

"под свертхтекстом понимается текстовый ансамбль циклической природы, превосходящий объемом роман или роман-эпопею и скрепленный единой свертхидеей, а также разветвленной системой синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей. Будучи способным объединять произведения различных жанров, свертхтекст функционирует как своеобразный гипержанр, формируя целостную, но в то же время предельно детализированную модель мира".

Данный вывод, уточняющий определение свертхтекста, на основании всего вышеперечисленного можно признать достоверным.

К сожалению, в работе присутствует ряд недостатков. В частности, отсутствуют такие ключевые пункты, как четкая формулировка цели исследования, не указаны объемы материалов исследования, в работе не описаны актуальность и новизна исследования.

Таким образом, рекомендуется добавить недостающие элементы в статью "Свертхтекст как литературоведческий феномен современности: теоретическое обоснование", после чего она может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Свертхтекст как литературоведческий феномен современности: теоретическое обоснование».

Предмет исследования – своеобразие свертхтекста как гипержанра в русле теории литературы.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением анализа теоретических источников, научного моделирования, синтеза и герменевтического анализа художественных произведений.

Актуальность работы обусловлена интенсивностью исследований, посвященных проблеме свертхтекста в отечественной и зарубежной филологической науке, интерес литературоведения к способности текстов интегрироваться в сложные структуры неизменно растет в течение нескольких последних десятилетий, также существует необходимость в систематизации различных интерпретаций и характеристик свертхтекста. Научная новизна заключается в том, что исследование представляет собой попытку ревизии и систематизации подходов к дефиниции феномена свертхтекста в русле теории литературы, материалом исследования послужили отечественные и зарубежные произведения, относящихся к рубежу XX-XXI веков.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура работы прослеживается, она включает следующие

разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, сформулированы цель и задачи исследования, обозначена эмпирическая база); к истории вопроса (рассмотрен феномен сверхкрупных литературных форм в различные исторические периоды; приведены конкретные примеры); теоретическое обоснование (приведена теоретическая основа исследования; анализ научной литературы показал, что дефиниция термин «сверхтекст» в трудах по языкознанию и литературоведению существенно разнится, что обуславливает необходимость ревизии и систематизации подходов к дефиниции сверхтекста; обозначены основные типы сверхтекстов; перечислены отличия сверхтекста как разновидности текстового ансамбля от цикла; автор отмечает, что вопрос авторства сверхтекста является дискуссионным; теоретические измышления автора подкреплены конкретными примерами); заключение (автор делает общие выводы; обозначены перспективы дальнейшего теоретического осмысления понятия сверхтекста в русле теории литературы); библиография (включает 14 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием сверхтекста как литературоведческого феномена. Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы при рассмотрении ключевых тенденций развития современной литературы в вузах и школах, а также при организации индивидуальной научно-исследовательской деятельности студентов и аспирантов.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы предмет и научная новизна проведенного исследования. В начале статьи было уместно дать более подробную характеристику эмпирического материала (в частности, указать критерии отбора, инструментарий, объем).
2. Необходимо уделить бóльшее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ зарубежных источников также является недостаточным.
3. Следуют упорядочить использование кавычек в тексте статьи и библиографий ("Унесенные ветром", «циклом», "Сверхтекст" и "сверхдеталь"); также следуют перепроверить текст на предмет описок (разрыв предложения: стихотворений, (абзац) то всякий сверхтекст).
4. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи становится свертхтекст, автор манифестирует данное явление как литературоведческий феномен. Верификация предмета исследования конкретизирована – работа посвящена развитию теории свертхкрупных тестовых прозаических образований (свертхтекстов), присущи рубежу XX–XXI веков. На мой взгляд, проблемный вектор исследования достаточно интересен, по-своему нов, оригинален. Автор верифицирует «термин «свертхтекст» как прозаический цикл», данный вариант уместен, наряду с такими как «текстовый ансамбль», «свертхцикл» и т.д. На мой взгляд, метод исследования выбран верно, систематизация имеющихся данных вполне конкретна. Стиль работы соотносится с научным типом: например, «Современная литература, зачастую подчиняясь законам маркетинга и влиянию медиаиндустрии (под которой мы понимаем экранизацию успешного произведения, а также создание сиквелов и приквелов к коммерчески успешному фильму или сериалу), тяготеет к крупным формам, превосходящим по своему объему и структурно-семантической организации роман. Среди таких проектов, коммерческий успех которых побудил писателя продолжать работу, можно выделить серию книг о мальчике волшебнике «Гарри Поттер» (которая в свою очередь вызвала волну подражания и пародий в мире, например, «Барри Троттер» (англ.), «Ларри Поттер» (нем.) и др., а в нашей стране появились «Таня Гроттер», «Ларрин Петр» и прочие», или «феномен свертхкрупной литературной формы – свертхтекста – стал более распространен в литературной традиции XXI века, что может быть обусловлено как развитием медиаиндустрии и коммерциализацией сферы книготорговли, так и трансформацией жанровой системы и жанровых форм в целом. В последнем случае свертхтекст выступает как своеобразный гипержанр, являясь объединением текстов различных жанров, представляющих собой самостоятельный комплекс жанровых ожиданий и подразумевающий варианты восприятия как в совокупности, так и дискретно». Заметно понимание автором терминологической основы, серьезные фактические разночтения не выявлены. Отмечу, автор заинтересован предметом исследования, цель работы, как таковая, достигается планомерно, последовательно. Материал логически выверен; он может быть использован в формате изучения ряда гуманитарных дисциплин (филологический спектр). Думаю, что сноски и цитации могли бы иметь более «точно выраженный вид». Порой не достаточно, например, такая сноска: «В такой трактовке мы обращаемся к понятию жанровой изотопии Л.Г. Кихней – полиинтерпретативности текста определенного жанра в восприятии читателя [5]», или «Придерживаясь теоретических положений научной школы В.И. Тюпы, мы принимаем термин текстовый ансамбль [3], разновидностью которого является свертхтекст. Таким образом, свертхтекст является частным проявлением одного из видов текстового ансамбля». Привлекает в работе уместная отсылка к именам Д. Лихачева, Ю. Лотмана, В. Топорова, Н. Тмарченко и т.д. Они являются «открытыми ориентирами» к базовым знаниям по теории литературы; при этом выход к ряду новых исследований также был бы уместным (И. Силантьев, О. Федотов, И. Ничипоров и т.д.). Эмпирическая база соответствует данному изысканию: «практическим материалом послужили тексты отечественных романов Д. Рубиной, Е. Водолазкиной, А. Иванова, М. Елизарова, С. Лукьяненко, М. Семенович, А. Пехова, К. Деминой и др.; зарубежные произведения: "Унесенные ветром" и примыкающий к нему цикл; цикл "Дневники вампира", "Песнь льда и пламени" и их экранизации». Думаю, что можно использовать этот пласт для иллюстрации, аргумента по дешифровке проблемы. Работе присуща определенная логика разверстки темы, автор старается создать эффект непринужденного диалога с читателем. Тема исследования, как отмечает сам автор, перспективна: «можно утверждать, что существует 3 основных типа свертхтекстов в основном тяготеющих в ценностной иерархии к беллетристике и массовой литературе. Убеждены, что данный перечень не является закрытым и предполагаем, что он может

быть дополнен и более детально проработан в дальнейших исследованиях с учетом большего текстового материала, в том числе произведений различных временных периодов, а также включения в исследуемый корпус литературы стран народов зарубежья». На мой взгляд, выражение такой позиции уместно для научного изыскания, это вариант пролонгации объективной оценки проблемы, как для автора, так и для читателей. Общие выводы по текстам созвучны основной части, серьезных противоречий нет. Автор тезизирует, что «под свертхтекстом понимается текстовый ансамбль циклической природы, превосходящий объемом роман или роман-эпопею и скрепленный единой свертхидеей, а также разветвленной системой синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей. Будучи способным объединять произведения различных жанров, свертхтекст функционирует как своеобразный гипержанр, формируя целостную, но в то же время предельно детализированную модель мира». Таким образом, статья имеет цельно-завершенный вид, основные задачи работы решены; требования, предъявляемые к работам данного типа, выдержаны. Текст не нуждается в точечной вычитке, материал полновесен. Библиографический список нуждается в правке: например, неверно оформлено следующее издание – «Борунов А.Б. Игровые стратегии как принцип создания свертхтекстового единства в творчестве Б. Ак... // Научный диалог. - 2023. - Т. 12. - № 1. - С. 213-231» и т.д. Может целесообразно расположить источники в алфавитном порядке, но это на усмотрение редактора. Считаю, что в целом работа сложена грамотно, она соотносится с одной из рубрик издания. Рекомендую статью «Свертхтекст как литературоведческий феномен современности: теоретическое обоснование» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Поринец Ю.Ю. Мотив потерянного рая в творчестве Г. К. Честертона // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.75681 EDN: DDDEEF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75681

Мотив потерянного рая в творчестве Г. К. Честертона

Поринец Юрий Юрьевич

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра зарубежной литературы; Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Наб. Р. Мойки, 48

✉ porinets2015@yandex.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.75681

EDN:

DDDEEF

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2025

Аннотация: В статье анализируется мотив потерянного рая в произведениях Г. К. Честертона, одного из ведущих английских писателей XX века. Исследование охватывает широкий спектр жанров, включая рассказы, романы, трактаты и эссе, и выявляет значимость этого мотива в творчестве автора. Особое внимание уделяется влиянию поэмы Д. Мильтона «Потерянный рай» на Честертона. В работе рассматривается специфика функционирования мотива потерянного рая в текстах Честертона, а также его взаимосвязь с другими мотивами, такими как чудо, свобода, любовь, возвращенный рай, идиллические и апокалиптические мотивы. Данный материал позволяет уточнить особенности поэтики Честертона, в частности, мотивную структуру романов и рассказов писателя, и определить место его творчества в контексте английской литературы XX столетия. В статье использован сопоставительный метод. Исследуются произведения Честертона, относящиеся к разным жанрам и периодам творчества автора. Впервые в отечественном и зарубежном литературоведении мотив потерянного рая становится предметом самостоятельного исследования в контексте творчества Г. К. Честертона. В существующих научных работах данный мотив упоминается лишь в рамках анализа

образа сада в романе «Человек, который был Четвергом», проведенного Е. В. Васильевой. Традиционно внимание исследователей сосредоточено не на поэтике, а на идейных аспектах творчества автора. Мотив потерянного рая занимает важное место в творчестве Честертона. Особенность его функционирования в произведениях английского писателя заключается в том, в том, что потерянный рай не является безвозвратно утраченным. Таким образом, трагизм, присущий данному мотиву в европейской литературе, у Честертона преодолевается, что подчеркивает уникальность художественного мира автора.

Ключевые слова:

роман, рассказ, трактат, мотив, эссе, потерянный рай, чудо, идиллия, бытие, влияние

Для Г. К. Честертона мотив потерянного рая является одним из центральных. Он пронизывает все творчество английского писателя, начиная с раннего романа «Наполеон Ноттингхильский» и заканчивая поздним трактатом «Святой Фома Аквинский». Происходит это не только под несомненным влиянием католического богословия, что подробно рассматривается в научных исследованиях [См. об этом 4, 9, 11-12, 14, 30-31], но и поэмы Д. Мильтона «Потерянный рай».

Милтон в восприятии Честертона – один из самых значительных писателей в мировой литературе. Отсылки к Мильтону встречаются в самых разных текстах. Например, в романе «Человек, который был Четвергом» в одном из ключевых моментов повествования присутствует прямое упоминание английского поэта: «Все было светлым, и все обесцветилось, как в том недобром сумраке, который Милтон назвал обителью солнечного затмения; и Сайм сразу ощутил, что он на чужой, пустынной планете, вращающейся вокруг чужого, печального солнца. Но чем сильнее чувствовал он сияющую печаль озаренного луною края, тем ярче пылало в ночи его отважное безумие» [17, с. 214]. (См. в оригинале: «Over the whole landscape lay a luminous and unnatural discoloration, as of that disastrous twilight which Milton spoke of as shed by the sun in eclipse; so that Syme fell easily into his first thought, that he was actually on some other and emptier planet, which circled round some sadder star» [33, p. 257]). Честертон ставит Мильтона в один ряд с Данте, противопоставляя критикуемой им современной литературе: «Теория искусства вне нравственности прочно утвердилась в узких творческих кругах. Художники вольны творить что угодно. Они вольны написать «Потерянный рай», где Сатана победит Бога. Они вольны создать «Божественную комедию», где небеса окажутся подземельями ада. Но разве они это сделали? Сумели они при всей своей универсальности создать что-нибудь более великое и более прекрасное, чем пылкие речи жестоких католиков-гибеллинов или суровых и негибаемых пуританских наставников? Создали они, как нам известно, лишь несколько кружков. Милтон не только побивает их своим благочестием, он превосходит их и в дерзости. Во всех их маленьких стихотворных сборниках не найти более сильного вызова Богу, чем тот, который ему бросил Сатана» [25, с. 418-419]. Честертон хоть и критиковал Мильтона за его пуританизм и включил его поэму в эссе «Хорошие сюжеты, испорченные великими писателями», наряду с «Фаустом» И. В. Гете, «Саломеей» О. Уайльда и «Тангейзером» Р. Вагнера, но тем не менее мильтоновское понимание брака, выраженное в «Потерянном рае», Честертону было во многом близко. При этом Честертон как раз упрекает Мильтона за то, что в его поэме причина грехопадения в том, что «наш прародитель повел себя как хороший муж и настоящий мужчина» [21, с.

[4721](#).

«В определенном смысле Мильтон повредил раю не меньше, чем змий. Он написал великую поэму, но упустил самую суть сюжета. Если я не путаю, простую тягу к запретному плоду он объясняет умно, чувствительно и тонко. Адам у него вкушает от плода сознательно. Он не обманут, он просто хочет разделить несчастье Евы» [\[21, с. 471-472\]](#). Честертон считает, что Мильтон превращает поступок Адама в «романтический жест», в то время как на самом деле в нарушении библейского запрета, по Честертону, проявляется «безобразное беззаконие, которое отвергает какие бы то ни было границы» [\[21, с. 472\]](#). Для Честертона очень показательным, что он, говоря о Мильтоне, уточняет «если я не путаю», в присущей ему манере. Как всегда, он цитирует и ссылается по памяти [\[15, с. 197\]](#), а его трактовки произведений произвольны и часто связаны не с интерпретацией собственно произведения, а идей писателя. Так, говоря о Л. Н. Толстом, Б. Шоу, М. Метерлинке, Х. Ибсене, Э. Золя, Честертон никогда не интерпретирует литературный текст, для него автор равен своему мировоззрению, идеям [См. об этом 7-8]. Если он и пишет о самом произведении, то делает акцент в большей степени на картине мира и на особенностях героев. Для Честертона литературный текст был мифом, а не текстом как таковым, недаром в своей книге о Ч. Диккенсе он называет его мифотворцем [\[24, с. 90\]](#). В данном же случае Честертон предельно упрощает трактовку «Потерянного рая», сводя все причины грехопадения у Мильтона к одной, в то время как в поэме причины грехопадения не ограничиваются хорошим отношением Адама к Еве и желанием быть с ней заодно во всем. При этом, несмотря на критику Мильтона за его трактовку грехопадения, Честертон во многом близок ему в понимании и поэтизации брака.

Трактовка Честертоном потерянного рая совпадает с библейской в интерпретации католического богословия. Для него человек, обладающий свободой воли как даром Бога, совершил неправильный выбор, причина грехопадения заключена в гордыне. Рай же – состояние невинности, близости человека к Богу.

Особенно остро для Честертона чувство потерянного рая воспринимается через призму современной цивилизации, утратившей краски, чувство подлинного бытия (как показано, например, в романе «Возвращение Дон Кихота»). Этому посвящен и роман «Перелетный кабак», в котором, как и в романах «Шар и крест», «Человек, который был Четвергом», мотив потерянного рая соединяется с апокалиптическими мотивами. Мотив потерянного рая представлен в «Перелетном кабаке» на разных уровнях. Образ рая обнаруживается даже в строчке песни собаки Квудла: «The fallen sons of Eve» («Падшие сыновья Евы») [\[32, р. 184\]](#) (Перевод наш – Ю. П.). В переводе Г. М. Кружкова это передается крайне прямолинейно. Например, утверждение Квудла «Вас выперли из рая» [\[19, с. 261\]](#) в оригинале отсутствует. Потеря рая и утрата чувства радости земного бытия для Честертона понятия синонимичные. Утрата рая для Честертона – это утрата восприятия радости, чувства «лучшего из невозможных миров» [\[24, с. 256\]](#). Его мировоззрение, которое он определил как «философию феи-крестной» [\[26, с. 555\]](#) предполагает чувство удивления перед миром, подлинности мироздания, восприятия мира как чуда. Это и есть райское видение мира.

Мотив рая неразрывно связан с важнейшим для Честертона мотивом свободы. Именно свободой для него «обусловлены рай и ад, вся таинственная драма души» [\[28, с. 321\]](#). По мнению писателя, свобода человека заключается не только в том, что «он может

разлучиться с Богом, и в этом – величайшее его отличие» [\[28, с. 321\]](#), но и в возможности вернуть райское восприятие мира. Таким образом, в утрате рая нет детерминизма, нет трагедии.

Рай – в любви к Богу. Любовь же к Богу для Честертонa начинается с любви к миру. Ограниченность земного бытия, хрупкость не кажутся ему ущербными, напротив, именно в этом он видит возможность для радости и восприятия вечности: «Сама жизнь кажется мне удивительным даром, и я не вправе жаловаться на то, что дивное видение почему-то ограничено; я ведь не постиг самого видения. Рама не стариннее, чем картина. Запрет может быть столь же диким, сколь и дар; он ослепляет, как солнце, ускользает, как река, ужасает и удивляет, как лесные дебри. Благодаря этой вере (назовем ее философией феи-крестной) я никогда не чувствовал того, что чувствовали мои ровесники и называли мятежом» [\[26, с. 555\]](#). Неверным представляется утверждение К. Н. Атаровой, что Честертон перешел от прития земного к вечному: «Эволюция не минует и самого Честертонa. Со временем ему суждено будет усомниться в своих юношеских идеалах, поколебаться в наивном оптимизме, осознать утопичность своих социальных прогнозов; веру в возможность земного рая сменит вера в потустороннее воздаяние...» [\[2, с. 14\]](#). Для него нет противопоставления между небесным и земным, временным и вечным. Инносент Смит в романе «Жив-человек» страстно объясняет: «Если там на небе действительно есть для меня обитель, то при ней должен быть зеленый фонарный столб или забор, или что-либо не менее предметное, личное, чем зеленый фонарь и плетень. Я хочу сказать, что Господь Бог велел мне любить один уголок земли, обслуживать его и творить во славу этого уголка всевозможные, даже безумные подвиги, дабы этот малый клочок свидетельствовал против всех бесконечностей и софизмов, что рай существует где-то в определенном месте, а не везде, и что он представляет из себя нечто одно, а не все. И я несколько не удивлюсь, если около небесной обители действительно будет стоять зеленый фонарный столб» [\[16, с. 492\]](#). Таким образом, любовь к земному не противопоставляется любви к небесному, а является ее прообразом. Полюбив земную жизнь, человек начинает любить жизнь как таковую, земное и небесное не разделяются, а являются единым целым.

Для Честертонa именно красота земного – несомненное свидетельство вечности. В его системе мировоззрения «бытие хорошо не тем, что оно идет к лучшему, а тем, что оно противостоит небытию» [\[1, с.331\]](#). «Каждая вещь увидена Честертонem в состоянии беззвучной и героической самозащиты против обступившего ее небытия» [\[1, с. 331\]](#). Отрицание Бога неизбежно влечет за собой отрицание мира. Об этом прямо говорится в романе «Шар и крест»: «Мы не спорим тогда, когда вы сомневаетесь в существовании рая, но вслед за этим вы отрицаете существование Англии» [\[16, с. 11\]](#).

Отрицание земного бытия в каком-то смысле еще большее богоборчество, чем отрицание Бога. Честертон полемизирует со знаменитым утверждением Ивана Карамазова: «В окончательном результате я мира этого Божьего – не принимаю и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [\[6, с. 211\]](#). Карамазовский бунт заключается в отрицании мира, являющегося творением Бога, в констатации его неправильности, что, по Честертону, влечет за собой и отрицание человека. Все это равняется абсолютному отрицанию Творца. Для Честертонa, критиковавшего современную цивилизацию, современное искусство за то, что они отрицают мир, отрицают человека, прития земного мира, его красоты было первым и важнейшим шагом к притию небесного, вечного. Честертон не бунтует против мира, он

бунтует против его отрицания. Приятие мира – его ответ нигилизму Ф. Ницше и бунту героев Ф. М. Достоевского, рецепция творчества которого в его произведениях совершенно не изучена, и ей может быть посвящено отдельное исследование. «Бунт против бунта» [\[17, с. 206\]](#), о котором автор пишет по поводу Сайма в романе «Человек, который был Четвергом», – кредо самого Честертона. Герои его романов всегда находятся в героическом, рыцарском походе против тех, кто отрицает мир, бытие. Сайм («Человек, который был Четвергом»), Инносент Смит («Жив-человек»), Патрик Дэлрой («Перелетный кабак») пытаются вернуть себе и всем людям ощущение подлинности собственного существования, красоты мира, значимости жизни, каждого ее мгновения.

Герои Честертона – бунтари, восстающие против пессимизма, возвещающие, что мир прекрасен и чудесен. Инносент Смит в романе «Жив-человек» недаром провозглашает: «Моя революция, равно как и ваша, равно как и всякая революция, совершаемая у нас на земле, закончится в священном, благодатном месте – в райской, сказочной стране – там, где мы были раньше!» [\[16, с. 478\]](#). Как верно пишет Г. Уиллз: «один из мотивов романа – необходимость революции как возвращения к себе, обретения своей истинной сущности» [\[34, с. 123\]](#) (Перевод наш – Ю. П.). Этот бунт героев Честертона оказал существенное слияние на английских писателей XX века: Ивлину Во, К. С. Льюиса, Дж. Р. Р. Толкина. Автор «Властелина колец» под непосредственным влиянием Честертона провозглашает некое подобие его бунта – героическое бегство от действительности, что, по Толкину, не означает отрицания реальности и ухода в воображаемый или иной мир, а жизнь, в которой ставятся во главу угла ценности вечности – идея спасения и победы над смертью. В трактате «Ортодоксия» Честертон пишет: «Кто-то говорил: «Мой идеал устойчив – он встал вместе с этим миром. Мою утопию не изменишь, ибо имя ее – рай. Можно переменить место назначения, но не место, из которого ты вышел. У того, кто верит, всегда есть повод к мятежу: ведь Бог в сердцах человеческих под пятой сатаны. В мире невидимом ад восстал против неба. Здесь, в мире видимом, небо восстает против ада. Верующий всегда готов восстать; ведь восстание – это восстановление. Всегда, в любой миг, ты можешь восстать во имя правды, которой человек не видел со времен Адама. Добро остается добром; никаким неизменным обычаям, никаким изменениям эволюции ничего с этим не поделать» [\[26, с. 602\]](#). Таким образом, бунт против бунта оборачивается не только походом в защиту земного бытия, но и стремлением к раю – истинной родине человека, месту, в котором восстанавливается абсолютно подлинное видение мира.

Рая подлинному противопоставлен искусственный рай. Честертон постоянно актуализирует этот мотив в самых разных текстах. Искусственный рай связан с попыткой заменить утраченный рай чем-то созданным самим человеком, претендующим на самодостаточность. Это может быть эстетская утопия – изображение подделки под бытие, под настоящий рай, рай эстетов, с которыми он постоянно полемизировал. Например, в рассказе «Павлиний дом» из цикла «Поэт и безумцы». В романе «Шар и крест» обманчивая искусственная красота сада, возникающая из дымки тумана, которая была «так прекрасна, словно медленно открывались райские врата» [\[20, с. 95\]](#), и оказывающаяся впоследствии красотой сада сумасшедшего дома, противопоставлена подлинной красоте мира. В рассказе «Разбойничий рай» из цикла о патере Брауне разбойничьим раем называется «современный, деловой, цивилизованный мир» [\[29, с. 215\]](#). В данном случае слово «рай» использовано в ироническом смысле, это рай для людей, стремящихся исключительно к благополучию и комфорту. Для Честертона идеал жизни, основанный на благосостоянии, это ложный идеал, противоположный идеалу духовному.

Чрезвычайно важным является изображение искусственного рая в рассказе «Потрясающее приключение майора Брауна», открывающего цикл «Клуб удивительных промыслов». Главный герой, «майор Браун <...> с наслаждением обосновался в небольшой аккуратной вилле, похожей, скорее, на кукольный домик, чтобы посвятить остаток своих дней анютиным глазкам и некрепкому чаю. Свою саблю он повесил в маленькой передней (вместе с двумя походными котелками и плохой акварелью) и принялся орудовать граблями в небольшом солнечном садике. Мысль о том, что все битвы позади, приносила ему несказанное блаженство. <...> И конечно, он не поверил бы, что в нескольких шагах от своего кирпичного рая он попадет в водоворот невероятных приключений, какие ему не снились в джунглях или в гуще сражения» [\[22, с. 29\]](#).

Можно предположить, что описание «кирпичного рая» с анютиными глазками в какой-то мере является автопародией Честертона, постоянно воспевавшего в своих произведениях «идеал английского уюта» [\[24, с. 154\]](#), поэтизировавшего быт в противовес современной ему литературе как реалистической, так и модернистской, которые бытовую сторону жизни изображали в критическом ключе. Здесь же писатель показывает типичный для него уютный дом, обычного человека, принадлежащего к категории воспетых им *common people* [См. об этом 3, 13], но придает описанию ироническое звучание.

Таким образом, в рассказе даже уютный, вполне мирный идеал оборачивается искусственным раем. Вывести героя из его искусственного рая оказывается способным лишь приключение, в процессе которого он влюбляется. Только тогда, когда в мире героя появляется любовь, он выходит за пределы самого себя, ощущает недостаточность замкнутого мирка, в котором живет. И рассказ завершается женитьбой майора Брауна и переживанием существования иной жизни. «Он – человек набожный и потому верит, что конец этих дивных приключений откроется ему в лучшем мире» [\[22, с. 29\]](#).

По Честертону, потеря рая не является невозполнимой. Вновь обрести его возможно при соприкосновении с подлинным бытием, как происходит, например, с Инносентом Смитом («Жив-человек»). Обретение истинного видения мира поэтом Дорианом Уимполом в романе «Перелетный кабак» (имя поэта, ранее бывшего эстетом и авангардистом, выбрано не случайно и является прямой отсылкой к роману О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»). По ходу действия романа он остается один в лесу и ощущает себя Адамом, открывающим мир заново, дает имена тварям, прямо говорит, что на иголках можно посидеть только в раю. В этой сцене трижды повторяется сравнение окружающего героя мира с раем. Поэт впервые сталкивается с миром в его подлинной сущности: «Пока он был занят такими речами и мыслями, с ним и вокруг него что-то случилось. Он писал об этом сотни раз, читал тысячи, но никогда этого не видел. Сквозь гущу ветвей сочился слабый жемчужный свет, намного более таинственный, чем свет луны. Он входил во все двери и окна леса, смиренно и тихо, как человек, пришедший на свидание. Вскоре его белые одежды сменились золотыми и алыми; и звался он рассветом.

Птицы пели над головой своего певца, но старания их пропали втуне. Когда певец увидел наяву, как ясный дневной свет рождается над лесом и дорогой, с ним произошло нечто удивительное» [\[18, с. 268\]](#). Возвращенный рай для Честертона – это истинное видение мира, открывающее в свою очередь возможность для восприятия вечности.

В романе «Человек, который был Четвергом» Сайм и другие персонажи в финале оказываются в таинственном саду Воскресенья. По верному утверждению Е. В. Васильевой, «все это совершается в саду, который дарит героям ощущение вновь обретенного дома, рая. Именно этот локус становится местом, где раскрываются все тайны, достигается состояние гармонии с собой и с миром» [5, с. 102]. В образе этого сада, напоминающего райский сад, актуализируется идея семи дней творения, маскарад раскрывает истинную сущность героев. Именно в саду Сайм постигает идею о том, что мир прекрасен в своей непостижимости, происходит преобразование видения мира. Верной и важной представляется мысль, что «Честертон развивает мотив не потери, утраты рая, изгнания человека из Эдема, а, наоборот, возвращения, обретения утраченного, восстановления гармонии человека и мира» [5, с. 104]. В подобном ключе мотив потерянного рая раскрывается и в романе «Жив-человек», в котором Инносент Смит отправляется в путешествие по миру для того, чтобы осознать, что лучше его собственного дома и сада нет ничего на свете, он как будто покидает свой сад, земной рай, являющийся прообразом небесного рая, чтобы обрести его заново. Так мотив потерянного рая оказывается тесно переплетенным с мотивом рая возвращенного.

Неразрывно связана с возвращенным раем и любовь. Райское зрение восстанавливается в любви. «Разве что в первой любви мелькнет нам потерянный нами рай», – пишет Честертон [27, с. 52-53]. Для Честертон брачный обет и запрет многоженства, единобрачие есть подобие райского запрета. В «Ортодоксии» он утверждает: «никакие ограничения любви не кажутся мне столь чудными и неожиданными, как сама любовь» [26, с. 556]. Так, Меррел в романе «Возвращение Дон Кихота» видит дочку профессора в момент, когда к ней возвращается вера в смысл мира, вера в добро: «Ее украсило удивление, утраченное в Эдеме и обретаемое на небе, где оно столь сильно, что не угасает вовек» [18, с. 429]. Мотив рая неразрывно связан с мотивом удивления. Довольно часто в произведениях Честертон вместе с любовью героя к девушке возникает ощущение чуда, что предвещает веру в Бога. Атеизм и любовь как будто несовместимы, ощущение радости мироздания приводит к вере, в художественном мире Честертон это является закономерностью. Именно такой путь проходит Тернбулл в романе «Шар и крест». Особый интерес в данном контексте представляет рассказ «Честный шарлатан» из цикла «Пять праведных преступников». В рассказе основная коллизия разворачивается в связи с деревом и садом вокруг него. Связь с образом райского сада здесь является очевидной. Дерево и сад оказываются связаны с давним преступлением, таким образом сад в рассказе символизирует потерянный рай. Но преступление оказывается раскрытым, а один из главных героев рассказа, доктор Джадсон, в финале отказывается от своих скептических по отношению к вере взглядов. Отчасти под влиянием логических аргументов, но прежде всего под влиянием любви. Любовь между мужчиной и женщиной для Честертон – это всегда любовь между Адамом и Евой, возможность для нового рая, в котором природа человека имеет возможность избавиться от греха. Любовь – новый Эдем, возможность возрождения мира и восхождения его к вечности. Именно этот смысл актуализируется в финале рассказа: «На ветке некогда поруганного дерева запела птица, и в тот же миг утренний ветер ринулся в сад, согнул кусты, и, как всегда бывает, когда ветер налетит на залитую солнцем зелень, свет сверкающей волной покатился перед ним. А Энид и Джону показалось, что лопнула какая-то нить, последняя связь с тьмой и хаосом, мешающими творению, и они стоят в густой траве на заре мира» [23, с. 346]. Любовь между мужчиной и женщиной, неразрывно связанная с браком, восходит к образу любви в «Генрихе фон Офтердингене». В романе Новалиса, встретившись с Матильдой и полюбив ее, герой

воспринимает мир вокруг как «настоящий рай» [10, с. 64]. Генрих чувствует, что любовь к Матильде раскрывает перед ним вечность, открывает перед ним «целительный рай» [10, с. 72]. Следует отметить и несомненную связь мотива возвращенного рая с идиллическими мотивами, не только с описанием рая у Мильтона, но и с описанием земного рая у Данте, которого Честертон необычайно читал и на которого постоянно ссылался.

Любовь в художественном мире Честертон неизбежно приводит к переживанию мира как земного рая, а чувство земного рая приводит героя к вере и церкви, которая, по образу Мильтона в финале «Потерянного рая», больше, чем рай Адама и Евы.

Библиография

1. Аверинцев С. С. Гилберт Кит Честертон, или неожиданность здравомыслия // Честертон Г. К. Писатель в газете. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1984. С. 329-342. EDN: SWCYUC.
2. Атарова К. Н. Автор и его герой // Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 2002. С. 5-14.
3. Боровинская Т. В. О ценности обычного: концепт *common* в эссеистическом творчестве Г.К. Честертон // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Четвертых Андреевских чтений (Университет Российской академии образования, январь 2006). М.: Экон-Информ, 2006. С. 76-79.
4. Борхес Х. Л. Честертон // Борхес Х. Л. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. Расследования. М.: Амфора, 2001. С. 394-399.
5. Васильева Е. В. Символика сада в романе Г. К. Честертон "Человек, который был Четвергом" // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 1(33). С. 100-105. EDN: VRVBNL.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XIV. Л.: Наука, 1975. 512 с.
7. Козырева М. А. Субъективность позиции автора в литературно-критическом исследовании Г. К. Честертон "Роберт Луис Стивенсон" // Автор. Герой. Рассказчик: Межвузовский сб. / Под ред. И. П. Куприяновой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. С. 142-148.
8. Козырева М. А. Литературные биографии Г. К. Честертон как авторская жанровая форма // Вестник ТГГПУ. 2010. № 2 (20). С. 156-159.
9. Козырева М. А. Поиск и обретение веры в книгах Г. К. Честертон "Ортодоксия" и "Вечный человек" // Вестник ТГГПУ. Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 136-139.
10. Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир, Наука, 2003. 290 с.
11. Писарев Л. В. Проблема идеи восточного пессимизма и кризис рубежа XIX–XX веков в романе Г. К. Честертон "Человек, который был Четвергом" // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 314-119. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00973. EDN: XVJPDQ.
12. Плахтиенко О. П. Христианство как религия радости и свободы в произведениях Г. К. Честертон // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 92-95. EDN: J VATJB.
13. Поринец Ю.Ю. Образ *common people* в романах Г. К. Честертон // Филология: научные исследования. 2019. № 5. С. 48-53. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.5.30920 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30920
14. Трауберг Н. Л. Честертон в Англии // Честертон Г. К. Неожиданный Честертон. М.: Истина и Жизнь, 2002. С. 7-42.
15. Честертон Г. К., Ливергант А. Честертон о литературе. Вступительная статья,

- составление и примечания А. Ливерганта // Вопросы литературы. 1981. № 1. С. 195-232.
16. Честертон Г. К. Жив-человек // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. СПб.: Амфора, 2000. С. 327-519.
17. Честертон Г. К. Человек, который был Четвергом // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. СПб.: Амфора, 2000. С. 175-326.
18. Честертон Г. К. Возвращение Дон Кихота // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 349-504.
19. Честертон Г. К. Перелетный кабак // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 145-348.
20. Честертон Г. К. Шар и крест // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 5-144.
21. Честертон Г. К. Хорошие сюжеты, испорченные великими писателями // Честертон Г. К. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. СПб.: Амфора, 2000. С. 471-474.
22. Честертон Г. К. Потрясающие приключения майора Брауна // Честертон Г. К. Клуб удивительных промыслов. Неведение отца Брауна. Мудрость отца Брауна. Недоверчивость отца Брауна. М.: Профобразование, 2001. С. 9-29.
23. Честертон Г. К. Честный шарлатан // Честертон Г. К. Охотничьи рассказы. Поэт и безумцы. Рассказы. Пять праведных преступников. Парадоксы мистера Понда. Ненапечатанные рассказы. М.: Профобразование, 2001. С. 318-346.
24. Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 2002. 352 с.
25. Честертон Г. К. Еретики // Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 411-508.
26. Честертон Г. К. Ортодоксия // Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 509-650.
27. Честертон Г. К. Святой Франциск Ассизский // Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 7-102.
28. Честертон Г. К. Святой Фома Аквинский // Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 305-410.
29. Честертон Г. К. Разбойничий рай // Честертон Г. К. Все расследования отца Брауна. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. С. 204-215.
30. Milward P. G.K. Chesterton // The Chesterton Review. 2003. 29 (3). P. 375-385.
31. Allit P. Catholic converts: British and American intellectuals turn to Rome. Ithaca: Cornell University Press, 1997. XIV. 343 p.
32. Chesterton G. K. The flying inn. NY: John Lane Company, 1914. 320 p.
33. Chesterton G. K. The Man Who Was Thursday // The selected works of G. K. Chesterton. L: Wordsworth Editions Limited, 2008. P. 223-347.
34. Wills G. Chesterton, Man and Mask. N.Y.: Sheed and Ward, 1961. 243 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Мотив потерянного рая в творчестве Г. К. Честертона»

Предметом исследования является один из ключевых мотивов художественной и публицистической системы Г. К. Честертона — мотив потерянного рая, прослеживаемый в широком контексте его творчества — от ранних романов до философских трактатов. Автор ставит задачу выявить связь данного мотива с библейской традицией,

католическим богословием, поэмой Дж. Мильтона «Потерянный рай» и общей философией Честертона, основанной на категории «удивления» и «радости бытия». Исследование опирается на широкий круг источников, включая художественные тексты, критические эссе, теологические работы и сопоставительные наблюдения над влиянием Мильтона, Данте, Достоевского, Толкина и других писателей.

Методологическая база статьи сочетает элементы историко-литературного, компаративного и герменевтического анализа. Автор системно рассматривает библейские и мифопоэтические аллюзии, выявляет параллели между текстами Честертона и классическими произведениями мировой литературы, а также анализирует трансформацию религиозно-философских идей в его художественном мире. Исследовательская стратегия логична и последовательна: от выявления истоков (Милтон, католическая экзегеза) — к рассмотрению поэтики мотива рая в конкретных произведениях, затем — к его философскому осмыслению. Особенно ценным является анализ внутренней эволюции мотива — от утраты к возвращению рая, что позволяет проследить сквозную идею «бунта против бунта», характерную для миропонимания Честертона.

Актуальность статьи определяется возрастающим интересом современной гуманитарной науки к религиозным основаниям европейской культуры и литературе католического ренессанса XX века. В отечественном честертониане тема утраченного и возвращённого рая освещена фрагментарно, тогда как данное исследование восполняет существенный пробел, вводя в научный оборот новые наблюдения и интерпретации. Кроме того, в эпоху глобального кризиса ценностей обращение к философии радости и веры Честертона приобретает мировоззренческое значение, что повышает общекультурную значимость статьи.

Новизна работы заключается в комплексном осмыслении мотива рая как синтеза теологического, эстетического и этического начала. Автор впервые столь подробно рассматривает соотношение милтоновского и честертонского понимания грехопадения, а также показывает, что для Честертона потеря рая не является окончательной — возможность его возвращения укоренена в любви, вере и способности видеть мир как чудо. Ценным представляется выявление связи между эстетикой Честертона и традицией Данте, а также перекличка с идеями Достоевского и Толкина. Новаторским можно считать и разграничение понятий «истинный» и «искусственный» рай в поэтике Честертона.

Текст написан в академическом стиле, выдержан в логике научного рассуждения. Структура работы ясна и продумана: переходы между разделами плавные, аргументация опирается на богатый цитатный материал как на русском, так и на английском языке. Приводимые примеры из произведений Честертона тщательно подобраны и сопровождаются точными ссылками. Автор демонстрирует глубокое знание контекста, включая как первоисточники, так и современную исследовательскую литературу. Из недостатков можно отметить избыточную плотность цитирования, что местами затрудняет восприятие текста, а также недостаточную выделенность собственных аналитических выводов — они нередко растворяются в богатом материале. В некоторых фрагментах можно усилить композиционную связность между отдельными интерпретационными блоками.

Библиографический список обширен (34 позиции), включает русские и англоязычные источники, академические публикации и первичные тексты. Все цитаты корректно атрибутированы, ссылки оформлены по научным стандартам. Особенно положительно стоит отметить использование современных изданий и статей (вплоть до 2020 года), что подтверждает актуальность исследования.

Автор корректно полемизирует с предшественниками — в частности, с К. Н. Атаровой,

уточняя её вывод о «переходе от земного к вечному». Полемика аргументирована, академична и выдержана в корректном тоне. Отмечено, что Честертон не противопоставляет небесное земному, а соединяет их в едином опыте бытия. Это свидетельствует о самостоятельной позиции автора и умении вести научный диалог.

Выводы исследования логичны и убедительны: мотив потерянного рая у Честертона тесно связан с идеей свободы, любви и способности к духовному обновлению. Рай в его понимании — не место, а состояние души, которое человек может восстановить, возвращаясь к вере и радости мира. Статья представляет несомненный интерес для специалистов по английской литературе XX века, компаративистике, теологии искусства и философии религии, а также для всех, кто изучает взаимодействие религиозного и эстетического мировосприятия.

Статья отличается глубиной анализа, научной добросовестностью и высокой культурологической ценностью. Она демонстрирует зрелый уровень литературоведческого мышления и вносит значимый вклад в отечественное литературоведение. Полагаю, что рецензируемую работу можно принять к публикации без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чэнь К. Особенности комического в ремарках пьес А. П. Чехова // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76034 EDN: DBXEWK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76034

Особенности комического в ремарках пьес А. П. Чехова

Чэнь Канюй

ORCID: 0009-0008-7801-1259

соискатель; Филологический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

000000, Китай, Гуандун область, г. Гуанчжоу, ул. Лиганлу, 6, кв. 1407

✉ hkoch24@outlook.com



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76034

EDN:

DBXEWK

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2025

Аннотация: Настоящее исследование посвящено комплексному анализу функций и художественной специфики ремарок в драматургии А.П. Чехова. Основное внимание уделяется роли ремарок как инструмента создания комического эффекта и выражения авторской иронии. На материале ключевых пьес писателя («Чайка», «Дядя Ваня», «Вишнёвый сад») исследуется, как через сценические указания Чехов раскрывает противоречие между иллюзиями персонажей и объективной реальностью. Особый акцент делается на новаторских приёмах: использовании глаголов совершенного вида прошедшего времени (например, «оба улыбнулись»), создающих эффект завершенности и обречённости; карнавальных элементах, трансформирующих трагические ситуации в комические; а также несценических ремарках, обращённых к читателю. Исследование показывает, как ремарки становятся средством скрытого авторского комментария, сочетающего объективность драматурга с субъективностью писателя. В работе применяются сравнительный анализ текстов, интертекстуальный подход и контекстуальное изучение ремарок. Методы включают детальный разбор конкретных примеров из пьес, а также привлечение критической литературы для интерпретации

авторских приёмов. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу ремарок как ключевого средства выражения авторской иронии и комического в драматургии Чехова. Впервые подробно исследуется использование глаголов прошедшего времени в ремарках, что создаёт эффект завершенности и подчёркивает обречённость персонажей. Кроме того, работа раскрывает связь между карнавальными элементами и жанровым определением пьес, демонстрируя, как Чехов сочетает комическое с глубоким психологизмом. Проведённый анализ подтверждает, что ремарки в пьесах Чехова являются не только техническим элементом, но и важным инструментом выражения авторской позиции. Они раскрывают иронию автора по отношению к персонажам, подчёркивая разрыв между их иллюзиями и реальностью. В «Дяде Ване» ремарки способствуют духовному катарсису героев, тогда как в «Вишнёвом саду» они усиливают карнавальный смех, который маскирует трагизм ситуации. Таким образом, чеховские ремарки становятся мостом между эпической и драматической формами, позволяя автору сохранять объективность, одновременно выражая своё отношение к героям.

Ключевые слова:

А.П. Чехов, драматургия, ремарка, авторская позиция, комедия, комическое, ирония, Чайка, Дядя Ваня, Вишневый сад

А.П. Чудаков в своих работах показал, что творческая эволюция Чехова-прозаика шла по пути от субъективности к объективной манере повествования [\[1\]](#). Таково и развитие драматургического творчества Чехова и его переход от прозы к драматургии. С.М. Романенко, анализируя переход писателя к драматургии, подчеркивает «его стремление к максимальной объективности» [\[2, с. 28\]](#), утверждая, что «автор, словно «сводник» (М. Бахтин), сближает героев и зрителей, позволяет им наблюдать, решать, но сам остается в стороне. Он рассчитывает на понимание своего произведения, он уважает ум и душу своего зрителя. Зритель или читатель должны понять позицию автора и тоже посмотреть на героев со стороны» [\[2, с. 32\]](#).

Названная особенная объективная авторская позиция позволяет адресату произведения ощущать внутреннее психологическое переживание персонажей. А стремление автора к объективному изображению персонажей приводит к особенной форме создания комического эффекта в драматургических произведениях – объективная ирония жизни, выражаемая противоречием между мечтой героев и настоящей реальностью, что является одной из специфик комического драматургии Чехова.

«Оставаясь в стороне», Чехов предоставляет персонажам свободу развивать свой эпизод без вмешательства автора, и дает адресату свободу понимать драмы. Однако, «отсутствие автора» не столько считается как особенностью драматургии Чехова, сколько представляет собой жанровую специфику драмы как литературного рода, ведь еще с античности в драме доминируется не слово автора, как в прозе, а реплики действующих лиц. «Ирония жизни» как общая тема литературного произведения уже встретила в трагедии Софокла «Царь Эдип» в IV веке до н.э. Крах жизни, веры и мечты, смерть человека – все элементы «Царя Эдип», присущие трагедии – существуют в больших драмах Чехова, особенно в его комедиях.

Стремясь к объективности, Чехов не полностью убирает «автора» из драмы, а выражает свою позицию в более скрытой форме, в ремарках. В третий период творчества Чехов

усиливает драматизацию в прозе и прозаизацию в драматургии. Этот синтез эпического и драматического начал открывает путь к новой форме выражения авторской позиции и создания комического эффекта. Наиболее ярким примером можно считать ремарки в пьесе. А среди ремарок пьесы наиболее ярким примером можно назвать несценичные ремарки, написанные в форме эпоса и адресованные не зрителю, а читателю.

Наиболее интересны новаторские ремарки, где действия персонажей описываются глаголами совершенного вида прошедшего времени вместо привычных глаголов несовершенного вида настоящего времени. Яркий пример такой ремарки можно найти во втором действии комедии «Чайка»:

«Нина. <...> Если бы я была таким писателем, как вы, то я отдала бы толпе всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ее только в том, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колеснице.

Тригорин. Ну, на колеснице... Агамемнон я, что ли?

Оба улыбнулись» [\[3, с. 31\]](#)

Использование глаголов совершенного вида прошедшего времени в ремарке создает особый временной эффект: событие произошло, но уже завершилось. В рассматриваемой сцене Нина сначала выражает искреннее восхищение Тригориным как писателем, однако когда тот признается в своем равнодушии к собственному творчеству, девушка «отказывается понимать» его. Различие из взглядов на писательский труд и славу становится очевидным, и лишь шутливая реплика Тригорина о «колеснице» вызывает у них обоих улыбку – этот момент, безусловно, будет виден зрителю на сцене.

Совместная улыбка столь разных персонажей свидетельствует о возникшем между ними взаимопонимании, что отражает авторское одобрение зарождающихся романтических чувств. Однако выбор глагольной формы принципиально меняет восприятие этой сцены: ремарка фиксирует не текущее или будущее действие, а событие, оставшееся в прошлом. Как четко отмечает Ю.В. Доманский, «грамматически эта ремарка решена таким образом, что весь позитив, заложенный в ней, оказался унесён в прошлое и лишён шанса реализоваться сейчас или же в грядущем» [\[4, с. 47\]](#), – таким образом, даже в момент зарождения отношений Чехов тонко иронически намекает на их обреченность.

Таким образом, данная ремарка выполняет двойную функцию: с одной стороны, она отражает авторскую симпатию к зарождающемуся чувству между героями, с другой — содержит тонкий намёк на его будущую нереализованность. Трагическая судьба Нины может интерпретироваться как проявление объективной иронии жизни, однако предвосхищение этого в ремарке второго действия скорее свидетельствует об ироничной авторской позиции по отношению к данной любовной линии.

Такая скрытая авторская ирония тоже может встречаться в пьесе «Дядя Ваня»: «Комната Ивана Петровича; <...> Стол поменьше для Астрова; <...> На стене висит карта Африки, видимо, никому здесь не нужная» [\[3, с. 105\]](#). Эта деталь получает развитие в реплике Астрова: «(Подходит к карте Африки и смотрит на нее.) А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища – страшное дело!» [\[3, с. 114\]](#).

Образ Африки в пьесе выполняет несколько важных функций. Во-первых, он создаёт географический контраст: пока персонажи пьют воду в усадьбе, в далёкой Африке, по словам Астрова, «жарища – страшное дело!». Этот контраст подчёркивает различие

проблем: если африканцы страдают от нехватки материальных ресурсов, то Астров и Войницкий мучаются экзистенциальными вопросами о смысле жизни.

Во-вторых, карта Африки в пьесе выполняет важную символическую функцию. Хотя она «не нужна никому» [\[3, с. 105\]](#), для Войницкого она становится своеобразным символом утраченных иллюзий – прежде всего, его слепого преклонения перед профессором Серебряковым. Духовный бунт Войницкого, несмотря на его трагическую окраску, приносит ему своеобразный катарсис, позволяя начать новую жизнь, хотя и с тяжёлым душевным грузом.

Особую глубину этому образу придаёт реплика Астрова, которую можно рассматривать как авторскую ремарку, обращённую к самому персонажу: «Ты не сумасшедший, а просто чудаков. Шут гороховый. Прежде я всякого чудака считал больным, ненормальным, а теперь я такого мнения, что нормальное состояние человека – это быть чудаком. Ты вполне нормален» [\[3, с. 107\]](#).

Однако финальная реплика Астрова звучит более безнадёжной: «Какая ещё там новая жизнь! Наше положение, твоё и моё, безнадёжно» [\[3, с. 108\]](#). Эта фраза становится своеобразным эпиграфом к духовному состоянию чеховских героев, подчёркивая глубину их экзистенциального отчаяния. Но это отнюдь не означает, что положение героев действительно безнадёжно.

Первые три действия действительно демонстрируют нам персонажей, которые, по меткому замечанию В.Б. Катаева, «абсолютизируют свою “правду” (свой временный взгляд на вещи, своё ложное представление), не будучи в состоянии понять и принять “правду” другого» [\[5, с. 270\]](#). В этом отношении и Астров, и Войницкий действительно выглядят комично. Однако кульминация третьего акта и четвертое действие показывают их преображение – они становятся героями особой комедии, близкой по духу не сатирическому осмеянию, а возвышенной «Божественной комедии» Данте. Пережив страдания и разочарования, оба персонажа восстают против пошлости и обмана: Войницкий бунтует против профессора; Астров отвергает праздность, воплощённую в Елене Андреевне и профессоре:

«Астров. Оба – он и вы – заразили всех нас вашей праздностью. Я увлекся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот... <...> но все же...странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. <...> Ну, уезжайте. Finita la commedia!» [\[3, с. 110\]](#).

Способность к осознанному отказу – редкое качество для чеховских персонажей (чаще они выбирают бегство). Ведь отказ всегда требует жертв, сопровождается душевными муками и требует поиска новых путей. В этом контексте «карта Африки, которая никому не нужна» в комнате Войницкого приобретает новый смысл – она символизирует Елену Андреевну и профессора Серебрякова, ставших лишними в этом доме. А «страшное дело», о котором говорит Астров, может относиться не только к африканской жаре, но и к разрушительной праздности профессорской четы.

Таким образом, анализируемые ремарки, содержащие авторскую оценку, позволяют раскрывать уникальную особенность комического в чеховской драматургии: с одной стороны, Чехов иронически показывает комичность персонажа, который обманывает себя иллюзией жизни, с другой стороны, после того, как героям оказалось реальность жизни, драматург даёт им возможность к возрождению, к духовному катарсису. Такая

счастливая комичность характерна только для Дяди Вани, который прошел процесс «казалось» – «оказалось» – «возражение».

И наконец, в ремарках можно также встречаться с явным ироническим отношением автора к персонажам. Наиболее ярким примером можно считать описание из III действия «Вишневого сада»: «Начальник станции останавливается среди залы и читает «Грешницу» А. Толстого. Его слушают, но едва он прочел несколько строк, как из передней доносятся звуки вальса, и чтение обрывается. Все танцуют. Проходят из передней Трофимов, Аня, Варя и Любовь Андреевна» [\[3, с. 235\]](#).

Связь между Раневской и темой греха очевидна. Как отмечает Б. Зингерман: «у владелицы Вишневого сада есть грехи. Те, в которых она кается, и те, в которых мог упрекнуть ее Петя Трофимов. <...> За грехи она должна понести наказание» [\[6, с. 337\]](#); Н.И. Ищук-Фадеев добавляет: «Решительное нежелание Раневской спасти то, что надо еще искупить, – свидетельство ее твердой и сознательной позиции грешницы, ищущей веру. В этом смысле особенно знаменательным становится чтение на балу у чеховской грешницы поэмы о грешнице А.К. Толстого» [\[7, с. 4\]](#).

Упоминание поэмы «Грешница» А.К. Толстого в ремарке позволяет Чехову выразить сложное авторское отношение к героине, сочетающее авторскую иронию с объективной иронией жизни. Хотя драматург сохраняет свою характерную объективную манеру, присущую эпическим произведениям, ирония становится важным элементом в создании образа героини. При этом важно отметить, что Чехов не сводит персонажа к одномерной характеристике – несмотря на ироническую окраску, образ Раневской сохраняет свою многогранность, включая и её искреннюю любовь к вишнёвому саду.

Однако интерпретация этого эпизода может быть расширена, если обратиться к исследованию Ю.В. Доманского. Ученый, проанализировав использование мотива чтения «Грешницы» в ранних рассказах («Либеральный душка» (1884), «Лишние люди» (1886), «Учитель словесности» (1889)), а также в контексте обращения Чехова к массовой культуре [\[4, с. 23-26\]](#), приходит к следующим выводам, связанных с обращением Чехова к массовой культуре: «отношение Чехова к поэзии А.К. Толстого является, мягко говоря, не очень серьезным: включение фрагмента незатейливого стихотворения в рекламный текст, преследующий цель повеселить читателя ради успешной подписной кампании; исполнение романа героем – а романс, как мы знаем, жанр массовой культуры; несколько фривольная цитата легкомысленной и не очень глубокой метафоры в письме к близкому человеку» [\[4, с. 24\]](#). Далее, «авторское отношение сводится, по сути, к одному – «синоним избитого номера» на любительских вечерах; своего рода штамп, порождающий иронию со стороны культурного человека» [\[4, с. 25\]](#).

И наконец, чтение «Грешницы» – «пошлый с точки зрения хорошего вкуса, в своем высоком «пафосе», комичный и, конечно, комический (вспомним жанровое определение «Вишневого сада»), а бал в усадьбе – не более чем жалкая карикатура на высший свет, характеризующая и хозяев, и гостей как, простите за вынужденную вульгаризацию, отживающих свое, смешных и никчемных людей» [\[4, с. 25\]](#).

Анализ приведённых цитат позволяет увидеть, что мотив чтения поэмы «Грешница» выполняет в пьесе двойную функцию. С одной стороны, он несёт авторскую иронию, направленную непосредственно на образ Любви Андреевны. С другой стороны, здесь проявляется комический контраст между высоким и низким, характеризующий не отдельного персонажа, а весь эпизод в целом, всех участников бала и придает

ощущение «веселья в камере смертников» [\[4, с. 27\]](#).

Чтение «Грешницы» можно рассматривать не только как символический «приговор» грехам Раневской, но и как элемент массовой культуры, чуждый аристократической среде. Прерывание чтения персонажами не устраняет эту окраску, а, напротив, усиливает её, превращая сцену в своеобразный карнавал. В этом контексте все присутствующие предстают как «смертники», которые «смеются, когда нельзя» [\[8, с. 342\]](#).

Как и в III действии, момент признания греха сменяется музыкой, предваряющей бал и карнавальный смех. Это сцена напоминает поведение православного юродивого, о котором пишет С.С. Аверинцев: «весь сюжет поведения православного юродивого в том и состоит, что лишь по прискорбному заблуждению и греховному безумию, в меру помрачения нашего ума мы можем дерзнуть ему посмеяться. Мы смеемся, когда должны были бы вздыхать, плакать и трепетать» [\[8, с. 342\]](#).

Бал в «Вишнёвом саде» предстаёт как своеобразный мираж – карнавальное пространство, где персонажи временно забывают о прошлом и надвигающемся будущем. В этом временном вакууме переплетаются ностальгия по утраченному и тревога перед грядущим, образ вишнёвого сада и далёкого аукциона. Чехов создаёт в этом действии уникальную драматургическую ситуацию, где на фоне тревожного ожидания и последующей «трагической» развязки доминирует карнавальный смех. Это та ситуация, когда, по меткому замечанию Аверинцева, «не смеяться – сил никаких нет. Ситуация – не из простых; и она естественно порождает тоскующий взгляд в направлении того места, где смеяться заведомо можно и нужно – в направлении Запада» [\[8, с. 343\]](#).

Этот «тоскующий взгляд в направлении Запада», принадлежащий к Раневской, находит свое воплощение в образе Яши, который в III действии умоляет Раневскую взять его в Париж, а в IV действии с высокомерием заявляет о скором отъезде. Не случайно критики единодушно видят в Яше сниженную пародийную параллель самой Любви Андреевны.

Хотя чеховские персонажи всегда многогранны и не сводятся к однозначным трактовкам, в III действии, в контексте карнавального смеха, драматург явно тяготеет к более «чистой» комедийной форме, о чем свидетельствуют его собственные высказывания: «Минутами на меня находит сильнейшее желание написать для Худож. театра 4-актный водевиль или комедию. И я напишу, если ничто не помешает, только отдам в театр не раньше конца 1903 года» (О.Л. Книппер, 22 апреля 1901 г.) [\[3, с. 478\]](#); «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс...» (М.П. Лилиной, 15 сентября 1903 г.) [\[3, с. 492\]](#).

Ремарка о чтении «Грешницы» в III действии «Вишневого сад» позволяет нам увидеть особое авторское присутствие, скрытое авторское ироническое отношение к героям, и связь смехового начала с жанровым определением пьесы комедии.

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что, при создании драматических произведений Чехов стремится к более объективному изображению персонажей, которые не видят общее сходство между собой, не хотят понимать друг друга, и не замечают несоответствие между своей иллюзией и настоящей жизнью, при этом он сохраняет субъективную манеру описания, свойственную ранним эпическим произведениям, – это выражение авторского иронического отношения к героям («Чайка», «Вишневый сад»). Кроме того, в «Дяде Ване» встречается и духовный катарсис персонажа, что позволяет понимать чеховское комическое не только как объективную иронию жизни, но и как возможность эмоционального возвышения и возрождения

персонажа.

Библиография

1. Чудаков А.П. Поэтика Чехова [Текст] / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва: Наука, 1971. – 291 с.
2. Романенко С.М. Авторская позиция как структурообразующий элемент жанра комедии А.П. Чехова "Чайка" // Проблемы литературных жанров: Материалы IX междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Том. гос. ун-та, 8-10 дек. 1998 г. / [Редкол.: А. С. Янушкевич (отв. ред.) и др.]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
3. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. – М.: Наука, 1978. EDN: VNNSXB.
4. Доманский Ю.В. Чеховская ремарка: некоторые наблюдения: Монография. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2014. EDN: SCGJIL.
5. Катаев В.Б. Жанровая природа пьес // А.П. Чехов. Энциклопедия. – М., 2010.
6. Зингерман Б. Театр Чехова и его мировое значение. – М., 1988.
7. Ищук-Фадеева Н.И. "Вишневый сад" как документ культуры покаяния // Культура. – 1994. – 4 июня.
8. Аверинцев С.С. От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. – М., 1993.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи является специфика комического в ремарках пьес А.П. Чехова, особенности авторской позиции драматурга и способы её выражения через ремарки. Автор работы исследует механизмы создания комического эффекта в произведениях А.П. Чехова, уделяя особое внимание роли ремарок в раскрытии характеров персонажей и авторской позиции. Методология исследования базируется на комплексном анализе драматургических произведений А.П. Чехова с привлечением работ известных литературоведов (А.П. Чудакова, С. М. Романенко, Ю.В. Доманского и др.). Автор использует методы сравнительного анализа, текстологического исследования, литературоведческого комментирования, интерпретации художественных образов.

Актуальность работы обусловлена тем, что творчество А.П. Чехова до сих пор вызывает живой научный интерес. Исследование особенностей комического в драматургии классика позволяет глубже понять эстетику его произведений и специфику авторского стиля.

Научная новизна заключается в детальном анализе роли ремарок в создании комического эффекта, выявлении особенностей авторской позиции А.П. Чехова и её трансформации в разные периоды творчества. Автор предлагает оригинальную трактовку известных пьес «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишнёвый сад».

Стиль изложения научный, но при этом доступный для понимания даже неспециализированной аудиторией. Автор умело сочетает академичность с образностью языка, что делает текст живым и увлекательным.

Структура статьи логична и последовательна. Работа выстроена от общего

(рассмотрение авторской позиции А.П. Чехова) к частному (анализ конкретных ремарок в пьесах). Каждый раздел плавно перетекает в следующий, сохраняя единую нить повествования.

Содержание статьи богато аналитическим материалом. Автор подробно разбирает различные аспекты комического в пьесах А.П. Чехова, уделяя особое внимание особенностям авторской позиции, роли ремарок в создании комического эффекта, символике и подтексту произведений, взаимодействию комического и трагического начал.

Библиография состоит из 8 источников, представлена широким кругом авторитетных источников, включающих работы известных литературоведов и полное собрание сочинений А.П. Чехова.

Апелляция к оппонентам прослеживается через анализ и цитирование работ других исследователей творчества А.П. Чехова. Автор грамотно учитывает различные точки зрения и предлагает собственную интерпретацию.

Выводы статьи аргументированы и не вызывают особых сомнений. Автор убедительно доказал, что А.П. Чехов стремится к объективному изображению персонажей, ремарки играют ключевую роль в создании комического эффекта, комическое в пьесах А.П. Чехова тесно переплетается с трагическим.

Рецензируемая статья будет интересна широкому кругу читателей, в том числе литературоведам, студентам филологических факультетов, театральным критикам, всем, кто интересуется творчеством А.П. Чехова.

В целом статья представляет собой серьёзное научное исследование, выполненное на высоком профессиональном уровне. Работа вносит значимый вклад в изучение творчества А.П. Чехова и может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Глазкова М.М. Топосы «дом», «дорога» («путь»), «сад» в романах М. А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.73261 EDN: CYQTZI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73261

Топосы «дом», «дорога» («путь»), «сад» в романах М. А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам»

Глазкова Марина Михайловна

ORCID: 0000-0003-0518-9896

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Русский язык и общеобразовательные дисциплины", Тамбовский государственный технический университет

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 106

✉ rusfilol37@mail.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.73261

EDN:

CYQTZI

Дата направления статьи в редакцию:

05-02-2025

Аннотация: В данной статье предметом исследования выступают такие топосы, как «дом», «дорога» («путь»), «сад», которые встречаются в романах Михаила Алексеевича Кузмина. В качестве объектов анализа взяты два произведения этого автора – романы «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам». Цель исследования заключается в выявлении уникальных характеристик и функций данных топосов в художественных пространствах произведений М.А. Кузмина. Автор статьи обозначает спектр задач: определить дефиницию термина топос, выявить его структурные особенности, обосновать статус рассматриваемых пространственных образов в рамках топологической концепции, определить смысловую наполненность топосов «дом», «дорога» («путь»), «сад», а также

определить их функции в контексте произведений М.А. Кузмина. Методологический инструментарий составили структурно-семиотический, мифологический и культурно-исторический методы, которые позволили описать структурные и семантические особенности топосов «дом», «дорога» («путь»), «сад», их роль на реальном, перцептуальном и концептуальном уровнях художественного пространства. Новизна исследования заключается в использовании топологического подхода в анализе произведений М.А. Кузмина с условием выявления структуры каждого топоса, установления инвариантно-вариантных отношений между элементами ментально-семантических сетей, определение их функций. Изучение романов в аспекте типологии обнаруживает специфику авторского нарратива, проявляющуюся в изображении жизни через ряд оппозиций: противопоставлений частного и публичного пространства, семейного и социального, отдыха и труда. Эти пространства, объективируясь в исследуемых топосах, образуют сложную систему отношений, организуют целостность произведения; выявляют концепцию писателя, аспектуальные и субъективно-модальные черты, формирующие идиостиль писателя. Автор статьи приходит к следующим выводам. Теоретическую базу исследования составляют бинарность природы топоса как структурной единицы хронотопа и разновидности художественного образа; структура топоса, включающая в себя сеть локусов и подлокусов; изменение статуса лексемы (топос/локус) в зависимости от фокуса её рассмотрения. Топосы «дом», «дорога» («путь»), «сад» являются базовыми пространственными образами в поэтике романов, представляя собой источник важнейших для их сюжетов архетипических мифопорождающих мотивов, а также местами разворачивания глубинных смыслов, выполняют функцию характеристики образов, выявляют спектр проблем и авторский замысел.

Ключевые слова:

архетипический топос, универсальная категория, пространственные образы, мифологема, структура топоса, изменение статуса лексемы, бинарная природа, культурный код, аксиологические ценности, топологический подход

Интерес современных исследователей к организации пространственных отношений в художественном тексте объясняется тем, что пространство, являясь универсальной категорией человеческого мышления, представляет собой важнейший элемент в сознании национальной или индивидуально-авторской картины мира. Определить структуру пространственной модели в художественном тексте позволяет пространственный анализ его уровней: образного, направленного на изучение «семантики ключевых образов»; жанрово-родового, связанного с особенностями «родо- и жанромоделирующей функции пространства»; стилевого, предполагающего «обнаружение общего в изображении художественного пространства в литературе конкретного периода» [\[1, с. 59\]](#).

Данное исследование посвящено анализу пространственных отношений в произведении с точки зрения выявления, объективации и функционирования доминантных пространственных образов, актуальными из которых являются топосы и локусы.

Топос – «1. В риторике – отвлеченное рассуждение, <...> заранее подобранное доказательство, <...> стереотипный, клишированный образ, мотив ...» [\[2, стб. 1076\]](#).

Топологическая проблема была обозначена Курциусом в работе «Европейская

литература и латинское Средневековье», в которой автор указывает на обретение топосами универсального характера, их экстраполяцию из сферы риторики на сферу литературы, уподобляя их литературной реминисценции, отмечая временное и пространственное всеприсутствие, подмечает, что топосы «стали играть роль клише, повсеместно применяемых в литературе, они распространились на все сферы жизни, затронутые и сформированные литературой» [\[3, с. 157\]](#).

Курциус актуализирует топос литературный, выполняющий образную функцию, имеющий интенционально ключевой характер применительно к разным жанрам и литературно-культурным стилям. Говоря об иллюзорности авторской оригинальности, которая оборачивается модифицированной традиционной формулой, он раскрывает концептуальную суть смысла топоса в художественном тексте: топологическая репрезентация связана с семиотическим кодом определённой культуры, референтной ситуацией, неоднородностью художественного пространства. Такой традиции понимания литературных топосов следовали многие западноевропейские учёные: У. Шмидт-Биггеман, Х. Лаусберг, Р. Грубель, Р. Бахе, Р. Николози, Р. Лахманн и др.

В классическом литературоведении топосы понимаются как повторяющиеся в системе творчества писателя или культур «формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики» [\[4, с. 127\]](#); «цитата, воспроизводящаяся целым комплексом текстов, которая формирует общее семантическое поле высказывания» [\[5, с. 278\]](#); как значимое для художественного текста «место разворачивания смыслов», сопрягающееся с реальным пространством, и одновременно «"общее место", набор устойчивых речевых формул, <...> проблем и сюжетов, характерных для национальных культур» [\[6, с. 89\]](#). З. Хайнади, заимствуя у Курциуса мысль об универсальности топосов, тем самым напоминая архетипы, предлагает термин «архетипические топосы» - «хранящиеся в коллективном подсознании человечества мифологические извечные образы», функционирующие в литературе «универсальные понятия» [\[7, с. 71\]](#). В этом качестве топосы обуславливают «рецепцию художественного произведения "чужим" культурным сознанием» [\[8, с. 29\]](#). Таким образом, бинарность топоса представляет его как структурный компонент хронотопа, являющегося, с одной стороны, «местом действия», пространства («топос дома», «топос природы») [\[9, с. 5\]](#), с другой стороны, как «образную универсалию» [\[4, с. 128\]](#).

Рассмотрение топоса в предметном аспекте позволяет говорить о том, что в основе топоса находится разветвлённая парадигма пространственных образов – локусов. Термин локус введён в литературу М.Ю. Лотманом для дифференциации общего, открытого и конкретного, закрытого пространства; для обозначения «приуроченности персонажа к функциональному полю его действия» [\[10, с. 10\]](#). Локус – ограниченное пространство, референтно соотносящееся с реальностью. Статус одного и того же пространственного образа может переосмысливаться в связи с его квалификацией инварианта/варианта, архетипичных пространственных образов/конкретных мест с «превалирующими в тексте денотативно-референциальными отсылками» в их описании [\[6, с. 88\]](#).

Наиболее важное место в организации художественного мира изучаемых нами романов имеют пространственные образы «дом», «дорога» («путь») и «сад». Образ «дом», обладающий атемпоральностью, универсальностью, является наиболее значимым архетипом в литературе и искусстве. Эта мифологема, включая концептуальные смыслы, связанные с самоидентификацией, аксиологическими ценностями, отражением

нравственно-бытовой сути проживающего в доме, и мира внешнего, с разграничением пространства на своё и чужое, с оберегающей функцией дома, сохраняет свой экзистенциальный характер и участвует в создании авторской картины мира» [\[11, с. 212\]](#).

Оба произведения М. А. Кузмина открываются характеристикой дома. Несмотря на то, что для протагонистов это не абсолютно «своё» пространство, оно может быть обозначено как «дом», в котором герои обрели безопасность, защиту, имели возможность самовыражения. Воспитатели заботились о них и старались влиять на их будущее в соответствии со своими представлениями о счастье. «Дом» в романах – образ порядка, который противостоит внешнему хаосу.

Пространство дома, в котором вырос Эме Лебеф, в значительной мере можно определить как идиллическое. Его обитатели трудятся, для них выше всего семейные ценности. Их мирок узок, неподвижен, но благопристроен. Герою этот образ жизни кажется скучным. «Всю жизнь думать о товаре, о покупателях, весь день, да ещё такой жаркий, сидеть в тёмной лавке, ничего не видеть, никуда не ездить...», – представляет он открывающееся перед ним будущее [\[12, с. 333\]](#). Кроме дома, где он живёт, и лавки, где трудится, топос «дом» включает и объекты природного мира: локусы «лужайку» и «пруд». Для главного героя они не делают этот мир менее будничным. В описании последовавших после ужина с гостями развлечений в одном ряду названы «пруд» и «канава», «луна» и «гуси». Эме вспоминает: «... перед ужином на лужайке, которая ведет к пруду, мы играли в жмурки: мадмуазель Бланш, гости, Онорэ и я. Были уже сумерки, и заря бледнела за липами, тогда как над прудом уже серебрился месяц, и гуси, ещё не загнанные домой, громкими криками отвечали нашей резвости». «Попались, господин Эме! Вот где настигла Вас, и то случайно, свалившись в эту канаву и выйдя, не видя, на другую сторону!» – кричит Роза, хватая Эме за рукав, в тот момент, когда он читает записку от Луизы [\[12, с. 333\]](#).

Несколько иным предстает дом *м-ме* Томбель. От улицы его отделяет сад с осенними розами. Эме, выйдя из своей скромной мастерской, где царил полумрак, остановился, чтобы полюбоваться домом. Это было здание с черепичной крышей, которое выделялось среди прочих своими аккуратными линиями и ухоженностью. Длинный каменный забор тянулся вдоль улицы, словно охраняя этот островок уюта от суеты города. Дом был единственным крашеным зданием во всём городке, и его яркость привлекала взгляды прохожих. Этими деталями подчеркивается особенное положение фамилии Томбель в городе. С домом *м-ме* Томбель связаны любовные приключения Эме Лебефа. Сюда однажды поздно вечером он является на свидание с Луизой. Пространство дома освещено только проникающим через окна светом «одиноких звёзд». Комната, где он ожидает Луизу, описывается предельно скупой: Эме замечает в ней лёгкие ширмы, ещё дымящиеся свечи на музыкальном инструменте, ночник. Подробнее сообщается о звуках: звучащий далёкий клавесин, часы «где-то пробили восемь, им отвечали глухо вдали другие, тонко прозвенела восемь раз и бронзовая пастушка перед зеркалом» [\[12, с. 334\]](#). Внутренность дома представлена цветовыми и звуковыми образами. Все эти признаки дома *м-ме* Томбель позволяют судить о том, что он принадлежит людям, занимающим привилегированное положение в городе. Однако это не означает, что на самом деле интересы обитателей дома выходят за пределы быта. В этом плане примечательно, что наутро после первого свидания герой разглядывает свое отражение в луже. И хотя эта лужа находится в саду, она, скорее всего, является знаком, что героя его связь с Луизой не выведет за пределы обыденного.

Заканчивается же первая часть романа введением мотива дороги, на которой в ветреный день оказывается Эме Лебеф, устремившись за своей любовью в Париж. Он

отказывается от налаженного быта ради любви. Топос «дом» является смысловым центром, вокруг которого вращаются другие образы. Блудный сын покидает дом, где его воспитали. По «знакомой с детства грязной улице в развевающемся от холодного ветра плаще...» [\[12, с. 335\]](#) он отправляется в странствия. Мысленно он ставит рядом «маленькую станцию», на которую направляется, и покидаемый «родной город». С этого момента дорога становится пространством его обитания между короткими остановками в домах в разных городах и странах. Таким образом, все дома являются для него местами временного пристанища (локусы комната в отеле, в котором граф поселяет Луизу де Томбель, или в гостинице в Прадо, комната Колеты, где Эме нашёл приют на ночь после разрыва с Луизой, дом герцога, к которому определился на службу Эме, и так далее). Как правило, герой описывает места своего временного обитания предельно сжато и лишь в некоторых случаях считает важным сообщить о каких-либо деталях. Во время разговора с Франсуа, который признаётся в решении ограбить отца, образы детально актуализируются: это случилось в «верхнем этаже» дома, «на окне лестницы», откуда были видны «красные крыши более низких построек, кусочек Сены, по синей воде которой быстро двигались паруса лодок, надуваемые сильным ветром, сероватый ряд домов на противоположном зелёном берегу и стаи птиц, носящихся с криком по безоблачному небу» [\[12, с. 340-341\]](#). Впервые за длительное время после отъезда из родного дома в Париж вслед за Луизой де Томбель герой обращает внимание на пространство, находящееся за пределами жилья. И эта разомкнутость границ мира, открывшегося его взору, является знаком приближения важных перемен в его жизни, началом новой вехи в его передвижении по разным городам и странам. Более подробен Эме и в описании дома Амброзиуса. Возможно, это объясняется тем, что для героя в нем открывается иной образ жизни – здесь его пытаются приобщить к постижению тайн природы и человеческой психики. Поэтому ключевыми мотивами в описании дома алхимика и астролога оказываются не только замкнутость и отгороженность от остального пространства города, но и загадочность. Меня, вспоминает Эме, «...провели сквозь ряд, казалось, нетопленных комнат с заколоченными окнами в небольшую комнату, где трещал камин, освещая беглым красноватым огнем темные стены. <...>. Из шкапа, который оказался замаскированной дверью, вышла старая женщина со свечой и кувшином вина...» [\[12, с. 349\]](#). Загадочно и поведение дам, прыгнув в лодку к которым, герой спасся. Они лишь к ночи приходят в себя. «Часы, – вспоминает Эме о своем первом вечере в доме Амброзиуса, – пробили десять, обе дамы разом зевнули, стали протирать глаза, как после сна, с удивлением посмотрели на меня, будто что-то вспоминая...» [\[12, с. 349\]](#). Ночь, в которую переходит этот вечер, несёт Эме и его новым знакомым наслаждения. Он сообщает: «...не потушив свечей перед огромным зеркалом за кроватью, мы провели почти без сна эту длинную, но слишком короткую для влюбленных, ночь» [\[12, с. 349\]](#). Эме Лебеф просыпается в той же комнате, что и заснул, и слышит «мужской грубый голос», укоряющий его новых знакомых дам в том, что те отправились в город, имея в доме много помещений «для гулянья...» [\[12, с. 350\]](#). Обстановка комнаты больше не кажется ему загадочной, напротив, она представляется будничной и неопрятной. Эме замечает, что «...жёлтые розы невыметенные валялись на полу, жемчуга лежали на столе, около чашек с дымящимся шоколадом» [\[12, с. 350\]](#). Хотя всё же загадочность сохраняется, поскольку в комнате есть дверь-шкаф, пройдя через которую можно исчезнуть. Если в описании дневного устройства быта обитателей дома преобладает будничность («Меня, – вспоминает Эме, – напоили шоколадом, потом обедом, потом ужином, в промежутках играя на гитаре...» [\[12, с. 350\]](#)), то к ночи появляется таинственность места его пребывания. «Часов около восьми, – записывает герой, – когда <...> мы беседовали с синьориной Бьянкой у открытых дверей шкапа,

она вдруг побледнев, полузакрывает глаза и, сделавшись удивительно похожей на себя, как я её видел в первый вечер, стала говорить тихим голосом с промежутками, тогда как из-за стенки тоже смутно доносились какие-то голоса» [12, с. 350]. Примечательно, что пространство шкафа-двери при этом сохраняет свойства загадочного локуса. Синьорина Катарина уводит Эме из него к окну и призывает молчать. Локус «дом Амброзиуса» маркируется включением его пространства, таинственного, выходящего из плоскости культуры современной ему жизни, в пространство реальное.

Это сочетание обыденности и загадочности происходящего в доме сохраняется на протяжении неопределенного отрезка времени, что следует из открывающей двенадцатую главу третьей части романа фразы: «Однажды утром синьор Амброзиус, велевши мне одеться, приказал следовать за ним в ближайшую церковь» [12, с. 350]. Эта фраза прерывает описание состояния изначальной заданности и неподвижности образа жизни героя в новом для него жилище и дает установку на наступление перемен, вносит движение в его существование. В «полутёмной церкви с немногочисленными богомольцами» герой подчиняется атмосфере, возвышающей его чувства и настраивающей на мысли о вечном. Это передано оппозицией: «продолжительный комнатный затвор <...> церковь, алтарь, где горела неугасимая лампада» [12, с. 350]. В обстановке, противопоставленной дому с его обыденностью, он дает клятву хранить тайну. После этого таинственное пространство в доме Амброзиуса превращается для него в «свое». Ему становится доступной небольшая темная комната, «вроде чулана» с цепью «колёс, рычагов, стержней», соединенная с соседним помещением. Он узнает, что Амброзиус изобретал *Perpetuum Mobile*, а также пытался усовершенствовать человечество. Всё это переводит происходящее с Эме Лебефом на новый уровень: после предельно связанных с бытом встреч и событий для него открывается возможность приблизиться к тайнам ясновидения и магнетизма, астрологии, алхимии. И здесь писатель использует инверсию. Только теперь Эме становится понятным происходившее с сеньорами Бьянкой и Катариной. Однако то, как герой описывает свои занятия после разрешения всех загадок, дает основания судить о том, что принципиальных перемен с ним не произошло: общение с дамами, вращение аппарата Амброзиуса, требующее от него только физических усилий, и чтение Великого Альберта перечисляются им как занятия одного рода. Так в дальнейшем и происходит, когда он, став советником одного из немецких герцогов, по сути остается тем же мошенником, каким был, разыгрывая роль кузена синьорины Паски. И пространство его пребывания изменяется лишь внешне: оно роскошно, но при этом не менее отчуждено от большого мира, чем предыдущие «дома» Эме Лебефа. Да и сам герой остается частным лицом.

В «Путешествии сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» топоним «дом» имеет более широкий смысл. Это дом его дяди, в котором он провел первые девятнадцать лет своей жизни. Поскольку в описании дома указывается на наличие «изрядной библиотеки», ясно, что это пространство жизни образованного человека, принадлежащего к привилегированному сословию. Оно не лишено и доли эстетического: во дворе есть не только «небольшой огород», но и «несколько рядов роз», а из окон второго этажа видны «порт и суда» [12, с. 397]. В конце первой главы образ дома дополняется описанием комнаты, в которой жил герой: «голландские тюльпаны на окне, шкаф, стол, где лежал раскрытый Сенека, постель с пологом, полки, висевшее платье» [12, с. 398]. Домом (в значении не только строения, но и устройства жизни его обитателей) определен довольно широкий круг интересов Джона Фирфакса: это книги Вергилия и Сенеки, верховая езда, море, порт. После того, как жажда свободы и путешествий в герое оказывают верх, он покидает дом и отправляется в путь. Во время

странствий он пребывает в различных домах. Одни представляют для него опасность (мнимые родители Жакелины выдают чужой дом за свой); другие являются местом его неволи (имения турок в Смирне и Стамбуле или же деревня туземцев, захвативших потерпевших кораблекрушение героев в плен). Но только в «Путешествии сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» топос «дом» имеет значение «малой родины», которое ему традиционно присуще. По словам Гастона Башляра, подходящего к анализу этого объекта пространства с феноменологических позиций, то есть исходящего из анализа той точки зрения, которая формируется в воспринимающем пространстве сознания индивида, образ дома «...представляет топографию нашей глубинной сущности» [\[13, с. 16\]](#). Это, пишет Г. Башляр, «... наш уголок мира», «наш первомир» [\[13, с. 18\]](#). Джону Фирфаксу во время его странствий всё чаще в воображении начинает видеться Портсмут, и он горестно спрашивает себя, о том ли он мечтал, представляя свое путешествие. В произведении воссоздается субъективное восприятие времени и пространства: далекое герою представляется близким, а то, что происходило давно, он помнит лучше, чем недавние события, поскольку пытается вытеснить их из памяти. Направляясь из Стамбула в Дамаск, он признается: «И странно, что жизнь в Портсмуте я гораздо лучше помнил, чем Смирну и особенно Константинополь, от пребывания в котором у меня остались лишь смутные и тревожащие воспоминания» [\[12, с. 416\]](#). Поэтому возвращение домой становится для Джона Фирфакса главной целью. Здесь, в окружении друзей, у камина в столовой, он вспоминает о своих приключениях. И по-прежнему на его столе лежит книга с изречениями Сенеки, хотя теперь и открытая на «более утешительном изречении» для него, а у ног – старый верный пес Нерон (примечательно, что собаку в доме, где вырос Эме Лебеф, звали так же).

«Дом» и «дорога» («путь») – это, по словам Л. Ю. Фуксона, «исходные пространственные структуры или топологические формы бытия человека в мире», «универсальные пространственные архетипы, основные варианты организации художественного пространства, к которым тяготеют все топологические детали произведения» [\[14, с. 10\]](#). Причем исследователь обозначил два возможных истолкования соотношения этих «пространственных архетипов». «Если образ дома, – пишет он, – призван показывать ошибочность пути, то возникает тип героя-бродяги – блудного сына, ушедшего от истинных ценностей ради ложных, а затем – понявшего их и раскаявшегося». Это относится, например, к роману Даниеля Дефо «Робинзон Крузо», на который мог ориентироваться М.А. Кузмин, создавая «Путешествие сэра Джона Фирфакса...», поскольку в нем тесно переплетены авантюрное повествование и признаки путешествия. Начиная свои записки, герой Дефо признается, что почти сразу, оказавшись вдали от дома на корабле отца своего приятеля, он начал терзаться угрызениями совести и давать себе клятвы, что, если ему удастся избежать гибели во время бури, он вернется домой и будет следовать отцовским советам. И далее он непосредственно сравнивает себя с блудным сыном, сожалея, что не прислушался к увещаниям родителей. «Почему мне не пришло тогда в голову вернуться в Гулль, в родительский дом! Как бы я был счастлив! – восклицает он с горечью. – Наверно, отец, как в евангельской притче, заколол бы для меня откормленного тельца, но он узнал о моем спасении лишь много времени спустя после того, как до него дошла весть, что судно, на котором я вышел из Гулля, погибло на Ярмутском рейде» [\[15, с. 18\]](#). И ещё неоднократно Робинзон Крузо выразит сожаление по поводу своего упорства в подчинении собственным решениям, а не воле отца.

Л. Ю. Фуксон отмечает также и противоположный вариант. В таком случае образ пути «выявляет ложность домоседства», и в произведении возникает «картина жизни как

застоя» [\[14, с. 11\]](#). Эти варианты интерпретации представляются крайностями, если вести речь об исследуемых нами произведениях М. А. Кузмина. Для Эме Лебефа, как и для сэра Джона Фирфакса, дом, в котором они выросли, представляет собой пространство застоя, неподвижности, однако и путь, который перед ними открывается, полон ошибок и опасностей. Не раз Джон Фирфакс вспомнит Портсмут, сожалея о положении, в котором оказался. А в ложности любви Луизы де Томбель, ради которой он покинул дом, Эме Лебеф убеждается ещё быстрее. Однако при этом сэр Джон Фирфакс не считает свой путь ошибочным, хотя он в конечном итоге подобно блудному сыну возвращается домой. Путешествие раскрыло в нём ресурсы его личности: его способность быть верным, честным, отважным. В то же время оно помогло ему понять, что он не является исключительной личностью. На пути ему повстречались люди, которым были доступны сферы непознанного. Они так и остались для него загадкой. И, наконец, именно в процессе странствий он обрёл представление о том, что составляет стержень его существования, насколько важна для него связь с родом. Что касается Эме Лебефа, то он, хотя и уподобляется блудному сыну, покидающему дом, в котором его ожидали покой и бытовое благополучие, тем более не склонен признать ошибкой свой уход, ни разу не сожалеет о нём. Роман об Эме Лебефе заканчивается его подготовкой к дороге к новой вехе в своей судьбе. Хотя нельзя исключить и возможность трагического финала его судьбы. Именно о таком завершении истории Эме Лебефа писал С. Ауслендер, который увидел в «напряженной в одном порыве к бесконечному наслаждению» жизни героя протест «индивидуализма против общественных идеалов надвигающейся революции» [\[16, с. 31\]](#).

Ещё один важный для художественного мира романов М. А. Кузмина топос, «сад», соединяет в себе естественное, природное и культурное, творчески преобразованное человеком. Это «кусочек организованной географии среди невозделанного пространства, несколько обособленный от природы», который создан «ради наслаждения» [\[17, с. 163\]](#). В произведениях искусства образ сада многозначен. Золтан Хайнади в работе о «Вишнёвом саде» А. П. Чехова интерпретирует топос «сад» как архетипический и амбивалентный в своем значении. С одной стороны, сад соотнесен с Раем, представляет собой «идеальное место пребывания, соответствующее завоеванному культурному пространству». С другой стороны, это место грехопадения. Близкое толкование значения образа сада содержится и в статье Е. Дмитриевой «Запах в усадьбе». Сад, пишет она, «заставляет нас воспринимать окружающий мир по горизонтали, вынуждая отправиться на поиски самих себя и тем самым возвращая к нашим истокам. Одним из таких истоков естественно оказывается Эдем – общая и, увы, утраченная прародина человечества. Питаться запахами, нематериальной пищей, не имеющей ничего общего с нашей телесностью, – именно так представляется жизнь ангелов» [\[18, с. 135\]](#). Подчеркивая, насколько важное место в этом топосе принадлежит запахам, исследовательница замечает, что они увеличивают ощущение защищённости, содействуют обольщению. И в качестве одного из примеров приводит книгу Уильяма Чемберса «Рассуждение о восточном садоводстве», где он писал «о возбуждающих эротические желания клумбах жасмина, виноградника, роз в китайских садах» [\[18, с. 137\]](#). В подобном аспекте – замкнутость и связь с эротическими желаниями – представлен сад и в произведениях М. А. Кузмина. В его стихах «Ах, наш сад, наш виноградник надо чаще поливать...» (1908) ключевыми являются образы «садика укромного», в котором «есть цветы и виноград», манящая прохожего калитка «меж кустами» – все то, что должно дарить радость сердцу. В первом из рассмотренных нами романов М. А. Кузмина пространством, связанным со скрывающимися от чужих глаз любовными утехами, являются

два сада: в доме г-жи де Томбель (через него Эме Лебеф проходил, направляясь на тайные свидания с Луизой) и тот сад в Париже, в котором находился отель (граф поселил в нем Луизу, чтобы скрывать свои встречи с нею). Поэтому не случайна деталь: отель был расположен в «густом саду» [\[12, с. 335\]](#). В данном случае сообщение о густоте сада перекликается с указанием на то, что Луиза поселила Эме в комнате в мансарде, соединенной с её спальней потайной лестницей.

Мотив замкнутости и связи с эротическими наслаждениями присутствует и в описании сада «толстого турка», где трудился сэр Джон Фирфакс. Он описан подробно. Причем, как это и свойственно произведениям, принадлежащим жанру путешествий, герой-наблюдатель сравнивает знакомые ему сады (сад-парк в Англии) с новым для него садом в Турции.

Джон отмечает большую привязанность сада Сеида к быту (он напоминает «ягодный огород»), а также его наполненность цветами с сильным сладким запахом: «... я бы назвал его скорее цветником или ягодным огородом. Между правильно посаженными дорожками росли лишь цветочные кусты и низкие, редко посаженные деревца, тогда как высокие и тенистые деревья были отнесены все в один угол, образуя небольшую, но темную рощу; правильно же проведенные канавы были выложены цветными камушками, и чистая вода с приятным журчанием сбегала вниз, где у самой стены был вырыт квадратный пруд, облицованный кремнистым камнем. <...> Кроме нарциссов, гиацинтов, тюльпанов и лилий, в саду было множество роз всевозможных сортов и оттенков, от белых, как снег, до черных, как запекшаяся кровь; <...> у меня кружилась голова от смешанного и сладкого запаха». «В саду, – продолжает он, – было три открытые беседки и два павильона с комнатками: <...> хозяин иногда приходил туда играть в шахматы с пожилыми гостями. В кипарисовой роще стояла белая колонна с чалмой, как ставят на мусульманских могилах, но никого похоронено там не было, и фальшивый памятник лишь придавал приятную грусть тёмной купе печальных деревьев» [\[12, с. 406\]](#). Охарактеризовав «музу садоводства», придуманную англичанином Горацио Уолполом в XVIII веке как «наиболее многоречивую и многоязычную», Д. С. Лихачёв писал о том, что «в садовом искусстве есть значения всех характеров» [\[19, с. 10\]](#). Истинный сад, по словам учёного, «должен удовлетворять всем человеческим чувствам: не только зрению, но и вкусу (откуда необходимость и плодово-ягодных растений в саду), слуху (отсюда забота о птицах, шумящих водопадах, золотых арфах, садовых концертах), обонянию (поэтому постоянное то более, то менее настойчивое требование сажать душистые цветы, душистые травы, цветущие деревья и кустарники), ощущениям (стремление к удовлетворению последнего выражалось в садах наиболее сложно: нужно было учитывать перемены погоды, сезонные перемены, необходимости прогулок и пр. – так, чтобы всё это доставляло человеку в саду наибольшее наслаждение)» [\[19, с. 18\]](#). Руководствуясь этим замечанием Д. С. Лихачёва, попытаемся определить, какое значение заложено в описании сада, где трудился сэр Джон Фирфакс, о каком микромире в его идеальном выражении может идти речь.

Не вызывает сомнения, что Сеид старательно моделировал пространство своего сада. В нем сочетаются «правильность» («между правильно проложенными дорожками...», «правильно ... проведенные канавы»), которая является знаком покоренной человеком природы, и природная «неуправляемость» («небольшая, но темная роща»); утилитарное (герой именует это сад «ягодным огородом») и «вечное». О вечности напоминает кипарисовая роща и фальшивый памятник в ней. Во-первых, сам по себе кипарис является символом печали, деревом, которое сажают на кладбище (по легенде в кипарис богами был по его собственной просьбе превращен юноша, случайно убивший

своего любимца оленя). В-вторых, установленная в роще колонна [\[12, с. 405\]](#). С одной стороны, всё в саду Сеида располагает к неге и наслаждениям (запах цветов, от которого у героя кружится голова, квадратный пруд, где купаются его жёны). С другой стороны, это пространство, где он предаётся размышлениям и игре с друзьями в шахматы. Для самого Джона Фирфакса сад Сеида – это и место его работы, и своего рода Эдемский сад до грехопадения. Ведь проступок, за который он был наказан господином, заключается в том, что он попытался бежать вместе с одной из его жён. Но, в отличие от библейской истории, во-первых, из сада были изгнаны только сэр Джон и Жак, а, во-вторых, что, пожалуй, ещё более важно, его отношения с Фаризадой были самыми невинными, как до грехопадения Адама и Евы. «Детская нежность, игры, танцы, поцелуи, объятия – вот всё, что позволяла себе по отношению ко мне дикая девочка; я же не добивался большего, не будучи слишком увлечён и уважая в ней чужую жену», – вспоминает он [\[12, с. 407\]](#). В определенной степени тем же смыслом наделён тоpos «сад» в истории увлечения Джоном госпожи Нозы. Сначала, ещё только приближаясь к Дамаску, герой обратил внимание на то, что город был расположен «в цветущем саду, орошаемом сотнею ручьёв и речек» [\[12, с. 417\]](#). Здесь он подвергается любовным притязаниям вдовы, но, как и в саду Сеида, сохраняет свою невинность.

Топос «сад» получает новое значение, когда описывается жизнь героя в Стамбуле. Прежде всего, это сад Алишера, нового господина Джона и Жака. Но его описание в произведении отсутствует. Скорее всего, сад был запущен, как и «всё хозяйство». Тем не менее, этот эпизод из жизни героя, служившего по-прежнему садовником, важен. Именно здесь начинаются события, ставшие началом обретения Джоном и Жаком свободы. Однажды ночью, следуя за Алишером, герой становится свидетелем того, что господин, лишившийся любви султана, решил совершить самоубийство. Джон Фирфакс спасает его. А вскоре обнаруживается, что охлаждение султана к своему приближенному было временным. По случаю «возвращения к блестящей судьбе» Алишер устраивает праздник. Джон Фирфакс решает сделать своему господину подарок. Он задумывает «устроить грядку тюльпанов так, чтобы цветы её составляли начертание начальной буквы имени Алишара...» [\[12, с. 410\]](#). И когда господин во время праздника выходит с гостями на плоскую крышу, он «в изумлении и восторге» обнаруживает, что «там, где вчера был простой зеленый луг, теперь виднелась пестрая нежная буква, каждый завиток которой был разного цвета и ласкал глаза своею прелестью» [\[12, с. 410\]](#). Возможно, Джон, который всё чаще мысленно возвращался к дому в Портсмуте, решил использовать для подарка те цветы, которые напоминали ему о его комнате с голландскими тюльпанами на окне. Но, скорее всего, автор таким образом дает возможность читателю судить, насколько глубоко англичанин Фирфакс проник в суть культуры Турции, несмотря на то, что в этой стране ему пришлось превратиться в раба. Сам М. А. Кузмин серьезно интересовался эмблематикой цветов. Так, в одной из записей в своем дневнике он связывает цветы с определённой страной, для которой они, на его взгляд, наиболее характерны. «Для Франции, – писал он, – роза, для Германии – незабудка и сирень; для Англии – жасмин и шиповник; для Италии – фиалки и левкой, для России, может быть, василек и подсолнечник» [\[20, с. 69\]](#). Решив сделать для Алишара подарок, Джон, проживший в Турции некоторое время и занимавшийся здесь садоводством, использует символику тюльпана, который был любимым цветком правителей Османской империи и одновременно символом идеальной любви. Показательно, что не только спасение им господина от смерти, но и этот подарок возвращают ему статус свободного человека. Подлюкус «цветы» демонстрируют свою способность осуществления рецепции культурной традиции носителем иного культурного

кода, вследствие чего становится возможным спасительное для главного героя общение с его господином.

Иную роль играет в судьбе Джона Фирфакса сад «прекрасной гречанки» - госпожи Стефании. Глава, в которой описываются встречи героя с нею, включает в себя много загадочных и опасных для него событий. Сигналами резкой смены в неподвижном до этого его существовании являются открывающие её начало «однажды» и «вдруг». Таким образом, глава сразу вводит читателя в бурно сменяющиеся одно другое действия. Первый абзац включает множество глаголов, передающих внезапность «диковинного» события, свидетелем которого стал герой. «Однажды, – вспоминает Джон Фирфакс, – когда я стоял со своим лотком на перекрестке двух узких улиц, я видел, как вдруг вся толпа хлынула в боковой переулок, будто стремясь к какому-то диковинному зрелищу. Мальчишки кричали, убегая за угол, женщины, забрав грудных младенцев, туда же, купцы вышли на порог своих лавок, и погонщики тщетно били ревущих ослов. Из переулка же доносились щелканье бичом и крики: «Дорогу, дорогу!». На белой лошади мчалась женщина с глядевшими прямо, «будто не замечая шумной толпы» [\[12, с. 411\]](#), глазами. Вскоре герою удастся обнаружить дом, в котором живёт загадочная красавица. Ключевая его характеристика – замкнутость, отгороженность от большого мира. Несмотря на то, что он находится внутри большого города, дом был окружён «высокою каменною стеною», а также ветвями густых деревьев. Ворота были заколочены «наглухо», калитка закрыта «накрепко». В конечном итоге юноша проникает в её «замкнутый сад» с помощью свешивающейся в углу карниза дубовой ветки. «Сад, – сообщает он, – был не так густ и велик, как казалось снаружи, но около стены было темно, сыро и журчал где-то невидный ручей, в отдалении, на солнечной лужайке, виднелось уже крыльцо какого-то здания» [\[12, с. 412\]](#). Всё это позволяет соотнести пространство, принадлежащее «прекрасной гречанке», со сказочным садом. «Если в лесу находится избушка, лишь по видимости называемая домом (она – антидом или псевдомом), то в саду стоит, как правило, дворец, так сказать, сверхдом», – пишет Е. М. Неёлов, сравнивая лес и сад. Как и герой сказки, Джон Фирфакс с трудом проникает в сад и дом Стефании. «Если лес открыт (герой попадает в него без особых усилий), то сад – закрыт, окружён изгородью, забором, стеной, городом» [\[21, с. 86\]](#). Есть ещё ряд признаков, позволяющих судить о близости сада «прекрасной гречанки» фольклорному. Сад, как и лес, связан с женским началом. Только хозяйкой леса является старуха (Баба-яга), а хозяйкой сада – царевна. Как и в сказке, хозяйкой сада, о котором идет речь в романе М. А. Кузмина, является красавица. Ключевыми в описании её внешности являются цвет волос (рыжий) и глаз («сапфирные»). Как правило, в природе подобное сочетание не встречается. Тем исключительнее облик поразившей героя гречанки. Как и со сказочным садом, с садом госпожи Стефании у М. А. Кузмина связан мотив сна. Причем, как правило, замечает Е. М. Неёлов, «если в лесу сон охватывает героя, попавшего в “опасную зону”, то в саду засыпает не гость, а его хозяйка» [\[21, с. 86\]](#). Стефания в «Путешествии сэра Джона Фирфакса...» не спит, но она отчуждена от реальности. Только выбравшись из сундука, в котором гречанка приказала Джону прятаться от её мужа, и несколько раз обращаясь к ней, он всё же выводит её из забытья. Сначала женщина вскакивает с вопросом, кто её тревожит, затем, «дико» озираясь, кричит: «Кровь, кровь!». Видя её состояние, Джон усаживает её на сундук, растирает похолодевшие руки и пытается её успокоить [\[12, с. 414\]](#).

На первый взгляд, всё в находившемся в глубине сада доме греческого банкира было направлено на защиту от опасных духов. Джон Фирфакс обращает внимание на запахи ладана и аниса, которые, как правило, призваны отпугивать силы тьмы. Однако сама

хозяйка дома больше напоминает колдунью. Как и для любого чужака, оказавшегося в сказочном саду, встреча с ней содержит опасность для Джона. Правда, как и в сказке, ему чудесным образом удается спастись. Джон Фирфакс подвергается смертельной опасности после того, как однажды вечером его вызывает в сад неизвестная женщина с письмом. Примечательно, что речь идёт именно о саде (гречанка приглашает не к себе, не в свой дом, а в сад – «меня вызвали в сад», – вспоминает герой). И дальше уточняет: «я был в доме, или, вернее, в саду прекрасной гречанки, которая приняла меня под открытым небом, будто пренебрегая опасностями» [\[12, с. 414\]](#). Как позже обнаруживается, юноша был избран ею в качестве жертвы. Гречанка привязала, как бы играя, Джона к дубу, а когда старуха, посланная ею, привела «старого бородатого» грека, вложила в руку мужа «длинный кинжал» и потребовала убить юношу. Происходящее в саду Стефании несколько напоминает ситуацию, в которой оказался библейский Иосиф Прекрасный, обвиненный женой Потифара. Однако в итоге наказанию подверглась сама Стефания, которую муж называл колдуньей, вонзив нож в её грудь. Когда Джон перегрыз верёвку, которой был привязан к дереву, и подбежал к умирающей женщине, она его не узнала и только шептала: «Солнце взойдет – милый уйдет. После смерти!... После смерти!...» [\[12, с. 415\]](#). Всё, что случилось с ним в саду «прекрасной гречанки», так и осталось для Джона Фирфакса трагической загадочной историей, после которой он долго не мог прийти в себя. И в этом романе М. Кузмин включает в реальное пространство ирреальное, демонстрирующее неприемлемые для общепринятых норм модели поведения, характерные для другой культуры; пространство, роковым образом меняющее систему отношений, в которых находится протагонист.

Топос «сад», объективирующийся в нескольких локусах, наделён в изученных нами произведениях М. А. Кузмина разными смыслами. Он представляет собой определённые участки мира (места действия – локусы), имеющие такие значения, как уголок, изолированный от остального пространства города, место эротических наслаждений, место памяти об умерших, место магических действий. Топос «сад», эксплицируясь посредством локусов и подлокусов, представляет собой систему испытаний для протагонистов и обнаруживает в них модели поведения, абсолютно разные, сопряженные с контрарными шкалами аксиологических ценностей.

В процессе анализа романов М. А. Кузмина особое внимание следует уделить изучению пространственных образов, среди которых важную роль занимают топосы. Эти образы помогают глубже понять авторский замысел произведения. Центральные позиции в формировании пространственной структуры романов занимают такие топосы, как «дом», «дорога» («путь») и «сад». Они сохраняют национальную ментальность и культурную идентичность, выступая своего рода маркерами культурного контекста. Рассмотрение этих образов через призму концепции топоса возможно благодаря тому, что они соответствуют ключевым характеристикам топологических объектов: абстрактность, универсализм, архетипичность, мифологическая насыщенность и стремление к расширению своих границ.

Концептуальная сущность топосов проявляется в их структурных особенностях, которые представляют собой сложные сети, состоящие из локусов и подлокусов. Один и тот же образ (например, дом, сад) может быть интерпретирован как топос или локус в зависимости от контекста конкретной референтной ситуации. Архетипический топос «дом» включает в себя такие локусы, как «город», «дом» опекуна Эме, соседний «дом», «отели», «комнаты», «дома», которые становятся местами пребывания персонажей, а также природные локусы (такие как «лужайка», «пруд»). В его состав входят подлокусы, среди которых книжный «шкаф», «столы», «кресла» и прочие предметы быта, «кусты»,

«месяц», «гуси».

Топос «дорога» («путь») вербализируется через смену различных локусов, таких как люди, города и природные объекты. Репрезентация топоса «сад» осуществляется с помощью структуры локусов, включающей «сад» госпожи де Томбель, «сад в Париже», «сад толстого турка», «сад-парк в Англии», «сад Алишара» и «сад госпожи Стефании».

Смысловая составляющая топосов «дом» и «сад» позволяет говорить об их включённости в оппозиции свой/чужой, дом/бездомье, естественное/искусственное, нравственный/безнравственный и другие. Названные пространственные образы в сочетании с топосом «дорога» («путь») формируют основу сюжета произведения. Эти образы не только определяют ключевые мотивы повествования – дом, родина, мотив «блудного сына», путешествие, ошибочность выбранного пути, поиск истины, жажда знаний и другие, но также служат инструментом для раскрытия характеров персонажей, являются маркером их поступков и индикатором духовного развития героев в бытийственных рамках осей горизонтали и вертикали.

Библиография

1. Пыхтина Ю. Г. Уровневый анализ пространственных образов и моделей в художественной литературе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 11(211). С. 59-66.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 600 стб.
3. Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье. Т. 1 / пер. с нем., коммент. Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 560 с.
4. Крикливец Е. В. Топос как структурный элемент хронотопа и объект научного исследования (на примере творчества В. Астафьева и В. Козько) // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2013. Т. 16. С. 126-131.
5. Сорокина, Е. А. Топос «Gott starb» в творчестве Леонида Андреева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24, № 3-1. С. 277-285.
6. Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11(49). С. 87-94.
7. Хайнади З. Архитепический топос // Литература. 2004. № 29. С. 7-13.
8. Булгакова А.А. Топика в литературном процессе: пособие. Гродно: ГрГУ, 2008. 107 с.
9. Баевский В.С. К поэтике пространственно-временных отношений у Фета, Блока и Пастернака // Пространство и время в литературе и искусстве. Конец XIX – XX век: метод. материалы по теории литературы. Даугавпилс: Даугавп. пед. ин-т им. Я.Э. Калнберзина, 1987. С. 4-6.
10. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1968. Вып. 209. С. 5-50.
11. Жэнь Т., Нагуманова Э.Ф. Локус дома в романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой» // Филология и культура. 2024. № 3(77). С. 211-217.
12. Кузмин М. Избранные произведения / вступ. ст., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Худож. лит., 1990. 576 с.
13. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с фр. М.: Российская

политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 376 с.

14. Фуксон, Л. Ю. Пространственные архетипы // Сюжетология и сюжетология. 2014. № 1. С. 9-15.

15. Дефо Д. Робинзон Крузо: Роман /пер. с англ. М. Шишмаревой. М.: Художественная литература, 1981. 240 с.

16. Ауслендер С. М. Кузмин. Приключения Эме Лебефа, роман в 4 частях // В мире искусств. 1907. № 7/8. С. 31.

17. Кайуа Р. В глубь фантастического. Отраженные камни / пер. с фр. Н. Кисловой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 280 с.

18. Дмитриева Е. Запахи в усадьбе // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. С. 134-166.

19. Лихачёв Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / изд-е второе, испр. и дополн. СПб.: Наука, 1991. 372 с.

20. Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1998. 416 с.

21. Неёлов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 200 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена топосам «дом», «дорога» («путь»), «сад» в романах М. А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам». Актуальность работы не вызывает сомнения: пространство, будучи важнейшим элементом в сознании национальной или индивидуально-авторской картины мира, фиксируется различными видами знаний и является вместе с категорией времени фундаментальным элементом текстовой организации. Как верно отмечается в представленном материале, «определить структуру пространственной модели в художественном тексте позволяет пространственный анализ его уровней: образного, направленного на изучение «семантики ключевых образов»; жанрово-родового, связанного с особенностями «родо- и жанромоделирующей функции пространства»; стилизового, предполагающего «обнаружение общего в изображении художественного пространства в литературе конкретного периода». В данном исследовании проводится анализ пространственных отношений в художественных произведениях с точки зрения выявления, объективации и функционирования доминантных пространственных образов, актуальными из которых являются топосы и локусы.

Теоретической основой работы выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как Ю. М. Лотман, Ю. Г. Пыхтина, Е. В. Крикливец, В. Ю. Прокофьева, З. Хайнади, В. С. Баевский, Е. М. Неёлов, Л. Ю. Фуксон, Т. Жэнь, Э. Ф. Нагуманова, посвященные категории 'пространство' в художественном преломлении; анализу пространственных образов и моделей; пространственным архетипам; топосу как структурному элементу хронотопа и др. Библиография составляет 21 источник, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, методы социокультурного и интертекстуального анализа; собственно дискурсивный анализ, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) особое внимание уделяют изучению пространственных образов, среди которых важную роль занимают такие топосы, как «дом», «дорога» («путь») и «сад»: «Они сохраняют национальную ментальность и культурную идентичность, выступая своего рода маркерами культурного контекста. Рассмотрение этих образов через призму концепции топоса возможно благодаря тому, что они соответствуют ключевым характеристикам топологических объектов: абстрактность, универсализм, архетипичность, мифологическая насыщенность и стремление к расширению своих границ». Доказывается, что концептуальная сущность топосов проявляется в их структурных особенностях, которые представляют собой сложные сети, состоящие из локусов и подлокусов. Делается обоснованный вывод о том, исследуемые пространственные образы не только определяют ключевые мотивы повествования, но и «служат инструментом для раскрытия характеров персонажей, являются маркером их поступков и индикатором духовного развития героев в бытийственных рамках осей горизонтали и вертикали».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как теория интертекстуальности, когнитивная лингвистика, прагматика; в изучение индивидуально-авторской картины мира М. А. Кузмина. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвистике текста, теории дискурса, стилистике, анализу и интерпретации художественного текста.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Рукопись имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пендельская Е.А. Поэтика невысказанного: художественный мир повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл»
// Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76229 EDN: DFWFLZ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76229

Поэтика невысказанного: художественный мир повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл»

Пендельская Елена Александровна

аспирант, институт национальной культуры и межкультурной коммуникации; Марийский
государственный университет

Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44

✉ elen8080@list.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76229

EDN:

DFWFLZ

Дата направления статьи в редакцию:

12-10-2025

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному литературоведческому анализу русскоязычной повести марийского писателя-билингва второй половины XX века Зинаиды Федоровны Катковой «Адресат выбыл» (1976), которая рассматривается в ней в контексте феномена «тихой прозы» в отечественной литературе 1970-х годов. Научная новизна исследования заключается в первом опыте аналитического прочтения вышеуказанной повести, которая, как, собственно, и всё русскоязычное наследие этого автора, остаётся пока на периферии академического дискурса. Цель работы – выявить и описать целостную художественную систему повести, складывающуюся на пересечении классических традиций русской литературы (И.С. Тургенев, А.П. Чехов и др.) и поэтики советской «камерной» прозы. Конкретным предметом исследования в данной статье является поэтика невысказанного в художественной системе повести «Адресат выбыл». Методологическую основу данного исследования составляет соответствующий цели работы синтез структурно-семантического, историко-генетического и сравнительно-типологического анализа литературного текста. В исследовательской работе доказывается, что доминантными принципами поэтики невысказанного в повести

Зинаиды Катковой «Адресат выбыл» являются ретроспективная композиция, моделирующая работу травмированного сознания; насыщенная символизмом система художественных образов и деталей; а также сюжетообразующая роль подтекста, превращающего умолчание в главный двигатель конфликта (конфликт разворачивается не в плоскости событийных столкновений, а в сфере недосказанности). Отмечается, что художественный мир Зинаиды Катковой существует в интенсивном, сознательно выстраиваемом диалоге с русской классической традицией, что позволяет говорить о глубинной интертекстуальности как важнейшем элементе ее поэтики (о тургеневской парадигме, чеховской поэтике, о явных архетипических элементах, идущих из русской литературы). Определяется место творчества Зинаиды Катковой в литературном процессе эпохи и намечаются некоторые перспективы его дальнейшего изучения. Сделан вывод о том, что повесть «Адреса выбыл» – это глубокое художественное исследование о природе человеческих отношений, о хрупкости взаимопонимания и, в конечном итоге, о возможности искупления и прощения через восстановление разорванной связи, символом которого становится письмо, нашедшее, наконец, своего адресата.

Ключевые слова:

марийская русскоязычная литература, Зинаида Каткова, тихая проза, художественный мир, поэтика невыразимого, художественная деталь, подтекст, ретроспективная композиция, литературная традиция, психологизм

ВВЕДЕНИЕ

Феномен отечественной «тихой прозы» 1970-х годов, при всей его признанной значимости, до сих пор остается областью, где канонизированные имена заслоняют собой богатство и разнообразие литературного ландшафта [см.: 1; 2]. Повесть марийского писателя-билингва Зинаиды Федоровны Катковой «Адресат выбыл», написанная на русском языке и опубликованная в 1976 году в сборнике «Если бы не война», — яркий пример такого «негромкого», но художественно состоятельного высказывания, требующего серьезного филологического осмысления.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью более полной и детализированной реконструкции истории национальных литератур через призму творчества писателей «второго ряда», чья поэтика часто оказывается не менее, а подчас и более репрезентативной для умонастроений эпохи, чем произведения «главных» авторов. В этом смысле требует внимания и творчество транскультурных авторов, являющихся неотъемлемым элементом отечественной литературы второй половины XX века.

Цель статьи — путем детального текстуального анализа выявить законы, по которым строится в повести «Адресат выбыл» художественный мир Зинаиды Катковой, основанный на поэтике невысказанного, и определить его генеалогические связи с магистральными традициями русской классики. Повесть еще ни разу не становилась предметом научного исследования.

Методологическая рамка исследования образуется на стыке нескольких подходов. Структурно-семантический анализ (Ю.М. Лотман [\[3\]](#), В.Н. Топоров [\[4\]](#)) позволяет

рассмотреть повесть как целостную, иерархически организованную систему смыслов. Историко-генетический и сравнительно-типологический методы (А.Н. Веселовский [\[5\]](#)) дают возможность выявить диалог Зинаиды Катковой с предшествующей литературной традицией. Теории символа А.Ф. Лосева [\[6\]](#) и художественной детали Л.Я. Гинзбург [\[7\]](#) и концепция «подтекста» А.П. Чудакова [\[8\]](#) служат инструментами для проникновения в глубинные слои психологизма марийского русскоязычного прозаика.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЯ

Поэтика невысказанного – это своеобразная форма представления «психологии героя» (его внутреннего мира, внутренней жизни, внутреннего состояния). Принято считать, что приёмами, используемыми для раскрытия невысказанного, являются подтекст, невербальные сигналы (мимика, жесты, внешние движения – «внутренние жесты»), «поток сознания», передающий мысли и переживания персонажа в их ассоциативной связи, особенности речи и манеры общения с окружающими людьми, конкретные поступки героя, приметы вещного и природного мира, сообщающие о настроении персонажа и т.д. В.Р. Аминева, анализируя повесть А. Еники «Невысказанное завещание», акцентирует внимание на таких средствах «замещенной речи», как внутренний монолог персонажа, а также завещание, написанное матерью и обращенное к детям («В этом взволнованном обращении к детям с наибольшей силой выразилась активность душевного строя героини» [\[9, с. 14\]](#)). Е.Ф. Гладкая подробно описывает языковые маркеры невербализированных смыслов в литературных текстах [\[10\]](#). Несмотря на актуальность поэтики невысказанного (постоянное акцентирование внимания при аналитическом рассмотрении литературных текстов на поэтике психологизма, подтекста [\[11; 12; 13 и др.\]](#)), специальных исследований по данной теме в последние годы почти нет.

В повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл» мы выделим в качестве ключевых и проанализируем следующие составляющие её поэтики невысказанного: ретроспективная композиция, художественные детали с психологической функцией, паузы и символика умолчания, подтекст и письмо со непростым «путем» к своему адресату.

1. Ретроспективная композиция как модель травмированного сознания

Пространственно-временная организация повести «Адресат выбыл» подчинена не хронологическому, а психологическому принципу, что сразу же относит поэтику Зинаиды Катковой к числу явлений, ориентированных на исследование внутреннего мира человека. Композиция повести выстроена по принципу «рассказа в рассказе», где настоящее время служит тонкой, прозрачной калькой, сквозь которую проступает густая, насыщенная событийностью и аффектом ткань прошлого.

В разговорах со случайной знакомой, оказавшейся землячкой, Сергей Степанович вспоминает свою жизнь с Марийкой...

Настоящее героя, локализованное на южном курорте, семиотически маркировано как зона отчуждения и застоя. Это пространство временности, лишённое подлинной истории и глубины, топографический эквивалент духовной опустошенности. В радикальном противопоставлении ему прошлое, даже будучи источником неизбывной боли, обладает качеством подлинности, экзистенциальной полноты и интенсивности бытия.

Подобная архитекtonика порождает эффект, который можно определить как «**двойное**

зрение» нарратива. События минувшего даны читателю не в их объективной данности, а исключительно в их субъективном, преломленном через призму памяти, отягощенной виной и раскаянием, восприятии. Прошрое у Зинаиды Катковой — это не архив, а незаживающая рана, и ретроспекция становится не просто композиционным приемом, а формой существования **травмированного сознания**, для которого единственной реальностью остается утраченное время. Фрагментарность воспоминаний, их ассоциативная, а не хронологическая связь, точно воспроизводит самую механику памяти, где логика чувства подменяет собой логику факта.

2. Семиотика детали и символ в структуре художественного мира

Если композиция задает общие рамки художественного мира, то его плоть и кровь — это система деталей, выстроенная Зинаидой Катковой с ювелирной точностью. В ее поэтике деталь никогда не бывает просто описательной; она всегда семиотически насыщена, выступая сгустком смысла, микромоделью всего мироощущения автора. Рассмотрим в этом контексте два разных образа повести «Адресат выбыл», насыщенных символическими смыслами и построенных на семиотике детали.

Один из них – образ Сергея Степановича, с семантикой экзистенциального тупика. Портрет данного главного персонажа конструируется через тщательно отобранный набор лейтмотивных деталей, каждая из которых последовательно наращивает свой символический потенциал.

«Мужчина в светлом, старомодного покроя, костюме... Он опирался на палочку, глаза скрывали темные очки» [\[14, с. 54\]](#).

В этом лаконичном описании заключена целая философская программа. «Тёмные очки» и «трость» из бытовых атрибутов преобразуются в многозначные символы. Очки — это знак не только физической, но и метафизической слепоты, добровольного отказа от видения настоящего и болезненного ухода в себя. Трость семиотически маркирует утрату внутреннего стержня, потребность во внешней опоре, обнажая глубинный надлом и уязвимость личности. «Старомодный костюм» окончательно достраивает образ героя как «человека из прошлого», чья идентичность кристаллизовалась в точке разрыва с жизнью, обрекая его на вечное странничество в чуждом ему настоящем.

Кульминацией этого портретного ряда становится развернутая метафорика ущербности, достигающая своей вершины в сравнении:

«Он походил на угрюмо нахохлившуюся птицу, которая страстно желает взлететь и не может» [\[14, с. 58\]](#).

Этот образ, генетически восходящий к традициям русского классического реализма, работает на нескольких уровнях одновременно. Он передает физическую скованность и нездоровье («нахохлившись»), душевную подавленность и отрешенность от мира («угрюмо») и, наконец, самую суть экзистенциальной драмы — трагедию нереализованной возможности, паралич воли перед лицом непреодоленного прошлого («не может»).

Второй образ – образ Марийки, выдержанный в поэтике жертвенной стойкости и онтологической правоты.

В противовес рефлексирующему и надломленному персонажу Сергею Степановичу,

образ Марийки строится из принципиально иного художественного материала. Её портрет складывается из деталей, обладающих иконографической ясностью, цельностью и светоносностью:

«Перед глазами неизменно маячили темно-русые косы, зеленоватые глаза и загадочная Марийкина усмешка» [\[14, с. 71\]](#).

«Тёмно-русые косы» (архетипический символ как марийской, так и русской женственности), «зеленоватые глаза» (в культурном коде часто связанные с магией, тайной и жизненной силой) и «загадочная усмешка» создают образ не просто женщины, а личности, чья душевная мощь и внутренняя цельность остаются не до конца проявленными и понятными рефлексирующему сознанию Сергея.

Ключевой для понимания характера героини является деталь её взгляда, лишенного рефлексии и тени вины:

«Жадно смотрела чуть повлажневшими глазами, в которых светилась радость, нежность и – ни капельки неловкости и раскаяния» [\[14, с. 74\]](#).

Это отсутствие «неловкости и раскаяния» создает резкий, почти шокирующий контраст с перманентным самоанализом и чувством вины Сергея, подчеркивая нравственную безупречность и онтологическую правоту Марийки. Её любовь — это не страсть и не рефлексия, а состояние бытия, не нуждающееся в оправданиях. Художественный портрет Марийки сознательно выстраивается Катковой в русле тургеневской традиции «сильных женщин» (Наталья Ласунская, Лиза Калитина), которые оказываются эмоционально и духовно выше рефлексирующего героя-мужчины, способными на жертву, верность и негибаемую стойкость перед лицом жизненных испытаний [\[15\]](#).

3. Грамматика умолчания: подтекст как сюжетообразующий принцип

Центральный конфликт повести Зинаиды Катковой обладает принципиальной особенностью: он разворачивается не в плоскости событийных столкновений, а в сфере недосказанности, в зоне коммуникативного провала. Это конфликт, имеющий не событийную, а сугубо психологическую и речевую природу.

При встрече с Сергеем Степановичем Марийка не говорит ему о том, что дочь его, а он думает о том, кто же может быть её отцом. Своим поведением и отношением он ранит любимую женщину, и она не говорит ему об его отцовстве.

Эта роковая коммуникативная неудача является смысловым и структурным стержнем всей повести. Невысказанное слово «отец» превращается в мощный сюжетообразующий «ноль», смысловую пустоту, вакуум, который засасывает в себя всё повествование, определяя поступки героев, их мимику, их дальнейшие судьбы. Сюжет движется не цепью внешних событий, а их ошибочной интерпретацией, неверным прочтением поведенческих и речевых знаков.

В этом Зинаида Каткова является прямым и глубоким наследником чеховской поэтики с её культом «подводного течения» [\[8\]](#). Как и у А.П. Чехова, главное действие в «Адресате выбыл» происходит не в тексте, а в подтексте, не в произнесенных словах, а в паузах между ними. Молчание, недоговоренность, намеренное умолчание становятся у Зинаиды Катковой мощнейшим художественным приемом, несущим основную смысловую и эмоциональную нагрузку. Гордость, обида, непонимание — всё это остается

невывыказанным, но именно это невывыказанное и становится главным действующим лицом драмы, разводящим героев по разные стороны жизненной пропасти.

4. Диалог с традицией: Тургенев и Чехов как смысловые доминанты

Художественный мир Зинаиды Катковой не автономен; он существует в интенсивном, сознательно выстраиваемом диалоге с русской классической традицией, что позволяет говорить о глубинной интертекстуальности как важнейшем элементе ее поэтики. Выделим некоторые приметы такой интертекстуальности.

- Тургеневская парадигма. Прежде всего, в повести «Адреса выбыл» явственно проступает тургеневское начало. Базовая для отечественной литературы конфигурация «рефлексирующий, "слабый" герой – сильная, волевая героиня» (Сергей Степанович – Марийка) напрямую восходит к классическим тургеневским парам: Рудин – Наталья Ласунская, Лаврецкий – Лиза Калитина [\[15\]](#). Как и у И.А. Тургенева, женщина у Зинаиды Катковой оказывается эмоционально и нравственно сильнее, цельнее мужчины, выступая хранительницей непреходящих ценностей — любви, долга, способности к самопожертвованию. Марийка, как и ее литературные предшественницы, воплощает в себе некий нравственный абсолют, по отношению к которому проверяется и которым оценивается мятущийся мужской характер.

- Чеховская поэтика. Не менее значимо и влияние А.П. Чехова, которое проявляется не в прямых заимствованиях, а в усвоении и творческом переосмыслении фундаментальных принципов его художественной системы. От А.П. Чехова Зинаида Каткова наследует сам принцип «подводного течения», ту особую значимость паузы и умолчания, когда текст существует как бы в двух измерениях — явном и скрытом. «Футлярность» Сергея Степановича, его добровольное заточение в тесном, душном пространстве собственной тоски и воспоминаний — это прямое развитие чеховской антропологии, представленной в таких образах, как Беликов («Человек в футляре») или Иванов. Сквозным для чеховской прозы является и мотив несостоявшейся, «невывыговоренной» жизни, упущенного счастья, который получает у Зинаиды Катковой свое уникальное преломление.

- Тема письма и архетип «адресата». Мотив недописанного, недошедшего, утраченного или опоздавшего письма как судьбоносного элемента сюжета — один из архетипических для всей русской литературы, восходя к «Евгению Онегину» А.С. Пушкина и «Бедным людям» Ф.М. Достоевского. У Зинаиды Катковой этот вечный мотив получает, однако, не трагическое, а жизнеутверждающее, почти сказочное разрешение: письмо, в конечном счете, находит своего «адресата». Это становится символом торжества надежды над отчаянием, коммуникации над непониманием и открывает возможность искупления вины и воссоединения распавшейся связи. Письмо выступает здесь не только как сюжетный элемент, но и как метафора самой памяти и любви, которые, преодолевая время и пространство, продолжают искать путь к сердцу другого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный многоаспектный анализ позволяет с уверенностью утверждать, что художественное своеобразие повести Зинаиды Катковой «Адресат выбыл» определяется сложным и предельно органичным синтезом верности классическим традициям и их

глубоко современного, новаторского переосмысления. Ретроспективная композиция, моделирующая прихотливую и болезненную работу травмированной памяти; тщательно выверенная, символически насыщенная система художественных деталей, заменяющая прямые психологические характеристики; и, наконец, построение всего конфликта на основе чеховского «подтекста», превращающего умолчание в главный двигатель драматургии, — все эти элементы работают в унисон, создавая многомерное, психологически достоверное и философски насыщенное повествование.

Вписывая частную, казалось бы, историю своих героев в широкий контекст русской классической традиции (И.С. Тургенев, А.П. Чехов и др.), Зинаида Каткова не просто её репродуцирует, но творчески актуализирует для художественного исследования фундаментальных, вневременных проблем человеческого существования – вины и ответственности, коммуникативного провала и его разрушительных последствий, памяти как проклятия и как единственного пути к спасению. Её повесть — это не сентиментальная история о несчастной любви, а серьезное и глубокое художественное высказывание о природе человеческих отношений, о хрупкости взаимопонимания и, в конечном итоге, о возможности искупления и прощения через восстановление разорванной связи, символом которого становится письмо, нашедшее, наконец, своего адресата.

Творчество Зинаиды Катковой, к которому лишь начинает привлекаться серьезное академическое внимание, безусловно, заслуживает самого пристального и разностороннего изучения как яркое и самобытное явление в истории психологической прозы второй половины XX века. Перспективы его исследования видятся в более детальном рассмотрении в контексте региональной литературы, в сопоставлении с творчеством других мастеров «тихой прозы» (Ю. Трифонов, В. Распутин, В. Астафьев и др.), а также в изучении его языковой ткани и ритмико-интонационного строя.

Библиография

1. Лапшин А.Е. Русская советская проза 1960–1980-х годов: проблемы поэтики. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 360 с.
2. Осьмухина О.Ю. "Тихая проза" 1970-х годов: поэтика "негромкого" слова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5 (83). С. 44-48.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227-284. EDN: TZOXML.
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
7. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 443 с.
8. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с. EDN: VNNKGL.
9. Аминева В.Р. Повествователь и герой в повести А. Еники "Невысказанное завещание" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7(61). Ч. 1. С. 12-14. EDN: TTXVUM.
10. Гладкая Е.Ф. Языковые маркеры невербализованных смыслов в лирике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 182 с. EDN: NPQAWN.
11. Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. «Диалектика души» и другие психологические приемы

в романе Михаила Нуайме «Последний день» // Филология: научные исследования.

2024. № 11. С. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.11.72276 EDN: GQGUSR URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72276

12. Красников Я.Е. Категории героя и персонажа в драме в свете исторической поэтики (в неклассический период эпохи модальности) // Litera. 2023. № 7. С. 94-107. DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43615 EDN: TMPBTJ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43615

13. Скрыпник Е.Р. Невербальные компоненты общения в диалогах как маркер отношений персонажей в повести А.П. Чехова «Три года» // Litera. 2024. № 4. С. 333-339. DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70515 EDN: MVUWGO URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70515

14. Каткова З. Если бы не война: повести и рассказы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 109 с.

15. Маркович В.М. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 208 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается художественный мир повести марийского писателя-билингва Зинаиды Федоровны Катковой «Адресат выбыл». Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется «необходимостью более полной и детализированной реконструкции истории национальных литератур через призму творчества писателей «второго ряда», чья поэтика часто оказывается не менее, а подчас и более репрезентативной для умонастроений эпохи, чем произведения «главных» авторов». Отмечается, что «феномен отечественной «тихой прозы» 1970-х годов, при всей его признанной значимости, до сих пор остается областью, где канонизированные имена заслоняют собой богатство и разнообразие литературного ландшафта».

Теоретической основой исследования выступили труды отечественных ученых, посвященные проблемам поэтики русской советской прозы 1960–1980-х годов, психологической прозе, семантике и структуре художественного текста, поэтике А. П. Чехова и И. В. Тургенева. Библиография составляет 10 источников, в том числе литературный, соответствует специфике изучаемого предмета, находит отражение на страницах статьи. Однако в работе отсутствует глубокий анализ данных источников, в большей части обзор данной литературы сводится к характеристике методологической рамки исследования (см «Структурно-семантический анализ (Ю. М. Лотман [3], В. Н. Топоров [4]) позволяет рассмотреть повесть как целостную, иерархически организованную систему смыслов» и т. д.). В дальнейшем рекомендуем автору(ам) проводить более подробный анализ научных источников, сопровождать обзор авторскими комментариями. Также автор(ы) не апеллируют к научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить об актуальных достижениях научного сообщества в данной области знания.

Методология исследования определена целью и поставленными задачами и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения; структурно-семантический,

социокультурный и художественный анализы, методы литературоведческого и текстуально-герменевтического анализа произведения, историко-генетический и сравнительно-типологический методы, а также интертекстуальный анализ, предполагающий изучение межтекстового взаимодействия.

В ходе исследования достигнута цель работы («путем детального текстуального анализа выявить законы, по которым строится в повести «Адресат выбыл» художественный мир Зинаиды Катковой, основанный на поэтике невысказанного, и определить его генеалогические связи с магистральными традициями русской классики»): проанализированы ретроспективная композиция как модель травмированного сознания («пространственно-временная организация повести «Адресат выбыл» подчинена не хронологическому, а психологическому принципу»), семиотика детали и символ в структуре художественного мира повести («В ее [З. Катковой] поэтике деталь никогда не бывает просто описательной; она всегда семиотически насыщена, выступая сгустком смысла, микро моделью всего мироощущения автора»), подтекст как сюжетообразующий принцип («центральный конфликт повести обладает принципиальной особенностью: он разворачивается не в плоскости событийных столкновений, а в сфере недосказанности, в зоне коммуникативного провала»), тургеневская парадигма и чеховская поэтика в повести («художественный мир Зинаиды Катковой не автономен; он существует в интенсивном, сознательно выстраиваемом диалоге с русской классической традицией, что позволяет говорить о глубинной интертекстуальности как важнейшем элементе ее поэтики»). В заключении статьи обобщены основные выводы и обозначены перспективы исследования.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в исследование национальных литератур и творчества марийского писателя З. Ф. Катковой, расширяя представление об его авторской картине мира, о психологической прозе второй половины XX века. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, творчеству и идиостилю Зинаиды Катковой и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию.

Однако объем рукописи недостаточен для раскрытия темы. Автору(ам) необходимо его расширить, в том числе за счет раскрытия теоретического аспекта исследуемой проблематики, что, по сути, отсутствует в работе.

Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи является художественный мир повести

Зинаиды Катковой «Адресат выбыл» (1976), с акцентом на поэтику невысказанного в качестве ключевого механизма раскрытия внутреннего мира персонажей. Автор фокусируется на анализе таких элементов, как ретроспективная композиция, художественные детали, паузы, символика умолчания и подтекст. Повесть рассматривается как пример «тихой прозы» 1970-х годов в контексте отечественной литературы, где акцент делается на транскультурных аспектах (марийский писатель-билингв) и связях с русской классикой. Это позволяет реконструировать историю национальных литератур через призму «второго ряда» авторов, чьи произведения отражают умонастроения эпохи глубже, чем канонизированные тексты.

Методологическая основа статьи сочетает несколько подходов, образуя междисциплинарный синтез. Основу составляет структурно-семантический анализ по Ю.М. Лотману и В.Н. Топорову, позволяющий увидеть повесть как иерархическую систему смыслов. Историко-генетический и сравнительно-типологический методы (по А.Н. Веселовскому) используются для выявления диалога с традицией. Дополнительно применяются теории символа А.Ф. Лосева, художественной детали Л.Я. Гинзбург и подтекста А.П. Чудакова. Такой эклектизм оправдан темой, требующей проникновения в психологические глубины, и позволяет анализировать невысказанное через подтекст, невербальные сигналы, поток сознания и детали.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления феномена «тихой прозы» 1970-х, где доминируют канонизированные имена (Ю. Трифонов, В. Распутин), заслоняя разнообразие. Автор подчеркивает роль транскультурных писателей в отечественной литературе второй половины XX века, что резонирует с современными дискуссиями о децентрализации литературного канона и инклюзии региональных голосов. В эпоху интереса к маргинализированным нарративам (этнические меньшинства, женское письмо) анализ Катковой помогает заполнить пробелы в истории советской прозы, особенно в контексте постколониальных и гендерных исследований.

Научная новизна статьи состоит в том, что повесть «Адресат выбыл» ранее не становилась предметом специального филологического анализа. Автор впервые выявляет законы поэтики невысказанного в этом тексте, устанавливая генеалогические связи с русской классикой (Тургенев, Чехов, Пушкин, Достоевский). Новизна проявляется в интерпретации ретроспекции как модели травмированного сознания, семиотики деталей как символов экзистенциального тупика и подтекста как сюжетообразующего принципа. Это не просто описательный разбор, а вклад в теорию психологизма, расширяющий понимание «замещенной речи» (в сравнении с А. Еники и другими). Статья открывает перспективы для изучения Катковой в контексте региональной литературы.

Стиль статьи академический, с элементами лиризма, подходящими для литературного анализа. Язык богат метафорами («незаживающая рана», «двойное зрение нарратива»), что делает текст увлекательным, не жертвуя научной строгостью. Автор вполне обоснованно использует терминологию. Предложения сложные, с тщательной аргументацией, что усиливает убедительность.

Структура статьи логична: введение с постановкой проблемы и цели, методологическая часть, основной анализ (ретроспектива, детали, умолчание, диалог с традицией), выводы и библиография. Разделы плавно переходят друг в друга, содержат подзаголовки для ясности.

Содержание достаточно детализировано. Автор разбирает ретроспективную композицию как отражение травмы, противопоставляя настоящее (отчуждение) прошлому (подлинность). Семиотика деталей иллюстрируется примерами: темные очки как символ слепоты, косы Марийки как архетип женственности. Подтекст трактуется как чеховское «подводное течение», где молчание об отцовстве движет сюжетом. Диалог с традицией

(Тургеневская «сильная женщина», чеховская футлярность) обогащает интерпретацию. Мотив письма как метафора искупления добавляет философскую глубину.

Библиография включает 15 источников: монографии (Лотман, Чудаков), статьи (Аминева, Гладкая) и первичный текст Катковой. Она охватывает классику и современные работы (до 2024 года). В статье соблюдается баланс между теорией и практическим анализом.

Автор апеллирует к оппонентам конструктивно, ссылаясь на Аминева (анализ «замещенной речи» в Еники), Гладкую (маркеры невербализованных смыслов) и других (Власова, Красников, Скрыпник). Это не полемика, а диалог: соглашаясь с акцентом на подтексте, автор развивает идеи применительно к Катковой.

Выводы вполне аргументированы и убедительны. Автор также предлагает перспективы исследования (региональный контекст, сравнение с «тихой прозой»).

Статья будет интересна филологам, специалистам по советской литературе, студентам-литературоведам и энтузиастам региональной прозы.

В целом работа соответствует предъявляемым требованиям и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бабенко А.С. Репрезентация концепта Дальний Восток в повести Р. И. Фраермана «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.72595 EDN: DIEYWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72595

Репрезентация концепта Дальний Восток в повести Р. И. Фраермана «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви»

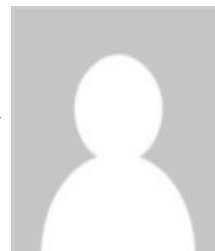
Бабенко Анастасия Сергеевна

ORCID: 0009-0000-2087-7959

аспирант, кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет
Педагог дополнительного образования; Центр русского языка и культуры; Дальневосточный
федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Аякс, 10

✉ SunsetLynx@yandex.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.72595

EDN:

DIEYWC

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2024

Аннотация: Статья посвящена реконструкции фрагмента когнитивного уровня языковой личности Р. И. Фраермана, советского писателя, а именно — реконструкции концепта Дальний Восток на материале произведения "Дикая собака динго, или Повесть о первой любви". Предметом исследования является языковая репрезентация концепта, который значим для всей языковой картины мира Р. И. Фраермана. В современной лингвистике, как отечественной, так и зарубежной, сосуществует целый ряд определений концепта и подходов к его изучению, описанию и анализу. В данной статье под концептом понимается ментальная репрезентация знания человека о действительности, несущая культурную информацию и находящая свое выражение в различных знаковых системах. Указанное определение принадлежит исследователям О. А. Александрову и О. А. Андреевой. Исследование выполнено с опорой на методы и приемы семантико-когнитивного описания концептов З. Д. Поповой и И. А. Стернина. Помимо методов и приемов семантико-когнитивного описания концептов в исследовании использованы

описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, классификации, метод компонентного анализа и отдельные приемы статистического анализа. Научную новизну исследования определяет в первую очередь выбор в качестве его предмета языковой репрезентации концепта, составляющего индивидуальную языковую картину мира Р. И. Фраермана, чье творчество, включая лингвистический аспект, на данный момент совершенно не изучено. В ходе исследования были получены следующие выводы: 1) концепт Дальний Восток как составляющий элемент всей языковой картины мира писателя носит оценочный характер; 2) большинство номинаций, представляющих концепт, называют те или иные явления природы региона (его флоры, фауны, рельефа, климата) и особенности, явления быта коренного народа (нанайцев); 3) лексика, входящая в номинативное поле, достаточно подробно и конкретна, что обусловлено личным знакомством писателя с указанным регионом (Дальним Востоком).

Ключевые слова:

Р. И. Фраерман, Дикая собака динго, Дальний Восток, концепт, когнитивистика, языковая картина мира, языковая личность, семантико-когнитивное описание концепта, реконструкция, лингвокультурология

Рувим Исаевич Фраерман — некогда известный советский писатель, который родился 10 (22) сентября 1891 г. Несмотря на то, что в настоящее время имя писателя, автора «Дикой собаки динго, или Повести о первой любви», постепенно забывается, современники были хорошо знакомы с его творчеством, его высоко оценивали критики, коллеги, читатели; произведения Р. И. Фраермана вошли в золотой фонд советской литературы.

Л. П. Якимова, автор статьи о писателе в биобиблиографическом словаре, отмечала: «Способность видеть поэтически-притягательный облик действительности в ее буднях и повседневности, умение передать красоту, обаяние и душевное богатство простого человека, какой бы национальной среде он ни принадлежал <...> предстают как характерные черты творческого мира Фраермана» [\[1, с. 592\]](#).

Писатель родился и провел юные годы в Могилеве (Белоруссия), но его молодость прошла на Дальнем Востоке, куда он направился в качестве подручного кочегара Уссурийской железной дороги; здесь он встретил революцию и Гражданскую войну [\[2, с. 552\]](#). Впечатления этих лет отражены во многих произведениях: повестях «Огневка» (1924), «Буран» (1926) и «Васька-гиляк» (1929), рассказе «Сквозь белый ветер» (1931) и многих других [\[2, с. 552\]](#). Сам Р. И. Фраерман впоследствии вспоминал: «Я взял местом действия Дальний Восток, который полюбил с молодых лет... Там меня застала революция» [\[3, с. 221\]](#).

Близкий друг писателя, К. Г. Паустовский, вспоминал: «Любовь Фраермана к Дальнему Востоку, его способность ощущать этот край как свою родину всегда казалась нам удивительной, потому что Фраерман родился и вырос в Белоруссии и его юношеские впечатления были далеки от своеобразия Дальнего Востока, тамошнего размаха во всем, начиная от характеров людей и кончая просторами природы» [\[3, с. 10\]](#).

Р. И. Фраерман проявил себя как знаток особенностей природы и быта коренного населения Дальнего Востока: незначительными, казалось бы, короткими штрихами он

тонко отмечает самую сущность характера жителей дальневосточной тайги, этнографические детали органично входят в художественную ткань его произведений. К. Г. Паустовский говорил об этом так: «Книги Фраермана замечательны тем, что очень точно передают поэзию Дальнего Востока.

Но главное в книгах Фраермана — это люди. Пожалуй, никто из наших писателей еще не говорил о людях разных народностей Дальнего Востока: о тунгусах, гиляках, нанайцах, корейцах — с такой дружеской теплотой, как Фраерман. Он вместе с ними воевал в партизанских отрядах, погибал от гнуса в тайге, спал у костров на снегу, голодал и побеждал» [\[4, с. 26-34\]](#).

Повесть «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» была написана зимой 1938 г. (в 1962 г. повесть экранизирована режиссером Ю. Ю. Карасиком). Повесть вызвала бурную дискуссию в печати: одни критики обвиняли писателя в идеализации так называемого дикого состояния, в руссоистском призыве вернуться к первобытной природе, другие же считали повесть самым совершенным произведением писателя, видели в ней глубокую поэтичность и романтизм [\[5, с. 335-371\]](#). Повесть эта не только о первой любви, она «о благородстве, о высокой нравственности в решении сложных коллизий любви и долга, о контроле воли и разума над непосредственностью чувств» [\[5, с. 335-371\]](#). Е. О. Путилова так отзывалась о повести: «Гармоничная, созданная как будто на одном дыхании, словно поэма в прозе, повесть невелика по своему объему. Но сколько вмещает она событий, судеб, сколько перемен с героями происходит на ее страницах, сколько важных открытий! Повесть эта далеко не безмятежна, и сила книги Фраермана, ее непреходящее очарование, может быть, и заключаются в том, что автор, поверив в своего читателя, смело и открыто показал, как дорого дается человеку любовь, какими подчас оборачивается муками, сомнениями, горестями, страданиями. И вместе с тем, как растет душа человека в этой любви» [\[6, с. 279-287\]](#). Сам же писатель вспоминал о повести и ее замысле следующее: «Я думал о ней в тревожные предвоенные годы. Мне захотелось подготовить сердца моих юных современников к грядущим жизненным испытаниям. Рассказать им что-то хорошее, <...> показать очарование первых робких встреч, зарождение любви высокой, чистой» [\[3, с. 221\]](#).

Реконструкция фрагмента языковой картины мира, а именно концепта Дальний Восток на материале текста повести «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» является целью нашего исследования. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: обобщение достижений теории языковой личности и обоснование выбора теории Ю. Н. Караулова в качестве основы исследования языковой личности писателя; изучение понятия языковой картины мира и теории концепта как базовой единицы языковой картины мира; проведение семантико-когнитивного описания концепта, значимого для всей картины мира писателя. В исследовании мы опирались на методы и приемы семантико-когнитивного описания концептов, предложенные З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [\[7\]](#). В упрощенном виде модель описания концепта имеет следующий вид:

1. Построение номинативного поля концепта.

Данный этап предполагает установление и описание совокупности языковых средств, которые номинируют концепт и его отдельные признаки.

2. Анализ и описание семантики языковых средств, которые входят в номинативное поле концепта.

Поскольку номинативное поле состоит из разнородных языковых единиц, то задачей этапа их семантического описания является толкование их значений, которые впоследствии будут подвергнуты когнитивной интерпретации.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств, т.е. выявление когнитивных признаков, которые формируют исследуемый концепт как ментальную единицу. Этап когнитивной интерпретации предполагает: а) выявление когнитивных признаков; б) выявление когнитивных классификационных признаков.

4. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков. Включает пункты:

- описание макроструктуры концепта;
- описание категориальной структуры концепта;
- описание полевой организации выявленных когнитивных признаков.

5. Моделирование концепта.

Итогом данного этапа является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры [\[7, с. 113–148\]](#).

Представим результаты нашего исследования.

Номинативное поле концепта составили следующие единицы, представляющие отдельные признаки концепта: *другой край света, далекий край, Владивосток, крутые, темные от хвои горы, сопки, лиман, большая, родная река, суровое, темное море, буря, высокий, глухой лес, тайга, туман, туманно, ураган, ветер, буран, пихта, ель, пихтовая смола, кедр, сосна, лиственница, калина, береза каменная, береза даурская, рябина, ольха, волчья ягода, мох, тростник, камыш, саранки, ирисы, голубика, ежевика, брусника, лесной шиповник, соболь, бурундук, водяная крыса, медведь, изюбр, орел, лесной голубь, кедровка, фазан, дикуша, ерш, форель, карп, селедка, густера, окунь, лещ, пароход, пристань, шампунки, баржа, шхуна, сигнальный флаг, нанайцы, нанайский мальчик, крикнуть по-нанайски, смуглое лицо тунгусы, эвенки, стойбище, охотничий нож, охотник, зверолов, аркан, якутская сталь, коврик из оленьей шкуры, ремень из лосиной кожи, берестяная шляпа, кожаные наколенники, торбаса, олень, сушеная корюшка, сырая рыба, оленина, нартовые собаки, ездовые собаки, нарта, упряжь и упряжка, юкола, каюр, лайки, медная трубочка, китаец, китайский бильярд, деревянные туфли, липучки.*

Основными способами прямой номинации данного концепта следует назвать такие единицы, как *Дальний Восток, другой край света, далекий край*. Ключевой номинацией выступает словосочетание *Дальний Восток*, поскольку оно наиболее полно выражает данный концепт, являясь при этом стилистически нейтральным. Номинативное поле исследуемого концепта представлено 578 единицами; в тексте повести не встречаются паремии, фразеологические сочетания; условных синонимов у данного концепта два — *другой край света* и *далекий край*; деривационное поле концепта в данном тексте не выявлено.

Контекстуальные антонимы, входящие в номинативное поле концепта, следующие: *Москва, Маросейка* (одна из улиц центрального округа Москвы), а также *дикая собака динго, австралийская собака динго, Америка, [нечто] за океаном, иная страна, волшебная страна*.

Второй этап предполагает анализ семантики единиц номинативного поля с использованием словарей, методики компонентного анализа, контекстуального анализа и выделение семантических компонентов, характеризующих денотат концепта. На данном этапе были выделены такие семантические компоненты (семы), как *Дальний Восток, Владивосток 2 — край, территория на Востоке*; *другой край света, далекий край — далекий от центра регион*; *крутые, темные от хвои горы 32, сопки — много низких старых гор с круглой вершиной*; *лиман 2, большая, родная река 74 — протекает большая река*; *суровое, темное море 10 — омывается морем*; *высокий, глухой лес 66, тайга 4 — растут высокие хвойные леса, лес дает ресурсы местным народностям и др.*

Все семы, выявленные на втором этапе, путем когнитивной интерпретации были объединены в следующие признаки: *территория на востоке, далекий, гористый, здесь протекает большая река, омывается морем, лесистый, туманный, суровый, имеет богатую флору, имеет богатую фауну, море и река влияют на жизнь местного населения, на территории проживают коренные народы, коренные народы используют дары леса и рек, на территории проживают разные народы.*

На четвертом этапе данные признаки были унифицированы; представим список в порядке убывания яркости (цифры рядом указывают количество номинаций): *на территории проживают коренные народы 137; природа Дальнего Востока богата и разнообразна 129; жизнь живущих на Дальнем Востоке зависит от морей и рек 125; на Дальнем Востоке множество лесов и гор 103; на Дальнем Востоке суровый климат 67; для Дальнего Востока характерно переплетение различных культур 12; находится на востоке 3; Дальний Восток далек от центральной части страны 2.*

Что касается завершающего, пятого этапа, то он предполагает распределение признаков по образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю; описание иерархии когнитивных классификационных признаков и описание полевой организации.

Макроструктура концепта представлена следующим образом: образный компонент содержания концепта в тексте повести не представлен; информационное содержание концепта составляет 52,6 % общего содержания концепта (*природа Дальнего Востока богата и разнообразна 129 — 22,3 %; на Дальнем Востоке множество лесов и гор 103 — 17,8 %; на Дальнем Востоке суровый климат 67 — 11,6 %; находится на востоке 3 — 0,5 %; Дальний Восток далек от центральной части страны 2 — 0,4 %*; интерпретационное поле концепта *Дальний Восток* в целом составляет 47,4 % его когнитивного содержания (*на территории проживают коренные народы 137 — 23,7; жизнь живущих на Дальнем Востоке зависит от морей и рек 125 — 21,6 %; для Дальнего Востока характерно переплетение различных культур 12 — 2,1 %*).

Классифицирующих признаков два (в скобках указано количество номинаций и процент от общего их числа): 1. особенности быта населения (374 — 64,7 %). Признаки связаны с укладом жизни местного населения; 2. особенности природы (204 — 35,4 %). Признаки связаны с характеристикой географии, флоры и фауны, климата региона.

Обратимся к полевому описанию структуры концепта.

Ядро составили признаки: *на территории проживают коренные народы 137; природа Дальнего Востока богата и разнообразна 129; жизнь живущих на Дальнем Востоке зависит от морей и рек 125.*

Ближняя и дальняя периферия представлены следующими признаками: *на Дальнем*

Востоке множество лесов и гор 103; *на Дальнем Востоке суровый климат* 67; *для Дальнего Востока характерно переплетение различных культур* 12; *находится на востоке* 3; *Дальний Восток далек от центральной части страны* 2.

Результаты нашего исследования позволили сделать следующие **выводы**.

Несмотря на то, что в процентном отношении большую часть содержания концепта занимает информационное содержание, с точки зрения полевой структуры более значимым оказывается интерпретационное поле, поскольку два из трех когнитивных признаков, составлявших ядро, относятся к признакам интерпретационного поля. Интерпретационное поле включает в себя признаки, которые содержат некое выводное знание о концепте, оценивают его, определяют практическое применение денотата концепта, отражают связь концепта с бытом и культурой народа и т.д. Для всего этого требуется знакомство с признаками на базе личного опыта, обучения или взаимодействия с денотатом концепта. Поскольку нам известно, что Р. И. Фраерман провел некоторое время на Дальнем Востоке, достаточное для личного и близкого знакомства со всеми особенностями дальневосточного региона, как природными, так и культурно-этническими, логично предположить, что при описании региона писатель воспользуется данными своего личного опыта, приведет собственные выводы и оценки, что неизменно будет свидетельствовать об оценочном характере концепта.

Об имплицитной оценочности концепта свидетельствует и выбор номинаций, составляющих номинативное поле: среди них множество номинаций, связанных с природой региона (флора, фауна, рельеф, климат) и особенностями быта одного из его коренных народов – нанайцев. Подробное, конкретное описание природы, включая перечисление видов-эндемиков региона (*даурская и каменная березы, изюбр*), а также обращение к лексике, называющей характерные детали быта нанайцев (*каюр, ездовые собаки, охота, ремень из лосиной кожи, кожаные наколенники, торбаса* и т.д.), выступают не только приемом точного описания художественного мира, который конструирует автор, но и способом передачи личных наблюдений, которые возникают не умозрительно, а посредством прямой включенности в жизнь описываемого региона.

Наличие в содержании концепта множества номинаций, связанных с бытом нанайского народа, объясняется в первую очередь тем, что один из главных героев повести — мальчик нанайской национальности Филька. Однако писатель включает в текст представителей коренных народов не для демонстрации «экзотики», а напротив, для создания более достоверной и точной картины региона, который принципиально отличается от других регионов России в том числе и в этническом плане. В номинативное поле концепта входят и название народа, и особенности внешности, и предметы быта, и особенности ведения хозяйства, и привычные занятия, и пища, и убранство жилища (*нанайцы, смуглая кожа, коврик из оленьей шкуры, охотничий нож, нарта, зверолов, сырая рыба, оленина, стойбище* и т.д.). Стоит отметить, что от текста к тексту сосредоточенность писателя на изображении той или иной национальности объясняется выбором главных героев. Но какая бы национальность ни стояла в центре внимания писателя, он всегда очень точно и конкретно описывает особенности ее быта и культуры, подмечая даже самые незначительные детали. Приведем в качестве примера фрагмент, содержащий описание особенностей быта нанайцев (фрагмент посвящен одному из традиционных занятий нанайцев — собаководству):

«Они посидели на нарте, и Таня подержала каюр — длинную палку из ясеня, окованную на конце железом.

Собаки все вертелись, налегая на задние ноги, — собирались бежать, тянуть нарту по голой земле. Охотник дал им за усердие юколу, которую достал из мешка. Он вынул еще из-за пазухи две другие сушеные рыбки, две крошечные корюшки, светящиеся на солнце, протянул их сыну и Тане. Филька начал громко грызть, а Таня отказалась. Но кончилось тем, что и она съела свою рыбку.

Охотник стал собираться в дорогу. Пора было уже покинуть этот город, где олень его целый день голодал. Он загнал собак в сарай и распряг там нарту. Потом отвязал от забора оленя и дал ему на ладони соли. Вьюки же были готовы давно» [\[3, с. 35\]](#).

Через образы представителей коренных народов Дальнего Востока (нивхов, нанайцев, тунгусов и др.) Р. И. Фраерман показывает искреннего человека, живущего бок о бок с природой в соответствии с ее законами. Мысль о важности сохранения коренными народами своей самобытности, несмотря на все растущую их вовлеченность в общегосударственные, цивилизационные и урбанистические процессы, писатель проводит во многих текстах, подчеркивая нравственную чистоту, жизненную мудрость и культурную открытость коренных народов Дальнего Востока.

Библиография

1. Якимова, Л. П. Фраерман Рувим Исаевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. П–Я.
2. Арзамасцева, И. И. Фраерман Рувим Исаевич // Русские писатели, XX век: биографический словарь: А–Я / сост. И.О. Шайтанов. – М.: Просвещение, 2009.
3. Фраерман, Р. И. Дикая собака динго, или Повесть о первой любви: повесть; [предисл. К. Паустовского]; художник С. Монахов. / Р. И. Фраерман. – М.: Дет. лит., 2016.
4. Паустовский, К. Г. Собр. соч.: в 8 т. / К. Г. Паустовский. – М.: Худож. лит., 1967–1970. Т. 8.
5. Ивич, А. Фраерман – четыре повести о пробуждении // А. Ивич. Воспитание поколений / А. Ивич. – М.: Дет. лит., 1969.
6. Путилова, Е.О. Воспитание чувств // Фраерман Р.И. Дикая собака динго, или Повесть о первой любви. Кузнецова А. А. Честное комсомольское. Повести. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1987.
7. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. – Москва: АСТ: Восток, 2007.
8. Блинкова, М. М. Р. И. Фраерман: Критико-биографический очерк / Дом дет. книги. – Москва: Детгиз, 1959.
9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2010.
10. Фраерман, Р. И. Повести и рассказы. Рис. Ю. Игнатьева. / Р. И. Фраерман. – Москва, «Дет. лит.», 1976.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает репрезентация концепта Дальний Восток в повести Р. И. Фраермана «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви». Актуальность данной работы обусловлена значимостью изучения художественного концепта в лингвопоэтическом описании текста. Совокупность художественных концептов, представленных в литературных произведениях, создает своеобразную художественную картину мира того или иного мастера слова. Каждый писатель или поэт использует имеющиеся в языковом фонде материалы, из которых он строит свою собственную художественную действительность. В представлении о мире каждого писателя отражаются его индивидуальные черты, связанные с его творческой индивидуальностью, духовной деятельностью, личным жизненным опытом: «Через образы представителей коренных народов Дальнего Востока ... Р. И. Фраерман показывает искреннего человека, живущего бок о бок с природой в соответствии с ее законами. Мысль о важности сохранения коренными народами своей самобытности, несмотря на все растущую их вовлеченность в общегосударственные, цивилизационные и урбанистические процессы, писатель проводит во многих текстах, подчеркивая нравственную чистоту, жизненную мудрость и культурную открытость коренных народов Дальнего Востока».

Теоретической основой исследования выступили труды российских ученых, литературоведов и литературных критиков З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. Н. Караулова, Л. П. Якимовой, Л. И. Арзамасцевой, Е. О. Путиловой, М. М. Блинковой. Библиография статьи составляет 10 источников, в том числе три – художественная литература. Такое количество источников, на наш взгляд, недостаточно для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Кроме того, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и статистический методы, а также методы и приемы семантико-когнитивного описания концептов, предложенные З. Д. Поповой и И. А. Стерниным. В соответствии с данной методикой были отобраны языковые средства, которые номинируют концепт и его отдельные признаки (номинативное поле исследуемого концепта составило 578 единиц); проанализирована семантика единиц номинативного поля с использованием словарей, методики компонентного анализа, контекстуального анализа и выделение семантических компонентов, характеризующих денотат концепта; все выявленные семы путем когнитивной интерпретации объединены в признаки; в дальнейшем данные признаки унифицированы и представлены в порядке убывания яркости («на территории проживают коренные народы; природа Дальнего Востока богата и разнообразна; жизнь живущих на Дальнем Востоке зависит от морей и рек; на Дальнем Востоке множество лесов и гор; на Дальнем Востоке суровый климат; для Дальнего Востока характерно переплетение различных культур; находится на востоке; Дальний Восток далек от центральной части страны»). На завершающем этапе распределены признаки по образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю; описание иерархии когнитивных классификационных признаков и описание полевой организации.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы («реконструкция фрагмента языковой картины мира, а именно концепта Дальний Восток на материале текста повести «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви») и решены поставленные задачи («обобщение достижений теории

языковой личности и обоснование выбора теории Ю. Н. Караулова в качестве основы исследования языковой личности писателя; изучение понятия языковой картины мира и теории концепта как базовой единицы языковой картины мира; проведение семантико-когнитивного описания концепта, значимого для всей картины мира писателя»). Результаты исследования позволили автору(ам) сделать ряд обоснованных выводов: «с точки зрения полевой структуры более значимым оказывается интерпретационное поле, поскольку два из трех когнитивных признаков, составлявших ядро, относятся к признакам интерпретационного поля. Интерпретационное поле включает в себя признаки, которые содержат некое выводное знание о концепте, оценивают его, определяют практическое применение денотата концепта, отражают связь концепта с бытом и культурой народа»; «об имплицитной оценочности концепта свидетельствует выбор номинаций, составляющих номинативное поле: среди них множество номинаций, связанных с природой региона и особенностями быта одного из его коренных народов – нанайцев...» и т. д.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; в решение ряда вопросов о специфике художественного концепта и его месте в художественной картине мира писателя, о способах языковой репрезентации концепта в литературном произведении. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и лингвопоэтике, лексикологии и лексикографии, а также в спецкурсах, посвященных языку и творчеству русских писателей с целью обучения когнитивному и концептуальному анализу художественных текстов.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Овсянников Д.Я., Варфоломеева Ю.Н. Роль констатирующих типов речи в трэвел-текстах // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76163 EDN: DJDNMX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76163

Роль констатирующих типов речи в трэвел-текстах

Овсянников Дмитрий Яковлевич

аспирант; Институт истории и филологии; Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

670024, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Железнодорожный р-н, ул. Юного Коммунара, д. 1, кв. 331

✉ beginer.writer.1@gmail.com



Варфоломеева Юлия Николаевна

ORCID: 0000-0003-2914-5804

доктор филологических наук

доцент; кафедра Медиакоммуникации; Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Октябрьский р-н, ул. Ключевская, д. 40В

✉ yulvar83@mail.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76163

EDN:

DJDNMX

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является изучение роли констатирующих типов речи в трэвел-текстах. Выявлено, что большое количество описаний пейзажа присущи трэвел-репортажу, так как в нем автор делится своими личными мыслями и переживаниями из путешествия. Описание-интерьер, портрет и описание предмета чаще встречаются в путевом очерке и заметке, так как в них автор пытается передать не только внешний облик здания, но внутреннее убранство помещения, персонал или интересных личностей. Описание-характеристика особенно

востребовано в рекомендации, так как этому жанру свойственны подробные описания маршрутов, местности, заведений для посещения, затрат, советов путешественникам и обозрении, поскольку тексты этого жанра содержат глубокие авторские размышления о событиях и яркие и запоминающиеся описания. В исследовании с помощью описательного метода проанализированы 107 трэвел-текстов из разных журналов и онлайн-платформ. Методологической базой для определения констатирующих типов речи выступают работы лингвистической школы О. А. Нечаевой, которая выделяет разновидности описания и повествования. Проведён количественный анализ распределения типов речи по жанрам трэвел-текстов. Новизна: В исследовании впервые проведён комплексный анализ роли констатирующих типов речи (описания и повествования) в трэвел-текстах, в том числе на основе количественного подхода, что позволило выявить их жанровую специфику и функциональную роль. Исследование подчёркивает значимость сочетания текстовой и визуальной составляющих для усиления воздействия на читателя. Выводы: Описание и повествование в трэвел-текстах являются неотъемлемыми и взаимодополняющими компонентами, обеспечивающими передачу атмосферы описываемого автором путешествия и его личного опыта. Их сочетание с визуальными элементами, такими как трэвел-фотография, усиливает восприятие текста, воздействуя на зрительные каналы читателя и сохраняют при этом уникальную роль текстового описания в создании эмоционального и эстетического эффекта.

Ключевые слова:

трэвел-текст, жанры, описание, повествование, типы речи, путешествия, описание-пейзаж, жанры ТТ, описание-характеристика, рекомендация

Путешествия - это удивительная возможность погрузиться в новую культуру, исследовать интересные места и фиксировать незабываемые впечатления. Для того чтобы передать всю красоту и атмосферу путешествия своим читателям, важно уметь интересно рассказывать о посещённых местах, именно с этой целью были созданы трэвел-тексты.

Само понятие трэвел-текста ново для журналистики и лингвистики, однако все больше привлекает внимание ученых. Авторы исследуют трэвел-журналистику в общем и трэвел-тексты в частности. Так, И. В. Показаньева и Н. В. Кривцов рассматривают проблемное поле трэвел-журналистики и отношение автора и дестинации [\[10; 6\]](#); Н. С. Гегелова изучает трэвел-журналистику на российском телевидении [\[3\]](#). Трэвел-тексты и их роль в современном туристическом дискурсе исследуют Л. М. Гончарова и О. В. Курченкова [\[4\]](#). Т.Ю. Редькина и У. А. Донник анализируют функции, приёмы речепорождения и культурно-речевые нормы трэвел-текста [\[13, 5\]](#).

Итак, трэвел-текстом выступает текст, который появился вследствие проделанного путешествия, представляет какую-либо страну в группе с её уникальными признаками (от местоположения и природы до обычаев и политической обстановки) [\[12\]](#). Исходя из определения Т.Ю. Редькиной, можно предположить, что трэвел-тексты содержат большое количество описаний стран, городов, маршрутов, памятников, достопримечательностей и т.д. Кроме того, автору такого текста, как правило, свойственно менять местоположение, сосредоточиваясь на событиях из путешествия. Таким образом, констатирующие типы речи описание и повествование органично вплетаются в ткань практически любого трэвел-текста.

Трэвел-тексты имеют достаточно разветвлённую жанровую классификацию. К исследователям, работающим в обозначенном проблемном поле, следует отнести К.С. Романова, рассматривающего жанровые особенности травелога, А.В. Покачалову, анализирующую жанровую специфику трэвел-текстов в региональных интернет-СМИ (на примере «Липецкого туристского портала»), Л.В. Долгову, Л.Р. Дускаеву и др.

Ученые выделяют телевизионные и газетные жанры трэвел-журналистики. Наше исследование сосредоточено в области текста, поэтому внимание сосредоточено на газетных жанрах, к которым А.В. Муха и Н.И. Федосеева относят путевой очерк, трэвел-репортаж, рекомендацию. В коллективной монографии «Трэвел-журналистика: понятие, жанры, особенности профессиональной деятельности» авторы относят к жанрам трэвел-текстов путевой очерк, репортаж, обозрение, рекомендацию [\[16\]](#).

М.С. Штейман и А.В. Покачалова выделяют схожие жанры трэвел-журналистики: путевой очерк, репортаж, рекомендацию, заметку и обозрение [\[19\]](#).

Заметка -это тип материала, которому свойственны небольшие объёмы публикации, где отражаются результаты изучения предмета выступления. Главное в заметке - именно краткое изложение без упоминания глубины исследования, источников информации и методов её получения [\[15\]](#).

Как описывает А.А. Тертычный, путевой очерк является описанием событий, происшествий или встреч, которые встречались на пути автора во время его путешествия. Этот жанр может преследовать разные цели, например, журналист может отразить в очерке решение какой-то проблемы, исследовать досуг населения страны, рассказать о достопримечательность и методах их сохранения, поговорить с интересными личностями и т. д. [\[15\]](#)

А. А. Тертычный выделяет определяющий признак обозрения - сочетание яркого описания событий одновременно с внутренним анализом этих событий. Предметом обозрения часто выступают общие вопросы политики, экономики, социальных отношений и т. д. Основной метод обозрения заключается в глубоком рассмотрении явлений, сгруппированных временем, местом, познакомить аудиторию с актуальными проблемами. Обозреватель всегда приводит читателей к определённой идее. [\[14\]](#).

Точного определению жанра трэвел-репортаж авторы не дают, но отмечают, что ему свойственна ярко выраженная авторская позиция и эффект присутствия, трэвел-репортаж представляет собой тематическую разновидность репортёрской деятельности, напрямую связанную с путешествиями [\[8\]](#).

Рекомендация представляет собой аналитический жанр, наполненный директивной (программной) информацией [\[15\]](#). Учёные отмечают, что эти жанры редко встречаются в чистом виде, в результате образуются новые гибридные жанры, которые включают в себя признаки очерка, репортажа и рекомендации [\[8, 19\]](#)

В настоящем исследовании мы рассмотрим роль констатирующих типов речи, к которым относятся описание и повествование, в журналистских трэвел-текстах. Определить описание и повествование как особые типы текста помогает исследование О.А. Нечаевой, поставившей изучение типов речи на логическую основу. Её фундаментальный труд позволил классифицировать и проанализировать функционально-смысловые типы речи.

О. А. Нечаева определяет описание как констатирующий тип речи, который включает в себя перечисление постоянных признаков определённого предмета [9]. Лингвист выделяет несколько разновидностей описания (описание-пейзаж, описание-интерьер, описание-портрет, описание предмета, описание-характеристика) [9, с. 49-54], с развёрнутым анализом его семантических и грамматических свойств.

Схожее определение описания предлагает Л.П. Водясова, отмечая, что описание носит аутентичный характер и используется для демонстрации действительности в моменте, включая в себя эмоциональный, эстетический и художественные элементы. [2].

Продолжатель идей О.А. Нечаевой и представитель бурятской школы типов речи В.М. Хамаганова посвящает описанию свою докторскую диссертацию, определяя описательный текст как набор предложений, которые имеют сходные черты. Лингвист подчёркивает, что онтологическую основу описания составляет предметный ряд, существующий в пространстве в фиксированный момент времени. В. М. Хамаганова разделяет описательные тексты на два основных типа -визуальное описание и описание-характеристику. Визуальное описание трактуется как совокупность конкретных, воспринимаемых органами чувств признаков объекта в определённый момент.

Визуальное описание можно разделить на описательные жанры: описание-пейзаж, описание-интерьер, описание-портрет и описание предмета [17].

Все указанные разновидности описания встречаются в трэвел-текстах. Описание-пейзаж создаёт атмосферу увиденного места: города, деревни или природы, тем самым погружая читателя в путешествие. Описание-интерьер показывает обстановку в помещениях, создавая атмосферу присутствия. Описание-портрет создано для изображения не только внешности персонажа, но и его мимики, жестов, тем самым создаётся яркий и запоминающийся образ. Описание предмета используется для акцентирования внимания читателя на важном объекте.

Описание-характеристика представляет собой перечисление ненаблюдаемых, неизменных свойств объекта, которые могут принадлежать к разным периодам его существования. Оно помогает читателю лучше понять описываемое автором путешествие, поскольку раскрывает внутренние качества объектов. Главная цель использования всех перечисленных видов описания - помочь читателям лучше представить новую для них местность, жителей, культуру.

В настоящем исследовании в основу анализа положены 107 трэвел-текстов, взятых с сайтов «Яндекс.Путешествия», а также из журналов, тематикой которых являются путешествия по России и миру. Основной контент журнала - путеводители, статьи, личный опыт, новости туризма и идеи для поездок. Журнал «Вокруг света» специализируется на сочетании трэвел-материалов с научными открытиями и фактами из истории.

Для журнала «Своё за городом» характерны статьи, посвящённые путешествиям и отдыху в России. Журнал охватывает различные виды туризма и помогает выбрать интересные маршруты для путешествий. «RUSSPASS» акцентирует внимание читателей на туризме и путешествиях по России и Москве. Журнал разделен на две части: путеводитель по Москве и интересные маршруты по России. «Москвич Маг» целиком посвящён жизни в Москве. Журнал включает в себя новости о городе, обзоры ресторанов, рецензии.

Большая часть авторов включает описания в свои материалы, дополняя описательные

тексты фотографиями, что позволяет усилить воздействие на читателя. Исследователи даже выделяют такой жанр, как трэвел-фотография, а также отмечают, что «содержательное наполнение трэвел-журналов отличается многообразием форм текстовой и графической информации» [8].

Однако полностью заменить собой описательный текст фото не способно. Сенсорные модальности могут быть отображены в описании с помощью разных языковых средств (отметим, что основу рецептивно-прагматической модели описания составляют именно актанты и предикаты [1, 18], создавать то или иное настроение, погружать читателя в отображаемую реальность [1].

Так, во фрагменте трэвел-текста «Посёлок Мстёра во Владимирской области: Место вдохновения» можно проследить восприятие текста разными органами чувств: *Богоявленский монастырь с Богоявленской церковью, построенной в 1687 году особенно хорошо виден с пляжа. Сидишь на лавочке и чувствуешь полную безмятежность под звонкие разговоры уток, которые решили не улетать и обсудить насущные дела. Также иногда слышится колокольный звон, который дополняет общую атмосферу* [11]. Предикаты *виден*, *чувствуешь* и *слышится*, актант *звон* позволяют точно представить себе описываемую картину и передать настроение.

Отталкиваясь от классификации описаний, мы выявили, какие именно типы описания преобладают в выделенных ранее жанрах трэвел-текстов. В подвергнутых анализу 107 трэвел-текстах было выявлено 1761 описание. Результат анализа можно представить в виде следующей диаграммы (Рис.1):

Типы описания в трэвел-текстах



(Рис.1)

Большинство описаний пейзажа присущи трэвел-репортажу, так как в нем автор делится своими личными мыслями и переживаниями из путешествия, рассказывая о природе, местности, городе и т.д. Описание-интерьер, портрет и описание предмета чаще встречаются в путевом очерке и заметке. Это связано с тем, что автор пытается передать атмосферу какого-либо заведения или музея, описывая не только различные экспонаты и внутреннее убранство помещения, но и персонал или интересных личностей, встреченных на пути. Описание-характеристика, на наш взгляд, является универсальным для выделенных жанров трэвел-текстов. Оно особенно востребовано в рекомендации, так как этому жанру свойственны подробные описания маршрутов, местности, заведений

для посещения, затрат, советов путешественникам и обозрении, поскольку тексты этого жанра содержат глубокие авторские размышления о событиях и яркие и запоминающиеся описания.

Итак, описание в трэвел-текстах - это конвергенция текстовой и графической составляющей, что позволяет более наглядно описывать путешествия. Все авторы трэвел-текстов используют трэвел-фотографию в целях привлечения внимания читателей, при этом описание не теряет своей функциональной значимости, поскольку фотография не способна заменить собой текстовое описание. Описательный текст позволяет сильнее воздействовать на читателей через передачу восприятия разными органами чувств.

Повествование в трэвел-текстах позволяет читателям окунуться в приключения автора, почувствовать его эмоции и переживания, которые он испытывал в момент своего путешествия. Через повествование автор делится своими впечатлениями, открытиями и размышлениями, погружая читателей в свою историю.

О.А. Нечаева даёт определение повествованию как констатирующему типу речи, рассказывающему о событиях, которые происходят последовательно. Учёный выделяет три структурно-смысловых разновидности повествования: конкретно-сценическое, обобщенно-сценическое, информационное.

О.А. Нечаева пишет, что конкретно-сценическому повествованию присущи следующие друг за другом действия или состояния субъекта или объекта в определённых условиях. Для обобщенно-сценического повествования характерны последовательные действия, повторяемые в данной обстановке. Информационное повествование автор характеризует как рассказ о событиях, в которых автор не придерживается последовательности событий [9 с.74-77].

Мы также проанализировали взятые ранее 107 трэвел-текстов и выделили в них 2202 единицы повествования. Далее было выявлено, какой вид повествования в них преобладает. Результат нашего анализа можно представить в виде следующей диаграммы (Рис.2):



Рис.2

В жанре путевой очерк преобладает информационное повествование. Это связано с тем, жанру путевой очерк свойственны подробные описания не только посещённых мест и событий, но и историческая сводка и интересные рассказы о культуре, традициях и народе. Жанру трэвел-репортаж соответствуют обобщенно-сценическое и информационное описание. Это обусловлено тем, что целью трэвел-репортажа является не просто рассказ о путешествии, но и ознакомление аудитории с бытом, культурой и менталитетом посещённой страны. Для жанра рекомендации свойственны конкретно-

сценическое и информационное повествование, так как этот жанр является своего рода рассказом автора о проделанном в хронологической последовательности путешествии в совокупности с описанием чёткого и подробного маршрута с встречаемыми на пути заведениями, интересными локациями и важными событиями. Обзорение содержит в себе совокупность информационного и обобщенно-сценического повествования. Заметка имеет схожие черты с путевым очерком и содержит в себе информационное повествование.

Примером включения в трэвел-текст повествования может послужить фрагмент из статьи «Лето на Байкале: пляжи, рыбалка и шаманский праздник»: *Здесь люди обращаются к духам со своими просьбами, привязывая длинные ленточки, или «вязочки». Оставьте пустым верхний венец столба — он предназначен для скакунов духов. Можно окропить место молоком или чаем или положить монетку* [7]. *Здесь люди обращаются к духам со своими просьбами...* В тексте передается информация о последовательных, повторяемых действиях, следовательно, использован обобщенно-сценический вид повествования.

В результате исследования можно сделать некоторые выводы. В трэвел-текстах редко встречается один вид повествования. Чаще встречается совокупность всех трёх видов, реже двух (конкретно-сценическое и информационное или обобщенно-сценическое и информационное). Значительную часть повествований в трэвел-текстах составляет информационное.

Кроме того, был проведён анализ количества описаний и повествований в разных жанрах трэвел-текстов. Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Жанр/тип речи	Описание	Повествование	Количество статей
Путевой очерк	358 (20%)	641 (28%)	35
Трэвел-репортаж	225 (13%)	209 (9%)	13
Рекомендация	278 (16%)	699 (31%)	30
Заметка	114 (6%)	133 (6%)	7
Обзорение	789 (45%)	520 (26%)	22

(Таблица 1)

Жанр/тип повествования	Информационное	Обобщенно-сценическое	Конкретно-сценическое	Всего
Путевой очерк	201	200	240	641
Трэвел-репортаж	73	55	81	209
Рекомендация	451	215	33	699
Заметка	91	23	19	133
Обзорение	344	158	18	520

(Таблица 2)

Как видно из таблиц, в рекомендации большую часть (31%) занимает тип речи повествование. Это связано с тем, что целью рекомендации является помощь другому человеку принять решение, причём рекомендация является личным опытом советчика. Нередко источником рекомендации выступает авторитетное лицо, к мнению которого часто прислушиваются.

В обзоре большую часть занимает описание (45%), так как в этом жанре важно передать именно красоту описываемого места, события, интерьера, кухни, народа, обычаев и т.д. через призму собственного восприятия автора. Повествование здесь выступает в роли связующего звена между перемещениями автора по новым локациям и описанием этих мест.

Таким образом, описание и повествование в трэвел-текстах - это неотъемлемые и взаимодополняющие друг друга компоненты, которые помогают автору передать важную информацию, а читателям быть готовыми ко всем неожиданным обстоятельствам в будущих путешествиях. С появлением фотографий текстовый тип описания не утратил своей актуальности. С фотографией представления о местных пейзажах, кухне и достопримечательностях стали ярче и повысили интерес читателей к путешествиям. Сочетание описания и повествования делает путешествия атмосферными и запоминающимися.

Библиография

1. Варфоломеева, Ю. Н. Глагольное семантическое поле рецептивного пространства в текстах типа "описание" : дис. ... д-ра фил. наук : 12.02.01 / Юлия Николаевна Варфоломеева. – Улан-Удэ, 2021. – 426 с.
2. Водясова, Л. П. Описание как функционально-смысловой тип речи, его виды и роль в художественном тексте / Л. П. Водясова // Вестник угроведения. – 2019.
3. Гегелова, Н. С. Трэвел-журналистика на российском телевидении / Н. С. Гегелова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2016.
4. Гончарова, Л. М., Курченкова, О. В. Трэвел-тексты и их роль в современном туристическом дискурсе / Л. М. Гончарова, О. В. Курченкова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 23-25 мая 2018 года. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 774-777. – EDN XUNRBZ.
5. Донник, У. А. Речевая форма "описание" в трэвел-тексте / У. А. Донник // Молодой ученый. – 2018. – № 9 (195). – С. 196-199. – URL: <https://moluch.ru/archive/195/48630/> EDN: YRERCN
6. Кривцов, Н. В. Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы / Н. В. Кривцов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017.
7. Лето на Байкале: пляжи, рыбалка и шаманский праздник // Яндекс.Путешествия. – URL: <https://travel.yandex.ru/journal/leto-na-baykale/>
8. Муха, А. В., Федосеева, Н. И. Содержательная и жанровая специфика трэвел-журналистики в зависимости от видов СМИ / А. В. Муха, Н. И. Федосеева // Огарёв-Online. – 2015.
9. Нечаева, О. А. Функционально-смысловые типы речи: (Описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1974. – 261 с.
10. Показаньева, И. В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства / И. В. Показаньева // Медиаскоп. – 2013.
11. Посёлок Мстёра во Владимирской области: место вдохновения // Яндекс.Путешествия. – URL: <https://travel.yandex.ru/journal/mstyora-vydohnut-i-vdohnovitsya/>
12. Редькина, Т. Ю. Средства реализации развлекательной функции в трэвел-тексте / Т.

Ю. Редькина // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2011.

13. Редькина, Т. Ю. Этические и культурно-речевые нормы в трэвел-медиа-тексте / Т. Ю. Редькина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014.

14. Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика : учебное пособие для вузов / А. А. Тертычный. – Москва : Аспект Пресс, 2010. – 352 с. EDN: QXSZRZ.

15. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 312 с.

16. Василенко, А. С., Карпенко, И. И., Перси, У., Полонский, А. В., Съедин, В. И. Трэвел-журналистика: понятие, жанры, особенности профессиональной деятельности : монография / А. С. Василенко, И. И. Карпенко, У. Перси, А. В. Полонский, В. И. Съедин. – Белгород : Научное издание, 2019. – 123 с. – ISBN 978-5-98242-267-5.

17. Хамаганова, В. М. Своеобразие предикативного признака в тексте типа "описание" / В. М. Хамаганова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017.

18. Хамаганова, В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа "описание" : проблемы семиотики и онтологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. М. Хамаганова. – Москва, 2002. – 332 с. EDN: QDUDWF.

19. Штейман, М. С., Покачалова, А. В. Тенденции развития и функционирования трэвел-журналистики в информационном поле российских СМИ / М. С. Штейман, А. В. Покачалова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2019.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается роль констатирующих типов речи, описания и повествования, в журналистских трэвел-текстах. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом ученых к феномену трэвел-текстов, которые «имеют достаточно разветвлённую жанровую классификацию», «констатирующие типы речи описание и повествование органично вплетаются в ткань практически любого трэвел-текста». Эмпирической базой настоящей работы послужили 107 трэвел-текстов, отобранных с сайтов «Яндекс.Путешествия» и из журналов тематической направленности «Путешествия по России и миру», в том числе из журналов «Вокруг света», «Своё за городом», «RUSSPASS», «Москвич Mag». К сожалению, не указан временной период выборки материала и не обосновано количество отобранных трэвел-текстов.

Теоретической основой исследования выступили научные труды по проблемам трэвел-журналистики; жанровой специфике трэвел-текстов, их функциям, приёмам речепорождения и культурно-речевые нормы; функционально-смысловым типам речи (описанию, повествованию, рассуждению); особенностям описания и роли в трэвел-тексте и пр. Библиография статьи насчитывает 19 источников, в том числе интернет-источники, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание на то, что автор(ы) совсем не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный, включающий в себя наблюдение, обобщение, классификацию языковых явлений; статистический, функциональный и прагматический методы; методы когнитивного и дискурсивного анализа; контент-анализ трэвел-текстов, методы жанрового анализа. Выбор методов оправдан и соответствует цели и задачам работы.

В ходе исследования подробно рассматриваются содержательная и жанровая специфика трэвел-текстов, различные виды описания (пейзаж, интерьер, портрет, характеристика и предмет) и повествования (конкретно-сценическое, обобщенно-сценическое и информационное) в журналистских трэвел-текстах («описание в трэвел-текстах - это конвергенция текстовой и графической составляющей, что позволяет более наглядно описывать путешествия»; «в трэвел-текстах чаще встречается совокупность всех трёх видов, реже двух», «значительную часть повествований в трэвел-текстах составляет информационное»). Проводится статистический анализ описаний и повествований в разных жанрах трэвел-текстов; результаты анализа представлены в соответствующих таблицах. Делается обоснованный вывод о том, что описание и повествование в трэвел-текстах - это неотъемлемые и взаимодополняющие друг друга компоненты, причем с появлением фотографий текстовый тип описания не утратил своей актуальности.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие общей теории текста, в изучение функционально-смысловых типов речи, в расширение представлений о специфике констатирующих типов речи в трэвел-текстах. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике, так и в вузовских курсах по теории языка, лингвистике текста, трэвел-журналистике и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в прозаическом тексте П.А. Ойунского: модель начала существования, события, действия // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76074
EDN: CRYURD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76074

Бытийные конструкции в прозаическом тексте П.А. Ойунского: модель начала существования, события, действия

Сивцева Наталья Александровна

ORCID: 0000-0001-5569-022X

кандидат филологических наук

Старший научный сотрудник; Институт гуманитарных проблем и малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб 205.

✉ sivnanat@mail.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76074

EDN:

CRYURD

Дата направления статьи в редакцию:

30-09-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию бытийных конструкций в якутском языке на материале прозаических произведений П.А. Ойунского, основателя якутской советской художественной литературы, государственного и общественного деятеля, ученого-филолога. Актуальность данной статьи обоснована применением современных подходов в изучении якутского языка, предполагающем целостную организацию универсальных семантических категорий. Исследование основано на том положении, согласно которому предложение как основная синтаксическая единица отображается в модели, «объединяющей инварианты минимальных структурных схем, обеспечивающих завершенность предложения, и соотнесенные с ними обобщенные пропозиции» [10, с. 64-76]. Структурная схема синтаксической модели начала существования в якутском языке состоит из субъекта, объекта и предиката экзистенционального типа, выраженного глаголами начальной фазы бытия, существования. Типовое значение модели начала

существования, события, действия – «начинать (начать) свое существование, появляться (появиться), становиться (стать) существующим; начинать (начать) осуществлять какие-либо действия, совершаться, происходить» [3, с. 367]. В исследовании применены метод сплошной выборки при формировании материала из лексикографических источников, метод моделирования, метод глоссирования для изложения иллюстративного материала. Новым является представление модели начала существования, события, действия как составляющей функционально-семантического поля бытийности в якутском языке на материале прозаических художественных текстов П.А. Ойунского. Определены глагольные средства выражения, обозначающие начало существования, события, действия, в указанных текстах. Выявлено, что одним из таких средств являются бытийные глаголы төрөө 'рожать, родиться, рождаться', үөскээ 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо' и производные от них формы (причастия и деепричастия). К глагольным средствам выражения начала события, действия в прозаических текстах П.А. Ойунского можно отнести и аналитические конструкции (деепричастие на -ан+служебный глагол), образующиеся с помощью служебных глаголов бар- (тоҕон бар- 'начать мерзнуть', буолан бар- 'начать быть'), эр- (сууйан эр- 'начать мыть'). Установлены модели начала существования, события, действия, на которых основаны бытийные конструкции в рассматриваемых текстах.

Ключевые слова:

функциональная грамматика, категория, бытийность, семантика, функция, модель, конструкция, средства выражения, глагол, якутский язык

Введение. В данной статье излагаются результаты исследования текста художественного произведения с позиции функционально-семантического подхода в изучении явлений языка. Актуальность исследования основана на положении о значении языка и индивидуального стиля отдельных писателей в истории развития литературного языка как динамической системы, основанной на структуре целого [6, 448 с.; 7, с. 278]. Целью статьи является исследование бытийных конструкций в якутском языке на основе представления синтаксических моделей начала существования, события, действия. Модель при этом понимается как образец, заключающий в себе инварианты минимальных структурных схем, обеспечивающих завершенность предложения [10, с. 64-76; 19, с. 56-61; 20, с. 6; 21, с. 46-57]. Статья основана на теоретических положениях, изложенных в исследованиях по бытийным синтаксическим единицам [1, с. 229-238; 2, 198 с.; 8, 25 с.; 9, с. 149-154; 18, 26 с.; 22, с. 78-81; 21, с. 203-206; 24, 22 с.; 25, с. 115-123]. Материалом исследования являются повести и рассказы П.А. Ойунского, основателя советской художественной литературы, видного государственного и общественного деятеля, ученого-филолога, представленные в сборнике его избранных произведений, опубликованных в 1993 г. [11, 448 с.]. Расцвет его творчества как поэта, писателя и драматурга относится к 30-м гг. прошлого столетия, когда в связи с изменившейся социально-культурной ситуацией в стране в системе средств и источников нормализации якутского литературного языка художественная литература приобретает ведущее положение. Как пишет П.А. Слепцов, «...творчество П.А. Ойунского (...) – принципиально новаторское явление в художественно-эстетическом мышлении якутского народа, в его культурно-духовном развитии. П.А. Ойунский оказал мощное влияние на

развитие современного якутского литературного языка. Прежде всего, освоение наиболее ярких и константных ресурсов общенародного языка в талантливых произведениях самых различных жанров (в поэзии, прозе, драматургии, публицистических и научных работах) благотворно сказалось на формировании и укреплении норм литературного языка. Языковое новаторство П.А. Ойунского проявилось также в том, что он расширил словарь, семантические границы слова, придал различным пластам лексики дополнительную функциональную экспрессию. Писатель проявил себя новатором и в открытии и освоении новых приемов и способов использования языка в художественном произведении, которые повлияли на развитие стилистической системы литературного языка в целом» [17, с. 173-174]. В данном исследовании, в котором впервые рассматриваются модели существования бытийной синтаксической конструкции на примере прозаических произведений П.А. Ойунского, применены метод сплошной выборки при формировании материала из лексикографических источников, метод моделирования, метод глоссирования для представления иллюстративного материала. В статье излагаются результаты, продолжающие исследования, посвященные изучению глаголов, конструкций бытия в якутском языке, их текстообразующей функции [12, 13, 14, 15, 16].

Глагольные средства выражения начала существования, события, действия. С позиции функционально-семантического подхода средства выражения категории бытийности в якутском языке, семантической категории, состоящей из различных вариантов значений существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия, можно объединить в функционально-семантическое поле, состоящее из двух частей: микрополя бытийности, выражаемого именными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия и микрополя бытийности, представленного глагольными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. Глаголы и формы глагола (причастия и деепричастия), наиболее специализированно указывающие на фазы процесса существования/несуществования, бытия/небытия, а также конструкции с ними представляют ядро микрополя бытийности, выражаемого глагольными средствами обозначения существования/несуществования, бытия/небытия, наличия/отсутствия. Глаголы и формы глагола (причастия и деепричастия), наименее специализированно обозначающие на фазы процесса существования/несуществования, бытия/небытия, обладающие наименьшей регулярностью использования в коммуникации, а также конструкции с ними, вспомогательные глаголы бытия, постепенно удаляясь от центра, в разной степени рассредоточены от него [15, с. 6-7].

В рассказах и повестях П.А. Ойунского встречаются в основном следующие бытийные глаголы и производные от них формы, относящиеся в подгруппу лексико-семантической группы глаголов бытия с значением начала существования, события, действия: *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться', *уөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо'. Выявлено, что из них наиболее употребительным является глагол *уөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо'. Пример:

Саныыр санаа сылааска уөскүүр эбит [11, с.192].

Думать-PP.PRES мысль тепло-DAT возникнуть-PRES-3SG PRTC

'Думающая мысль возникает в тепле, оказывается'.

В приведенном примере глагол *уөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо,

происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо, обозначающий начало существования, использован вместе частицей *эбит* 'оказывается, как выяснилось', выражающей убеждение говорящего в достоверности, очевидности сообщаемой мысли, в синтаксической позиции сказуемого. В рассматриваемых текстах также часто встречаются причастия и деепричастия, производные от глаголов с семантикой начала существования, события, действия.

Глагольным средством выражения начала события, действия в прозаических текстах П.А. Ойунского являются и аналитические конструкции (деепричастие на -ан+служебный глагол), образующиеся с помощью служебных глаголов *бар-* (*то□он бар-* 'начать мерзнуть', *буолан бар-* 'начать быть'), *эр-* (*сууйан эр-* 'начать мыть'). Пример:

Онтон иһиттэн улам-улам имэ□ирбит курдук то□он барда, уокка тийэн иттибитэ, таһа ирдэбин ахсын күлүк өттө, дьэ, эбии уорааннаахтык тонуталаан барда [с. 85].

ADV нутро-POSS.3SG-ABL ADV-ADV увлекаться-PP.PST POST мерзнуть-CVB.PAST AUX. PAST-3SG огонь (очаг)-DAT прийти-CVB.PAS греться- PP.PST-3SG внешняя часть-POSS.3SG греться-PP.INF-3SG-ACC POST тень AUX.N-POSS.3SG INTJ ADV прохлада-PROPR-A мерзнуть-ITER-CVB.PAST AUX.V-PAST-3SG

'Затем изнутри все более и более, как-будто увлеченно, начал мерзнуть, когда согрелся, подойдя к очагу, чем больше согревался извне, с теневой стороны все больше с прохладой начинает мерзнуть'.

В этом примере представлено повторное использование аналитической конструкции (деепричастие на -ан+служебный глагол) с служебным глаголом *бар-* в пределах сложного предложения в синтаксической позиции сказуемого (*то□он барда* 'начал мерзнуть', *то□уталаан барда* 'начинает мерзнуть'), что указывает на динамичность и повторяемость начала события.

Обратимся к другому примеру:

Сыыр намыһабыныы миигинэн тиискин сууйан эрдэбин дии [\[11, с. 78\]](#).

Горка низкий-POSS.3SG-ADV я-INS зуб-POSS.2SG-ACC чистить-CVB.PAST AUX.V-PP.IN 2SG PTCL

'Как-будто я горка низкая, ты начинаешь мною чистить свои зубы'.

В этом предложении аналитическая конструкция (деепричастие на -ан+служебный глагол) с служебным глаголом *эр-* (*сууйан эрдэ□и* 'начинаешь чистить') обозначает начало продолжающегося действия. Далее рассмотрим синтаксические модели начала существования, события, действия в якутском языке, имеющие в своей структуре глаголы бытия.

Глагольные средства категории бытийности в синтаксических моделях начала существования, события, действия. Исследование синтаксических конструкций, составляющих текст прозаических произведений П.А. Ойунского, позволяет выделить следующую базовую схему модели начала существования, события, действия:

$$N(PP / PPex) Vex,$$

где N – имя существительное в основном падеже, PP – причастие, PPex – причастие, образованное от бытийного глагола с семантикой начала существования, Vex – глагол бытия. Базовые глаголы лексико-семантической группы, выражающей ситуацию начала

существования, события, действия, могут выступить в качестве предиката конструкций данной модели (*төрөө* 'рожать, родиться, рождаться', *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо'). Типовая семантика модели – «начинать (начать) свое существование, появляться (появиться), становиться (стать) существующим; начинать (начать) осуществлять какие-либо действия, совершаться, происходить» [3, с. 367]. В указанной ситуации задействованы следующие актанты: 1) субъект, представленный именем существительным в основном падеже, причастием, производным от бытийного глагола с семантикой начала существования, события, действия; 2) предикат экзистенционального типа, выраженный глаголом начала существования, события, действия. В рассматриваемой модели субъект может быть изложен именем существительным, причастием, обозначающими одушевленное лицо.

В прозаических текстах П.А. Ойунского модель начала существования, события, действия имеет в своей структуре следующие бытийные глаголы, обозначающих начало существования: *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться', *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо', либо формы (причастия и деепричастия), производные от них.

Глагол *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться'. В «Большом толковом словаре якутского языка» указаны следующие его значения: 1) производить на свет младенца, детеныша, давать жизнь младенцу, детенышу, рожать (о женщине, самке животного); 2) появляться на свет в результате родов, родиться (о человеке, животном); 3) появляться, возникать, рождаться (о чем-либо новом); 4) появляться, наблюдаться вновь на небе после исчезновения (о новолунии) [5, с. 556-558].

В рассматриваемых текстах деепричастие, образованное от указанного глагола, излагается вместе с деепричастием, производным от глагола *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо', в значении 'появляться на свет в результате родов, родиться (о человеке, животном)' в составе сложного сказуемого, представленного аналитической конструкцией (деепричастие на *-ан*+функционально-служебный глагол) с функционально-служебным бытийным глаголом *аас* 'пройти, проходить, проезжать мимо кого-чего-либо; прекращаться, исчезать, переставать; преодолевать какие-либо трудности, справляться с трудностями':

Бу маннык үрдүк үтүө олоххо дири □ өйдөөх, модун санаалаахтар, үтүө ырыаһыттар, улуу кэпсээнньиттэр төрөөн-үөскээн ааһыахтара [11, с. 186].

Это такой высокий добрый глубокий толковый-3PL мощный намерение-PROPR.3PL добрый певец-3PL великий рассказчик-3PL родиться-CVB.PAST происходить-CVB.PAST пройти-FUT.3PL

'В этой такой высокой доброй жизни глубоко толковые, с мощным намерением, добрые певцы, великие рассказчики пройдут, родившись-появившись'.

В указанных примерах использование парного сочетания деепричастий, образованных от бытийных глаголов *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться', *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо', в составе сложного сказуемого усиливает семантику начала существования.

Модель ситуации, изложенной в вышеприведенном примере, можно представить следующим образом:

N CVBex.PAST CVBex.PAST Vex,

где N – имя существительное в основном падеже, CVBex.PAST– деепричастие на *-ан*, производное от глагола бытия с семантикой начала существования, Vex – глагол бытия.

В указанной ситуации задействованы следующие актанты: 1) субъект, представленный именем существительным, причастием в основном падеже; 2) предикат экзистенционального типа, выраженный глаголом начала существования, события, действия. В рассматриваемом примере, основу которого составляет указанная модель, субъекты обозначены одушевленными именами существительными и причастиями, предикат выражен сочетанием парных деепричастий, образованных от глаголов бытия с семантикой начала существования (*төрөөн-үөскээн* 'родившись-появившись', *үөскээн-төрүүн* 'появившись-родившись') и глагола бытия с семантикой прекращения бытия *аас* 'пройти, проходить, проезжать мимо кого-чего-либо; прекращаться, исчезать, переставать; преодолевать какие-либо трудности, справляться с трудностями'.

Глагол үөскээ 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо'. В «Большом толковом словаре якутского языка» изложены следующие его значения: 1) появиться, возникнуть в результате чего-либо, происходить от чего-либо; 2) плодиться, размножаться; 3) происходить от кого-либо, откуда-либо, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо [\[4, с. 504-505\]](#).

1. В прозаических текстах художественных произведений П.А. Ойунского указанный глагол встречается в позиции сказуемого в сочетании с модальной частицей *эбит*:

Сэбиэскэй былаас сиригэр, үлэһит-бааһынай улуу-модун саарыстыбатыгар, Ылдьыыс о□орбут уот тыыннаах, тимир киэлилээх, уйадыан көрбөт укулаат тимир эттээх Бассабыык баартыйа иһигэр, суха тимиригэр буор сыстарын курдук, болгуону ууллардахха куһа□ана саах буолан хо□норун курдук, эрэйдээх-буруйдаах, эр со□ото; Оппосустан Боотур диэн үөскээбит эбит [\[11, с.172\]](#).

Советский власть земля-POSS.3SG.DAT рабочий крестьянин великий могучий царство-POSS.3SG.DAT Ильич создать-PCP.NPST.3SG огненный дух-PROPR железный утроба-PROPR согнуть-CVB.PAST AUX.V-PRES.NEG.3SG каленый железный тело- PROP большевик партия POST соха железо-POSS.3SG.DAT земля пристать-PCP.PRES.3SG.ACC POST болванка-ACC таять-CAUS.COND.DAT плохое-POSS.3SG испражнение быть-CVB.PAS отделять-PCP.PRES.3SG.ACC POST страдание-PROPR вина- PROPР молодец одиноки Оппосустан Боотур POST появиться-NPST.3SG PTSL

'На земле советской власти, в великом-могучем царстве рабочего-крестьянина, внутри созданной Ильичом Большевистской партии с огненным духом, железной утробой, каленым железным телом, как-будто на железо сохи пристает земля, как-будто если растопить железную болванку плохое тает словно испражнение, страдающий-виноватый одинокий молодец Оппосустан Боотур появился, оказывается'.

В этом примере модальная частица *эбит*, использованная вместе с глаголом *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо', выражает достоверность, очевидность сообщаемого факта – начала существования.

2. Глагол *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо' в рассматриваемых текстах используется также в форме сослагательного наклонения:

Өлбөт өрөгөйдөнөн, кэхтибэт кэскиллэнэн, самныбат саргыланан үс саха үөскүөх этэ, төрүүх этэ [11, с. 18].

Умереть-PP.PRES.NEG удача-REFL.INS вырождаться-PP.PRES.NEG будущее- REFL.IN рушиться-PP.PRES.NEG благополучие-REFL.INS три саха возникнуть-PP. SBJV.3SG Vins- PRET.3SG родиться-PP.SBJV.3SG Vins- PRET.3SG

‘Имея бессмертную удачу, невырождающееся будущее, неразрушимое благополучие, три саха возникли бы, родились бы’.

В указанном примере глагол *үөскээ* ‘рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо’ представлен в позиции сказуемого, изложенного аналитической конструкцией, состоящей из сочетания причастия на *-ых* и формы прошедшего категорического времени от недостаточного глагола *-э* (*үөскүөх этэ* ‘возникли бы’), указывающей на возможность начала существования (появления) в будущем .

3. В рассматриваемых текстах деепричастие, образованное от глагола *үөскээ* ‘рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо’ излагается вместе с деепричастием, производным от глагола *төрөө* ‘рожать, родиться, рождаться’, в значении ‘появиться на свет в результате родов, родиться (о человеке, животном)’:

Бу дьоллоох күн сиригэр уол оҕо, эр киһи биирдэ үөскээн-төрүүн ааһар [11, с. 93].

Это счастье-PROPR солнце земля-POSS.3SG-DAT мальчик ребенок удалец человек один-ADV происходить-CVB.PAST родиться-CVB.PAST пройти-PRES.3SG

‘По этой счастливой солнечной земле ребенок-мальчик, удалец-молодец появившись-родившись, проходит однажды’.

В вышеприведенном примере парные деепричастия, производные от глаголов *үөскээ* ‘рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо’ и *төрөө* ‘рожать, родиться, рождаться’, в значении ‘появиться на свет в результате родов, родиться (о человеке, животном)’, обозначающие начало существования, приведены в составе сложного сказуемого, представленного аналитической конструкцией (деепричастие на *-ан*+функционально-служебный глагол) с функционально-служебным бытийным глаголом *аас* ‘пройти, проходить, проезжать мимо кого-чего-либо; прекращаться, исчезать, переставать; преодолевать какие-либо трудности, справляться с трудностями’ в синтаксической позиции сказуемого.

Модели ситуаций, изложенных в вышеприведенных примерах, можно заключить в следующие схемы:

1. N Vex-NPST.3SG PTSL,

2. N PPex-SBJV.3SG Vins-PRET.3SG,

3. N V-CVB.PAST V-CVB.PAST V-PRES.3SG,

где N – имя существительное в основном падеже, Vex – глагол бытия *үөскээ* ‘рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо’, обозначающий начало существования, в 1 и 2 примере, а также и глагол *төрөө* ‘рожать, родиться, рождаться’ в 3 примере, Vins – недостаточный глагол *-э* (*этэ*), PPex –

причастие, производное от от глагола бытия с семантикой начала существования, CVB.PASTex – деепричастие на *-ан*, производное от глагола бытия с семантикой начала существования. В указанных ситуациях задействованы следующие актанты: 1) субъект, представленный именем существительным в основном падеже; 2) предикат экзистенционального типа, выраженный глаголом начала существования, либо формой, производной от глагола, обозначающего начало существования, события, действия. В рассматриваемых примерах, основу которых составляет указанная модель, субъекты изложены одушевленными именами существительными, предикат выражен сочетанием бытийного глагола, обозначающего начало существования, с модальной частицей, аналитической конструкцией, состоящей из сочетания причастия на *-ых* и формы прошедшего категорического времени от недостаточного глагола *-э* (*үөскүөх этэ* 'возникли бы'), парных деепричастий, образованных от глаголов бытия с семантикой начала существования (*үөскээн-төрүүн* 'появившись-родившись') и глагола бытия с семантикой прекращения бытия.

Заключение. В рассказах и повестях П.А. Ойунского встречаются в основном следующие бытийные глаголы и производные от них формы, относящиеся в подгруппу лексико-семантической группы глаголов бытия с семантикой начала существования: *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться', *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо'. Из них наиболее употребительными являются глагол *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо' и производные от него глагольные формы. В рассматриваемых текстах также часто встречаются причастия и деепричастия, производные от глаголов с семантикой начала существования, события, действия. Глагольным средством выражения начала события, действия в прозаических текстах П.А. Ойунского являются и аналитические конструкции (деепричастие на *-ан*+служебный глагол), образуемые с помощью служебных глаголов *бар-* (*то он бар-* 'начать мерзнуть', *буолан бар-* 'начать быть'), *эр-* (*сууйан эр-* 'начать мыть'). Исследование синтаксических конструкций, составляющих текст прозаических произведений П.А. Ойунского, позволяет выделить структурные схемы моделей начала существования, события, действия, в которых субъекты изложены одушевленными именами существительными и причастиями, предикат выражен сочетанием парных деепричастий, образованных от глаголов бытия с семантикой начала существования (*төрөөн-үөскээн* 'родившись-появившись') и глагола бытия с семантикой прекращения бытия (*аас* 'пройти, проходить, проезжать мимо кого-чего-либо; прекращаться, исчезать, переставать; преодолевать какие-либо трудности, справляться с трудностями'); сочетанием бытийного глагола, обозначающего начало существования, с модальной частицей, а также аналитической конструкцией (сочетание причастия на *-ых* и формы прошедшего категорического времени от недостаточного глагола *-э* (*үөскүөх этэ* 'возникли бы'))).

Условные обозначения

2 – второе лицо, 3 – третье лицо, ABL – исходный падеж, ACC – винительный падеж, ADV – наречие, AUX.N – служебное имя, AUX.V – вспомогательный глагол, CAUS – побудительный залог, COND – условное наклонение, CONJ – союз, CVB.PAST – (прошедшее) деепричастие на *-ан*, DAT – дательный падеж, INTJ – междометие, INS – орудный падеж, ITER – итератив (множественно-многократный вид), JUS.SG – императив 3 л. ед. числа, N – имя существительное, NEG – отрицательная форма глагола, NPST –

преждепрошедшее время, PASS – страдательный залог, PAST – недавнепрошедшее время, прошедшее категорическое время, PL – множественное число, PP – причастие, POSS – имя притяжательное, принадлежность, POST – послелог, PP.INF – инфинитивное причастие, PP.PRES – причастие настоящего-будущего времени, PP.PST – причастие прошедшего времени, PRES – настоящее-будущее время, PRET – недавнепрошедшее категорическое время, PROPR – проприетив, PRTC – частица, SBJV – сослагательное наклонение, REFL – возвратный залог, SG – единственное число, FUT – будущее время, Vins – недостаточный глагол -э, Vex – глагол бытия.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Бытийные предложения в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. № 3. С. 229-238.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983. 198 с.
3. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 1999. 576 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 12 (Буквы У, Ү) / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 10 (Буква Т: т – төһүүлээ) / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. 575 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
7. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
8. Дурова М.В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке: автореф. канд. д. филол. наук. Новосибирск, 2016. 25 с. EDN: ХВКJMQ
9. Ефремов Н.Н. Бытийные конструкции в эпическом тексте (по материалам эпического героического эпоса олонхо) // Гуманитарный вектор. 2013. № 4. С. 149-154. EDN: RTVFVL
10. Кошкарева Н.Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 64-76. EDN: HYRSFN
11. Ойуунускай П.А. Талыллыбыт айымньылар. 2 том: Кэпсээннэр, сэхэннэр, пьесалар, ахтыы. Дьокуускай: Бичик, 1993. 448 с. (на якутском языке).
12. Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в поэтических текстах А.Е. Кулаковского: модель каузации начала существования // Языковые процессы и функционирование языков в поликультурном пространстве. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора Гаврила Гаврильевича Филиппова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2024. С. 85-90. EDN: QRSNCB
13. Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в якутском языке: модель каузации начала существования // Филология: научные исследования. 2024. № 1. С. 83-92. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69520 EDN: EDOQVB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69520
14. Сивцева Н.А. Синтаксические конструкции с глаголами бытия в текстах кругового танца осуохай // Круговые танцы народов Евразии: актуальные вопросы изучения, сохранения, укрепления традиций. Сборник научных статей. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2024. С. 268-276. EDN: AKAUBL
15. Сивцева Н.А. Функционально-семантическая категория бытийности в якутском языке

- // Алтаистика. 2023. № 3. С. 5-12. DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3-5-12 EDN: XWNZGT
16. Сивцева Н.А. Ядерные и периферийные средства выражения категории бытийности в поэтических произведениях А.Е. Кулаковского жанра алгыс (благословение) // Вопросы национальных литератур. 2024. № 2 (14). С. 66-72. DOI: 10.25587/2782-6635-2024-2-66-72 EDN: HP TKWS
17. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
18. Тазранова А.Р. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в алтайском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 26 с. EDN: QDPFIR
19. Черемисина М.И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 56-61. EDN: TNEZHV
20. Черемисина М.И., Озонова А.А., Тазранова А.Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: изд-во "Любава", 2008. 205 с. EDN: RUOALH
21. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 1996. № 4. С. 46-57. EDN: TBXINZ
22. Чугунекова А.Н. Бытийно-перцептивные модели предложений в хакасском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2. С. 78-81. EDN: SKHLKN
23. Чугунекова А.Н. Модели простого предложения с семантикой существования субъекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. Ч. 1. С. 203-206. EDN: PUVAUX
24. Шилова В.В. Система пространственных моделей элементарных простых предложений в ненецком языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 22 с. EDN: QDTAIN
25. Шилова В.В. Бытийно-перцептивные модели элементарных простых предложений в ненецком языке: модели исчезновения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: изд-во НГУ, 2002. Выпуск 12. С. 115-123.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кудряшова А.Н., Манжелевская Е.В. Сопоставительный анализ функций эллипсиса в разных функциональных стилях английского языка // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.74458 EDN: CPVXUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74458

Сопоставительный анализ функций эллипсиса в разных функциональных стилях английского языка

Кудряшова Анна Николаевна

ORCID: 0000-0003-3878-7390

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра Лингвистики и профессиональной коммуникации; Южный федеральный университет
доцент; кафедра иностранных языков и речевых коммуникаций; Южно-Российский институт управления РАНХиГС

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, Университетский пер., д. 93

✉ fairagness@mail.ru



Манжелевская Елена Вячеславовна

кандидат филологических наук

доцент; Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, Университетский пер., д. 93

✉ helenmanjel@rambler.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.74458

EDN:

CPVXUE

Дата направления статьи в редакцию:

15-05-2025

Аннотация: Предметом исследования является использование эллипсиса в различных функциональных стилях языка. Объектом исследования являются функции, свойства, характеристики и роль эллипсиса в разговорном, официально-деловом, научном, публицистическом стилях. Автор рассматривает такие аспекты, как отсутствие

грамматической единицы, восстанавливаемой семантически из локального синтаксического или семантического контекста в различных функциональных стилях; приводит примеры и анализирует синтаксический, грамматический и прагматический эллипсис. Автор указывает на механизмы, управляющие эллипсисом в разных функциональных стилях. Особое внимание уделяется способам представления и восстановления эллипсиса, а также интерпретации опущенного лексического материала, также выделяется одно из самых главных свойств – лаконичность и экономия языковых средств, которые проявляются во всех функциональных стилях. Для достижения поставленной цели были использованы методы литературного анализа, сопоставительного анализа, метод выборки примеров, контекстуальный анализ. Для анализа использовались тексты и примеры разговорного, официально-делового, художественного, публицистического, научного стилей, где сопоставление и анализ позволили выявить общее, интерпретировать результаты и сделать выводы. Основным выводом исследования является установление схожести роли эллипсиса в различных функциональных стилях: стилеобразующая, коммуникативная, для экономии языковых средств. В качестве эмпирического материала были взяты разговорные фразы, примеры из официальных документов, в том числе Устава Лиги Наций и ООН, произведений Дж. Роулинг, Дж. Селлинджера, Э. Хемингуэя и журнала *Foreign Affairs*. Особым вкладом автора в исследование является анализ эллипсиса с лингвистической точки зрения, когда смысл высказывания достигается, несмотря на отсутствие выраженной единицы. Автор выявляет различные способы связи между "неполным" предложением и контекстом, посредством эллипсиса достигается выражение цельной мысли и законченности высказывания, что делает эллиптические предложения исключительными, с точки зрения предикации и строгой синтаксической системы английского языка. Обсуждаются вопросы о том, как эллипсис представлен и как восстанавливается интерпретация опущенного лексического материала. Новизна исследования заключается в системном сравнении функций эллипсиса в разных стилях. Например, семантический эллипсис более важен, чем грамматический эллипсис, а прагматический эллипсис – это культурное понимание, которое систематизируется в схемы и сценарии.

Ключевые слова:

эллипсис, лингвистика, разговорный стиль, официально-деловой стиль, художественный стиль, публицистический стиль, научный стиль, анализ, английский язык, функция

1. Введение

Эллипсис — это пропуск в предложении одного или нескольких слов, которые требуются для полной ясности, но которые обычно можно понять из контекста. «Согласно определению, которое дано в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, эллипсис – это намеренный пропуск несущественных слов в предложении без искажения его смысла, а часто – для усиления смысла и эффекта» [\[12, с. 80\]](#). Хотя многие исследователи расходятся в своем мнении об эллипсисе, они согласны с тем, что эллипсис – это уникальное синтаксическое средство [\[20, с. 76\]](#). В средневековых текстах отсутствующие части речи не отмечались, но практика их маркировки возникла в конце XVI в. как проявление несовершенств языка: пропусков, пауз и прерываний, лежащих в основе разговорной речи. С самого начала знаки многоточия, применяемые в таких

случаях, были различны по внешнему виду, и использовались непрерывная линия, ряд дефисов или ряд точек. Только в конце 19-го века начали проводить четкие различия между знаками. Тире, или непрерывная линия, стали наиболее распространенными из символов, сигнализируя о резких изменениях или перерывах, тогда как точки стали подразумевать более длительную, более нерешительную паузу. Точки также стали предпочтительным знаком для указания пропусков в цитатах. Такая стандартизация становилась все более распространенной на протяжении всего XX в.

2. Разговорный стиль

«Разговорный стиль, или обиходно-разговорный (обиходно-бытовой) стиль, – один из функциональных стилей литературного языка, используется только в неофициальном общении или как его стилизация – в художественных текстах» [\[22, с. 511\]](#). Разговорные диалоги полны эллипсиса. Если бы оно не использовалось, наши предложения постепенно становились бы длиннее по мере развития разговора.

- *What are you doing?*

- *My homework (то есть, I'm doing my homework)*

- *What? (What are you doing?)*

- *I'm telling you I'm doing my homework.*

В большинстве случаев эллипсис относится к чему-то, что было сказано ранее, но иногда оно предвосхищает то, что будет сказано в дальнейшем:

Don't ask me why, but he is going out вместо *Don't ask me why he is going out, but he is going out.*

В разговорной речи «эллиптические предложения описываются в качестве самостоятельных синтаксических конструкций, получающих функциональный статус вследствие конструктивной поддержки» [\[15, с. 67\]](#). Учитывая коммуникативный аспект, можно сказать, что семантическое значение эллипсиса формируется при помощи контекстов всех уровней сообщения [\[15, с. 67\]](#). А. Е. Ефименко отмечает, что создание эллипсиса может быть продиктовано заранее сформированным намерением говорящего [\[10, с. 72\]](#). То есть, «употребление эллипсиса бывает продиктовано причинами, различными для разных сфер и условий общения. Так, для ускорения передачи информации в устной диалогической речи сокращается ряд элементов высказывания; это становится возможным благодаря компенсации недостающих звеньев при помощи интонации, контекста и таких неязыковых факторов, как предыдущий опыт собеседников, ситуация, жестикуляция, мимика» [\[24, с. 78\]](#).

Это явление «может наблюдаться не только в области предложений и словосочетаний, но и в области морфологии и словообразования как одноструктурных, так и разноструктурных языков мира» [\[25, с. 4\]](#). В английском языке эллипсис обладает определенными характеристиками. Известно, что английский язык является в высокой степени грамматически ориентированным языком в отношении недопустимости пропуска подлежащего в личных предложениях и широкого использования фиктивного подлежащего для сохранения заполненной позиции подлежащего. Это связано с тем,

что английский, в отличие от многих европейских языков, имеет мало глагольных флексий для обозначения согласования подлежащего и глагола, в результате чего предмет необходимо выразить, иначе значение фразы будет двусмысленным.

Несмотря на почти полное отсутствие согласования подлежащего и глагола, подлежащее-эллипсис в английском языке, по сути, также является распространенным явлением в разговорной и повседневной речи, поскольку оно преимущественно основано на письменном или формальном английском языке. Эллипсис субъекта возникает, когда субъект может быть восстановлен благодаря информации, содержащейся в другом месте контекста. Другими словами, возможность восстановления является ключом к применению эллипсиса субъекта.

Например: *Sounds good!*

То есть, грамматические модели по-прежнему играют большую роль, но важнее смысл, вкладываемый в выражение, а не следование правилам [\[18, с. 42\]](#). Помимо субъектного эллипсиса, в английском языке можно встретить случаи глагольного эллипсиса, эллипсиса вспомогательного глагола, пропуска сравнительных конструкций и ряда других.

В разговорной речи использование эллипсиса часто подразумевает намерение говорящего прекратить тему разговора, вызывая импликации неинтересных ответов. То есть, пропуск лексических единиц в английском языке может способствовать созданию связности, и чаще всего он создается с помощью местоимений. Нередко субъектные эллипсисы имеют «я» в качестве референта, а также другие личные местоимения. Интересно, что существуют случаи, когда подлежащее появляется в конце предложения со вспомогательным глаголом, не оставляя следа в начальной позиции. По сути, это вопрос-тег.

Например: *Can't run, can you?*

Также эллипсис может быть вызван фонологической случайностью: *Bloody marvelous, you are.*

Эллипсис в разговорной речи может возникнуть во время непринужденной атмосферы. Это не только означает, что участники речи находятся в близких отношениях, но и что содержание разговора и чувства участников речи носят легковесный характер. При этом, непринужденность разговора может варьироваться, как и возникновение эллипсиса. То есть, субъектный эллипсис в английском языке не всегда используется в первую очередь для связности, несмотря на распространенное утверждение, что анафора, частью которой является эллипсис, является одним из средств создания связности. Помимо этого, такой эллипсис способен вовлечь человека в диалог или расставить нужные акценты в речи.

Стоит добавить, что эллипсис субъекта и эллипсис в более общем смысле обычно рассматриваются с двух точек зрения: отслеживание ссылок и организация дискурса. А. В. Вих указывает на то, что эллипсис в дискурсивном анализе является элементом когезии [\[4, с. 72\]](#). Эллипсис создает связность на том основании, что адресат должен искать в другом месте интерпретацию отсутствующего подлежащего; и тем самым связывает текущее предложение с другим предложением. Однако, если бы эллипсис был главным средством установления связности, мы могли бы ожидать, что будем постоянно видеть эллипсис на протяжении всего текста. То есть, помимо этого, эллипсис играет важную роль в организации разговора и повествования в зависимости от необходимой

экономии и стиля.

Для того, чтобы успешно восстанавливать субъектный эллипсис, собеседник должен получить от говорящего достаточно контекста. То есть, высказывание не может существовать изолированно от других высказываний и дискурсивной среды. Оно должно быть релевантным в данной дискурсивной среде, так как в противном случае высказывание может не иметь смысла для адресата, представляя собой набор не связанных по смыслу выражений. Отсюда важность контекста.

Применение эллипсиса для восстанавливаемых элементов позволяет избежать тавтологии. Сам же контекст с точки зрения эллипсиса можно разделить на два типа: ситуативный контекст и лингвистический контекст. Ситуативный контекст обеспечивает знание и понимание, полученные из среды, которую разделяют говорящий и адресат. Это, например, включает в себя знание того, что говорящий представлен местоимением первого лица, а адресат — местоимением второго лица, и что ссылка на лицо взаимозаменяема в зависимости от того, кто является говорящим, а также любое восприятие дискурса; взаимные или фоновые знания, социальную обстановку; регистр; отношения между участниками речи и т. д. Чем больше собеседники знакомы с информативной составляющей друг друга, тем проще и быстрее они смогут распознать эллиптические конструкции.

С другой стороны, лингвистический контекст обеспечивает знание и понимание, созданные сочетанием лингвистического кодирования грамматичности предложения, т. е. того, что грамматически разрешено пропустить, и ссылки на предыдущие высказывания, т. е. анафоры.

Например: *Where's John? Went to the cinema.*

Знание принципов языка также упрощает процесс употребления эллипсиса. Синтаксически эллипсис в английском языке проявляется союзными структурами и нефинитными предложениями, а именно, придаточными предложениями, герундивными предложениями и предложными фразами.

Например: *I will go to Rome or to London.*

Однако разговорная речь отличается тем, что зачастую эллипсис выходит за рамки того, что грамматически приемлемо.

Например, во фразе *John have read the book. Missed about it.* эллипсис подлежащего во втором предложении должно быть, в силу грамматики английского языка, неграмматическим; тем не менее, этот тип эллипсиса подлежащего часто встречается в разговоре, тогда как первое и второе высказывания представляют собой психологически, семантически и логически связанные между собой высказывания.

Тем не менее, при отсутствии союзов стандартная английская грамматика, которая в значительной степени основана на формальном письменном английском, заставляет рассматривать эти два высказывания как два отдельных предложения и, следовательно, интонационно разделять их точками, хотя психологически они вполне могли бы образовать единую координационную структуру, например, «Он не прочитал книгу, потому что забыл об этом». Это часто происходит в разговоре, потому что высказывания произносятся спонтанно, без тщательного планирования и редактирования, так что, хотя семантически они соединены в сознании говорящего, структурно они являются отдельными предложениями.

То есть, подобное сокращение синтаксической структуры происходит в результате произвольных отклонений, которые, тем не менее, считаются свойственными английскому языку и не являются явным противоречием грамматическим правилам [\[1, с. 62\]](#). Однако, «с другой стороны, эллипсис следует отнести к устойчиво модифицированным синтаксическим средствам в пределах диалогических текстовых образований, которые подлежат типизации по прагматическим целям» [\[1, с. 62\]](#). Таким образом, в разговорной речи, эллипсис, часто разрушая границы грамматических структур в пределах допустимого, может способствовать общению, но также может и прекратить его. Это стилистическое средство экономит время и лексические структуры и во многом зависит от контекста.

3. Официально-деловой и научный стили

Официально-деловой стиль «сыграл важнейшую роль в формировании и развитии русского литературного языка» [\[21, с. 268\]](#). «Официально-деловой стиль – это «стиль государственных актов, законов, международных документов, уставов, инструкций, административно-канцелярской документации, деловой переписки и т. п.» [\[5, с. 34\]](#). Аналогичным образом нормы английского языка опираются на стандартизацию, принятую в деловой и бизнес-переписке этого языка.

Понятно, что деловые письма должны быть написаны быстро и эффективно. Иначе это поставит под угрозу репутацию или прибыль. Поскольку бизнес не может позволить себе время на медленную эволюцию смысла, очевидным решением является формализация и типизация писем. Наличие шаблонного способа выражения идеи облегчает процесс написания. То есть, применение клише в определенном порядке [\[16, с. 2132\]](#) в этом стиле более эффективно, чем использование других единиц, поскольку они уменьшают неопределенность и необходимость в трудоемком пояснении тех или иных явлений.

Деловые письма имеют особую функцию, возможно, более ярко выраженную, чем в большинстве других видов письма, — заставить получателя подчиниться или донести до его сведения информацию. Таким образом, необходимо представить данные, просьбы и предложения, которые они содержат, в формате, который приведет к желаемому результату. Следовательно, обязанность автора — проанализировать риторическую ситуацию с точки зрения читателя и убедиться, что формат, выбор языка и содержание отражают эту потребность. Особенно это важно, так как чаще всего документы, составленные в этом стиле, регулируют правовые отношения между разными сторонами [\[3, с. 15\]](#).

Краткость — это еще одна абсолютная необходимость в написании деловых писем, при помощи которой автор способен выразить свои мысли как можно меньшим количеством слов. Однако существует существенная разница между краткостью и резкостью. Правильно выстроить такой текст помогает эллипсис. В официальном стиле «эллипсис как речевой процесс опирается на внутритекстовые связи» [\[14, с. 67\]](#).

Также, в официально-деловом стиле «структура текста «работает» на правильную интерпретацию текстуально семантизированной единицы, например, через лексическое окружение, призванное заузить сферу референции эллиптической единицы, а также через совместную встречаемость разных ступеней эллипсиса или через повторное

употребление формально-структурно полной конструкции» [\[14, с. 67\]](#). Что касается формы, существует значительная свобода в выборе лексического средства, и очень мало ограничений, поэтому лаконичность, достигнутая посредством эллипсиса, являющаяся одной из черт официально-делового письма, легко узнаваема. Она проявляется в простых предложениях и безэмоциональности текста [\[13, с. 45\]](#). Важно, чтобы при сокращении количества лексических средств не терялся смысл и точность.

Например:

If the payment is not received on time, the company will be suspended.

Подобная фраза из официального соглашения допускает использование следующего варианта: *If not received on time, the company will be suspended* с условием, что из предыдущего предложения понятно, о чем идет речь.

Устав Лиги наций содержит следующие синтаксические конструкции: «*Subject to and in accordance with the provisions of international conventions existing or hereafter to be agreed upon, the Members of the League: (a) will endeavour to secure and maintain fair and humane conditions of labour for men, women, and children, both in their own countries and in all countries to which their commercial and industrial relations extend, and for that purpose will establish and maintain the necessary international organisations; (b) undertake to secure just treatment of the native inhabitants of territories under their control*» [\[28, с. 179\]](#), где из параграфа в параграф опускаются местоимения.

Помимо подлежащих, также могут быть опущены вспомогательные глаголы, что в деловой или официальной переписке отражает сложное взаимодействие между риторикой и ситуацией. Например, в тексте декларации прав человека опускается «are»: «*We the peoples of the united nations determined*» [\[35\]](#).

Научные и технические документы тоже выполняют одну из главных функций эллиптического языка — быстро донести до читателя суть сообщения. Технический язык может быть весьма риторическим, воздействуя на своих читателей способами, которые они могут не заметить.

Например: *As demonstrated, this method is unreliable.* Писатели любого вида технической, научной или любой другой профессиональной прозы должны понимать, какую цель они хотят достигнуть, что сохранить в неизменном виде, а что — оставлять в форме подразумеваемого предположения. В той степени, в какой они могут, читатели инстинктивно заполняют пропуски, оставленные писателями, будь то на синтаксическом или семантическом уровне, и умелый писатель должен помнить об этой особенности восприятия текста.

4. Художественный стиль

Что касается художественного стиля, то его «цельная картина до сих пор не сложилась, несмотря на наличие более или менее обстоятельных описаний целого ряда частных феноменов» [\[19, с. 54\]](#). «Основной функцией ХС является изобразительная, ей подчинены:

1) художественные образы, которые создаются на основе дескриптивной лексики;

2) словесные образы, возникающие в результате переносного использования такой лексики и служащие усилению художественных образов» [\[19, с. 54\]](#).

В художественном тексте эллипсис дополнительно открывает возможность множественных значений. «Эллипсис используется как для того, чтобы придать речи вымышленных героев характер правдоподобности, поскольку данный вид предложений типичен для реальной разговорной речи, а в художественном тексте речь персонажа строится по подобию реальной речи, так и для того, чтобы создать образ ранимого, отчаявшегося персонажа, который своей речевой партией демонстрирует свои эмоции» [\[2, с. 218\]](#). Сюда входит и недосказанность, и психологическое состояние персонажей [\[17, с. 103\]](#) и даже самого автора. Учетывание глубокого взаимопроникновения синтаксиса, семантики, контекста и ситуации особенно важно для любого анализа вклада эллиптического значения в художественную литературу. На этом основании, эллипсис можно определить как пропуск формы или нескольких форм в предложении, присутствие которых требуется или предполагается сопутствующими лексическими единицами и контекстом для того, чтобы придать смысл, а в художественном тексте, помимо всего прочего, — создать наиболее богатый и эмоциональный смысл сообщения.

Например: «*I'm not in the mood right now,*” *I said. I wasn't, either*» [\[33, с. 42\]](#).

В художественном тексте эллипсис выполняет аналогичные функции, схожие с функциями эллипсиса в других стилях. Например, он придает динамичность. Однако, к этому добавляется еще несколько специфичных функций, таких как

- возможность у говорящего создать интригу,

- транслирование внутреннего состояния персонажей: «*I don't understand boring guys. I really don't*» [\[33, с. 60\]](#).

«Самым распространенным видом эллипсиса в английском художественном тексте является фрагментирование» [\[10, с. 37\]](#):

«*Where's Crookshanks? Harry asked Hermione now.*

Out in the garden, I expect, she said» [\[31, с. 54\]](#).

«Следующий по распространенности тип эллиптических предложений – это эллипсис глагольной группы, который является почти таким же используемым в английском художественном тексте, как и фрагментирование» [\[11, с. 37\]](#). Эллипсис анафоричен по своей природе, поскольку восстановление его смысла зависит от предшествующего ему антецедента. Связь между эллипсисом и его антецедентом не является неограниченной, так как она подчиняется требованию параллелизма, обычно соответствующему формальному ограничению идентичности. Это значит, что опустить в тексте можно только определенные лексические единицы, и они, при этом, должны быть согласованы с антецедентом. Особенности такого соответствия и его точная формулировка широко обсуждается в лингвистике. Большая часть споров сосредоточена на вопросе о том, можно ли достичь идентичность посредством синтаксических структур или через семантические представления.

С точки зрения понимания предложения правильная формулировка взаимосвязи между эллипсисом и антецедентом потенциально важна для понимания того, что влияет на процесс восстановления антецедента. Важно отметить, что элементы, которые

восстановятся, должны полностью совпадать с антецедентом [\[9, с. 3021\]](#). Синтаксическая точка зрения утверждает, что восполнение пропущенной фразы восстанавливается с учетом определенной формы структурной идентичности. Семантическая утверждает, что процесс восстановления включает идентичность внутреннего значения.

Условие синтаксической идентичности, как правило, не ограничивается поверхностными представлениями, так как «восполнение текста или предложения может происходить различными путями: из ситуации или из речевого контекста» [\[11, с. 37\]](#), при этом становясь понятным при любых обстоятельствах. «Но это означало бы, что эллипсис присутствует чуть ли не повсюду, так как наряду с краткими выражениями какой-либо мысли почти всегда возможны более полные, поэтому каждую форму выражения необходимо понимать в соответствии с ее происхождением» [\[26, с. 38\]](#).

При этом, текст становится избыточным, когда он представляет или напоминает об информации, которая уже есть у читателей, либо потому, что они знали эту информацию до прочтения текста, либо потому, что она была представлена ранее в этом же тексте. Это наталкивает на мысль о том, что связность смыслов и читабельность текста требуют определенного уровня избыточности. Стоит отметить, что удобнее всего воспринимать текст, когда новая информация лишь частично совпадает со знаниями читателя. Это позволяет читателю получить новую информацию, не теряя интерес к тексту но при этом процесс ее получения не будет излишне сложным и отяготительным, что также упрощает ее обработку и последующий анализ как, например, здесь:

- «*I didn't marry her family.*»

- «*Of course not. But you always do. Dead or alive*» [\[29, с. 100\]](#).

О. И. Филиппова называет избыточность фактором, который позволяет художественному тексту правильно функционировать [\[27, с. 75\]](#). Избыточность предоставляет читателю данные на основе целого ряда дискурсных показателей, важных для интерпретации текста, в том числе на основе синтаксиса и фонетики. Так, содержание текста становится доступным читателю в результате соединения его знаний и информации, почерпнутой из текста. В итоге, избыточность обеспечивается не нагромождением лексических средств, а продуктивным взаимодействием читателя и текста. Контекстуальная избыточность достигается, в том числе, и за счет эллипсиса, когда читатель постигает информацию благодаря окружающим его стилистическим средствам. Избыточность может достигаться следующими языковыми средствами:

- Графическими;
- Синтаксическими;
- Лексическими;
- Фонетическими;
- И многими другими.

Ознакомление с текстом может вызвать затруднения, если читателю не знакома тематика, или если он не начитан достаточно, чтобы легко справляться со сложными конструкциями. Если читатель обладает достаточным багажом знаний, тем проще ему распознать замысел автора текста. Знание языка также стимулирует этот процесс. То есть, эллипсис и его трактовка может представлять определенную трудность, если

читатель не подготовлен. Поэтому любой вид избыточности может остаться проигнорированным читателем.

Так как избыточность можно трактовать как подготовку читателя, эллипсис помогает автору сэкономить лексические средства, сделав текст короче, но при этом сохранить суть и смысл. Стоит также добавить, что баланс избыточности и эллипсиса обусловлен богатством языка. Другими словами, избыточность и эллипсис влияют на восприятие контента. Более того, скорочтение, когда читатель воспринимает только самые необходимые фрагменты, предложения или слова, при условии, что ему хватает избыточности текста – также можно отнести к эллиптическому восприятию информации.

Незнакомая информация становится понятной читателю, тогда как остальная информация также проверяется и сверяется с имеющимися знаниями. Дополнительные методы обработки информации при помощи избыточности включают запоминание и паузы для повторения фраз или предложений. Текст в жанре прозы из области, выходящей за рамки компетенции читателя, потребует избыточного чтения, как и поэзия, если она эллипсична по синтаксису. Однако эллипсис в тексте не всегда требует избыточных методов чтения, таких как поиск подсказок или намеков автора в виде дополнительных грамматических структур или когнитивной нагрузки, если у читателя достаточно фоновых знаний.

Если контекст максимально ясен, эллипсис может быть значительным по своему объему без потери смысла и логики. Для читателей, которые знакомы с эллиптическим языком, таким как аббревиатуры, инициалы или акронимы, эллипсис становится кратчайшим путем к значению, предоставляя читателям ровно столько слов или букв, которые нужно идентифицировать, чтобы обеспечить понимание сообщения. Таким образом, текст строится на взаимозависимости избыточности и эллипсиса.

5. Публицистический стиль

«Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации (от лат. publicus – «общественный»), – один из функциональных стилей, обслуживающий широкую область общественных отношений – политических, экономических, идеологических и др.» [\[23, с. 1\]](#). «Публицистический стиль отличает тенденциозность (часто открытая), полемичность, эмоциональность, образность; ему близки интонации, строй и функции ораторской речи» [\[23, с. 1\]](#). Используя этот стиль, автор способен влиять на аудиторию и воздействовать на нее нужным ему образом [\[23, с. 1\]](#) посредством не только сенсационности и эмоциональности, но и быстроты подачи информации [\[7, с. 322\]](#).

В средствах массовой информации эллипсис имеет свою собственную категоризацию. Например, первая категоризация — грамматическая, семантическая и прагматическая. Вторая классификация — предикатная, именная и клаузуальная. Грамматический эллипсис рассматривается как удаление обязательных грамматических элементов. Тем не менее, в этом стиле эллипсис тоже должен быть восстановлен через другие части текста, в том числе через понимание синтаксических правил, что может проявляться в структурном эллипсисе, или в ситуативном эллипсисе, на который в значительной степени опирается передача разговорной речи в публицистике.

Семантический эллипсис — это пропуск компонентов, которые не являются обязательными, но содержат информацию, относящуюся к данному контексту. Он более примечателен и важен, чем грамматический эллипсис. Наконец, прагматический эллипсис определяется как когнитивная нагрузка, включающая культурное понимание, которое систематизируется в общеизвестные концепты, из которых может быть извлечена необходимая, представленная неявно или косвенно, информация.

Самый широко распространенный эллипсис проявляется на уровне синтаксиса, особенно в идентичных элементах в относительных, сравнительных и сочинительных предложениях, которые являются конечным предложением и в нефинитном предложении, в инфинитиве и герундии.

Например: «The Dodgers scored more runs in the tenth inning than the Yankees in the entire game» [\[35\]](#).

«В аналитических статьях наибольшее распространение получили парадигматические эллиптические конструкции» [\[8, с. 34\]](#). Д. О. Грошева отмечает, что «наиболее распространенные типы эллипсиса (фрагментирование, нулевая анафора дополнения, эллипсис глагольной группы) в публицистических текстах встречаются в два раза реже, а такие типы конструкций как гэппинг и псевдогэппинг практически не встречаются» [\[6, с. 102\]](#). «Все типы эллиптических конструкций используются в художественных текстах чаще, где они выполняют множественные функции – выделение информации, простое сокращение предложений и избегание тавтологии, в то время как в публицистических текстах эллипсис практически во всех случаях выделяет важную для читателя информацию» [\[6, с. 102\]](#).

Так, например,

- в «*But in an important sense, he is not: Trump is part of a broad populist upsurge running through the Western world. It can be seen in countries of widely varying circumstances, from prosperous Sweden to crisis-ridden Greece*» во втором предложении опущено «it can be seen» [\[33, с. 9\]](#).

- В предложении «*Populism sees itself as speaking for the forgotten «ordinary» person and often imagines itself as the voice of genuine patriotism*» [\[34, с. 9\]](#) опущено «populism sees».

- «В последних четырех частях предложения «*The Republican nominee for U.S. president inherited a fortune, boasts about his wealth and his many properties, shuttles between his exclusive resorts and luxury hotels, and has adopted an economic plan that would, among other things, slash tax rates for rich people like himself*» опущено слово «President» [\[30, с. 19\]](#).

- В предложении «*The refugee crisis has abated slightly, but only because the eu has outsourced the problem to Turkey — a country that is itself experiencing about of instability*» опущено «the crisis» [\[31, с. 25\]](#).

Благодаря этому приему текст приобретает легкость, становится более сжатым, экономичным, но при этом остается понятным и информативным.

6. Выводы

Таким образом, можно сказать, что эллипсис — это процесс или результат пропуска части конструкции предложения, которая была опущена с целью экономии, выделения акцента или для достижения соответствия с каким-либо стилем. В этой статье представлены различные явления, связанные с эллипсисом в английском языке, в частности механизмы, которые характеризуют это явление в различных стилях. Рассмотрены разговорные, официально-деловые, художественные, публицистические и научные стили. Целью работы было установление того, что в разных функциональных стилях эллипсис выполняет схожую роль.

Было установлено, что «количество языковых средств тесно связано с условиями их использования» [\[25, с. 2\]](#) и целью автора. «Определенные условия позволяют иногда с помощью одного слова достаточно ясно передать мысль, для выражения которой при других условиях потребуется целое предложение» [\[25, с. 2\]](#). Технические и официальные документы выполняют одну из главных функций эллиптического языка — быстро донести до читателя суть сообщения, что достигается при помощи эллипсиса. В разговорной речи, эллипсис, часто разрушая границы грамматических структур, может способствовать общению, но также может и прекратить его. Это стилистическое средство экономит время и лексические структуры и во многом зависит от контекста. Художественный текст строится на взаимозависимости избыточности и эллиптической лаконичности. Благодаря этому приему публицистические тексты приобретают легкость, становятся более сжатыми, экономичными, но при этом остаются понятными и информативными.

Библиография

1. Бабенко К. В. Речевой аспект употребления эллипсиса в устном англоязычном контексте // Молодая наука. Сборник тезисов участников II научно-практической студенческой конференции. 2020. С. 61-62. EDN: MEIIM.
2. Булаева Н. Е., Давыдова М. М. Об использовании эллипсиса в современной англоязычной прозе // Фундаментальные и прикладные научные исследования:

- актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2019. С. 217-219. EDN: EFOUVV.
3. Вавилова В. С., Осокина С. А. Стилиевые особенности текстов официально-деловых документов // Межкультурная коммуникация и СМИ. 2023. № 24. С. 10-16. EDN: TOTZWE.
4. Вих А. В. Эллипсис знаменательных частей речи как средство экономии во франкоязычном медиадискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 70-77. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-70-77. EDN: JNLYDN.
5. Галлямитдинов Д. Э. Речевые задачи следователя-профессионала: разговорно-обиходный стиль vs официально-деловой стиль // Потенциал социально-гуманитарного знания в решении актуальных проблем системы исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом. Сборник материалов IV международного конкурса научных разработок на русском и английском языках. 2023. С. 33-37. EDN: SWKNSS.
6. Грошева Д. О., Суменкова Е. М. Особенности эллиптических конструкций в англоязычных художественных и публицистических текстах // Актуальные проблемы лингвистики и методики. Материалы восьмой международной студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 101. EDN: WQCPRR.
7. Деляева Н. А. Публицистический стиль как основа языка СМИ // Студенческая наука и XXI век. 2023. Т. 20. № 1-2 (23). С. 321-322. EDN: SQEIKH.
8. Дутова Н. В. Проблема перевода эллиптических конструкций на материале газетных статей // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития. Сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. 2019. С. 28-35. EDN: SMEFOZ.
9. Дьяконова С. А. Эллипсисы причастия, субъектной именной группы в причастных оборотах и их экспликация на материале англоязычного экономического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3012-3023. DOI: 10.30853/phil20240428. EDN: ZQSKHM.
10. Ефименко А. Е. Эллипсис и паралипсис в риторике и в нарратологии // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 70-79. DOI: 10.54770/20729316-2023-4-61. EDN: QGRIRT.
11. Зинган Ю. П. Типологический анализ эллиптических предложений в английском художественном тексте // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 1 (64). С. 36-40. EDN: CVWUFI.
12. Иванова В. Ю., Николаева Е. В. Эллипсис в заголовках англоязычных порталов (на материале новостных англоязычных порталов BBC, CNN) // Научные исследования 2024: актуальные теории и концепции. Сборник материалов XLIX-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, в 3 т. 2024. С. 79-82. EDN: RBOTTG.
13. Кирсанов Е. А. Лексико-семантические и грамматические трансформации в переводе официально-деловых текстов // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-3. С. 43-47. DOI: 10.18411/trnio-02-2023-128. EDN: VVQWOM.
14. Ключенович С. С. Тексторганизирующий потенциал эллипсиса в экономическом и юридическом дискурсах // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2019. № 5 (102). С. 67-73. EDN: XMSXYP.
15. Косоножкина Л. В. Эллипсис как языковая универсалия // Лингвистические и психологические особенности преподавания иностранных языков. Сборник материалов межвузовской научно-методической конференции. 2018. С. 67-73. EDN: YVAZER.
16. Кюрегян А. Л., Перцевая Е. А., Кузьмина А. П. Систематизация английских псевдоинтернационализмов официально-делового стиля при переводе на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 7. С. 2130-2135.
17. Магомедова А. А., Шамсудинова С. Э. Экспрессивные синтаксические конструкции в

- романах английских писателей XX века // Дагестанский государственный университет. 2024. № 6. С. 100-104.
18. Моргунова М. Н., Щербинина Д. В. О некоторых грамматических особенностях современной английской разговорной речи // Спутник высшей школы. 2023. № 3 (14). С. 37-44. DOI: 10.55346/27825647_2023_3_37. EDN: ICHXAM.
19. Москвин В. П. Художественный стиль // Актуальные проблемы стилистики. 2021. № 7. С. 53-62. EDN: NRSXNJ.
20. Попова А. Н. Переводческие стратегии передачи эллиптических конструкций с английского языка на русский // Устойчивое развитие науки и образования. 2022. № 1 (64). С. 73-78. EDN: ZLGBXB.
21. Протопопова О. В. Взаимодействие официально-делового стиля с другими стилями: за и против // Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов. Под редакцией М. П. Котуровой; Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Пермский государственный университет". 2010. С. 267-277. EDN: QNLBJJ.
22. Сиротинина О. Б. Разговорный стиль, или обиходно-разговорный (обиходно-бытовой) стиль // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; Под редакцией А. П. Сковородникова. 2014. С. 511-512. EDN: UQASJL.
23. Солганик Г. Я., Клушина Н. И. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; Под редакцией А. П. Сковородникова. 2014. С. 499-501. EDN: UQARQF.
24. Суворова Н. Л. Ненормативный эллипсис как основная черта просторечного синтаксиса в английском языке // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 13. С. 78-82. EDN: OKVRDJ.
25. Тутаришева М. К. Эллипсис как языковое явление // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 13. EDN: YRYRMH.
26. Тутаришева М. К., Тутаришева М. К. Сущность, роль и функции эллипсиса в языке (на материале разноструктурных языков) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 38-43. EDN: TBCOLH.
27. Филиппова О. И. Средства когнитивной категории избыточности и их полифункциональность в художественном тексте // Иностранные языки в Узбекистане. 2023. № 5 (52). С. 72-95. DOI: 10.36078/1696583046. EDN: MBQAKD.
28. Ackermann M. E. et al. Encyclopedia of world history. Volume VII. Facts on File, 2008. P. 179.
29. Hemingway E. The Garden of Eden. USA: Charles Scribner's Sons, 1986. P. 100.
30. Kazin M. Trump and American Populism. Old Wine, New Bottles. Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, N. 6. P. 19.
31. Mudde C. Europe's Populist Surge. A long time in the Making. Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, N. 6. P. 25.
32. Rowling J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire. Bloomsberry, 2004. P. 54.
33. Salinger J. The Catcher in the Rye. USA: Abridged Bestseller, 2014. P. 42, 60.
34. Zakaria F. Populism on the March. Why the West is in Trouble. Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, N. 6. P. 9.
35. United Nations. Quotes. Дата доступа: 26.05.2025. URL: https://en.wikiquote.org/wiki/United_Nations.
36. USA Today. The Dodgers Game. Дата доступа: 26.05.2025. URL: www.usatoday.com.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Сопоставительный анализ функций эллипсиса в разных функциональных стилях английского языка».

Предмет исследования – эллиптические конструкции, функционирующие в различных стилях английского языка.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, сравнения, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования эллиптических конструкций, функционирующих в различных функциональных стилях, связана с необходимостью изучения этого явления в его естественном коммуникативном окружении, а также с практической значимостью полученных результатов для различных областей лингвистики и преподавания языка.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем предпринята попытка изучить рационально-прагматические возможности эллиптических конструкций в разных функциональных стилях английского языка.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы (в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы; приведена теоретическая основа исследования); основная часть (рассмотрены функции эллиптических конструкций в разных функциональных стилях английского языка, теоретические измышления автора подкреплены конкретными примерами); заключение (автор делает общие выводы об особенностях функционирования эллиптические конструкции в различных функциональных стилях английского языка); библиография (включает 21 источник отечественных и зарубежных авторов). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Проведенный анализ эмпирического материала и иллюстративные примеры дают представление об особенностях функционирования эллиптические конструкции в различных функциональных стилях английского языка. Практическая ценность данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть включены в курсы теоретических и практических грамматик современного английского языка, материалы могут быть использованы преподавателями, методистами и студентами-филологами в разработке методологических решений, а также могут быть использованы при составлении различного вида пособий по изучению английского языка.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования, стоит также дать характеристику эмпирического материала. Для лучшего восприятия статьи было бы уместно ввести подзаголовки.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным. В статье довольно много цитат, уместнее использовать парафраз.
3. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретические измышлений автора статьи, стоит унифицировать оформление примеров.

4. Нужно упорядочить использование кавычек ("ordinary" person; 'общественный') и перепроверить текст на предмет описок и пропусков символов (В средствах массовой информации Эллипсис имеет; Turkey— a; « Populism sees).

5. В библиографии уместно увеличить долю работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают особенности функционирования эллипсиса в разных функциональных стилях английского языка. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена тем, что эллипсис является одной из наиболее дискуссионных проблем современного синтаксиса. Эллиптические предложения представляют собой одно из эффективных синтаксических средств имплицитной передачи информации и широко распространены во всех стилях речи («Это стилистическое средство экономит время и лексические структуры и во многом зависит от контекста. Художественный текст строится на взаимозависимости избыточности и эллиптической лаконичности. Благодаря этому приему публицистические тексты приобретают легкость, становятся более сжатыми, экономичными, но при этом остаются понятными и информативными»). Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер. В ее основе обоснованно лежат общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с элементами наблюдения, обобщения, интерпретации, сравнительно-сопоставительный анализ, методы контекстуального, дискурсивного и когнитивного анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассматривается функционирование эллипсиса в разговорном стиле («в разговорной речи, эллипсис, часто разрушая границы грамматических структур в пределах допустимого, может способствовать общению, но также может и прекратить его; это стилистическое средство экономит время и лексические структуры и во многом зависит от контекста»), официально-деловом и научном стилях («научные и технические документы тоже выполняют одну из главных функций эллиптического языка — быстро донести до читателя суть сообщения»), в художественном стиле («в художественном тексте эллипсис дополнительно открывает возможность множественных значений»), а также в публицистическом стиле («благодаря этому приему текст приобретает легкость, становится более сжатым, экономичным, но при этом остается понятным и информативным»). Делается обоснованный вывод о том, что в разных функциональных стилях эллипсис выполняет схожую роль.

Теоретическая значимость работы заключается в изучении функций эллипсиса в разных функциональных стилях английского языка. Практическая значимость определяется

возможностью использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в практике преподавания английского языка, а также в вузовских курсах по практической и теоретической грамматике английского языка, лингвистике и стилистике текста, сравнительной типологии и др.

Обращаем внимание автора(ов) на библиографию: возможно, по технической ошибке библиографический список представлен всего одним источником (см Бабенко К.В. Речевой аспект употребления эллипсиса в устном англоязычном контексте). В то же время в тексте есть ссылки на 35 источников.

В целом, представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после внесения соответствующих правок.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье воспроизведен сопоставительный анализ функций эллипсиса в разных функциональных стилях английского языка. На мой взгляд, тема исследования достаточно интересна, причем раскрывается она объемно и целостно. Предмет изучения соотносится с одной из рубрик издания; методология работы актуальна, грейд аналитики выдержан на протяжении всего сочинения. Стоит заметить, что в работе удачно сочетается теоретический и практический уровни. Автору удастся создать эффект диалога с оппонентами, при этом заинтересовать и потенциального читателя. Стиль соотносится с научным типом речи: например, «в английском языке эллипсис обладает определенными характеристиками. Известно, что английский язык является в высокой степени грамматически ориентированным языком в отношении недопустимости пропуска подлежащего в личных предложениях и широкого использования фиктивного подлежащего для сохранения заполненной позиции подлежащего. Это связано с тем, что английский, в отличие от многих европейских языков, имеет мало глагольных флексий для обозначения согласования подлежащего и глагола, в результате чего предмет необходимо выразить, иначе значение фразы будет двусмысленным», или «В разговорной речи использование эллипсиса часто подразумевает намерение говорящего прекратить тему разговора, вызывая импликации неинтересных ответов. То есть, пропуск лексических единиц в английском языке может способствовать созданию связности, и чаще всего он создается с помощью местоимений. Нередко субъектные эллипсисы имеют «я» в качестве референта, а также другие личные местоимения. Интересно, что существуют случаи, когда подлежащее появляется в конце предложения со вспомогательным глаголом, не оставляя следа в начальной позиции» и т.д. На мой взгляд, желательно унифицировать запись временных границ: например, «только в конце 19-го века начали проводить четкие различия между знаками. Тире, или непрерывная линия, стали наиболее распространенными из символов, сигнализируя о

резких изменениях или перерывах, тогда как точки стали подразумевать более длительную, более нерешительную паузу. Точки также стали предпочтительным знаком для указания пропусков в цитатах. Такая стандартизация становилась все более распространенной на протяжении всего XX в.» [единообразие]. Цитации по ходу работы даются верно, объективная составляющая выдержана: «в разговорной речи «эллиптические предложения описываются в качестве самостоятельных синтаксических конструкций, получающих функциональный статус вследствие конструктивной поддержки» [15, с. 67]. Учитывая коммуникативный аспект, можно сказать, что семантическое значение эллипсиса формируется при помощи контекстов всех уровней сообщения [15, с. 67]. А. Е. Ефименко отмечает, что создание эллипсиса может быть продиктовано заранее сформированным намерением говорящего [10, с. 72]» и т.д. В статье достаточное количество примеров, иллюстративный фон усилен. Тема работы раскрыта, все основные функциональные стили рассмотрены, функционал использования эллипсиса прописан / определен. Автор приходит к выводу, что «эллипсис — это процесс или результат пропуска части конструкции предложения, которая была опущена с целью экономии, выделения акцента или для достижения соответствия с каким-либо стилем»; заключительная часть соотносится с основной, здесь же определены основные функции эллипсиса в зависимости от того или иного стиля. Материал можно использовать в рамках изучения ряда филологических дисциплин. Список источников объемный, он соотносится с магистральной темой исследования. Рекомендую статью «Сопоставительный анализ функций эллипсиса в разных функциональных стилях английского языка» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зенединова С.Н. Проблема интерпретации модальности в отечественной и зарубежной лингвистике //

Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76523 EDN: CUVOWU URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76523

Проблема интерпретации модальности в отечественной и зарубежной лингвистике

Зенединова Сание Наримановна

аспирант; кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации; Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295000, Россия, респ. Крым, г. Симферополь, ул. Лютфие Софу 21

✉ z.saniye.n@gmail.com



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76523

EDN:

CUVOWU

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2025

Аннотация: В статье представлен комплексный теоретический обзор модальности как многогранного языкового явления. Модальность рассматривается как средство выражения отношения говорящего к содержанию высказывания, охватывающее оценки реальности, достоверности, возможности, необходимости и желательности. В исследовании синтезируются ключевые интерпретации модальности как в русской, так и в западной лингвистических традициях, что закладывает основу для сопоставительного анализа. Основное внимание уделяется классификации модальных значений, включая деонтическую, эпистемическую, динамическую, бюллетенарную, аффективную модальность. Объектом исследования является лингвистическая категория модальности в языке. Предметом исследования являются конкретные классификации, средства выражения и межъязыковые реализации модальности, с особым акцентом на сопоставительный анализ русского, английского и немецкого языков. Цели: систематизировать теоретические основы модальности на основе трудов ведущих российских и зарубежных лингвистов; определить и проиллюстрировать основные типы модальных значений; выявить и сравнить грамматические и лексические средства

выражения модальности в русском, английском и немецком языках. В исследовании используется сравнительно-описательный метод. Теоретический анализ и синтез существующей лингвистической литературы. Сопоставительный анализ лингвистических данных русского, английского и немецкого языков. Контекстуальный и семантический анализ примеров высказываний для иллюстрации модальных значений. Компонентный анализ для различения модальности от других грамматических категорий. В исследовании сделан вывод о том, что модальность является важнейшим компонентом семантики и прагматики, необходимым для культурно чувствительной коммуникации. Сравнивая примеры из английского, немецкого и русского языков, статья выделяет грамматические, лексические и контекстуальные стратегии, используемые в этих языках, и отличает модальность от смежных грамматических категорий, таких как время и вид. Новизна данного исследования заключается в его синтетическом и сопоставительном подходе. Оно объединяет различные системы классификаций отечественного языкознания (например, субъективно-объектную модальность В. В. Виноградова, шесть значений А. В. Бондарко) с устоявшимися типологиями западного языкознания (например, категории лингвистов, таких как Д. Кристал и Р. Т. Лакофф). Применяя эту единую структуру к анализу трёх лингвистически различных языков (русского, английского и немецкого), статья предлагает единую точку зрения на универсальные и лингвистически специфические особенности модальности.

Ключевые слова:

модальность, объективная модальность, субъективная модальность, деонтическая модальность, эпистемическая модальность, динамическая модальность, бюллетенарная модальность, аффективная модальность, отечественная лингвистика, зарубежная лингвистика

Когда мы говорим о модальности, то, конечно, подразумеваем лингвистическое явление, которое отражает отношение говорящего к содержанию высказывания, а также его оценку, уверенность, возможность, необходимость или желательность того, что подразумевается и описывается.

Модальность выражается как в грамматических, так и в лексических формах языка. В исследованиях М. Циммерманн и А. Эде можно проследить, как дискурсивные частицы (например, *ja*, *doch* в немецком или же, *ведь* в русском) влияют на модальную интерпретацию высказывания. Работа подчеркивает, что значение модальности не содержится исключительно в глаголе, а конструируется взаимодействием различных элементов высказывания и дискурсивного контекста [\[11, 1225\]](#). Также немаловажную роль играют также интонация и контекст, которые могут изменять модальное значение высказывания в зависимости от ситуации общения, позволяя говорящему передавать не только фактическую информацию, но и свои чувства, намерения и оценки. Она способствует более тонкому и многозначному взаимодействию между участниками общения, позволяя учитывать различные аспекты реальности и субъективные восприятия [\[2, 132–135\]](#).

Интерпретация модальности в отечественной лингвистике является важной темой, которая привлекала внимание многих исследователей. В частности, работы таких лингвистов, как В. В. Виноградов, В. Г. Гак и другие, которые внесли значительный вклад в понимание модальности как языкового явления.

Именно В. В. Виноградов указал на существование объективной, выражающейся в любом предложении, модальности, и субъективной модальности, которая выражается при помощи специальных модальных лексических средств. Виноградов выделял пять основных модальных значений на основе отношения говорящего к высказыванию с точки зрения: 1) реальности/нереальности; 2) возможности и невозможности; 3) с точки зрения уверенности; 4) отношения к целевой установке говорящего; 5) эмоциональной оценки говорящего [\[3, 53-87\]](#).

А. В. Бондарко, в свою очередь, выделял шесть модальных значений: 1) оценка говорящим высказывания с точки зрения реальности или нереальности события; 2) отношение говорящего к высказыванию с точки зрения возможности, необходимости или желательности; 3) отношение к высказыванию с точки зрения уверенности говорящего в достоверности высказывания; 4) целевая установка говорящего или коммуникативная функция (т. е. разделение высказываний на утвердительные, вопросительные и побудительные); 5) значение отрицательности и утвердительности; 6) эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания (хорошо, плохо и т. д.) [\[1, 56\]](#).

В. Г. Гак в своих исследованиях выделял несколько аспектов модальности, включая: деонтический, эпистемический и динамический. Лингвист также рассматривает модальность как важный элемент семантики и прагматики, подчеркивая, что она влияет на интерпретацию высказываний и их восприятие слушателями [\[4, 129-142\]](#).

Не менее интересны наблюдения в области интерпретации модальности и в зарубежной лингвистике, которая охватывает широкий спектр подходов и теорий. Рассмотрим работы некоторых ключевых лингвистов, таких как Д. Кристал и Р. Т. Лакофф, а затем проведем сравнительный анализ модальности в русском, английском и немецком языках.

Д. Кристал в своей книге "The Cambridge Encyclopedia of the English Language" рассматривает модальность как важный аспект семантики и прагматики [\[5\]](#). Помимо уже упомянутых нами категорий, он выделяет ещё аффективную и бюллетенарную, а также несколько и других ключевых моментов:

- Модальные глаголы: Д. Кристал акцентирует внимание на роли модальных глаголов (can, may, must и др.) в выражении модальности. Он отмечает, что эти глаголы могут изменять значение высказывания в зависимости от контекста и интонации.

- Прагматический аспект: лингвист также подчеркивает, что модальность не только выражает отношение говорящего, но и влияет на восприятие высказывания слушателем, что делает ее важной для анализа коммуникации.

Р. Т. Лакофф в своих работах исследует модальность с точки зрения прагматики. Она выделяет следующие аспекты [\[9, 19\]](#):

- 1) Контекстуальная зависимость: Лакофф акцентирует внимание на том, что значение модальности может варьироваться в зависимости от контекста, в котором происходит коммуникация. Она подчеркивает, что модальность не является статичной, а изменяется в зависимости от ситуации.

- 2) Социальные факторы: Р. Т. Лакофф также рассматривает, как социальные факторы, такие как статус говорящего и слушателя, могут влиять на использование модальности. Это подчеркивает важность социолингвистического подхода к изучению модальности.

Итак, как мы выяснили, согласно лингвистам, модальность сводится к следующей

классификации:

- Деонтическая – связана с выражением обязательств, разрешений и запретов. Она отвечает на вопросы о том, что должно, может или не должно происходить. Деонтическая модальность часто выражается с помощью модальных глаголов, таких как "должен", "может", "не должен".

Например:

"Ты должен сдать отчет до пятницы." (обязанность)

"You may take the book." (разрешение)

"Du darfst nicht zu spät kommen." (запрет)

Деонтическая модальность играет важную роль в регуляции поведения и социальных норм, а также в формировании обязательств между участниками общения.

- Эпистемическая – касается степени уверенности говорящего в истинности высказывания. Она отражает предположения, вероятности и возможности. Эпистемическая модальность также выражается через модальные глаголы, но в контексте оценки фактов.

Например:

"Она может быть дома." (возможность)

"It could rain later." (предположение)

"Sie muss zu Hause sein." (уверенность)

Эпистемическая модальность позволяет говорящему передавать свои сомнения, уверенность или предположения относительно реальности, что делает общение более многозначным и нюансированным. Актуальный подход, предлагаемый в работе фон Финтель, К. и Э. С. Гилис, заключается в анализе эпистемических модальных выражений как операторов, которые не только оценивают вероятность пропозиции, но и взаимодействуют с эвиденциальной базой говорящего. Это усложняет модель интерпретации высказывания, выводя ее за рамки чистой логической модальности [\[10, 1-25\]](#).

- Динамическая – относится к внутренним возможностям или способностям субъекта. Она выражает, что субъект способен или не способен выполнить определенное действие.

Например:

"I can solve this problem." (способность)

"Er kann nicht schwimmen." (неспособность)

Динамическая модальность акцентирует внимание на личных качествах и возможностях говорящего или другого субъекта, что позволяет передавать информацию о его навыках и ограничениях.

- Бюллетенарная – связана с выражением желаемого или предпочтительного состояния дел. Она может проявляться в формах, которые указывают на желания, намерения или предпочтения.

Например:

"I want you to come." (желание)

"Ich würde gerne in den Urlaub fahren." (предпочтение)

Бюллетенарная модальность позволяет говорящему выражать свои намерения и желания, что делает общение более личным и эмоциональным.

· Аффективная модальность связана с выражением эмоций и чувств говорящего. Она может проявляться через интонацию, выбор слов и контекст.

Например:

"I feel sad about that." (печаль)

"Ich freue mich so, dich zu sehen!" (радость)

Аффективная модальность помогает передать эмоциональную окраску высказывания, что делает общение более выразительным и насыщенным.

Как мы уже упоминали, модальность может быть выражена различными средствами языка, включая: модальные глаголы (например, "может", "должен", "хочет"), которые непосредственно указывают на модальные значения; а также лексические средства (например, слова и выражения, которые передают оценку или отношение, такие как "возможно", "наверняка", "желательно").

В английском языке модальные глаголы играют центральную роль в выражении модальности [\[8\]](#). Например, "must" указывает на обязательство, "may" — на разрешение, а "can" — на возможность. В других языках, таких как русский или немецкий, модальность может выражаться не только через модальные глаголы вроде können, müssen, dürfen, но и через другие грамматические конструкции, такие как инфинитивы или иные конструкции.

Если в английском языке модальность часто выражается явно через модальные глаголы, то в некоторых других языках, например, в испанском, модальность может быть более контекстуальной и зависеть от использования определенных временных форм или конструкций. Модальность также может отражать культурные различия. Например, в японском языке модальность может быть выражена через уровни вежливости и формальности, что не так явно в английском. Это подчеркивает, что модальность не только языковая, но и культурная категория.

В английском языке модальность также используется для выражения намерений и эмоций, что наблюдается и в других языках, но может иметь разные способы выражения [\[7\]](#). Мы уже говорили, что в русском языке модальность может быть выражена через различные грамматические конструкции, такие как инфинитивы и специальные формы. Так, фраза "Ты должен прийти" может быть воспринята как более настоятельная, чем "Тебе следует прийти". В английском языке аналогичные конструкции могут иметь менее строгие оттенки, например, *"You should come"* может звучать менее настоятельно, чем *"You must come"*. Выражение модальности в русском языке через интонацию и контекст делает ее более гибкой.

Модальность, хотя и тесно связана с другими грамматическими категориями, такими как время и аспект, представляет собой отдельный и уникальный аспект языка. Так,

например, время в языке указывает на временные рамки, в которых происходит действие или состояние, описываемое в предложении. Оно отвечает на вопросы о том, когда именно происходит событие: в прошлом, настоящем или будущем. Например, в предложении "Я читаю книгу" глагол "читаю" указывает на действие, происходящее в настоящем времени.

Модальность, с другой стороны, фокусируется не на временных рамках, а на отношении говорящего к действию или состоянию. Она может выражать возможность, необходимость или желание, независимо от того, когда происходит действие. Например, в предложении "Я могу прочитать книгу" модальность выражает возможность, а не временные характеристики действия.

Таким образом, время и модальность отвечают на разные вопросы: время — о том, когда происходит действие, а модальность — о том, как говорящий относится к этому действию.

Что же касается аспекта, то он в языке описывает внутреннюю структуру действия, его завершенность или незавершенность, а также его протяженность во времени. Он отвечает на вопросы о том, как действие разворачивается: завершено оно или продолжается. Например, в предложении "Я читал книгу" используется несовершенный вид, который указывает на незавершенность действия в прошлом.

Модальность, в отличие от аспекта, не касается самой природы действия, а сосредоточена на оценке и отношении к нему. Например, в предложении "Я буду читать книгу" модальность может выражать намерение или план, в то время как аспект указывает на то, что действие будет происходить в будущем.

Кроме времени и аспекта, модальность также отличается от других грамматических категорий, таких как наклонение. Наклонение (изъявительное, повелительное, сослагательное) указывает на отношение говорящего к действию в контексте реальности или гипотетичности. Например, в предложении "Если бы я знал, я бы пришел" используется сослагательное наклонение, которое выражает гипотетическую ситуацию. Модальность же может быть выражена в разных наклонениях и не ограничивается только одним из них. Понимание этих различий позволяет глубже осознать, как язык функционирует и как различные категории взаимодействуют друг с другом для передачи сложных смыслов в коммуникации.

Как отечественная, так и зарубежная, лингвистика рассматривает модальность как категорию, отражающую отношение говорящего к содержанию высказывания и включающую в себя такие аспекты, как обязательства, возможности и предположения. Лингвисты сходятся во мнении о важности контекста для понимания модальности. В обоих подходах модальность рассматривается как динамическое явление, которое может изменяться в зависимости от ситуации общения. Тем не менее, зарубежные лингвисты акцентируют внимание на прагматических аспектах модальности, исследуя, как социальные факторы и намерения говорящего влияют на использование модальности [\[6\]](#). В отечественной лингвистике, например, у В. Г. Гака, акцент больше делается на семантических и синтаксических аспектах.

Отличаются и подходы в методологии. В зарубежной лингвистике часто используются более разнообразные методы, включая корпусный анализ и социолингвистические исследования, что позволяет более глубоко изучать использование модальности в реальных коммуникациях. В отечественной лингвистике традиционно больше внимания уделяется теоретическим аспектам и классификациям. Зарубежные исследования модальности в том числе часто учитывают и влияние культурных факторов на

использование модальности, тогда как в отечественной лингвистике этот аспект может быть менее выражен [\[8\]](#).

Нельзя не отметить, что исследование модальности представляет собой сложную и многогранную область, которая сталкивается с рядом проблем, но также открывает перспективы для будущих исследований. Рассмотрим основные проблемы, направления для будущих исследований и значение междисциплинарного подхода:

- 1) Неоднозначность терминологии: в разных языковых традициях и школах существует множество определений и классификаций модальности. Это создает путаницу и затрудняет сопоставление результатов исследований. Например, термины "эпистемическая модальность" и "деонтическая модальность" могут иметь разные значения в разных контекстах.
- 2) Сложность семантики: модальность включает в себя множество нюансов, которые могут варьироваться в зависимости от контекста, культурных факторов и индивидуальных особенностей говорящего. Это делает трудным создание универсальных моделей, которые могли бы охватить все аспекты модальности.
- 3) Ограниченность данных: многие исследования модальности основаны на небольших корпусах текстов или ограниченных примерах. Это может привести к недостаточной репрезентативности и обобщаемости выводов.
- 4) Интердисциплинарные барьеры: модальность пересекает границы различных дисциплин, таких как лингвистика, психология, социология и философия. Это может создавать трудности в коммуникации и сотрудничестве между исследователями из разных областей.

Подводя итог, можно смело сказать, что модальность является важным аспектом языка, который помогает передавать различные оттенки значений и отношения говорящего к высказыванию. Сравнение английского, немецкого и русского языков показывает, что, несмотря на общие черты, существуют значительные различия в структуре и использовании модальных выражений, что подчеркивает важность контекста и культурных факторов в изучении модальности.

Исследование модальности представляет собой важную и актуальную область лингвистики, которая охватывает широкий спектр аспектов человеческого общения и мышления. Несмотря на существующие проблемы, такие как неоднозначность терминологии, сложность семантики и ограниченность данных, данная область продолжает развиваться и открывает новые горизонты для научного анализа.

Модальность, как категория, отражает не только грамматические и семантические особенности языка, но и культурные, социальные и психологические аспекты, что делает ее изучение многогранным и многослойным. Перспективы для будущих исследований включают в себя использование корпусных данных, кросс-культурные исследования, анализ прагматических аспектов и применение современных технологий.

Междисциплинарный подход, объединяющий лингвистику, психологию, социологию и философию, является ключевым для глубокого понимания модальности и ее функций в языке и коммуникации. Это позволяет исследователям учитывать разнообразные факторы, влияющие на использование модальных выражений, и создавать более полные теоретические модели. Таким образом, исследование модальности является важным шагом к более полному пониманию языка как средства общения и отражает сложные

взаимодействия между языком, культурой и мышлением.

Библиография

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
2. Бочкова О. С. Модальность как фактор формирования текста // Теория и практика общественного развития. 2007. № 3. С. 132-135.
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., Л.: Наука, 1975. С. 53-87.
4. Гак В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса / В. Г. Гак // Аналитические конструкции в языках различных типов. М., Л.: Наука, 1965. С. 129-142.
5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd ed. Cambridge University Press, 2003.
6. Diewald G., & H. M. Modality in German: A Functional Approach // Modality in Germanic Languages. John Benjamins Publishing Company, 2003.
7. König E., & Siemund P. Speech Act Modality: A New Approach to the Study of Modality // Modality in Germanic Languages. John Benjamins Publishing Company, 2000.
8. Krifka M. Modality in Language and Thought: Basic Issues // The Oxford Handbook of Philosophy of Language. Oxford University Press, 2011.
9. Lakoff R. Tolmach. Language and Woman's Place. Text and Commentaries. Edited by Mary Bucholtz. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 310.
10. Von Stechow P., & Gillies A. S. Epistemic Modality and Evidentiality: New Perspectives // Journal of Semantics. 2024. T. 41, № 1. С. 1-25.
11. Zimmermann M., & Ede A. Discourse Particles and Modal Interpretation // Linguistics and Philosophy. 2021. T. 44. С. 1205-1245.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию модальности как одной из центральных категорий современной лингвистики. Автор изучает понятие модальности, рассматривая как отечественный, так и зарубежный опыт изучения данной категории. Основная цель работы состоит в выявлении специфики трактовки модальности в русских, английских и немецких источниках и установлении общих закономерностей, касающихся способов реализации модального компонента в речи.

Методология работы основывается на компаративном подходе, позволяющем выявить сходства и различия в восприятии и употреблении модальности представителями различных языковых традиций. Автором проводится анализ работ отечественных и зарубежных ученых, рассматриваются концепции модальности, изложенные в трудах известных авторов, таких как В.В. Виноградов, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Д. Кристал, Р.Т. Лакофф и других. Для систематизации материала применяется классификация модальных явлений, разработанная указанными авторами, что придает работе стройность и структурированность.

Актуальность данной работы обусловлена значимостью модальности как важного элемента системы языка, играющего ключевую роль в передаче смысла и обеспечении эффективного взаимодействия участников общения. Автор обращает внимание на отсутствие единого общепринятого определения модальности, разнообразие подходов к её толкованию и неоднородность методов анализа. Подобные дискуссии имеют важное значение для дальнейшего совершенствования теории языка и практики преподавания иностранных языков.

Научная новизна работы проявляется в попытке объединить достижения отечественного и зарубежного языкознания, сравнить методики анализа модальности и выделить ключевые моменты, характеризующие современные тенденции в исследовании данной категории. Особое внимание уделено вопросам взаимодействия модальности с другими элементами языка, такими как темпоральность, аспект и наклонение, что подчёркивает значимость комплексного подхода к изучению модальности.

Стиль написания статьи характеризуется академичностью и ясностью изложения мысли. Язык доступен широкому кругу читателей, знакомых с основами лингвистики. Работа выстроена последовательно и логично. Сначала дается общее определение модальности, затем раскрываются исторические этапы её осмысления, после чего подробно рассматриваются подходы различных школ и направлений. Завершается статья выводами и перспективами дальнейших исследований. Такая структура облегчает усвоение материала и обеспечивает целостность восприятия идеи автора.

Список литературы достаточно разнообразен, представляет собой широкий круг научных публикаций, среди которых присутствуют монографии, сборники статей и энциклопедии. Многие из указанных работ являются классическими источниками по проблемам модальности. Вместе с тем некоторые ссылки выглядят устаревшими, и было бы полезно включить публикации последних лет.

Автор обращается к позициям различных учёных, приводит аргументы и контраргументы, что придаёт статье полемичность и динамизм. Подобный подход обогащает материал, стимулирует исследовательскую мысль и привлекает внимание к нерешённым проблемам в сфере модальности.

В заключении подведён итог проделанной работы, определены основные направления дальнейшего изучения модальности, обращается внимание на возможные пути интеграции различных методик анализа, что позволит преодолеть имеющиеся противоречия и приблизит решение ряда вопросов, связанных с проблемами категоризации модальных компонентов в речи.

Статья будет интересна широкой аудитории: лингвистам, преподавателям вузов, студентам филологических специальностей и всем, кто интересуется развитием современного языкознания.

Среди недостатков можно отметить опечатки и стилистические ошибки, например, 1) в названии статьи «Проблема интерпретации модальности в отечественной и зарубежной лингвистике»; 2) «Также немаловажную роль играют также интонация и контекст».

В целом рецензируемая работа заслуживает положительной оценки, несомненно, полезна специалистам-лингвистам и всем, кто изучает иностранные языки. Несмотря на отмеченные недостатки, она обладает практической ценностью и может быть рекомендована к публикации после их устранения.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кондратова Т.И., Попова А.В. Проблема соотношения веры и религии в романе Ма Боюна «Зоопарк на краю света» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76157 EDN: CUHDPK
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76157

Проблема соотношения веры и религии в романе Ма Боюна «Зоопарк на краю света»

Кондратова Татьяна Ивановна

ORCID: 0000-0002-5053-0179

кандидат филологических наук

доцент; институт иностранных языков; Московский городской педагогический университет

127220, Россия, г. Москва, Савеловский р-н, ул. Полтавская, д. 3

✉ kondratovati@mgpu.ru



Попова Анастасия Викторовна

ORCID: 0000-0002-4601-0613

независимый исследователь

111677, Россия, г. Москва, р-н Некрасовка, ул. Покровская, д. 14

✉ anysta@yandex.ru



[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76157

EDN:

CUHDPK

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2025

Аннотация: В статье анализируются проблемы соотношения веры и религии в романе современного китайского писателя Ма Боюна «Зоопарк на краю света». Предмет исследования: способы постановки и реализации проблем духовной, религиозной жизни китайского общества начала XX столетия. Цель работы: определить способы создания повествования на основе традиционного для сказочного нарратива путешествия, функций элементов чудесного, их связи с приемами магического реализма, а также

выявить специфику духовной жизни поликонфессионального Китая в сложный период краха имперской истории. Результаты работы: в статье доказывается принадлежность произведения к метамодернистской линии современной литературы Китая, использующей арсенал приемов предшествующей постмодернистской прозы и, вместе с тем, поднимающей серьезные проблемы соотношения веры и религии, вызывающей в читателе глубокие эмоции по отношению к персонажам. Авторы обосновывают, опираясь на события романа, мысль о приоритете веры в высшую справедливость над формальными требованиями той или иной религии. Выявлена авторская идея, что в основе любой религии должна лежать искренняя любовь к человеку, ко всему окружающему миру, способность прощать, а не наказывать, жить и трудиться ради своей веры и мечты. Методология: в статье используется комплексный подход, включающий: нарративный анализ (мотивы путешествия, авантурные элементы), исторический анализ (выявление и интерпретация исторического момента, отраженного в произведении), эстетический и этический анализ проблематики, сравнительно-типологический метод для определения синтеза черт различных литературных направлений. Научная новизна статьи заключается в том, что впервые в российской синологии проблемы соотношения веры и религии, отраженные в романе Ма Боюна «Зоопарк на краю света», соединившего различные эстетические тенденции (постмодерн и метамодерн), становятся объектом специального анализа: вера и духовность в контексте романа рассматриваются не как синоним религиозности, а как ее возможная альтернатива. Выводы: Проблема соотношения веры и религии в романе Ма Боюна «Зоопарк на краю света» становится центром притяжения всех формальных и смысловых элементов произведения, определяя общий вектор движения авторских идей сложного метамодернистского текста, соединившего элементы репрезентации традиционных литературных форм и проблем выбора истинной веры в современном полирелигиозном мире.

Ключевые слова:

современная проза Китая, метамодернистские тенденции, Ма Боюн, китайский роман, проблемы веры, религии Китая, полирелигиозный мир, система образов, авторское сознание, нравственные проблемы

Введение

Роман современного китайского писателя Ма Боюна (1980 г.р.), «Зоопарк на краю света», написанный в 2017 году и переведенный на русский язык в 2023 году О. Кремлиной, представляет образец новой метамодернистской литературы Китая, использующей почти весь арсенал приемов предшествующей постмодернистской прозы и, вместе с тем, не просто поднимающей серьезные проблемы соотношения веры и религии в Китае в начале двадцатого столетия, но и вызывающей в читателе глубокие и искренние эмоции по отношению к персонажам произведения, в котором сплетаются «правда и иллюзия» [\[1, с. 7\]](#). Именно поэтому творчество Ма Боюна привлекает внимание не только китайской читательской аудитории, но и критики. Об этом свидетельствуют многочисленные научные публикации, затрагивающие вопросы поэтики и проблематики творчества писателя. Однако стоит отметить, что, несмотря на популярность Ма Боюна в китайских литературных кругах, научных работ, в фокусе которых находится именно роман «Зоопарк на краю света», ничтожно мало как в западной, так и в китайской литературной критике. Это, в свою очередь, не только дает возможность введения в

научный оборот новых произведений современной китайской литературы, но и предоставляет обширное поле для всестороннего литературоведческого анализа. Исследователь из Стэнфордского университета Ли Хайянь сравнивает два романа «Хроники украденных велосипедов» У Минъи (2015) и «Зоопарк на краю света» Ма Боюна (2017): по ее мнению, они являются пионерами в создании прозы, призывающей к отказу от антропоцентризма [2, с. 241]. В китайском научном пространстве работ о данном романе чуть больше, но все же недостаточно. Так, Е Юй называет книгу «результатом духовного исследования писателя», который, используя своё «мощное воображение, играя с литературой», поднимает философские проблемы веры, смерти [6, с. 10]. Чжоу Вэньхань делает акцент на исповедальности прозы Ма Боюна, на воспевании писателем воспоминаний малой родины [7, с. 54]. Исследователь Тан Фэйху называет произведения писателя романами «об исторических возможностях», понимая под этим «сознательный выбор уникальных событий или периодов, интеграцию исторических материалов в эти пробелы, чтобы воссоздать исторический контекст с совершенно иными подробностями» [3, с. 13]. У Юйфань и Ван Янли, исследуя повествовательную структуру романа, приходят к выводу, что писатель создает особый «микроисторический жанр, изображая взлеты и падения жизни с точки зрения отдельных людей на фоне великой истории» [5, с. 91]. Уникальность повествовательной манеры Ма Боюна исследователи У Яянь, Ту Суцин видят в том, что в его романах сочетается классическая красота с элементами современной научной фантастики, тем самым создавая неповторимое художественное пространство, где современность и классическая красота сливаются воедино» [4, с. 40]. Данные исследования дают представление о сложности художественного мира романа Ма Боюна «Зоопарк на краю света», однако они непосредственно не соотносятся с проведенным далее анализом, поскольку ни в одном из них не рассматриваются проблемы религиозного сознания китайцев в начале прошлого столетия.

Однако в современной российской синологии проза этого китайского прозаика только начинает осмысливаться. Переводчик романа Ольга Кремлина в интервью книжному обозревателю Владиславу Толстову отмечает соединение в романе не только христианской и буддийской символики: «... концепции души, ада и рая, весьма важные для книги, заимствованы здесь не из христианства, а из монгольского шаманизма. Автор вплетает в канву романа идеи сразу нескольких религий: христианства, буддизма, отчасти даосизма, тенгрианства» [1]. Таким образом, сложный художественный мир романа Ма Боюна «Зоопарк на краю света», проблематика, связанная с вопросами веры и религии, требует детального исследования. Этим обусловлена актуальность и новизна нашей работы.

Проблемы поэтики и проблематики романа Ма Боюна «Зоопарк на краю света»

Уже в самом начале повествования автор, в дальнейшем демонстрирующий всепроникающий тип сознания, обращаясь к читателям, формулирует свое эстетическое кредо: «Правда и вымысел сплетаются, сплавляются, просачиваются в каждую клеточку друг друга <...> Моя память вся из этих образов. Я сам не знаю, какие из них видел собственными глазами, какие сочинил в детстве, а какие – грезы, перенесенные ветрами былых времен <...> История, о которой я вам поведаю, той же природы. Может быть, это честный рассказ о событиях, всеми забытых, а может, химера из сновидений, что снятся чифэнцам из поколения в поколение» [1, с. 6-7]. Такая установка указывает на

следование автора многим принципам магического реализма, когда появление в тексте чудесного так искусно вплетается в ткань реальных событий, что не требует никакого логического объяснения. Заявленное автором следование данной эстетической установке будет проиллюстрировано далее конкретными картинами путешествия людей и диких зверей по безлюдным районам Внутренней Монголии.

Художественное пространство романа векторное: это путь главного героя, американского миссионера конгрегациональной церкви Моргана Кэрроуэя, из Берлингтона в Китай: через Шанхай, Пекин во Внутреннюю Монголию – окраину Поднебесной, лежащую за Великой китайской стеной, в город Чифэн, населенный буддистами, которых он должен обратить в христианскую веру. Кэрроуэем движет не только желание нести в Китай благовест, то есть проповедовать христианство, но и обыкновенное любопытство: чтение «Путешествия Марко Поло» пробудило в нем, по словам автора, «внутреннего ребенка» [1, с.21], одержимого жадой приключений. Читатели заранее готовятся к чтению увлекательной истории, наполненной опасными испытаниями, которые приведут к счастливому концу, ведь автор предупреждает, что его герой «и не подозревал: самая настоящая степь приведет его сперва в ад, а затем в рай» [1, с. 21]. Этим ожиданием рая и держится читательский интерес в ходе развития сюжета.

Исторический фон произведения несколько размыт: события происходят в самом начале XX века после завершения Ихэтуаньского восстания 1899-1901 гг, направленного против европейской экспансии, а потом и интервенции, в ходе которых были разрушены многие христианские храмы, убиты проповедники. Еще одной датой, определяющей время событий произведения, является смерть вдовствующей императрицы Цы Си (1908 год), после которой будет распродаваться императорский зоопарк, ставший для Кэрроуэя возможностью продемонстрировать жителям провинции настоящее чудо, созданное Богом. И хоть конкретное историческое время далее нигде не указано, даже, напротив, несколько завуалировано: политическая жизнь страны не интересна автору и его герою, события Ихэтуаньского восстания объявляются далеким прошлым, действие все же разворачивается в самый последний этап существования, вернее, движения к полному краху империи Цин, приблизительно в 1908-1911 годы.

Приключенческая линия сюжета мотивирована характером самого проповедника: его наивной убежденностью, что привести людей к вере можно только через демонстрацию чудес. Первоначально таким средством для Кэрроуэя становится синемаграф. Искусство кино в начале XX века в дикой монгольской степи, по его мнению, могло «зажечь свет» Бога в душах людей. Возникает иллюзия, что проповедник – это простой фокусник, а значит, обманщик, манипулирующий сознанием других. Однако случайность заставит героя отказаться от этого легкого плана распространения веры. Пожар, произошедший по вине маленького Сяоманя, уничтожает киноаппарат, заставляет Кэрроуэя искать новые формы разжигания интереса к своему учению. Образ мальчика Сяоманя не только сыграет в дальнейшем повествовании важную роль, но и позволит автору донести до читателей свою идею о благодати законов мироздания, о том, что все испытания, посылаемые человеку, это не наказание за что-то, а возможность развития, изменения человека для какой-то новой благой цели.

Авантюрный характер имеет сам факт покупки Кэрроуэем доведенных до изнеможения зверей из императорского зоопарка, путешествие с ним через огромные пространства дикой природы. Примечательно название зверинца – «Сад десяти тысяч зверей», однако денег у героя хватает лишь на немногих несчастных животных. Спасая от неминуемой

гибели от голода лишь нескольких зверей: слониху, льва, двух тигровых лошадей, пять павианов, удава и попугая, священник ощущает себя Ноем. И с первых минут общения устанавливается чудесное понимание между человеком и спасенными им животными: Слониха Счастливица роняет слезу, падает на колени, то ли от потери сил, то ли от счастья – во всем Кэрроуэй видит следы Божьего промысла, он испытывает к животным «отцовские чувства» [\[1, с.58\]](#).

Путешествие – основа сюжета многих волшебных сказок, и, как любой сказочный герой, священник, отправляясь в путь, собирает команду из друзей, помощников. Добровольно присоединяется к путешествию старина Би – отец маленького Сяоманя, случайно устроившего пожар в сарае, который уничтожил киноаппарат; отец тронут добротой Кэрроуэя, не потребовавшего возмещения убытков. В глазах миссионерского общества герой выглядит чужаком, даже старине Би идея везти диких животных в Чифэн кажется безумной. Однако несмотря на то что миссионерское общество снимает с себя ответственность за его действия, то есть фактически отказывается от него, преподобный Кэрроуэй отправляется в опасное странствие. Далее следует смена ландшафтов, комичных, странных, трагических эпизодов. Вор, мечтавший поживиться поклажей путников, оказывается у клетки с невиданным ранее зверем – львом, который позже ударит лапой чиновника-взяточника в Чэнденской управе. Как в волшебной сказке, появляются то вредители, то помощники. Так, в Чэнде священник англиканской церкви, хоть и не смог отговорить Кэрроуэя вернуться назад, но помог и поддержал его. Автор постепенно открывает герою правду о состоянии тех мест, куда лежит его путь. Кэрроуэй узнает, что все христианские церкви в Чифэне сгорели в годы Ихэтуаньского восстания, что во главе восставших против христиан во Внутренней Монголии были даосские секты. Герой потрясен, узнав истинную причину такой ненависти людей к христианству: из-за проделок одного проходимца епископа, обладавшего «европейской спесью и настойчивостью» [\[1, с.109\]](#), пострадало имя всей христианской церкви. Теперь миссия Кэрроуэя приобретает особый смысл: он должен вернуть доверие к христианству, к церкви. И это рождает в герое еще большую решительность и удивительную храбрость: когда в пути переворачивается клетка со львом, именно священник бесстрашно чинит отломившуюся дверцу хищника. Столкновение в пути с разбойниками из секты «Цзиньдандао», ограбившими и убившими всех попутчиков священника, будет одним из самых тяжелых испытаний для Кэрроуэя: только счастливая случайность спасет его от гибели, однако в результате он остается в пустыне один со своими животными. Автор рисует фантастическую картину: священник выпускает всех животных из клеток и идет с ними по безжизненной пустыне. Но все это будет только испытанием, потому что Кэрроуэй уже в который раз убедится, что Бог не отвернулся от него: встреча с путешествующей по степи монгольской аристократкой Саран Оюун станет спасением и для самого преподобного, и для его зверей.

В романе подняты серьезные проблемы выбора истины в вопросе веры: ограниченный в денежных средствах, Кэрроуэй решает строить первоначально зоопарк, а потом уже храм, потому что ему важнее воздвигнуть церковь в сердцах людей, то есть привлечь их к своей вере. Глазами американского миссионера автор показывает сложную ситуацию религиозного сознания в северной части Китая в начале XX века, когда в одном храме Ма-Вана молятся одновременно и буддисты, и ламаисты, и даосы. Кэрроуэя трогают слова «безумного ламы»: «Небо над степью широкое, каждой птице найдется здесь место» [\[1, с. 225\]](#). Символичен ритуал, который пытаются провести взрослые над ребенком Сяоманем, предлагая ему выбрать один из четырех предметов, являющихся знаками разных религий. Ребенок после долгих раздумий собирает все четыре предмета и несет

их слонихе Счастливице. И не случайно в привезенных христианским священником животных, особенно во льве и слоне, местные жители видят посланников бодхисатв.

Кэрроуэй создал свою обетованную землю: построив зоопарк, читая проповеди, беседуя с людьми, он не использует силы принуждения. Христианская позиция героя проявилась в его решении спасти убийцу, способного раскаяться, ибо «спасти грешника важнее, чем наказать его» [1, с. 293]. Но рай на земле не бывает вечным: любовь чифэнцев к Кэрроуэю и его животным сменяется ненавистью, и с любовью построенный миссионером зоопарк сгорает. Гибель «Ноева зоопарка», как окрестил свое детище преподобный, следствие людской зависти, жестокости, которые пытался исправить Кэрроуэй силой любви и веры. Гибель самого Кэрроуэя, окутанная легендами, вызывает чувство восхищения силой духа и преданностью своей идее. Так смог ли герой осуществить свою мечту - принести благую весть в глухую провинцию Поднебесной?

Заключение

Финал романа убеждает, что все это странное и опасное путешествие было проделано Кэрроуэем не напрасно: автор кратко рассказывает о дальнейшей судьбе маленького Сяоманя, ставшего известным ученым-натуралистом. Память о чудесном зоопарке и его создателе хранят сны жителей Чифэна.

Роман Ма Боюна утверждает, что в основе любой религии должна лежать искренняя любовь к человеку, ко всему окружающему миру, способность прощать, а не наказывать, жить и трудиться ради своей веры и мечты. Таким образом, вера и духовность в контексте романа рассматриваются не как синонимы религиозности, а как ее альтернатива. Именно так автор решил проблему соотношения веры и религии, которая является центральной в романе. Соединив черты постмодернистской поэтики (элементы магического реализма) с метамодернистской установкой на аффект, силу чувств, возникающих у читателя от погружения в текст романа, автор смог не только погрузиться в историю, но и выразить свой взгляд на вопросы, актуальные для нашего времени.

[1] Толстов, В. Слово переводчику. Ольга Кремлина о романе Мо Боюна «Зоопарк на краю света» / Интервью В. Толстову // Лабиринт сейчас. URL: <https://www.labirint.ru/now/kremlina-boyung/>. Ссылка активна на 08.10.2025.

Библиография

1. Ма Боюн. Зоопарк на краю света / пер. с кит. О. Кремлиной. М.: Лайвбук, 2023.
2. Lee H. A Certain Justice: Toward an Ecology of the Chinese Legal Imagination. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2023.
3. 唐飞虎. 历史小说中的“故事新编”--论马伯庸的“历史可能性”小说 // 牡丹. 2025. 第10期. 第13-15页 (Tang Feihu. "Retelling the Story" in Historical Novels: On Ma Boyong's Novels of "Historical Possibility" // Mudan. 2025. No 10. Pp. 13-15).
4. 吴雅妍, 涂苏琴. 现代感与古典美的交融共生--解读马伯庸历史小说的艺术特色 // 牡丹. 2022. 第16期. 第40-42页 (Wu Yayan, Tu Suqin. The fusion and symbiosis of modernity and classical beauty: An interpretation of the artistic characteristics of Ma Boyong's historical novels // Mudan. 2022. No 16. Pp. 40-42).
5. 吴瑜帆, 王亚丽. 论马伯庸“微观史”小说的叙事建构 // 长江小说鉴赏. 2025. 第16期. 第91-95页 (Wu Yufan, Wang Yali. On the Narrative Construction of Ma Boyong's "Microhistory" Novels // Yangtze River Novel Appreciation. 2025. No 16. Pp. 91-95).
6. 夜雨. 马伯庸: 我喜欢重构历史的乐趣 // 中国出版传媒商报. 09.05.2017. 第10版 (Ye Yu. Ma Boyong: I Love the Joy of Reconstructing History // China Publishing and Media Business. 2017. Sept. 5. P. 10).

7. 周文翰. 每个作家都有一条回到故乡的路--读马伯庸《草原动物园》// 农家书屋. 2017. 第10期. 第54页 (Zhou Wenhan. Every Writer Has a Journey Back to His Hometown – Reading Ma Boyong's "Grassland Zoo" // Nong jia shu wu. 2017. No 10. P. 54).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемого труда нетривиальна и достаточно конструктивна: это проблема соотношения веры и религии в романе Ма Боюна «Зоопарк на краю света». В начале работы автор отмечает, что «роман современного китайского писателя Ма Боюна (1980 г.р.), «Зоопарк на краю света», написанный в 2017 году и переведенный на русский язык в 2023 году О. Кремлиной, представляет образец новой метамодернистской литературы Китая, использующей почти весь арсенал приемов предшествующей постмодернистской прозы и, вместе с тем, не просто поднимающей серьезные проблемы соотношения веры и религии в Китае в начале двадцатого столетия, но и вызывающей в читателе глубокие и искренние эмоции по отношению к персонажам произведения, в котором сплетаются «правда и иллюзия», «Роман современного китайского писателя Ма Боюна (1980 г.р.), «Зоопарк на краю света», написанный в 2017 году и переведенный на русский язык в 2023 году О. Кремлиной, представляет образец новой метамодернистской литературы Китая, использующей почти весь арсенал приемов предшествующей постмодернистской прозы и, вместе с тем, не просто поднимающей серьезные проблемы соотношения веры и религии в Китае в начале двадцатого столетия, но и вызывающей в читателе глубокие и искренние эмоции по отношению к персонажам произведения, в котором сплетаются «правда и иллюзия», «поэтому творчество Ма Боюна привлекает внимание не только китайской читательской аудитории, но и критики». Стоит согласиться с этим утверждением и признать его как некий исследовательский импульс. Статья полновесна, цельна, грамотна, в ней совмещается как теоретический, так и практический уровни. Должным образом в работу введена критика, причем системно и правильно. Цитации / ссылки выверены, общая оценка значимости того или иного исследования автором представлено точно: «уникальность повествовательной манеры Ма Боюна исследователи У Яянь, Ту Сучинь видят в том, что в его романах сочетается классическая красота с элементами современной научной фантастики, тем самым создавая неповторимое художественное пространство, где современность и классическая красота сливаются воедино» [4, с. 40]. Данные исследования дают представление о сложности художественного мира романа Ма Боюна «Зоопарк на краю света», однако они непосредственно не соотносятся с проведенным далее анализом, поскольку ни в одном из них не рассматриваются проблемы религиозного сознания китайцев в начале прошлого столетия». Стиль сочинения соотносится с научным типом: например, «Художественное пространство романа векторное: это путь главного героя, американского миссионера конгрегациональной церкви Моргана Кэрроуэя, из Берлингтона в Китай: через Шанхай, Пекин во Внутреннюю Монголию – окраину Поднебесной, лежащую за Великой китайской стеной, в город Чифэн, населенный буддистами, которых он должен обратить в христианскую веру. Кэрроуэем движет не только желание нести в Китай благую весть, то есть проповедовать христианство, но и обыкновенное любопытство: чтение «Путешествия Марко Поло» пробудило в нем, по словам автора, «внутреннего ребенка» и т.д.

Привлекает в работе умение автора аналитически точно обращаться с художественным текстом. Материал, на мой взгляд, интересен, актуален, он может быть использован в рамках изучения зарубежной литературы. Выводы по тексту соотносятся с основным блоком; автор тезизирует, что «роман Ма Боюна утверждает, что в основе любой религии должна лежать искренняя любовь к человеку, ко всему окружающему миру, способность прощать, а не наказывать, жить и трудиться ради своей веры и мечты. Таким образом, вера и духовность в контексте романа рассматриваются не как синонимы религиозности, а как ее альтернатива. Именно так автор решил проблему соотношения веры и религии, которая является центральной в романе. Соединив черты постмодернистской поэтики (элементы магического реализма) с метамодернистской установкой на аффект, силу чувств, возникающих у читателя от погружения в текст романа, автор смог не только погрузиться в историю, но и выразить свой взгляд на вопросы, актуальные для нашего времени». Список источников достаточен. Текста работы не нуждается в серьезной доработке, цель исследования достигнута, поставленные задачи решены. Рекомендую статью «Проблема соотношения веры и религии в романе Ма Боюна «Зоопарк на краю света» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бальжинимаева Б.Д., Лаврентьева Н.З. Названия посуды и кухонной утвари для приготовления кумыса и молочной водки в монгольских языках* // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76245 EDN: CSZPDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76245

Названия посуды и кухонной утвари для приготовления кумыса и молочной водки в монгольских языках*

Бальжинимаева Баярма Дашидондовна

ORCID: 0000-0001-6852-7835

кандидат филологических наук

доцент, Восточный институт; ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова"

670031, Россия, Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Бийская, 90-14

✉ bairka2002@list.ru



Лаврентьева Номин Зориктеевна

магистр; Восточный институт; ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова"

90-14 Biyskaya St., Ulan-Ude, Buryatia, 670031, Russia

✉ nomin.balzhinimaeva@bk.ru



[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76245

EDN:

CSZPDL

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является лексика, обозначающая наименования кухонной утвари для приготовления кумыса и молочной водки. Лексика любого языка отражает культурные и исторические особенности данного этноса. В то же время лексика постоянно изменяется и зачастую эти изменения часто связаны с технологическим прогрессом и социальными переменами. Цель нашего исследования – выявить полный состав лексики посуды и кухонной утвари для приготовления кумыса и

молочной водки у монголоязычных народов как наиболее древнего и этнографически маркированного слоя номинативной системы. Выявление лексико-семантических групп дает возможность понять объем лексического запаса языка в той или иной группе и выявить характерные в данных лексико-семантических группах словообразовательные модели. Методы исследования. Исследование осуществлено с помощью метода сплошной выборки из языковых, толковых словарей и словарей традиционного быта монгольских народов. Применены методы лингвистического наблюдения, сравнительного и этимологического анализа. Фактический материал был также почерпнут из полевых записей, собранных у информантов во время экспедиций. Эти данные существенно расширяют эмпирическую базу исследования, обеспечивая достоверность анализа и позволяя провести сопоставление письменных источников с современными живыми языковыми реалиями. Научная новизна заключается в выявлении и описании наименований посуды и кухонной утвари, используемой при приготовлении кумыса и молочной водки, а также особенностей традиционной культуры монголоязычных народов, отраженных в анализируемом пласте лексики. Результаты настоящего исследования могут быть применены в академических курсах по монгольским языкам, в культурно-образовательных программах, направленных на сохранение традиционного наследия. А также формирование электронной базы лексики монгольских языков, связанной с предметами посуды и кухонной утвари станет полезным ресурсом для последующих лексикографических работ и создания обучающих материалов.

Ключевые слова:

материальная культура, лексика, монгольские языки, диалекты, кумыс, молочная водка, кухонная утварь, посуда, сосуды для кумыса, перегонка молочной водки

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Традиционная кочевая культура монголоязычных народов формировалась в условиях тесной взаимосвязи и природы, где основой хозяйственной жизни выступало скотоводство. Молоко и молочные продукты составляли не только основу питания, но и являлись важным элементом ритуалов, обрядов и социального общения. Терминологическое словосочетание «белая пища» (стп.-монг. *ᠰᠠᠭᠠᠨ ᠶᠡᠳᠡᠭᠡ*, х.-монг. *цагаан идээ*, бур. *сагаан эдээн*, калм. *цаһан идэн*, ойр. Монг. *цагаан идээ/гилээн идээ*) восходит к белому цвету молока, который ассоциировался с чистотой, благополучием и сакральной энергией: бур. *сагаан сэдьхэл* «чистая душа», *сагаан ханаан* «чистые помыслы».

Помимо монографий и статей по этнографии, значительную роль играют изданные словари, посвященные традиционному быту монгольских народов: Г. Ц. Пюрбеев «Хальмгудын зацшалта бээцин тээлвр толь (Толковый словарь традиционного быта калмыков)» [\[16\]](#), Ю. Цэндээ, Г. Ц. Пюрбеев «Монголын ойрад ба Халимагийн уламжлалт ахуйн тайлбар толь» (Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков) [\[24\]](#), С. Д. Бабуев, Ц. Ц. Бальжинимаева «Буряад зоной урданай нуудал

байдалай тайлбари толи» (Толковый словарь традиционного быта бурят) [12], 4-томный «Mongyol ĵang üyle-yin nebterkei toli» (Энциклопедический словарь традиционного быта монголов) [13], «Зурагт толь» (Иллюстрированный словарь) [11], «Mongyol ündüsüten-ü ulamĵilaltu soyol-un ĵiruytu toli» (Иллюстрированный словарь традиционной культуры монгольских народов) [15], 2-томный «Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь» (Толковый словарь кочевого быта монголов) [14]. В указанных выше публикациях помимо этнографического описания посуды, кухонной утвари и технологических этапов приготовления кумыса и молочной водки особенно важны те специальные термины, которые приводят авторы.

Многовековая история кумыса (стп.-монг. *ayiraу*, х.-монг. *айраг*, бур. *сэгээ/айраг*, калм. *гүүнэ чигэн/гүүнэ ээрг*, ойр. Монг. *ээрэг*) отражает специфику кочевого образа жизни монголоязычных народов, для которых он являлся не только повседневным напитком, но и важным элементом обрядовой культуры. Он выступал как символ достатка и благополучия. Кумыс получали двумя способами: брожением кобыльего молока в бурдюке (хөхүүрээр исгэх) и брожением с использованием закваски (хөрөнгөөр исгэх) [ПМА, инф. 3]. Данный процесс сопровождался постоянным перемешиванием и сбиванием (х.-монг. *айраг бүлэх*, бур. *хүрэнгэ бүлэхэ*), в котором участвовали все члены семьи.

При приготовлении кумыса свежесдоенное кобылье молоко процеживали и переливали в кожаный бурдюк (ср. стп.-монг. *köküür*, х.-монг. *хөхүүр*, бур. *хүхүүр*, калм. *көкүр/ээргин (чигэнэ) көкүр*, ойр. Монг. *кокуур/көкүүр*, ойр. Синьцз. *көкүүр*), который перед началом сезона замачивали, тщательно очищали. Он представлял собой продолговатый мешок с плоским дном и зауженными кверху стенками. «Для их изготовления шкуру сворачивали поперек вдвое, обрезали шейную и ножные кожи, прошивали боковые стороны и верх. Для подвешивания сосуда к его верху и бокам пришивали три кожаные петли [9, с. 57]. Рассмотрим названия частей бурдюка в монгольском языке. Горлышко бурдюка высотой 15 см. называется *хөхүүрийн хүзүү*; дно бурдюка обозначается как *хөхүүрийн ёроол*. Специальная поперечная деревянная переключина, служащая для подвешивания бурдюка, называлась *хөхүүрийн хараа* (букв. «взгляд/опора бурдюка»). Считалось, что бурдюк, в котором несколько лет подряд готовили кумыс, пропитывается кисломолочными бактериями и дрожжевыми культурами, поэтому он не требует специальной закваски [ПМА, инф. 3].

Большой бурдюк для приготовления и хранения кумыса у ойратов назывался: стпм. *arqad*, ойр. Монг. *архад*, калм. *архд*. По данным У. Э. Эрдниева: «... в начале XX века архад вышел из употребления и был заменен деревянными кадкой и бочкой» [26, с. 99].

Название маленького бурдюка для кумыса из пяточной кожи (ср. х.-монг. *борви*, калм. *бөрв*, ойр. Монг. *борви/бөрв*, ойр. Синьцз. *бөрве*, баргут. *борви*) встречается только в некоторых языках. В «Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и калмыков» находим: *борви*, *бөрв* «бод малын борвины арьсаар хийсэн ширэн сав» - бурдюк из пяточной кожи [24, с. 103]. Х.-монг. *борви* 1. пяточное сухожилие, ахиллово сухожилие; 2. *борви яс* кость пяточная; *борвин товгор* бугор пяточный; 3. кожаный бурдюк [3, с. 265]. Калм. *бөрв* 1. подколенные сухожилия; 2. борве, кожаная фляга [12, с. 115].

В длинное узкое горлышко вставлялась деревянная мутовка, которую вырезали из древесного наплыва (ср. стп.-монг. *büligür/bülegür*, х.-монг. *бүлүүр*, бур. *бүлүүр*, окин.-

бур. *сохюур*, эхир.-бур. *худхуурга*, тунк.-бур. *сосюур*, калм. *бүлүр*, шэн.-бур. *сохюур*, ойр. Синьцз. *бүлүүр*, хорч., джал., дурб., архорч., бар., онн., найм., шгол., уцаб., чах., орд. *булур*, баргут. *хутгуур*, дагур. *korkur*, ж.-уйг. *kokor*, дунс. *quduyuku bandan*, баоан. *atau*). Мутовка состояла из ручки (*бүлүүрийн бариул*) и собственно мутовки в виде крыльев - *бүлүүрийн толгой* (букв. голова). Данный термин образован от разных глагольных основ при помощи суффиксов =уур (=үүр, =юур), =уурга. В своей работе С. С. Харькова отмечает: «монг. *бүлэ* = «взбалтывать, сбивать (кумыс, масло)», бур. *бүлэ* = «сбивать, сепарировать» восходят к тюркскому *була* = «мешать (смешивать, перемешивать)» [23, с. 78]. От глаголов собственно монгольского происхождения *сохиho* «бить», *хутгаха* «перемешивать» образованы термины *сохюур*, *хутгуур*. Деревянная мутовка была предназначена не только для сбивания кумыса, но и пахтания простокваши и масла. Так, в калмыцком языке *бүлүр* «мутовка, мешалка (для пахтанья масла)»; *чиганэ бүлүр* «кумысная мутовка» [12, с. 126-127]; *тараг бүлэх* «мешать, взбалтывать простоквашу»; *тос бүлэх* «пахтать масло» [5, с. 446].

Половник для кумыса был небольшого размера и украшен резьбой (ср. стп.-монг. *ayiray-un utyuur*, х.-монг. *айрагний утгуур*, тунк.-бур. *хүрэнгын шанага*, калм. *утхц/төкш*, ойр. Синьцз. *удхаца*, архорч., бар. *утгур*, дагур. *ко□ку/ пяс*). При помощи суффиксов =уур, =ц, =ца образовано от глагольной основы *утга* = «черпать, выгребать» имя существительное, обозначающее орудие действия. В тункинском говоре бурятского языка обнаружен специальный термин *хүрэнгын шанага* «половник для кумыса» [ПМА, инф. 1]. В литературном бурятском языке слово *удхуури* со значением орудия действия обозначает «бадю для колодца».

Высокий деревянный сосуд для содержания кумыса назывался: стп.-монг. *ayiray-un torq=a*, х.-монг. *айргийн торх/айргийн ган/архад*, бур. *хаба*, тунк.-бур. *бэлмэр*, зап.-бур. *хүрэнгэйн торхо*, калм. *күв/архд*, баргут. *айрагын домбо/айрагын ган*. Названия этого сосуда в сравниваемых языках образовано синтаксическим способом по модели: *имя сущ. в род. п. + сущ.* Между определяющим словом и определяемым в данных терминологических словосочетаниях выражено отношение назначения. Название *бэлмэр* в тункинском говоре бурятского языка образовано от глагольной основы *бэлэ* = «сбивать» при помощи суффикса, образующего имена существительные [ПМА, инф. 1]. *Күв* «жбан; кадка; бак», сарт-калм. *күб* «деревянный жбан-маслобойка», дерб. Монголии *күw* «жбан, кадка» < тюрк., ср. др.-тюрк. *kür* «большой глиняный сосуд, кувшин» [17, с. 117]. В современном монгольском языке слово *архад* имеет следующее значение: «II 2) высокий деревянный сосуд (для кумыса)»; в калмыцком: *архд* «III высокий деревянный сосуд (для кумыса, айрана)».

Деревянная чашка большого размера с выдающимися боками для кумыса в монгольском и бурятском языках имеет одинаковое название: ср. стп.-монг. *qulu*, х.-монг. *хул*, бур. *хул*. Этот термин зафиксирован в «Монгол хэлний харь үгийн толь» (Словарь иностранных слов монгольского языка) как кит. *hu-lu*: *хумбагар хэлбэртэй том модон таг* «большая выпуклая деревянная чашка» [21, с. 234]. О. Сүхбаатар поясняет, что чашка внешне похожа на тыкву. В бурятском языке этот термин является архаизмом [ПМА, инф. 2], в калмыцком языке также не зафиксирован. Однако в «Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и Калмыкии» находим другое слово *жам* «большая деревянная чашка для кумыса» [24, с. 105]. В монгольском и бурятском языке данное слово имеет иное значение.

Водку перегоняют из кумыса, заготовленного и сохранённого впрок. Скотоводы

внимательно следят за закваской (стп.-монг. *körüngge*, х.-монг. *эх хөрөнгө*, бур. *эхэ хүрэнгэ*, калм. *ээргээн эк/көрң*), поскольку хорошая закваска считается залогом благополучия семьи и готовности к приёму гостей. Существует обычай ежегодно сохранять закваску кумыса, высушивая её и используя в следующем году. Е. В. Сундueva считает, что «название молочного напитка ср.-мо. *körenge* [MA 224], п.-мо. *körüngge* «остаток для айрака для другого айрака; род дрожжей» [Kow. 2640], мо. *хөрөнгө*, бур. *хүрэнгэ* «закваска; дрожжи; опара; фермент; кефир», служащего в качестве закваски для молочной водки, возникло на основе образа «нечто вздымающееся, набухающее» [20, с. 209].

Молочную водку называют по-разному: ср. х.-монг. *саалийн архи/малын архи/айргийн архи/монгол архи/нэрмэл архи/шимийн архи*, бур. *нэрэмэл архи/тогооной архи/хүнэй архи/дархан*, окин.-бур. *хүрэнгын арси*, калм. *эрк/чаһр*, ойр. Монг. *шимийн эрк*. По мнению Е. В. Сундueвой: «Словоформа пкл.-мо. *araki* [Tum.302], п.-мо. *araki, ariki* "вино, водка, хмельной напиток» [Kow. 143], мо. *архи*, бур. *архи*, калм. *эрк*, ойр. *эрке* «водка (преимущественно приготовленная из кислого молока); крепкие хмельные напитки» широко распространена как в восточных, так и в западных языках (тюрк. *aragı*, ма. *arki* и др.). В алтаистической литературе лексема признается арабским заимствованием (от *arrâq* «пот, испарина; водка; выжатый сок, духи»)» [20, с. 299].

Процесс перегонки молочной водки обозначается словосочетанием: ср. стп.-монг. *тоууу-а пегекүй*, х.-монг. *архи нэрэх/тогоо нэрэх, тогоо нэрэхэ, хөрөнгөө нэрэхэ*, зак.-бур. *тогоо шабиха/тогоо нэрэхэ*, калм. *эрк нерх*. Процесс повторной перегонки называется: х.-монг. *харюулан нэрэх*, шэн.-бур. *харюулан нэрэхэ* [ПМА, инф. 3].

В «Толковом словаре кочевого быта монголов» отмечено, что молочную водку перегоняют двумя способами: открытым (*задгай аргаар архи нэрэх*) и закрытым (*битүү аргаар архи нэрэх*) [14, с. 164]. Не будем останавливаться конкретно на процессе перегонки молочной водки данными способами, о них достаточно подробно написано в этнографических исследованиях. Обратим внимание на термины, относящиеся к посуде и кухонной утвари для перегонки молочной водки.

Деревянная перевернутая большая кадушка для перегонки молочной водки высотой 72-88 см. имеет название: ср. стп.-монг. *bürküger*, х.-монг. *бүрхээр/бүрхээг*, бур. *бүрхээр/бэрхээг/бүрхөөг*, тунк.-бур. *бүрхээг*, шэн.-бур. *бүрхүүр*, шгол., уцаб. *бүрхёр*, чох. *бүрхёр/бүхёр*, баргут. *бүрхээр*, ойр. Монг. *бүркээл id*. Центральная, основная часть бочки (бүрхээрийн их бие), которую собирали из тонких деревянных планок (хуух) и стягивали 2-3 деревянными или металлическими обручами (бүс/бүслүүр). В западных районах Монголии встречаются бочки из цельного ствола тополя, выдолбленного изнутри [ПМА, инф. 3]. А. М. Щербак относит данное слово к тюркскому: алт *бүркэ-*, кирг. *бүркё-*, ног. *бүркэ-*, тув. *бүргэ-*, туркм. *бүрэ-* «покрывать, закрывать», ср.-монг., м.-п. *burke-* «закрывать, покрывать», «окутывать облаками», ср.-монг. *bürkür* «покрывало», мо. *бүрхэг* «пасмурный, облачный», *бүрхүл* «покров, покрытие» [25, с. 171].

Бочку устанавливали сверху на большой перегонный котёл (ср. стп.-монг. *тоууу-а*, х.-монг. *их тогоо*, бур. *тогоон*, калм. *ик хээсн*, ойр. Монг. *эркээн хээсэн*, бао. *ту□ун (тэхон)*, даг. *тувā (тугā)*, дунс. *ту□ан*, мнгр. *тубō*). Верх бочки плотно закрывался большим котлом с холодной водой (ср. стп.-монг. *ǰalabčī*, х.-монг. *жалавч/хөлц*, бур. *жалабша*, калм. *жиливч*, шэн.-бур. *жалабша*, хорч., джал., дурб., горл. *джалавшј*, архорч., бар., шгол., уцаб., чох. *джалавчи*, орд. *джілавчі*, ойр. Синьцз. *жилавчи*, баргут. *Жалавш id*), который использовался в качестве охладителя. Слово *жалабша* образовано при помощи

продуктивного суффикса =*бша* от имени прилагательного *жалагар* «неглубокий». В статье «Пласт лексики, отражающий кочевой образ жизни бурят» отмечается, что «название отдельной части, т.е. *жалабша* расширило свое первоначальное значение и перешло на весь аппарат, служащий для перегонки араки» [1, с. 43].

Перегонный аппарат должен быть герметичным. Существует поверье, что если при перегонке содержимое вытекает из котла, то домашний очаг будет разрушен [ПМА, инф. 3]. Монголы края соединения бочки и котла с холодной водой плотно обматывают специальной тканевой лентой, чтобы предотвратить утечку пара (*ороолт*). Калмыки все соединения замазывали глиной (*шавр*), у бурят щели и швы замазываются вязким веществом, в состав которого входит навоз или глиной и данный процесс назывался: *тогоо шабаха*.

Внутри бочки укреплялась перегоночная труба, по которой стекала молочная водка (ср. стп.-монг. *ᠰᠣᠷᠭᠠ*, х.-монг. *цорго*, бур. *сорго/сорга*, хоолой, калм. *цорһ*, шэн.-бур. *сорго*, хорч. *шорог*, архорч., бар., чах. *чорог*, орд. *чорго*, ойр. Синьцз. *цорһо*, баргут. *сорго/гоожуур*, дагур. *ц'орг'ел*). Капли стекали наружу в подставленный чугунный или медный кувшин высотой около 30 см. с широким туловом и узким горлышком с небольшим сливным носиком (стп.-монг. *tangqa/dangqa*, х.-монг. *хувин*, бур. *танха*, шэн.-бур. *танха*, баргут. *ваар лонхо*). Слово *танха* «чугунный кувшин (употребляющийся при выгонке молочной водки)» Д. Д. Дондокова приводит как заимствование из китайского языка < *tan hu* «чайник» [10, с. 128]. В баргутском языке слова *ваар* и *лонхо* также заимствованы из китайского языка: *ваар* < кит. *wa: наанги улаан шороогоор барьж*, *галд шатаан хийсэн сав суулга* – «емкость из красной глины», *лонхо* < кит. *lianhu: шингэн зүйл агуулах шавар буюу шилэн сав* – «стеклянная или глиняная емкость для жидкости» [21, с. 143].

Буряты данный кувшин, в свою очередь, помещали в кадушку с холодной водой, где пары конденсировались в кувшине. Эта кадушка называлась *һиибэр* [ПМА, инф. 2]. В монгольском языке данное слово толкуется следующим образом: *сийвэр* «хүйтэн ус хийж дотор нь танх тавьдаг гадар түмпэн» - наружный таз, в который наливают холодную воду. У калмыков вместо кувшина использовался плоскодонный котел для охлаждения (*бэкрсн*), установленный в корыте с холодной водой.

Для измерения количества перегнанной молочной водки и ее крепости использовали тонкую длинную палочку. Калмыки и ойраты привязывали на конце нить из верблюжьей шерсти, монголы привязывали нить из козьей шерсти или делали зарубки (ср. стп.-монг. *amsayuri*, х.-монг. *амсуур*, бур. *амһуур*, калм. *амсур*, ойр. Синьцз. *амсуур*). В некоторых районах Монголии палочка называлась *шалгуур* от глагола *шалгах* «проверять» [ПМА, инф. 4].

Кожаная фляга для молочной водки называлась в калмыцком языке *бортх*. Г. Д. Пюрбеев пишет, что данная фляга применялась «... для кумыса и прохладительного напитка чидмек» [16, с. 126]; в монгольском и бурятском языках этот термин не встречается. Баргуты фляжку для молочной водки вытачивали из корня дерева - *архины соруул*. Данный термин образован по модели: *имя сущ. в род. п. + сущ.*, где главное слово *соруул* образовано от глагольной основы *соро*= «сосать, тянуть, высасывать; держа что-н. во рту делать втягивающие движения» при помощи суффикса =*уул*.

По обычаю, первую порцию молочной водки (дээж) подносят домашнему очагу, затем синему небу и почитаемым божествам. Монголы произносят следующее благопожелание, в котором отражена рассматриваемая нами лексика:

Наран тивийн илч
Нар хурын чийг
Навч ногооны шим
Үүл борооны хур
Үнээ малын сүү
Үр шимийн идээ
Зааны ширэн хөхүүртэй
Зандан модон бүлүүртэй
Угалзын эвэр утгууртай
Удаа дараагаар нь угсарч
Идээний эхний дээжээс авч
Бадарсан их тогоондоо дүүргэж
Бат цагаан бүрхээрийг суулгаад
Шулуун сайхан цоргоны дор
Шударга цагаан хувин тосож
Хөх ширмэн жалавч угсарч
Хөнгөн цагаан ороолтоор ороож
Шанд булгийн эхээс авсан
Ундармал рашаанаар
Эхний усыг гурав
Эцсийн усыг тав авч гаргасан
Дарс нэртэй
Догшин чанартай идээг
Чингис хааны үеийн
Чин бат лонхондоо сөгнөөд
Алтан амсарт
Мөнгөн дотортой
Агар завьяа хундагандаа
Бялхуулаад, өргөн дэвшүүлье ээ!

Тепло солнца, влага дождя, сок зелёной листвы, обильные осадки из туч, молоко коров
плоды земного изобилия, —

в кожаном бурдюке из слоновой кожи, с сандаловой мутовкой, с ковшом из рога горного барана соединяются и собираются вновь и вновь.

Из первых проб угощения, поставленного на стол, наполним большой кипящий котёл *тогоо*, установим на него крепкую белую бочку *бурхээр*, под ровный желоб подставим белое ведро, поставим большую чугунную чашу *жалавч*, обернем ее белой легкой *ороолт*,

Наполним ее ключевой водой из родника, поменяем первую воду три раза. Далее — пять раз, получим напиток *дарс*, Напиток со значительным и могучим нравом

В крепкую бутылку времен Чингис-хана, в золотую чарку с серебряной поставкой, в кубок наливаем через край и приносим в дар!

Изучение подобных лексических групп представляется актуальным, поскольку с появлением новых видов и технологий производства бытовой уклад меняется, что естественно приводит к вытеснению традиционных предметов, некогда столь необходимых при кочевом образе жизни. Проведённый анализ позволил установить, как общемонгольские термины, отражающие древнейшие представления о материальной культуре монголоязычных народов, так и специфические лексические единицы, характерные для отдельных языков и диалектов, что связано с особенностями локальных традиций.

Список сокращений языков и диалектов

алт. - алтайский

архорч. - арухорчинский

баоан. - баоаньский

бар. - бааринский

баргут. - баргутский

бур. - бурятский

горл. - горлос

дагур. - дагурский

джал. - джалайтский

дунс. - дунсянский

дурб. - дурбетский

др.-тюрк. - древнетюркский

ж.-уйг. - язык желтых уйгуров

зак.-бур. - закаменский говор бурятского языка

зап.-бур. - западный говор бурятского языка

калм. - калмыцкий

кирг. - киргизский

кит. – китайский
ма. - маньчжурский
найм. - найманский
ойр.Монг. – язык ойратов Монголии
ойр.Синьцз. – язык ойратов Синьцзяна КНР
окин-бур. - окинский говор бурятского языка
онн.- оннютский
орд.- ордосский
п.-мо., м.-п. –письменный монгольский
мо. – монгольский
мнгр. - монгорский
ног. – ногайский
сарт.-калм. – сарт-калмакский
ср.-монг. - среднемонгольский
стп-монг. – старописьменный монгольский
тув. – тувинский
тунк.-бур. - тункинский говор бурятского языка
туркм. – туркменский
тюрк. – тюркский
др.-тюрк. - древнетюркский
уцаб. - уланцаб
х.-монг. – халха-монгольский
хорч. – хорчинский
чах. - чахарский
шгол. - шилингольский
шэн.-бур. – язык шэнэхэнских бурят, живущих в КНР
эхир.-бур. - эхирит-булагатский говор бурятского языка

Полевые материалы авторов

ПМА, инф. 1. Степанова О.Б., бурятка, 1950 г.р., Республика Бурятия, Тункинский район, с. Харбаты.

ПМА, инф. 2. Бальжинимаева Ц. Ц., бурятка, 1950 г.р., Читинская область, Агинский район, с. Цокто-Хангил.

ПМА, инф. 3. Даваадорж Сампилноров, монгол, 1963 г.р., Булган аймаг, Тэшиг сум.

Библиография

1. Бальжинимаева Ц. Ц., Бальжинимаева Б. Д. Пласт лексики, отражающий кочевой образ жизни бурят // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Языки. Фольклор. Литература. – Улан-Удэ, 2000. – С. 38-46.
2. Бабуев С. Д., Бальжинимаева Ц. Ц. Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи (Толковый словарь традиционного быта бурят). – Улан-Удэ: Изд-во "Бэлиг", 2004. – 352 с.
3. БАМРС, I – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – Т. 1. А-Г. – 520 с.
4. БАМРС, II – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – Т. 2. Д-О. – 536 с.
5. БАМРС, III – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – Т. 3. Ё-Ф. – 440 с.
6. БАМРС, IV – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2002. – Т. 4. Х-Я. – 532 с.
7. БРС – Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. / Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО "Республиканская типография", 2006. – Т. I. А-Н. – 636 с.
8. БРС – Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. / Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО "Республиканская типография", 2008. – Т. II. О-Я. – 708 с.
9. Дарбакова В. П. Традиционные домашние промыслы и ремесла монгольских народов МНР: автореферат канд. ист. наук. – М., 1968. – 18 с.
10. Дондокова Д. Д. Лексика духовной культуры бурят. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2003. – 134 с. EDN: QQSCXJ
11. Зурагт толь (Иллюстрированный словарь). – Улаанбаатар, 1998. – 343 с.
12. КРС – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. – М.: Изд-во "Русский язык", 1977. – 765 с.
13. Mongyol jang üyle-yin neberkei toli (Энциклопедический словарь традиционного быта монголов). – Хөх-Хот, 1997.
14. Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь (Толковый словарь кочевого быта монголов). – Улаанбаатар: Монсудар, 2014. – 611 х.
15. Mongyol ündüsüten-ü ulamjilaltu soyol-un jiruytu toli (Иллюстрированный словарь традиционной культуры монгольских народов). – Хөх-Хот, 2002.
16. Пюрбеев Г. Ц. Хальмгудын заңшалта бээцин тээлвр толь (Толковый словарь традиционного быта калмыков). – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. – 176 с.
17. Рассадин В. И. О тюркском влиянии на развитие монгольских языков // Проблемы исторического развития монгольских языков. – СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 105-111. EDN: VWCJJA
18. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: очерк диалектов. – Москва: Наука, 1985. – 133 с. EDN: YPSILX
19. Starostin, S. Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). – Leiden; Boston: Brill, 2003. – Part I. A-K, Part II. L-Z, Part III. Indices. – 2096 p.

20. Сундуева Е. В. Вербализация чувственного восприятия средствами корневых согласных [r] и [m] в монгольских языках. – Дисс. на соиск. уч. степ. д.ф.н. – Улан-Удэ, 2011. – 425 с. EDN: OPHYZG
21. Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь (Словарь иностранных слов монгольского языка). – Улаанбаатар, 1999. – 233 х.
22. Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2001. – 493 с. EDN: YQMQR
23. Харькова С. С. Об одном критерии выявления тюркизмов в монгольских языках // Проблемы монгольского языкознания. – Новосибирск, 1988. – С. 75-82.
24. Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Монголын ойрад ба халимагийн уламжлалт ахуйн тайлбар толь (Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков). – Улаанбаатар, 2016. – 336 х.
25. Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб., 1994. – 192 с.
26. Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX-начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. – 312 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью «Названия посуды и кухонной утвари для приготовления кумыса и молочной водки в монгольских языках».

Представленная статья посвящена детальному лингвистическому и этнографическому анализу терминологии, связанной с посудой и утварью для приготовления двух ключевых напитков в культуре монголоязычных народов — кумыса и молочной водки. Предмет исследования четко очерчен и обладает высокой значимостью для монголоведения, этнолингвистики и изучения материальной культуры кочевых народов. Автор не просто перечисляет лексические единицы, а помещает их в культурно-исторический контекст, раскрывая глубинные связи между языком, бытом и мировоззрением носителей.

Методология исследования является комплексной и включает сравнительно-исторический анализ лексики монгольских языков и диалектов (халха-монгольский, бурятский, калмыцкий, ойратский и др.), этимологический анализ с привлечением тюркских и других алтайских параллелей, а также полевые материалы авторов (ПМА). Такой подход позволяет не только зафиксировать современное состояние терминологии, но и проследить историю формирования лексем, выявить архаичные пласты, заимствования и внутренние инновации. Использование данных из специализированных словарей традиционного быта, многие из которых являются фундаментальными трудами, добавляет работе основательности и достоверности.

Актуальность работы не вызывает сомнений. В условиях глобализации и трансформации традиционного уклада жизни кочевых народов происходит стремительное исчезновение предметов материальной культуры и, как следствие, связанной с ними лексики. Статья выполняет важную функцию фиксации и систематизации этого уходящего знания, что

представляет ценность не только для лингвистики, но и для этнографии, культурологии и истории. Исследование проводилось в рамках проекта РНФ, что также подчеркивает его востребованность в научном сообществе.

Научная новизна заключается в первой столь масштабной компаративистской сводке терминов, относящихся к конкретному технологическому процессу — производству кумыса и молочной водки. Автор выявляет как обще-монгольскую лексику (напр., хөхүүр 'бурдюк', бүлүүр 'мутовка'), так и специфические диалектные формы (напр., бэлмэр в тункинском говоре бурятского, бортх в калмыцком), что позволяет реконструировать более полную картину терминологической системы. Особый интерес представляют этимологические разыскания, например, тюркское происхождение глагола бүлэ- или заимствование слова күв из тюркских языков.

Стиль, структура и содержание статьи в целом соответствуют высоким академическим стандартам. Текст хорошо структурирован: от общего культурного контекста («белая пища») автор переходит к детальному описанию утвари для каждого этапа приготовления напитков, логически связывая разделы. Стиль изложения научный, но при этом ясный и доступный для специалистов смежных дисциплин. Богатый иллюстративный материал в виде цитат из словарей и полевых записей значительно усиливает доказательную базу. Включение традиционного благопожелания (йорела) с последующим переводом и лингвистическим комментарием является ярким и эффективным приемом, демонстрирующим живое бытование терминов в ритуальной речи.

Библиография впечатляет своим объемом и репрезентативностью. В списке литературы представлены как классические, так и новейшие академические словари, этнографические и лингвистические исследования, в том числе на монгольских языках. Это свидетельствует о глубокой проработке темы и знакомстве автора с современным состоянием исследований.

При всей бесспорной ценности работы, можно апеллировать к потенциальным оппонентам, которые могли бы указать на некоторые лакуны. Например, было бы полезно увидеть более развернутое сопоставление с тюркской терминологией для аналогичных процессов и предметов, учитывая заявленный сравнительно-исторический аспект проекта РНФ. Хотя некоторые тюркские параллели приведены, системного сравнения не проводится. Кроме того, визуализация (схемы, рисунки описанной утвари) могла бы сделать статью еще более наглядной и доступной, однако ее отсутствие не является критическим недостатком для сугубо лингвистической работы.

Выводы исследования четко сформулированы в заключении: автором установлен состав общемонгольской и диалектной лексики, выявлены этимологические источники и словообразовательные модели. Интерес читательской аудитории к данной статье будет высоким со стороны лингвистов, специализирующихся на монгольских и алтайских языках, этнографов, изучающих кочевые культуры Центральной Азии, а также историков материальной культуры.

Рецензируемая работа представляет собой серьезное, методически выверенное и новаторское исследование, вносящее существенный вклад в изучение лексики материальной культуры монгольских народов. Работа соответствует критериям научности, актуальности и новизны.

На основе вышесказанного полагаем, данную работу можно рекомендовать к публикации в рецензируемом научном издании без критических замечаний. В качестве пожелания на будущее автору можно рекомендовать рассмотреть возможность включения сравнительной таблицы с основными терминами всех рассмотренных языков и/или более детального анализа тюркско-монгольских лексических взаимодействий в данной тематической группе.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кихней Л.Г., Ламзина А.В. Рама текста как семантический код в «антитоталитарных» стихотворениях Анны Ахматовой // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.72396 EDN: CVJPYO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72396

Рама текста как семантический код в «антитоталитарных» стихотворениях Анны Ахматовой

Кихней Любовь Геннадьевна

доктор филологических наук

профессор; кафедра истории журналистики и литературы; Московский университет имени А. С. Грибоедова

107207, Россия, г. Москва, ул. Шоссе Энтузиастов, 21, оф. 321

✉ lgkihney@yandex.ru



Ламзина Анна Владиславовна

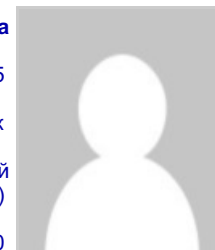
ORCID: 0000-0001-6464-9675

кандидат филологических наук

доцент; департамент иностранных языков; Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)

141700, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9, оф. 310

✉ alamzina@mail.ru



[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.72396

EDN:

CVJPYO

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу специфики рамочного текста в стихотворениях Анны Ахматовой, отражающих противодеспотичные мотивы ее творчества в эпоху Большого террора, и выстраиваемой автором особой коммуникативно-творческой стратегии, выступающей предметом исследования. Раскодирование скрытых смыслов, обретение понимания в читательской среде и общность контекста, восприятия эпохи –

важные составляющие самоопределения поэта – выразителя своего времени, поэтому для А. Ахматовой принципиальным был поиск «своего» читателя. Определены две стратегии взаимодействия с читательской аудиторией в период массовых сталинских репрессий 1937-1938 годов, «в страшные годы ежовщины», порождающие два типа поэтических текстов: ориентированные на будущего читателя или на узкий круг приближенных и пока не предназначенные для печати, и амбивалентные многоплановые произведения, всё еще находящиеся в рамках официального дискурса и планируемые к публикации, выбранный анализ которых представлен в статье. Обзорное исследование биографии А. Ахматовой и избранных поэтических отрывков посредством историко-биографического и структурного методов анализа позволяет наглядно отобразить коммуникативно-творческую стратегию шифрования и вкрапления скрытых смыслов в лирические произведения. Особым вкладом представленных результатов в современное литературоведение представляется глубокое исследование коммуникативно-творческой стратегии А. Ахматовой, симптоматично формирующей особый тип читателя, знакомого с ориентацией автора на амбивалентные послания, намеки, недосказанность и изначального нацеленного на поиск истинного смысла произведения. Подробно исследуются ранее не изученные особенности вкрапления подобных «фильтр-кодов» в поэтику А. Ахматовой, что представляется новым и востребованным. Доказывается, что именно элементы рамы текста (заглавия, эпиграфы, подзаголовки, даты) становятся важнейшими смысловыми структурами, выполняющими функцию семантического шифра, способного «запечатать» крамольное значение антитоталитарных идей и мотивов поэтессы, скрыть их от цензуры и, напротив, явить знающему и понимающему читателю-другу как своего рода «эзопов язык».

Ключевые слова:

рама текста, заглавие, эпиграф, подзаголовок, посвящение, авторская дата стихотворения, стратегия семантического шифрования, потаенные смыслы, Большой террор, поэтика А. Ахматовой

Амбивалентные художественные произведения 1920-х годов, предполагающие как прочтение в контексте официальной политики, так и имеющие «второе дно», спрятанный автором смысл только «для своих», так называемая «потаенная» литература [\[1, 2\]](#), обнажают проблему поиска новых коммуникативных стратегий, что обуславливает актуальность исследования.

А. Ахматова, считающая сохранение памяти поколения высшей миссией поэзии, тяжело воспринимала свою вынужденную исключенность из официального литературного процесса. Поэт считала личной трагедией отсутствие знаковых «Реквиема» и «Поэмы без героя» в советской печати 1960-х годов. И дело не в стремлении к популярности: Ахматова «была со своим народом» в страшные годы, но не могла выразить его трагическое мироощущение, как минимум, публично, для своих современников.

Биография и творческое наследие А. Ахматовой наглядно отображает две стратегии взаимодействия с читательской аудиторией в период Большого террора. Во-первых, наблюдается ориентация на будущего читателя или на узкий круг приближенных и пока не предназначенные для печати: такие поэтические тексты раскрывали позицию Ахматовой как таковую, без прикрас, обнажая идеологически неугодные настроения (за обнаружения таких стихотворений поэт могла не только подвергнуться гонениям, но и лишиться жизни). А во-вторых, Ахматова творила и в контексте официального дискурса,

создавая амбивалентные многоплановые произведения, потенциально планируемые к публикации. К таковым относятся стихотворения, опубликованные в текущей периодической печати, или вошедшие в сборники «Anno Domini» (1923) и «Из шести книг» (1940), «Избранное» (1943). Также ряд произведений поэт действительно готовила к печати в то время, когда они были написаны, но по определенным причинам в итоге не смогла опубликовать: например, книга «Нечет», сданная в печать в 1946 году, в том составе и композиции, как она задумывалась автором, так и не вышла из-за партийного постановления, но стихи, включенные в нее автором, все-таки создавались с оглядкой на цензуру [3].

Такая творческая стратегия предполагает выстраивание семантической подоплеки, которая раскрывает истинный замысел автора, что, в свою очередь, порождает очевидную трудность для творца: необходимо разработать такую знаковую систему, которая будет понятна читательской аудитории, но недоступна цензорам. Любопытно, что подобные стратегии обнаруживаются на протяжении всей жизни [4], однако обостряются в страшное для страны время.

Вопрос бытования скрытых посланий в поэзии Серебряного века в научной литературе уже частично рассмотрен [5], однако вопрос коммуникативно-творческой стратегии недостаточно раскрыт. Представлено более углубленное изучение проблемы, обозначенной в наших работах ранее [6, 7].

Итак, обратимся к исследованию успешной творческо-коммуникативной стратегии А. Ахматовой (о чем свидетельствует публикация таких произведений в текущем для поэта настоящем). На поэтическом материале (приводятся некоторые отрывки из стихотворений «Предсказание» (1922), «Причитание» (1922), «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922), «Лотова жена» (1924), «Заклинание» (1936), «Воронеж» (1936), «Август 1940» (1940), «Лондонцам» (1940), и др.) анализ определены механизмы реализации подобных фильтров, позволяющих читателю раскодировать скрытое послание. Обширный хронологический период, лаконично представленный избранными работами, обращение к разным темам и мотивным комплексам позволяют выявить типичные для поэта творческие решения.

Уже в пятой книге стихов «Anno Domini» (1923) мы видим приемы, кодирующие в художественном тексте гибель Н. Гумилева, табуированную в официальном дискурсе. К примеру, точно обозначена дата написания стихотворения «Предсказание» – 8 мая 1922 года, двенадцатая годовщина бракосочетания Гумилева и Ахматовой. Стихотворение сквозь призму биографии воспринимается в двойном ракурсе, становясь не только поминовением поминовением Гумилева, принявшего мученическую смерть, и ретроспективным пророчеством поэту (используется глагол в будущем времени: «**...Мой венец на тебе заблестит. / Ничего, что росю багровою / Он изнеженный лоб освежит**») [8, с. 386], но и предсказанием себе самой.

В словах лирического героя, чья судьба и после смерти оказывается неразрывно связанной с возлюбленной, звучит предостережение не столько о пагубности жажды славы, сколько о страшной судьбе и кончине, к которой такое стремление приведет. Образ «тернового венца» отсылает к библейским мотивам, переплетая мотив венчания, заданным датой написания стихотворения, с темой Страстей Господних, и, подспудно, воплощая образ поэта-мученика.

Пример работы заголовочно-финального комплекса как шифровального ключа находим и

в стихотворении «Причитание», также входящем в «Anno Domini». Сразу же на себя обращает внимание жанровое соответствие, выступающее «шифром»: в стихотворении нет ни мотивов смерти и погребения, ни подробностей несчастья, ни горьких сетований об умершем, характерных для причитания как народной обрядовой песни. И в этом стихотворении ключ к определению истинного смысла содержится в дате: 24 мая 1922 года, что может быть приурочено к декрету ВЦИК от 26 февраля 1922 года, дающему свет святотатственному для верующих изъятию церковных ценностей.

Уже тогда Ахматова не могла говорить прямо о политических событиях, поэтому использует иносказание, эвфемизмы и намеки, чтобы выразить горе русской церкви. Например, в строчках «...Колокол заговорил / Не набатным грозным голосом, / А прощаясь навсегда» [\[8, с. 411\]](#) репрезентируется кощунственная традиция переплавки колоколов на нужды государства.

Впрочем, в рукописи двухтомного «Собрания стихотворений», подготовленного Ахматовой позже, в 1925-1926 году, стихотворение датируется иной датой – 21 мая того же года, что В. Г. Морозов трактует как отсылку к празднику Владимирской иконы Божьей Матери [\[9\]](#).

В сборниках нет ошибки, как и в последующих примерах, когда в разных изданиях стоят различные датировки. Разное время написания указывает на разные читательские векторы: в первой публикации («Anno Domini», 1923) дата указывает читателем на репрессии в отношении сопротивленцев и акты вандализма по отношению к церковным ценностям, во втором же случае (двухтомник, 1927) потенциальным читателем становятся знакомые с религиозным дискурсом миряне, для которых 21 мая – сакральная дата. На верность наших суждений также указывают цитаты из Псалтири («Господеви поклонитесь / Во Святем Дворе Его» [\[8, с. 187\]](#)), и упоминания святых:

Чудотворцы и святители,

Опираясь на клюки.

Серафим — в леса Саровские

Стадо сельское пасти,

Анна — в Кашин, уж не княжити,

Лен колючий тербить [\[8, с. 187\]](#).

Образ юродивого, спящего на паперти, данное в начале стихотворения, отсылает нас к традиции простонародного духовных стихов. Знаменательно, что в финале стихотворения святых провожает сама Богородица, предстающая также в нищенском, простом облике. Ахматова говорит о сохранении Православия через его «опрошение», смирение и искупление, что подтверждается и общим минорным тоном.

Так, мы видим, что включение библейских мотивов и знакомство со священными текстами становятся способом дешифровки мысли Ахматовой и раскрывает мотив богооставленности России, в которой разрушаются дома Божьи и которую покидают святые. Впрочем, открытый финал дает нам надежду на спасение, так как святые оказываются нищими странниками, держащими путь домой.

В конечном итоге, такая интерпретация отражает самую суть фольклорного жанра «причитания»: в этом стихотворении Ахматова и оплакивает разорение русской церкви,

и убиенного супруга, что подчеркивается упоминанием святой Анны Кашинской (1280-1368), мужа, тверского князя Михаила Ярославича (1271-1318), так же, как и Гумилева, казнили. Исторические события за счет ономастического кода переживаются лирической героиней остро и субъективно.

Ахматова неоднократно обращается к библейским мотивам в лирике, каждый раз пропуская через саму себя [\[10\]](#). Так, в стихотворении «Не с теми я, кто бросил землю...» поэт вновь обращается к теме исхода праведников из грешной земли праведников, толкуя ее в евангельском духе: «*Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее*» (Мф., 10: 38-39). Вот почему «каждый час» оставшихся «в глухом чаду пожара» будет оправдан Высшим Судом.

Тот же эпизод из Книги Бытия, повествующий об исходе праведников из грешной земли, положен в основу «Лотовой жены», который Ахматова также пропускает через себя, снабжая историю собственной трактовкой, при этом достаточно точно передавая сюжет. В библейской традиции жена Лота символизирует пристрастие к греховному миру и представляет тех, кто, став на путь спасения, обращается вспять Ср.: «*В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращай назад: вспоминайте жену Лотову*» (Лк., 17: 31-32).

Героиня Ахматовой стоит перед иным выбором: покинуть город и спастись (ср.: «*Спасай душу свою, не оглядывайся назад... чтобы тебе не погибнуть*» Быт., 19: 17) или оглянуться и погибнуть. Она выбрала второе:

Взглянула – и, скованы смертною болью,

Глаза ее больше смотреть не могли;

И сделалось тело прозрачною солью,

И быстрые ноги к земле приросли [\[8, с. 153\]](#).

Собственно, здесь нет мотива искупления как такового, несмотря на наличие самой жертвы. Очевидно, для Ахматовой важен не внешний результат, а внутренняя готовность к самопожертвованию: Лотова жена сознательно идет на смерть (ср.: «*Когда же вывели их <семью Лота> вон, то один из них <Ангелов> сказал: "Спасай душу свою; не оглядывайся назад... чтобы тебе не погибнуть"*» (Быт., 19: 17)). Лотова жена оглядывается, обрекая себя на гибель, даже не ради спасения родины, а ради памяти о ней. Непомерность этой жертвы («жизнь за единственный взгляд») продиктована идеей преданности и любви грешной, богооставленной родине.

Также приведем еще один пример, иллюстрирующий использование заголовочно-финального комплекса как подсказки внимательному, искушенному читателю, а именно, обратимся к анализу «Заклинания».

Как и в «Предсказании», дата написания стихотворения, указанная в авторской рукописи книги «Нечет», на что в том числе указывают комментаторы ахматовских изданий, в частности, М. М. Кралин и Н. В. Королева, отсылает к Гумилеву: 15 апреля 1936 года поэту исполнилось бы 50 лет. Вкупе с заголовком, ориентирующим читателя на балладную атмосферу и общую тональность поминовения, дата выступает ключом к разгадке новой системы лирических смыслов.

Само стихотворение насыщено интертекстуальными кодами: заглавие ахматовского

стихотворения буквально повторяет название пушкинского «Заклинания», тема которого также связана с колдовством, «магическим вызыванием» из могилы возлюбленной [\[11\]](#) (согласно сюжету, ахматовская лирическая героиня не гадает на суженого, а зовет его из мира мертвых). Оба текста в строгом смысле слова не принадлежат к каноническим балладам, но генетически связаны с архаической балладной традицией – во всяком случае, в том ее понимании, которое сформировалось у Ахматовой.

Вот почему и присловие, сопровождающее святочную ворожбу, представляет собой смысловую инверсию: «**Незванный, / Несуженый, – / Приди ко мне ужинать**» (ср.: «Перед гаданием на столе ставят два прибора и говорят при этом: «Суженый! ряженный! Приди ко мне ужинать!». Уверяют при этом, что при тишине вокруг, безмолвии и внимании гадающей особы в зеркале увидят что-нибудь из будущего» [\[12, с. 40\]](#)). По этой же причине магический ритуал свертывается не на Святки или Крещение, а в неурочное время – в Светлое Воскресение («под пасхальный звон»).

Напомним, что русские баллады, в частности, баллады Жуковского (ставшие для Ахматовой эталоном жанра), восходят, с одной стороны, к англо-шотландским истокам, а с другой стороны, – уходят корнями в русский обрядовый фольклор [\[13\]](#). Так, С. Бройтман фактически возводит генезис баллады к очень древним фольклорным истокам – к ритуальным хоровым и плясовым песням, заклинательный смысл которых – стремление помочь возрождению умерших [\[14, с. 380\]](#). Отсюда архетипический балладный сюжет – «приход мертвеца в мир живых» в контексте определенного магического хронотопа, как правило, инспирированного обрядовыми манипуляциями. Именно таков сюжет «Светланы» В. Жуковского, переосмысленный в «Заклинании» Ахматовой.

Таким образом, заголовочно-финальный комплекс «Заклинания» реанимирует один из сокровенных и, пожалуй, самых загадочных сюжетов ахматовского творчества, связанный с темой «загробной верности» и вины перед погибшим супругом, а именно, балладный сюжет прихода «мертвого жениха» (или «мертвого мужа») Бройтман [\[14, с. 380\]](#), ранее воплощенный и в «Новогодней балладе» (1924), а позднее – в «Поэме без героя» (1940-1965).

Однако творческое наследие Ахматовой представляет еще один вариант реализации стратегии включения подтекста. Дата стихотворения и заголовочный комплекс выступают в роли камуфляжа, направляя искушенного читателя и еще больше запутывая непосвященного, случайного слушателя.

Так, название стихотворения «Август 1940» и проставленная под ним дата – 5 августа 1940 года – отсылает читателя к острейшему историческому моменту, который поясняется в двух финальных стихах: «*Так вот, над погибшим Парижем / такая теперь тишина*» (14 июля 1940 года немцы вошли в Париж). Причем историческая ситуация, оккупированного гитлеровцами Парижа насыщается в стихотворении отсылками к шекспировскому Гамлету (аллюзии на смерть Офелии, мотивы погребения без надгробного псалма, распад родственных связей, образ финальной тишины).

Но эти прототипические мотивы и образы суггестируют картину только что пережившего Большой террор Ленинграда. Правда, этот второй, антитоталитарный смысл стихотворения доступен далеко не каждому (свидетельство тому – публикация стихотворения в 1946 году в журнале «Ленинград»).

Ахматова заимствует у Шекспира шифр, который позже (в «Поэме без героя») назовет «зеркальным письмом». По законам «зеркального письма» ничто не говорится «в лоб»,

поэтому прямой смысл оказывается обманом, своего рода «потемкинской деревней» [\[15\]](#). Причем шифровальный ключ к потаенному смыслу «Августа 1940» искать нужно не только в прототипических сюжетных ситуациях «Гамлета», но в шекспировских приемах камуфлирования своих намерений, которые также использует и его герой.

Напомним, что Гамлет, устраивая «мышеловку» для Клавдия, называет написанный им сценарий «Убийство Гонзаго», в котором зеркально повторяется эпизод с отравлением короля, но изменяются время и место. Таким образом, в пьесе автор как бы встраивает зеркало, в котором отражаются не только реальная суть событий, но и сама метаситуация создания пьесы (использование чужого имени, приемы закодирования посредством трансформации хронотопа). Выбранный сюжет не случаен: Ахматова полагала, что под маской актера Шекспира скрывается член королевской семьи, и трагические сюжеты «Гамлета» и «Макбета» метафорически соотнесены с конкретным историческим контекстом, а именно с убийством второго мужа Марии Стюарт – Дарнлея [\[16\]](#).

Спроецировав этот прием кодировки на «Август 1940», мы можем отнести все перечисленные приметы времени и места в не столько к Парижу, сколько к советской действительности 1940 года, правду о которой говорить открыто нельзя.

В свете этого «гамлетовские» аллюзии обретают едва ли не буквальный смысл. Ахматова, используя топографию как маску, смело перечисляет страшные приметы Большого террора: «могильщики лихо работают», осужденных хоронят не только без «надгробного псалма», но и без могил («крапива, чертополох» «украшают» место захоронения), что также автобиографично: места захоронения Гумилева и ее близких друзей – О. Мандельштама, Б. Пильняка – было неизвестным.

Строки же *«И матери сын не узнает, / И внук отвернется в тоске»* знаменуют изменение моральных ориентиров нового, постреволюционного поколения, которому дореволюционные ценности чужды и враждебны. Погребение эпохи оказывается двойным: это не только «закат Европы», но и прервавшаяся связь времен в российском бытии.

Новое звучание обретает и финальный образ шекспировской трагедии – тишина / молчание. Это не только тишина небытия (в гамлетовской проекции), но и паралич свободы, общественной и творческой жизни, насильственная немота поэта.

Скрытые шекспировские аллюзии выходят на поверхность в другом ахматовском тексте – послании «Лондонцам». А. Найман верно отметил, что всякий шекспировский след в стихах Ахматовой был еще и знаком «английской темы» [\[17, с. 104\]](#), поэтому закономерно, что в обращении к лондонцам, написанном по поводу бомбардировок фашистской авиацией столицы Великобритании, Ахматова привлекает Шекспира в самом начале («Двадцать четвертую драму Шекспира...») и упоминает знаковые произведения далее. Однако их выбор продиктован не только популярностью: в «Гамлете», «Цезаре», «Лире», «Макбете» речь идет о внутреннем политическом перевороте, внутригосударственном терроре, а не о внешнем нападении, что также выступает интертекстуальной подсказкой об истинных мыслях Ахматовой.

Но, как и предыдущем стихотворении, здесь использован прием переадресации. Обращение к лондонцам, заданное в заглавии, в то же время служит в некотором смысле отвлекающим маневром. Автор, остро сочувствуя трагедии лондонцев, в еще большей мере скорбит о трагедии своего народа. Таким образом, явно это послание

обращено к англичанам, страдающим от бомбежки, а тайно также и к своим соотечественникам, что объясняет использование местоимение «мы», соборно объединяющее всех страдающих под гнетом террора.

Эпиграф к стихотворению, взятый из Апокалипсиса: «*И сделалась война на небе*», будучи характерным для Ахматовой знаком национальной трагедии [18], свидетельствует и в этом стихотворении об отсылке к страшным годам правления Берии и Ежова, «бериевщине» и «ежовщине». Апокалипсические образы в целом не сходят со страниц ахматовских текстов 1930-х годов. «Постапокалиптичным» становится всё, сама эпоха, как они пишет в «Листках из дневника» [19, с. 9].

Эпиграфы из Апокалипсиса также начинают поэму «Путем всея земли» («*И Ангел поклялся живущим, что времени больше не будет*» [8, с. 232]). Апокалипсической образностью в целом насыщен цикл «Реквием» («*Звезды смерти стояли над нами...*» [8, с. 197]; «*И скорой гибелью грозит огромная звезда*» [8, с. 199]). Мотив жертвенного искупления звучит в X главке «Реквиема» («Распятие»), который в контексте цикла неизбежно начинает работать как биографический код: возникает параллель крестных мук Спасителя и неизбывных страданий невинно осужденного сына, а страдания Богородицы, соответственно, ассоциируются с материнскими страданиями героини цикла.

Более того, символом поэтического вдохновения для Ахматовой в 1930-е годы становится Пегас, «*...кот<орый> чем-то напоминает апокалипсического Бледного коня...*» [18, с. 243].

Любопытным в контексте настоящего исследования представляется стихотворение «Воронеж», опубликованном в журнале «Ленинград» в 1940 году без посвящения «О.М.» (то есть О. Мандельштаму, находящемуся в 1936 году в воронежской ссылке) и финальной строфой: «А в комнате опального поэта...». В таком усеченном виде текст остается в рамках пейзажной лирики, на первый взгляд, безобидной.

Однако и сокращенная версия имеет свое «второе дно», содержащееся в указании точной даты (4 марта 1936 года) и в заголовке. Впрочем, название «Воронеж» играет и роль камуфляжа для непосвященных, просто позволяя сориентироваться, однако не раскрывая подтекста.

В 1965 году в последнем прижизненном сборнике «Бег времени» стихотворение было опубликовано полностью, с восстановленным финалом. Более того, Ахматова вступает в диалог с Опальным поэтом, отсылая к четверостишью «Пусти меня, отдай меня, Воронеж» (1935) и заключительным строкам стихотворения Мандельштама «Квартира тиха, как бумага...» (1933).

О. Мандельштам, используя звуковой образ, обыгрывает название города:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:

*Уронишь ты меня иль про**ворони**шь,*

*Ты **вырони**шь меня или вернешь*

Воронеж - блажь,

*Воронеж - **ворон, нож**...* [20, с. 212].

Подобную фонетическую игру встречаем и в ахматовском тексте: «А над Петром

воронежским - вороны...».

Однако если у Мандельштама «давнишнего страха струя» заменяет «ключ Ипокрены» (в греческой мифологии Ипокрена – источник вдохновения, вокруг которого музы водят хоровод), то есть Муза не посещает поэта, когда тот напуган, то у Ахматовой Муза и страх «...дежурят ... в свой черед». Поэтесса вступает с Мандельштамом в полемику, выстраивая трагическое мироощущение своей эпохи, когда страх и вдохновение вынуждены сосуществовать.

Таким образом, в статье показано, что Ахматова встраивает знакомые для читателя коды в заголовочно-финальный комплекс, дату написания и в само стихотворение, используя автобиографические вставки, в том числе знаковые, знакомые аудитории даты, культурно-мифологические коды и интертекст, выполняющий функцию декодирования.

Анализ специфики структурных элементов, находящихся в сильной позиции и априори обращающие на себя внимание читателя (а именно: заголовки, подзаголовки, эпитафии, даты), и представленное в статье исследование их функциональной природы позволяет нам прийти к выводу о коплементарности философско-художественного видения поэта и его субъективной картины мира. В «Поэме без героя» Ахматова посредством конструирования семантически многослойного нарратива, обращения к инвариантам и интертексту воплощает в художественном произведении жизнеспособную модель реальности, представляющуюся нам сверткой культуры того времени.

Библиография

1. Семина, А. А. Травма как опыт поколения в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. (Д. Новиков, Л. Шевченко, Б. Рыжий) // Энергия травмы : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; под науч. ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ГрГУ, 2023. С. 307-315.
2. Михайлова, О., Снигирева, Т. Тайна Анны Ахматовой: слово и образ // Quaestio Rossica, 2021. № 9(2). С. 576-590.
3. Рубинчик, О. Анна Ахматова и советская цензура // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения: сб. научн. ст. СПб.: СПГУТД, 2005. С. 174-191.
4. Шевчук, Ю. В. Чувство времени в лирике А.Ахматовой второй половины 1910-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 22. С. 126-134.
5. Темиршина О.Р., Белоусова О.Г., Афанасьева О.В. Ономастические коды «Поэмы без героя» А.А. Ахматовой как скрытая интертекстуальная адресация // Litera. 2021. № 12. С.48-56. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.12.37214 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37214
6. Кихней, Л. Г., Ламзина, А. В. Эпитафические посвящения Гумилеву собратьев по перу: игра явных и тайных смыслов // Научный диалог. 2021. № 12. С. 256-271.
7. Кихней, Л. Г. «Эзопов комплекс» Анны Ахматовой в сталинскую эпоху // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 25–26 июня 2020 г.). Москва – Пенза, 2020. С. 52-63.
8. Ахматова, А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1904–1941. М.: Эллис Лак, 1998.
9. Н. Н. Петербургский исход («Причитание» Анны Ахматовой и традиции древнерусской литературы) // Анна Ахматова: pro et contra. Т. 2. / Сост. С. А. Коваленко. СПб.: Русская Христианская гуманитарная академия (РХГА), 2005. С. 721-745.
10. Ахунова, Р. Р. Особенности интерпретации библейских женских образов в лирике А. А. Ахматовой // Культура и текст. 2021. № 3 (46). С. 239-245.
11. Рубцова, Т. Е. Мотив колдовства в лирике А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой и А. А.

- Барковой // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. 2023. № 4. С. 86-94.
12. Вулис, А. З. Литературные зеркала. М.: Сов. писатель, 1991.
13. Пяткин, Н. С. К проблеме фольклоризма поэзии Анны Ахматовой // *Științe umanistice și arte. Științe exacte și ale naturii*. 2023. Vol. 3. С. 118-124.
14. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика: учебное пособие. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
15. Михайлова, Г. П. Шекспировские источники темы «потайной вины» и греховного сознания в «Поэме без Героя» Анны Ахматовой // *SlavVaria*, 2021. № 1(1). С. 153-166.
16. Рецпер, В. «Это для тебя на всю жизнь» (А. Ахматова и «шекспировский вопрос») // *Вопросы литературы*. 1987. № 3. С. 195-210.
17. Найман, А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой: Из кн. «Конец первой половины XX века». М.: Худож. лит., 1989.
18. Яковлева, Л. А. Апокалипсическая семантика в поэзии Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. н., 10.01.01. М., 2014.
19. Хейт, А. Анна Ахматова: Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М.: Радуга, 1991.
20. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений в 2 т.: Т. 1. М.: Худож. лит., 1990.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе является рама текста как семантический код в «антитоталитарных» стихотворениях Анны Ахматовой. Отмечается, что «амбивалентные художественные произведения 1920-х годов, предполагающие как прочтение в контексте официальной политики, так и имеющие «второе дно», спрятанный автором смысл только «для своих», так называемая «потайная» литература, обнажают проблему поиска новых коммуникативных стратегий, что обуславливает актуальность исследования». Автор(ы) обращаются к рассмотрению успешной творческо-коммуникативной стратегии Анны Ахматовой: «обширный хронологический период, лаконично представленный избранными работами, обращение к разным темам и мотивным комплексам позволяют выявить типичные для поэта творческие решения».

Теоретической базой научной работы послужили труды таких российских исследователей, как О. Рубинчик, Л. А. Яковлева, Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина, Г. П. Михайлова, Н. С. Пяткин, Ю. В. Шевчук, А. А. Семина и др., охватывающие широкий круг вопросов по творчеству Анны Ахматовой. Библиография насчитывает 20 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить, что автор(ы) обращаются к актуальным научным трудам (изданным в последние 3 года), что еще раз подтверждает важность и перспективность представленной темы.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ материала, методы структурно-семантического и сравнительно-сопоставительного анализа, а также метод дискурсивного анализа,

который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование показывает, что «Ахматова встраивает знакомые для читателя коды в заголовочно-финальный комплекс, дату написания и в само стихотворение, используя автобиографические вставки, в том числе знаковые, знакомые аудитории даты, культурно-мифологические коды и интертекст, выполняющий функцию декодирования». Анализ специфики заголовков, подзаголовков, эпиграфов и дат, а также исследование их функциональной природы позволяет автору(ам) прийти к выводу о коплементарности философско-художественного видения поэта и его субъективной картины мира. В «Поэме без героя» Ахматова посредством конструирования семантически многослойного нарратива, обращения к инвариантам и интертексту воплощает в художественном произведении жизнеспособную модель реальности, представляющуюся нам сверткой культуры того времени.

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение коммуникативно-творческих стратегий и скрытых посланий в поэзии Анны Ахматовой, а также могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи, стиховедению и др. Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру. Стил изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжан И. Анализ концептуальных метафор в экологическом дискурсе с точки зрения формирования имиджа страны (на материале текстов международных экологических выступлений Си Цзиньпина) // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.72084 EDN: CVHBXX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72084

Анализ концептуальных метафор в экологическом дискурсе с точки зрения формирования имиджа страны (на материале текстов международных экологических выступлений Си Цзиньпина)

Чжан Ивэй

ORCID: 0009-0006-2214-2829

бакалавр; Юго-Восточный университет

211189, Китай, Цзянсу, г. Нанкин, ул. Лантай, Аспирантская, 314

✉ 156083125@qq.com



[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.72084

EDN:

CVHBXX

Дата направления статьи в редакцию:

26-10-2024

Аннотация: Предметом данного исследования являются типы концептуальных метафор в экологических выступлениях председателя КНР Си Цзиньпина. Объектом исследования являются определенные роли концептуальных метафор. Автор подробно рассматривает 15 типов метафор, встречающихся в текстах речей Си Цзиньпина, среди которых можно выделить антропоморфные метафоры (в основном отображены отношения между человеком и природой, различные роли развитых и развивающихся стран в глобальном экологическом управлении), метафоры дороги (в основном отображен правильный путь многосторонности в сфере защиты экологии), метафоры сооружения (в основном отображена центральная роль ООН в глобальном экологическом управлении и конкретная работа Китая по экологическому строительству) и другие. Особое внимание уделяется отражению намерения предстателя Си Цзиньпина с помощью использования метафорических средств в экологических текстах. В рамках исследования была

использована процедура идентификации метафоры MIP и был проанализирован корпус из 22 текстов речей, произнесенных Си Цзиньпином на различных экологических форумах и саммитах в период с 2013 года по 2024 год. Научная новизна данной статьи заключается в исследовании экологических текстов Си Цзиньпина с точки зрения формирования имиджа страны. На основе обобщения национального имиджа, сформированного через метафоры в международных экологических речах Си Цзиньпина, были выделены следующие три ключевых аспекта: 1) имидж Китая как страны, проявляющей гуманистическую заботу о людях и обладающей правильным представлением о природе и экологии; 2) имидж Китая как ответственной великой державы, стремящейся внести китайскую мудрость и решения в глобальное экологическое управление и взявшей на себя ответственность за решение задач экологического управления; 3) имидж Китая как страны, придерживающейся ооноцентричной международной системы, основанной на международном праве, и поддерживающей порядок глобального экологического управления.

Ключевые слова:

концептуальные метафоры, экологическое строительство, политический дискурс, китайский язык, китайская лингвистика, политическая метафорология, имидж страны, Экологический имидж, Роль метафоры, антропоморфные метафоры

Введение

В условиях глобального экологического кризиса построение экологической цивилизации в стране часто привлекает внимание международного сообщества и становится важным аспектом формирования национального имиджа. Председателя КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что надо решительно продвигать зеленое развитие, способствовать значительному увеличению природного капитала и превратить хорошую экологическую среду в опору для создания хорошего имиджа нашей страны [\[1, с. 136\]](#). По мнению И. Мартин и С. Эроглу [\[2\]](#), национальный имидж—это сумма описательных, логических и информативных представлений о конкретной стране. Поэтому национальный имидж обладает субъективностью и может формироваться под намеренным руководством разных субъектов: субъектов своей собственной страны и других стран. В этом случае можно выделить самоформирование и формирование имиджа другими инстанциями [\[3\]](#). Надо отметить, что формирование национального имиджа часто осуществляется с помощью дискурса, который является не пассивным отражением объективного мира, а активным конструированием, основанным на опыте человека. Под влиянием разных идеологий конфликт между самоформированием и формированием национального имиджа другими инстанциями часто проявляется как конфликт дискурса разных стран [\[4\]](#). Поэтому, чтобы занять активную позицию в формировании национального имиджа, необходимо обратить внимание на роль дискурса, особенно международный дискурс лидеров государства. Международный экологический дискурс Си Цзиньпина является средством диалога с миром и играет важную роль в процессе самоформирования имиджа Китая [\[5\]](#).

Политический дискурс обычно характеризуется сложностью и насыщенностью ценностями, поэтому он с точки зрения восприятия далек от непосредственного повседневного опыта людей. Для того чтобы превратить незнакомое в знакомое, абстрактное в конкретное, метафора представляет собой лучший способ выражения политических мнений для политиков. Что касается международных выступлений лидеров

государства, то необходимо учитывать влияние самих международных обменов, особенно вопрос о различных национальных идеологиях [6]. Так что в процессе формирования национального имиджа с помощью дискурса часто возникает необходимость сформулировать определенные стратегии. В этом случае метафорические выражения умышленно используются. В экологическом дискурсе Си Цзиньпина часто встречаются метафоры, которые могут эффективно донести экологические взгляды и политические ценности до его слушателей и повлиять на их восприятие имиджа Китая. Поэтому надо исследовать экологический дискурс с точки зрения концептуальных метафор. Цель данного исследования заключается в том, чтобы с помощью анализа метафор в выступлениях Си Цзиньпина понять особенности его международного экологического дискурса, его мнения по глобальному управлению экологией и процесса самоформирования национального имиджа с помощью метафор в международных выступлениях.

Теоретические основы

Со времен Аристотеля метафора изучалась как важное риторическое средство языкового выражения. В 1980 году Дж. Лакофф и М. Джонсон предложили определение концептуальной метафоры в книге «Метафоры, которыми мы живем» и создали систему концептуальной метафоры, включающую исходную область, целевую область и сопоставление. По теории концептуальной метафоры понимание сложных и абстрактных понятий одной области достигается с помощью простых и конкретных понятий в другой области. Поэтому концептуальные метафоры обладают персуазивной силой [7], и могут влиять на мышление человека. Процесс сопоставления различных концептуальных областей дает нам новый и более широкий взгляд на наблюдение и понимание мира. Таким образом, метафора выходит за рамки языковой формы и переходит на уровень мышления и поведения людей [8].

Согласно теории концептуальной метафоры, метафора систематически проецирует атрибуты, отношения и знания из исходной области в целевую. В этом процессе метафора позволяет выделять и скрывать различные стороны концептуализируемого объекта [9, с. 13]. Таким образом, анализируя метафоры в политическом дискурсе, мы можем понять, какие метафоры были использованы говорящим намеренно, и благодаря этому какая информация становилась более интуитивной и понятной, а также мы можем глубже изучить политические взгляды и коммуникативные намерения говорящего.

Методы и процедуры данного исследования

Для исследования была использована «База данных серии важных речей Генерального секретаря Си Цзиньпина» (<http://jhsjk.people.cn/> Дата обращения: 20.08.2024). В нем было отобрано 22 текста речей, с которыми Си Цзиньпин выступал на разных международных экологических саммитах с 2013 года по 2024 год.

В процессе исследования проводился анализ на основе процедуры идентификации метафоры MIP, которые выдвинул Pragglejaz Group [10]. Процедуры MIP содержат 4 этапа: 1) чтение полного текста с целью понимания его основного смысла; 2) идентификация лексических единиц в тексте; 3) определение значения лексических единиц на основе контекста с целью выяснения, имеет ли лексическая единица более основное значение. Более основное значение обычно определяется по следующим

критериям: более конкретное; связанное с движениями тела человека; более точное; ранее по времени. Основное значение иногда не является самым часто используемым значением; 4) если более основное значение существует, то эта лексическая единица является метафорической.

Метафоры в международных экологических выступлениях Си Цзиньпина

В текстах международных экологических выступлений Си Цзиньпина было использовано множество метафор, и типы метафор очень богаты. Среди 15 типов метафор самыми основными являются антропоморфные метафоры, метафоры сооружения и метафоры дороги. Существует повторное использование перечисленных выше метафор, что помогает активизировать когнитивный подход международной аудитории к пониманию работы Китая по решению экологических проблем, а также формировать их устойчивое представление о образе Китая. Ниже анализируются основные метафорические модели и исследуется их роль в формировании хорошего экологического имиджа Китая.

Таблица 1 Частотность употребления концептуальных метафор в международных экологических выступлениях Си Цзиньпина

Типы метафор	Примеры метафорических единиц	Типы единиц метафор	Частота (раз)
Антропоморфная метафора	партнеры, рука об руку, отомстить, заботиться, амбиция	34	246
Метафора сооружения	строительные чертежи, краеугольные камни	19	90
Метафора дороги	схема маршрута, левый ряд скоростной	25	65
Метафора семьи	семья, сообщество судьбы	3	41
Метафора цвета	зеленое, голубая планета, красная линия	3	35
Милитарная метафора	стратегия, жесткая битва, мишень	8	22
Метафора природы	пик, эрозия, дерево без корня	6	21
Другие типы метафор	тема урока, игра, травма, рисунки, активы	23	34
всего		122	555

1. Антропоморфная метафора

Область человеческой деятельности является наиболее знакомым для человека, поэтому антропоморфные метафоры могут легче вызвать реакцию аудитории и реализовать коммуникативное намерение говорящего. В политическом дискурсе часто используются антропоморфные метафорические модели, которые проецируют человеческие характеристики и атрибуты на другие целевые области. В международных экологических выступлениях Си Цзиньпина антропоморфные метафоры занимают первое место по частоте использования. В них существует два типа антропоморфной метафорической модели, которые повторно появляются: «страна — это человек» и «природа — это человек». Сопоставление исходной области с целевой областью показано на таблице 2.

Таблица 2 Сопоставление антропоморфных метафорических моделей

Исходная область	Целевая область
Человек	Страна/природа
Межличностные отношения	Государственные отношения/отношения между человеком и природы
Особенности человека	Атрибуты страны/природы
Поведение человека	Поведение страны/природы
Будущее человека	Будущее страны/природы

1)大自然孕育抚养了人类。/Природа **взрастила** человечество.

2)无序开发、粗暴掠夺, 人类定会遭到大自然的无情报复;合理利用、友好保护, 人类必将获得大自然的慷慨回报。/При беспорядочной эксплуатации и грубом разграблении человек поддается **безжалостной мести** природы; при рациональном использовании и дружественной защите экологии люди получают **щедрое вознаграждение** от природы.

Метафорическая модель «природа — это человек» в полной мере показывает, что природа не всегда подчиняется человеку, а может оказать на него влияние. В приведенных выше высказываниях отношения между природой и человеком отображаются как отношения между матерью и ребенком, и природа становится личностью, способной мстить людям за их разрушительные действия. Эти метафорические выражения позволяют слушателям понять, что Си Цзиньпин в качестве представителя страны имеет правильный взгляд на природу и экологию.

3)中方言必信, 行必果。/Китай **придерживается того, что за словом должен следовать поступок, за поступком — результат.**

В высказываниях Си Цзиньпина уделяется внимание непосредственному формированию имиджа Китая как ответственного и честного участника международного экологического управления. В третьем примере Китай — это честный человек, который может выполнить экологические задачи и достичь результатов в срок. В то же время, в нем используются высказывания из «Лунь Юй» для формирования имиджа Китая как страны с исторической традицией выполнять обещания и действовать решительно.

4)发达国家应该展现更大雄心和行动, 同时切实帮助发展中国家提高应对气候变化的能力和韧性/Развитые страны должны проявлять **больше амбиций и действий**, одновременно эффективно **помогая** развивающимся странам повышать их **способность и устойчивость** к улучшению климата.

Антропоморфные метафоры для отображения международных отношениях во выступлениях Си Цзиньпина находятся в рамках метафоры «сообщества судьбы человека» [\[11\]](#). В сообществе судьбы страны тесно связаны и сталкиваются с общими экологическими проблемами. Поэтому сотрудничество и взаимопомощь — это единственный правильный путь. В высказываниях Си Цзиньпина различия в роли развитых и развивающихся стран отражены с помощью антропоморфных метафор. В четвертом примере развитые страны представлены как более амбициозные помощники, в то время как развивающиеся страны представляют собой человек, которому нужна помощь. Формируя страну как человека с разными способностями и чувствами с помощью метафор, дискурс передает реальную ситуацию разных этапов развития развитых стран и развивающихся стран, и их разного положения употребления природных ресурсов. В результате принцип «общей, но дифференцированной

ответственности стран» в защите экологии распространен шире, и аудитория может принять взгляды и идеологию говорящего легче.

В дополнение к двум типам вышеупомянутых общепринятых метафорических моделей Си Цзиньпин также использует метафорическую модель «международные нормы — человек», выражая, что надо поддержать достоинство и авторитет международных норм. Это высказывание отображает неразрушающий характер международных правил через сопоставление двух концептуальных областей, и проявляет, что Китай привержен за поддержание международных правил и глобального порядка управления в области охраны экологии.

2. Метафора дороги

Метафорическая модель «процесс экологического управления — это дорога» (на таблице 3 показано конкретное сопоставление) и метафорические единицы, такие как «путь экологической цивилизации», «путь сохранения биоразнообразия» и «дорога к симбиозу» появляются многократно в международных экологических выступлениях Си Цзиньпина.

Таблица 3 Сопоставление модели метафор дороги

Исходная область	Целевая область
Дорога	Управление экологией
Прохожий	Страна
Дорожная карта	Решения экологических проблем
График работы	Этапы решения экологических проблем
Отправная точка	Исходная цель управления экологией

1) 面对全球环境风险挑战, 各国是同舟共济的命运共同体, 单边主义不得人心, 携手合作方为正道。/Перед лицом глобальных экологических рисков и вызовов все страны по судьбе находятся в одной лодке. Односторонность непопулярна, только сотрудничество является **правильным путем**.

2) 中方欢迎美方重返多边气候治理进程。/Китай приветствует **возвращение** США к многостороннему процессу управления климатом.

3) 要将增进人民福祉、实现人的全面发展作为出发点和落脚点。/Необходимо рассматривать повышение благосостояния народа и реализацию всестороннего развития народа в качестве **отправной точки и конечного пункта**.

В метафорической модели дороги «конечная точка» сопоставляет «реализацию задачи экологического управления». Чтобы достичь «конечной точки», надо выбрать «правильный путь». Все страны принадлежат к «сообществу судьбы», и у них одно процветание и одна потеря. В этом случае, перед лицом общих глобальных экологических проблем, многосторонность и международное сотрудничество являются единственным и правильным путем. Соединенные Штаты объявили о своем выходе из Парижского соглашения в 2021 году и перешли к унилатерализму. Это означает, что они сбились с «правильного пути». На международном саммите лидеров стран по климату в 2021 году, когда Китай и США подписали «Совместное заявление о реагировании на климатический кризис» и проводили сотрудничество, Си Цзиньпин использовал метафорическую единицу «возвращение», чтобы сопоставить этот правильный выбор

США. Можно увидеть, что метафоры дороги в дискурсе могут активизировать глубокое понимание аудитории важности сотрудничества в глобальном управлении, тем самым более эффективно передавая идеологию говорящего «правильных путей» и формируя образ Китая в сердце международной аудитории как страны, которая может учитывать общее положение и привержена международному сотрудничеству.

В четвертом примере с помощью метафорической единицы «отправная точка», которая означают начало пути, подчеркнется то, что исходная цель экологического управления Китая является реализацией благополучия людей. Это помогает формировать имидж Китая, ориентированного на людей, гуманистического и заботливого.

3.Метафора сооружения

Долгосрочный процесс достижения целей развития экологической цивилизации очень похож на процесс строительства. Поэтому в международных экологических выступлениях Си Цзиньпина часто появляются метафоры сооружения, конкретное сопоставление которых показано на таблице ниже. Метафорические единицы, такие как «строительство экологической цивилизации» и «крупные проекты сооружения», интуитивно передают непрерывность, систематичность и напряженность работы Китая по управлению экологической цивилизацией. Этот тип метафоры активизируют глубокое осознание аудитории об экологическом строительстве Китая на основе концепции целевой области сооружения, тем самым укрепляя ее представление о хорошем экологическом имидже Китая.

Метафоры сооружения также используются для отображения глобального экологического управления. «Краеугольный камень» и «фундамент» здания определяют степень устойчивости и высоту здания. В высказываниях Си Цзиньпина используются эти понятия для обозначения основной роли международного права и «принципа общей, но дифференцированной ответственности» в глобальном экологическом управлении. Кроме того, «главный канал» отображает важный статус Организации Объединенных Наций (ООН) в международном управлении. С помощью этих метафорических единиц в дискурсе активизировано представление аудитории о порядке глобального экологического управления, и сформировано в ее сердцах представление о приверженности Китая поддержанию порядка глобального экологического управления.

Таблица 4 Сопоставление модели метафор сооружения

Исходная область	Целевая область
Сооружение	Окружающая среда
Проекты сооружения	Работа защиты экологии
Строитель	Страны, международные организации
Краеугольные камни	Международные права
Барьер	Экологическая безопасность
Строительные чертежи	Планы управления экологией
Разные здания	Статус субъектов управления экологией

1) (中国)建立以国家公园为主体的自然保护地体系,实施生物多样性保护重大工程,/(Китай)создает систему охраняемых природных территорий с национальными парками в качестве основы структуры и реализует **крупные проекты** по защите биологического разнообразия,

2)要坚持联合国主渠道地位,以共同但有区别的责任原则为基石,以国际法为基础。/Мы должны

придерживаться статуса главного канала ООН, руководствоваться принципом «общей, но дифференцированной ответственности» в качестве краеугольного камня и брать за фундамент международное право.

4. Другие типы метафор

В дополнение к трем вышеперечисленным общепринятым метафорическим моделям, в международных выступлениях Си Цзиньпина по вопросам экологии присутствуют и другие типы метафор, тоже передающие намерение и ценности говорящего. Например, в метафоре цвета метафорическое выражение «красная линия» означает важные экологические районы, которые требуются строгой защиты. С помощью красного цвета, возбуждающего ассоциации с кровью, вызывается у людей тревога по поводу защиты экологии. Метафоры экономики фокусируются на результатах и принесенные интересы в экологическом управлении. В дискурсе Си Цзиньпин используется «производительность», «природные активы» для обозначения экономических выгод, содержащихся в защите окружающей среды, отражая диалектическое понимание Китая взаимосвязи между охраной окружающей среды и экономическим развитием и передавая международным слушателям глубокие ценности Китая о защите экологии и содействии развитию с помощью экологии.

Следует отметить, что милитарные метафоры широко используются в дискурсе китайской внутренней экологической цивилизации. Часто появляются метафорические модели «защита окружающей среды — это война» и метафорические единицы, такие как «борьба за предотвращение загрязнения и контроль над ним» и «битва за экологическую защиту» [\[12\]](#). Однако приведенные выше метафорические выражения не прозвучали в международных экологических речах Си Цзиньпина. Поэтому милитарных метафор меньше в международных речах Си Цзиньпина. В его высказываниях цель Китая по достижению пика выбросов углерода к 2030 году и углеродной нейтральности к 2060 году рассматривается как «тяжелая битва». Через область войны это помогает аудиториям понять трудные и неотложные экологические задачи Китая и формировать образ Китая как ответственного и решительного государства.

1) (中国)实施生态保护红线制度./ (Китай) внедряет систему «красная линия» в сфере охраны окружающей среды.

2) 保护生态安全屏障, 给子孙后代留下珍贵的自然资源。/ Необходимо защитить барьер экологической безопасности и оставить ценные природные **активы** для будущих поколений.

3) 我宣布中国将力争于2030年前实现二氧化碳排放达到峰值、2060年前实现碳中和.....这无疑将是一场硬仗。/ Я объявил, что Китай будет стремиться достичь пика выбросов углекислого газа к 2030 году и достичь углеродной нейтральности к 2060 году... Это, несомненно, будет **тяжелая битва**.

Заключение

Таким образом, из приведенного выше исследования можно увидеть, что в международных экологических речах Си Цзиньпина используются различные метафоры, оказывающие воздействие восприятию международной аудитории посредством трансформации различных концептуальных областей. В результате этого легче достигается коммуникативная цель Си Цзиньпина самоформирования имиджа Китая.

Обобщая национальный имидж, сформированный с помощью метафор в международных экологических речах Си Цзиньпина, были установлены следующие три аспекта: 1) Посредством антропоморфных метафор, метафор экономики и метафор дороги отражается понимание Китая взаимоотношений между экологией, экономикой и человеком. В результате формируется имидж Китая с гуманистической заботой о людях и с правильным представлением о природе и экологии; 2) С помощью антропоморфных метафор, метафор дороги и метафор сооружения отображаются конкретные экологические строительные работы и цели Китая, а также формируется имидж Китая как ответственной великой державы, которая стремится внести китайскую мудрость и китайские решения в глобальное экологическое управление и взять на себя трудную задачу экологического управления; 3) Используя антропоморфные метафоры, метафоры дороги, метафоры сооружения, дискурс поставляет международные отношения в глобальном экологическом управлении, формируя национальный имидж Китая, придерживающейся ооноцентричной международной системы, основанной на международном праве миропорядок, и поддерживающее порядок глобальной экологического управления.

Библиография

1. Си Цзиньпин. О поддержании гармоничного сосуществования человека и природы. Пекин: Центральное литературное издательство, 2022.
2. Martin I.M., Eroglu S. Measuring a multi-dimensional construct: Country image // *Journal of Business Research*. 1993. No. 28(3). P. 191-210.
3. Лян Юй. Бинарное выражение самоформирующегося национального имиджа в международных учебниках китайского языка // *Вестник Юньнаньского педагогического университета*. 2022. № 54(03). С. 57-65.
4. Гизатова Г.К., Геннадьевна И.О. Имидж как конструкт социальной реальности // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2021. № 4-5. С. 222-229.
5. У Цзяньго, Ма Чунью, Сун Юэ. Критический метафорический анализ китайского дипломатического дискурса: перспектива формирования национального имиджа // *Языковая стратегия Китая*. 2024. № 11(01). С. 141-150.
6. Ню Хэ. Формирование имиджа Китая в западных массмедиа в контексте инициативы «Один пояс — один путь» (по материалам британского новостного телеканала BBC News) // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2023. № 4. С. 784-800.
7. Громорушкина А. А. Концептуальная метафора в экологическом дискурсе СМИ // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2019. № 4 (820). С. 91-99.
8. Чжао Яньфан. Метафорическая когнитивная структура языка — Обзор «Метафоры, которыми мы живем» // *Преподавание и исследования иностранных языков*. 1995. № 3. С. 67-72.
9. Lakoff, G., Johnson, M. *The Metaphors We Live By*, 1980.
10. Group, P. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, 2007, No. 22(1). С. 1-39.
11. Вэнь Цюфан. Концептуальные, межличностные и текстовые функции антропоморфной метафоры «Сообщества человеческого судьбы» — анализ выступления Си Цзиньпина на Общих дебатах 70-й Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // *Вестник иностранных языков*. 2017. № 3. С. 1-6.
12. Ду Юнсинь, Чэнь Рудун. Исследование концептуальных метафор и их функций в дискурсе китайской экологической цивилизации // *Вестник Китайского нефтяного университета*. 2022. № 40(02). С. 75-82.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Анализ концептуальных метафор в экологическом дискурсе с точки зрения формирования имиджа страны (на материале текстов международных экологических выступлений Си Цзиньпина)» написана в русле лингвистических исследований политического дискурса. Её содержание релевантно целям и задачам научного журнала «Филология: научные исследования» и будет интересно широкой читательской аудитории. Автор работы ставит перед собой совершенно конкретную цель – с помощью анализа метафор в выступлениях Си Цзиньпина понять особенности его международного экологического дискурса, его мнения по глобальному управлению экологией и процесса самоформирования национального имиджа с помощью метафор в международных выступлениях. Актуальность исследования не вызывает сомнений. Рецензируемая статья характеризуется логичностью, четко структурирована. Основными её структурными компонентами являются введение, основная часть и заключение. Во введении автор отмечает необходимость выполнения предпринятого исследования, а также формулирует его цель. Вводная часть работы включает в себя также теоретические основы, методы и процедуры исследования. Здесь отмечается, что анализируя метафоры в политическом дискурсе, можно выявить, какие метафоры используются говорящим намеренно, и благодаря этому какая информация становится более интуитивной и понятной, а также можно глубже изучить политические взгляды и коммуникативные намерения говорящего. Материалами исследования послужила база данных серии важных речей Генерального секретаря Си Цзиньпина – 22 текста речей, с которыми Си Цзиньпин выступал на разных международных экологических саммитах с 2013 года по 2024 год. Анализ проведен на основе процедуры идентификации метафоры MIP, которые выдвинул Pragglejazz Group. В основной части выявлено 15 типов метафор, основными из которых являются антропоморфные метафоры, метафоры сооружения и метафоры дороги. Далее автор анализирует основные метафорические модели и исследует их роль в формировании хорошего экологического имиджа Китая. Все полученные данные в ходе исследования представлены в таблицах, что позволяет автору их визуализировать. В работе приводятся примеры на китайском языке, а также их перевод на русский язык, это расширяет круг читателей данной статьи. В заключении автор формулирует полученные выводы, которые вытекают из содержания статьи и не вызывают особых сомнений. К статье прилагается также список использованной литературы, который насчитывает 12 источников, релевантных теме исследования, актуальных и оформленных в соответствии с предъявляемыми требованиями. В целом статья обладает научной новизной, теоретической и практической значимостью, её результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения политического дискурса. На основе всего вышесказанного полагаю, что статья «Анализ концептуальных метафор в экологическом дискурсе с точки зрения формирования имиджа страны (на материале текстов международных экологических выступлений Си Цзиньпина)» соответствует жанру научной статьи, написана в научном стиле и может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шашкова В.Н. Композиционные и языковые особенности аргументативного высказывания в научном дискурсе // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76060 EDN: CVETBW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76060

Композиционные и языковые особенности аргументативного высказывания в научном дискурсе

Шашкова Валентина Николаевна

ORCID: 0000-0003-0977-3061

кандидат филологических наук

профессор; кафедра иностранных и русского языков; Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова

302000, Россия, Орловская обл., г. Орёл, ул. Трудовых резервов, д. 6, кв. 1

✉ valentina.shash@mail.ru



[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76060

EDN:

CVETBW

Дата направления статьи в редакцию:

29-09-2025

Аннотация: В статье рассматриваются композиционные и языковые особенности аргументативного высказывания как ключевого компонента научного дискурса. Целью исследования является систематизация композиционных и языковых черт аргументативного высказывания в научном дискурсе и выявление механизмов построения эффективной аргументации в научной сфере. Объектом исследования выступает научный дискурс как совокупность текстов, обслуживающих профессиональную коммуникацию учёных, в рамках которого реализуется аргументативное высказывание. Комплексным предметом исследования являются композиционная структура, отражающая оптимальный коммуникативный каркас взаимодействия в научной среде, представленный последовательностью коммуникативных тактик, и языковые средства, избирательно используемые для оформления убедительного высказывания. Исследование также затрагивает механизмы взаимодействия между структурой и языковыми средствами, что является необходимым

условием повышения эффективности научной коммуникации. Методологическую основу исследования составляют дискурс-анализ, направленный на выявление стратегий аргументации в научных текстах, коммуникативно-функциональный подход, ориентированный на выявление коммуникативного каркаса высказывания, и теория аргументации, предлагающая исходную номенклатуру аргументов. Используются также методы композиционного анализа, лингвистического описания и выявления концептуальных схем аргументации. На материале научных статей в качестве регулярно повторяющихся выявлены такие типы аргументов, как обращение к авторитетному мнению, аргументы от реальности, аргумент от эффективности и последствий, индуктивный аргумент, нормативный аргумент и аргумент сбалансированности. При этом определены устойчивые корреляции: аргумент от авторитета сочетается с аргументом от эффективности, аргументом от последствий и нормативным аргументом; аргумент от реальности – с индуктивным аргументом, аргументом от последствий и аргументом сбалансированности. Среди языковых средств, обеспечивающих аргументацию, выявлены авторизующие конструкции, средства текстовой когезии, оценочная лексика, модальные оценки необходимости и уверенности автора в достоверности сообщаемого и терминологическая насыщенность. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению аргументации при внимании к композиционным блокам, отражающим коммуникативный каркас текста, и языковым средствам, ориентированным на убеждение адресата в достоверности сообщаемого. Результаты могут быть полезны молодым учёным и должны способствовать повышению качества их научно-коммуникативной практики. Для преподавателей результаты могут быть интересны в плане методики создания текстов как письменных научных жанров, так и публичных выступлений на конференциях и симпозиумах.

Ключевые слова:

аргументация, аргументы, сопутствующие аргументы, контраргументы, научный дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный каркас, текстотип, средства текстовой когезии

Введение

Когнитивно-дискурсивная парадигма в современной лингвистике предполагает «категоризацию действительности» [\[1, с. 96\]](#) с опорой на релевантные прагматические характеристики текстов и особенности языкового употребления в научной сфере общения. Исследование аргументации в научном дискурсе сквозь призму когнитивно-дискурсивной парадигмы в языкознании представляет собой междисциплинарный подход, инкорпорирующий теорию аргументации, исследования в области когнитивной лингвистики и теорию дискурса. В фокусе исследования оказываются модели структуризации текстового содержания, реализующие функцию аргументации в научном дискурсе.

Введём несколько определений для обоснования аналитического аппарата исследования. Дискурс понимается как сложный конструкт, допускающий двойную интерпретацию: как процесс текстовой деятельности в определённой сфере общения, а также как результат этой деятельности, то есть как массив текстов, обслуживающих определённую сферу общения [\[2, с. 21\]](#). В системе «дискурс» — «текст» дискурс выступает родовым понятием, инкорпорирующим множество текстов, реальных или

потенциальных, предназначенных для решения типовых практических задач, характерных для сферы общения. Научный дискурс обслуживает учебно-научную сферу общения и допускает описание в соответствии с прагматическими и языковыми параметрами, которые в определённых корреляциях формируют жанры. По выражению А. Н. Баранова, основе любого текста определённой дискурсивной разновидности можно выявить определённый «текстотип» [\[3, с. 29\]](#). Мы понимаем текстотип как композиционную модель текста, последовательно реализующую коммуникативный каркас.

Мы дифференцируем понятия «коммуникативная тактика» и «коммуникативная стратегия» по объекту использования. Если коммуникативная стратегия функционирует на материале целого текста и представляет собой ту коммуникативную макроцель, на достижение которой направлен текст, то коммуникативная тактика реализуется в текстовых модулях, при этом последовательное сочленение тактик ведёт к реализации коммуникативной стратегии [\[4, с. 18-19\]](#). Экспликация организации коммуникативных тактик позволяет выявить «коммуникативный каркас текста, определяемый макроинтенцией, а также последовательным использованием коммуникативных тактик» [\[5, с. 165\]](#).

Для выявления типовых коммуникативных каркасов необходимо начать с определения типов аргументов, которые формируют коммуникативные тактики в тексте научных статей и которые будут являться основой для дальнейшего исследования и возможного расширения общей номенклатуры аргументов.

С. Г. Сорокина отмечает, что аргументация в научном дискурсе формируется блоками, отражающими фазы представления результатов исследования, включая «формулирование темы, постановку цели и задач, обзор предшествующих работ, выявление лакун в теоретических концепциях и / или их практическом обеспечении, описание инструментария исследования, обоснование методологии, а также объяснение научной и практической значимости исследования» [\[6, с. 220\]](#). На основе этой структуры автор выделяет номенклатуру аргументов, характерных для научного дискурса:

- 1) аргументы от реальности, основанные на фактах и закономерностях окружающего мира;
- 2) аргументы от методологии, с помощью которой получено некоторое утверждение и которая заявляется как гарант надёжности этого научного положения;
- 3) аргументы от теории, в рамках которой проводится исследование и описываются его результаты;
- 4) аргументы от авторитета, которые могут вводить мнение известного учёного или же могут апеллировать к безличной инстанции, выражая «всеобщее мнение» или позицию, принятую научным сообществом [\[6, с. 220-221\]](#).

Именно эту классификацию мы принимаем в качестве исходной, учитывая тот факт, что типы аргументов для подтверждения определённой позиции могут коррелировать, усиливая основную коммуникативную установку тезиса.

Научный дискурс априори предполагает многоголосие мнений. И мнения не всегда используются в качестве аргумента, подтверждающего научную позицию автора. Чужое мнение может служить исходной точкой, которую автор опровергает, приводя контраргументы. Основная функция включения контраргументации в научный текст —

укрепление убедительности и достоверности собственной позиции автора за счёт демонстрации её критической обоснованности. Г. М. Костюшкина и Ч. Фан предлагают следующую общую схему контраргументации: отказ от признания исходного утверждения сопровождается введением контраргументов, подтверждающих неверность утверждения, затем следует полное доказательство ложности исходного утверждения [\[7, с. 25\]](#).

Мы ставим своей задачей анализ и демонстрацию возможного подхода к выявлению аргументативной структуры текста с учётом в первую очередь композиционного строения, отражающего сочленение аргументов, а также выявление тех типовых языковых средств, которые служат для оформления аргументативного высказывания.

Результаты исследования

Исследование проводилось на материале выпусков журнала «Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова» за 2023–2024 годы. Анализу подлежали 8 номеров журнала с общим количеством 245 статей. Качественно-количественный анализ носил сплошной характер, то есть типовые структуры аргументации в научных текстах выявлялись во всех статьях, что позволило выявить количественное соотношение различных вариантов реализации коммуникативной стратегии аргументации конкретными тактиками. В одной статье невозможно проиллюстрировать все возможные варианты коммуникативного каркаса аргументативного высказывания, поэтому по результатам качественно-количественного анализа мы выбрали наиболее частотные и очевидные фрагменты, демонстрирующие типовые коммуникативные каркасы аргументации на материале не целой статьи, а текстового модуля – отдельного текстового фрагмента, реализующего аргументацию последовательным сочленением аргументов. Лингвистический анализ в этом случае позволил выявить те направления избирательного использования языковых средств, которые способствуют утверждению коммуникативным субъектом собственного мнения и типично используются в текстах научных статей как одним из жанров научного дискурса.

Обратимся к анализу первого текстового фрагмента: «По мнению В. И. Скворцова, придерживающегося международных стандартов в области обеспечения прав несовершеннолетних в ходе уголовного судопроизводства, необходимо создание специализированных органов в системе российского досудебного и судебного производства. Следует согласиться с вышесказанным: должностные лица, специализирующиеся на рассмотрении дел данной категории и взаимодействующие с органами и подразделениями, осуществляющими защиту прав несовершеннолетних, позволят наиболее тщательно подходить к принятию процессуального решения в отношении несовершеннолетнего лица. Принятие данной системы на законодательном уровне сумеет обеспечить качественное социально-психологическое сопровождение в ходе уголовного дела и профилактику правонарушений» [\[8, с. 235\]](#).

Коммуникативный каркас текстового фрагмента отражает последовательность коммуникативных актов и логику взаимодействия автора, Н. В. Морозовой, с читателем и другими участниками дискурса: в частности, с В. И. Скворцовым и косвенно с законодателем и/или научным сообществом.

Структуру коммуникативного каркаса можно представить следующим образом:

1) введение чужой позиции (цитирование авторитета) реализуется посредством авторизирующей конструкции «По мнению В. И. Скворцова, ...». При этом констатируется необходимость создания специализированных органов. Ссылка автора на мнение

признанного эксперта придаёт аргументу вес и легитимность;

2) выражение согласия посредством составного глагольного модального сказуемого «следует согласиться» и развитие идеи;

3) обоснование предложения посредством указания преимуществ введения специализированных органов, к которым автор относит профессионализм должностных лиц, их взаимодействие с защитными структурами, более тщательный подход к процессуальным решениям;

4) прогноз последствий, включающий вывод автора о положительных социальных последствиях и профилактических эффектах.

В анализируемом фрагменте используются следующие типы аргументов. Основным типом аргументов, который можно назвать сквозным применительно к анализируемому тексту, является аргумент от авторитета, реализованный ссылкой на экспертное мнение В. И. Скворцова. Дополнительными в этом фрагменте выступают аргумент от эффективности, реализуемый посредством утверждения о том, что специализированные органы «позволят наиболее тщательно подходить к принятию процессуального решения» [\[8, с. 235\]](#), аргумент от последствий, направленный на демонстрацию социальной полезности предлагаемого решения, и нормативный аргумент, подразумевающий, что соответствие международным стандартам является ориентиром для национального законодательства.

Автор использует стратегически подобранные лексические и синтаксические средства, усиливающие аргументацию. К ним относится оценочная лексика, реализующая «утилитарную оценку» [\[9, с. 198-199\]](#), с положительной коннотацией: «наиболее тщательно», «качественное ... сопровождение», «обеспечить». Ещё одним дискурсивно специфичным показателем является корреляция «модального значения необходимости» [\[10, с.\]](#) со значением «телеологической оценки» [\[9, с. 198-199\]](#), указывающей на целесообразность реализации предложения. Языковыми средствами, реализующими эту комбинацию значений, являются следующие лексемы и их сочетания: «необходимо», «следует согласиться». На уровне синтаксиса заслуживают внимания предложения с причинно-следственными связями: «должностные лица ... позволяют ...». В приведённом примере причинно-следственная связь не выражена сложноподчинённым предложением с придаточным причины или следствия. При этом автор подчёркивает логическую связь между высказанным предложением и ожидаемым результатом. Отметим также, что безличные формы в текстах научных статей часто смещают акцент с субъекта действия на саму меру. В анализируемом фрагменте это выражено в предикативной основе «принятие ... сумеет обеспечить...».

Таким образом, фрагмент демонстрирует чётко выстроенную аргументативную структуру, опирающуюся на авторитет эксперта, прагматическую целесообразность и прогноз положительных социальных последствий. Языковые средства подобраны целенаправленно: они усиливают доверие к аргументам, подчёркивают профессионализм автора и соответствуют нормам научного правового дискурса. Коммуникативный каркас обеспечивает логичный переход от чужой позиции к собственному обоснованному выводу, что делает текст убедительным и структурированным. Важно отметить, что проанализированный фрагмент иллюстрирует те типы аргументов, которыми мы расширяем изначальную номенклатуру, принятую в качестве основы аналитической программы исследования. К таким аргументам относятся аргумент от эффективности, аргумент от последствий, нормативный аргумент.

Следующий фрагмент иллюстрирует иной тип аргументации — это аргумент от реальности, детализированный статистическими показателями.

«В настоящее время криминогенная обстановка в стране ежегодно отличается относительной стабильностью и тенденцией снижения количества зарегистрированных преступлений. В 2019 году, по данным МВД России, было

совершено 11 убийств по найму, в 2020 году зарегистрировано 16 убийств такого характера, а в 2021 году — 8. Из представленной статистики можно сделать вывод, что такое преступление, как убийство по найму, сегодня не обладает значительной распространенностью, но в то же время нельзя говорить о полной непопулярности указанного преступления в криминальной сфере» [\[11, с. 93\]](#).

Коммуникативным субъектом в анализируемом фрагменте является Ю. В. Быстрова, представитель научно-академического сообщества, эксперт в области криминологии. Коллективным адресатом выступает научная или профессиональная аудитория (например, коллеги, аспиранты, адъюнкты, сотрудники правоохранительных органов), заинтересованная в объективной оценке криминогенной ситуации. Коммуникативная цель фрагмента имеет комплексный характер и заключается в том, чтобы информировать адресата о динамике преступности (в частности, убийств по найму); обосновать вывод о незначительной, но существующей распространённости этого вида преступлений.

Основным типом аргумента, который иллюстрирует анализируемый фрагмент, выступает аргумент от реальности: «в 2019 году — 11 убийств по найму, в 2020 — 16, в 2021 — 8» [\[11, с. 93\]](#). Это эмпирический аргумент, основанный на официальных данных МВД. Он служит основой для дальнейшего вывода. Дополнительными аргументами, дающими основания для расширения общей номенклатуры аргументов, в этом текстовом фрагменте выступают классический индуктивный аргумент: на основе частных случаев делается обобщение («такое преступление ... не обладает значительной распространённостью») и аргумент сбалансированности, проявляющийся в том, что автор не абсолютизирует своё мнение, а вводит ограничение («но в то же время нельзя говорить о полной непопулярности указанного преступления»).

Языковыми средствами, использованными для реализации аргументации, выступают оценочные лексические единицы, включая терминологическую лексику с отрицательным полюсом аксиологической оценки («криминогенная обстановка», «убийства по найму»), а также актуализация модальных модификаторов со значением уверенности коммуникативного субъекта в достоверности сообщаемого, которая основана на статистике, приводимой МВД. Примерами актуализации оценочных значений являются комплексные номинативные единицы: «относительная стабильность», «тенденция снижения», «незначительная распространённость». Приведённые примеры актуализируют оценочное значение качественной оценки «силы проявления / выраженности признака» [\[12, с. 163\]](#). Формулировки с использованием этого типа оценки смягчают категоричность. Модальные модификаторы актуализируются в сочетаниях «можно сделать вывод», «нельзя говорить» и выражают разные степени уверенности автора в достоверности сообщаемого: «допущение» [\[2, с. 191\]](#) в первом случае и «уверенность» [\[13, с. 160\]](#) в сочетании с модальным значением необходимости – во втором. Терминологические номинативные единицы, относящиеся к референтной области, являющейся объектом проведённого исследования, отличаются отрицательными коннотациями: «криминогенная обстановка», «убийство по найму», «криминальная сфера».

Проанализированный фрагмент представляет собой пример научно-аналитической аргументации, в которой доминирует эмпирический аргумент, подкреплённый официальными данными, используется индуктивный способ обобщения, соблюдается аргументативная сдержанность через введение ограничений. Язык характеризуется нейтральностью, точностью и терминологической насыщенностью. Прагматическая цель сообщения — объективная оценка явления без абсолютизации или преуменьшения угрозы. Такой подход частотно встречается в научных и академических текстах, где важна не только убедительность, но и научная корректность.

Следующий пример также иллюстрирует аргумент от реальности в качестве ведущего типа аргумента, но построен этот фрагмент иначе и ведущий аргумент опирается на иные типы сопутствующих аргументов.

«... сам процесс цифровизации без должного нормативного правового оформления и методического сопровождения, кроме несомненных достижений, сопровождается некоторыми издержками, отрицательным образом сказывающимися на эффективности работы того или иного вида криминалистического учёта.

Так, введение в практику работы дактилоскопических учётов МВД России АДИС «Папилон» показало, что информационное слияние дактилоскопических массивов оперативно-справочного (ОСК) и оперативно-разыскного (следотека и дактокартотека) назначения привело к утрате второго раздела следотеки, в котором помещались следы рук, изъятые с мест нераскрытых преступлений, признанные ограниченно пригодными для идентификации, и дактилоскопической картотеки лиц, представляющих оперативный интерес. Основная масса следов рук, которые содержались во втором разделе следотеки, характеризовались как ограниченно пригодные для идентификации по причине того, что были оставлены участками папиллярных узоров, не отображающимися при обычном дактилоскопировании. Среди лиц, стоявших на учёте в дактилоскопической картотеке экспертно-криминалистического подразделения, значительная часть на оперативно-справочном учёте в ОСК ГИАЦ не состояла. При этом по второму разделу следотеки проверялись специально отобранные отпечатки папиллярных узоров рук лиц, подозреваемых в совершении конкретных преступлений, либо групп, однородных по способу, времени совершения и территории криминального притяжения преступлений, что существенно повышало эффективность использования следов рук в раскрытии тяжких и резонансных преступлений». [\[14, с. 196\]](#)

Фрагмент построен по классической схеме: тезис — аргументы — имплицитный вывод. Основной тезис анализируемого фрагмента заключается в том, что цифровизация криминалистического учёта без должного нормативного и методического сопровождения приводит к негативным последствиям, снижающим его эффективность. Текстовый блок «аргументы» реализуется конкретным примером — внедрением АДИС «Папилон» и иллюстрацией конкретного воплощения проблемы в системе «Папилон». Сопутствующие аргументы различны по своему содержанию, но допускают обобщение как аргументы от последствий. В выбранном для анализа фрагменте этот аргумент разносторонне и комплексно представлен. Фактический подаргумент заключается в утрате второго раздела следотеки. Этот подаргумент основан на реальных событиях и данных. За ним структурно следует аналитический подаргумент, акцентирующий потерю следов, которые не отображаются при обычном дактилоскопировании. Этот подаргумент поясняет причинно-следственные связи и имплицитно подводит адресата к осознанию возможных последствий произошедшей потери следов. Аналитический сопутствующий подаргумент коррелирует с контрастным, который констатирует что большая часть преступников, чьи

отпечатки пальцев были утеряны, на оперативно-справочном учёте не состояла. Это подчёркивает уникальность утерянных данных. Следующий сопутствующий подаргумент имеет прагматическую природу: констатируется, что проверка новых отпечатков с утерянными повышала эффективность дактилоскопирования в раскрытии тяжких преступлений. Посредством этого подаргумента авторы акцентируют отрицательные последствия потери данных для практики. Имплицитное заключение, которое не получает вербального выражения в тексте фрагмента, но является очевидным, предполагает необходимость качественного нормативного и методического обеспечения цифровизации.

«Средства текстовой когезии» [15, с. 73], получившее выражение в исследуемом фрагменте, нацелены на обеспечение логической связи между частями текста. Вводное слово «так» открывает иллюстрацию тезиса примером. Союзное слово «что» в составе сложноподчинённого предложения: «.. что существенно повышало эффективность использования следов рук» — фактически вводит обратное следствие, заключающееся в том, что утрата части следотеки привела к потере эффективности». Союзный элемент «при этом», выполняющий присоединительную функцию в предложении, в анализируемом фрагменте указывает на контраст, демонстрируя упущенную ввиду утраты части следотеки возможность.

Оценочная лексика с отрицательными коннотациями, актуализированная в таких примерах, как «издержки», «утрата», «ограниченно пригодными», подчёркивает ущерб от цифровизации без должной методической поддержки.

Количественные оценки, получающие выражение в таких примерах, как «основная масса», «значительная часть», придают аргументам обобщённый, но обоснованный характер, указывая не на единичные случаи.

Глаголы с модальным значением уверенности коммуникативного субъектам в достоверности сообщаемого, к которым относятся «показало», «привело», укрепляют достоверность аргументов.

В проанализированном фрагменте использована специализированная криминалистическая терминология: «дактилоскопический учёт», «оперативно-справочные картотеки (ОСК)», «следотека», «дактокартотека», «папиллярные узоры», «криминальное притяжение». Это подтверждает экспертный статус авторов, создаёт эффект достоверности, ограничивает аудиторию (текст адресован профессионалам) и усиливает аргументативную силу, так как критика исходит изнутри системы.

Синтаксическими средствами выражения аргументации выступают сложные предложения с причинно-следственными связями, критически важными при аргументировании своей позиции: «... по причине того, что ...», а также пассивные формы: «... были оставлены участками папиллярных узоров», «следы рук, изъятые ... и признанные ...», которые придают тексту объективный тон и смещают акцент на само действие.

Фрагмент представляет собой логически выстроенную критическую аргументацию, основанную на фактических данных, профессиональной оценке сложившейся ситуации и анализе практических последствий. При этом мы имеем дело с индуктивным типом аргументации: от частного случая (АДИС «Папилон») к общему выводу о рисках, связанных с нерегулируемой цифровизацией.

Язык фрагмента — это инструмент убеждения, тщательно выстроенный в рамках научно-профессионального дискурса. Авторы не просто сообщают о проблеме, но и

аргументируют её значимость через точную терминологию, логически прозрачные синтаксические конструкции, актуальные оценки и средства текстовой когезии. Перечисленные средства делают критику авторов взвешенной, профессионально обоснованной, а не субъективной.

Выводы

Аргументативная структура научного текста представляет собой сложную, иерархически организованную систему, в которой композиционное строение тесно взаимосвязано с языковыми средствами выражения убеждения. Аргументация в научном дискурсе реализуется не хаотично, а через последовательное развёртывание коммуникативных тактик, подчинённых общей коммуникативной стратегии — обоснованию научной позиции.

В научных текстах юридического дискурсивного профиля выявлены типовые модели аргументации, основанные на следующих ключевых типах аргументов:

- 1) аргумент от авторитета (апелляция к мнению признанного эксперта);
- 2) аргумент от реальности (опора на эмпирические данные, статистику, официальные источники);
- 3) аргумент от эффективности и последствий (демонстрация прагматической целесообразности или негативных эффектов);
- 4) индуктивный аргумент (заключение на основании частных случаев или конкретных наблюдений, обобщаемых для общего утверждения);
- 5) нормативный аргумент (соотнесение с международными стандартами, правовыми нормами);
- 6) аргумент сбалансированности (введение ограничений, избежание абсолютизации).

В табличной форме мы представляем относительную частотность встречаемости всех типов аргументов в проанализированных 8 выпусках журнала.

Тип аргумента	Представленность в текстах в процентном соотношении
Аргумент от реальности	27
Аргумент от методологии	2
Аргумент от теории	3
Аргумент от авторитета	15
Аргумент от эффективности и последствий	14
Индуктивный аргумент	9
Нормативный аргумент	17
Аргумент сбалансированности	13

Таблица 1. Процентное соотношение выявленных типов аргументов в статьях журнала «Научный вестник ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова»

Эти типы аргументов часто комбинируются, усиливая убедительность основного тезиса и демонстрируя многогранность научного подхода.

Композиционная организация аргументативного высказывания в научном дискурсе подчинена общей логике «исходный тезис — аргументы — вывод», при этом вывод может быть и эксплицитным, и имплицитным. Особенно характерна для научных текстов структура, включающая введение чужого мнения, выражение согласия/несогласия, развёрнутое обоснование собственной точки зрения и в качестве факультативного элемента прогноз последствий.

Типовые корреляции аргументов, выявленные в ходе анализа, представлены следующими комбинациями: аргумент от авторитета в качестве сопутствующих доводов типично принимает аргумент от эффективности, аргумент от последствий и нормативный аргумент; аргумент от реальности в качестве ключевого типично сочетается с индуктивным аргументом, аргументом от последствий и может опираться на аргумент сбалансированности. Наименьшую закреплённость демонстрирует аргумент сбалансированности. Он отмечен во всех контекстах аргументации.

Языковые средства аргументации в научном дискурсе носят функционально мотивированный характер. Средства текстовой когезии обеспечивают логическую связность и направляют внимание читателя. Оценочная лексика (в том числе аксиологическая и утилитарная нагрузка) типично выражает степень значимости, целесообразности или ущерба объекта оценки. В качестве типового модального значения в анализируемых текстах научных статей было выявлено значение уверенности автора в достоверности сообщаемого. Терминологическая насыщенность подтверждает экспертный статус автора и повышает доверие к аргументам. Синтаксические структуры со значением причинно-следственных связей, а также пассивные конструкции, регулярно находящие выражение в проанализированных текстах, способствуют объективности и логической прозрачности изложения.

Научный дискурс характеризуется стремлением к аргументативной сдержанности и научной корректности: даже при критике или выявлении проблем авторы избегают категоричных суждений, используя ограничительные формулировки («некоторые издержки», «относительная стабильность», «нельзя говорить о полной непопулярности»). Это подчёркивает рефлексивную природу научного мышления.

Проведённый анализ подтверждает, что аргументация в научном дискурсе реализуется не просто перечислением доводов, а представляет собой стратегически выстроенную коммуникативную практику, в которой композиция, лексика, синтаксис и дискурсивные стратегии работают в едином направлении: обеспечить убедительность, достоверность и профессиональное применение научного знания. Кроме того, исследование показало, что номенклатура аргументов в научном дискурсе может быть расширена за счёт таких категорий, как аргумент от эффективности, аргумент от последствий и аргумент сбалансированности, что отражает эволюцию научной риторики под влиянием прагматических и социальных запросов современности.

Эти выводы подтверждают плодотворность когнитивно-дискурсивного подхода к анализу научного текста и открывают перспективы для дальнейших исследований в области аргументативной структуры научного дискурса в разнообразии его жанров, в том числе в межкультурном и междисциплинарном сопоставлении. Кроме того, перспективы своего исследования мы видим в рассмотрении коммуникативно-композиционных способов реализации научной полемики с точки зрения выявления типовых схем сочетания

аргументов и контраргументов в текстах публичных выступлений в научной сфере общения.

Библиография

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с. EDN: SUQHIP.
2. Шашкова, В. Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Орёл, 2006. 224 с. EDN: NOAELH.
3. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993. 181 с.
4. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
5. Шашкова, В. Н. Проблема классификации текстов юридического дискурса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 161-167. EDN: LDNUDZ.
6. Сорокина, С. Г. Виды аргументации в научных публикациях (на примере англоязычных статей) // Наука и культура России. 2013. Т. 2. С. 219-221. EDN: TFOINZ.
7. Костюшкина, Г. М., Фан, Ч. Принципы анализа аргументативного отрицания // Общество. 2024. № 3-1 (34). С. 25-30. EDN: CQFKWU.
8. Морозова, Н. В. Проблемы совершенствования порядка обеспечения защиты прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 232-240. EDN: RFBMJD.
9. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 357 с. EDN: YKBSRJ.
10. Цейтлин, С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 142-156. EDN: QKCWSM.
11. Быстрова, Ю. В. "Заказные" убийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 91-96. EDN: EBCAIB.
12. Шашкова, В. Н. К вопросу о типологии оценок // Высокие технологии и инновации в науке: материалы Международной научной конференции ГНИИ "Нацразвитие". Санкт-Петербург, 28 июля 2018 года. Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт "НАЦРАЗВИТИЕ", 2018. С. 160-164. EDN: YNEMYH.
13. Беляева, Е. И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 157-169.
14. Владимиров, В. Ю., Гаврилин, Ю. В. Цифровизация криминалистической регистрации. Две стороны медали // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 4 (97). С. 193-201. EDN: DTJPSG.
15. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с. EDN: VXKANF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Смирнова Д.Е., Марков А.В., Шемяева Е.В., Мирошниченко Л.Н. Эмоциональный язык в политическом дискурсе: оценочный подход к анализу речевого воздействия // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76310 EDN: CVUJAQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76310

Эмоциональный язык в политическом дискурсе: оценочный подход к анализу речевого воздействия

Смирнова Дарья Евгеньевна

ORCID: 0000-0001-8449-0710

старший преподаватель; кафедра иностранных языков; ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

308015, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Победы, д. 85а, кв. 35

✉ smirnova_d@bsuedu.ru



Марков Александр Владимирович

старший преподаватель; кафедра иностранных языков; ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

308015, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Чапаева, д. 13, кв. 44

✉ markov@bsuedu.ru



Шемяева Елена Викторовна

ORCID: 0009-0009-7995-8513

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков; ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

308012, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова, д. 69, кв. 128

✉ shemaeva@bsuedu.ru



Мирошниченко Лариса Николаевна

ORCID: 0000-0002-2999-2467

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков; ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

308031, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Есенина, д. 36, кв. 81

✉ miroshnichenko_l@bsuedu.ru



[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76310

EDN:

CVUJAQ

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу эмоционального языка как ключевого инструмента политического дискурса, определяющего характер речевого воздействия и формирования общественного мнения. Эмоциональный язык рассматривается не просто как выразительное средство, а как важный механизм конструирования смыслов. В условиях современной медиатизированной политики эмоции становятся мощным ресурсом воздействия на электорат: они помогают политикам создавать доверие, усиливать вовлечённость и вызывать эмоциональный отклик аудитории. Исследование опирается на положения современной политической лингвистики, прагматики и дискурс-анализа, рассматривающих язык как инструмент убеждения и манипуляции. На примере выступления Дональда Трампа 2016 года показано, что эмоционально окрашенные слова и выражения выполняют функцию не только усиления экспрессии, но и структурирования политического послания, задавая рамку интерпретации для слушателей и формируя устойчивый эмоциональный образ политика. В качестве основного метода применяется модель оценочного анализа, разработанная Дж. Мартином и П. Уайтом. В рамках данного подхода выделены все эмоционально окрашенные единицы речи, классифицированы по трём категориям – affect (эмоции), judgment (оценка поведения людей) и appreciation (оценка явлений и объектов), а также проведён их количественный и качественный анализ. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые модель оценочного анализа Дж. Мартина и П. Уайта применена к изучению эмоционального языка в политическом дискурсе на материале выступления Дональда Трампа 2016 года. Такой подход позволил выявить закономерности употребления эмоционально окрашенной лексики и определить её роль в формировании моральных и идеологических оценок. Анализ показал, что эмоциональный язык выполняет не только экспрессивную, но и стратегическую функцию – он используется для конструирования политической идентичности, мобилизации поддержки, создания позитивного образа политика и дискредитации оппонентов. Особое внимание уделено категории judgment, особенно её подкатегории social sanction, отражающей моральные суждения и социальные ожидания. Полученные результаты уточняют представления о прагматическом потенциале оценочной лексики и демонстрируют её значимость для формирования политического воздействия в современных условиях. Выводы исследования могут быть использованы при сравнительном анализе эмоционального языка в разных культурных и исторических контекстах.

Ключевые слова:

эмоциональный язык, политический дискурс, речевое воздействие, лингвистическая прагматика, манипуляция, политическая коммуникация, Дональд Трамп, стратегия убеждения, оценочный анализ, политическая риторика

Слова – это не просто средство коммуникации. Это мощный инструмент, способный пробуждать эмоции, вызывать реакции и даже менять взгляды. В нашей повседневной речи слова могут быть ласковыми и согревающими, как, например, «дорогой» или «возлюбленная», а могут нести осуждение и враждебность – как «вандал» или «хулиган». Некоторые из них изначально несут в себе эмоциональный заряд: они будто заранее запрограммированы вызывать ту или иную эмоцию. При этом значение и восприятие слов со временем меняется. То, что раньше звучало как упрёк, может со временем получить нейтральную или даже положительную окраску.

Современные исследования эмоций в языке сосредоточены на их роли в человеческой речевой деятельности. Язык выполняет не только функцию передачи мыслей, но и служит средством выражения субъективного отношения человека к сказанному. Эмоции при этом являются неотъемлемой частью процесса познания окружающего мира.

Язык, насыщенный чувствами, называют эмоциональным. Он выражает не только информацию, но и отношение говорящего. Он не просто описывает – он воздействует. Как отмечает Уэльс, эмоциональный – это прилагательное, которое описывает значение или употребление языка, направленного на передачу чувств [\[10, с. 21\]](#).

Целью данного исследования является выявление особенностей использования эмоционального языка в политическом дискурсе на примере выступления Дональда Трампа 2016 года. Работа направлена не только на описание конкретного текста, но и на определение общих стратегий, которые позволяют политикам воздействовать на аудиторию с помощью эмоционально окрашенной лексики.

Язык в целом окружён эмоциональными потоками, потому что он пронизывает все сферы человеческой деятельности. Именно поэтому Каддон определяет эмоциональный язык как язык, предназначенный для выражения или возбуждения эмоциональных реакций по отношению к предмету или адресату [\[1, с. 257\]](#). Важно отличать его от научного или референтного языка, главная цель которого – обозначать, называть явления. Эмоциональный язык действует иначе – он создаёт чувство. Как подчеркивает Бердсли Мейднер, он обладает самостоятельным эмоциональным значением: каждое слово в тексте несёт свой «заряд чувства» [\[7, с. 113\]](#).

Согласно Ханстону, именно этот язык выражает субъективное отношение к человеку, позиции или объекту и тесно связан с системой социальных ценностей. В этом смысле эмоциональный язык всегда имеет лицо – в нём слышен голос автора. Даже если говорящий не ставит целью повлиять на кого-то, его речь всё равно может нести экспрессивный эффект [\[3, с. 1\]](#). Об этом пишет Волек, называя эмоциональный язык «экспрессивным», поскольку он выражает эмоции, нередко непреднамеренно выполняя аппеллятивную функцию [\[9, с. 233\]](#).

Лопес обращает внимание на то, что эмоциональные слова придают тексту краски, драматизм, выразительность. Они делают высказывание более живым и интересным, но при этом могут быть признаком предвзятости. Именно поэтому он говорит, что эмоциональный язык способен «раскачать» чувства аудитории, вызвать у неё симпатию или, наоборот, отторжение в зависимости от того, как и зачем используются эти слова [\[4, с. 19\]](#).

По мнению В.И. Шаховского, эмоции представляют собой не форму отражения действительности, а особую мотивационную систему, лежащую в основе сознания,

мышления и речевого поведения. Эта система формируется и регулируется с учётом национально-культурных норм, характерных для конкретного языкового сообщества [\[12, с. 312\]](#).

Стремления, желания, эмоции и чувства возникают потому, что предметы и явления реальности затрагивают наши потребности и интересы, отражая нашу связь с миром, нашу привязанность и стремление к нему. Таким образом, вещи и явления действительности изначально связаны с возникновением психических процессов, которые они одновременно и отражают [\[11, с. 37-41\]](#).

Эмоции – это психические реакции, оценивающие влияние внешних факторов на человека и выступающие важным механизмом регуляции его поведения. Именно эта сложность делает эмоции интересным и многогранным объектом исследования. Опыт эмоциональных реакций на разные ситуации накапливается, обобщается и передается от человека к человеку через естественный язык, что делает их предметом изучения лингвистики.

Эмоции проявляются во всех видах общения, а характер и интенсивность эмоционального поведения зависят от множества психологических и социокультурных факторов, которые находят отражение как в вербальной, так и в невербальной коммуникации.

Эмоциональный язык, с одной стороны, позволяет воздействовать на чувства – вызывать сочувствие, протест, вдохновение или тревогу. Но с другой – он может быть использован для манипуляции. Традиционно эмоциональный язык воспринимается как средство, которое способно скрывать реальность под слоем ярких слов и эмоций. Современные исследования рассматривают его как инструмент «обрамления» – способа представить реальность в определённом свете, выгодном говорящему. Так язык становится средством убеждения. Он не просто выражает мнение, он влияет на восприятие, помогает вызвать нужную эмоцию и подтолкнуть к нужному решению. В этом смысле каждое слово – это выбор. И чем эмоциональнее язык, тем выше вероятность того, что он будет не только выражать чувства, но и направлять мышление.

Эмоциональный язык проявляется в лексике, которая несёт на себе отпечаток отношения автора и влияет на восприятие текста. Такие слова можно условно разделить на негативные, позитивные и оценочно-нагруженные:

А. Слова с отрицательными эмоциями

Immigrants are flooding the country.

В данном высказывании слово *flooding* – негативно окрашенный глагол, вызывающий ассоциации с катастрофой или опасностью. Оно усиливает тревожность по отношению к мигрантам и формирует ощущение угрозы. Нейтральный вариант: *Immigrants are arriving in the country in large numbers.*

The government is brainwashing the population.

Эмоционально заряженное слово *brainwashing* вызывает у читателя/слушателя сильную негативную реакцию, связанная с принудительным контролем сознания.

Нейтральный вариант: *The government is influencing public opinion.*

В. Слова с положительными эмоциями

Our healthcare workers are heroes.

Здесь слово *heroes* имеет сильную позитивную коннотацию. Оно формирует образ благородства, самоотверженности и подвига, тем самым пробуждая у аудитории чувство восхищения и благодарности.

Нейтральный вариант: Our healthcare workers perform important duties.

This initiative is a breakthrough.

Слово *breakthrough* создаёт позитивное впечатление – оно символизирует значительное достижение, прогресс и успех.

Нейтральный вариант: This initiative represents a new development.

С. Оценочно-нагруженные определения

They are corrupt because they accept bribes.

Слово *corrupt* несёт в себе чёткий моральный оттенок – оно содержит не просто описание факта, а этическую оценку поступков. Оно выражает категоричное суждение, приравнивающее действия к нравственному падению.

Abortion is murder.

Как и в классическом примере с эвтаназией, здесь слово *murder* не просто называет процесс – оно придаёт ему моральное осуждение. Употребление этого термина подразумевает, что действие аморально по определению, без дополнительных доказательств или обсуждения.

Эти случаи демонстрируют, как отдельные слова – существительные, глаголы, прилагательные или наречия – могут выражать определённую позицию, скрытую или явную. Например:

That's ridiculous. *Ridiculous* – негативное предикативное прилагательное. Выражает пренебрежение или насмешку.

She gave an inspiring performance. *Inspiring* – позитивное атрибутивное прилагательное. Вызывает восхищение, поддерживает позитивный образ субъекта.

I fear the consequences. *Fear* – негативный глагол. Передаёт тревогу и эмоциональную настороженность.

Thankfully, the law was passed. *Thankfully* – позитивное наречие. Отражает радость, облегчение, одобрение.

Таким образом, эмоциональные слова формируют оценку не только за счёт смысла, но и за счёт своей эмоциональной окраски, побуждая читателя или слушателя занимать определённую позицию – иногда даже незаметно для себя.

Слова играют крайне важную роль в политике. Речь и тексты профессиональных политиков – таких как президенты, премьер-министры, члены правительства, парламента или политических партий – оказывают эффект, заслуживающий серьёзного анализа. В своих выступлениях они стремятся быть гибкими и ловкими, чтобы получить преимущество над оппонентами. Для этого они искусно используют эмоционально окрашенный язык (особенно с положительным оттенком) как речевой инструмент

убеждения большинства аудитории и побуждения её к действию [5, с. 4].

В свете теоретических положений, изложенных в предыдущих разделах, анализ материала в данном исследовании будет проводиться на основе модели оценочного анализа, предложенной Мартином и Уайтом в работе *The Language of Evaluation: Appraisal in English* [6, с. 210-261]. Эта модель изучает, как говорящие или пишущие выражают эмоции и каким образом они формируют из своей аудитории желаемого, «идеального» адресата. Эти вопросы рассматриваются в рамках системно-функционального подхода к языку, разработанного М. Холидэем [2, с. 75]. Последний предлагает лексико-грамматическую модель, которая ограничивает и направляет выбор языковых средств, доступных пользователю языка.

Таким образом, модель Мартина и Уайта расширяет холидзевскую концепцию межличностного смысла, выделяя три основных смысловых системы: *attitude* (отношение), *graduation* (градуирование), и *engagement* (вовлечённость).

Данное исследование опирается на систему *attitude*, поскольку она наиболее полно соответствует его целям. Эта система описывает, как выражаются чувства в англоязычных текстах, и включает три семантические области:

- *affect* – выражение положительных и отрицательных чувств (например: радость, грусть, уверенность, тревога, интерес, скука и др.);
- *judgment* – оценка людей и их поведения;
- *appreciation* – оценка предметов и явлений, включая природные и культурные феномены [6, с. 242].

Каждая из этих областей, в свою очередь, делится на подкатегории, которые маркируются как положительные (+) или отрицательные (-).

Политический дискурс, как уже было показано, изобилует эмоционально нагруженными словами, призванными не только выражать позицию говорящего, но и формировать определённую эмоциональную реакцию у аудитории. Политики используют эмоциональный язык стратегически – для построения образа, формирования доверия, мобилизации поддержки или же осуждения оппонентов. Для более детального анализа механизмов, с помощью которых передаются межличностные смыслы и отношения, мы обратимся к модели оценивания Мартина и Уайт (2005), сосредоточив внимание на системе **attitude**. В качестве материала исследования выбран отрывок из выступления Дональда Трампа в Конгресс-центре, Шарлотт, Северная Каролина.

Анализ ниже демонстрирует, каким образом эмоциональный язык реализуется в тексте и как он распределяется по подкатегориям системы оценки: *affect* (эмоции), *judgment* (оценка поведения людей) и *appreciation* (оценка явлений и объектов).

В самом начале своей речи Трамп говорит: **"I'd like to take a moment to talk about the heartbreak and devastation in Louisiana, a state that is very special to me [8]."**

Он открывает выступление словами *heartbreak* и *devastation*, относящимися к категории отрицательных аффектов – *unhappiness: misery*. Эти слова апеллируют к чувствам скорби и сочувствия. Слово *heartbreak* выражает внутреннее душевное состояние (ментальное переживание), в то время как *devastation* – скорее вспышку поведения, направленную вовне. Таким образом, он с первых слов демонстрирует эмоциональную включённость и

привязанность.

Далее он продолжает: **"Our prayers are with the families who have lost loved ones, and we send them our deepest condolences..."** [8].

Здесь усиливается эмоциональный посыл. Слова *lost loved ones* и *condolences* сохраняют фокус на горе и сострадании. Отрицательная эмоция *sadness* снова принадлежит категории *unhappiness: misery* и выражена как ментальное состояние. Одновременно присутствует положительная аффективная окраска в слове *loved*, которое относится к категории *happiness: affection*. Оно связано с поведенческим проявлением привязанности. Эпитет *deepest*, характеризующий соболезнования, представляет собой положительную *appreciation* в подкатегории *valuation* – то есть указывает на высокую значимость и искренность чувств.

Переходя к более решительной риторике, Трамп заявляет: **"On Monday, I laid out my plan to defeat Radical Islamic Terrorism"** [8].

Слово *terrorism* здесь связано с категорией отрицательного аффекта *disinclination: fear*. Оно выражает тревогу и отвращение и коннотирует опасность, угрожающую стабильности. Эпитеты *radical* и *Islamic*, в свою очередь, указывают на негативную *judgment* по параметру *social esteem: normality*, то есть демонстрируют осуждение, представляют явление как отклонение от нормы.

В следующем фрагменте он говорит: **"The chaos and violence on our streets, and the assaults on law enforcement, are an attack against all peaceful citizens. If I am elected President, this chaos and violence will end – and it will end very quickly"** [8].

Здесь выражена *judgment* – оценка социальных действий. Слова *chaos* и *violence* указывают на нарушение порядка и несут в себе осуждение, связанное с подкатегорией *social sanction: propriety*. Таким образом, Трамп осуждает текущее состояние как неприемлемое и морально неправильное. Противопоставляя этому положительный образ *peaceful citizens*, он формирует положительную оценку по той же категории *propriety* – подчёркивая моральную ценность и добропорядочность простых людей.

Наконец, он заключает: **"We cannot make America Great Again if we leave any community behind"** [8]. В этом утверждении слово *great* выступает как выражение положительной *appreciation: valuation*. Оно связано с идеей успеха и целостности, а также содержит имплицитный призыв к единству и социальной справедливости. Эмоциональная нагрузка здесь направлена на усиление позитивного образа страны, в которой никого не оставляют позади.

Анализ выступления Дональда Трампа с позиции модели оценивания (*appraisal*) показал, что наибольшую частотность демонстрирует категория **judgment**, связанная с оценкой поведения и характеристик людей. Она встречается заметно чаще, чем категории **affect** (эмоции) и **appreciation** (оценка объектов и явлений). Особенно выражено преобладание оценок в подкатегории **social sanction**, то есть суждений, связанных с моральными нормами, порядочностью и честностью.

Такое распределение свидетельствует о том, что Трамп стремился подчеркнуть собственную моральную позицию и противопоставить её действующей политической элите, чьи действия он изображает как аморальные. При этом негативные оценки в его речи существенно преобладают над позитивными, что отражает стратегию мобилизации аудитории через апелляцию к чувству тревоги, возмущения и недовольства.

Таким образом, количественный анализ выявленных единиц подтверждает, что эмоциональный язык в политическом дискурсе используется не случайно, а систематически и целенаправленно, служа средством убеждения, манипуляции и формирования нужного образа политика в массовом сознании.

Библиография

1. Cuddon J.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / J.A. Cuddon. – London: The Penguin Group, 1999. – P. 257.
2. Halliday M.A.K., Matthiessen C. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday, C. Matthiessen. – 2nd ed. – London: Arnold, 2004. – P. 75.
3. Hunston S. Corpus Approaches to Evaluation: Phraseology and Evaluative Language / S. Hunston. – New York: Routledge, 2011. – P. 1.
4. Lopez A. Targeting Media / A. Lopez. – Sydney: Copyright Agency Limited, 2000. – P. 19.
5. Macagno F., Walton D. Emotive Language in Argumentation / F. Macagno, D. Walton. – New York: Cambridge University Press, 2014. – P. 4.
6. Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English / J.R. Martin, P.R.R. White. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 210-261. – DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230511910>.
7. Meidner O. Emotive Meaning // Concise Encyclopedia of Philosophy of Language / Ed. by P. Lamarque. – Oxford: Elsevier Science Ltd., 1997. – P. 113.
8. Trump D. Remarks at the Charlotte Convention Center. Charlotte, North Carolina, August 18, 2016. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/>.
9. Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian / B. Volek. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987. – P. 233.
10. Wales K. A Dictionary of Stylistics / K. Wales. – New York: Routledge, 2014. – P. 21.
11. Бирюкова Е.В. Репрезентация категории эмотивности в речи президента Вудро Вилсона // Язык и межкультурная коммуникация: материалы III межвуз. науч.-практ. конф. – СПб., 2006. – С. 37-41.
12. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство / В.И. Шаховский. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 312. – EDN: TSYORR.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению специфики употребления эмоционального языка в политическом дискурсе. Автор исследует способы, которыми политики манипулируют аудиторией посредством эмоционально окрашенных слов и конструкций. Материалом исследования послужило выступление американского президента Дональда Трампа в 2016 году (Trump D. Remarks at the Charlotte Convention Center. Charlotte, North Carolina, August 18, 2016).

Методологически работа основана на анализе конкретных примеров использования эмоционального языка в речи Д. Трампа с применением подхода оценочной теории Мартина и Уайта (2005). Кроме того, в работе используются методы интерпретации и классификации, позволяющие выявить закономерности и механизмы использования эмоционального языка в политических речах.

Актуальность исследования обусловлена важностью понимания влияния эмоционального языка на общественное сознание и поведение избирателей. Изучение способов политического убеждения и манипуляций приобретает особое значение в условиях современного демократического общества, где использование эмоциональных инструментов стало ключевым элементом избирательной кампании.

Научная новизна заключается в применении методов оценочной теории к исследованию политического дискурса, особенно на материале английского языка. Подход Мартина и Уайта позволяет выявить структуру эмоционального языка и его воздействие на аудиторию с научной точки зрения, обеспечивая объективный взгляд на проблему эмоционального воздействия в публичной сфере.

Стиль статьи характеризуется четкостью и ясностью формулировок, лаконичностью и точностью терминологии. Используется научный подход к описанию фактов и аргументов, поддержанный примерами из реальных текстов, что повышает убедительность выводов.

По структуре статья организована последовательно и логично. После введения раскрываются основные понятия и подходы, используемые в дальнейшем анализе. Затем приводится классификация типов эмоциональных слов, иллюстрируемая яркими примерами. Далее подробно рассматривается применение этих концепций к материалу выступлений Трампа; демонстрируется, как эмоциональный язык функционирует в конкретной политической среде. Заключение подводит итог проведенного анализа и подчеркивает ключевые моменты исследования.

Основная часть статьи посвящена рассмотрению трех категорий эмоционального языка согласно Мартину и Уайту: *affect* (чувства), *judgment* (оценка поведения) и *appreciation* (оценка вещей и явлений). Каждая категория детально рассмотрена с привлечением конкретных примеров из речи Трампа. Читатель получает представление о том, как политические деятели осознанно применяют эмоциональные конструкции для достижения своих целей.

Список литературы обширен и разнообразен, охватывает широкий спектр работ по стилистике, психологии и философии языка. Приводятся классические труды западных авторов (Hunston, Meidner, Wales и др.) наряду с современными публикациями отечественных исследователей (Бирюкова, Шаховский).

Выводы сформулированы ясно и конкретно. Показано, что эмоциональный язык играет значительную роль в формировании общественного мнения и мобилизации избирателей. Особенностью работы является демонстрация системного характера использования эмоциональных средств в публичном пространстве, подчеркивается необходимость анализа речей современных лидеров.

Статья будет интересна лингвистам, политологам и социологам, занимающимся проблемами коммуникации, восприятия и социального влияния.

Считаем необходимым отметить некоторые недостатки статьи: во-первых, количество проанализированных примеров языкового материала недостаточно для формулирования полноценных обобщений и выводов; во-вторых, в работе отсутствуют статистические данные, полученные в результате количественного анализа примеров языкового материала; кроме того, в работе отсутствует прямое обращение к возможным критическим мнениям или альтернативным позициям. Возможно, стоило бы уделить больше внимания существующим разногласиям среди ученых относительно природы эмоционального языка и механизмов его функционирования в разных культурных контекстах.

Поэтому мы полагаем, что статью необходимо отправить на доработку.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ляшенко Т.М., Кисловская Л.Ю. Три сестры: утроение архетипического образа в произведениях Ф.М. Достоевского, Ф. Сологуба, А.П. Чехова // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76242 EDN: CVZHVO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76242

Три сестры: утроение архетипического образа в произведениях Ф.М. Достоевского, Ф. Сологуба, А.П. Чехова

Ляшенко Татьяна Михайловна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Иностранных и русского языков; Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина

109472, Россия, г. Москва, ул. Академика Скрябина, 23

✉ po-ruski@list.ru



Кисловская Лариса Юрьевна

старший преподаватель; кафедра иностранных и русского языков; ФГБОУ ВО МГАВМиБ - МВА имени К.И. Скрябина

109472, Россия, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23

✉ kislovskaya.lara@yandex.ru



[Статья из рубрики "Архетип"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76242

EDN:

CVZHVO

Дата направления статьи в редакцию:

13-10-2025

Аннотация: В качестве объекта изучения в статье выступает архетипический образ трёх сестёр в романах Ф.М. Достоевского «Идиот», Ф. Сологуба «Мелкий бес» и драме А.П. Чехова «Три сестры». Каждое из трёх произведений, несомненно, многократно привлекало к себе внимание исследователей, однако архетипический подход даёт возможность увидеть знакомых персонажей с точки зрения проявления в них образов коллективного бессознательного. Особое внимание уделено приёму утроения архетипа,

который использовался в произведениях устного народного творчества, а в литературных текстах эволюционировал, подстраиваясь под конкретные художественные задачи. На примере образа трёх сестёр в мифах, сказках и литературных текстах можно проследить, как черты архетипической сестры абсолютизируются, а сам образ выходит за рамки формальных родственных отношений, приобретая поистине сверхъестественную мощь. Исследование базируется на теории архетипов К.-Г. Юнга, а также на мифопоэтическом подходе к анализу литературного текста. Основными выводами проведённого исследования являются следующие: в романе Ф.М. Достоевского три сестры – наиболее привлекательное из «начал» бытия; в романе Ф. Сологуба они изображены соблазнительными и чувственными, в драме А.П. Чехова – эфемерными и трогательно неприспособленными к грубой жизни. Но во всех трёх произведениях мы видим общие черты: во-первых, три сестры всегда обладают влиянием на поведение других персонажей; во-вторых, они непременно вписаны в своё окружение как его гармоничная часть, не кажутся окружающим отталкивающими, хотя могут вызывать подозрение, страх, даже ужас, но эти чувства не превращают их в изгоев; в-третьих, они не только орудие судьбы, но и жертвы её, не стоят выше судьбы и от неё не свободны.

Ключевые слова:

архетип сестры, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, Ф. Сологуб, архетипический анализ, мифопоэтический подход, миф, волшебная сказка, сакрализация образа, утроение архетипа

Сестра – устойчивый архетипический образ, сформировавшийся в эпоху родоплеменного строя, когда складывались и закреплялись представления о «своих» и «чужих». Как и любой другой архетип, образ сестры многозначен; как и любой женский архетип – наделён сверхъестественными чертами, особенно ярко проявленными у мифологических и сказочных персонажей.

Утроение архетипического образа – явление одновременно и распространённое, и чётко обусловленное тем символическим смыслом, который сообщён архетипу коллективным бессознательным. Три – популярнейшее число в устном народном творчестве, магическое число, значение которого связано с представлением о стабильности, завершенности, преодолении неустойчивого равновесия дуализма. Отсюда можно сделать вывод о том, что утроенный образ обладает наибольшей полнотой самобытных архетипических свойств.

На примере образа трёх сестёр в мифах, сказках и литературных текстах можно проследить, как черты архетипической сестры абсолютизируются, а сам образ выходит за рамки формальных родственных отношений, приобретая поистине сверхчеловеческую мощь.

Воплощением такого могущества в древнегреческой мифологии являются мойры, богини судьбы: Клото («Прядущая»), Лахесис («Дающая жребий») и Атропос («Неотвратимая»). Они олицетворяли неумолимый ход времени – прошлое, настоящее и будущее – и владели нитью жизни каждого существа, смертного или бессмертного. Их власть была абсолютна; даже боги не могли изменить предначертанное мойрами. Эта триада подчеркивала линейность и необратимость судьбы, её подчинённость высшему закону, стоящему над всем сущим. Другой значимой сестринской триадой были хариты (грации) –

Аглая («Блеск»), Ефросина («Радость») и Талия («Цветение»), богини красоты, изящества, радости и творческого вдохновения, спутницы Афродиты. Флорентийские гуманисты XV века видели в них олицетворение трех фаз любви: красота, пробуждающая желание, которое ведет к удовлетворению, образуя замкнутый, совершенный круг.

Универсальность этого архетипа подтверждается его присутствием в мифологиях по всему миру: скандинавские норны (Урд, Верданди, Скульд), ткущие нить судьбы у корней Иггдрасиля; славянские рожаницы, определяющие долю новорожденного; индуистская Тридеви (Лакшми, Сарасвати, Парвати) как проявления женской божественной энергии. Триединство богинь подчеркивало их всеохватность, власть над различными аспектами бытия (судьба, время, плодородие, искусство, война) и их трансцендентную, надличностную природу. Они представляли не отдельных существ, а единую силу, проявляющуюся в трёх ипостасях.

В волшебной сказке образ трёх сестер трансформируется, приобретая более «земные», бытовые черты, связанные с представлениями о прохождении этапов взросления. В фольклоре доминирует сюжет, где две старшие сестры (завистливые, ленивые, гордые) противопоставлены младшей (доброй, трудолюбивой, смиренной), как в итальянской сказке «Три сестры» (из собрания Джамбатисты Базиле), татарской «Три дочери», русской «Финист ясный сокол» (входящий в собрание А.Н. Афанасьева) и др. В подобных сюжетах триада распадается, и младшая сестра проходит инициацию, обретая счастье вопреки козням старших. Однако архетип триединой силы не исчезает из фольклорных произведений полностью. Он сохраняется в сюжетах, где сестры предстают как единое целое, чаще всего при этом они являются волшебными существами из иного мира. Классический пример – три царевны из Медного, Серебряного и Золотого царств, охраняющие сокровища или обладающие чудесными дарами [\[9, с. 418\]](#). Их единство подчеркивает их инаковость, принадлежность к сфере магического. Еще один пример – айнская сказка «Ункамэ и три сестры» [\[1, с. 52\]](#), где сестры, став по неосторожности жертвами злого духа, вынуждены отправиться в потусторонний мир. Там каждая проявляет уникальные магические способности, и только их совместные усилия позволяют им преодолеть опасности и вернуться невредимыми в мир живых.

Таким образом, мотив триединства сестёр в мифах и сказках неизменно указывает на особую, часто сверхъестественную силу. Это сила, превосходящая возможности отдельного человеческого существа, рожденная из гармоничного соединения трех различных, но взаимодополняющих начал. Она может быть созидательной (хариты), фатальной (мойры), охранительной (царевны) или спасительной (сестры в айнской сказке), но всегда несёт в себе отпечаток сакрального, выходя за пределы обыденного человеческого опыта. Эта изначальная мощь триединого архетипа становится ключом к пониманию его сложных литературных реинкарнаций в XIX веке.

В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» семья Епанчиных, и особенно три сестры – Александра, Аделаида и Аглая, – представляют собой редкий оазис относительной гармонии и цельности в мире, погружённом в хаос страстей, расчёта и духовных недугов. Ф.М. Достоевский наделяет сестёр именами, начинающимися на букву «А» – первую букву алфавита, что сразу придает им особый символический статус. Эта буква, восходящая к финикийской графеме «алеф» (бык, телец – древнейший объект поклонения), в иврите означала «начало начал», в славянских азбуках («аз») – основу бытия и знания, алхимиками почиталась как символ первоначала всех вещей. Таким образом, общая буква «А» в именах сестёр Епанчиных – это не просто обозначение

формального единства, а знак их причастности к чему-то изначальному, божественному, к сакральному центру, противостоящему распаду окружающего мира. Они – воплощённое «начало», потенция чистоты и силы в мире, утратившем свои основы.

Собственно, и завязка действия, его исходная точка связана с образами сестёр: Тоцкий рассматривал возможность жениться на старшей, Александре, для чего ему было необходимо устроить судьбу своей содержанки Настасьи Филипповны. Для неё в качестве жениха был избран Ганя Иволгин, который, в свою очередь, питал надежды на благосклонность младшей Епанчиной, Аглаи. Вокруг этого неоднозначного сватовства концентрируются все действующие лица произведения, и сёстры, несомненно, стоят у истоков основного конфликта в качестве «начала».

Психологические портреты сестер выписаны Достоевским с тонкостью, подчёркивающей их индивидуальность в рамках единого целого. Александра – старшая сестра – образец рассудительности, спокойствия, внутренней силы и ответственности. Она «столп» семьи, её моральный авторитет. Уравновешенность Александры граничит с некоторой холодностью и отстраненностью, но это защита целостности семьи. Она занимается музыкой, что подчеркивает её стремление к гармонии.

Средняя сестра Аделаида весела, энергична, жизнерадостна, обладает практическим умом и здоровой самооценкой. Её увлечение живописью говорит о стремлении запечатлеть красоту мира, о связи с реальностью и творческим началом. Она наиболее адаптирована к социальным условностям, но не теряет индивидуальности.

Наконец, младшая сестра Аглая является олицетворением стихийности, красоты и максимализма. Её нередко сравнивают с главным героем романа – князем Мышкиным – из-за её непосредственности, неумения и нежелания лгать, склонности к аффективным, непредсказуемым поступкам. Её сложный, взрывной характер, увлечённость чтением (часто романтической литературы) указывают на глубину внутренней жизни, поиск идеала и непримиримость с пошлостью. Она самая уязвимая и в то же время самая яркая точка триады.

Несмотря на различия характеров сестёр, писатель настойчиво подчеркивает их глубинную связь друг с другом, в результате чего мы видим именно архетипическое триединство, а не просто трёх родственниц. Это единство имеет внешние проявления: все три сестры описаны как «барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками» [\[2, с. 39\]](#), - живое воплощение античных идеалов красоты, три грации своего века. Эта телесная мощь, почти богатырская, контрастирует с хрупкостью или болезненностью многих других персонажей (Мышкин, Настасья Филипповна, Ипполит) и явно ассоциируется с жизненной силой, устойчивостью, здоровьем.

Сёстры получили прекрасное образование, причём их интеллектуальное развитие вызывает у окружающих обывателей «ужас»: «С ужасом говорилось о том, сколько книг они прочитали» [\[2, с. 19\]](#). Это единство в культуре, в стремлении к знанию и прекрасному, создает общее интеллектуальное поле семьи.

Положение генеральских дочерей позволяет девушкам проявлять независимость от социальных условностей: «Замуж они не торопились; известным кругом общества хотя и дорожили, но всё же не очень» [\[2, с. 19\]](#). Перед нами, безусловно, существа исключительные, причём прекрасно осознающие свою исключительность.

Но главным во взаимоотношениях сестёр Епанчиных остаётся взаимная поддержка,

отсутствие конкуренции и зависти: «Они замечательно любили друг друга» [\[2, с. 18\]](#). Эта любовь не декларативна, а проявляется в поступках. Старшие сёстры, вопреки обычаю, решают отдать свои доли приданого Аглае, чтобы обеспечить её будущее. Аглая, несмотря на свой строптивый характер, искренне почитает Александру («как мать и даже руки ей целовала»). Эта готовность к взаимопомощи и жертве ради сестры – краеугольный камень их единства. Они образуют замкнутую, самодостаточную вселенную взаимной поддержки.

Хотя сюжетно ключевой фигурой является Аглая, а Александра и Аделаида остаются скорее на втором плане, Ф.М. Достоевский постоянно возвращает читателя к образу трёх сестер. Их близость и дружба столь очевидны, что они невольно воспринимаются окружающими (и читателем) как единая сила. Две старшие сестры как бы стоят за спиной младшей, придавая ей дополнительное могущество.

Психологическая глубина образа трёх сестёр Епанчиных заключается в том, что они представляют собой архетипическую триаду здорового, целостного, сакрального начала, противостоящего миру «больного» Петербурга. Их единство – это не слияние, а гармоничное взаимодействие трёх разных типов женственности (рассудочной, жизнеутверждающей, страстно-идеалистической), трёх аспектов человеческой души (разум, воля, чувство). Они – живое воплощение той полноты и красоты жизни, которую ищет и не находит князь Мышкин. Их дом – островок относительного порядка и любви. Однако трагедия романа в том, что даже эта мощная, сакрально отмеченная триада не может устоять перед деструктивными силами мира, олицетворением которых становятся внутренне разрушенная Настасья Филипповна и не справляющийся с собственными эмоциональными состояниями Рогожин – персонажи-жертвы травмирующего социума, и вместе с тем его обвинители и палачи. Аглая, самая притягательная и самая восприимчивая часть архетипической сестринской триады, втягивается в роковой любовный треугольник и терпит крах. Разрушение потенциального союза Аглаи и Мышкина можно рассматривать как символ невозможности осуществления идеала гармонии в современном писателю мире. Но можно взглянуть на основной конфликт произведения и иначе: вмешательство прекрасной и сумасбродной грации Аглаи в судьбу князя становится одной из причин усугубления его нездоровья. Для него, физически некрепкого, этот вызов оказался слишком велик, непосилен.

На такую мысль наводит, прежде всего, эпизод светского приёма в доме Епанчиных в Павловске, окончившегося для князя припадком. Накануне Аглая высказывала беспокойство по поводу поведения князя, упоминая об опасности разбить дорогую китайскую вазу, причём её опасения выражались глаголами повелительного наклонения, как прямое требование: «*Разбейте* по крайней мере китайскую вазу в гостиной! Она дорого стоит; *пожалуйста, разбейте*; она дареная, мамаша с ума сойдет и при всех заплачет, — так она ей дорога. *Сделайте* какой-нибудь жест, как вы всегда делаете, *ударьте* и *разбейте*. *Сядьте* нарочно подле» [\[2, с. 542\]](#). Князь, испытав тревогу, согласился: «может быть... и вазу разобью» [\[2, с. 543\]](#), – и исполнил обещанное, сам того не желая. Всё это очень похоже на колдовство, при котором слова программируют поведение человека, и внутреннее согласие с колдуном, отсутствие сопротивления играют важную роль в воздействии чар. Писателем с совершенной очевидностью показаны и метафизическая мощь Аглаи, и податливость князя Мышкина, неспособного сопротивляться этой мощи. Исполнение воли сверхъестественного существа лишает героя последних сил, и приступ болезни одолевает его.

После этого Аглая вновь устраивает князю испытание – их совместную встречу с

Настасьей Филипповной, в результате чего должно было утвердиться превосходство Епанчиной над её соперницей. Нетрудно усмотреть в этом эпизоде испытание и для самой Аглаи – соревнование наподобие того, что имело место вокруг золотого яблока в древнегреческом мифе. Князю Мышкину отводится роль Париса, то есть сам он как личность соревнующихся особенно не интересует, равно как и те последствия, которые будет для него иметь его выбор. Это спор между высшими силами, а слабый человек – лишь подручное средство в их битве.

Аглая терпит поражение, но не утрачивает могущества. Когда Настасья Филипповна, «чтобы раздражить соперницу», вздумала прокатиться в сопровождении князя перед окнами Епанчиных, Мышкин, ничего не знавший об этой затее, но слишком поздно спохватившийся, «после этого был два дня сряду болен».

В заключительной главе романа происходит распад триединства: Аглая выходит замуж, и её муж настраивает её против семьи. Потеря связи с сёстрами, отчуждение, хотя бы и выглядящее добровольным, всё же есть форма самонаказания: проигравшая в соперничестве с Настасьей Филипповной Аглая пускается в небезопасную авантюру, примыкая к сепаратистскому движению, которое её близкие прямо именуют «террором». Пройдёт ли она путь инициации, который в сказках уготован младшей сестре, и обретёт в конце этого пути нечто значимое или погибнет в отрыве от своего источника силы – этого читатели, к сожалению, никогда не узнают.

Три сестры в романе «Идиот» – многоаспектный образ, который может быть подвергнут разнообразным трактовкам, но очевидно, что в основе его лежит мифологическое представление о сверхмогуществе сестринской триады.

В романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» архетипический образ трёх сестер имеет несколько иную, хотя и в чём-то близкую трактовку. Образ сестры, который занимает в произведении значительное и важное место, эротизирован и демонизирован [\[6\]](#). Сестра выступает в качестве проводника тёмных, деструктивных сил, властвующих над жителями провинциального города. Ф. Сологуб сознательно насыщает роман женскими персонажами, так или иначе связанными с ролью сестры, и важное место занимают три (из четырёх формально) сестры Рутиловы – Дарья, Людмила и Валерия (старшая, замужняя Лариса, в окончательной версии романа появляется лишь эпизодически).

Сама лексема «сестра» обладает в романе весьма высокой частотностью (более 70 раз употреблено слово «сестра», 14 – «сестрица»), часто соседствуя с глаголами, связанными с мотивами вступления в брак и инцестуозными намерениями («жениться на сестре/сестрице», «на таких можно венчаться»). Это задает повествованию тревожный тон, смещая архетип из области сакрального или семейно-родственного в область извращенного эроса и опасности.

Ф. Сологуб мастерски использует сказочный прием утроения, но наполняет его зловещим содержанием. Сестры Рутиловы – это триединое воплощение демонического, искусительного женского начала. Так же, как и описанные выше героини романа Ф.М. Достоевского, три сестры Рутиловы обладают внешним сходством: «Все на одно лицо» [\[3, с. 53\]](#). Ф. Сологуб сравнивает своих героинь с мифическими существами: «сёстры были молоды, красивы, голоса их звучали звонко и дико, – ведьмы на Лысой Горе позавидовали бы этому хороводу» [\[3, с. 170\]](#); «весёлые да ласковые девицы – и старого, и малого своею ласкою прельстят» [\[3, с. 192\]](#); «смеялись лукавые девы, чтобы рассмешить – и погубить» [\[3, с. 248\]](#); «смех их... отдавался в его ушах, как смех неукротимых фурий»

[3, с. 266]; «не поддаваться их чарам» [3, с. 343]. Усилению чудесной атмосферы служит эпизод ритуализированного сватовства центрального персонажа Ардальона Передонова к трём сёстрам одновременно, оформленный в соответствии с канонами волшебной сказки и включающий в себя загадки и испытания. В результате этого действия в сознании Передонова сёстры приобретают очевидные inferнальные черты: «мало мне одной *ведьмы*, на трёх разом венчаться!» [3, с. 62].

Ключевым сюжетным элементом, раскрывающим опасную разрушительную суть трёх сестёр в романе «Мелкий бес», становится порочная связь Людмилы Рутимовой с юным гимназистом Сашей Пыльниковым. Хотя формально они не родственники, их отношения поначалу строятся на братско-сестринской модели. Людмила сама провоцирует сравнения: Саша мечтает, чтобы она была его «милой сестрицей», а она утверждает, что любит его «как брата». Однако эта псевдородственная связь служит лишь ширмой для развращающего, садистического влечения.

Весь процесс соблазнения Саши Людмилой пронизан образами сладости: сладкий запах в её комнате, «сладкий» смех, «сладкий» аромат одежды, сладкие финики, которыми она его угощает. Сологуб прямо связывает эту сладость с греховным, «порочным» чувством («чувства... сладкие, потому что порочные» [3, с. 293]). Сладость – приманка, за которой скрывается яд для души.

Отношения быстро выходят за пределы «невинных» игр. Уже с первых встреч звучит мотив удушения (пусть речь и идёт поначалу лишь об использовании средств парфюмерии). Людмила систематически применяет к Саше телесные наказания, переходящие в откровенное насилие и соращение. Важно, что в процессе растления Саши участвуют все три сестры. Они потворствуют Людмиле, подглядывают за их встречами, совместно придумывают и воплощают опасные планы (переодевание Саши в женское платье для маскарада: «все три девицы принялись его обряжать», «три сестры с Сашею приехали»). Они действуют как единый источник зла.

В сцене визита к тётке Саши сестры предстают в нераздельном триединстве: «все три собрались», «все сёстры надушились», «сёстры весело болтали», «сёстры переглянулись», «сёстры лгали... уверенно и спокойно». Их «миловидность» и «простота» – лишь маска, скрывающая жестокость и разрушительность.

История Саши – пародия на сказочную инициацию героя, это «сказка наизнанку», и финал её далёк от позитивного. Под влиянием Людмилы и атмосферы городка Саша тоже начинает проявлять склонность к насилию: он оскорбляет и бьёт Людмилу, которая в ответ на побои лишь хохочет – смехом фурии, поощряющей его падение. Ф. Сологуб намеренно дублирует эпизод избиения, подчеркивая закономерность такого исхода и восприятие его как «естественного» атрибута связи. Сёстры для Саши становятся не безопасным и поддерживающим окружением, а подстрекательницами, провоцирующими дурные наклонности, заманивающими в ловушку ложных ценностей, откуда недалеко и до полной нравственной деградации, духовной смерти.

Говоря об утروении архетипа сестры, невозможно обойти вниманием драму А.П. Чехова «Три сестры», где героини тоже представлены в духовном единстве. На близость чеховских героинь сёстрам Епанчиным из романа Ф.М. Достоевского аргументированно указывает, в частности, С.А. Кибальник [5]. На первый взгляд может показаться, что А.П. Чехов изображает бытовые, будничные сцены, далёкие от сакрального смысла. Однако многочисленные детали (повторы, «случайные» реплики, авторские ремарки) позволяют взглянуть на текст самой загадочной из чеховских пьес с архетипических позиций и

увидеть в нём смысл, далеко уводящий от скучной повседневности. Как отмечает Н.В. Францова, в «Трёх сёстрах» «помимо бытового, представлено и классическое мифологическое мировосприятие» [\[10, с. 191\]](#).

Сестры появляются сразу втроём, причём Чехов особо упоминает цвета их платьев: у Ирины – белое, у Маши – чёрное, у Ольги – синее форменное платье. Ахроматические и холодные цвета (белый, чёрный, синий) контрастируют с яркими, «живыми» цветами нарядов невесты Андрея Прозорова Наташи (розовый, зелёный, желтый, красный) – представительницы грубой, но жизнеспособной реальности, которая в итоге захватит их дом [\[8\]](#). Цвета сестёр – цвета увядания, отстраненности от полнокровной жизни.

Эта отстранённость проявлена ещё и в том, что сёстры едины в своем неприятии настоящего. В их репликах («Жизнь проклятая, невыносимая»; «У нас, трёх сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава») прослеживается не недовольство отдельными обстоятельствами, а обвинение жизни в целом: она не соответствует их мечте о «Москве» – символе недостижимого идеала, прекрасного будущего.

Так же, как и в романах Ф.М. Достоевского и Ф. Сологуба, сёстры видятся окружающим не отдельно, а в совокупности. Так, муж Маши Кулыгин отмечает сходство его жены и её младшей сестры Ирины, а Ольге объявляет: «Я мог бы на вас жениться, если б не был женат на вашей сестре». При том, что он всячески подчёркивает, что доволен своим браком и любит жену, подобная неразборчивость выглядит подозрительно. В уста Вершинина автор вкладывает ещё более обобщающую реплику: «Я вас не помню собственно, помню только, что вас было три сестры» [\[4, с. 176\]](#).

Дом Прозоровых в пьесе представлен как замкнутое, почти потустороннее пространство, «тридесатое царство», живущее по своим законам [\[7\]](#). Обитатели и гости этого дома существуют в своих субъективных реальностях, их общение часто напоминает разговор сквозь сон. Реплики не всегда адресны, реакции неадекватны (смех в трагический момент; молчание, когда ждут слов). Реальные люди становятся миражами в чужих фантазиях.

Фантасмагорическая атмосфера во многом создаётся якобы случайными (но при этом нередко – повторяющимися) фразами персонажей, вроде бы не имеющими отношения к развитию действия. Одна из таких фраз – может быть, самая значимая – принадлежит Маше, это цитата из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зелёный». В четвёртом действии Маша в слезах, почти в истерике задаётся вопросом: «Что значит у лукоморья? Почему это слово у меня в голове?» [\[4, с. 262\]](#). Действительно, то, что существует вокруг сестёр Прозоровых, больше напоминает сказочный мир, сон или бред, чем нормальную человеческую жизнь. Люди, попадающие в дом трёх сестёр, оказываются лицом к лицу со своими доминирующими внутренними устремлениями: доктор Чебутыкин, спасаясь от одиночества, находит здесь подобие семьи, обретает в каком-то смысле детей от некогда любимой женщины; Вершинин получает поддерживающие отношения с «великолепной, чудной» женщиной Машей и при этом остаётся верным долгу по отношению к жене и дочерям; старая нянька Анфиса сохраняет место рядом с воспитанницами; Наташа становится полновластной хозяйкой в доме и т.д.

Персонажи пьесы сосредоточены на внутренних конфликтах – каждый на своём; каждый проживает свою «сказку», и в каждой сказке есть элементы чудесного. Вот, например,

Андрей Прозоров женился на хорошенькой девушке Наташе, а она со временем превратилась в «мелкое, слепое, этакое шершавое животное»: «Во всяком случае, она не человек» [\[4, с. 252\]](#). Наташа же пребывает в собственном сказочном сюжете, где она, подобно героине сказки «Аленький цветочек», поселилась в великолепном дворце и обрела невидимого возлюбленного (её любовник Протопопов на сцене не появляется ни разу, хотя о нём много говорят).

Своих сестёр Андрей «боится почему-то», и, если рассматривать произведение с архетипической точки зрения, то опасения отнюдь не беспочвенны: три сестры, повелевающие волшебным царством, без угрызений совести принимают человеческие жертвы. Такой жертвой становится безобидный барон Тузенбах. Он оказался недостойн любви своей невесты Ирины, а в соответствии со сказочной логикой тот, кто отвергнут царевной, обречён на гибель. Едва становится известно о том, что барон убит, сёстры впадают в противоестественное воодушевление, радуются прекрасной музыке и повторяют на разные лады слово «жить», как если бы кровь несчастного Тузенбаха дала им новые силы.

А.П. Чехов, несомненно, любит своих героинь, симпатизирует им, сочувствует тому обстоятельству, что их волшебный дом оказался во власти алчной Наташи. Грубая, но живая и жаждущая жизни действительность не считается с иллюзиями, безжалостно изгоняет их. Но при этом писатель осознаёт их архетипическое могущество – способность погубить человека, очаровав его, заставив погрязнуть в бесплотных (и бесплодных) мечтах.

Таким образом, архетипический образ трёх сестер в художественной литературе, безусловно, отражает древнейшие представления, зафиксированные в мифах и сказках. Три сестры суть воплощение судьбоносной сакральной силы, влияющей на тех, кто оказался в зоне её действия. В проанализированных здесь произведениях интерес трёх сестёр (или одной представительницы триады), даже романтический или матримониальный, сложно назвать любовью – это всегда испытание, часто жестокое, калечащее, порой смертельно опасное.

Обычный человек оказывается, как правило, не способен противостоять силе трёх сестёр и нередко становится их жертвой, даже сам того не замечая. Во взаимодействии с триадой обнаруживаются слабости, развиваются пороки, обостряются недуги. При этом невозможно не заметить, что сами сёстры вдохновляюще прекрасны, и оттого контакт с ними напоминает отравление медленно действующим сладким ядом. Но сёстры в этом не виноваты, такова их архетипическая функция – выявлять несостоятельное, ущербное, ставить диагноз, определяющий дальнейшую судьбу. Их влияние – не злой умысел, а действие космических законов, которым и сами сёстры вынуждены подчиняться.

Каждый из писателей, прибегающих к этому образу, возлагает на него те или иные художественные задачи, даёт ему определённую роль в развитии действия, снабжает уникальными чертами. Мы наблюдаем, как в сознании конкретного автора получает воплощение идея провоцирующих и фатальных женских чар. В романе Ф.М. Достоевского три сестры – наиболее привлекательное из «начал» бытия; в романе Ф. Сологуба они изображены соблазнительными и чувственными, в драме А.П. Чехова – эфемерными и трогательно неприспособленными к грубой жизни.

Но во всех трёх произведениях мы видим общие черты: во-первых, три сестры всегда обладают влиянием на поведение других персонажей; во-вторых, они непременно вписаны в своё окружение как его гармоничная часть, не кажутся окружающим

отталкивающими, хотя могут вызывать подозрение, страх, даже ужас, но эти чувства не превращают их в изгоев; в-третьих, они не только орудие судьбы, но и жертвы её, не стоят выше судьбы и от неё не свободны.

Таким образом, путь архетипа трех сестер в русской литературе XIX века связан с идеей проникновения сакрального в обыденное: в виде высшей судьбоносной силы (Ф.М. Достоевский, опирающийся на миф), через её инфернальное извращение (Ф. Сологуб) или через осознание её иллюзорности и трагической несостоятельности перед лицом обыденной реальности (А.П. Чехов). Эта эволюция зеркально отражает общий кризис веры в высшие смыслы и гармоничные основы бытия, характерный для переломной эпохи рубежа веков. Три сестры, некогда богини судьбы, становятся сестрами по несчастью, обреченными на страдание в мире, утратившем свою сакральную ось.

Библиография

1. Сказочный Сахалин: книга сказок. Москва: PressPass, 2021. 110 с.
2. Достоевский Ф. М. Идиот / Фёдор Достоевский. Москва: Эксмо, 2020. 640 с.
3. Сологуб Ф. Мелкий бес. Санкт-Петербург: Азбука, 2020. 384 с.
4. Чехов А. П. Три сестры // Вишневый сад: пьесы / А. П. Чехов. Москва: Издательство АСТ, 2024. 352 с.
5. Кибальник С. А. "Три сестры" Чехова и их претекст у Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 221-232. DOI: 10.17223/19986645/87/12 EDN: SENXKU.
6. Ляшенко Т. М. Архетипический образ сестры в романе Ф. Сологуба "Мелкий бес" // Язык как материал словесности: XXV научные чтения, Москва, 22 октября 2022 года / Литературный институт имени А. М. Горького. Казань: Общество с ограниченной ответственностью "Бук", 2022. С. 80-91. EDN: VLRILS.
7. Ляшенко Т.М. Страшная сказка: архетипическое содержание драмы А.П. Чехова «Три сестры» // Филология: научные исследования. 2025. № 1. С. 137-151. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.1.72674 EDN: BXQFPM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72674
8. Нордштрём А. Э. Загадки пьесы А. П. Чехова "Три сестры": учебное пособие; Российский государственный институт сценических искусств. Санкт-Петербург: РГИСИ, 2022. 149 с.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 544 с. EDN: IKBZAL.
10. Францова Н. В. Опыт мифопоэтического прочтения пьесы Чехова "Три сестры" // Чеховские чтения в Ялте: Сборник научных трудов. Том 11. Симферополь: ДОЛЯ, 2007. С. 179-192. EDN: PMMEAЕ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе является феномен утروения архетипического образа сестры в русской литературе XIX века. Отмечается, что «утроение архетипического образа – явление одновременно и распространённое, и чётко обусловленное тем символическим смыслом, который сообщён архетипу

коллективным бессознательным». Актуальность работы не вызывает сомнения: во-первых, архетипический подход к изучению художественного текста достаточно популярен среди современных исследователей в силу того, что он позволяет более глубоко раскрыть психологическое содержание произведения, во-вторых, «утроенный образ обладает наибольшей полнотой самобытных архетипических свойств».

Теоретической основой исследования послужили научные работы, посвященные вопросам архетипического образа сестры в произведениях Ф. Сологуба, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, историческим корням волшебной сказки и др. Библиография статьи составляет 10 источников, в том числе литературные, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Однако не все источники находят отражение на страницах статьи: в тексте отсутствуют ссылки на источники 5, 7, 8, 9, 10, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи».

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер. Основным методом явился архетипический анализ литературного текста. Также применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстологический метод и интерпретативный анализ материала.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассматривается мотив триединства сестёр в мифах и сказках («эта изначальная мощь триединого архетипа становится ключом к пониманию его сложных литературных реинкарнаций в XIX веке»), достаточно подробно изучают многоаспектный образ трех сестер в романах «Идиот» Ф. Достоевского и «Мелкий бес» Ф. Сологуба, в пьесе А. П. Чехова «Три сестры», что позволяет автору(ам) прийти к обоснованному выводу о том, что «путь архетипа трех сестер в русской литературе XIX века связан с идеей проникновения сакрального в обыденное: в виде высшей судьбоносной силы (Ф. М. Достоевский, опирающийся на миф), через её инфернальное извращение (Ф. Сологуб) или через осознание её иллюзорности и трагической несостоятельности перед лицом обыденной реальности (А. П. Чехов). Эта эволюция зеркально отражает общий кризис веры в высшие смыслы и гармоничные основы бытия, характерный для переломной эпохи рубежа веков».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в ее вкладе в развитие теории архетипов и архетипического анализа литературного текста, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи, русской литературе XIX века и др.

Материал статьи имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Рукопись имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная статья посвящена анализу архетипического образа трёх сестёр в русской литературе XIX века на материале ключевых произведений Ф.М. Достоевского, Ф. Сологуба и А.П. Чехова. Данная работа, без сомнения, является серьёзным и глубоким исследованием, заслуживающим пристального внимания.

Предметом исследования выступает утроенный архетип сестры, его генезис, трансформация и художественные функции в романе «Идиот», романе «Мелкий бес» и пьесе «Три сестры». Автор прослеживает связь литературных образов с их мифологическими и фольклорными прототипами, такими как мойры, хариты, норны и сказочные триады, что позволяет выявить универсальный характер этого архетипа и его национально-специфическое преломление.

В качестве методологической основы используется комплексный подход, сочетающий мифопоэтический и архетипический анализ (в русле идей К.Г. Юнга и В.Я. Проппа), сравнительно-сопоставительный метод и элементы психоаналитического прочтения. Такой синтез методологий позволяет автору не только описать литературные образы, но и вскрыть их глубинную связь с коллективным бессознательным, показав, как архаические структуры определяют логику характеров и сюжетов в реалистической литературе.

Актуальность работы не вызывает сомнений. Изучение архетипов и их литературных реинкарнаций остается одним из магистральных направлений современного литературоведения. Исследование вносит вклад в понимание механизмов преемственности между мифом, фольклором и литературой Нового времени, а также раскрывает причины устойчивости определенных нарративных моделей.

Научная новизна заключается в системном сопоставлении трёх, на первый взгляд, разнородных текстов, объединённых сквозным архетипом. Автор убедительно демонстрирует, что, несмотря на разность художественных систем и авторских интенций, Достоевский, Сологуб и Чехов эксплуатируют единую архетипическую модель, наполняя её разным смысловым содержанием: от сакрально-гармоничного начала у Достоевского до демонически-искусительного у Сологуба и иллюзорно-трагического у Чехова.

Структура статьи логична и выдержана. Исследование начинается с экскурса в мифологию и фольклор, что создает прочный теоретический фундамент, а затем последовательно анализирует каждый из трёх литературных текстов. Анализ отличается глубиной и вниманием к деталям. Автор тонко подмечает символику имён у Достоевского, эротизированно-демоническую стихию у Сологуба и цветовую символику и фантазмагоричность у Чехова. Стиль изложения научный, но при этом образный и лишённый излишней сухости, что делает работу доступной для восприятия не только специалистам, но и более широкой аудитории.

Качество библиографической базы высокое. Автор опирается на авторитетные академические издания первоисточников и привлекает широкий круг научной литературы, включая как классические труды (Пропп), так и современные исследования (Кибальник, Ляшенко, Францова, Нордштрем), что говорит о хорошей осведомлённости в проблематике.

При этом автор вступает в заочную полемику с потенциальными оппонентами, которые могут усмотреть в чеховских сестрах сугубо бытовых, психологических персонажей. Автор статьи, напротив, настаивает на их мифопоэтической и архетипической природе, подкрепляя свою позицию анализом текста. Аналогичным образом оспаривается возможное восприятие сестёр Епанчиных лишь как второстепенных персонажей, тогда как в статье они трактуются как сакральный центр, противостоящий хаосу.

Выводы работы убедительны и значимы. Автор приходит к заключению, что эволюция

образа трёх сестёр в русской литературе отражает общий кризис веры в высшие смыслы на рубеже XIX–XX веков: от могущественных богинь судьбы они превращаются в «сестёр по несчастью». Это ценный обобщающий тезис, который будет интересен читательской аудитории — филологам, культурологам, студентам-гуманитариям и всем, кто интересуется теорией архетипов и русской классикой.

Статья представляет собой завершённое, целостное и новаторское исследование, отвечающее всем критериям научности. Глубина анализа, теоретическая обоснованность и ясность изложения позволяют рекомендовать её к публикации в научном рецензируемом издании.

Англоязычные метаданные

The Indefinite Article with Proper Names: The Semantic Effect of Evaluation

Klyuchevskiy Vladimir Mikhailovich

Postgraduate student; Department of Foreign Languages; Herzen Russian State Pedagogical University

194354, Russia, St. Petersburg, Vyborg district, Siqueiros St., 12 letter B

✉ vovakluch@yandex.ru



Abstract. The subject of this study is the phenomenon of occasional use of the Spanish indefinite article with anthroponyms and the semantic effect of subjective evaluation it produces. Unlike previous studies that emphasized isolated stylistic cases, this article offers a comprehensive analysis of the mechanism as a systemic linguistic phenomenon. The research methodology is based on a combined application of descriptive and contrastive-descriptive methods within the framework of Guillaume's psychomechanics of language. This approach makes it possible to analyze the linguistic material not as a series of exceptions but as the outcome of mental operations of actualization governed by the vector of extensivity/anti-extensivity. The practical analysis is carried out on a representative corpus of examples drawn from contemporary Spanish-language media, literary texts, and journalistic discourse. The novelty of the study lies in its proposal of a unified explanation of three types of evaluative meanings (referential-indefinite, metaphorical-typifying, and situational-role) through the prism of the anti-extensive function of the article in Guillaume's system. This perspective reveals the underlying mechanisms of the transition of a proper name as an *asemanteme* into the status of a *semanteme*, a phenomenon that has not been given comparable attention in previous works, which often limited themselves to merely acknowledging the fact of *antonomasia*. The main findings of the research may be summarized as follows: the indefinite article functions as a grammatical operator that suspends the uniqueness of the referent and initiates a process of categorization, which serves as the basis for evaluation. Thus, the analysis of specific corpus examples confirms that the evaluative effect is systematically generated by a shift in the referential status of the name. The author's distinctive contribution is to demonstrate that this phenomenon should not be regarded as a stylistic accident but rather as a regular instrument of expressive syntax, which is of relevance both for linguistic theory and for the teaching of Spanish as a foreign language.

Keywords: Determiner, Actualization, Grammaticalization, Psychosystematics, Anthroponyms, Article, Semantics, Indefinite article, Spanish language, Anti-extensive article

References (transliterated)

1. Fernández R. La gramática del español. Barcelona: Ariel, 1999. 450 p.
2. Tyukalova N. E. Imya sobstvennoe vo frantsuzskom yazyke: dis. kand. filol. nauk : 10.02.05 / Natal'ya Egorovna Tyukalova. – Sankt-Peterburg, 2005. – 216 s. EDN: NOMEFB
3. Klyuchevskii V.M. Istoriya izucheniya neopredelennogo artiklya v ispanskoi grammatike // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 6. S. 55-68. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.75012 EDN: KSRZXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75012

4. Epifantseva N. G. Kategoriya determinatsii frantsuzskogo sushchestvitel'nogo v svete kontseptsii F. Bryuno i Sh. Balli // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2009. № 1.
5. Fernández Leborans M. J. El nombre propio // Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 1 / Eds. I. Bosque, V. Demonte. Madrid: Espasa, 1999. P. 77-128.
6. Ignat'eva T. G. Psikhosistematika kak novoe napravlenie v yazykoznanii // Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva. 2014. № 1 (27).
7. Laca B. Presencia y ausencia del determinante. In I. Bosque & V. Demonte (Dirs.), *Gramática descriptiva de la lengua española* (Vol. 1, pp. 891-928). ISBN 84-239-7918-0.
8. Real Academia Española (RAE); Asociación de Academias de la Lengua Española. Nueva gramática de la lengua española. Morfología y sintaxis. Madrid: Espasa, 2009. 2 t.
9. Leonetti M. El artículo // Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 1 / Eds. I. Bosque y V. Demonte. Madrid: Espasa-Calpe, pp. 787-890.
10. Carranza Brito R. Artículo ante nombre propio: matices de significado // LL Journal (CUNY). 2008. № 2. P. 345-358.
11. Matyushenko M. S. Antonomaziya i teleskopiya vo frantsuzskikh sloganakh (na materiale pressy) // Voprosy sovremennoi lingvistiki. 2017. № 5.
12. Skrelina L. M., Stanovaya L. A. Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2012. 386 s. EDN: RYWCNL
13. Guillaume G. Principes de linguistique théorique (éd. posthume établie par H. Bonnefille). Paris: Presses Universitaires de France, 1973. 318 p.
14. Skrelina L. M. Shkola Giroma: psikhosistematika. M.: Vysshaya shkola, 2009. 367 s. EDN: QUDVHH
15. Gómez S. Uso variable del artículo definido con nombres propios en español moderno. PhD diss. Univ. Zaragoza, 2023. 280 p.
16. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris: Librairie Hachette, 1919. 119 p.
17. García González J., Coronado González M. L. La traducción de los antropónimos [Elektronnyi resurs] // Dialnet.
18. Horna C. J. A., Tarazona M. A., Lovón M. A. La anteposición del artículo en el nombre propio: usos del español limeño // Boletín de la Academia Peruana de la Lengua. 2018. № 64. S. 77-89.
19. Klyuchevskii V.M. Neopredelennyi artikl' v ispanskoi frazeologii: funktsional'no-stilisticheskii analiz // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 9. S. 18-35. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75795 EDN: ZVTMNI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75795
20. Judas // Diccionario del estudiante: [veb-sait]. – Rezhim dostupa: <https://www.rae.es/diccionario-estudiante/judas> (data obrashcheniya: 27.05.2024)
21. Seco M. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. 10ª ed. Madrid: Espasa-Calpe; 1992. P. 572.
22. Popova V. B. "Dikhotomiya "variativnoe/tipichnoe" kak deikticheskii potentsial neopredelennogo artiklya" // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2021. № 3. S. 21-29.

Existentialist ideas in the work "The Life of Basil of Thebes"

REN JIZHAO

Postgraduate student; Faculty of Philology; Pushkin State Institute of the Russian Language

117534, Russia, Moscow, Chertanovo Yuzhnoye district, Kirovogradskaya str., 42, room 1

✉ 1435284454@qq.com



Abstract. The subject of the research is the analysis of existentialist ideas in Leonid Andreev's novella "The Life of Basil of Thebes". The object of the study is the tragic fate of the main character, priest Vasily, whose life is filled with a series of misfortunes that led to a crisis of faith and alienation from the Russian Orthodox Church. The author examines such aspects as the conflict between religious faith and the absurdity of existence, the loss of freedom and subjectivity under the pressure of social and historical circumstances, as well as the symbolic significance of Basil's image for understanding the spiritual crisis of the late 19th and early 20th centuries. Special attention is paid to the interpretation of the ideas of J.-P. Sartre, M. Heidegger and S. Kierkegaard, which allows us to reveal the philosophical depth of the text and show how the personal drama of the hero reflects the national contradictions of the era. The research methodology is based on comparative historical, philosophical and literary analysis, including the identification of existentialist motives in the text, their interpretation through the concepts of Sartre, Heidegger and Kierkegaard, as well as a contextual examination of the socio-historical reality of Russia in the late 19th and early 20th centuries. The main conclusions of the study are the identification of existentialist ideas in the story "The Life of Basil of Thebes" and their concrete manifestation in the fate of the hero – from faith and hope to despair and denial of God. The novelty of the research lies in an integrated approach: the work is considered both as an artistic text and as a philosophical parable that reveals the problem of a crisis of faith in the context of social upheaval. The author's special contribution is to show the relationship between the personal tragedy of the priest and the collective experience of the people, which makes it possible to interpret the work as a symbol of the crisis of the era. It is concluded that the collapse of Basil's faith reflects the existentialist idea of "existence precedes essence" and demonstrates how religious dogmas and social oppression lead to the loss of freedom and subjectivity, leaving a person facing the absurdity and inevitability of fate.

Keywords: Leonid Andreyev, Philosophical parable, Loss of subjectivity, Socio-historical context, Russian Orthodox Church, Absurdity of existence, Spiritual quest, Crisis of faith, Tragedy of fate, Existentialism

References (transliterated)

1. Andreev L.N. Zhizn' Vasiliya Fiveiskogo // Andreev L.N. Sbranie sochinenii: V 6 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. T. 3. S. 5-135.
2. Kamyu A. Mif o Sizife. Esse ob absurde / per. s fr. N. Lyubimova. M.: AST, 2021. 224 s.
3. Sartr Zh.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm / per. s fr. N.M. Lyubimova. M.: Respublika, 2004. 120 s.
4. Khaidegger M. Bytie i vremya / per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Ad Marginem, 1997. 452 s.
5. K'erkegor S. Strakh i trepet / per. s datsk. N. Isaevoi, S. Isaeva. M.: Akademicheskii proekt, 2017. 208 s.
6. Tolstoi L.N. Voskresenie. M.: Eksmo, 2014. 512 s.
7. Rollan R. Zhizn' Betkhovena / per. s fr. M.: Muzyka, 1985. 206 s.

8. Zen'kovskii V.V. Istoriya russkoi filosofii: V 2 t. Parizh: YMCA-Press, 1948–1950.
9. Paips R. Russkaya revolyutsiya. Kn. 1: Agoniya starogo rezhima. M.: Zakharov, 2005. 608 s.

The Epigraph as a Technique of Contextual Poetics in the Lyrics of Albert Vasilyev

Savitskaya Ul'yana Nikolaevna

student; Faculty of the Institute of National Culture and Intercultural Communication; Mari State University

44 Kremlevskaya Street, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia

✉ Ulyana2407@mail.ru



Kudryavtseva Raisiya Alekseevna

Doctor of Philology

Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology at Mari State University

424002, Russia, Respublika Marii El, g. Ioshkar-Ola, ul. Kremlevskaya, 44, kab. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

Abstract. In this article, the epigraph is actualized as a subject of literary studies, and the authors consider it as a way of presenting contextual content (a way of creating a special artistic space in a literary text). The purpose of this article is to identify the features of the epigraph as a contextual poetics technique in contemporary Mari poetry, using the example of one of its most prominent representatives, Albert Vasilyev. This is the first time that such a goal has been stated and implemented in regional and national literary studies. The study is based on the poems of the Mari poet Albert Vasilyev, which are included in his collections "Ushanyza" (Believe) (2007) and "Osh lumyshto chever polan" (Red Viburnum in the White Snow) (2017), which have an epigraph in their artistic structure. The research methodology is based on structural-semantic, historical-genetic, and contextual analysis of literary works. The study identified the main functions of the epigraph, and based on the study of this frame component, it determined the features of the Mari poet's cultural outlook (contextual competence) and the specifics of his artistic interaction with the authors he quotes. The authors of the article conclude that the epigraph in Albert Vasilyev's lyrical texts is an important and effective artistic device that represents various contexts (the author's cultural preferences, his worldview reflected in the ideological world of his works, the author's environment, the socio-cultural and ethno-cultural space, the ideological context, etc.). It has been proven that the epigraph actively contributes to expressing the author's position and the artistic idea of the lyrical work.

Keywords: epigraph, poetics, the motif-shaped system, main text, frame text, contextual poetics, contextual content, Albert Vasilyev, lyrics, Mari literature

References (transliterated)

1. Kudryavtseva R.A., Starygina N.N., Krylova O.S. Lokalizatsiya prostranstva kak sposob organizatsii khudozhestvennogo teksta (na materiale russkoi i mariiskoi literatury): kollekt. monografiya / Mar. gos. universitet; sost. R.A. Kudryavtseva; nauch. red. N.N. Starygina. Ioshkar-Ola, 2025. 162 s. EDN: TMLWUI.

2. Lyubimov N.I. *Filosofiya prirody v lirike Al'berta Vasil'eva* // Litera. 2022. № 7. S. 91-100. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.ptp-id=38466 (data obrashcheniya: 10.09.2025).
3. Lyubimov N.I. *Obraz vetra v sotsial'no-filosofskoi lirike Al'berta Vasil'eva* // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2023. № 6. S. 47-58. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.6.40980 EDN: RTVUOW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40980
4. *Sovremennaya mariiskaya lirika: khudozhestvennye modeli mira i poetika tvorcheskoi individual'nosti: kollektivnaya monografiya* / Mar. gos. un-t; R.A. Kudryavtseva, N.N. Starygina, N.I. Lyubimov i dr.; sost. i nauch. red. R.A. Kudryavtseva. Ioshkar-Ola, 2022. 181 s.
5. Epigraf // Slovar' literaturovedcheskikh terminov. URL: <https://foxford.ru/wiki/literatura/epigraph> (data obrashcheniya: 15.09.2025).
6. Chernoritskaya O. Epigraf // URL: <https://rexgolg.ru/page1> (data obrashcheniya: 20.09.2025).
7. Vasil'ev A.A. *Osh lumyshto chever polan: pochelamut arshash*. Ioshkar-Ola: Marii kniga izdatel'stve "savyktysh pört", 2017. 344 s.
8. Vasil'ev A.A. *Ÿshanyza: oiymyo pochelamut-vlak*. Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 2007. 296 s.
9. Dement'ev A. *Ya vo sne ne letayu* // URL: <https://www.culture.ru/poems/8719/ya-vo-sne-ne-letayu> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
10. Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii v semi tomakh* / gl. red. Yu.L. Prokushev. M.: Nauka – Golos, 1995. T. 4: *Stikhotvoreniya, ne voshedshie v "Sobranie stikhotvoreni"*. 536 s.
11. Rubtsov N.M. *Stikhotvoreniya, ne voshedshie pri zhizni poeta v sborniki* // URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php-name=Poezia&go=page&pid=41707> (data obrashcheniya: 29.09.2025).
12. Glukhova N.N., Kudryavtseva R.A. *Etnicheskie tsennosti mari* // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. № 4 (30). Ch. II. S. 44-47. EDN: PWGFKB.

On the Principles of Compiling a Bilingual Dialect Dictionary (Based on the Haidak-Russian Dictionary)

Yusupov Khizri Abdulmadzhidovich 

PhD in Philology

Head of the Department; G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art; Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

367008, Russia, Rep. Dagestan, Makhachkala, Kirovsky district, Arukhova str., 5, sq. 3

✉ h-yusupov@mail.ru

Temirbulatova Sapiyahanum Murtuzalievna 

Doctor of Philology

Chief Researcher; G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art; Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Russia, Rep. Dagestan, Makhachkala, Gaidar Gadzhiev str., 12a, block 67

✉ sapiiakhanum@mail.ru

Abstract. This article describes the features of compiling a bilingual dialect dictionary using the example of the "Khaidak-Russian dictionary". The Khaidak dialect language (part of the Darginian national language) is spoken in the territory of the Kaitagsky district of the Republic of Dagestan (36 settlements). The article discusses the basic principles of compiling dialect dictionaries in Dagestan languages, as well as the forms of representation of dialect units in the dictionary. The article discusses the features of the dictionary design of the dialect dictionary, the selection of definitions. The main task of designing a bilingual dialect dictionary is to develop the structure of the dictionary. It is also important to develop a dictionary entry, which is the main structural unit of the dictionary. Much attention is paid to the use of dictionary definitions, highlights and signs, as well as the use of litter. When writing the article, mainly traditional methods were used: the continuous sampling method – to identify the illustrative research material; the descriptive method – to characterize vocabulary definitions. The sampling method was carried out from both dictionaries and folklore materials. The authors' field materials were also used. The structure of the dictionary and the dictionary entry are explained using the descriptive method. The scientific novelty of the research lies in the fact that the paper describes for the first time the project of a dialect dictionary of the Darginian language. The development of theoretical foundations and practical experience in compiling a dialect dictionary is also a novelty. Such elements of the dictionary structure as the litter area and the illustrative material area have not been explored in previous studies. In order to preserve and preserve the Khaidak dialect for history, for comparative and comparative research, it is necessary to create a full-fledged dictionary with about 7 thousand words in capital letters. The compilation of such a dictionary and its further application in educational and scientific contexts will contribute to the preservation of the Khaidak language. The selection of material, including the material placed behind the rhombus, helps not only to understand the meaning of the vocabulary, but also the correct use of this word in speech. The compilation of the draft "Khaidak-Russian dictionary", the description of its macrostructure and microstructure may be useful in lexicographic practice for compiling similar dictionaries for other languages and dialects of the peoples of Dagestan.

Keywords: vocabulary, dictionary definitions, dictionary, dictionary entry, dialect dictionary, dictionary structure, Khaidak language-dialect, dialect lexicography, illustration, label

References (transliterated)

1. Khalilov M. Sh. Leksika bezhtinskogo yazyka. Makhachkala: Institut YaLI DFITs RAN, ALEF, 2023.
2. Khuan S. K voprosu o dialektnykh slovaryakh // Vlast' istorii i istoriya vlasti. 2024. T. 10. № 1 (51). S. 44-50. EDN: ABNPSY.
3. Gamzatov G. G. Yazykovoi mir Dagestana, k voprosu o sostoyanii i perspektive leksikograficheskogo osvoeniya // Problemy leksikologii i leksikografii severokavkazskikh yazykov. Makhachkala: Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN, 2010. S. 4-28. EDN: SAATUR.
4. Alekseev M. E., Temirbulatova S. M. Kaitagskii (kaitakskii, khaidakskii) – dialekt darginского yazyka // Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga. Entsiklopedicheskii slovar' spravochnik. M.: Academia, 2002.
5. Yusupov Kh. A. Darginско-russkii slovar'. M.: Izdatel'stvo "Pero", 2017. EDN: ZXUEFH.
6. Magomedov A. Dzh., Saidov-Akkutta N. I. Kubachinsko-russkii slovar'. M.: Nauka, 2017. EDN: XMHNWX.
7. Temirbulatova S. M. Dialektologicheskii slovar' darginского yazyka: bolee 50000

dialektnykh variantov slov. Makhachkala: Tipografiya Alef, 2022. DOI: 10.33580/9785001289197 EDN: ZMZGEZ.

8. Yusupov Kh. A. Russko-darginskii slovar'. M.: Izdatel'stvo "Pero", 2025.
9. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Russkaya leksikografiya: Posobie dlya vuzov. M.: Drofa, 2004.
10. Myznikov S. A. Svodnyi dialektnyi slovar': nekotorye problemy semanticheskogo opisaniya // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2021. № 3. S. 60-64. DOI: 10.18101/2686-7095-2021-3-60-64 EDN: DWQPPK.
11. Tabanakova V. D. Vidy slovarnykh opredelenii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 1999. № 4. S. 86-92. EDN: TTTIOZ.
12. Belyakova S. M. Dialektnyi slovar' kak vid sverkh teksta // Voprosy leksikografii. 2019. № 15. S. 5-16. DOI: 10.17223/22274200/15/1 EDN: SHNFJF.
13. Stupin L. P. Leksikografiya angliiskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1985.
14. Yusupov Kh. A. Slovarnaya stat'ya: struktura i sposoby oformleniya // Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy. Makhachkala, 2012. № 1. S. 42-46.

The Evolution of the Genre Poetics of the Story in the Works of Zinaida Katkova

Pendel'skaya Elena Aleksandrovna 

Postgraduate student; Institute of National Culture and Intercultural Communication; Mari State University

44 Kremlevskaya str., Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia

✉ elen8080@list.ru

Abstract. This article traces the evolution of the genre poetics of short prose by Zinaida Fedorovna Katkova, a Mari bilingual writer of the second half of the 20th century. Based on six of her short stories written between 1958 and 1979 ("The Stranger," "The Return," "Little Samar," "Help Me Fall in Love with You," "The Unexpected Guest," and "For the Sake of Love"), the article establishes a genre typology characteristic of the writer and identifies the specific features of the development of the genre content and genre poetics of the short story. The author focuses on such levels and properties of poetics as psychologism, composition, chronotope, and artistic detail. The article also explores the features of genre synthesis and the ways of forming subtexts, identifying the main vectors of genre transformation in short stories, from socially conditioned psychologism to existential psychologism, and from simple compositions to complex narrative structures.

The methodological basis of this study is a synthesis of structural-semantic, historical-genetic, and comparative-typological analysis of literary texts that corresponds to the purpose of the work.

For the first time, the development of Zinaida Katkova's genre poetics in her short stories has been analyzed, and it has been proven that Zinaida Katkova's short prose is a unique example of the consistent and organic evolution of the genre system in the Russian-language works of a national author. Zinaida Katkova's stories from the 1950s and 1970s not only demonstrate the growth of individual mastery, but also reflect the general trends in the development of Russian prose in the second half of the 20th century: the dynamics of psychologism from social reflection to existential self-reflection, the transformation of the chronotope from a closed space to an open and psychologized one, the complexity of the poetic system, which can be clearly seen in the change in the nature of artistic details, the movement towards complex genre synthesis and genre hybridization, and the increasing role of subtext. Zinaida

Katkova's unique type of psychological story, which synthesizes the traditions of Russian classical literature and the peculiarities of the national worldview, is of significant interest for further study and deserves a worthy place in the history of Russian literature.

Keywords: psychologism, the dynamics of the genre, poetics, genre typology, genre, story, transcultural writer, Russian-language prose, Zinaida Katkova, Mari literature

References (transliterated)

1. Kudryavtseva R.A. Genezis i dinamika mariiskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ya: monografiya / Mar. gos. un-t. – Ioshkar-Ola, 2011. – 312 s.
2. Kalashnikova L.V. Tipologicheskie raznovidnosti mariiskogo rasskaza vtoroi poloviny KhKh veka (poetika kompozitsii): monografiya / Mar. gos. un-t. – Ioshkar-Ola, 2022. – 180 s. EDN: WMBCNH
3. Guseva N.V. Poetika mariiskogo rasskaza o Velikoi Otechestvennoi voine: monografiya / Mar. in-t obrazovaniya. – Ioshkar-Ola, 148 s.
4. Aksiologicheskaya paradigma mariiskoi literatury KhKh-KhKhI vekov: kollektivnaya monografiya / Mar. gos. un-t; sost. i nauch. red. R.A. Kudryavtseva. – Ioshkar-Ola, 2019. – 353 s.
5. Katkova Z.F. Adresat vybyl: povesti i rasskazy. – Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. – 271 s.
6. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze. – L.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. – 443 s.
7. Esin A.B. Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury. – M.: Prosveshchenie, 1988. – 176 s.
8. Kudryavtseva R.A. Khudozhestvennaya detal' kak priem psikhologizatsii povestvovaniya v mariiskom rasskaze kontsa XX veka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 5 (143). – S. 61-66. EDN: KOHIYV

Quantitative linguistics methods in the study of the original and translation of a literary text

Safina Zarema Miniaminovna 

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Linguodidactics and Translation Studies; Ufa University of Science and Technology

22 Kommunisticheskaya str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia

✉ safnazarem@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of two variants of the translation of literary texts by Anton Chekhov into English. The purpose of the work is to investigate the original and translations of a literary text using the methods of quantitative linguistics in combination with traditional translation analysis of a literary text, and the descriptive method. The relevance of the work is due to the increasing interest of researchers in the possibilities of applied methods of computational linguistics in the study of the quantitative component of texts. Frequency lists in the original and translated texts are compiled, parts-of-speech analysis of text corpora is performed, as well as calculation of lexical diversity, and of lexical density. A comparative analysis of translations of twenty verbs of sensory perception and mental activity is carried out. The research is based on the originals of Chekhov's short stories

and two versions of their translation into English, made by the British translator K. Garnett and the American translators R. Peaver and L. Volokhonskaya. The study was conducted on the basis of the NLTK libraries written in the Python programming language. The results obtained using statistical methods may differ depending on the size of the studied text corpora, as well as on the structural features of the Russian and English languages. It is concluded that the translations of R. Peaver and L. Volokhonskaya surpass the translations of K. Garnett in quantitative terms. An in-depth linguistic and translation analysis revealed that K. Garnett uses much more diverse translation techniques and strategies, which makes it possible to more accurately convey the shades of meaning of the original text into another language. The research results can be used to further develop corpus and statistical research of originals and translations of literary texts.

Keywords: lexical density, frequency lists, lexical diversity, A. Chekhov, text corpus, quantitative analysis, statistical method, translation, literary text, lemma

References (transliterated)

1. Köhler R. Gegenstand und Arbeitsweise der Quantitativen Linguistik // Quantitative Linguistik: ein internationales Handbuch = Quantitative linguistics: an international handbook. Ed. by R. Köhler, G. Altmann, & R. G. Piotrowski. Berlin, New York: de Gruyter, 2005. Pp. 1-16.
2. Morozkina E. A., Vorob'ev V. V., Safina Z. M. Statisticheskie metody issledovaniya v khudozhestvennom perevode // Doklady Bashkirskogo universiteta. 2023. T. 8, № 3. S. 130-137. DOI: 10.33184/dokbsu-2023.3.15 EDN: KHORTY.
3. Zakharov V. P., Bogdanova S. Yu. Korpusnaya lingvistika. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2020.
4. Safina Z. M., Kornilova A. D., Smakova A. L. Kolichestvennyi i statisticheskii analiz leksicheskikh edinit v khudozhestvennom perevode // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2022. T. 27, № 3. S. 741-746. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.42 EDN: FGZGYW.
5. Chekhov A. P. Rasskazy // URL: https://traumlibrary.ru/page/chehov_p.html (data obrashcheniya: 01.10.2025).
6. Chekhov A. The Essential Tales of Chekhov / translated by Garnett C. New York: Ecco, 2000.
7. Chekhov A. The Complete Short Novels / translated by Volokhonsky L. (Translator), Peavear R. (Translator, Introduction). New York: Everyman's Library, 2004.
8. Rana Y. Python: Simple though an Important Programming language // International Research Journal of Engineering and Technology (IRJET). 2019. Vol. 06, Iss. 2. Pp. 1856-1858.
9. Safina Z. M. Perevodcheskii analiz khudozhestvennogo teksta na yazyke Python // Global'nyi nauchnyi potentsial. 2024. № 11 (164), T. 1. S. 177-180. EDN: RTJTGQ.
10. Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition. New Jersey: Prentice Hall, 2009.
11. Gonçalves L. L., Gonçalves L. B. Fractal power law in literary English // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2006. Vol. 360, Iss. 2. Pp. 557-575. DOI: 10.1016/j.physa.2005.06.049 EDN: XTSYJP.
12. Castello E. Text Complexity and Reading Comprehension Tests. Bern: Peter Lang, 2008.

13. Buzadzh D. M., Lanchikov V. K. Bukvalizm i yazykovoe raznoobrazie. Ob ispol'zovanii odnogo metoda korpusnoi lingvistiki v perevodovedenii // Mosty. 2011. № 4 (32). S. 12-27.

Cognitive Intentions in Dialogue: How Expressive Syntax Conveys Opinion, Argument, and Supposition in G. Yakhina's Novel "Zuleikha Opens Her Eyes"

Shi Lin 

Postgraduate student; Faculty of Philology; St. Petersburg State University
190000, Russia, Leningrad region, St. Petersburg, Khalturina St., 15, sq. k.503

✉ lin439327393@gmail.com

Abstract. This study investigates the role of expressive syntactic constructions (ESCs) in conveying cognitive intentions (opinion, argument, supposition) in literary texts. Using Guzel Yakhina's novel «Zuleikha Opens Her Eyes» as primary material, the research analyzes the functional capabilities of specific syntactic devices including parcellation, repetition, rhetorical questions and exclamations, aposiopesis, ellipsis, inversion, and other constructions that shape the pragmatic dimension of character utterances. The analysis demonstrates that parcellation enhances emotional emphasis and renders character speech more dynamic and expressive; repetition underscores speaker persistence and conviction; while ellipsis creates effects of implication, uncertainty, or internal tension. Rhetorical questions and exclamations enable characters to express subjective attitudes toward events, whereas inversion structures utterances to foreground key informational elements. Collectively, these devices not only transmit characters' cognitive states but also model their interpersonal interactions, reveal social status and psychological traits, thereby constructing comprehensive representations of their inner worlds and emotional experiences. The methodological framework is grounded in a cognitive-pragmatic approach, which treats expressive syntactic constructions as means of expressing intentionality. The scientific novelty lies in systematically correlating syntactic tools with types of cognitive intentions, revealing consistent patterns between utterance structure and intentional content, while facilitating identification of distinctive character speech types. Findings indicate that expressive syntax serves to verbalize cognitive and emotional states, enhances textual expressiveness, models characters' inner worlds, and reveals their psychological portraits. The practical significance encompasses applications in literary analysis, psycholinguistic research, and teaching literary interpretation. Study limitations acknowledge the single-text basis of conclusions, which may reflect genre and stylistic specificities. Nevertheless, the proposed approach opens new perspectives for analyzing literary discourse through the dual lens of syntactic expressivity and cognitive intentions.

Keywords: intentionality, literary dialogue, cognitive syntax, supposition, verbal influence, expressive syntax, opinion, cognitive intentions, dialogic discourse, argument

References (transliterated)

1. Bul'nina, M. M. Problema sintaksicheskogo kontsepta // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki. 2012. № 4. S. 67-73. EDN: PUPPIV.
2. Burdaeva, T. V. Sintaksicheskii kontsept "konditsional'nost'" v nemetskom yazyke (na

- materiale slozhnopodchinennykh predlozhenii s uslovnymi pridatochnymi) // Samarskii nauchnyi vestnik. 2014. № 1 (6). S. 33-36. EDN: SHBMZB.
3. Volokhina, G. A., Popova, Z. D. Sintaksicheskie kontsepty russkogo prostogo predlozheniya. Voronezh, 1999. 192 s. EDN: YEYVPB.
 4. Dzyuba, E. V. Kognitivnaya lingvistika : uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ekaterinburg : Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2018. 280 s. EDN: XPQIQP.
 5. Luzgina, L. G. O kognitivno-diskursivnoi paradigme lingvisticheskogo znaniya // Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike. 2006. № 2006. S. 41-49.
 6. Moshcheva, S. V. Podkhody k issledovaniyu intentsional'nosti rechevogo povedeniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya". 2015. № 5. S. 37-42. EDN: SWNDBG.
 7. Petrova, E. A. Interpretatsiya sintaksisa v ramkakh kognitivnykh issledovaniy // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 2 (75). S. 158-160. EDN: ZHCDD.
 8. Petrova, E. A. K voprosu ob intentsional'nosti kommunikatsii s točki zreniya obshchei kognitivnosti // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2021. № 2 (25). S. 71-77. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-2-25-71-77. EDN: PZIPSE.
 9. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Kognitivnaya lingvistika : uchebnoe izdanie. Moskva : AST : Vostok-Zapad, 2007. 314 s.
 10. Filonenko, N. G. Sub'ektno-predikatnye otnosheniya vo frantsuzskom khudozhestvennom tekste: kognitivnyi aspekt // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2014. № 3. S. 52-56. EDN: SMELYP.
 11. Yakhina, G. Sh. Zuleikha otkryvaet glaza : roman. Moskva : AST : Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2015. 508 s.
 12. Searle, J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 278 p.
 13. Serl', Dzh. Ratsional'nost' v deistvii. Moskva : Progress-Traditsiya, 2004. 336 s.
 14. Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008. 562 p.
 15. Murphy, E., Venkatesh, R., Khokhlovich, E., Vyshedskiy, A. Merge-based syntax is mediated by distinct neurocognitive mechanisms: A clustering analysis of comprehension abilities in 84,000 individuals with language deficits across nine languages // Journal of Cognitive Science. 2025. 37 p.
 16. Grisot, C. Towards a comprehensive pragmatic model of subjectivity // Journal of Pragmatics. 2024. P. 1-19.
 17. Zhou, J. Register-based distribution of expressions of modality in contemporary American English // Nature Communications. 2024. 14 p.
 18. Laverio, D. Persuasive rhetoric in public speaking: A discourse analysis // English Journal. 2025. Vol. 7 (1). P. 598-611.
 19. Carrasco-Farré, A. LLM Persuasion Draft [Elektronnyi resurs]. 2024. URL: https://www.benmtappin.com/papers/LLM_vs_humans.pdf (data obrashcheniya: 17.10.2025).
 20. Quensel, C., Falk, N., Lapesa, G. Investigating Subjective Factors of Argument Strength: Storytelling, Emotions, and Hedging // Proceedings of the 1st Workshop on Argument Mining. 2025. 14 p.
 21. Zhu, Y. "The Limitation of This Study Is...": A Diachronic Corpus Analysis of Hedges

and Boosters in Communication Research Articles // Open Journal of Social Sciences.
2024. Vol. 12. P. 411-421. DOI: 10.4236/jss.2024.122023. EDN: EMKYZM.

Elements of Magical Realism in Mahmoud al-Rahbi's Novel "The Way of the Bewitched"

Vlasova Yulia Evgenievna 

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10/2 Miklukho-Maklaya str., office 502, Moscow, 117198, Russia

✉ vlasova-yue@rudn.ru

Vavichkina Tatiana Anatolevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10/2 Miklukho-Maklaya str., office 502, Moscow, 117198, Russia

✉ vavichkina-ta@rudn.ru



Abstract. This research examines the artistic method of Omani writer Mahmoud al-Rahbi, using the novel "The Way of Bewitched" as a case study. The article reveals characteristics of magical realism as a means of expressing the Omani writer's ideas. Elements of this movement are described: folkloric inclusions, retrocausality, demonic creatures, and other details. His writing style is analyzed, and his creative method is defined. Magical realism helps to view the world around us from unexpected angles, enriching reality with folkloric details. This broad perspective allows the writer to philosophically generalize about the processes unfolding in life. The use of internal monologues and dreams allows for a deeper understanding of the characters' personalities. The novel weaves together several plot lines, united by the image of a girl who falls into a lethargic sleep and is suddenly resurrected. The study was conducted using historical-literary, comparative, and hermeneutic methods, employing general scientific methods of observation and description, analysis and synthesis, and others. It is concluded that magical realism, through the intersection of various timelines and new methods of generalization, allows Mahmud al-Rahbi not only to engage the reader with an oriental flavor but also to truthfully and vividly depict life in the Sultanate of Oman. Fairytale, mystical, and fantastical elements transform the everyday life of an Omani village, infusing it with surreal undertones. Al-Rahbi's magical realism avoids dogma and ideologicalization of social life, but rather a legend played out by real characters. The scent of incense, sorcerers, a resurrected bride, and other fairytale details are embedded in traditional everyday life, synthesized with polyphony, and adapted to contemporary ideological and artistic demands. The relevance and scientific novelty of this study are due to the fact that the work of this writer is little known outside the Arab world.

Keywords: Arabic folklore, Eastern mythology, polystadial features, magical realism, The Way of the Bewitched, Mahmud al-Rahbi, modern novel, Arabic literature, Sultanate of Oman, Islamic demonology

References (transliterated)

1. Vlasova Yu. E. Kurs lektsii po lingvostranovedeniyu (arabskie strany). Izdanie 2-e,

- ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Izd-vo RUDN, 2010. 293 s.
2. Gachev G. D. Neminuemoe. Uskorennoe razvitie literatury. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 431 s.
 3. Suvorov M. N. Realizm i modernizm v khudozhestvennoi proze stran Aravii // Vestnik SPbGU. 2012. Ser. 13. № 4. S. 61-68.
 4. Zarytovskaya V. N., Al'-Rakhbi A. M. Ibadizm v zerkale slovesnoi kul'tury: osobennosti poetiki Abu Muslima Al'-Bakhlyani i ego spodvizhnikov // VOSTOK (ORIENS). 2021. № 4. S. 128-137. DOI: 10.31857/S086919080011813-1 EDN: KKVBN.
 5. Al'-Rakhbi A. M., Zarytovskaya V. N. Short-list arabskogo bukera-2020: mezhdueksperimentom i klassicheskim istoricheskim romanom // Aziya i Afrika segodnya. 2020. Vypusk № 6. S. 74-77. DOI: 10.31857/S032150750009882-2 EDN: PCXFSS.
 6. Suvorov M. N. "Bol'shaya" proza OAE v 1990-e gody: cherty polistadial'nosti // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2013. № 3. S. 57-64. EDN: RCHXZF.
 7. Zarytovskaya V. N., Al'-Rakhbi A. M. Zhenskie obrazy na istoricheskom fone: pobeda omanskoi pisatel'nitsy Dzhokhi al'-Kharti v The Man Booker International Prize-2019 // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2020. T. 25. № 4. S. 692-704. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-692-704 EDN: LCXJWY.
 8. Zarytovskaya V. N., Al'-Rakhbi A. M. Evolyutsiya arabskoi istoricheskoi literatury i ee sovremennye tendentsii: kanony i invarianty // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2023. T. 28. S. 256-270. DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-256-270 EDN: PNMZSE.
 9. Senchenko I. P. Sultanat Oman. Legendy, skazaniya i fakty istorii. SPb.: Aleteya, 2012. 430 s.
 10. Al-Rahbi M. Darb al-mahshūra [The Way of the Bewitched]. Muscat, 2010. P. 44.
 11. Voloshchenko G. E. Kolorit omanskogo Srednevekov'ya v romane Makhmuda ar-Rakhbi "Put' okoldovannoi" // Gumanitarnyi aktsent. 2020. № 2. S. 48-55. EDN: WCYHFZ.
 12. Gugnin A. A. Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva KhKh veka: fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 1998. 117 s. EDN: YHOVOX.
 13. Piotrovskii M. B. Shaitan // Mifologicheskii slovar'. Moskva: "Sovetskaya entsiklopediya", 1991. 736 s.
 14. Vorob'eva N. N. Arabskie mify. Moskva: "Eksmo", 2025. 240 s.
 15. Ar-Rakhbi, Makhmud. Put' okoldovannoi. Utrachennye stranitsy iz zhizni odnoi omanskoi devushki. Roman // Inostrannaya literatura. 2024. № 9. S. 228-273.

"The Queen of Spades" by A.S. Pushkin as a polygenre text: chronotope, narration and worldview of the author

Prodanik Nadezhda 

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Literature and Cultural Studies; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Omsk State Pedagogical University

644099, Russia, Omsk region, Omsk, Central district, Partizanskaya str., 4A

✉ omsk.nadezhda@mail.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the chronotopic coordinates of the inner world of the story "The Queen of Spades" (1833) by A.S. Pushkin: the St. Petersburg "long winter night", the "locked door" and the numerical symbolism of time. All of them have previously been mentioned by domestic and foreign researchers of the text, but have not been analyzed in detail. In the present article, the specified chronotopic elements are considered systematically for the first time and studied in the context of Pushkin's work of the 1830s. In addition, the article focuses on the narrative organization of the text: the analysis revealed the specifics of the author's use of the lexemes "to seem" and "to appear" in the narrative fabric of the work. With the help of these lexemes, the author recreated the boundary spatio-temporal coordinates of the artistic world of "The Queen of Spades". The purpose of the study is to determine the chronotopic elements related to different genre models: a novella/non-fantastic story or a fairy tale/fantastic story; to understand the principles of interaction of genre elements and to comprehend the author's sense of life, which determined such a complex nature of the text. In this regard, a set of methods was used as an analytical tool: elements of genre and narrative analysis are in demand. As a result of the conducted research, it is concluded that the polygenre nature of "The Queen of Spades" is formed by the synthesis of genre elements and their controversy: in the inner world of a work of art, the fairy-tale chronotope "explodes" the everyday flow of life, and the everyday narrative narration slows down the energy of the fantastic and the fairy-tale. The polygenre nature of the text initiates an understanding of the chronotopic details of the work from several semantic angles simultaneously. At the same time, the narrator's point of view is a vital counterpoint, often expressed by the lexemes "it seemed" and "it appeared"; this narrative counterpoint is devoid of dogmatic omniscience, since the author is open to the entire diversity of Life. The results of the conducted research can be used for the lecture courses devoted to the study of the works of A.S. Pushkin and Russian prose of the 19th century.

Keywords: generic controversy, generic synthesis, polygeneric nature of the text, genre, The Queen of Spades, chronotope, Pushkin's works, A. S. Pushkin, narrative structure of the text, harmony

References (transliterated)

1. Belinskii V. G. Sochineniya Aleksandra Pushkina // Belinskii V. G. Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 7: Stat'i i retsenzii 1843. Stat'i o Pushkine: 1843–1846 / V. G. Belinskii. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – C. 99-583.
2. Gukovskii G. A. Pushkin i problemy realisticheskogo stilya. – M.: OGIZ Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1948. – 436 s.
3. Murav'eva O. S. Fantastika v povesti Pushkina "Pikovaya dama" // Pushkin: issledovaniya i materialy. T. 8. – L.: Nauka, 1978. – S. 62-69.
4. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10-ti tt. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinskii Dom); T. 6. Khudozhestvennaya proza / Primechaniya prof. B. V. Tomashevskogo. – L.: "Nauka" Leningradskoe otd., 1978. – 577 s.
5. Lotman Yu. M. Roman A. S. Pushkina "Evgenii Onegin". Kommentarii: Posobie dlya uchitelya. – L.: Prosveshchenie, 1983. – 416 s.
6. Bocharov S. Sluchai ili skazka? // Literatura. Ezhenedel'noe prilozhenie k gazete "Pervoe sentyabrya". – 2000. – № 3. – S. 7-8.
7. Shmid V. "Pikovaya dama" kak metatekstual'naya novella // Shmid V. Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii: "Povesti Belkina" i "Pikovaya dama" / per. s nem. A. I. Zhrebina (I i II chasti); 2-e izd., isprav. i dop. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013.

– S. 287-325.

8. Filonov E. A. "Pikovaya dama" Pushkina: k voprosu o genezise zhanra peterburgskoi povesti // Kul'tura i tekst. – 2023. – № 2 (53). – S. 31-47. DOI 10.37386/2305-4077-2023-2-31-47 EDN: PCPGNX
9. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoi literatury. – M.: Nauka, 1979. – 359 s.
10. Petrunina N. N. Pushkin i traditsii volshebnogo povestvovaniya (k poetike "Pikovoi damy") // Russkaya literatura. – 1980. – № 3. – S. 30-50.
11. Nathan Rosen. The Magic Cards in The Queen of Spades // The Slavic and East European Journal. Vol. 19. No. 3 (Autumn, 1975). Pp. 255-275.
12. Slovar' yazyka Pushkina: V 4 t. T. 2. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1957. – 1014 s.
13. Prodanik N. V. Obraz Peterburga v "Pikovoi dame" A. S. Pushkina: poetika khronotopicheskikh protivorechii // Pushkinskie chteniya – 2003. Peterburgskii tekst povsednevnoi kul'tury: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Sankt – Peterburg, 6 iyunya 2003 g.) – SPb: Len. gos. obl. un-t im. A.S. Pushkina, 2003. – S. 43-49.
14. Vinogradov V. V. Stil' "Pikovoi damy" // Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii / AN SSSR. In-t literatury. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. – [Vyp.] 2. – S. 74-147.
15. Asoyan A. A. Katarsis, "luk i lira" i gibel' Pushkina // Vestnik Omskogo universiteta. – 1997. – № 2 (4). – S. 66-67.
16. Pushkin A. S. P. A. Pletnevu // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10-ti tt. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinskii Dom); T. 10. Pis'ma / tekst proveren i primechaniya sostavleny prof. L. B. Modzalevskim i I. M. Semenko pod red. prof. B. V. Tomashevskogo. – L.: "Nauka" Leningradskoe otd. 1979. – 713 s.
17. Chumakov Yu. N. "Evgenii Onegin" i russkii stikhotvornyi roman. – Novosibirsk: NGPI, 1983. – 86 s.

Crying as a Dance in the "After Russia" book : On the Addressee of Marina Tsvetaeva's Poem "A Gypsy's Lament for Count Zubov"

Kornienko Svetlana Yur'evna

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature; Novosibirsk State Pedagogical University

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, room 1

✉ sve-kornienko@yandex.ru



Abstract. This article examines the question of the addressee of M. I. Tsvetaeva's poem "A Gypsy Woman's Lament for Count Zubov", included in her poetry collection *After Russia*. New archival material is brought into consideration, and the poetics of the work are analyzed. The avant-garde nature of Tsvetaeva's text is revealed in the collage-like fragmentation of poetic imagery, linguistic play, and its proximity, at the level of poetics, to her experiments with Futurism and Constructivism. Biographical research aimed at identifying the prototype of Count Zubov has shown that this figure is a composite one, combining features of several historical personalities: from a diverse gallery of Zubovs, most of whom were associated with military service, to Count F. Tolstoy the American, who was once saved by a Gypsy woman. All these characters share the adventurous and aristocratic traits that attracted Tsvetaeva.

Tsvetaeva's creative laboratory, as represented by her draft notebook, reveals the connection between the imagery of the poem and a nearby draft letter to B. L. Pasternak, which have been noted by leading critics (V. Bulich, D. Svyatopolk-Mirsky, Vl. Khodasevich, G. Adamovich). To solve the tasks, a combination of textual and historical-literary analysis methods is used. A week before composing the poem, Tsvetaeva sent Pasternak a personal letter in which she articulated a complex of her authorial phobias and reflected on her creative influences, focusing on a number of poems in the book *Themes and Variations* that he had given her. This book included Pasternak's "Pushkin-esque" poems ("Cloud. Stars. And from the Side...", "So They Begin. When I Was About Two..."), which contained references to the poem "Gypsies". The image of a lamppost serves as a marker linking Count Zubov to Pasternak; it is no coincidence that this detail appears in both the poem and Tsvetaeva's letter. "The Gypsy Woman's Lament for Count Zubov" can be thus classified as an example of addressed lyric poetry. Using a short dissolve, Tsvetaeva creates a dual image of the recipient of the Gypsy woman's frenzied dance (lament): explicitly, the notional Count Zubov, and implicitly, Boris Pasternak, who announced his departure for Soviet Russia.

Keywords: After Russia, textual criticism of the twentieth century, modernism, poetics of the avant-garde, Gypsy myth, addressed lyric poetry, Boris Pasternak, Marina Tsvetayeva, Themes and variations, Personal myth

References (transliterated)

1. Stepanov A. G. Tsyganskoe kak russkoe v knige "Versty" // *Dobro i zlo v mire Mariny Tsvetaevoi: sbornik dokladov*. M.: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2007. S. 304-321.
2. Maroshi V. V. Tsyganskii "vakkhicheskii" mif v russkoi literature XIXv. i neodinionisiiskii mif Vyach. Ivanova // *Kul'tura i tekst*. 2019. № 2(37). S. 54-78. Edn: VOHFRС.
3. Marina Tsvetaeva v kritike sovremennikov: V 2 ch. M.: Agraf, 2003. Ch. 1. 656 s.
4. Portnova T. V., Voitekhovich R. S. Literaturnye istochniki obraza Ispanii v tvorchestve Mariny Tsvetaevoi // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2022. № 19(2). S. 272-290. Edn: XBPHT. DOI: 10.21638/spbu09.2022.204
5. Tsvetaeva M. I. *Cheshskaya tetrad' (1922–1923)*. Novosibirsk: Otkrytaya kafedra, 2024. 600 s.
6. Tsvetaeva M. *Neizdannoe. Svodnye tetradi*. M.: Ellis Lak, 1997. 640 s.
7. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dal'a: V 4 t.* SPb.; M.: t-vo M. O. Vol'f, 1903–1909. T. 4. 1617 s.
8. Tsvetaeva M. I. *Sobranie sochinenii: V 7 t.* M.: Ellis Lak, 1994. T. 4. 688 s.
9. Tsvetaeva M. I. *Stikhotvoreniya i poemy*. L.: Sov. pisatel', 1990. 800 s.
10. Revzina O. Vyrizitel'nye sredstva poeticheskogo yazyka M. Tsvetaevoi i ikh predstavlenie v individual'no-avtorskom slovare // *Yazyk russkoi poezii KhKh veka*. M.: Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1989. S. 195-222.
11. Derzhavin G. R. *Almazna sypetsya gora*. M.: Sov. Rossiya, 1972. 240 s.
12. Tolstoi S. L. *Fedor Tolstoi Amerikanets* // *Teksty i materialy*. M.: GAKhN, 1926. Vyp. 5. S. 7-108.
13. Tsvetaeva M. I. *Stikhotvoreniya i poemy: V 5 t.* New York: Russica Publishers Inc., 1981–1990. T. 3. 545 s.
14. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t.* M.: Nauka, 1965. T. 8. 596 s.
15. Gribovskii A. M. *Platon Zubov* // *Russkaya starina*. 1876. Dekabr'. S. 691-726.
16. Korkina E. B. *Letopis' zhizni i tvorchestva M. I. Tsvetaevoi*. Ch. 1. 1892–1922. M.:

- Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2012. 192 s.
17. Novikov N. I. Opyt istoricheskogo slovaryia o rossiiskikh pisatelyakh // Novikov N. I. Izbrannye sochineniya. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1951. S. 277-370.
 18. Sochineniya Mikhaila Dmitrievicha Chulkova. SPb.: tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1913. T. 1. Sbranie raznykh pesen. 779 s.
 19. Sel'vanyuk R. M. K voprosu o rukopisnykh istochnikakh pesennikov G. I. Chulkova // Uchenye zapiski KGPI. Kostroma, 1960. Vyp. 7. S. 316-347.
 20. Mordovtsev D. L. Russkie istoricheskie zhenshchiny. Populyarnye rasskazy iz russkoi istorii: V 2 t. M.: Knigovek, 2018. T. 1. 560 s.
 21. Tsvetaeva M. I., Pasternak B. L. Dushi nachinayut videt'. Pis'ma 1922–1936 godov. M.: Vagrius, 2004. 720 s.
 22. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. prof. D. N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1935–1940. T. 3. 1424 s.

The story of Vasily Yakovlev "The Larch That Aged with Me": the structure of the monomyth

Fedorova Inara Stepanovna

Graduate student; Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation;
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
Teacher; GBNOU RS (Ya) RLI

677014, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Mozhaisky St. 13/7

✉ teoina9@mail.ru



Popova Matrena Petrovna 

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation; North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

677013, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Sergelyakhskaya St., 2/4

✉ pmatrena75@mail.ru

Abstract. The subject of the article is the narrative organization of the story by the famous Yakut writer Vasily Vasilievich Yakovlev "Kytta kyrd'ybyt t өһкэ tiit" ("The Larch That Has Aged with Me"), which has a mythological basis. The myth serves as a starting point for creating original works that reflect not only universal human experience but also the unique vision of the world by a specific author. In studies addressing the interaction of mythology and literature among the peoples of the North, Siberia, and the Far East, conducted by literary scholars such as V.T. Petrov, N.N. Toburokov, V.B. Okorokova, A.N. Myreeva, P.V. Sivtseva-Maximova, N.V. Pokatilova, V.G. Semyonova, L.N. Romanova, and others, the source of the emergence and formation of literary tradition is identified as their oral folk creativity and mythology. A comparative analysis of the mythological allusions presented in the story is conducted in the context of the universal model of the monomyth established by American researcher Joseph Campbell. He proposed a psychoanalytic theory of monomyth— a single plot structure common to many mythological narratives, resulting from his work in comparative mythology. The novelty of this article lies in the fact that it first explores the universal aspects of the monomyth in Yakovlev's story "Kytta kyrd'ybyt t өһкэ tiit" ("The Larch That Has Aged with Me"). In conclusion, we have come to the conclusion that the distinctive narrative and thematic foundation of the work serves as evidence of the author's myth-making

character, reflecting the realities of the time and the culture of the people. The conducted research allows for the notion that the path of the old man Mkipper, the archetypal hero of the story "The Larch That Has Aged with Me" by Vasily Yakovlev, is a metaphor for the path of ancestors who inhabited the harsh land of eternal permafrost. This path, accompanied by overcoming difficulties, is reflected in the image of the majestic larch—a symbol of resilience and life force, which has sent deep roots into the eternal permafrost. The larch, aged alongside Mkipper, becomes not only a witness to his personal story but also an embodiment of the collective memory of the people, preserving memories of the struggle for survival and adaptation to harsh conditions.

Keywords: initiation, hero's journey, mythologeme, mythological plot, monomyth structure, monomyth, archetype, mythology, rites of passage, neomyth

References (transliterated)

1. Baturin, D. A., Erenchinova, E. B. Poetika mifologizma: narrativno-motivnaya struktura skazki P. P. Ershova "Konek-gorbunok" // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 1 (471). S. 100-108. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-10113. EDN: GCBIRO.
2. Belyaev, D. A., Belyaeva, U. P., Merinov, K. A., Kazarin, A. V. Teoriya monomifa i universal'nye mifologicheskie kontsepty v povestvovatel'noi strukture videoigr // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2020. T. 9, № 2A. S. 114-120. DOI: 10.34670/AR.2020.11.11.012. EDN: XEHEQO.
3. Vogler, K. Puteshestvie pisatelya. Mifologicheskie struktury v literature i kino. Moskva : Al'pina non-fikshn, 2015. 608 s.
4. Emel'yanov, N. V. Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni. Novosibirsk : Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN, 2000. 192 s. EDN: YQVCNN.
5. Karaeva, L. B., Karaeva, Z. B. Struktura monomifa v karachaevo-balkarskom fol'klore. Pesnya-legenda "Biineger" // MNKO. 2021. № 3 (88).
6. Kempbell, Dzh. Tysyachelikii geroi. Moskva : Refl-buk, AST, Vakler, 1997. 384 s.
7. Malzurova, S. D.-N. Mifo-fol'klornye istoki prozy narodov Sibiri i Severa 60-80-kh gg. XX veka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. Ulan-Ude, 2015. 26 s. EDN: ZPTLZJ.
8. Myreeva, A. N. Fol'klornye traditsii i razvitie filosofskoi prozy v yakutskoi literature // Vestnik SVFU. 2010. T. 7, № 4. S. 115-120.
9. Nepomnyashchikh, N. A. O chem govoryat syuzhety i motivy literatur narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka KhKh veka // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2022. № 4. S. 77-90. DOI: 10.17223/18137083/81/6. EDN: OILVVO.
10. Okorokova, V. B. Yukagirskii roman : monografiya. Yakutsk : Sitim, 1994. 135 s.
11. Perel'shtein, R. M. Algoritm monomifa v dramaturgii kinoproizvedeniya // Vestnik VGIK. 2022. № 2 (52).
12. Popova, G. S. Drevo mira Aal Luuk mas v sovremennoi kul'ture yakutov Sakha // Tsennosti i smysly. 2019. № 4 (62). S. 103-120. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10082. EDN: JWXDJY.
13. Predaniya, legendy i mify sakha (yakutov) / sost. N. A. Alekseev, N. V. Emel'yanov, V. T. Petrov. Novosibirsk : Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN, 1995. 400 s.
14. Sedykh, O. M. Dzhozef Kempbell i zigzagi neomifologizma: ot fenomena "Zvezdnykh voyn" k algoritmam storitellinga // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2019. № 6. S. 77-93. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp-id=41578562>.

EDN: SXANJU.

15. Tokareva, G. "Zhestokaya starost' i proklyataya yunost' v monomife Uil'yama Bleika" // Voprosy literatury. 2005. № 3. S. 245-262.
16. Fedorova, I. S., Popova, M. P. Mifo-fol'klornye traditsii v tvorchestve Vasiliya Yakovleva: tematika, obrazy, syuzhet // Vestnik filologicheskikh nauk. 2024. T. 4, № 12. S. 142-148. EDN: GNFB IW.
17. Khazankovich, Yu. G. Problemy izucheniya literatur malochislennykh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2010. № 1 (1).
18. Khazankovich, Yu. G. Fol'klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa : monografiya / Yu. G. Khazankovich ; otv. red. Ch. G. Guseinov. Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2009. 129 s.
19. Yakovlev, V. V. So mnoyu sostarivshayasya listvennitsa: rasskaz / V. V. Yakovlev ; per. A. Ambros'eva-Sien Mundu. Yakutsk, 2019. 83 s.

The motif of love in G.K.Chesterton's novels

Porinets Yuriy Yur'evich 

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Foreign Literature; A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

✉ porinets2015@yandex.ru

Vysotskaya Diana Dmitrievna 

Teacher, Private educational Institution "St. Petersburg's "ALMA-MATER" School"

50a Shpalemay Street, Central District, Saint Petersburg, 191015, Russian Federation

✉ dianavysotskaya1309@yandex.ru

Abstract. This article examines the motif of love in the novels of G. K. Chesterton, which constitutes a central theme in his oeuvre. The study explores the connections between the love motif and other key motifs in his work, such as the journey, carnival, wonder, and the apocalyptic. The primary focus is on the portrayal of love between a man and a woman in the writer's novels. The research is based on an analysis of Chesterton's novels from different periods, including his early novel Basil Howe. Particular attention is given to the motif of love in the novel "The Return of Don Quixote". The analysis also draws upon the writer's treatises and essays. The article examines the depictions of lovers who are united in Chesterton's novels on the principle of opposition and complementarity. For the English writer, the pinnacle of love is marriage, which represents a synthesis of the earthly and the heavenly. The methodological framework of this study is the comparative method. The results of the comparative analysis of literary texts indicate that the motif of love remains unchanged, preserving a unified semantic paradigm throughout Chesterton's creative career. This study represents the first dedicated examination of the love motif in Chesterton's novels in both Russian and international literary scholarship. Special emphasis is placed on identifying the connections between the concept of love in the English writer's works and its portrayal in early German Romanticism. It is revealed that, drawing on the Romantic tradition, Chesterton depicts love in an idealized light as a synthesis of distinct personalities. In this union, the individuals not only preserve their individuality and freedom but also discover their true essence.

Keywords: apocalyptic motifs, personality, character, idealization, the Other, motif, love, Romanticism, novel, marriage

References (transliterated)

1. Afonina Yu. N. Traditsiya G. K. Chestertona i kontseptsiya radosti K. S. L'yuisa // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 1. S. 167-171. EDN: NYAANT.
2. Borovinskaya T. V. "Filosofiya radosti" Gilberta Kita Chestertona // XII Purishevskie chteniya: Vsemirnaya literatura v kontekste kul'tury: Sb. statei i mat. M.: MGPU, 2000. S. 99.
3. Vasil'eva E. V. Simvolika sada v romane G. K. Chestertona "Chelovek, kotoryi byl Chetvergom" // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2016. Vyp. 1(33). S. 100-105. EDN: VRVBNL.
4. Vasil'eva E. V. Khudozhestvennyi mir romanov G. K. Chestertona: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.05 / Vasil'eva Ekaterina Vladimirovna; Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. Voronezh, 2000. 237 s. EDN: QDILOR.
5. Dante Alig'eri. Bozhestvennaya komediya. M.: Nauka, 1967. 628 s.
6. Zhirmunskii V. M. Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika. SPb.: AXIOMA, 1996. 232 s.
7. Medvedeva T. S. Kontsepty DOM i HAUS/HEIM v russkoi i nemetskoi lingvokul'turakh // Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve. Izhevsk: Izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet", 2014. S. 200-205.
8. Novalis. Genrikh fon Ofterdingen. M.: Lodomir, Nauka, 2003. 290 s.
9. Plakhtienko O. P. Khristianstvo kak religiya radosti i svobody v proizvedeniyakh G. K. Chestertona // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2008. № 4. S. 92-95. EDN: JVATJB.
10. Sadunova N. V. Filosofiya lyubvi nemetskogo romantizma. Avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk. Tver', 2009. 20 s. EDN: NQJMGX.
11. Sartr Zh.-P. Za zakrytymi dveryami // Sartr Zh.-P. Pochtitel'naya potaskushka: sbornik. M.: Izdatel'stvo AST, 2019. S. 49-104.
12. Trauberg N. L. Chesterton v Anglii // Chesterton G. K. Neozhidannyi Chesterton. M.: Istina i Zhizn', 2002. S. 7-42.
13. Fedorov F. P. Khudozhestvennyi mir nemetskogo romantizma: Struktura i semantika. M.: MIK, 2004. 368 s. EDN: QRIJAJ.
14. Chesterton G. K. V zashchitu oprometchivosti // Chesterton G. K. Pisatel' v gazete. Khudozhestvennaya publitsistika. M.: Progress, 1984. S. 31-35.
15. Chesterton G. K. Zhiv-chelovek // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. Tom 1. SPb.: Amfora, 2000. S. 327-519.
16. Chesterton G. K. Chelovek, kotoryi byl Chetvergom // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. Tom 1. SPb.: Amfora, 2000. S. 175-326.
17. Chesterton G. K. Shar i krest // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 2. SPb.: Amfora, 2000. S. 5-144.
18. Chesterton G. K. Pereletnyi kabak // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 2. SPb.: Amfora, 2000. S. 145-348.
19. Chesterton G. K. Vozvrashchenie Don Kikhota // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 2. SPb.: Amfora, 2000. S. 349-504.

20. Chesterton G. K. Charl'z Dikens. M.: Raduga, 2002. 352 s.
21. Chesterton G. K. Bezil Khou // Chesterton G. K. Bezil Khou. Nashi perspektivy. M.: AST, CORPUS, 2015. S. 31-232.
22. Chesterton G. K. Svyatoi Foma Akvinskii // Chesterton G. K. Foma. Frantsisk. Ortodoksiya. M.: AST, 2021. S. 5-140.
23. Chesterton G. K. Ortodoksiya // Chesterton G. K. Foma. Frantsisk. Ortodoksiya. M.: AST, 2021. S. 263-446.
24. Shlegel' F. K. V. Ob esteticheskoi tsennosti grecheskoi poezii // Shlegel' F. K. V. Estetika. Filosofiya. Kritika. V dvukh tomakh. T. I. M.: Iskusstvo, 1983. S. 51-61.
25. Shlegel' F. K. V. Filosofiya zhizni // Shlegel' F. K. V. Sochineniya. Tom 1. SPb.: Izdatel'skii proekt "Quadrivium", 2015. S. 6-353.
26. Shlegel' F. K. V. Lyutsinda // Shlegel' F. K. V. Sochineniya. T. 2. SPb.: Izdatel'skii proekt "Quadrivium", 2015. S. 215-199.
27. Shlegel' F. K. V. Filosofskie chteniya, v osobennosti po filosofii yazyka i slova. Sochineniya T. 2. SPb.: Izdatel'skii proekt "Quadrivium", 2015. S. 7-214.
28. Chesterton G. K. The flying inn. NY: John Lane Company, 1914. 320 p.
29. Chesterton G. K. Manalive // The selected works of G. K. Chesterton. L: Wordsworth Editions Limited, 2008. P. 223-347.
30. Novalis. Henry of Ofterdingen: A Romance. Cambridge: John Owen, 1842. 249 p.
31. Novalis. Heinrich von Ofterdingen / Herausgegeben von Jochen Hörisch. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1983. 243 S.
32. Oddie W. Chesterton and The Romance of Orthodoxy: Oxford; NY: Oxford University Press, 2009. 410 p.
33. Pickering D. G. K. Chesterton, Natural Theology, and Apologetics. Oxford: Worcester College, 2020. 333 p.

Research on Foreign Communication by China Media Group: Narrative Practices and Global Expansion

Guo zhiren 

Postgraduate Student; Department of Theory and History of Journalism; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ 742838281@qq.com

Abstract. The goals and subject of the research in this article are to study how China Media Group (CMG) achieves discourse expansion in the global media sphere. This research attempts to propose an explanatory analytical model, namely the "Three-Level Model of the Communication Mechanism of State Media Abroad + Triple Path of Discourse Expansion," which includes a "feedback loop" to form a theoretical closed chain. The article not only analyzes the methods of constructing CMG's discourse through institutional, operational, and platform mechanisms but also examines how the discourse reaches expansion through geographical, cognitive, and structural paths. Furthermore, it evaluates the limitations and tensions arising from feedback deficiencies and offers recommendations for future development. To conduct an in-depth analysis of the external communication mechanisms of China Media Group, this work employs a combined methodology, including literature review, discourse analysis, comparison of multilingual content, and case studies. The study is conducted in three interrelated dimensions: institutional frameworks, operational practices, and platform strategies. The

innovativeness of this research lies in the construction of the "Three-Level Model of the International Communication Mechanism of China's State Media," unifying institutional factors, content production, and platform expansion into a single analytical structure. This allows for addressing the shortcomings of fragmented and one-dimensional analysis typical of existing studies. The results of the research show that China Media Group (CMG) effectively enhances the international recognition of the country's image through a unified system of narratives, multilingual information dissemination, and visual symbolism. However, it faces structural problems, including trust barriers, contextual differences, and insufficient feedback. In the future, China's external communication must shift from one-way information dissemination to discussed communication. This requires the involvement of multiple stakeholders, localized expression, and institutionalized interaction to facilitate genuine transformation of the cognitive representations of the global audience.

Keywords: media platforms, intergovernmental relations, multilingual communication, feedback, competition of discourses, international communication, digital platforms, soft power, Discursive power, intercultural communication

References (transliterated)

1. Surma I. V. Informatsionnaya ekspansiya Zapada v stranakh Tsentral'noi Azii // Voprosy politologii. 2021. T. 11, № 1. S. 84-95. DOI: 10.35775/PSI.2021.65.1.008. EDN: JFZSJJ.
2. Ryabova E. L. Politicheskaya vlast' v usloviyakh narastaniya setevykh kommunikatsii: novye vyzovy i novye vozmozhnosti // Kul'tura mira. 2023. T. 11, № 30. S. 89. EDN: SAENJC.
3. Nazarov M. M. Proizvodstvo soglasiya: ob'yasnitel'naya model' funktsionirovaniya media // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2022. T. 28, № 4. S. 8-21. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.1. EDN: YFBBLI.
4. Nisnevich Yu. A. Informatsionno-kommunikatsionnaya stabilizatsiya politicheskoi sistemy // Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2006. № 6. S. 68-80. EDN: IIYNKV.
5. Tkacheva N. V. Natsional'nye media kak instrumenty prodvizheniya myagkoi sily Kitaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2019. № 6. S. 94-128. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.94128. EDN: DAXGKU.
6. Leont'eva L. S. Gosudarstvennoe upravlenie informatsionnymi protsessami. Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2008. 124 s.
7. Grachikov E. N. Osobennosti vneshnei politiki Kitaya: etapy smeny strategii // Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel'-Observer. 2015. № 3 (302). S. 34-46. EDN: TLOLXB.
8. Krivokhizh S. V., Soboleva E. D. Bol'shaya narrativnaya igra: mnogourovnevaya sistema translyatsii strategicheskikh narrativov KNR // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2025. T. 20, № 1. S. 4.
9. Colley T., Moore M. News as geopolitics: China, CGTN and the 2020 US presidential election // The Journal of International Communication. 2023. Vol. 29, No. 1. P. 82-103. DOI: 10.1080/13216597.2022.2120522. EDN: UTVJYI.
10. Kryshchanovskaya O. V. Elita v setyakh: novye formy obratnoi svyazi v tsifrovuyu epokhu // Tsifrovaya sotsiologiya. 2019. № 2. S. 4-11. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-2-4-11. EDN: JVOGDL.

Heroes and Villains: Binary Oppositions in the Novel "Sisters from the North" by Contemporary Chinese Writer Sheng Keyi

Ayusheeva Natal'ya Garmaevna 

Senior Lecturer; Oriental Institute; Buryat State University named after Dorji Banzarova

670000, Russia, Rep. Buryatia, Ulan-Ude, Sovetsky district, Rangurova str., 4

✉ ayoush@mail.ru

Manelova Afina

student; Oriental Institute; Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

670000, Russia, Rep. Buryatia, Ulan-Ude, Sovetsky district, Sukhbaatar St., 3A

✉ m4.fin@yandex.ru



Abstract. The research demonstrates a clear system of binary oppositions in the novel, which undergoes both sequential and chaotic changes against the backdrop of rapidly changing China. It has been identified that the physicality of the heroines becomes a commodity in the context of market relations; state institutions are transformed into instruments of biopower; characters develop tactics for pragmatic survival. The subject of the study is the system of binary oppositions as a key narrative and semiotic tool in the novel by contemporary Chinese writer Sheng Keyi, "Sisters from the North." By employing a comprehensive analysis of the system of binary oppositions in the novel, the study aims to reveal their roles in the representation of fundamental conflicts (conflicts between tradition and modernization, collective and individual, rural and urban ways of life) in the culture and society of China during the reform era. Research methods: The foundation is a synthesis of the structural semiotic approach of Yu. M. Lotman, which relies on the concept of the semiosphere and boundary, as well as narratological analysis, which allows for the identification of basic oppositions (female/male, own/alien, village/city) and tracking their dynamic transformation within the artistic text. The scientific novelty lies in the complex application of Yu. M. Lotman's semiotic theory, which reveals the specifics of sociocultural conflicts that are resolved not by the logic of the victory of good over evil, but by establishing a dynamic and, at the same time, fragile balance between people. The conducted research has shown that the initial system of binary oppositions is blurred and subjected to complete deconstruction. Physicality becomes a commodity, law is a source of lawlessness, and medical assistance is an instrument of violence (institutional conflict). As a result, the heroines develop a contradictory worldview formed under the pressure of experienced upheavals (existential conflict). Women cease to be passive victims; they employ flexible strategies for daily survival to navigate within a hostile system. The "sisters" try to use its rules to their advantage, even if this comes at the cost of moral compromises. Their victory lies not in changing the system but in the ability to exist within it while preserving the remnants of their dignity.

Keywords: realism, traditionalism, character, semiotics, binary oppositions, Sheng Keyi, modern Chinese novel, China, gender roles, ethnopsychology

References (transliterated)

1. Glukhov S. V. Perezhitochnye kul'turnye formy v kontekste semiologii Yu. M. Lotmana // Vestnik kul'turologii. 2023. № 4(107). S. 191-204. DOI: 10.31249/hoc/2023.04.11. EDN: UCYNFQ.

2. Guan' Tszhi. Bolezn' i bol' pokoleniya: analiz "telesnogo pis'ma" u pisatel'nits-
"vos'midesyatnits" // Zhurnal Tyan'tszin'skogo pedagogicheskogo universiteta (seriya
"Obshchestvennye nauki"). 2020. № 5. S. 52-54.
3. Krasnykh V. V. "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 375 s.
4. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriya. M.:
Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 464 s.
5. Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i: v 3 t. Tallinn: Aleksandra, 1992–1993. T. 1: Stat'i po
semiotike i tipologii kul'tury. 1992. 478 s.
6. Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskustvo-SPB, 2010. S. 250-276.
7. Tun Di. Evolyutsiya narrativa v proze o maloi rodine Shen Kei // Sbornik statei po
sovremennoi kitaiskoi literature. 2022. T. 17, № 1. S. 19-31.
8. Tyupa V. I. Yu. M. Lotman i sovremennaya narratologiya / V. I. Tyupa // Filologicheskii
klass. 2022. T. 27, № 1. S. 55-62. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-01-06. EDN: AIUPIA.
9. Tsao Sya. Tanets molnii v bezdne: O tvorchestve Shen Kei // Iskustvo v fokuse. 2019.
№ 6. S. 71-80.
10. Shen Kei. Sestrichki s severa / per. N. N. Vlasovoi. SPb.: Giperion, 2015. 384 s.

Ideas in context: the experience of using conceptual analysis while teaching reading skills in a foreign language

Mashoshina Viktoriya Sergeevna 

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Foreign Languages; Moscow City Pedagogical University

5B Maly Kazenniy Lane, Basmanny district, Moscow, 105064, Russia

✉ MashoshinaVS@mgpu.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the application of the method of conceptual analysis in the process of teaching reading in foreign language classes. Special attention is paid to the experience of linguistic and cultural studies in the practice of teaching English as a productive strategy aimed at helping learners master culture through the understanding of national and cultural concepts embodied in literary texts. The subject of this study is the process of forming lexical and linguistic cultural competencies of learners based on the method of conceptual analysis.

The aim of the work is to reveal the linguistic and didactic potential of using linguistic research methods in teaching reading in English classes. The solution to the linguistic and didactic tasks of the research is based on methodological principles of communicative orientation, authenticity (relying on authentic text samples), and sociocultural conditioning.

The methodology of the research employs a comprehensive approach that includes methods of analysis and synthesis of theoretical material, as well as conceptual and contextual text analysis. The scientific novelty of the work lies in the fact that it analyzes for the first time the linguistic and didactic potential of the concept of LAW in the context of teaching foreign language reading using the novels of Jeffrey Archer, "First Among Equals" (1984) and "Shall We Tell the President?" (1977).

In conclusion, it is emphasized that the introduction of the findings and methods of cognitive linguistics in general, and conceptual analysis in particular, into the theory and practice of

foreign language teaching, where the concept is viewed as a universal unit of knowledge formation, is a productive linguistic didactic strategy, and the methods of language modeling of concepts used in this work can be successfully transferred to other textual materials in foreign language teaching contexts.

Keywords: text interpretation, linguocultural competence, lexical competence, linguodidactics, concept of LAW, conceptual analysis, J. Archer, English language, teaching reading, intercultural interaction

References (transliterated)

1. Berdichevskii A. L., Giniatullin I. A., Tareva E. G. Metodika mezhkul'turnogo inoyazychnogo obrazovaniya v vuze. M. : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "FLINTA", 2019. EDN: YZHAUP.
2. Borisova E. G., Latysheva A. N. Lingvisticheskie osnovy RKI. Pedagogicheskaya grammatika russkogo yazyka. M. : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "FLINTA", 2003. EDN: NRAEWY.
3. Voiskunskii A. E. Osobennosti poznavatel'nykh protsessov v tsifrovom obshchestve // Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Deyatel'nostnyi podkhod k obrazovaniyu v tsifrovom obshchestve", Moskva, 13-14 dekabrya 2018 goda / Fakul'tet psikhologii MGU imeni M. V. Lomonosova; Rossiiskoe psikhologicheskoe obshchestvo. – M. : Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova" Izdatel'skii Dom (tipografiya), 2018. S. 13-17. EDN: YVCYPJ.
4. Degil' I. M., Koroleva D. B., Kuznetsova E. M., Kuznetsova O. A. Lingvodidakticheskii potentsial metoda kontseptual'nogo modelirovaniya (na materiale formirovaniya sotsiokul'turnoi kompetentsii studentov-lingvistov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 437. S. 171-181. DOI: 10.17223/15617793/437/25. EDN: YYNVXV.
5. Savel'eva I. F. Kontsept kak universal'naya edinita formirovaniya znaniy v protsesse obucheniya studentov yazykovogo vuza inostrannomu yazyku // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2009. № 102. S. 275-277. EDN: KHNTCX.
6. Tareva E. G. Kommunikativnyi podkhod: v poiskakh lingvodidakticheskikh innovatsii // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2014. № 5. S. 98-103. EDN: THRXGR.
7. Frik T. B., Lyu Yu. Prirodnye kontsepty v pritchakh E. Sanina: lingvodidakticheskii aspekt // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 7-1(37). S. 212-214. EDN: SCZWOX.
8. Khalyapina L. P. O razrabotke metodicheskoi sistemy formirovaniya polikul'turnoi yazykovoi lichnosti v protsesse obucheniya inostrannym yazykam // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2006. № 6(61). S. 84-89. EDN: KZJYFB.
9. Orekhova E. Ya., Tareva E. G., Mikhailova S. V. i dr. Terra autonomia: predopredelyaya budushchee inoyazychnogo obrazovaniya v avtonomnom vuze. M. : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Yazyki Narodov Mira", 2022. EDN: CHIHUM.
10. Archer J. First Among Equals. New York : HarperPaperbacks, 1993.
11. Archer J. Shall We Tell the President? Boston : G.K. Hall, 1987.
12. Nuttall Ch. Teaching Reading Skills in a Foreign Language. Macmillan Education, 2005.

Actualization of recursion as a type of linguistic anomaly in the translation of literary texts (based on the original and translation of J. Barnes' novel "Flaubert's Parrot")

Morozkina Evgeniya Aleksandrovna 

Doctor of Philology

Head of the Department; Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation; Ufa University of Science and Technology

68/6 Bakalinskaya str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450022, Russia

✉ morozkinaea@mail.ru

Ishakova Elina Venerovna 

PhD in Philology

Senior Lecturer; Institute of Humanities and Social Sciences; Ufa University of Science and Technology

5 Gagarin St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia

✉ ishakova.eli@yandex.ru

Yangirova Guzeliya Vazirovna 

PhD in Philology

Associate Professor; Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation; Ufa University of Science and Technology

Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Gafuri str., 50

✉ lingvo87@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of recursion as a type of linguistic anomaly and the analysis of ways to convey it in the meaning and structure of a literary text. Recursion is considered a structural device that creates an effect of cyclicity, repetition, and self-similarity in the text. Based on the original text by English writer Julian Barnes, "Flaubert's Parrot" (1984), and its Russian translation by A. Borisenko and V. Son'kin (2017), recursive structures are examined on several levels: plot, lexical-semantic, and metatextual. It is argued that in Barnes's texts, recursion is not a stylistic flaw but a key element that serves to reveal plot meanings. Examples from the original text and its translations into Russian demonstrate how recursion, embodied in the "stringing" of syntactic constructions upon one another, in lexical repetitions, and in the cyclical organization of the narrative, can be actualized in translation. The aim of the work is to identify recursive structures based on a comparative analysis of the original and the Russian translation, in conjunction with a translational analysis of the literary text and a descriptive method. The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of recursion as a translational problem. Based on the conducted study, the authors conclude that a successful translation of such anomalies requires the translator not to perform a literal translation but to search for equivalents capable of conveying the complex artistic effect embedded in the text by the author. The significance of the work lies in deepening the understanding of recursion as an important element of the artistic fabric of postmodernist text, significantly enriching the meanings of episodes and sometimes transforming their semantic content. The results of the comparative study allow for a more complete disclosure of the meanings of the original text in order to improve the quality of translation. The main conclusions can be applied in practical translation courses and in courses on literary translation.

Keywords: metatext, text structure, repetition, Julian Barnes, intertextuality, linguistic

anomaly, recursion, translation, literary text, postmodernism

References (transliterated)

1. Anisimov A. V. Komp'yuternaya lingvistika dlya vseh: Mify, Algoritmy, Yazyk. – Kiev: Nauk. Dumka, 1991. – 208 s. URL: https://lib.ru/CULTURE/ANISIMOW/lingw.txt_with-big-pictures.html 2.
2. Avetyan E. G. Semiotika i lingvistika. – Erevan: izd-vo Erev. Un-ta, 1989. – 286 s. 3.
3. Chomsky N. Syntactic structures / by Noam Chomsky ; with an introd. by David W. Lightfoot. – 2d ed. – Berlin ; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – 117 p. 4.
4. Zhenett Zh. Figury. V 2-kh tomakh. Tom 1-2. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998. – 944 s. 5.
5. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta. – M.: Izd-vo "Iskusstvo", 1970. – 387 s. 6.
6. Tyupa V. I. Analiz khudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii / V. I. Tyupa. – 3-e izd., ster. – M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2009. – 336 s. EDN: QTXIYT 7.
7. Waugh P. Metafiction: the theory and practice of self-conscious fiction. – London: Methuen, 1984. – 196 p. 8.
8. Barns Dzh. Popugai Flobera: roman / Dzhulian Barns; per. s angl. A. Borisenko, V. Son'kina. – M.: Inostranka, Azbuka-Attikus, 2017. – 320 s. 9.
9. Morozkina E. A., Rameev O. B. Reprezentatsiya kontsepta Nature/Priroda v originale i ruskoyazychnom perevode traktata G.D. Toro "Uolden, ili zhizn' v Iesu" // Doklady Bashkirskogo universiteta. 2025. T. 2. S. 114-120. DOI: 10.33184/dokbsu-2025.2.13 EDN: IUFRMK 10.
10. Barnes J. Flaubert's parrot. – London: Jonathan Cape, 1984. – 190 p. 11.
11. Morozkina E. A., Vorob'ev V. V., Gabdullina A. R. Aktualizatsiya bibleiskikh pretekstov v angloyazychnykh perevodakh rasskazov A.P. Chekhova // Doklady Bashkirskogo universiteta. 2024. T. 9. № 2. S. 95-97. DOI: 10.33184/dokbsu-2024.2.11 EDN: LSOSXH 12.
12. Iskhakova E. V., Smirnova V. A. K voprosu o rekursivnykh lingvisticheskikh strukturakh v khudozhestvennom tekste // Doklady Bashkirskogo universiteta. 2024. T. 9. № 4. S. 27-32. DOI: 10.33184/dokbsu-2024.4.4 EDN: EVWTSU

Comparative analysis of proverbs with a phytonym component (based on the French and Uzbek languages)

Bryleva Roza Filaritovna 

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages of the Humanities Faculties; Ufa University of Science and Technology

Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kirovsky district, Zaki Validi str., 32, office 338

✉ rozabryleva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative study of proverbs with a phytonym component in differently structured languages (using the example of the French and Uzbek languages). The purpose of the research is to study the manifestation of phytonymic components in proverbs based on the French and Uzbek languages as well as to systematize

and analyze how phytonyms in proverbs reflect the worldview and life values of the two peoples. Lexicographic and electronic resources (phraseological dictionaries, Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales, National corpus of the Uzbek language) served as the material for the study in order to identify conceptual images of phytonymic components in proverbs. The analysis uses the comparative method, the corpus analysis method, the continuous sampling method as well as the cognitive analysis. The scientific novelty lies in the fact that during the comparative analysis it was found that the phytonymic components in the proverbs of two different languages can be represented through conceptual images. The research identified the following groups of images in each language: image of a flower, image of a tree, image of a fruit, image of a grass, image of cereals, image of a vegetable. Having studied proverbs with a phytonym component we came to the conclusion that the formation of proverbs depends on intra- and extralinguistic factors, for example, the lifestyle of a people, their traditions and customs, mentality, attitude to the plant world as well as the importance of a particular plant for native speakers. Despite the cultural-specific features, phytonymic components in proverbs of two different languages play a common role - they convey deep philosophical ideas related to moral choice, fate, and human interaction with the environmental world.

Keywords: image of a grass, image of a fruit, image of a tree, image of a flower, comparative analysis, proverbs, image of cereals, conceptual image, phytonym, image of a vegetable

References (transliterated)

1. Burenkova S.V. Komizm psevdoposlovits kak sposob pereotsenki vital'nykh tsennostei // Prepodavatel' XXI vek. 2008. № 4. S. 80-86. EDN: LDGSGP.
2. Komlev N.G. Slovo v rechi: denotativnye aspekty. M.: Izd-vo MGU, 1992. 214 s.
3. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr>.
4. Nevoit V.I. Fitonimy v russkoi yazykovoi kartine mira // Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka: Trudy i materialy / pod obshch. red. M.L. Remnevoi i A.A. Polikarpova. M.: Izd-vo MGU, 2001. S. 77.
5. Sadykova M.S. Russko-uzbekskii frazeologicheskii slovar' [Tekst] / AN UzSSR. In-t yaz. i literatury im. A.S. Pushkina. Tashkent: Fan, 1972. 192 s. : 22 sm.
6. Todosienko Z.V., Bryleva R.F., Vorob'eva O.V. Metaforicheskii obraz "zvezda" i ego raznoobraznaya kontseptual'naya interpretatsiya (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 5. S. 11-21. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70730 EDN: VCWAKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70730
7. Uzbekskii natsional'nyi korpus. URL: <https://uzbekcorpus.uz>.
8. Frantsuzsko-russkii frazeologicheskii slovar' // Sost. V.G. Gak, I.A. Kunina, I.P. Lalaev i dr. / Pod red. Ya.I. Retsker. M.: Gos. izd-vo inostr. i natsion. slovarei, 1963. 1112 s.
9. Le Petit Robert [elektronnyi resurs]: entsiklopedicheskii slovar' frantsuzskogo yazyka onlain. URL: <https://www.lerobert.com/dictionnaires>.

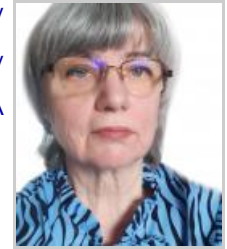
Americanisms in L. Padura's novel "Goodbye, Hemingway!"

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Foreign Languages; A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

194355, Russia, St. Petersburg, Vyborg district, Vyborg highway, 31 letter A

✉ e-v-yakovleva@mail.ru



Abstract. The subject of this study is the diatopic and diastratic characteristics of lexical Americanisms functioning in the contemporary Cuban variant of the Spanish language. The object of analysis is the Americanisms documented in the novel by the contemporary Cuban writer L. Padura. The aim of the work is to identify the diatopic and diastratic characteristics of lexical Americanisms to determine their significance for the variability of the Spanish language. The detective novel "Goodbye, Hemingway" has received numerous awards, has been reissued several times, and has been selected for reading and study by students of Spanish at the University of Salamanca, as well as by the Edinumen publishing house and the Cervantes Institute as a benchmark of contemporary Latin American literature. Comments prepared by a group of specialists from the University of Salamanca provide information for a better understanding of the semantics and style of a number of Americanisms. To achieve this goal, an analysis of L. Padura's novel "Goodbye, Hemingway" was conducted using a continuous sampling method, as well as descriptive and classificatory methods. As a result, a corpus of Americanisms used in the novel was compiled, which were then analyzed. An important aspect was the analysis of selected Americanisms using the Dictionary of Americanisms to identify diatopic characteristics. The following conclusions were drawn from the conducted research. The concept of 'Americanism' represents an important part of the theory of variability, which currently distinguishes different types, the most important of which are diatopic and diastratic. L. Padura achieves the inclusion of his novel in the general Latin American context by using the entire palette of lexical Americanisms, ranging from vocabulary typical for most countries to Americanisms characteristic of specific regions, and ending with vocabulary that functions only in Cuba. The diatopic characteristics of Americanisms allow for an understanding of the intensity of the spread of lexical Americanisms. The diastratic variability of Americanisms reflects the main themes of the novel at different stylistic levels: from neutral, related to the description of the city and sports facilities, to the lowest levels, allowing readers to imagine the speech of marginal elements connected with the detective's main mystery. To date, no studies have been conducted on the linguistic features of L. Padura's novels. Verbs such as *botar*, *agarrar unas curdas*, *estar salao* allow for a glimpse into the differing functionalities of Americanisms in Cuba. Diatopic characteristics provide a new perspective on the contradictions of the zonal division of Latin America.

Keywords: Cuban detective, Cuban dysphemism, L. Padura, diastratic variability, diatopic variability, variability of the Spanish language, lexical Americanism, Spanish language, Americanism, national variant

References (transliterated)

1. Stepanov G. V. K probleme yazykovogo var'irovaniya: ispanskii yazyk Ispanii i Ameriki. M.: Editorial URSS, 2004. EDN: QQUPLV.
2. Stepanov G. V. Ispanskii yazyk v stranakh Latinskoi Ameriki. M.: Lenand, 2022.
3. Firsova, N. M. Ispanskii yazyk i kul'tura v ispanoyazychnykh stranakh. M.: Lenand, 2020.
4. Sadikov A. V. Ispanskii yazyk skvoz' prizmu leksiki. Leksikologiya ispanskogo yazyka.

M.: Lenand, 2023.

5. Karpina E. V. Spetsifika dialektного chleneniya ispanского yazyka kak otrazhenie yazykovoi situatsii v ispanoyazychnom mire // Vestnik RUDN. Seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. 2013. № 2. S. 11-20. EDN: QBWSJD.
6. Mikheeva N. F. K voprosu o klassifikatsii dialektov sovremennogo ispanского yazyka // Voprosy ibero-romanskoi filologii: Sbornik statei. Vyp. 7 (yubileinyi). Posvyashchaetsya 80-letiyu professora V.S. Vinogradova. M.: Izd-vo MGU, 2005. S. 177-183.
7. Henríquez Ureña P. Observaciones sobre el español de América // Revista de Filología Española. Madrid, 1921. № 8. P. 357-390.
8. Cuervo P. J. El castellano en América // Bulletin Hispanique. 1901. N 3. Pp. 35-62.
9. Alonso A. Examen de la teoría indigenista de Rodolfo Lenz // Revista de Filología Hispánica. 1939. № 1. P. 331-350.
10. Catalán D. Génesis del español atlántico. Ondas varias a través del océano // Revista de historia canaria. 1958. P. 123-124, 233-242.
11. Alonso Ares G., Díaz Blanco R. E., Fernández Chamorro P. (Eds.) El mundo hispánico y su legado: raíces, desarrollo y proyección. León: Universidad de León, 2024.
12. Aleza Izquierdo M., Enguita Utrilla J. M. La lengua española en América: normas y usos actuales. Valencia: Universidad de Valencia, 2010.
13. Rona J. P. Aspectos metodológicos de la dialectología hispanoamericana. Montevideo: Facultad de Humanidades y Ciencias de la Universidad de la República, 1958.
14. Buesa Oliver T. Indoamericanismos léxicos // Hernández, César (coord.) Historia y Presente del Español de América: Junta de Castilla y León/Pabecal, 1992. P. 169-199.
15. Diccionario de americanismos. Asociación de Academias de la lengua española. URL: <https://www.asale.org>.
16. Zimmermann K. Diccionarios diestráticos en Hispanoamérica: entre la descripción científica y el diletantismo // Wotjak, Gerd y Klaus Zimmermann (eds.) Unidad y variación léxicas del español de América. Madrid-Frankfurt: Iberoamericana Vervuert, 1994. Pp. 105-132.
17. Blanco, C. El factor diatópico en los diccionarios para la enseñanza del español: logros y retos. Las gramáticas y los diccionarios para la enseñanza como segunda lengua. Actas del XV Congreso Internacional de ASELE. Sevilla, 2004. P. 173-180.
18. Fraseología y variedades diatópicas. Coord. Berty K., Mellano Blanco, Olza Moreno. Navarra: Ediciones Universidad de Navarra, S.A., 2018.
19. Estermann J. Hermenéutica diatópica y filosofía andina // Revista FAIA. 2017. Vol. 6. N 27.
20. Weber, É. La variación diatópica del léxico: el caso de agregar y añadir en España e Hispanoamérica // Revista sobre investigaciones léxicas. 2025. Vol. 8. N 1. P. 93-121.
21. Rocha Ochoa, C.O. ¿Glosarios, diccionarios o ChatGPT? Los recursos lexicográficos ante la variación terminológica y diatópica en el ámbito económico // Revista Nebrija de Lingüística aplicada a la enseñanza de Lenguas. 2025. R. 67-91.
22. Padura L. Adiós, Hemingway. Barcelona: TusQuets, Maxi-Tusquets, 2014.
23. Padura L. Adiós, Hemingway. Lecturas ELE. C3. Universidad de Salamanca, TusQuets Editores, S.A., 2003.
24. Sobrino Triana, R. "¿Qué pinga es esto?". Usos disfemísticos en el español de Cuba // Romanica Olomucensia. 2021. № 33/1. R. 119-134. DOI: 10.5507/ro.2021.007 EDN: CELWNG.
25. Valdés Bernal S. Las lenguas indígenas de América y el español de Cuba. La Habana:

editorial Academia, 1991.

26. Macías Couso A. Caracterización tipológica de cheli, parlache, lunfardo, y coa dentro de la variación lingüística // Pragmalinguística. 2024. N° 32. P. 289-310.

27. Padura L. El hombre que amaba a los perros. México: TusQuets, 2012.

The question of differentiating the functional analogues serving as a nomination means for uchastkoviy upolnomochenniy in the English language

Shashkova Valentina Nikolaevna

PhD in Philology

Professor; Department of Foreign and Russian Languages; Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov

302000, Russia, Oryol region, Orel, Trudovye rezervov str., 6, sq. 1

✉ valentina.shash@mail.ru



Abstract. The article examines the translation options for a Russian specific legal reality – uchastkoviy upolnomochenniy – and identifies the grounds for recognizing the option «a community police officer» as an optimal functional analogue. The purpose of the study is to determine the most adequate functional analogue of the term «uchastkoviy upolnomochenniy» in English. The object of the research is the institute of the community police officer in the Russian Federation and potential functional analogues of the verbalization of this concept in English. The subject of the study is the lexico-semantic and functional characteristics of five English terms – a divisional inspector, a precinct officer, a beat officer, a community police officer, and a local police officer – in comparison with the key features of the Russian concept of «uchastkoviy upolnomochenniy» of the police.

The methodological basis of the study consists of lexicographic analysis applied to dictionary definitions, component analysis, functional and comparative analysis, statistical analysis of the frequency of use of the identified analogues.

The study showed that there is no direct equivalent to the Russian term «uchastkoviy upolnomochenniy» in English, however, the terms «a beat officer» and «a community police officer» demonstrate the greatest functional similarity. The choice of a specific term in translation should be determined by the context, geographical region, and communicative purpose. Taking into account current trends in law enforcement activities focused on interaction with the community, the most appropriate analogue is a community police officer. The scientific novelty of the study lies in the systematic comparison of the institutional role of the Russian community police officer with English-speaking police positions based on the identified set of functional features. The results can be used in the preparation of official translations of regulatory, informational and diplomatic documents related to law enforcement activities, as well as in the educational process of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia to accurately transfer the role functions of Russian police officers when interacting with foreign colleagues.

Keywords: complex nominative unit, differential semantic feature, integral semantic feature, semantic feature, reference zone, terminological system, lexical-semantic variant, functional analogue, component analysis, denotative matrix

References (transliterated)

1. Vlahov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoe v perevode*. 4-e izd. M.: R. Valent, 2009. 360 s.
2. Verba M. A., Nechiporuk T. V. Funktsional'nyi analog kak sposob perevoda realii v proizvedenii E. L. Konigsburg "Iz arkhiva missis Bazil' E. Frankvailer, samogo zaputannogo v mire" // *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*. 2022. № 03 (83). S. 38-43. EDN: ULRHBZ.
3. Aleksandrova T. A. Vybor strategii perevoda realii v yuridicheskikh tekstakh (na primere angliiskogo yazyka) // *Teoriya i praktika professional'no orientirovannogo yazykovogo obucheniya: sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saratov, 24 marta 2025 goda*. Saratov: Saratovskii voennyi ordena Zhukova Krasnoznamennyi institut voisk natsional'noi gvardii, 2025. S. 5-9. EDN: IMCXKO.
4. Cambridge Online Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.
5. Cambridge Online Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.
6. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.
7. MacMillan Dictionary. URL: <https://www.macmillanenglish.com/ru/dictionary/>.
8. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.
9. The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>.
10. Savraskin S. N. Rol' uchastkovykh upolnomochennykh politsii v preduprezhdenii retsidivnoi prestupnosti // *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika*. 2015. № 1. S. 26-30. EDN: TXNWVB.
11. Savraskin S. N. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo politsii po profilaktike pravonarushenii // *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika*. 2024. № 2(47). S. 47-51. EDN: PUUOAK.
12. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika: uchebnoe posobie*. M.: Editorial URSS, 2000. 352 s.

Linguoaxiological aspects of sports internet discourse (based on the example of sports online media in Russia and the USA)

Pak Leonid Evgen'evich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Intercultural Communications and Translation Studies; Madiivostok State University

690002, Russia, Primorsky Krai, Madiivostok, 41 Gogol Ave., room 5517

✉ leonid.pak@wsu.ru



Abstract. This study is devoted to the comparative examination of the linguoaxiology of sports internet discourse in Russia and the USA. The aim of the research is to compare the linguoaxiological features of sports internet discourse within a linguocultural paradigm. The object of the study is the discourse of sports electronic media in Russian and American linguocultures. The subject is the linguoaxiological aspect of sports internet discourse in the linguocultures of Russia and the USA. The relevance of the research lies in the fact that the methodology of comparative linguoaxiological study of discourse corresponds to the current level of development of modern linguistics. As a promising scientific direction, linguoaxiology focuses on studying the value system represented in language and its role in meaning formation. Moreover, sports discourse serves as a relevant sphere of mass communication, influencing the target audience and shaping public opinion through the transmission of value

orientations. Internet media, as a key channel for disseminating sports information, provides the opportunity to explore current cultural and social trends. The main methods of this work are the linguoaxiological method, comparative discourse analysis, as well as methods of statistical data processing. The novelty of this study lies in the application of an interdisciplinary combination of linguoaxiological and linguocultural approaches for the analysis of media texts in the sports digital environment. Four most significant parameters of the linguistic representation of axiological dominants in sports internet discourse are identified: evaluative saturation, evaluation polarity, target impact of evaluation, and ideological marking of evaluation. The Russian sports internet discourse is characterized by an inclination to interpret events in a socially significant context. American media texts reflect an emphasis on emotional involvement of the reader, highlighting values of individualism, spectacle, and expressiveness. Russian sports electronic media are oriented towards a dialectical perception of reality, while American sports internet discourse is characterized by a unidimensional presentation of evaluation. For the Russian linguoculture, values of collective identity and national unity are important, with significance being attributed to a specific event for the entire society. The American linguoculture is characterized by attention to values of competitiveness, individual responsibility, and self-improvement. Russian culture highlights the collective, nationally significant dimension of sports, while the American tradition is focused on individual successes and belonging to a specific group.

Keywords: linguoculture, media text, axiological dominant, axiological parameter, evaluativity, values, linguo-axiological analysis, linguistic axiology, sports discourse, sports internet discourse

References (transliterated)

1. Kravets, A. V., Utyuganov, A. A. Sotsial'naya priroda tsennostei i problema organizatsii i interiorizatsii tsennostei i tsennostnykh orientatsii v strukturu lichnosti / A. V. Kravets, A. A. Utyuganov // Vestnik universiteta. 2016. № 3. S. 230-235. EDN: WCIFEN
2. Smolii, E. A. Problema tsennostei v otechestvennoi nauke / E. A. Smolii // Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. Sbornik nauchno-metodicheskikh trudov. M.: Pero, 2017. S. 354-360. EDN: XWCSRR
3. Kazachenko, O. V. Izuchenie slov, vyrazhayushchikh tsennosti, v razlichnykh lingvisticheskikh distsiplinakh / O. V. Kazachenko // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti. 2020. № 18. S. 168-175. DOI: 10.26170/pla20-01-17 EDN: OATJVP
4. Sagiv, L., Roccas, S., Cieciuch, J., Schwartz, Sh. H. Personal values in human life / L. Sagiv, S. Roccas, J. Cieciuch, Sh. H. Schwartz // Nature Human Behaviour. 2017. № 9 (1). P. 630-639. DOI: 10.1038/s41562-017-0185-3 EDN: YFUTNZ
5. Jackson, J. C., Medvedev, D. Worldwide divergence of values / J. C. Jackson, D. Medvedev // Nature Communications. 2024. № 15. P. 2650. DOI: 10.1038/s41467-024-46581-5 EDN: LFESLO
6. Sagiv, L., Schwartz, S. H. Personal values across cultures / L. Sagiv, S. H. Schwartz // Annual Review of Psychology. 2022. № 73. P. 517-546. DOI: 10.1146/annurev-psych-020821-125100 EDN: QCOWKU
7. Elster, A., Gelfand, M. J. When guiding principles do not guide: The moderating effects of cultural tightness on value-behavior links / A. Elster, M. J. Gelfand // Journal of Personality. 2021. № 2 (89). P. 325-337.
8. Nikolaeva, O. V. Aksiologicheskie aspekty semantiki polineziiskikh etnicheskikh

- paremii / O. V. Nikolaeva // *Dal'nevostochnyi filologicheskii zhurnal*. 2023. № 1 (1). S. 3-12. DOI: 10.24866/2949-2580/2023-1/3-12 EDN: EOMBCM
9. Matveeva, I. V. Leksicheskie sredstva vyrazheniya otsenki / I. V. Matveeva // *Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye nauki: sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Sankt-Peterburg: GNII "Natsrazvitie", 2020. S. 42-46. DOI: 10.37539/SEH291.2020.52.56.008 EDN: QZHMWD
 10. Isaeva, M. V. Sposoby vyrazheniya otsenki v ofitsial'nykh dokumentakh na angliiskom yazyke / M. V. Isaeva // *Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye nauki: sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Sankt-Peterburg: GNII "Natsrazvitie", 2021. S. 252-260. EDN: SWKRTU
 11. Trnavac, R., Pöldvere, N. Investigating appraisal and the language of evaluation in fake news corpora / R. Trnavac, N. Pöldvere // *Corpus Pragmatics*. 2024. № 2 (8). P. 107-130. DOI: 10.1007/s41701-023-00162-x EDN: EIAMUX
 12. Li, X., Meng, Y., Jing, Y. An Appraisal-based Study on Divergence of Evaluative Meanings in Student Translations / X. Li, Y. Meng, Y. Jing // *WORD*. 2025. № 2 (71). S. 97-113.
 13. Dzyubenko, A. I., Grishchenko, A. V. Leksiko-semanticheskie osobennosti britanskogo i amerikanskogo sportivnogo diskursa / A. I. Dzyubenko, A. V. Grishchenko // *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2021. № 2 (35). S. 251-254. DOI: 10.26140/bg3-2021-1002-0066 EDN: BMEEMT
 14. Gritsenko, A. N., Moroslin, P. V. Novye metaforicheskie modeli v sovremennom sportivnom diskurse / A. N. Gritsenko, P. V. Moroslin // *Nauchnyi dialog*. 2022. № 5 (11). S. 211-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225 EDN: AAFHBP
 15. Wagner, U., Sveinson, K. Analyzing discourses and the communication of sport: a scoping review and suggestions for future endeavors / U. Wagner, K. Sveinson // *Communication & Sport*. 2023. Vol. 0 (0). P. 1-20.
 16. Øydna, M. L., Nielsen, J. C., Bjørndal, C. T. Power, discourse, and practice: exploring athlete development as an educational discursive practice in a Norwegian lower secondary sports school / M. L. Øydna, J. C. Nielsen, C. T. Bjørndal // *Sport, Education and Society*. 2024. P. 1-15.
 17. Shchipakina, N. I. Osnovnye aksiologicheskie kharakteristiki angloyazychnogo sportivnogo diskursa / N. I. Shchipakina // *Ogarev-Online*. 2022. № 7 (176). S. 1-10.
 18. Boeva, Ya. K. Sportivnaya problematika v SMI: formirovanie tsennostnoi kartiny mira / Ya. K. Boeva // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 2023. № 1 (42). S. 5-15. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-5-15 EDN: REURDR
 19. Chempionat. URL: <https://www.championat.com/> (data obrashcheniya: 03.05.2025).
 20. USA Today Sports. URL: <https://eu.usatoday.com/sports/> (data obrashcheniya: 10.08.2025).
 21. F1News. URL: <https://www.f1news.ru/> (data obrashcheniya: 10.08.2025).
 22. The Athletic. URL: <https://www.nytimes.com/athletic/uk/> (data obrashcheniya: 10.08.2025).
 23. Sportbox. URL: <https://news.sportbox.ru/> (data obrashcheniya: 10.08.2025).
 24. CBS Sports. URL: <https://www.cbssports.com/> (data obrashcheniya: 10.08.2025).

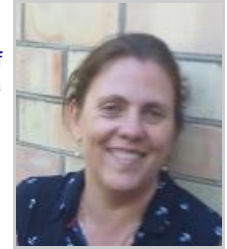
Semantics and Pragmatics of Expressing Anxiety and Concern in Russian and English: Linguacultural Approach

Zinovjeva Margarita

Postgraduate student; Institute of Foreign Languages (IFL); P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Konkovo district, Mklukho-Maklaya str., 21 K. 2 sq.221

✉ 1042235147@pfur.ru



Abstract. The article explores the semantics and pragmatics of expressing anxiety and concern in Russian and English film dialogues from a linguacultural perspective. Emotions such as worry and care are viewed not as spontaneous reactions but as culturally patterned communicative acts shaped by norms of politeness and emotional display. Drawing on examples from Russian and English films produced between the 1990s and the 2020s, the study identifies and compares the lexical, idiomatic, and pragmatic means used to express anxiety and concern. The analysis reveals that Russian discourse is characterized by emotional openness, hyperbolic idioms, and a strong orientation toward solidarity and sincerity, whereas English discourse favors restraint, conventionalized politeness formulas, and mitigation strategies reflecting autonomy and self-control. Despite these differences, both languages fulfill the same universal communicative functions of empathy and reassurance. The findings contribute to cross-cultural pragmatics, translation studies, and foreign language pedagogy by emphasizing the importance of linguacultural awareness in interpreting emotional speech acts. The aim of the present research is to identify and compare the linguistic and pragmatic means used to express anxiety and concern in Russian and English film dialogues. The object of the study is the verbal communication of emotional states in cinematic discourse, while the subject is the system of linguistic markers and pragmatic strategies that convey worry and concern in Russian and English. The hypothesis of the research is that the expression of these emotions reflects the broader cultural models of politeness and emotional regulation characteristic of each language community: Russian speakers tend to verbalize concern directly and emotionally, whereas English speakers often employ mitigated or conventionalized forms of expression.

Keywords: concern, cinematic discourse, politeness, empathy, emotional expression, film dialogue, inter-cultural communication, anxiety, emotion expression, linguacultural pragmatics

References (transliterated)

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1995. 472 s.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura. Lingvostranoveden'e v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. M.: Russkii yazyk, 1990. 246 s.
3. Larina T.V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii. M.: Rukopisnye pamyatniki drevnei Rusi, 2009. 509 s. EDN: SUQIKR.
4. Brown, P., & Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 358 pp.
5. Dynel, M. The Pragmatics of Humour Across Discourse Domains. Amsterdam: John Benjamins, 2011. Vol. 210.
6. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 223 pp.
7. Kozloff, S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley: University of California Press, 2000. 332 pp.
8. Levinson, S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 438 pp.

9. Piazza, R., Bednarek, M., & Rossi, F. *Telecinematic Discourse: Approaches to the Language of Films and Television Series*. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 315 pp.
10. Wierzbicka, A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 pp.
11. Wierzbicka, A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction* (2nd ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. 502 pp.

A Narrative Study on the Construction of China's National Image by CGTN Russian in the Cross-Cultural Perspective

Jiang Shuyi 

Postgraduate student; Department of Mass Communications; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Konkovo district, Mklukho-Maklaya str., 10 K. 2

✉ jennie_01@foxmail.com

Abstract. This article examines the cross-cultural construction of China's national image by the Russian-language channel CGTN in 2025. The research focuses on the channel's narrative practices in covering three key events: Xi Jinping's visit to Russia (May), Vladimir Putin's visit to China (August–September), and the introduction of a mutual visa-free regime with cultural exchanges (throughout the year). Through the reproduction of historical memory, the discourse of strategic cooperation, and the everyday dimension of cultural exchange, CGTN constructs a multi-level trajectory of communication—ranging from macro-politics to diplomacy and the social sphere. Special attention is given to the interplay of “self-presentation” and “third voices,” which simultaneously strengthen China's image as a “peaceful, reliable, and partner-oriented” state and enhance audience trust. Methodologically, the study applies content, framing, and comparative analysis to CGTN's Russian-language materials (website, video, VK), with reference to the concepts of soft power, the “pseudo-environment,” and the 5W model. The scientific novelty of the research lies in the proposed multi-level model of CGTN's external narrative: from macro-political symbolism (historical memory, rituals), through strategic diplomacy (equal partnership, multipolarity), to cultural and social proximity as a cumulative trajectory of reducing perceptual distance. The findings reveal that CGTN effectively employs agenda-setting and framing to reinforce the themes of “mutual benefit/peaceful development” and fosters trust through “third voices” (experts, citizen opinions). However, limitations include the dominance of the “news + commentary” format, a lack of cultural diversity, and weak interactivity on emerging platforms. The study recommends expanding multimodal storytelling (infographics, short vertical videos), increasing contemporary cultural content, and pursuing co-representation with local media partners and bloggers to ensure a transition from a singular “voice” toward sustainable cross-cultural resonance, thereby consolidating China's image as a “reliable, peacefully developing partner.”

Keywords: Discourse power, China-Russia Relations, Russia, Soft Power, China, Narrative Strategy, Cross-Cultural Communication, CGTN Russian Channel, National Image, International journalism

References (transliterated)

1. 李璵. 新时代对俄传播与国家形象塑造--以CGTN俄语频道为例 [J]. 对外传播, 2020, (9). // Li Tsun. Vneshnyaya kommunikatsiya s Rossiei i formirovanie natsional'nogo imidzha v novuyu epokhu: na primere CGTN na russkom [zhurn.]. – Vneshnyaya kommunikatsiya,

2020, № 9.

2. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* [kn.]. – New York: PublicAffairs, 2004. – 208 p.
3. Lippmann W. *Public Opinion* [kn.]. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. – 427 p.
4. Lasswell H. D. *The Structure and Function of Communication in Society* // Bryson L. (ed.). *The Communication of Ideas* [sb.]. – New York: Harper & Brothers, 1948. – P. 37-51.
5. McCombs M. E., Shaw D. L. *The agenda-setting function of mass media* [zhurn.] // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36, No. 2. – P. 176-187.
6. Entman R. M. *Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm* [zhurn.] // *Journal of Communication*. – 1993. – Vol. 43, No. 4. – P. 51-58.
7. Yui Syao. *Sovremennaya mezhkul'turnaya kommunikatsiya i natsional'nyi imidzh Kitaya: Issledovanie videoplatformy YouTube* [zhurn.] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. – 2022. – T. 11, № 1. – S. 190-202. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).190-202 EDN: NEMOYA
8. Fu L., Guo H. *Russian bloggers' mirror of Chinese culture: cultural communication and image construction from the perspective of others* [zhurn.] // *Revista Gestão & Tecnologia*. – 2024. – Vol. 24, No. 4. – P. 271-287.
9. Nesterova N. G., Sabaeva Yu. S. *Reprezentatsiya mediaobraza Kitaya v rossiiskoi sotsial'noi seti (na materiale postov o kitaiskoi populyarnoi muzyke i kommentariy k nim)* [zhurn.] // *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti*. – 2023. – T. 2, № 4. – S. 191-196. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-4-191-196. EDN: EYHSQP
10. 周艳. *中国主流媒体海外短视频传播与国家形象建构* [J]. *中国广播电视学刊*, 2023, (9). // Chzhou Yan'. *Prodvizhenie korotkikh videorolikov kitaiskikh osnovnykh SMI za rubezhom i postroyeniye natsional'nogo imidzha* [zhurn.]. – *Zhurnal kitaiskogo radio i televideniya*, 2023, № 9.
11. Friedman T. *Lexicon: 'Discourse Power' or the 'Right to Speak' (话语权, Huàyǔ Quán)* [el. resurs] // *Stanford DigiChina*. – 2022. – March 17. – URL: <https://digichina.stanford.edu/work/lexicon-discourse-power-or-the-right-to-speak-huayu-quan/> (data obrashcheniya: 12.09.2025).
12. Brand Finance *"Global Soft Power Index 2024"*. URL: <https://brandfinance.com/reports/global-soft-power-index-2024>.
13. Efimets M. A. *Dialog kul'tur: dinamika rossiisko-kitaiskikh mezhkul'turnykh kommunikatsii* [zhurn.] // *NIR. Sovremennaya kommunikativistika*. – 2022. – № 5. – S. 17-22. DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-5-17-22. EDN: MHYRPZ
14. Pew Research Center. (2025). *Mezhdunarodnye vzglyady na Kitai stanoviyatsya nemnogo bolee pozitivnymi. Global'nyi opros obshchestvennogo mneniya vesnoi 2025 goda*. URL: <https://www.pewresearch.org/>.
15. Ji K., Yang Z., Zhou M. *Cognitive Attitudes of International Mainstream Media to China during the Contaminated Water and Human Health Under Big Data* [zhurn.] // *Journal of Environmental and Public Health*. – 2022. – Article ID 9033781. – DOI: 10.1155/2022/9033781. EDN: CJEVGS
16. 赵永华, 韦佳玥, 窦书棋. *媒体合作与国际受众对中国国家形象的共同建构--基于《这里是中国》与YouTube网评的互文性分析* [J]. *新闻春秋*, 2023, (4). // Chzhao Yunkhua, Vei Tszyayue, Dou Shutsi. *Mediinoe sotrudnichestvo i sovместnoe formirovaniye natsional'nogo imidzha Kitaya mezhdunarodnoi auditoriei: intertekstual'nyi analiz "Zdes' Kitai" i kommentariy YouTube* [zhurn.]. – *Novosti i khronika*, 2023, № 4.

17. Den' Pobedy-2025-CGTN na russkom. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-05-08/1920368310640353282/index.htm>
18. China trials a 30-day visa-free entry policy for Russian citizens-CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/2025-09-02/China-trials-a-30-day-visa-free-entry-policy-for-Russian-citizens-1GI67tJGUPC/p.html>
19. 江素珍. 主流媒体短视频中的国家形象研究 [J]. 中国出版, 2022, (10): 35-39. // Tszyan Suchzhen'. Issledovanie natsional'nogo imidzha v korotkikh video osnovnykh SMI [zhurn.]. – Izdatel'skoe delo Kitaya, 2022, № 10: 35-39.
20. Yang Y., Chen H. Study on the Communication Effectiveness of China's Official Publicity [zhurn.] // BCP Social Sciences & Humanities. – 2022. – Vol. 20. – DOI: 10.54691/bcpssh.v20i.2354. EDN: GASFKD
21. Alpermann B., Malzer M. "In Other News": China's International Media Strategy on Xinjiang-CGTN and New China TV on YouTube [zhurn.] // Modern China. – 2023. – DOI: 10.1177/00977004231169008. EDN: QHCSOV
22. Zhu Y. China's 'new cultural diplomacy' in international broadcasting: branding the nation through CGTN Documentary [zhurn.] // International Journal of Cultural Policy. – 2022. – Vol. 28, No. 5. – P. 671-683. DOI: 10.1080/10286632.2021.2022651.
23. Colley T., Moore M. News as geopolitics: China, CGTN and the 2020 US presidential election [zhurn.] // The Journal of International Communication. – 2022. – Vol. 29, No. 1. – P. 82-103. DOI: 10.1080/13216597.2022.2120522. EDN: UTVJYI
24. Tong T., Zhang L. Platforms versus agents: the third-party mediation role of CGTN's news commentary programs in China's Media Going Global plan [zhurn.] // Chinese Journal of Communication. – 2023. – Vol. 17, No. 1. – P. 61-77. DOI: 10.1080/17544750.2023.2232901. EDN: DMBPVU
25. 宫承波, 徐瀚祺. 提升 | 优化国际传播精准化水平的建设性思路构思 [J]. 当代传播, 2021, (5): 72-74. // Gun Chenbo, Syui Khan'tsi. Konstruktivnye podkhody k povysheniyu i optimizatsii tochnosti mezhdunarodnoi kommunikatsii [zhurn.]. – Sovremennaya kommunikatsiya, 2021, № 5: 72-74.

The image of romantic love in the works of P. G. Wodehouse

Porinets Yuriy Yur'evich 

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Foreign Literature; A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

✉ porinets2015@yandex.ru

Abstract. This article examines the portrayal of romantic love in the works of P. G. Wodehouse, the preeminent English humorist of the 20th century. The concept of «romantic love» is considered through the lens of early German Romantic philosophy. By analyzing the works of F. Schelling, F. Schlegel, Novalis, as well as major scholarly studies on early German Romanticism, the article elucidates the Romantic concept of love. The image of romantic love in Wodehouse's oeuvre is analyzed using examples from different periods of the author's career, including early novels (*Ruth in Exile*, *A Gentleman of Leisure*), mature works (*The Luck of the Bodkins*), and later texts (*French Leave*, *Money in the Bank*). Particular attention is paid to the short story *The Reverent Wooing of Archibald*. The study employs the comparative method. Wodehouse's works are compared with texts by the early German Romantics and A. Tennyson, specifically his cycle *Idylls of the King*. Wodehouse's writing is also examined

within the framework of Yu. N. Tynyanov's theory of parody.

Drawing on existing scholarly literature, the article interprets the motif of chivalric love in Wodehouse's work. This study is the first in both Russian and international literary scholarship to focus specifically on the image of romantic love in his writing. While previous researchers have traditionally emphasized the comic aspects of love in Wodehouse's works, this article argues that irony and parody function not to diminish the concept of romantic love, but to reveal and revitalize it. This leads to the conclusion that the portrayal of love created by Wodehouse is unique in 20th-century literature. The findings of this research provide grounds for a partial reconsideration of the established view of Wodehouse's place in the 20th-century literary process and may be utilized in courses on the history of English literature.

Keywords: humor, allusion, idyll, parody, image, Romanticism, romantic love, irony, short story, novel

References (transliterated)

1. Berkovskii N. Ya. Romantizm v Germanii. SPb: Azbuka-klassika, 512 s.
2. Vanslov V. V. Estetika romantizma. M.: Iskusstvo, 1966. 403 s.
3. Vo I. Vudkhauzu: pozdravlenie i pokayanie // Inostrannaya literatura. 2012. № 12. S. 112-122.
4. Vudkhauz P. G. Pereletnye svin'i // Vudkhauz P. G. Sobranie sochinenii v 18 tomakh. T. 6. M.: Ostozh'e, 2000. S. 321-444.
5. Vudkhauz P. G. Den'gi v banke // Vudkhauz P. G. Sobranie sochinenii v 18 tomakh. T. 11. M.: Ostozh'e, 2002. S. 5-194.
6. Vudkhauz P. G. Vezet zhe etim Bodkinym // Vudkhauz P. G. Sobranie sochinenii v 18 tomakh. T. 11. M.: Ostozh'e, 2002. S. 195-450.
7. Vudkhauz P. G. Frantsuzskie kanikuly // Vudkhauz P. G. Sobranie sochinenii v 18 tomakh. T. 12. M.: Ostozh'e, 2003. S. 407-520.
8. Vudkhauz P. G. Ruf' na chuzhbine // Vudkhauz P. G. Sobranie sochinenii v 18 tomakh. T. 13. M.: Ostozh'e, 2003. S. 399-412.
9. Vudkhauz P. G. Blagogoveinoe ukhazhivanie Archibal'da // P. G. Vudkhaus. Mir mistera Mullinera. M.: Tekst, 2003. S. 5-24.
10. Vudkhauz P. G. Dzhentl'men bez opredelennykh zanyatii // Vudkhauz P. G. Sobranie sochinenii v 18 tomakh. T. 17. M.: Ostozh'e, 2006. S. 5-208.
11. Gorbunov A. N. Al'fred Tennison i ego poema "In Memoriam" // Tennison A. In Memoriam. M.: Lodomir, Nauka, 2018. S. 433-464.
12. Gulyga A. V. Filosofskoe nasledie Shellinga // Shelling F. I. Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1. M.: Mysl', 1987. S. 3-38.
13. Zhirmunskii V. M. Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika. SPb.: AXIOMA, 1996. 232 s.
14. Mann T. Volshebnyaya gora // Mann T. Sobranie sochinenii v 10 tomakh. T. 3. M.: GIKhL, 1959. S. 7-485.
15. Narskii I. S. Tema lyubvi v filosofskoi kul'ture Novogo vremeni // Filosofiya lyubvi. T. 1. M.: Politizdat, 1990. S. 110-148.
16. Novalis. Genrikh fon Ofterdingen. M.: Lodomir, Nauka, 2003. 290 s.
17. Novalis. Fragmenty. SPb.: Vladimir Dal', 2014. 319 s.
18. Popov Yu. N. Filosofsko-esteticheskie vozzreniya Fridrikha Shlegelya // Shlegel' F. Estetika. Filosofiya. V dvukh tomakh. Kritika. T. 1. M.: Iskusstvo, 1983. S. 7-39.

19. Razumakhina K. Yu. Osoznannoe zaimstvovanie i oposredovannoe vliyanie khudozhestvennoi traditsii v tvorchestve P. G. Vudkhauza. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2015. № 178. S. 134-138. EDN: VBUANJ.
20. Razumakhina K. Yu. Osobennosti modifikatsii rasskazchika v tsikle P.G. Vudkhauza "Dzhivs i Vuster" // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 2016. T. 26. № 3. S. 73-79. EDN: WHPMRL.
21. Razumakhina K. Yu. Khudozhestvennyi mir proizvedenii P. G. Vudkhauza i angliiskaya yumoristicheskaya traditsiya. *Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. SPb.: RGPU, 2017. 259 s.
22. Sadunova N. V. Filosofiya lyubvi nemetskogo romantizma. *Avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk*. Tver', 2009. 20 s. EDN: NQJMGX.
23. Tennison A. *Korolevskie idillii*. M.: Grant", 2001. 480 s.
24. Tennison A. *Volshebniitsa Shalot i drugie stikhotvoreniya*. M.: Tekst, 2007. 399 s.
25. Tynyanov Yu. N. Dostoevskii i Gogol' (k teorii parodii) // Tyanyanov Yu. N. *Literaturnaya evolyutsiya. Izbrannye trudy*. M.: Agraf, 2002. S. 300-339.
26. Fedorov F. P. Khudozhestvennyi mir nemetskogo romantizma: *Struktura i semantika*. M.: MIK, 2004. 368 s. EDN: QRIJAJ.
27. Shabunina E. V. Priroda komicheskogo v romanakh P. G. Vudkhauza o Dzhivse i Vustere. *Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. SPb.: SPbGU, 2016. 316 s.
28. Shelling F. I. Ob otnoshenii real'nogo k ideal'nomu v prirode // Shelling F. I. *Sochineniya v dvukh tomakh*. T. 2. M.: Mysl', 1989. S. 34-51.
29. Shelling F. I. Filosofskie issledovaniya o sushchnosti chelovecheskoi svobody i svyazannykh s nei predmetakh // Shelling F. I. *Sochineniya v dvukh tomakh*. T. 2. M.: Mysl', 1989. S. 86-158.
30. Shlegel' F. K. V. Idei // Shlegel' F. K. V. *Estetika. Filosofiya*. V dvukh tomakh. *Kritika* T. 1. M.: Iskusstvo, 1983. S. 358-364.
31. Shlegel' F. K. V. Filosofiya zhizni // Shlegel' F. K. V. *Sochineniya*. Tom 1. SPb.: Izdatel'skii proekt "Quadrivium", 2015. S. 6-353.
32. Shlegel' F. K. V. Lyutsinda // Shlegel' F. K. V. *Sochineniya*. T. 2. SPb.: Izdatel'skii proekt "Quadrivium", 2015. S. 215-199.
33. Shlegel' F. K. V. Filosofskie chteniya, v osobennosti po filosofii yazyka i slova. *Sochineniya* T. 2. SPb.: Izdatel'skii proekt "Quadrivium", 2015. S. 7-214.
34. Cawelti J. G. *Adventure, mystery, and romance: Formula stories as art and popular culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 344 p.
35. Dugan L. "Worcestershirewards": Wodehouse and the Baroque. *Connotations* 20.2-3 (2010/2011). P. 228-247.
36. Green B. P. G. *Wodehouse: A Literary Biography*. New York: Routledge, 1981. 256 p.
37. McCrum R. *Wodehouse. A life*. New York: Norton, 2006. 542 p.
38. Ratcliffe S., ed. P. G. Wodehouse: *A Life in Letters*. London: Arrow, 2011. Slater, Joseph, ed. *The Correspondence of Emerson and Carlyle*. New York: Columbia UP, 1964. 640 p.
39. Ruud J. "Never Built at All, and Therefore Built Forever": Camelot and the World of P. G. Wodehouse. *Connotations* Vol. 24.1 (2014/2015). P. 105-121.
40. Tennison A. *Maud* // Tennison A. *Maud and other poems*. L.: Edward Moxon, Dover Street, 1856. P. 1-110.

41. Wodehouse P. G. The Reverent wooing of Archibald // Wodehouse P. G. Mr Mulliner Speaking. L.: Arrow books, 2008. P. 9-30.

The linguistic aspect of conflict in Dina Rubina's Prose: an analysis of lexical and semantic features

Xu Yumin 

Associate Professor, Head of the Department; Department of Russian Language; Heilongjiang Polytechnic University

125252, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 5k2

✉ 1042238002@rudn.ru

Zhang Yukun 

PhD student, Department of Russian and Foreign Literature Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042235071@pfur.ru

Kovalenko Alexander Georgievich 

Doctor of Philology

Professor of the Department of Russian and Foreign Literature Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ ak-taurus@mail.ru

Abstract. The study "The linguistic aspect of conflict in Dina Rubina's prose: an analysis of lexical and semantic features" is an attempt to analyze the linguistic and semantic aspects of conflict in the works of the popular contemporary writer Dina Rubina. A study of this issue may shed light on how the author uses linguistic means to convey conflicts between characters, social contradictions, or inner mental struggles. The analysis of lexical and semantic features can help identify the specifics of the language that the writer uses to create an atmosphere of tension, drama or emotional saturation. Such a study can also be useful for literary critics, philologists, cultural scientists and anyone interested in language and literature.

Understanding how linguistic means can reflect and reinforce conflicts in literary works can help to better understand the essence of the text and the intensity of its emotional impact on the reader. The study is also relevant for literary scholarship and criticism, and may also offer new interesting insights into the work of this author. The practical significance of this research lies in the fact that it can help to better understand how language is used to express conflicts in literature. This knowledge can be useful for linguists, literary critics and critics who study the works of Dina Rubina or other authors. In addition, the research results can be used to develop methods for analyzing texts in order to identify and interpret lexical and semantic features, which can be useful when studying other works. The purpose of the work is to consider the linguistic aspect of conflict in Dina Rubina's prose: the analysis of lexical and semantic features. The following tasks follow from the set goal:

- to consider the concept of linguistic specificity of a literary text;
- to study the artistic and linguistic originality of D. Rubina's texts;
- to explore the lexical features of Dina Rubina's idiosyncrasy based on the collections of short stories "Bonjorno, Comandante!" and "Babylonian district of a Dimensionless City";
- to study the stylistic functions of verb forms in the stories of Dina Rubina.

The purpose defined the methods of work: descriptive and

analytical (analysis of literature on the research topic), continuous sampling (when collecting factual material), as well as the classification method.

Keywords: prose, conflict, artistic text, contemporary Russian prose, verb forms, idiolect, semantic features, lexical features, Dina Rubina, linguistic aspect of conflict

References (transliterated)

1. Akhmetsafina V., Kornilova L. Leksicheskie osobennosti idiosilya Diny Rubinoi na materiale sbornikov rasskazov "Bonzhorno, komandante!" i "Vavilonskii raion bezrazmernogo goroda" // Yazyk. Kul'tura. Mediakommunikatsiya. 2023. T. 3. № 2. URL: <https://lcmjournal.susu.ru/index.php/lcm/article/view/192> (data obrashcheniya: 07.01.2024).
2. Biografiya Diny Rubinoi // Biograf. URL: <https://biographe.ru/znamenitosti/dina-rubina/> (data obrashcheniya: 09.02.2023).
3. Derechenik A.I. Osobennosti funktsionirovaniya glagolov rechi: slovoobrazovatel'nyi i stilisticheskii aspekty (na materiale romana Diny Rubinoi "Na solnechnoi storone ulitsy") // URL: <https://conf.grsu.by/alternant2016/index-20.htm> (data obrashcheniya: 25.04.2024).
4. Zarubina N.D. Tekst: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty. Moskva: Russkii yazyk, 1981. 113 s.
5. Kolosova E.I. Glagol'naya leksika v khudozhestvennom tekste (na materiale rasskazov T. Tolstoi) // "" zagadnien semantyki i stylistyki tekstu. Lodz', 2010. S. 139-145.
6. Kolosova E.I. Stilisticheskaya funktsiya glagol'nykh form v rasskazakh Diny Rubinoi // Vestnik KazGUKI. 2016. № 2. EDN: WIQPWV.
7. Kochnova K.A. Voprosy izucheniya yazykovoi kartiny mira pisatelya // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2014. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8328> (data obrashcheniya: 26.03.2019). EDN: TBAUNL.
8. Larin B.A. Estetika slova i yazyk pisatelya. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1973. 288 s.
9. Lukin V.A. Khudozhestvennyi tekst. Moskva: Os'-89, 2005. 555 s. EDN: QRGcot.
10. Panovitsa V.Yu. Metaforicheskoe modelirovanie dara v trilogii Diny Rubinoi "Lyudi vozdukh" // Yazyk i kul'tura. Prilozhenie. 2013. № 2. S. 37-46. EDN: RPZEZX.
11. Rubina D. Bonzhorno, komandante! Moskva: Eksmo, 2020. 448 s.
12. Rubina D.I. Vavilonskii raion bezrazmernogo goroda. Moskva: Eksmo, 2019. 352 s.
13. Rubina D. Lyubka: rasskazy. Moskva: Eksmo, 2011. 432 s.
14. Rubina D.I. Bol'no tol'ko kogda smeyus'. Moskva: Eksmo, 2011. 384 s.
15. Tolkovy slovar' VI. Dal'ya. URL: <http://enc-dic.com/dal/Vyduivat-4458.html> (data obrashcheniya: 25.04.2024).
16. Tolkovy slovar' Ozhegova. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/181766> (data obrashcheniya: 25.04.2024).
17. Tolkovy slovar' Ushakova. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (data obrashcheniya: 02.05.2023).
18. Frazelogicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka. Moskva: Astrel', 2008.
19. Shafranskaya E.F. Sindrom golubki: Mifopoetika prozy Diny Rubinoi. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2012. 470 s. EDN: YZWXNJ.

Supertext as a Literary Phenomenon of Modernity: Theoretical Justification

Borunov Artem Borisovich 

Doctor of Philology

Professor; Department of European Languages and Intercultural Communication; A.S. Griboyedov Moscow University

Associate Professor; Department of Foreign Languages and Intercultural Communication; Russian State University of Social Technologies

111024, Russia, Moscow, highway Enthusiasts, 21

✉ borunov.artem@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to the development of the theory of super-large text prose formations (supertexts), characteristic of the turn of the 20th and 21st centuries, as noted by a number of researchers. The subject of the study is a type of text ensemble that we define as a supertext. The concept of text and its essence are subjects of study in linguistics (text linguistics); however, in literary theory, there is some terminological chaos regarding the definition of the term "supertext" and its relationship with "supercycle" and "cycle," as mentioned above. It seems important to us to clarify the terminological apparatus of literary studies concerning the phenomenon of cyclization and its generated phenomenon—the supertext as a hyper-genre, which we will discuss in the article. In this work, the central term is "supertext" as a prose cycle; the aim of the study is to examine existing definitions of this concept and highlight essential features that distinguish what may initially seem like synonymous terminology, describing the principles of cyclization and the formation of large text formations in literary studies. The practical material consists of the novels of D. Rubina, E. Vodolazkin, A. Ivanov, M. Yelizapov, S. Lukyanenko, M. Semenova, A. Pehov, K. Demina, among others; "Gone with the Wind" and its related cycle; the cycle "The Vampire Diaries," "A Song of Ice and Fire," and their adaptations. The main methodology of the work includes the analysis of theoretical sources and their interpretation, scientific modeling, synthesis, and hermeneutic analysis of literary works. The article convincingly proves the existence in the modern cultural field of text formations that exceed the traditionally large form of the novel and/or epic novel, which we refer to as supertext. The result of the research is the clarification of the term supertext in literary theory, abstracting from the definitions proposed by linguists engaged in text linguistics. A key aspect is the proposal of an author's formulation of the term supertext within the framework of literary studies, which undoubtedly emphasizes the novelty and relevance of the work. The article describes the highlighted definitions of supertext, based on the processed textual material of contemporary works of domestic and foreign prose, and also proposes a basis for the classification of supertexts in modern literature while attempting to clarify the terminological apparatus of literary studies concerning related concepts: supertext, cycle, text ensemble.

Keywords: superidea, hypergenre, textual ensemble, local text, literary theory, text theory, contemporary literature, cycle, cyclicity, supertext

References (transliterated)

1. Borunov A.B. Sverkhteksty v sovremennoi russkoi proze: printsipy strukturno-semanticheskoi organizatsii: avtoref. dis. ... d-ra filol. n.: 5.9.1. – M., 2024. – 34 s.
2. Egorova O.G. Problema tsiklizatsii v russkoi proze pervoi poloviny XX veka: diss. d-ra filol. n. 10.01.01. – Volgograd, 2004.

3. Tyupa V.I. Gradatsiya tekstovykh ansamblei // Evropeiskii liricheskii tsikl. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 15-17 noyabrya 2001 g. – M.: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 2003. – S. 51. EDN: SAEVJH
4. Loshakov A.G. Sverkhtekst kak slovesno-kontseptual'nyi fenomen: monografiya. – Arkhangel'sk: Pomorskii un-t, 2007. – 344 s. EDN: VWOVSN
5. Kikhnei L.G. Literaturnyi zhanrovyi kanon i zhanrovaya izotopiya (k probleme zhanrovoy identifikatsii) // Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Rossiya v mire" / Otvet. red. D.N. Zhatkin, T.S. Kruglova. – Moskva-Penza: Izdatel'stvo Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. – S. 390-397.
6. Abashev V.V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka / V.V. Abashev. – Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 2000. – 404 s. EDN: QIRNEL
7. Mednis N.E. Venetsiya v russkoi literature / otv. red. T.I. Pecherskaya. – Novosibirsk: NGU, 1999. – 392 s. EDN: TPYWOK
8. Toporov V.N. Peterburg i "Peterburgskii tekst russkoi literatury" // Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury: Peterburg // Trudy po znakovym sistemam. – Tartu, 1984. – Vyp. XVIII. – S. 3-29.
9. Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Matenova Yu.U. Semiotika "Samarkandskogo teksta" // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. – 2024. – T. 29. – № 1. – S. 34-45. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-34-45 EDN: ZAAIOD
10. Magomedova D.M., Tamarchenko N.D. "Sverkhtekst" i "sverkhdetal'" v russkoi i zapadnoi kul'ture // Diskurs. – 1998. – S. 24-28.
11. Borunov A.B., Ustinovskaya A.A. Vymyshlennye miry fentezi i «magicheskoi» prozy kak prostranstvo porozhdeniya sverkhteksta // Litera. 2024. № 3. S. 171-175. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69851 EDN: IEYBKV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69851
12. Andryukova E.A. K voprosu o sverkhtekste v sovremennom literaturovedenii: opredelenie, tipologiya, priznaki // Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva. – 2012. – № 1-2. – S. 8-12. EDN: OVXGEV
13. Borunov A.B., Afanas'eva O.V. Taksonomiya kak zhanro-i tsikloobrazuyushchii pattern "Fandorinskogo korpusa" B. Ak... // Nauchnyi dialog. – 2021. – № 7. – S. 140-153. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-00-00 EDN: KJARVQ
14. Borunov A.B. Igrovye strategii kak printsip sozdaniya sverkhtekstovogo edinstva v tvorchestve B. Ak... // Nauchnyi dialog. – 2023. – T. 12. – № 1. – S. 213-231. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-213-231 EDN: VCBIRM

The motif of Paradise Lost in the works of G. K. Chesterton

Porinets Yurii Yur'evich 

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Foreign Literature, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

✉ porinets2015@yandex.ru

Abstract. For the first time in both domestic and international literary studies, the motif of the lost paradise becomes the subject of an independent investigation within the context of G. K. Chesterton's works. In existing scholarly publications, this motif is mentioned only

within the analysis of the garden imagery in the novel *The Man Who Was Thursday*, completed by E.V. Vasilyeva. Traditionally, researchers have focused not on the author's poetics but on the ideological aspects of his work. The motif of the lost paradise holds a significant place in Chesterton's oeuvre. The specific nature of its function in the English writer's works lies in the fact that the lost paradise is not irrevocably lost. Thus, the tragedy inherent in this motif within European literature is overcome by Chesterton, which emphasizes the uniqueness of his artistic world.

The study employs the comparative method. It examines Chesterton's works pertaining to different genres and periods of the author's career. This article analyses the motif of the lost paradise in the works of G. K. Chesterton, one of the leading English writers of the twentieth century. The research encompasses a wide range of genres, including short stories, novels, treatises, and essays, and reveals the significance of this motif in the author's creative output. Particular attention is paid to the influence of Milton's poem *Paradise Lost* on Chesterton.

The paper examines the specific features of the lost paradise motif's function in Chesterton's texts, as well as its interrelation with other motifs, such as miracle, freedom, love, the regained paradise, and idyllic and apocalyptic motifs. This research allows for a clarification of the specific features of Chesterton's poetics, particularly the motif structure of his novels and short stories, and serves to define the place of his work within the context of twentieth-century English literature.

Keywords: idyll, wonder, *Paradise Lost*, essay, motif, treatise, short story, novel, being, influence

References (transliterated)

1. Averintsev S. S. Gilbert Kit Chesterton, ili neozhidannost' zdravomysliya // Chesterton G. K. Pisatel' v gazete. Khudozhestvennaya publitsistika. M.: Progress, 1984. S. 329-342. EDN: SWCYVC.
2. Atarova K. N. Avtor i ego geroi // Chesterton G. K. Charl'z Dikens. M.: Raduga, 2002. S. 5-14.
3. Borovinskaya T. V. O tsennosti obychnogo: kontsept common v esseisticheskom tvorchestve G.K. Chestertona // Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya. Materialy Chetvertykh Andreevskikh chtenii (Universitet Rossiiskoi akademii obrazovaniya, yanvar' 2006). M.: Ekon-Inform, 2006. S. 76-79.
4. Borkhes Kh. L. Chesterton // Borkhes Kh. L. Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh. T. 2. Rassledovaniya. M.: Amfora, 2001. S. 394-399.
5. Vasil'eva E. V. Simvolika sada v romane G. K. Chestertona "Chelovek, kotoryi byl Chetvergom" // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2016. Vyp. 1(33). S. 100-105. EDN: VRVBNL.
6. Dostoevskii F. M. Brat'ya Karamazovy // Dostoevskii F. M. Sobranie sochinenii v tridsati tomakh. T. XIV. L.: Nauka, 1975. 512 s.
7. Kozyreva M. A. Sub"ektivnost' pozitsii avtora v literaturno-kriticheskom issledovanii G. K. Chestertona "Robert Luis Stivenson" // Avtor. Geroi. Rasskazchik: Mezhevuzovskii sb. / Pod red. I. P. Kupriyanovoi. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2003. S. 142-148.
8. Kozyreva M. A. Literaturnye biografii G. K. Chestertona kak avtorskaya zhanrovaya forma // Vestnik TGGPU. 2010. № 2 (20). S. 156-159.
9. Kozyreva M. A. Poisk i obretenie very v knigakh G. K. Chestertona "Ortodoksiya" i "Vechnyi chelovek" // Vestnik TGGPU. Filologiya i kul'tura. 2013. № 2 (32). S. 136-139.

10. Novalis. Genrikh fon Ofterdingen. M.: Lodomir, Nauka, 2003. 290 s.
11. Pisarev L. V. Problema idei vostochnogo pessimizma i krizis rubezha XIX–XX vekov v romane G. K. Chestertona "Chelovek, kotoryi byl Chetvergom" // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 5 (84). S. 314-119. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00973. EDN: XVJPDQ.
12. Plakhtienko O. P. Khristianstvo kak religiya radosti i svobody v proizvedeniyakh G. K. Chestertona // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2008. № 4. S. 92-95. EDN: JVATJB.
13. Porinets Yu.Yu. Obraz common people v romanakh G. K. Chestertona // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 5. S. 48-53. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.5.30920 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30920
14. Trauberg N. L. Chesterton v Anglii // Chesterton G. K. Neozhidannyi Chesterton. M.: Istina i Zhizn', 2002. S. 7-42.
15. Chesterton G. K., Livergant A. Chesterton o literature. Vstupitel'naya stat'ya, sostavlenie i primechaniya A. Liverganta // Voprosy literatury. 1981. № 1. S. 195-232.
16. Chesterton G. K. Zhiv-chelovek // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 1. SPb.: Amfora, 2000. S. 327-519.
17. Chesterton G. K. Chelovek, kotoryi byl Chetvergom // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 1. SPb.: Amfora, 2000. S. 175-326.
18. Chesterton G. K. Vozvrashchenie Don Kikhota // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 2. SPb.: Amfora, 2000. S. 349-504.
19. Chesterton G. K. Pereletnyi kabak // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 2. SPb.: Amfora, 2000. S. 145-348.
20. Chesterton G. K. Shar i krest // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 2. SPb.: Amfora, 2000. S. 5-144.
21. Chesterton G. K. Khoroshie syuzhety, isporchennye velikimi pisatelyami // Chesterton G. K. Sobranie sochinenii v 5 tomakh. T. 5. SPb.: Amfora, 2000. S. 471-474.
22. Chesterton G. K. Potryasayushchie prikl'yucheniya maiora Brauna // Chesterton G. K. Klub udivitel'nykh promyslov. Nevedenie ottsa Brauna. Mudrost' ottsa Brauna. Nedoverchivost' ottsa Brauna. M.: Profobrazovanie, 2001. S. 9-29.
23. Chesterton G. K. Chestnyi sharlatan // Chesterton G. K. Okhotnich'i rasskazy. Poet i bezumtsy. Rasskazy. Pyat' pravednykh prestupnikov. Paradoksy mistera Ponda. Nenapechatannye rasskazy. M.: Profobrazovanie, 2001. S. 318-346.
24. Chesterton G. K. Charl'z Dikens. M.: Raduga, 2002. 352 s.
25. Chesterton G. K. Eretiki // Chesterton G. K. Vechnyi chelovek. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2004. S. 411-508.
26. Chesterton G. K. Ortodoksiya // Chesterton G. K. Vechnyi chelovek. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2004. S. 509-650.
27. Chesterton G. K. Svyatoi Frantsisk Assizskii // Chesterton G. K. Vechnyi chelovek. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2004. S. 7-102.
28. Chesterton G. K. Svyatoi Foma Akvinskii // Chesterton G. K. Vechnyi chelovek. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2004. S. 305-410.
29. Chesterton G. K. Razboinichii rai // Chesterton G. K. Vse rassledovaniya ottsa Brauna. M.: Inostranka, Azbuka-Attikus, 2016. S. 204-215.
30. Milward P. G.K. Chesterton // The Chesterton Review. 2003. 29 (3). P. 375-385.
31. Allit P. Catholic converts: British and American intellectuals turn to Rome. Ithaca: Cornell University Press, 1997. XIV. 343 p.

32. Chesterton G. K. The flying inn. NY: John Lane Company, 1914. 320 p.
33. Chesterton G. K. The Man Who Was Thursday // The selected works of G. K. Chesterton. L: Wordsworth Editions Limited, 2008. P. 223-347.
34. Wills G. Chesterton, Man and Mask. N.Y.: Sheed and Ward, 1961. 243 p.

Features of the comic in the stage directions of A. P. Chekhov's plays

Chen Kangyu 

applicant; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

000000, China, Guangdong region, Guangzhou, Liganlu str., 6, sq. 1407

✉ hkoch24@outlook.com

Abstract. This study is dedicated to a comprehensive analysis of the functions and artistic specificities of stage directions in A.P. Chekhov's dramaturgy. The primary focus is on the role of stage directions as a tool for creating comic effects and expressing authorial irony. Drawing on the writer's key plays ("The Seagull," "Uncle Vanya," "The Cherry Orchard"), the research examines how Chekhov uses stage directions to reveal the contradiction between characters' illusions and objective reality. Special emphasis is placed on innovative techniques: the use of perfective past-tense verbs (e.g., "both smiled"), which create an effect of finality and doom; carnivalesque elements that transform tragic situations into comic ones; and non-stage directions addressed to the reader rather than the viewer. The study demonstrates how stage directions serve as a means of covert authorial commentary, combining the objectivity of a playwright with the subjectivity of a writer. The research employs comparative text analysis, an intertextual approach, and contextual examination of stage directions. Methods include detailed analysis of specific examples from the plays, as well as references to critical literature for interpreting authorial techniques. The scientific novelty of the study lies in its comprehensive approach to analyzing stage directions as a key means of expressing authorial irony and the comic in Chekhov's dramaturgy. For the first time, the use of past-tense verbs in stage directions is examined in detail, creating an effect of finality and emphasizing the characters' doomed nature. Additionally, the work reveals the connection between carnivalesque elements and genre definitions, demonstrating how Chekhov blends the comic with profound psychological depth. The conducted analysis confirms that stage directions in Chekhov's plays are not merely technical elements but also crucial tools for expressing the author's perspective. They reveal the author's irony toward the characters, highlighting the gap between their illusions and reality. In "Uncle Vanya," stage directions contribute to the characters' spiritual catharsis, while in "The Cherry Orchard," they enhance the carnivalesque laughter that masks the tragic situation. Thus, Chekhov's stage directions serve as a bridge between epic and dramatic forms, allowing the author to maintain objectivity while simultaneously expressing his attitude toward the characters.

Keywords: Uncle Vanya, The Seagull, irony, comic, comedy, author's opinion, stage direction, dramaturgy, A.P. Chekhov, The Cherry Orchard

References (transliterated)

1. Chudakov A.P. Poetika Chekhova [Tekst] / AN SSSR. In-t mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo. – Moskva: Nauka, 1971. – 291 s.
2. Romanenko S.M. Avtorskaya pozitsiya kak strukturoobrazuyushchii element zhanra

- komedii A.P. Chekhova "Chaika" // Problemy literaturnykh zhanrov: Materialy IX mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 120-letiyu so dnya osnovaniya Tom. gos. un-ta, 8-10 dek. 1998 g. / [Redkol.: A. S. Yanushkevich (otv. red.) i dr.]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999.
3. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. – M.: Nauka, 1974–1982. T. 13. P'esy. 1895–1904. – M.: Nauka, 1978. EDN: VNNSXB.
 4. Domanskii Yu.V. Chekhovskaya remarka: nekotorye nablyudeniya: Monografiya. – M.: GTsTM im. A.A. Bakhrushina, 2014. EDN: SCGJIL.
 5. Kataev V.B. Zhanrovaya priroda p'es // A.P. Chekhov. Entsiklopediya. – M., 2010.
 6. Zingerman B. Teatr Chekhova i ego mirovye znachenie. – M., 1988.
 7. Ishchuk-Fadeeva N.I. "Vishnevyi sad" kak dokument kul'tury pokayaniya // Kul'tura. – 1994. – 4 iyunya.
 8. Averintsev S.S. Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letiya E. M. Meletinskogo. – M., 1993.

The toposes "house", "road" ("path"), and "garden" in M. A. Kuzmin's novels "The Adventures of Aimé Leboeuf" and "Sir John Fairfax's Journey through Turkey and Other Notable Countries"

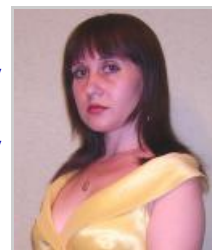
Glazkova Marina Mikhailovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department "Russian Language and General Educational Disciplines", Tambov State Technical University

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Sovetskaya str., 106

✉ rusfilol37@mail.ru



Abstract. In this article, the subject of research are such toposes as "house", "road" ("path"), "garden", which are found in the novels of Mikhail Alekseevich Kuzmin. Two works by this author are taken as objects of analysis – the novels "The Adventures of Aimé Leboeuf" and "The Journey of Sir John Fairfax through Turkey and other notable countries." The purpose of the study is to identify the unique characteristics and functions of these toposes in the artistic spaces of M.A. Kuzmin's works. The author of the article outlines a range of tasks: to define the term topos, to identify its structural features, to substantiate the status of the spatial images under consideration within the framework of the topological concept, to determine the semantic content of the toposes "house", "road" ("path"), "garden", and also to determine their functions in the context of the works of M.A. Kuzmin. The methodological tools consisted of structural-semiotic, mythological, and cultural-historical methods that made it possible to describe the structural and semantic features of the topoi "house", "road" ("path"), "garden", and their role at the real, perceptual, and conceptual levels of the artistic space. The novelty of the research lies in the use of a topological approach in the analysis of M.A. Kuzmin's works, with the condition of identifying the structure of each topos, establishing invariant-variant relationships between the elements of mental-semantic networks, and determining their functions. The study of novels in the aspect of typology reveals the specifics of the author's narrative, manifested in the depiction of life through a number of oppositions: oppositions of private and public space, family and social, recreation and work. These spaces, objectified in the studied toposes, form a complex system of relations, organize the integrity of the work; reveal the writer's concept, aspectual and subjective-modal features that form

the writer's idiosyncrasy. The author of the article comes to the following conclusions. The theoretical basis of the study is the binary nature of the topos as a structural unit of the chronotope and a type of artistic image; the structure of the topos, which includes a network of loci and sub-loci; the change in the status of the lexeme (topos / locus) depending on the focus of its consideration. The toposes "house", "road" ("path"), and "garden" are the basic spatial images in the poetics of novels, representing the source of the most important archetypal myth-generating motifs for their plots, as well as the places where deep meanings unfold, perform the function of characterizing images, revealing a range of problems and the author's intention.

Keywords: axiological values, cultural code, binary nature, changing the status of a token, topos structure, mythologeme, spatial images, universal category, archetypal topos, topological approach

References (transliterated)

1. Pykhtina Yu. G. Urovnevyy analiz prostranstvennykh obrazov i modelei v khudozhestvennoi literature // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 11(211). S. 59-66.
2. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii / Pod red. A.N. Nikolyukina. Institut nauchn. informatsii po obshchestvennym naukam RAN. M.: NPK «Intelvak», 2001. 600 stb.
3. Kurtsius E. R. Evropeiskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e. T. 1 / per. s nem., komment. D. S. Kolchirina. Pod red. F. B. Uspenskogo. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2020. 560 s.
4. Kriklivets E. V. Topos kak strukturnyi element khronotopa i ob'ekt nauchnogo issledovaniya (na primere tvorchestva V. Astaf'eva i V. Koz'ko) // Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova. 2013. T. 16. S. 126-131.
5. Sorina, E. A. Topos «Gott starb» v tvorchestve Leonida Andreeva // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2023. T. 24, № 3-1. S. 277-285.
6. Prokof'eva V. Yu. Kategoriya prostranstvo v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 11(49). S. 87-94.
7. Khainadi Z. Arkhitepicheskii topos // Literatura. 2004. № 29. S. 7-13.
8. Bulgakova A.A. Topika v literaturnom protsesse: posobie. Grodno: GrGU, 2008. 107 s.
9. Baevskii V.S. K poetike prostranstvenno-vremennykh otnoshenii u Feta, Bloka i Pasternaka // Prostranstvo i vremya v literature i iskusstve. Konets KhIKh – KhKh vek: metod. materialy po teorii literatury. Daugavpils: Daugavp. ped. in-t im. Ya.E. Kalnberzina, 1987. S. 4-6.
10. Lotman Yu. M. Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya // Uchen. zap. Tart. gos. un-ta. 1968. Vyp. 209. S. 5-50.
11. Zhen' T., Nagumanova E.F. Lokus doma v romane E. A. Katishonok «Zhili-byli starik so starukhoi» // Filologiya i kul'tura. 2024. № 3(77). S. 211-217.
12. Kuzmin M. Izbrannye proizvedeniya / vstup. st., komment. A. Lavrova, R. Timenchika. L.: Khudozh. lit., 1990. 576 s.
13. Bashlyar G. Izbrannoe: Poetika prostranstva / per. s fr. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. 376 s.
14. Fukson, L. Yu. Prostranstvennye arkhetipy // Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2014.

№ 1. S. 9-15.

15. Defo D. *Robinson Kruzo: Roman* / per. s angl. M. Shishmarevoi. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 240 s.
16. Auslender S. M. Kuzmin. *Prikluyeniya Eme Lebefa, roman v 4 chastyakh* // V mire iskusstv. 1907. № 7/8. S. 31.
17. Kaiua R. *V glub' fantasticheskogo. Otrazhennye kamni* / per. s fr. N. Kislovoi. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2006. 280 s.
18. Dmitrieva E. *Zapakhi v usad'be* // *Aromaty i zapakhi v kul'ture* / sost. O. B. Vainshtein. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. Kn. 2. S. 134-166.
19. Likhachev D. S. *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst* / izd-e vtoree, ispr. i dopoln. SPb.: Nauka, 1991. 372 s.
20. Kuzmin M. *Dnevnik 1934 goda*. SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 1998. 416 s.
21. Neelov E. M. *Vol'shebno-skazochnye korni nauchnoi fantastiki*. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1986. 200 s.

The Poetics of the Unspoken: The Artistic World of Zinaida Katkova's Novel "The Addressee Has Left"

Pendel'skaya Elena Aleksandrovna 

Postgraduate student; Institute of National Culture and Intercultural Communication; Mari State University

44 Kremlevskaya str., Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia

✉ elen8080@list.ru

Abstract. This article is devoted to a comprehensive literary analysis of the Russian-language novella "The Addressee Has Left" (1976) by Zinaida Fedorovna Katkova, a Mari bilingual writer of the second half of the 20th century, which is examined in the context of the phenomenon of "quiet prose" in Russian literature of the 1970s. The scientific novelty of this study lies in the first attempt to analyze this novella, which, like the rest of Katkova's Russian-language works, remains on the periphery of academic discourse. The purpose of this work is to identify and describe the holistic artistic system of the story, which is formed at the intersection of the classical traditions of Russian literature (I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, etc.) and the poetics of Soviet "chamber" prose. The specific subject of research in this article is the poetics of the unsaid in the artistic system of the story "The Addressee Has Left." The methodological basis of this study is a synthesis of structural-semantic, historical-genetic, and comparative-typological analysis of literary texts that corresponds to the purpose of the work. The research proves that the dominant principles of the poetics of the unsaid in Zinaida Katkova's novel "The Addressee Has Left" are a retrospective composition that models the workings of a traumatized consciousness, a system of artistic images and details rich in symbolism, and the plot-forming role of subtext, which transforms silence into the main engine of conflict (the conflict unfolds not in the realm of eventful confrontations, but in the realm of unspokenness). It is noted that Zinaida Katkova's artistic world exists in an intensive, consciously constructed dialogue with the Russian classical tradition, which allows us to speak about deep-seated intertextuality as a crucial element of her poetics (the Turgenev paradigm, Chekhov's poetics, and the explicit archetypal elements derived from Russian literature). The article identifies the place of Zinaida Katkova's work in the literary process of her era and outlines some prospects for its further study. It is concluded that the story "The Address Has Been Removed" is a profound artistic exploration of the nature of human relationships, the fragility of mutual understanding, and ultimately, the possibility of redemption and forgiveness through the

restoration of a broken connection, symbolized by a letter that finally finds its intended recipient.

Keywords: psychologism, literary tradition, retrospective composition, artistic detail, subtext, poetics of the inexpressible, artistic world, quiet prose, Zinaida Katkova, Mari Russian-language literature

References (transliterated)

1. Lapshin A.E. Russkaya sovetskaya proza 1960–1980-kh godov: problemy poetiki. M.: IMLI RAN, 2016. 360 s.
2. Os'mukhina O.Yu. "Tikhaya proza" 1970-kh godov: poetika "negromkogo" slova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 5 (83). S. 44-48.
3. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo, 1970. 384 s.
4. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. AN SSR, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki; otv. red. T.V. Tsiv'yan. M.: Nauka, 1983. S. 227-284. EDN: TZOXML.
5. Veselovskii A.N. Istoricheskaya poetika. M.: Vysshaya shkola, 1989. 404 s.
6. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. M.: Iskusstvo, 1976. 367 s.
7. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. 443 s.
8. Chudakov A.P. Poetika Chekhova. M.: Nauka, 1971. 291 s. EDN: VNNKGL.
9. Amineva V.R. Povestvovatel' i geroi v povesti A. Eniki "Nevyskazannoe zaveschchanie" // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7(61). Ch. 1. S. 12-14. EDN: TTXVUM.
10. Gladkaya E.F. Yazykovye markery neverbalizovannykh smyslov v lirike: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. 182 s. EDN: NPQAWN.
11. Vlasova Yu.E., Vavichkina T.A. «Dialektika dushi» i drugie psikhologicheskie priemy v romane Mikhaila Nuaime «Poslednii den'» // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 11. S. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.11.72276 EDN: GQGUSR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72276
12. Krasnikov Ya.E. Kategorii geroya i personazha v drame v svete istoricheskoi poetiki (v neklassicheskii period epokhi modal'nosti) // Litera. 2023. № 7. S. 94-107. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43615 EDN: TMPBTJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43615
13. Skrypnik E.R. Neverbal'nye komponenty obshcheniya v dialogakh kak marker otnoshenii personazhei v povesti A.P. Chekhova «Tri goda» // Litera. 2024. № 4. S. 333-339. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70515 EDN: MVUWGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70515
14. Katkova Z. Esli by ne voina: povesti i rasskazy. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1976. 109 s.
15. Markovich V.M. Turgenev i russkii realisticheskii roman XIX veka. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1982. 208 s.

Representation of the concept of the Far East in the novel by R. I. Fraerman "Wild Dog Dingo, or The Story of first Love"

Abstract. This article is devoted to the reconstruction of a fragment of the cognitive level of the linguistic personality of R. I. Fraerman, a Soviet writer, namely, the reconstruction of the concept of the Far East based on the material of the work "Wild Dog Dingo, or The Story of First Love". The subject of the study is the linguistic representation of a concept that is significant for the entire linguistic picture of the world by R. I. Fraerman. In modern linguistics, a number of definitions of the concept and approaches to its study, description and analysis coexist. In this article, the concept is understood as a mental representation of a person's knowledge of reality, carrying cultural information and finding its expression in various sign systems. This definition of the concept belongs to researchers in the field of conceptology O. A. Alexandrov and O. A. Andreeva. The study is based on the methods and techniques of semantic and cognitive description of the concepts of Z. D. Popova and I. A. Sternin. In addition to the methods and techniques of semantic and cognitive description of concepts, the study uses a descriptive method, including methods of observation, comparison, classification, the method of component analysis and individual techniques of statistical analysis. The scientific novelty of the research is determined primarily by the choice as its subject of the description of the concept that makes up the individual linguistic picture of the world of R. I. Fraerman, whose work, including the linguistic aspect, is currently completely unexplored. The following conclusions were obtained during the study: 1) the concept of the Far East as an integral element of the entire linguistic picture of the writer's world is evaluative; 2) most of the nominations representing the concept name certain natural phenomena of the region (its flora, fauna, relief, climate) and features, phenomena of the life of the indigenous people (Nanai); 3) vocabulary included in the nominative the field is quite detailed and specific, which is due to the writer's personal acquaintance with the specified region (the Far East).

Keywords: linguoculturology, reconstruction, semantic and cognitive description of the concept, the linguistic picture of the world, language personality, cognitive science, The Far East, concept, The Wild Dog Dingo, R. I. Fraerman

References (transliterated)

1. Yakimova, L. P. Fraerman Ruvim Isaevich // Russkaya literatura KhKh veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: biobibl. slovar': v 3 t. / pod red. N. N. Skatova. – M.: OLMA-PRESS Invest, 2005. T. 3. P–Ya.
2. Arzamastseva, I. I. Fraerman Ruvim Isaevich // Russkie pisateli, XX vek: biogr. slov.: A–Ya / sost. I.O. Shaitanov. – M.: Prosveshchenie, 2009.
3. Fraerman, R. I. Dikaya sobaka dingo, ili Povest' o pervoi lyubvi: povest'; [predisl. K. Paustovskogo]; khudozhnik S. Monakhov. / R. I. Fraerman. – M.: Det. lit., 2016.
4. Paustovskii, K. G. Sobr. soch.: V 8 t. / K. G. Paustovskii. – M.: Khudozh. lit., 1967–1970. T. 8.
5. Ivich, A. Fraerman – chetyre povesti o probuzhdenii // A. Ivich. Vospitanie pokolenii / A. Ivich. – M.: Det. lit., 1969.
6. Putilova, E.O. Vospitanie chuvstv // Fraerman R.I. Dikaya sobaka dingo, ili Povest' o pervoi lyubvi. Kuznetsova A. A. Chestnoe komsomol'skoe. Povesti. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1987.

7. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Kognitivnaya lingvistika / Z. D. Popova, I. A. Sternin. Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, Voronezhskii gos. un-t. – Moskva: AST: Vostok, 2007.
8. Blinkova, M. M. R. I. Fraerman: Kritiko-biogr. ocherk / Dom det. knigi. – Moskva: Detgiz, 1959.
9. Karaulov, Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. – 7-e izd. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.
10. Fraerman, R. I. Povesti i rasskazy. Ris. Yu. Ignat'eva. / R. I. Fraerman. – Moskva, «Det. lit.», 1976.

The role of stating speech types in travel texts

Ovsyannikov Dmitrii Yakovlevich 

Postgraduate student; Institute of History and Philology; Buryat State University named after Dorji Banzarova
670024, Russia, Rep. Buryatia, Ulan-Ude, Zheleznodorozhny district, Yunogo Kommunara str., 1, sq. 331

✉ beginer.writer.1@gmail.com

Varfolomeeva Yuliya Nikolaevna

Doctor of Philology

Associate Professor; Department of Media Communication; East Siberian State University of Technology and Management

670013, Russia, Rep. Buryatia, Ulan-Ude, Oktyabrsky district, Klyuchevskaya str., 40B

✉ yulvar83@mail.ru



Abstract. This article is devoted to the study of the role of stating types of speech in travel texts. It has been revealed that a large number of descriptions of the landscape are inherent in travel reporting, as in it the author shares his personal thoughts and experiences from the trip. Description of the interior, portrait and description of the subject are more often found in travel essays and notes, as in them the author tries to convey not only the exterior of the building, but also the interior of the room, staff or interesting personalities. Description-characteristics are especially in demand in recommendations, as this genre is characterized by detailed descriptions of routes, localities, places to visit, costs, travel tips and reviews, since the texts of this genre contain deep author's reflections on events and vivid and memorable descriptions. The purpose of the work is to analyze the types of speech in correlation with the genre classification of travel texts. In the study, 107 travel texts from magazines and online platforms, such as Yandex, were analyzed using a descriptive method. Such as "Travel", "Around the world", "RUSSPASS" and others. The methodological basis for determining the ascertaining types of speech is the work of the O. A. Nechaeva linguistic school, which distinguishes the types of description (landscape, interior, portrait, subject, characteristic) and narration (specifically scenic, generically scenic, informational). A quantitative analysis of the distribution of speech types by genres of travel texts (travel essay, travel report, recommendation, review, note) was carried out. It was found that the genre of "review" is dominated by description (45%), and the genre of "recommendation" is dominated by narration (31%). In addition, the work revealed the peculiarities of using speech types. For example, a landscape description is typical for a travel report, a description of an interior, subject, and portrait is typical for a travel essay and a note, and a description-characteristic is more common in recommendations and reviews. Informational narration prevails in most travel texts, providing their informational function, while specific stage and generalized stage

narratives convey the dynamics of events and the personal experience of the author. The research results can be applied in journalism and linguistics to develop techniques for creating and editing travel texts. For the first time, the study conducted a comprehensive analysis of the role of stating speech types in travel texts, including on the basis of a quantitative approach, which made it possible to identify their genre specifics and functional role. The study highlights the importance of combining textual and visual components to enhance the impact on the reader. Description and narration are integral and complementary components of travel texts that convey the atmosphere of travel and the author's personal experience. Their combination with visual elements such as travel photography enhances the perception of text, while maintaining the unique role of textual description in creating an emotional and aesthetic effect.

Keywords: recommendation, description-characteristics, TT genres, landscape description, travel, types of speech, narration, description, genres, travel text

References (transliterated)

1. Varfolomeeva, Yu. N. Glagol'noe semanticheskoe pole retseptivnogo prostranstva v tekstakh tipa "opisanie" : dis. ... d-ra fil. nauk : 12.02.01 / Yuliya Nikolaevna Varfolomeeva. – Ulan-Ude, 2021. – 426 s.
2. Vodyasova, L. P. Opisanie kak funktsional'no-smyslovoi tip rechi, ego vidy i rol' v khudozhestvennom tekste / L. P. Vodyasova // Vestnik ugrovedeniya. – 2019.
3. Gegelova, N. S. Trevel-zhurnalistika na rossiiskom televidenii / N. S. Gegelova // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. – 2016.
4. Goncharova, L. M., Kurchenkova, O. V. Trevel-teksty i ikh rol' v sovremennom turisticheskome diskurse / L. M. Goncharova, O. V. Kurchenkova // Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chteniya : materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskego festivalya slavyanskikh yazykov i kul'tur, Moskva, 23-25 maya 2018 goda. – Moskva : Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina, 2018. – S. 774-777. – EDN XUHRBZ.
5. Donnik, U. A. Rechevaya forma "opisanie" v trevel-tekste / U. A. Donnik // Molodoi uchenyi. – 2018. – № 9 (195). – S. 196-199. – URL: <https://moluch.ru/archive/195/48630/> EDN: YRERCN
6. Krivtsov, N. V. Trevel-zhurnalistika: spetsifika napravleniya i ego problemy / N. V. Krivtsov // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2017.
7. Leto na Baikale: plyazhi, rybalka i shamanskii prazdnik // Yandeks.Puteshestviya. – URL: <https://travel.yandex.ru/journal/leto-na-baykale/>
8. Mukha, A. V., Fedoseeva, N. I. Soderzhatel'naya i zhanrovaya spetsifika trevel-zhurnalistiki v zavisimosti ot vidov SMI / A. V. Mukha, N. I. Fedoseeva // Ogarev-Online. – 2015.
9. Nechaeva, O. A. Funktsional'no-smyslovye tipy rechi: (Opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie) / O. A. Nechaeva. – Ulan-Ude : Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. – 261 s.
10. Pokazan'eva, I. V. Problemnoe pole trevel-zhurnalistiki kak yavleniya sovremennogo mediaprostranstva / I. V. Pokazan'eva // Mediaskop. – 2013.
11. Poselok Mstera vo Vladimirovskoi oblasti: mesto vdokhnoveniya // Yandeks.Puteshestviya. – URL: <https://travel.yandex.ru/journal/mstyora-vydohnut-i->

vdohnovitsya/

12. Red'kina, T. Yu. Sredstva realizatsii razvlekatel'noi funktsii v trevel-tekste / T. Yu. Red'kina // Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura. – 2011.
13. Red'kina, T. Yu. Eticheskie i kul'turno-rechevye normy v trevel-mediatekste / T. Yu. Red'kina // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2014.
14. Tertychnyi, A. A. Analiticheskaya zhurnalistika : uchebnoe posobie dlya vuzov / A. A. Tertychnyi. – Moskva : Aspekt Press, 2010. – 352 s. EDN: QXSZRZ.
15. Tertychnyi, A. A. Zhanry periodicheskoi pechati / A. A. Tertychnyi. – Moskva : Aspekt Press, 2000. – 312 s.
16. Vasilenko, A. S., Karpenko, I. I., Persi, U., Polonskii, A. V., S'edin, V. I. Trevel-zhurnalistika: ponyatie, zhanry, osobennosti professional'noi deyatel'nosti : monografiya / A. S. Vasilenko, I. I. Karpenko, U. Persi, A. V. Polonskii, V. I. S'edin. – Belgorod : Nauchnoe izdanie, 2019. – 123 s. – ISBN 978-5-98242-267-5.
17. Khamaganova, V. M. Svoeobrazie predikativnogo priznaka v tekste tipa "opisanie" / V. M. Khamaganova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017.
18. Khamaganova, V. M. Strukturno-semanticheskaya i leksicheskaya model' teksta tipa "opisanie" : problemy semiotiki i ontologii : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01 / V. M. Khamaganova. – Moskva, 2002. – 332 s. EDN: QDUDWF.
19. Shteiman, M. S., Pokachalova, A. V. Tendentsii razvitiya i funktsionirovaniya trevel-zhurnalistiki v informatsionnom pole rossiiskikh SMI / M. S. Shteiman, A. V. Pokachalova // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2019.

Existential Constructions in Prose Text by P.A. Ojunskey: A Model of the Beginning of Existence, Events, and Actions

Sivtseva Nataliya Aleksandrovna

PhD in Philology

Senior Researcher; Institute of Humanitarian Problems and Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

677027, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovskogo str., 1, office 205.

✉ sivnanat@mail.ru



Abstract. The article is devoted to the existential constructions in the Yakut language using the prose works of P.A. Ojunskey, the founder of Yakut Soviet literature, the statesman and public figure, the scientist-linguist. The existential constructions in the Yakut language based on functional-semantic analysis are considered. The relevance of this article is substantiated by the application of modern approaches to the study of the Yakut language, which presuppose a holistic organization of universal semantic categories. The study is based on the proposition that the sentence as a basic syntactic unit, is reflected in a model that «combines the invariants of minimal structural schemes that ensure the completeness of the sentence and the generalized propositions associated with them» [10, pp. 64-76]. The structural diagram of the syntactic model of the beginning of existence in the Yakut language consists of a subject, an object and a predicate of the existential type, expressed by verbs of the initial phase of being, existence. The typical meaning of the model of the beginning of existence, event, action is «to begin (to start) one's existence, to appear (to appear), to become (to become) existing; to begin (to start) to carry out any actions, to be accomplished, to occur» [3, p. 367]. The method of continuous sampling in forming the material from lexicographic sources, the method of modeling, the method of glossing for the presentation of illustrative

material are applied in the study. A new feature is the presentation of the model of the beginning of existence, event, action as a component of the functional-semantic field of being in the Yakut language based on the material of prose artistic texts by P.A. Oyunsky. Verbal means of expression denoting the beginning of existence, event, action in the aforementioned texts are determined. It has been revealed that one of the such means are the existential verbs *teree* 'to give birth, to be born, to be born', *yeskee* 'to be born, to occur from something, to happen, to be from somewhere, to grow up somewhere' and their derivative forms (participles and adverbial participles). Verbal means of expressing the beginning of an event or action in the prose texts by P.A. Oyunsky also include analytical constructions (adverbial participle ending in *-an* + auxiliary verb), formed with the help of the auxiliary verbs *bar-* (tonon *bar-* 'to start to freeze', *buolan bar-* 'to start to be'), *er-* (*suuyan er-* 'to start to wash'). The models of the beginning of existence, event, and action, on which the existential constructions in the texts under consideration are based, have been established.

Keywords: means of expression, verb, construction, model, function, semantics, beingness, category, functional grammar, Yakut language

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Bytiinye predlozheniya v russkom yazyke // *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1976. № 3. S. 229-238.
2. Arutyunova N.D., Shiryayev E.N. *Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip: struktura i znachenie*. M.: Russkii yazyk, 1983. 198 s.
3. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* / Pod red. prof. L.G. Babenko. M.: AST-PRESS KNIGA, 1999. 576 s.
4. *Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 12 (Bukvy U, Y)* / pod red. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2015. 598 s.
5. *Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 10 (Bukva T: t – tēhyylee)* / pod red. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2013. 575 s.
6. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoi literatury*. M.: Vysshaya shkola, 1991. 448 s.
7. Vinogradov V.V. *Problemy russkoi stilistiki*. M.: Vysshaya shkola, 1981. 320 s.
8. Durova M.V. *Modeli bytiino-prostranstvennykh elementarnykh prostykh predlozhenii v yaponskom yazyke: avtoref. kand. d. filol. nauk*. Novosibirsk, 2016. 25 s. EDN: XBKJMQ
9. Efremov N.N. Bytiinye konstruksii v epicheskome tekste (po materialam epicheskogo geroicheskogo eposa olonkho) // *Gumanitarnyi vektor*. 2013. № 4. S. 149-154. EDN: RTVFVL
10. Koshkareva N.B. Metod modelirovaniya struktury i semantiki elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsey yazyka // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2006. T. 4. Vyp. 2. S. 64-76. EDN: HYRSFN
11. Oiuunuskai P.A. *Talylybyt aiymn'ylar. 2 tom: Kepseenner, sehenner, p'esalar, akhtyy. D'okuuskai: Bichik*, 1993. 448 s. (na yakutskom yazyke).
12. Sivtseva N.A. Bytiinye konstruksii v poeticheskikh tekstakh A.E. Kulakovskogo: model' kauzatsii nachala sushchestvovaniya // *Yazykovye protsessy i funktsionirovanie yazykov v polikul'turnom prostranstve. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora Gavril Gavril'evicha Filippova*. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2024. S. 85-90. EDN: QRSNCB

13. Sivtseva N.A. Bytiinye konstruktzii v yakutskom yazyke: model' kauzatsii nachala sushchestvovaniya // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 1. S. 83-92. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69520 EDN: EDOQVB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69520
14. Sivtseva N.A. Sintaksicheskie konstruktzii s glagolami bytiya v tekstakh krugovogo tantsa osuokhai // Krugovye tantsy narodov Evrazii: aktual'nye voprosy izucheniya, sokhraneniya, ukrepleniya traditsii. Sbornik nauchnykh statei. Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2024. S. 268-276. EDN: AKAUBL
15. Sivtseva N.A. Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya bytiinosti v yakutskom yazyke // Altaistika. 2023. № 3. S. 5-12. DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3-5-12 EDN: XWNZGT
16. Sivtseva N.A. Yadernye i periferiinye sredstva vyrazheniya kategorii bytiinosti v poeticheskikh proizvedeniyakh A.E. Kulakovskogo zhanra algys (blagoslovenie) // Voprosy natsional'nykh literatur. 2024. № 2 (14). S. 66-72. DOI: 10.25587/2782-6635-2024-2-66-72 EDN: HPTKWS
17. Sleptsov P.A. Yakutskii literaturnyi yazyk: istoki, stanovlenie norm. Novosibirsk: Nauka, 1986. 260 s.
18. Tazranova A.R. Biverbal'nye konstruktzii s glagolami bytiya v altaiskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2002. 26 s. EDN: QDPFIR
19. Cheremisina M.I. Issledovanie modelei EPP v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 1997. № 4. S. 56-61. EDN: TNEZHV
20. Cheremisina M.I., Ozonova A.A., Tazranova A.R. Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nym skazuemym v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri. Novosibirsk: izd-vo "Lyubava", 2008. 205 s. EDN: RUOALH
21. Cheremisina M.I., Skribnik E.K. O sisteme modelei elementarnykh prostykh predlozhenii v yazykakh Sibiri // Gumanitarnye nauki Sibiri. 1996. № 4. S. 46-57. EDN: TBXINZ
22. Chugunekova A.N. Bytiino-pertseptivnye modeli predlozhenii v khakasskom yazyke // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 78-81. EDN: SKHLKN
23. Chugunekova A.N. Modeli prostogo predlozheniya s semantikoi sushchestvovaniya sub"ekta v prostranstve (na materiale khakasskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 3. Ch. 1. S. 203-206. EDN: PUVAUX
24. Shilova V.V. Sistema prostranstvennykh modelei elementarnykh prostykh predlozhenii v nenetskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2002. 22 s. EDN: QDTAIN
25. Shilova V.V. Bytiino-pertseptivnye modeli elementarnykh prostykh predlozhenii v nenetskom yazyke: modeli ischeznoveniia // Yazyki korennykh narodov Sibiri. Novosibirsk: izd-vo NGU, 2002. Vypusk 12. S. 115-123.

Comparative analysis of ellipsis functions in different functional styles of the English language

Kudryashova Anna Nikolaevna 

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Linguistics and Professional Communication; Southern Federal University
Associate Professor; Department of Foreign Languages and Speech Communications; RANEPA South Russian
Institute of Management

93 Universitetskiy Lane, Rostov-on-Don, Rostov region, 344006, Russia

✉ fairagness@mail.ru

Marzhelevskaya Elena Vyacheslavovna 

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication; Southern Federal University

93 Universitetskiy Lane, Rostov-on-Don, Rostov region, 344006, Russia

✉ helenmanjel@rambler.ru

Abstract. Ellipsis is a term for a number of linguistic phenomena when a sentence lacks a unit that would normally be obligatory, and it is nevertheless semantically reconstructed from the local syntactic or semantic context. Ellipsis phenomena are interesting from a linguistic point of view, since the meaning is still achieved despite the absence of an explicitly expressed unit. This leads to questions about how ellipsis is represented and how the interpretation of the omitted lexical material is reconstructed. In recent years, there has been a surge of interest in ellipsis phenomena in theoretical linguistics, which has led to many new discoveries regarding individual ellipsis phenomena. The subject of the article is the functions of ellipsis in colloquial, official-business, fiction, journalistic and scientific texts. The aim of the work was to establish that ellipsis plays different roles in different functional styles. This article presents various phenomena related to ellipsis in English, in particular the mechanisms that control ellipsis in various styles. Conversational, formal-business, artistic, journalistic and scientific styles are considered. The aim of the work was to establish that the ellipsis performs a similar role in different functional styles. To achieve this goal, the methods of literary analysis, comparative analysis, the method of selecting examples, and contextual analysis were used. The results of the study showed that ellipsis is used with different frequencies in different styles, but the effect achieved with the help of this phenomenon is similar and represents an increase in the brevity and economy of speech. The results of this study can be used in linguistics, translation studies, and cultural studies. Scientific novelty consists in a systematic comparison of the functions of ellipsis in different styles. Ellipsis is used to achieve different goals, one of the most important ones is brevity and economy of linguistic means, which are manifested in all functional styles.

Keywords: function, artistic style, journalistic style, scientific style, analysis, English language, official business style, colloquial style, linguistics, ellipsis

References (transliterated)

1. Babenko K. V. Rechevoi aspekt upotrebleniya ellipsisa v ustnom angloyazychnom kontekste // Molodaya nauka. Sbornik tezisev uchastnikov II nauchno-prakticheskoi studencheskoi konferentsii. 2020. S. 61-62. EDN: MEIIM.
2. Bulaeva N. E., Davydova M. M. Ob ispol'zovanii ellipsisa v sovremennoi angloyazychnoi proze // Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei XXIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch. 2019. S. 217-219. EDN: EFOUVV.
3. Vavilova V. S., Osokina S. A. Stilevye osobennosti tekstov ofitsial'no-delovykh dokumentov // Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i SMI. 2023. № 24. S. 10-16. EDN: TOTZWE.
4. Vikh A. V. Ellipsis znamenatel'nykh chastei rechi kak sredstvo ekonomii vo

- frankoyazychnom mediadiskurse // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2022. № 1. S. 70-77. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-70-77. EDN: JNLYDH.
5. Gallyamitdinov D. E. Rechevye zadachi sledovatelya-professionala: razgovorno-obikhodnyi stil' vs ofitsial'no-delovoi stil' // Potentsial sotsial'no-gumanitarnogo znaniya v reshenii aktual'nykh problem sistemy ispolneniya ugovolnykh nakazanii v Rossii i za rubezhom. Sbornik materialov IV mezhdunarodnogo konkursa nauchnykh razrabotok na russkom i angliiskom yazykakh. 2023. S. 33-37. EDN: SWKNSS.
 6. Grosheva D. O., Sumenkova E. M. Osobennosti ellipticheskikh konstruksii v angloyazychnykh khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstakh // Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki. Materialy vos'moi mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2016. S. 101. EDN: WQCPRR.
 7. Delyaeva N. A. Publitsisticheskii stil' kak osnova yazyka SMI // Studencheskaya nauka i XXI vek. 2023. T. 20. № 1-2 (23). S. 321-322. EDN: SQEIKH.
 8. Dutova N. V. Problema perevoda ellipticheskikh konstruksii na materiale gazetnykh statei // Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennye vektory razvitiya. Sbornik nauchnykh statei po materialam I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2019. S. 28-35. EDN: SMEFOZ.
 9. D'yakonova S. A. Ellipsisy prichastiya, sub'ektnoi imennoi gruppy v prichastnykh oborotakh i ikh eksplikatsiya na materiale angloyazychnogo ekonomicheskogo diskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17. № 9. S. 3012-3023. DOI: 10.30853/phil20240428. EDN: ZQSKHM.
 10. Efimenko A. E. Ellipsis i paralipsis v ritorike i v narratologii // Novyi filologicheskii vestnik. 2023. № 4 (67). S. 70-79. DOI: 10.54770/20729316-2023-4-61. EDN: QGRIRT.
 11. Zingan Yu. P. Tipologicheskii analiz ellipticheskikh predlozhenii v angliiskom khudozhestvennom tekste // Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. № 1 (64). S. 36-40. EDN: CVWUFI.
 12. Ivanova V. Yu., Nikolaeva E. V. Ellipsis v zagolovkakh angloyazychnykh portalov (na materiale novostnykh angloyazychnykh portalov BBC, CNN) // Nauchnye issledovaniya 2024: aktual'nye teorii i kontseptsii. Sbornik materialov XLIX-oi mezhdunarodnoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 3 t. 2024. S. 79-82. EDN: RBOTTG.
 13. Kirsanov E. A. Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie transformatsii v perevode ofitsial'no-delovykh tekstov // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2023. № 94-3. S. 43-47. DOI: 10.18411/trnio-02-2023-128. EDN: VVQWOM.
 14. Klyuchenovich S. S. Tekstoorganizuyushchii potentsial ellipsisa v ekonomicheskom i yuridicheskom diskursakh // Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya. 2019. № 5 (102). S. 67-73. EDN: XMSXYP.
 15. Kosonozhkina L. V. Ellipsis kak yazykovaya universalija // Lingvisticheskie i psikhologicheskie osobennosti prepodavaniya inostrannykh yazykov. Sbornik materialov mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. 2018. S. 67-73. EDN: YVAZER.
 16. Kyuregyan A. L., Pertsevaya E. A., Kuz'mina A. P. Sistematizatsiya angliiskikh psevdointernatsionalizmov ofitsial'no-delovogo stilya pri perevode na russkii yazyk // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17. № 7. S. 2130-2135.
 17. Magomedova A. A., Shamsudinova S. E. Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii v romanakh angliiskikh pisatelei XX veka // Dagestanskii gosudarstvennyi universitet. 2024. № 6. S. 100-104.
 18. Morgunova M. N., Shcherbinina D. V. O nekotorykh grammaticheskikh osobennostyakh

- sovremennoi angliiskoi razgovornoj rechi // Sputnik vysshei shkoly. 2023. № 3 (14). S. 37-44. DOI: 10.55346/27825647_2023_3_37. EDN: ICHXAM.
19. Moskvina V. P. Khudozhestvennyi stil' // Aktual'nye problemy stilistiki. 2021. № 7. S. 53-62. EDN: NRSXHJ.
 20. Popova A. N. Perevodcheskie strategii peredachi ellipticheskikh konstruktivnykh s angliiskogo yazyka na russkii // Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya. 2022. № 1 (64). S. 73-78. EDN: ZLGBXB.
 21. Protopopova O. V. Vzaimodeistvie ofitsial'no-delovogo stilya s drugimi stilyami: za i protiv // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Pod redaktsiei M. P. Kotyurovoi; Gosudarstvennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Permskii gosudarstvennyi universitet". 2010. S. 267-277. EDN: QNLBJJ.
 22. Sirotina O. B. Razgovornyi stil', ili obikhodno-razgovornyi (obikhodno-bytovoi) stil' // Effektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetentsii). Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie. Sibirskii federal'nyi universitet; Pod redaktsiei A. P. Skovorodnikova. 2014. S. 511-512. EDN: UQASJL.
 23. Solganik G. Ya., Klushina N. I. Publitsisticheskii stil', ili gazetno-publitsisticheskii stil', ili stil' massovoi kommunikatsii // Effektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetentsii). Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie. Sibirskii federal'nyi universitet; Pod redaktsiei A. P. Skovorodnikova. 2014. S. 499-501. EDN: UQARQF.
 24. Suvorova N. L. Nenormativnyi ellipsis kak osnovnaya cherta prostorechnogo sintaksisa v angliiskom yazyke // Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera. 2011. № 13. S. 78-82. EDN: OKVRDJ.
 25. Tutarishcheva M. K. Ellipsis kak yazykovoe yavlenie // APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2018. № 2. S. 13. EDN: YRYRMH.
 26. Tutarisheva M. K., Tutarisheva M. K. Sushchnost', rol' i funktsii ellipsisa v yazyke (na materiale raznostrukturnykh yazykov) // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2014. № 3. S. 38-43. EDN: TBCOLH.
 27. Filippova O. I. Sredstva kognitivnoi kategorii izbytochnosti i ikh polifunktsional'nost' v khudozhestvennom tekste // Inostrannye yazyki v Uzbekistane. 2023. № 5 (52). S. 72-95. DOI: 10.36078/1696583046. EDN: MBQAKD.
 28. Ackermann M. E. et al. Encyclopedia of world history. Volume VII. Facts on File, 2008. P. 179.
 29. Hemingway E. The Garden of Eden. USA: Charles Scribner's Sons, 1986. P. 100.
 30. Kazin M. Trump and American Populism. Old Wine, New Bottles. Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, N. 6. P. 19.
 31. Mudde C. Europe's Populist Surge. A long time in the Making. Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, N. 6. P. 25.
 32. Rowling J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire. Bloomsberry, 2004. P. 54.
 33. Salinger J. The Catcher in the Rye. USA: Abridged Bestseller, 2014. P. 42, 60.
 34. Zakaria F. Populism on the March. Why the West is in Trouble. Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, N. 6. P. 9.
 35. United Nations. Quotes. Data dostupa: 26.05.2025. URL: https://en.wikiquote.org/wiki/United_Nations.
 36. USA Today. The Dodgers Game. Data dostupa: 26.05.2025. URL: www.usatoday.com.

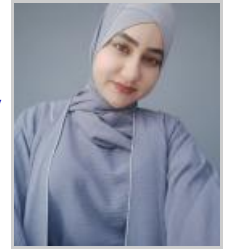
linguistics

Zenedinova Sanie Narimanovna

Postgraduate student; Department of Linguistics and Intercultural Communication; Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295000, Russia, Rep. Crimea, Simferopol, Lutfie Sofu str. 21

✉ z.saniye.n@gmail.com



Abstract. The article presents a comprehensive theoretical overview of modality as a multifaceted linguistic phenomenon. Modality is considered as a means of expressing the speaker's attitude towards the content of the utterance, encompassing evaluations of reality, veracity, possibility, necessity, and desirability. The study synthesizes key interpretations of modality from both Russian and Western linguistic traditions, laying the groundwork for comparative analysis. The main focus is on the classification of modal meanings, including deontic, epistemic, dynamic, bulletin, and affective modalities. The object of research is the linguistic category of modality in language. The subject of the study includes specific classifications, means of expression, and interlanguage realizations of modality, with a particular emphasis on a comparative analysis of Russian, English, and German languages. Objectives: to systematize the theoretical foundations of modality based on the works of leading Russian and foreign linguists; to define and illustrate the main types of modal meanings; to identify and compare grammatical and lexical means of expressing modality in Russian, English, and German languages. The study employs a comparative-descriptive method, theoretical analysis and synthesis of existing linguistic literature, comparative analysis of linguistic data from Russian, English, and German languages, contextual and semantic analysis of utterance examples to illustrate modal meanings, and componential analysis to distinguish modality from other grammatical categories. The study concludes that modality is a crucial component of semantics and pragmatics, necessary for culturally sensitive communication. By comparing examples from English, German, and Russian languages, the article highlights the grammatical, lexical, and contextual strategies used in these languages and differentiates modality from related grammatical categories such as tense and aspect. The novelty of this research lies in its synthetic and comparative approach, which integrates various classification systems of domestic linguistics (for example, V. V. Vinogradov's subjective-objective modality, A. V. Bondarko's six meanings) with established typologies of Western linguistics (for example, categories proposed by linguists such as D. Crystal and R. T. Lakoff). By applying this unified structure to the analysis of three linguistically distinct languages (Russian, English, and German), the article offers a unified perspective on universal and linguistically specific features of modality.

Keywords: foreign linguistics, Russian linguistics, affective modality, bulletin modality, dynamic modality, epistemic modality, deontic modality, subjective modality, objective modality, modality

References (transliterated)

1. Bondarko A. V. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. 264 s.
2. Bochkova O. S. Modal'nost' kak faktor formirovaniya teksta // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2007. № 3. S. 132-135.
3. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke //

- Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike. M., L.: Nauka, 1975. S. 53-87.
4. Gak V. G. Desemantizatsiya yazykovogo znaka v analiticheskikh strukturakh sintaksisa / V. G. Gak // Analiticheskie konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov. M., L.: Nauka, 1965. S. 129-142.
 5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd ed. Cambridge University Press, 2003.
 6. Diewald G., & H. M. Modality in German: A Functional Approach // Modality in Germanic Languages. John Benjamins Publishing Company, 2003.
 7. König E., & Siemund P. Speech Act Modality: A New Approach to the Study of Modality // Modality in Germanic Languages. John Benjamins Publishing Company, 2000.
 8. Krifka M. Modality in Language and Thought: Basic Issues // The Oxford Handbook of Philosophy of Language. Oxford University Press, 2011.
 9. Lako ff R. Tolmach. Language and Woman's Place. Text and Commentaries. Edited by Mary Bucholtz. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 310.
 10. Von Fintel K., & Gillies A. S. Epistemic Modality and Evidentiality: New Perspectives // Journal of Semantics. 2024. T. 41, № 1. S. 1-25.
 11. Zimmermann M., & Ede A. Discourse Particles and Modal Interpretation // Linguistics and Philosophy. 2021. T. 44. S. 1205-1245.

The Problem of the Relationship between Faith and Religion in Ma Boyong's Novel "The Zoo at the End of the World"

Kondratova Tatiana Ivanovna 

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Foreign Languages; Moscow City Pedagogical University

127220, Russia, Moscow, Savelovsky district, 3 Poltavskaya St.

✉ kondratovati@mgpu.ru

Popova Anastasiia Viktorovna 

Independent researcher

111677, Russia, Moscow, Nekrasovka district, Pokrovskaya str., 14

✉ anysta@yandex.ru

Abstract. The authors analyze the relationship between faith and religion in the novel "Zoo at the End of the World" by contemporary Chinese writer Ma Boyong. The study focuses on the poetics and thematic aspects of the work, focusing on the functions of fairytale and adventurous elements in constructing a plot based on the protagonist's journey to Inner Mongolia in the early 20th century to restore Christian churches destroyed during the Boxer Rebellion. The subject of the study: methods for formulating and addressing the spiritual and religious issues of Chinese society in the early 20th century. The aim of the study is to identify what narrative techniques based on the traditional fairytale narrative of travel were used to create the story, the functions of miraculous elements, and their connection to magical realism techniques, as well as to identify the specifics of the spiritual life of multi-confessional China during the difficult period of the collapse of its imperial history. The article demonstrates the work's place in the metamodern line of contemporary Chinese literature, employing the arsenal of techniques from previous postmodernist prose. At the same time, it

not only raises serious issues of the relationship between faith and religion in China at the beginning of the 20th century but also evokes deep and sincere emotions toward the characters of the novel. Drawing on the events of the novel, the authors substantiate the idea that faith in goodness and supreme justice takes precedence over the formal demands of any given religion. The writer's idea is that at the core of any religion should lie sincere love for humanity and the world around us, the ability to forgive rather than punish, and the ability to live and work for one's faith and dreams. The author uses a comprehensive approach, including narrative analysis (fairytale journey motifs, adventurous elements), historical analysis (identification and interpretation of the historical moment reflected in the work), aesthetic and ethical analysis of the problematic, and a comparative-typological method for determining the synthesis of features of various literary movements. The scientific novelty of the article lies in the fact that for the first time, the problems of the relationship between faith and religion, reflected in Ma Boyong's novel "The Zoo at the End of the World," become the object of a special analysis in Russian Sinology: faith and spirituality in the context of the novel are considered not as synonyms for religiosity, but as its alternative. The problem of the relationship between faith and religion in Ma Boyong's novel "The Zoo at the End of the World" becomes the center of attraction for all formal and semantic elements of the work, defining the general vector of movement of the author's ideas of a complex metamodern text, combining elements of representation of traditional literary forms and the problems of choosing the true faith in the modern multireligious world.

Keywords: moral issues, author's consciousness, system of images, polyreligious world, Chinese religions, problems of faith, contemporary Chinese prose, Chinese novel, Ma Boyong, metamodernist tendencies

References (transliterated)

1. Ma Boyun. Zoopark na krayu sveta / per. s kit. O. Kremlinoi. M.: Laivbuk, 2023.
2. Lee H. A Certain Justice: Toward an Ecology of the Chinese Legal Imagination. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2023.
3. 唐飞虎. 历史小说中的“故事新编”--论马伯庸的“历史可能性”小说 // 牡丹. 2025. 第10期. 第13-15页 (Tang Feihu. "Retelling the Story" in Historical Novels: On Ma Boyong's Novels of "Historical Possibility" // Mudan. 2025. No 10. Pp. 13-15).
4. 吴雅妍, 涂苏琴. 现代感与古典美的交融共生--解读马伯庸历史小说的艺术特色 // 牡丹. 2022. 第16期. 第40-42页 (Wu Yayan, Tu Suqin. The fusion and symbiosis of modernity and classical beauty: An interpretation of the artistic characteristics of Ma Boyong's historical novels // Mudan. 2022. No 16. Pp. 40-42).
5. 吴瑜帆, 王亚丽. 论马伯庸“微观史”小说的叙事建构 // 长江小说鉴赏. 2025. 第16期. 第91-95页 (Wu Yufan, Wang Yali. On the Narrative Construction of Ma Boyong's "Microhistory" Novels // Yangtze River Novel Appreciation. 2025. No 16. Pp. 91-95).
6. 夜雨. 马伯庸: 我喜欢重构历史的乐趣 // 中国出版传媒商报. 09.05.2017. 第10版 (Ye Yu. Ma Boyong: I Love the Joy of Reconstructing History // China Publishing and Media Business. 2017. Sept. 5. P. 10).
7. 周文翰. 每个作家都有一条回到故乡的路--读马伯庸《草原动物园》 // 农家书屋. 2017. 第10期. 第54页 (Zhou Wenhan. Every Writer Has a Journey Back to His Hometown – Reading Ma Boyong's "Grassland Zoo" // Nong jia shu wu. 2017. No 10. P. 54).

Names of dishes and kitchen utensils for preparing koumiss and dairy vodka in Mongolian languages

Bal'zhinimaeva Bayarma Dashidondokovna 

PhD in Philology

Associate Professor; Oriental Institute; Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

90-14 Biyskaya St., Ulan-Ude, Buryatia, 670031, Russia

✉ bairka2002@list.ru

Lavrent'eva Nomin Zoriktoevna 

Graduate student; Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

90-14 Biyskaya St., Ulan-Ude, Buryatia, 670031, Russia

✉ nomin.balzhinimaeva@bk.ru

Abstract. The subject of this study is the vocabulary used to designate kitchen utensils for preparing kumiss and milk vodka. The aim of the study is to identify the full vocabulary of utensils used to prepare kumiss and milk vodka among Mongolian-speaking peoples, representing the most ancient and ethnographically distinct layer of the nominative system. Language vocabulary reflects the cultural and historical characteristics of an ethnic group, conveying centuries-old traditions and lifestyles. Changes in vocabulary are associated with technological progress and social change; it serves as a kind of timeline, recording obsolete vocabulary and archaisms. The study was conducted using a continuous sampling method from language dictionaries, explanatory dictionaries, and dictionaries of traditional everyday life of Mongolian peoples. Methods of linguistic observation, comparative analysis, and etymological analysis were applied. Factual material was also gleaned from field notes collected from informants during expeditions. These data significantly expand the empirical base of the study, ensuring the reliability of the analysis and enabling a comparison of written sources with contemporary linguistic realities. The scientific novelty lies in the identification and description of the names of dishes and kitchen utensils used in the preparation of kumys and milk vodka, as well as the characteristics of the traditional culture of Mongolian-speaking peoples reflected in the analyzed vocabulary. The research results can be applied in academic courses on Mongolian languages and cultural and educational programs aimed at preserving traditional heritage.

Keywords: distillation of dairy vodka, vessels for koumiss, dishes, kitchen utensils, dairy vodka, koumiss, dialects, vocabulary, Mongolian languages, material culture

References (transliterated)

1. Bal'zhinimaeva Ts. Ts., Bal'zhinimaeva B. D. Plast leksiki, otrazhayushchii kochevoi obraz zhizni buryat // Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii Tsentral'noi Azii. Yazyki. Fol'klor. Literatura. – Ulan-Ude, 2000. – S. 38-46.
2. Babuev S. D., Bal'zhinimaeva Ts. Ts. Buryaad zonoï urdanai huudal baidalai tailbari toli (Tolkovyï slovar' traditsionnogo byta buryat). – Ulan-Ude: Izd-vo "Belig", 2004. – 352 s.
3. BAMRS, I – Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' / Otv. red. G. Ts. Pyurbeev. – M.: Academia, 2001. – T. 1. A-G. – 520 s.
4. BAMRS, II – Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' / Otv. red. G. Ts. Pyurbeev. – M.: Academia, 2001. – T. 2. D-O. – 536 s.
5. BAMRS, III – Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' / Otv. red. G. Ts. Pyurbeev. – M.: Academia, 2001. – T. 3. Æ-F. – 440 s.

6. BAMRS, IV – Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' / Otv. red. G. Ts. Pyurbeev. – M.: Academia, 2002. – T. 4. Kh-Ya. – 532 s.
7. BRS – Shagdarov, L. D. Buryatsko-russkii slovar'. V 2-kh t. / Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. – Ulan-Ude: Izd-vo OAO "Respublikanskaya tipografiya", 2006. – T. I. A-N. – 636 s.
8. BRS – Shagdarov, L. D. Buryatsko-russkii slovar'. V 2-kh t. / Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. – Ulan-Ude: Izd-vo OAO "Respublikanskaya tipografiya", 2008. – T. II. O-Ya. – 708 s.
9. Darbakova V. P. Traditsionnye domashnie promysly i remesla mongol'skikh narodov MNR: avtoreferat kand. ist. nauk. – M., 1968. – 18 s.
10. Dondokova D. D. Leksika dukhovnoi kul'tury buryat. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. nauch. tsentra SO RAN, 2003. – 134 s. EDN: QQSCXJ
11. Zuragt tol' (Illyustrirovannyi slovar'). – Ulaanbaatar, 1998. – 343 s.
12. KRS – Kalmytsko-russkii slovar' / Pod red. B. D. Munieva. – M.: Izd-vo "Russkii yazyk", 1977. – 765 s.
13. Mongyol jang üyle-yin nebterkei toli (Entsiklopedicheskii slovar' traditsionnogo byta mongolov). – Khèkh-Khot, 1997.
14. Mongol nyidelchdiin tailbar tol' (Tolkovy slovar' kochevogo byta mongolov). – Ulaanbaatar: Monsudar, 2014. – 611 kh.
15. Mongyol ündüsüten-ü ulamjilaltu soyol-un jiruytu toli (Illyustrirovannyi slovar' traditsionnoi kul'tury mongol'skikh narodov). – Khèkh-Khot, 2002.
16. Pyurbeev G. Ts. Khal'mgudyn zaḡshalta bætsin tælvr tol' (Tolkovy slovar' traditsionnogo byta kalmykov). – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1996. – 176 s.
17. Rassadin V. I. O tyurkskom vliyanii na razvitie mongol'skikh yazykov // Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skikh yazykov. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. – S. 105-111. EDN: VWCJJA
18. Todaeva B. Kh. Yazyk mongolov Vnutrennei Mongolii: ocherk dialektov. – Moskva: Nauka, 1985. – 133 s. EDN: YPSILX
19. Starostin, S. Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). – Leiden; Boston: Brill, 2003. – Part I. A-K, Part II. L-Z, Part III. Indices. – 2096 p.
20. Sundueva E. V. Verbalizatsiya chuvstvennogo vospriyatiya sredstvami kornevykh soglasnykh [r] i [m] v mongol'skikh yazykakh. – Diss. na soisk. uch. step. d.f.n. – Ulan-Ude, 2011. – 425 s. EDN: OPHYZG
21. Sykhbaatar O. Mongol khelnii khar' ygiin tol' (Slovar' inostrannykh slov mongol'skogo yazyka). – Ulaanbaatar, 1999. – 233 kh.
22. Todaeva B. Kh. Slovar' yazyka oiratov Sin'tszyana. – Elista: Kalmytskii institut gumanitarnykh issledovaniy RAN, 2001. – 493 s. EDN: YQMQR
23. Khar'kova S. S. Ob odnom kriterii vyyavleniya tyurkizmov v mongol'skikh yazykakh // Problemy mongol'skogo yazykoznaniya. – Novosibirsk, 1988. – S. 75-82.
24. Tsendee Yu., Pyurbeev G. Ts. Mongolyn oirad ba khalimagiin ulamzhalt akhuin tailbar tol' (Tolkovy slovar' traditsionnogo byta oiratov Mongolii i kalmykov). – Ulaanbaatar, 2016. – 336 kh.
25. Shcherbak A. M. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov. – SPb., 1994. – 192 s.
26. Erdniev U. E. Kalmyki (konets XIX-nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskie ocherki. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1970. – 312 s.

Text frame as a semantic code in the «anti-totalitarian» poems of Anna Akhmatova

Kikhney Lyubov Gennad'evna 

Doctor of Philology

Professor of the Department of History of Journalism and Literature, Moscow University name after A. S. Griboyedov

Office 321, Shosse Entuziastov str., Moscow, 107207, Russia

✉ lgkikhney@yandex.ru

Lamzina Anna Vladislavovna 

PhD in Philology

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages; Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)

9 Institutsky Lane, office 310, Dolgoprudny, Moscow region, 141700, Russia

✉ alamzina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specifics of the framework text in Anna Akhmatova's poems, reflecting the anti-oppressive motives of her work in the era of the Great Terror, and the author's special communicative and creative strategy, which is the subject of research. Decoding hidden meanings, gaining understanding in the reader's environment and the commonality of context, perception of the epoch are important components of the self-determination of the poet – exponent of his time, therefore, for A. Akhmatova, the search for "his reader" was fundamental. Two strategies of interaction with the readership during the mass Stalinist repressions of 1937-1938, "in the terrible years of Yezhovism", generating two types of poetic texts: oriented to the future reader or to a narrow circle of close associates and not yet intended for publication, and ambivalent multifaceted works that are still within the framework of official discourse and are planned for publication, are identified, the selected analysis of which is presented in the article.

By means of historical, biographical and structural analysis methods, it is proved that it is the elements of the text frame (titles, epigraphs, subheadings, dates) they become the most important semantic structures that perform the function of a semantic cipher capable of "sealing" the seditious meaning of the anti-totalitarian ideas and motives of the poetess, hiding them from censorship and, on the contrary, revealing them to a knowledgeable and understanding reader-friend as a kind of "Aesopian language". Special attention is paid to the disclosure of the features of the incorporation of such "filter codes" into the poetics of A. Akhmatova, which seems new and in demand in modern literary criticism.

Keywords: semantic encryption strategy, author's date of poem, dedication, subtitle, epigraph, title, text frame, hidden meanings, Great Terror, poetics of A. Akhmatova

References (transliterated)

1. Semina, A. A. Travma kak opyt pokoleniya v russkoi poezii rubezha XX–XXI vv. (D. Novikov, L. Shevchenko, B. Ryzhii) // Energiya travmy : sb. nauch. st. / GrGU im. Yanki Kupaly ; pod nauch. red. T. E. Avtukhovich. Grodno: GrGU, 2023. S. 307-315.
2. Mikhailova, O., Snigireva, T. Taina Anny Akhmatovoi: slovo i obraz // Quaestio Rossica, 2021. № 9(2). S. 576-590.

3. Rubinchik, O. Anna Akhmatova i sovetskaya tsenzura // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya: sb. nauchn. st. SPb.: SPGUTD, 2005. S. 174-191.
4. Shevchuk, Yu. V. Chuvstvo vremeni v lirike A.Akhmatovoi vtoroi poloviny 1910-kh gg. // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 28, № 22. S. 126-134.
5. Temirshina O.R., Belousova O.G., Afanas'eva O.V. Onomasticheskie kody «Poemy bez geroya» A.A. Akhmatovoi kak skrytaya intertekstual'naya adresatsiya // Litera. 2021. № 12. S.48-56. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.12.37214 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37214
6. Kikhnei, L. G., Lamzina, A. V. Epitaficheskie posvyashcheniya Gumilevu sobrat'ev po peru: igra yavnykh i tainykh smyslov // Nauchnyi dialog. 2021. № 12. S. 256-271.
7. Kikhnei, L. G. «Ezopov kompleks» Anny Akhmatovoi v stalinskuyu epokhu // Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v humanitarnoi i sotsial'noi sfere: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva – Penza, 25–26 iyunya 2020 g.). Moskva – Penza, 2020. S. 52-63.
8. Akhmatova, A. A. Sobr. soch.: V 6 t. T. 1. Stikhotvoreniya, 1904–1941. M.: Ellis Lak, 1998.
9. N. N. Peterburgskii iskhod («Prichitanie» Anny Akhmatovoi i traditsii drevnerusskoi literatury) // Anna Akhmatova: pro et contra. T. 2. / Sost. S. A. Kovalenko. SPb.: Russkaya Khristianskaya humanitarnaya akademiya (RKhGA), 2005. S. 721-745.
10. Akhunova, R. R. Osobennosti interpretatsii bibleiskikh zhenskikh obrazov v lirike A. A. Akhmatovoi // Kul'tura i tekst. 2021. № 3 (46). S. 239-245.
11. Rubtsova, T. E. Motiv koldovstva v lirike A. A. Akhmatovoi, M. I. Tsvetaevoi i A. A. Barkovoi // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya 2. Issledovaniya po filologii. 2023. № 4. S. 86-94.
12. Vulis, A. Z. Literaturnye zerkala. M.: Sov. pisatel', 1991.
13. Pyatkin, N. S. K probleme fol'klorizma poezii Anny Akhmatovoi // Științe umanistice și arte. Științe exacte și ale naturii. 2023. Vol. 3. S. 118-124.
14. Broitman, S. N. Istoricheskaya poetika: uchebnoe posobie. M.: Ros. gos. gumanitar. un-t, 2001.
15. Mikhailova, G. P. Shekspirovskie istochniki temy «potaennoi viny» i grekhovnogo soznaniya v «Poeme bez Geroya» Anny Akhmatovoi // SlavVaria, 2021. № 1(1). S. 153-166.
16. Retsepter, V. «Eto dlya tebya na vsyu zhizn'» (A. Akhmatova i «shekspirovskii vopros») // Voprosy literatury. 1987. № 3. S. 195-210.
17. Naiman, A. G. Rasskazy o Anne Akhmatovoi: Iz kn. «Konets pervoi poloviny KhKh veka». M.: Khudozh. lit., 1989.
18. Yakovleva, L. A. Apokalipsicheskaya semantika v poezii Anny Akhmatovoi: dis. ... kand. filol. n., 10.01.01. M., 2014.
19. Kheit, A. Anna Akhmatova: Poeticheskoe stranstvie. Dnevnik, vospominaniya, pis'ma A. Akhmatovoi. M.: Raduga, 1991.
20. Mandel'shtam, O. E. Sbranie sochinenii v 2 t.: T. 1. M.: Khudozh. lit., 1990.

Analysis of Conceptual Metaphors in Environmental Discourse from the Perspective of the Formation of Country Image (Based on Xi Jinping's International Environmental Speeches)

Zhang Yiwei 

Abstract. The subject of this study is the types of conceptual metaphors in the ecological speeches of China's President Xi Jinping. The object of research is the specific roles of conceptual metaphors. The author delves into 15 types of metaphors found in Xi Jinping's speeches, among which anthropomorphic metaphors (mainly reflecting the relationship between humans and nature, the various roles of developed and developing countries in global environmental governance), road metaphors (mainly depicting the correct path of multilateralism in environmental protection), construction metaphors (mainly highlighting the central role of the United Nations in global environmental governance and China's specific work on ecological construction), and others can be distinguished. Special attention is given to the reflection of President Xi Jinping's intentions through the use of metaphorical means in ecological texts. Within the framework of this study, the MIP metaphor identification procedure was used, and a corpus of 22 speeches delivered by Xi Jinping at various environmental forums and summits from 2013 to 2024 was analyzed. The scientific novelty of this article lies in the study of Xi Jinping's ecological texts from the perspective of national image formation. Based on the generalization of the national image formed through metaphors in Xi Jinping's international ecological speeches, the following three key aspects were highlighted: 1) China's image as a country that shows care for people and holds the correct view of nature and ecology; 2) China's image as a responsible great power that seeks to contribute Chinese wisdom and solutions to global environmental governance and take on the challenging tasks of environmental governance; 3) China's image as a country adhering to an eco-centric international system based on international law, and supporting the order of global environmental governance.

Keywords: anthropomorphic metaphors, The role of metaphor, Environmental image, country image, political metaphorology, Chinese linguistics, Chinese language, political discourse, ecological construction, conceptual metaphors

References (transliterated)

1. Si Tszin'pin. O podderzhanii garmonichnogo sosushchestvovaniya cheloveka i prirody. Pekin: Tsentral'noe literaturnoe izdatel'stvo, 2022.
2. Martin I.M., Eroglu S. Measuring a multi-dimensional construct: Country image // Journal of Business Research. 1993. No. 28(3). P. 191-210.
3. Lyan Yui. Binarnoe vyrazhenie samoformiruyushchegosya natsional'nogo imidzha v mezhdunarodnykh uchebnikakh kitaiskogo yazyka // Vestnik Yun'nan'skogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 54(03). S. 57-65.
4. Gizatova G.K., Gennad'evna I.O. Imidzh kak konstrukt sotsial'noi real'nosti // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2021. № 4-5. S. 222-229.
5. U Tszyan'go, Ma Chun'yu, Sun Yue. Kriticheskii metaforicheskii analiz kitaiskogo diplomaticheskogo diskursa: perspektiva formirovaniya natsional'nogo imidzha // Yazykovaya strategiya Kitaya. 2024. № 11(01). S. 141-150.
6. Nyu Khe. Formirovanie imidzha Kitaya v zapadnykh massmedia v kontekste initsiativy «Odin poyas — odin put'» (po materialam britanskogo novostnogo telekanala BBC News) // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2023. № 4. S. 784-800.
7. Gromorushkina A. A. Kontseptual'naya metafora v ekologicheskom diskurse SMI //

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 4 (820). S. 91-99.

8. Chzhao Yan'fan. Metaforicheskaya kognitivnaya struktura yazyka — Obzor «Metafory, kotorymi my zhivem» // Prepodavanie i issledovaniya inostrannykh yazykov. 1995. № 3. S. 67-72.
9. Lakoff, G., Johnson, M. The Metaphors We Live By, 1980.
10. Group, P. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. Metaphor and Symbol, 2007, No. 22(1). S. 1-39.
11. Ven' Tsyufan. Kontseptual'nye, mezhlichnostnye i tekstovye funktsii antropomorfnoi metafory «Soobshchestva chelovecheskikh sud'by» — analiz vystupleniya Si Tszin'pina na Obshchikh debatakh 70-i General'noi Assamblei Organizatsii Ob"edinennykh Natsi // Vestnik inostrannykh yazykov. 2017. № 3. S. 1-6.
12. Du Yunsin', Chen' Rudun. Issledovanie kontseptual'nykh metafor i ikh funktsii v diskurse kitaiskoi ekologicheskoi tsivilizatsii // Vestnik Kitaiskogo neftyanogo universiteta. 2022. № 40(02). S. 75-82.

Compositional and linguistic features of argumentative statements in scientific discourse

Shashkova Valentina Nikolaevna

PhD in Philology

Professor; Department of Foreign and Russian Languages; Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov

302000, Russia, Oryol region, Orel, Trudovye rezervov str., 6, sq. 1

✉ valentina.shash@mail.ru



Abstract. This article examines the compositional and linguistic features of argumentative statements as a key component of scientific discourse. The aim of the study is to systematize the compositional and linguistic features of argumentative statements in scientific discourse and to identify the mechanisms for constructing effective argumentation in the scientific field. The object of the study is scientific discourse as a set of texts supporting the professional communication of scientists, within which argumentative statements are realized. The subject of the study is the compositional structure, reflecting the optimal communicative framework for interaction in the scientific environment, represented by a sequence of communicative tactics, and the linguistic means selectively used to formulate a persuasive statement. The study also examines the mechanisms of interaction between structure and linguistic means, which is a necessary condition for increasing the effectiveness of scientific communication. The methodological basis of the study is discourse analysis aimed at identifying argumentation strategies in scientific texts; a communicative-functional approach focused on identifying the communicative framework of the statement; and argumentation theory which proposes an initial nomenclature of arguments. Methods of compositional analysis, linguistic description, and identification of conceptual argumentation schemes are also used. Based on research articles, the following types of arguments were identified as recurring: appeal to authority, arguments from reality, arguments from effectiveness and consequences, inductive arguments, normative arguments, and arguments from balance. Stable correlations were also identified: argument from authority is combined with argument from effectiveness, argument from consequences, and normative argument; argument from reality is combined with inductive argument, argument from consequences, and argument from balance. Among the linguistic means supporting argumentation, authorizing constructions, means of textual

cohesion, evaluative vocabulary, the modal meanings of necessity and the author's confidence in the veracity of the message, and terminological richness were identified. The scientific novelty of the study lies in its comprehensive approach to the study of argumentation, focusing on compositional blocks reflecting the communicative framework of the text and linguistic means aimed at convincing the addressee of the veracity of the message. The results may be useful to young scientists and should contribute to improving the quality of their scientific communication practices. For teachers, the results may be of interest in terms of methods for creating both written scientific texts and public presentations at conferences and symposia.

Keywords: text type, communicative frame, communicative tactic, communicative strategy, scientific discourse, counterarguments, supporting arguments, arguments, argumentation, means of text cohesion

References (transliterated)

1. Kubryakova, E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M. : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 560 s. EDN: SUQHIP.
2. Shashkova, V. N. Kommunikativno-tselevaya spetsifika i osobennosti modal'nogo plana tekstov uchebno-didakticheskogo kharaktera: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Orel, 2006. 224 s. EDN: NOAELH.
3. Baranov, A. G. Funktsional'no-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta. Rostov-na-Donu, 1993. 181 s.
4. Klyuev, E. V. Rechevaya kommunikatsiya. M.: RIPOL KLASSIK, 2002. 320 s.
5. Shashkova, V. N. Problema klassifikatsii tekstov yuridicheskogo diskursa // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 2 (108). S. 161-167. EDN: LDNUDZ.
6. Sorokina, S. G. Vidy argumentatsii v nauchnykh publikatsiyakh (na primere angloyazychnykh statei) // Nauka i kul'tura Rossii. 2013. T. 2. S. 219-221. EDN: TFOINZ.
7. Kostyushkina, G. M., Fan, Ch. Printsipy analiza argumentativnogo otritsaniya // Obshchestvo. 2024. № 3-1 (34). S. 25-30. EDN: CQFKWU.
8. Morozova, N. V. Problemy sovershenstvovaniya poriyadka obespecheniya zashchity prav nesovershennoletnikh poterpevshikh v ugovnom sudoproizvodstve // Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2024. № 3 (100). S. 232-240. EDN: RFBMJD.
9. Arutyunova, N. D. Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 357 s. EDN: YKBSRJ.
10. Tseitlin, S. N. Neobkhodimost' // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. S. 142-156. EDN: QKCWSM.
11. Bystrova, Yu. V. "Zakaznye" ubiistva: ugovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty // Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2024. № 1(98). S. 91-96. EDN: EBICAIB.
12. Shashkova, V. N. K voprosu o tipologii otsenok // Vysokie tekhnologii i innovatsii v nauke: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii GNII "Natsrazvitie". Sankt-Peterburg, 28 iyulya 2018 goda. Sankt-Peterburg: Chastnoe nauchno-obrazovatel'noe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya Gumanitarnyi natsional'nyi issledovatel'skii institut "NATsRAZVITIE", 2018. S. 160-164. EDN:

YHEMYH.

13. Belyaeva, E. I. Dostovernost' // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. S. 157-169.
14. Vladimirov, V. Yu., Gavrilin, Yu. V. Tsifrovizatsiya kriminalisticheskoi registratsii. Dve storony medali // Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2023. № 4 (97). S. 193-201. EDN: DTJPSG.
15. Gal'perin, I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 139 s. EDN: VXKANF.

Emotional language in Political Discourse: an evaluative approach to the analysis of speech impact

Smirnova Daria Evgenievna 

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages; Belgorod State National Research University
85a Pobedy St., 35 block, Belgorod region, 308015, Russia

✉ smirnova_d@bsuedu.ru

Markov Aleksandr Vladimirovich

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages; Belgorod State National Research University
308015, Russia, Belgorod region, Belgorod, Chapaeva St., 13, sq. 44

✉ markov@bsuedu.ru

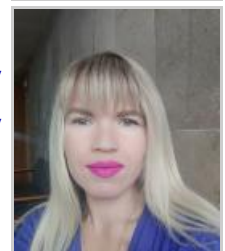


Shemaeva Elena Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Belgorod State National Research University
69 Kostyukova str., sq. 128, Belgorod region, 308012, Russia

✉ shemaeva@bsuedu.ru



Miroshnichenko Larisa Nikolaevna 

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Belgorod State National Research University
Yesenina str., 36, block 81, Belgorod region, 308031

✉ miroshnichenko_l@bsuedu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of emotional language as a key tool of political discourse that determines the nature of speech influence and the formation of public opinion. Emotional language is considered not just as an expressive means, but as an important mechanism for constructing meanings. In today's mediatized politics, emotions are becoming a powerful resource for influencing the electorate: they help politicians build trust, increase engagement, and evoke an emotional response from the audience. The research is based on the provisions of modern political linguistics, pragmatics and discourse analysis, which consider language as a tool of persuasion and manipulation. Using the example of Donald Trump's 2016 speech, it is shown that emotionally colored words and expressions perform the function of not only enhancing expression, but also structuring a political message, setting a framework of interpretation for listeners and forming a stable emotional image of a politician. The evaluation analysis model developed by J. Martin and P. White is

used as the main method. Within the framework of this approach, all emotionally colored units of speech are identified, classified into three categories – affect (emotions), judgment (assessment of human behavior) and appreciation (assessment of phenomena and objects), and their quantitative and qualitative analysis is carried out. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the model of evaluative analysis by J. Martin and P. White was applied to the study of emotional language in political discourse based on the material of Donald Trump's 2016 speech. This approach made it possible to identify patterns of the use of emotionally colored vocabulary and to determine its role in the formation of moral and ideological assessments. The analysis showed that emotional language performs not only an expressive, but also a strategic function – it is used to construct a political identity, mobilize support, create a positive image of a politician and discredit opponents. Special attention is paid to the category of judgment, especially its subcategory social sanction, reflecting moral judgments and social expectations. The results obtained clarify the ideas about the pragmatic potential of evaluative vocabulary and demonstrate its importance for shaping political influence in modern conditions. The findings of the study can be used in a comparative analysis of emotional language in different cultural and historical contexts.

Keywords: evaluation analysis, persuasion strategy, Donald Trump, political communication, manipulation, linguistic pragmatics, speech influence, political discourse, emotional language, political rhetoric

References (transliterated)

1. Cuddon J.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / J.A. Cuddon. – London: The Penguin Group, 1999. – P. 257.
2. Halliday M.A.K., Matthiessen C. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday, C. Matthiessen. – 2nd ed. – London: Arnold, 2004. – P. 75.
3. Hunston S. Corpus Approaches to Evaluation: Phraseology and Evaluative Language / S. Hunston. – New York: Routledge, 2011. – P. 1.
4. Lopez A. Targeting Media / A. Lopez. – Sydney: Copyright Agency Limited, 2000. – P. 19.
5. Macagno F., Walton D. Emotive Language in Argumentation / F. Macagno, D. Walton. – New York: Cambridge University Press, 2014. – P. 4.
6. Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English / J.R. Martin, P.R.R. White. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 210-261. – DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230511910>.
7. Meidner O. Emotive Meaning // Concise Encyclopedia of Philosophy of Language / Ed. by P. Lamarque. – Oxford: Elsevier Science Ltd., 1997. – P. 113.
8. Trump D. Remarks at the Charlotte Convention Center. Charlotte, North Carolina, August 18, 2016. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/>.
9. Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian / B. Volek. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987. – P. 233.
10. Wales K. A Dictionary of Stylistics / K. Wales. – New York: Routledge, 2014. – P. 21.
11. Biryukova E.V. Reprezentatsiya kategorii emotivnosti v rechi prezidenta Vudro Vilsona // Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: materialy III mezhvuz. nauch.-prakt. konf. – SPb., 2006. – S. 37-41.
12. Shakhovskii V.I. Emotsii v kommunikativnoi lingvistike // Gorizonty sovremennoi lingvistiki: traditsii i novatorstvo / V.I. Shakhovskii. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur,

2009. – С. 312. – EDN: TSYORR.

Three Sisters: Tripling the Archetipal Image in the Works of Feodor Dostoevsky, Feodor Sologub and Anton Chekhov

Liashenko Tatiana 

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign and Russian Languages; Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBAnamed after K.I. Scriabin

23 Akademika Skryabina str., Moscow, 109472, Russia

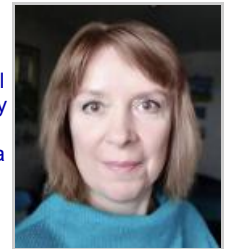
✉ po-ruski@list.ru

Kislovskaya Larisa

Senior Lecturer; Department of Foreign and Russian Languages; K.I. Scriabin Moscow State Pedagogical University

23 Akademika Skryabina str., Moscow, 109472, Russia

✉ kislovskaya.lara@yandex.ru



Abstract. The object of study is the archetypal image of three sisters in Feodor Dostoevsky's novel "The Idiot", Feodor Sologub's novel "The Minor Demon" and Anton Chekhov's drama "The Three Sisters". Each of the three novels has undoubtedly attracted the attention of researchers many times, but the archetypal approach makes it possible to see familiar characters from the point of view of the manifestation of images of the collective unconscious in them. Special attention is paid to the technique of tripling the archetype, which was used in works of oral folk art, and evolved in literary texts, adapting to specific artistic tasks. Using the example of the image of three sisters in myths, fairy tales and literary texts, one can trace how the features of the archetypal sister are absolutized, and the image itself goes beyond formal kinship relations, acquiring truly supernatural power. The research is based on Carl-Gustav Jung's theory of archetypes and a mythopoetic approach to literary text. Author of the article conjectures that in Feodor Dostoevsky's novel, the three sisters are the most attractive of the "beginnings" of existence; in Feodor Sologub's novel they are depicted as seductive and sensual, in Anton Chekhov's drama they are ephemeral and pathetically unsuited to a rough life. But in all three novels we see common features: firstly, the three sisters always have an influence on the behavior of other characters.; secondly, they certainly fit into their environment as a harmonious part of it, they do not seem repulsive to others, although they may arouse suspicion, fear, even horror, but these feelings do not turn them into outcasts; thirdly, they are not only an instrument of fate, but also victims of it, they are not above fate and from they are not free.

Keywords: tripling the archetype, sacralization of the image, fairy tale, myth, mythopoetic approach, archetypal analysis, Feodor Sologub, Feodor Dostoevsky, Anton Chekhov, the archetype of the sister

References (transliterated)

1. Skazochnyi Sakhalin: kniga skazok. Moskva: PressPass, 2021. 110 s.
2. Dostoevskii F. M. Idiot / Fedor Dostoevskii. Moskva: Eksmo, 2020. 640 s.
3. Sologub F. Melkii bes. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2020. 384 s.

4. Chekhov A. P. Tri sestry // Vishnevyy sad: p'esy / A. P. Chekhov. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2024. 352 s.
5. Kibal'nik S. A. "Tri sestry" Chekhova i ikh pretekst u Dostoevskogo // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2024. № 87. S. 221-232. DOI: 10.17223/19986645/87/12 EDN: SENXKU.
6. Lyashenko T. M. Arkhetipicheskii obraz sestry v romane F. Sologuba "Melkii bes" // Yazyk kak material slovesnosti: XXV nauchnye chteniya, Moskva, 22 oktyabrya 2022 goda / Literaturnyi institut imeni A. M. Gor'kogo. Kazan': Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Buk", 2022. S. 80-91. EDN: VLRILS.
7. Lyashenko T.M. Strashnaya skazka: arkhетipicheskoe sodержanie dramy A.P. Chekhova «Tri sestry» // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 1. S. 137-151. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.1.72674 EDN: BXQFPM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72674
8. Nordshtrem A. E. Zagadki p'esy A. P. Chekhova "Tri sestry": uchebnoe posobie; Rossiiskii gosudarstvennyi institut stsénicheskikh iskusstv. Sankt-Peterburg: RGISI, 2022. 149 s.
9. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. 544 s. EDN: IKBZAL.
10. Frantsova N. V. Opyt mifopoeticheskogo prochteniya p'esy Chekhova "Tri sestry" // Chekhovskie chteniya v Yalte: Sbornik nauchnykh trudov. Tom 11. Simferopol': DOLYa, 2007. S. 179-192. EDN: PMMEAE.